Тверской государственный университет | Исторический факультет

Отделение Российского исторического общества в Тверской области

ПУТЬ В НАУКУ

МАТЕРИАЛЫ

ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

16 апреля 2026 г.

К 260-летию выдающегося российского историка Николая Михайловича Карамзина

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Исторический факультет
Отделение Российского исторического общества в Тверской области

ПУТЬ В НАУКУ

Материалы Всероссийской (с международным участием)
научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых,
посвященной памяти
выдающегося российского историка
Н.М. Карамзина

Тверь, 16 апреля 2026 г.

Тверь 2026

УДК 94(470)(082)
ББК Т.я431
П90

П90 Путь в науку: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Тверь, 16 апреля 2026 г. / Сост., ред. Д.Н. Воробьев, Т.Г. Леонтьева. – Тверь: Тверской государственный университет, 2026. – 456 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов участников Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку», посвященной памяти выдающегося российского историка Н.М. Карамзина (г. Тверь, исторический факультет ТвГУ, 16 апреля 2026 г.). Часть докладов, представленных на конференции, приурочена к 260-летию со дня рождения Н.М. Карамзина и к 180-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая, другие касаются различных аспектов всеобщей истории, истории России, археологии и памятниковедения, документоведения и архивоведения. Издание предназначено для студентов и специалистов в области истории, археологии, архивного и музейного дела.

ISBN 978-5-7609-2180-2

УДК 94(470)(082)
ББК Т.я431

© Тверской государственный университет, 2026
© Авторы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

К 260-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА (1766–1826 гг.)

Ефремов А.В. Проблема верификации исторических источников в научном наследии Карамзина 7

Иванова А.И. Россия и Европа глазами русского путешественника: культурные особенности и национальные характеры в путевых заметках Н.М. Карамзина 14

Карпова Я.А. Визит Н.М. Карамзина в усадьбу Бакуниных Прямухино: к вопросу об актуализации архитектурного наследия Тверской области 20

Усманов Б. Историософские концепции немецкого Просвещения в трудах Н.М. Карамзина 35

ИСТОРИЯ РОССИИ

Дмитриева А.Н. Технический прогресс как фактор снижения остроты продовольственного кризиса в Ленинграде (1944–1960 гг.) 41

Дмитрук М.В. Китайские подданные в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: причины и пути переселения 45

Забелин С.В. От частных инициатив к институционализированному гуманитарному участию: подданные Российской империи в Сербско-турецкой войне 1876 г. 52

Касаткина Д.А., Иванова А.И. Город Наро-Фоминск в лицах. Здесь жил художник Пугачев Степан Георгиевич 59

Ковалева А.А., Лепихова А.К. Двор, душа и государево тягло: страницы налоговой истории России (по материалам книги «Малоярославец: Материалы для истории города») 64

Козлов Н.А. Церковные причты Тверского уезда как земельные собственники: конец XVIII – начало XX века 72

Космачева Е.М. Историко-правовой анализ обеспечения безопасности железных дорог в Российской империи XIX века 78

Оралов Н.Е. Образ Витте в творчестве дореволюционных карикатуристов 87

Полякова В.А., Рябова М.С. Война глазами женщины 93

Садикова А.С. Реформы Петра Великого: отражение в школьных учебниках 100

Сильченко М.Д., Султанова М.М. Родина говорит голосами своих людей: история Героя Советского Союза Сергея Георгиевича Курзенкова 105

Федорова А.Ю. Школа-коммуна как педагогический эксперимент в фильме «Путевка в жизнь» 111

Шрамченко О.В., Дудкина С.П. Европейская гуманитарная традиция в становлении высшего образования в России (XV – первая половина XVIII в.) 119

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКА, ЭТНОГРАФА И АНТРОПОЛОГА Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ (1846–1888 гг.)

Боровских А.Д. Конструируя «другого»: индийские религиозные практики в миссионерском дискурсе XIX века 129

Власов Н.А. Формирование национальной идентичности в контексте Рисорджименто 137

Горылев А.А. Межэтнические взаимодействия участников немецких фрайкоров в Восточной Европе (на примере Гражданской войны в России) 144

Грибашова А.П. Студентки из Индии как часть городского сообщества (на примере Твери) 149

Евдокимов И.А. Рецепция итальянского «Sessantotto» в трудах Антонио Негри: историко-философский анализ и практика 1968 года 154

Забелина Е.Н. Передача традиции в «эпоху цифры»: эволюция образа и социальной роли женщины-мастера в золотном шитье 161

Измайлов А.Р. Сотрудничество без колониализма: социально-экономические проекты Н.Н. Миклухо-Маклая в Океании 167

Касаткин О.А. Официальный дискурс о Китае в США 1940–1980-х годов 173

Корнеев М.А. Средства массовой информации как инструмент формирования общественного мнения о войне во Вьетнаме 181

Лавров Е.И. Уотергейтский скандал и образ политической власти США в американском игровом кинематографе 1970-х гг. 186

Левицкая Л.С. Репрезентация проблем гендерного неравенства в современной женской прозе Южной Кореи 192

Лозинская П.В. Концепция «освобождения женщины» Касима Амина как фактор становления египетского феминизма 201

Павлова В.А. Образ ученых женщин в дискурсе итальянских гуманистов 209

Рогозин М.В. Образ «варвара» в древнегреческой лирической поэзии VII–VI вв. до н. э. 216

Ротчева Д.С. Репрезентация образа учительницы в социальных сетях и профессиональном дискурсе 224

Спиридонова Д.С. Женские британские травелоги о путешествии на Ближний Восток XIX – начала XX вв. как опыт ранних этнографических исследований 233

Тиблевич М.В. Восприятие «Великой войны» в интерпретации писателей-фронтовиков 241

Титкова Э.М. Визуальные образы современников в художественном творчестве княгини Кристины ди Бельджойозо 247

Утицких Н.В. Женщины в системе родства и семейной иерархии в империи Цин (по роману Цао Сюэциня «Сон в красном тереме») 254

Федорова Е.С. Аболиционизм как фактор формирования женского движения в США в XIX веке 260

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Бойков Н.С. Династическая политика Наполеона как инструмент объединения Европы 267

Иванов Д.А. Доблесть и фортуна в исторической концепции Н. Макиавелли 278

Костюков Д.С. Венгерский вопрос в империи Габсбургов на рубеже XIX–XX вв. 283

Мамедова Н.Н. Симабарское восстание как катализатор самоизоляции Японии: политико-религиозные корни 290

Маслухина М.С., Корнилова С.К. Идеал женщины в куртуазной культуре XII–XV вв. как отражение античных литературных образов 296

Молозева Д.М. Трансформация пути самурая в эпоху Токугава: от эстетики смерти к этике служения 301

Цветков М.А. Внешняя политика Октавиана Августа на аравийском и африканском направлениях 308

Чжан Сяолин История государственного гимна КНР: предпосылки создания, процесс распространения и эволюция статуса (к 95-летию со дня создания) 315

АРХЕОЛОГИЯ И ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

Батенко В.Р. Опыт музеефикации античных памятников Северного Причерноморья на примере Горгиппии и Пантикапея 330

Белякова Н.А. Пространственно-типологический анализ и социокультурная интерпретация захоронений с оружием в обрядовой погребальной культуре Древней Руси 337

Гребенюк С.П. Первые стационарные археологические исследования Северного Приохотья (1954–1964 гг.) 348

Дергунов С.И. История изучения памятников каменного века в Вышневолоцком Поозерье 356

Дыбочкин И.О. Археологические памятники раннего железного века Ржевского Поволжья: пространственный анализ 367

Маслов А.Ю. Реконструкция системы питания населения Восточной Европы в раннем железном веке: источники и методы исследования 375

Павлов А.А. Опыт экспериментальной археологии в современной скандинавистике 385

Середова Е.Д. Железные ножи с памятников дьяковской культуры Верхневолжья: функционально-морфологический анализ 392

Челедкова Т.М. Средневековые некрополи г. Твери по данным археологии 401

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ

Архипов Е.А. Постановления политотдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги за 1940–1942 гг. как распорядительные документы 410

Варежкина В.Д. Приказы по производственной деятельности директора Тверского театра юного зрителя за 1965–1995 годы как распорядительные документы 417

Вязовченко А.В. Биографические материалы в личном архивном фонде А.М. Ильвовского как информационные документы 423

Титанов И.А. Протоколы заседаний партийного бюро партийной организации Управления милиции по Калининской области за 1946–1950 гг.: информационные возможности документов 433

Филиппова Д.С. Переписка уполномоченного совета по делам религий по Калининской области как информационный документ 442

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 451

К 260-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА (1766–1826 гг.)

ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ КАРАМЗИНА

А.В. Ефремов
Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево

Научный руководитель – М.М. Рябова,
старший преподаватель

Аннотация. В статье рассматривается проблема верификации исторических источников в научном наследии Н.М. Карамзина. На основе анализа «Истории государства Российского» и «Примечаний» выявляется противоречивая природа источниковедческого анализа Карамзина. Он впервые ввел многие источники, заложил основы методологии их анализа, однако его подход отличался ярко выраженной избирательностью, подчиненной идеологической концепции самодержавия. Автор приходит к выводу, что данное противоречие сделало труд Карамзина переломным моментом в российской историографии, поставив вопрос о пределах объективности историка.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, «История государства Российского», источниковедение, историография, самодержавие, Иван Грозный, норманнская теория, субъективность, верификация, исторический источник, объективность, критика*.

«Управляюсь мало-помалу с царем Иваном. Казань уже взята, Астрахань наша, Густав Ваза побит, а орден меченосцев издыхает, но еще остается много дела и тяжелого: надобно говорить о злодействах почти неслыханных. Калигула и Нерон были младенцы в сравнении с Иваном»[1]. Эти строки Николай Михайлович Карамзин писал в письме к Дмитрию Тургеневу от 9 сентября 1815 г.[2] во время работы над «Историей государства Российского». Значение этого труда для российской историографии невозможно переоценить. Карамзин сделал историю России доступной широкому читателю, превратив ее в увлекательное повествование. При написании «Истории государства Российского» он

[1] *Афанасьева А.К., Эдельман О.В.* [Вступительная статья: Письма Н.М. Карамзина, 1806–1825 гг.] // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. Вып. 2–3. С. 7–10.
[2] *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. 2. С. 540.

опирался на широкий спектр источников, многие из них Карамзин ввел впервые в исторический дискурс. Карамзин писал свою историю в первые десятилетия после Великой французской революции, которая потрясла весь монархический мир. Ее события – от казни короля до революционного террора и последовавших за ним Наполеоновских войн – побудили правящие круги Российской империи обратиться к истории для выполнения двух идеологических задач, о которых писал сам Карамзин: «приучить россиян к уважению собственного иначе говоря, возбудить патриотические настроения и продемонстрировать русскому обществу, в чем состоит его особость, национальная индивидуальность»[3]. Карамзин, будучи монархистом и выполняя государственный заказ (он стал официальным историографом 31 октября 1803 г.), выделял главную особенность русского государства и русского народа – самодержавие. В его интерпретации последнее – не просто форма правления, а главная национальная идея[4]. Поэтому «История государства Российского» является в первую очередь историей самодержавного правления, написанной с обильным применением различных художественных приемов и в немалой степени идеологизированной. Впоследствии данные особенности первой полноценной работы по истории России стали объектом критики, но особый интерес для исследования представляют методы отбора Карамзиным исторических источников, которые зачастую подвергались субъективной эмоциональной оценке, что отражается в представленной выше цитате самого историка. Карамзин, безусловно, внес огромный вклад в российскую историографию, но он же своей работой впервые в истории поднял вопрос о пределах объективности историка при работе с историческими источниками.

Целью данного исследования является изучение методов Карамзина по верификации исторических источников. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько исследовательских задач: проанализировать методы Н.М. Карамзина по отбору исторических источников, рассмотреть на конкретных примерах пределы объективности источниковедческого анализа Карамзина, определить значение объективности при верификации источников для современной историографии.

Для оценки методов верификации источников, которые применял Н.М. Карамзин, необходимо отметить, что в российской исторической науке к началу XIX в. существовал опыт анализа разнообразных источников. Главной задачей было их накопление и систематизация, однако строгая методология и критический анализ были развиты слабо. Например, В.Н. Татищев впервые опубликовал «Русскую правду» и

[3] *Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. М., 2017. С. 5.

[4] *Летняков Д.Э.* Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. № 1. С.72–85.

Судебник 1550 года, но в своей главной работе – «Истории Российской с самых древнейших времен» он использовал зачастую непроверенные источники, за что впоследствии подвергся острой критике со стороны М.М. Щербатова[5]. Он в противовес Татищеву издал собственный вариант «Истории Российской от древнейших времен», приложив к своему труду около 300 различных документов, многие из которых вводились в исторический дискурс впервые, однако это все еще была работа по сбору источников, но не их критическому анализу. Также большой вклад в развитие исторической науки в России внес М.В. Ломоносов, который в своих работах сделал яркий акцент на продвижении антинорманнской теории зарождения российской государственности[6]. Его исторические труды должны были служить в первую очередь формированию патриотического сознания, и данная позиция была в полной мере воспринята Карамзиным. Его идеологическая концепция самодержавия как национальной особенности и опоры России нашла свое отражение в «Примечаниях». «Тем взыскательнее и строже Критика; тем непозволительнее Историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах»[7] – данная позиция Карамзина о критике исторических источников описывает его метод анализа, включающих их расшифровку, сличение списков, указание на противоречивые места и объяснение данных противоречий. Представление об истории, как о священной книге народа, является основой для дальнейшей работы с комплексом исторических источников – понимание истории как нравственного компаса нации и использование религиозной лексики демонстрирует сакральное отношение к истории. Карамзин подчеркивает, что история «мирит его (гражданина) с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось»[8]. История Карамзина наставляет человека на путь служения государству и эта интерпретация имеет прямое отношение к проблеме верификации источников. Карамзин, преподнося исторический труд как священный, невольно сталкивается с необходимостью создания канонического текста, требующего четкого отбора используемых источников. При этом сам Карамзин отмечает, что «История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть могло»[9], но сразу после этого говорит о том, что историк обладает свободой формы. В этом заключается главная суть метода работы Карамзина с источниками: не меняя содержание,

[5] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 140.
[6] Там же. С. 37
[7] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1997. Т. 1. С. 12.
[8] Там же. С. 11.
[9] Там же. С. 13.

преподносить в необходимой историку форме, интерпретируя мысли, мотивы и значение поступков разных исторических личностей. Сочетание художественного вымысла, субъективная интерпретация, эмоциональная окраска отобранных источников, которые не всегда достоверны – данные особенности понимания истории стали объектом критики. Нравственная оценка для Карамзина имеет высокое значение и это сыграет свою роль в описании самых разных событий. Именно благодаря обилию нравственных оценок Карамзин также получит неофициальный титул «последнего летописца». Наиболее ярко вышеописанные особенности «Истории государства Российского» проявились в описании зарождения российской государственности с точки зрения норманнской теории и в создании образа Ивана Грозного как тирана.

Говоря о норманнской теории в творчестве Карамзина, можно отметить, что он полностью поддерживает данную точку зрения, связывая призвание варягов с «счастливым возникновением монархической власти»[10], привнося при этом собственную оценку, утверждая, что норманны имели более высокий уровень развития, нежели чем славяне, что и обусловило их цивилизаторскую миссию. Его норманнская теория не имеет под собой прочной научной основы, так как базируется только на «Повести временных лет». Карамзин, рассуждая о призвании варягов, фактически отказался от критического анализа единственного источника, приняв летописную легенду как достоверное историческое свидетельство. Кроме того, норманнская теория гармонично вписывалась в его историю самодержавия в России, поэтому он не подверг ее полноценному критическому анализу. В этом проявилось главное противоречие истории и идеологии. Для обоснования исторической закономерности самодержавия Карамзин принял на веру источник, который в наши дни считается далеко не самым достоверным.

Еще более отчетливо субъективность метода отбора источников Карамзина проявилась при описании эпохи Ивана Грозного. До Карамзина никто не высказывался настолько резко об этой фигуре русской истории[11]. В основу его видения личности Ивана Грозного легла концепция «двух Иванов», которую сформулировал М.В. Ломоносов. Ее суть заключалась в том, что в XVI в. существовало два Ивана – один добрый, великодушный царь, другой – тиран[12]. Условной границей между ними является смерть первой жены Ивана Грозного – Анастасии. Такая трактовка вполне укладывалась в самодержавную концепцию истории Карамзина, которому требовалось и показать правильность самодержавной монархии, но вместе

[10] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 70.

[11] *Пенской В.В., Пенская Т.М.* Рождение «тирана»: Иван Грозный и отечественная «иваниана» – историографические заметки // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2023. № 2. С. 167–185.

[12] *Филюшкин А.И.* Сотворение Грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. Т. 3, № 4. С. 128.

с тем объяснить неоднозначные решения Ивана Грозного. Карамзину был нужен антигерой российской истории, который должен был стать образцом для морального осуждения. Для анализа личности Ивана Грозного и его деяний Карамзин использовал достаточно тенденциозный набор источников, центральное место среди которых заняли сочинения князя Андрея Курбского «История о делах великого князя Московского» и многих иностранцев, таких как А. Гваньини, Т. Бреденбаха, П. Одеборна и др.[13] Все источники имеют ярко выраженную антимосковскую направленность. Курбский был личным врагом Ивана Грозного, а его сочинения были написаны и изданы спустя тридцать лет после описанных им событий. При этом, как отмечал А.И. Филюшкин, все издания сочинения Курбского относятся к XVII–XVIII вв. и написаны на польском языке[14]. Князь писал для Речи Посполитой и в Россию его сочинения проникли значительно позднее, уже после Смуты, поэтому современники Грозного не могли их ни прочесть, ни опровергнуть. Карамзин использовал Курбского с целью объяснения мотивов поступков царя с точки зрения морали. Иностранные авторы, чьи сочинения использовал Карамзин, также давали предвзятые оценки, обусловленные политическими и религиозными противоречиями между Россией и Западной Европой. Например, часто цитируемый Карамзиным П. Одеборн составил противоречивое описание периода правления Ивана Грозного, которое можно считать его первой биографией. В своем труде Одеборн опирался на свидетельства различных очевидцев и его рассказ нельзя считать достоверным. Кроме того, в данной биографии образ Ивана Грозного представлен только с негативной стороны. Для Карамзина Грозный стал фигурой, для описания которой большая часть данных была взята из иностранных источников, зачастую основанных на пересказе мифов. История Ивана Грозного представлена Карамзиным как трагедия падения доброго царя. В данном случае в полной мере раскрываются недостатки метода верификации источников Карамзина. Одним из них является слабый источниковедческий анализ, а образ царя он формировал под воздействием презентизма и культурных установок России начала XIX в. Так Карамзин в своем труде закладывает идею морально-нравственной оценки личности и деяний правителя, от которого зависит благополучие государства. Ярлык тирана, присвоенный Ивану Грозному, становится основой для описания всех последующих трагических событий в России[15]. Карамзин категорически отказывается отождествлять самодержавие и деспотизм, считая подобное «делом случая», последствия которого преодолевались силой духовных традиций России. Такая позиция главного историографа России привела к следующему выводу: Россия должна была испытать грозу самодержца-мучителя, чтобы в лучшие

[13] *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 128.
[14] Там же. С. 125.
[15] Там же.

времена иметь лучших самодержцев[16]. Такая трактовка событий периода правления царя Ивана Грозного вполне согласуется с монархической концепцией Карамзина. Она же определяет отбор и интерпретацию источников: все, что могло бросить тень на монархию – замалчивалось, либо объяснялось случайным отклонением от добродетели. Важно подчеркнуть, что Карамзин писал свой труд на рубеже XVIII и XIX вв, когда менялись традиции написания истории, переходя от риторической традиции историописания к источниковедческому анализу. Это обусловило двойственность методологии Карамзина, которая к тому же подчинялась идеологической логике.

Карамзин, безусловно, совершил переворот в методике изучения исторических источников, ведь до него ни один русский историк не ставил перед собой задачу столь масштабного изучения архивных материалов и не вводил в научный дискурс такого пласта источников. Карамзин в своих «Примечаниях» к «Истории государства Российского» впервые создал систематизированный научный аппарат, выделил новые методы их проверки. При этом противоречия источников и его идеологических установок сыграли свою роль в их отборе. Поэтому метод Карамзина можно охарактеризовать как крайне избирательный. Вопрос применения источника в его работе находился в прямой зависимости от идеологической и моральной парадигм. Если источник с ними согласовывался, то он принимался фактически без критической проверки. Если же нет – то замалчивался или интерпретировался как случайность. В последующем труд жизни Карамзина сыграл большую роль в развитии исторической науки в России. Критика С.М. Соловьевым и В.О. Ключевским «Истории государства Российского» побудила этих историков к написанию собственных работ. Карамзин впервые поставил вопрос объективности при отборе и анализе исторических источников и может послужить наглядным примером того, как научный труд находится на грани между исторической точностью и нравственной составляющей. Постановка данного вопроса является одной из важнейших его заслуг перед отечественной исторической наукой.

[16] *Богданова О.В.* Карамзин об Иване Грозном // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 78.

Список литературы

Афанасьева А.К., Эдельман О.В. [Вступительная статья: Письма Н.М. Карамзина, 1806–1825 гг.] // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия «Тритэ», Рос. архив, 1992. Вып. 2–3. С. 7–10.

Богданова О.В. Карамзин об Иване Грозном // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 77–80.

Летняков Д.Э. Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. № 1. С. 72–85.

Пенской В.В., Пенская Т.М. Рождение «тирана»: Иван Грозный и отечественная «иваниана» – историографические заметки // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2023. № 2. С. 167–185.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. Ч. 2. 342 с.

Филюшкин А.И. Сотворение Грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. Т. 3, № 4. С. 123–130.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

РОССИЯ И ЕВРОПА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА: КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРЫ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Н.М. КАРАМЗИНА

А.И. Иванова
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва

Научный руководитель – Т.И. Измайлова,
преподаватель ВГУЮ (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье анализируются «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, которые открыли широкому читателю западную цивилизацию во всем многообразии ее политической, культурной и бытовой жизни. Автор сопоставляет традиции, ценности и образ жизни европейских стран с российской действительностью, подчеркивая самобытность отечественной культуры. Исследуя политические институты, систему образования и повседневную жизнь Европы, Н.М. Карамзин обосновывает преимущества осознанного, критического осмысления зарубежного опыта. Предложенная им модель межкультурного диалога, основанная на уважении к традициям других народов и осознании национальной самобытности, сохраняет актуальность в современном мире, формулируя базовые принципы взаимовыгодного культурного обмена между государствами.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, путешествие по Европе, межкультурный диалог, культурная самобытность, бюрократизация, Великая французская революция, политические институты, парламент, система образования, социальная гармония, уважение к традициям, устойчивое развитие.*

В 2026 г. отмечается 260-летие со дня рождения Николая Михайловича Карамзина (1766–1825) – русского историка, писателя, поэта и публициста. В 1789–1790 гг. он совершил длительное путешествие по странам Европы, по итогам которого создал сборник путевых заметок – «Письма русского путешественника»[1] (далее – «Письма»), в которых описал культурные, социальные и политические реалии европейских стран. «Письма» открывали Запад широкому русскому читателю и знакомили Европу с Россией.

Несмотря на эпистолярную форму, произведение не является сборником писем как таковых, а представляет собой «тщательно выверенное литературное произведение, изображающее дорожную

[1] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М., 2018.

переписку»[2]. «Письма» написаны с легкостью и непосредственностью, свойственными молодому автору. В то же время исторический фон «путешествия двадцатитрехлетнего автора в неспокойный для Европы период, совпавший с Великой французской революцией, русско-шведской и русско-турецкой войнами»[3] придает произведению дополнительный смысл и особую атмосферу.

Образ автора имеет в «Письмах» особое значение. Как справедливо отмечает И.В. Куражова, «не стоит забывать тот факт, что эти записки были сделаны рукою историка, будущего автора “Истории государства Российского”»[4]. По словам самого Н.М. Карамзина, «наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке»[5]. Поэтому автор берет на себя роль не отстраненного наблюдателя, фиксирующего внешние детали, а проницательного исследователя, который стремится изучить ценности и мировоззрение других народов, осмыслить природу культурных различий и найти точки соприкосновения.

В рамках произведения Н.М. Карамзин подробно исследует и сравнивает различные аспекты общественной жизни в европейских странах: «Англичанин торжествует в парламенте и на бирже, немец – в ученом кабинете, француз – в театре»[6].

В «Письмах» подробно описано функционирование политических институтов западных стран (в частности, парламентской системы Англии и республиканских традиций Швейцарии) и показано их влияние на жизнь общества.

Особое внимание уделяется системе образования. На основе впечатлений от посещения европейских университетов Н.М. Карамзин фиксирует подходы к обучению и распространению знаний. Описывая посещение театров, музеев и библиотек, он указывает на их значительную роль в формировании интеллектуального потенциала и эстетической культуры общества.

В «Письмах» подробно описаны обычаи и традиции жителей европейских стран, а также особенности быта той эпохи: питание, транспортная система, уровень цен, распространенные привычки и поведенческие модели. В.Ю. Хуторянская отмечает, что в произведении

---

[2] *Балдин А.Н.* Запредельное странствие Николая Карамзина. М., 2016. С. 57.

[3] *Полякова Л.В.* «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в историко-литературном дискурсе к 250-летию со дня рождения писателя // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 4. С. 7.

[4] *Куражова И.В.* Отражение национальных образов мира в произведении Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника»: Англия и англичане // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 7(3). С. 179.

[5] Письма русского путешественника Н.М. Карамзина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.karamzin.info/upload/iblock/513/513342c1b63705f1049bcfa84aeff2fb.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

[6] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 221.

«показана жизнь обычных людей, их переживания и мировоззрение. Как правило, каждый описанный Карамзиным представитель того или иного социального слоя представляет определенный тип людей, например одной профессии или одного социального статуса»[7].

Отмечая положительные черты европейских народов, автор подчеркивает высокий уровень образованности немцев и их устойчивый интерес к философии и науке. Так, описывая посещение Лейпцигского университета, Н.М. Карамзин обращает внимание, что студенты и преподаватели активно обсуждают философские концепции, а университетская среда демонстрирует высокий уровень культуры.

Характеризуя швейцарское общество, Н.М. Карамзин выделяет его нравственную устойчивость и социальную гармонию, которые связывает с влиянием просвещения и близостью к природе. В своих наблюдениях он отмечает доступность образования для широких слоев населения, а также распространенность принципов взаимопомощи и гражданской ответственности. В качестве иллюстрации автор описывает быт местных крестьян: «В деревнях находите вы порядок и чистоту. Все крестьянские домы покрыты соломою и разделяются обыкновенно на две половины: одна состоит из двух горниц и кухни, а другая – из сенного магазина, житниц и хлевов. Не увидите вы здесь ничего гниющего, непочиненного; во всем соблюдена удобность и все необходимое в изобилии и совершенстве»[8].

Обращаясь к Англии, Н.М. Карамзин акцентирует внимание на развитости политических институтов – парламента и суда присяжных, которые, по его мнению, обеспечивают стабильность и правопорядок. Описывая заседания парламента, автор подчеркивает соблюдение норм вежливости и уважения в ходе политических дискуссий. Изучая работу суда присяжных, автор отмечает реальное участие граждан в осуществлении правосудия и уважительное отношение к закону в повседневной жизни. «Здесь, друзья мои, отдайте пальму английским законодателям, которые умели жестокое правосудие смягчить человеколюбием, не забыли ничего для спасения невинности и не боялись излишних предосторожностей»[9].

Вместе с тем Н.М. Карамзин фиксирует и ряд негативных явлений. Так, критикуя немецкий бюрократизм, Н.М. Карамзин вспоминает эпизод в Берлине, когда ему пришлось повторно проходить административные процедуры. Автор с иронией комментирует: «Я увидел на бумаге те вопросы, которые делали мне при въезде в город, с прибавлением одного: „В какие вороты вы въехали?“. Они напечатаны, и мне надлежало под

---

[7] *Хуторянская В.Ю.* «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина как исторический источник // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2017. № 10. С. 115.

[8] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 124.

[9] Там же. С. 317.

каждым писать ответ. „Боже мой! Какая осторожность! Разве Берлин в осаде?“»[10].

Описывая ситуацию во Франции, Н.М. Карамзин с тревогой констатирует последствия Великой французской революции: «Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск этого некогда пышного города»[11]. Автор отмечает общественный хаос, запустение ранее престижных городских районов, распространение страха и подозрительности, а также утрату прежних нравственных и интеллектуальных ориентиров.

Характеризуя английское общество, Н.М. Карамзин подчеркивает эмоциональную замкнутость и разобщение. В своих наблюдениях он отмечает излишнюю сдержанность: «Англичане прекрасны видом, но скучны до крайности»[12]. Они строго соблюдают правила приличия, но за внешней любезностью не всегда стоит искренний интерес к собеседнику. Отмечает автор и высокомерие англичан: «Английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми»[13].

Параллельно анализу общественной жизни западных стран, Н.М. Карамзин подчеркивает самобытные черты русской культуры, которые, с его точки зрения, составляют ее непреходящую ценность: душевность и открытость в общении, искренность гостеприимства, а также глубокую историческую преемственность – связь поколений, сохранение традиций и уважение к прошлому.

Карамзин был сторонником консервативной модели развития. В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» он сформулировал концепцию самодержавия как основы российского государственного порядка. Карамзин полагал, что обширность территории России, численность населения и историческое величие предопределили именно монархическую форму правления. Критическое отношение Карамзина к западному Просвещению привело его к столкновению с реформатором М.М. Сперанским, который будучи вдохновленным идеями и трудами Монтескьё, представил проект государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов». В основе законопроекта Сперанского лежала идея конституционной монархии, ограниченной законом. Карамзин же считал, что передача части власти аристократии может привести к ослаблению правопорядка и возникновению тиранических методов правления. Карамзин искренне считал, что в России преобразования

[10] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 33.
[11] Там же. С. 207.
[12] Там же. С. 324.
[13] Там же. С. 356.

должны идти не через радикальные изменения институтов, а через нравственное воспитание и просвещение населения[14].

Такой подход позволяет читателю не только составить целостное представление об укладе жизни западных народов, но и осмыслить культурные сходства и различия, определив место России в общеевропейском пространстве. Н.М. Карамзин выстраивает объективную картину, позволяющую всесторонне оценить преимущества и проблемы общественной жизни отдельных европейских государств. При этом сам автор придерживается взвешенной позиции. Он не разделяет распространенную среди русского дворянства той эпохи тенденцию к идеализации Европы и одновременно избегает резкого противопоставления России и Запада.

Сопоставление национальных и западных ценностей позволяет автору не просто описать Европу глазами русского человека, но и яснее обозначить культурную самобытность России. Н.М. Карамзин подчеркивает, что осмысленное восприятие достижений европейской цивилизации может обогатить российскую культуру, если опираться на ее исторические традиции и духовные ориентиры. При этом он акцентирует важность критического отбора – перенимать стоит лишь то, что органично сочетается с национальным опытом и отвечает реальным потребностям общества. Такой подход демонстрирует отказ от двух крайностей: слепого подражания Западу и самоизоляции, отвергающей пользу культурного обмена.

Таким образом, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина положили начало систематическому осмыслению межкультурного диалога России и стран Запада. Автор предлагает модель культурного взаимодействия, основанную на сочетании принципов уважения к традициям других народов и осознании собственной культурной самобытности, что является обязательным условием устойчивого развития национальной культуры в глобальном контексте.

Двухвековая дистанция, отделяющая современность от периода создания «Писем русского путешественника», не снижает актуальности наблюдений и выводов Н.М. Карамзина. В условиях, когда проблема культурного и социального взаимодействия между Россией и западными странами становится особенно значимой, наследие писателя приобретает дополнительную научную и практическую ценность.

---

[14] *Барсегян К.Э., Гусарова С.В.* Основатель идеи русского конституциализма М.М. Сперанский // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXIII научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году педагога и наставника. Малоярославец, 2023. С. 38–42.

Список литературы

Балдин А.Н. Запредельное странствие Николая Карамзина. М.: Бослен, 2016. 255 с.

Барсегян К.Э., Гусарова С.В. Основатель идеи русского конституциализма М.М. Сперанский // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXIII научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году педагога и наставника. Малоярославец, 2023. С. 38-42.

Куражова И.В. Отражение национальных образов мира в произведении Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника»: Англия и англичане // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 7(3). С. 178–181.

Полякова Л.В. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина в историко-литературном дискурсе к 250-летию со дня рождения писателя // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 4. С. 7–20.

Хуторянская В.Ю. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина как исторический источник // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2017. № 10. С. 110–118.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ВИЗИТ Н.М. КАРАМЗИНА В УСАДЬБУ БАКУНИНЫХ ПРЯМУХИНО: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Я.А. Карпова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.Н. Жукова,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу архитектурного наследия Тверской области как значимого фактора формирования историко-культурной идентичности и развития образовательного потенциала региона через осмысление историко-архитектурного контекста визита Н.М. Карамзина в усадьбу Прямухино в 1811 г. Объектом исследования выступают памятники архитектуры исторических поселений федерального значения – городов Осташкова, Торжка и Торопца, а также уникальный усадебный комплекс в Прямухино. В работе рассматриваются пространственно-архитектурные особенности указанных мест, их роль в сохранении общероссийского культурного кода и возможности интеграции в современный образовательный дискурс. В работе анализируется архитектурная среда усадьбы Прямухино и историко-культурное пространство малых городов, формирующее «места памяти».

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, усадьба Прямухино, Бакунины, Торжок, Осташков, Торопец, исторические поселения, усадебная культура, памятник архитектуры, объект культурного наследия.*

В современном социокультурном пространстве проблема сохранения и актуализации историко-культурного наследия приобретает особую значимость. Памятники архитектуры выступают не только как эстетически ценные объекты, но и как ключевые элементы формирования национальной идентичности, «места памяти», связывающие поколения. В этом контексте особую актуальность приобретает обращение к архитектурному наследию малых исторических городов региона – Осташкова, Торжка, Торопца, а также уникального усадебного комплекса в Прямухино Торжокского уезда Тверской губернии (ныне Кувшиновский муниципальный округ Тверской области).

Научный интерес к Осташкову, Торжку и Торопцу определяется тем, что они являются цельными историко-градостроительными организмами. Присвоение этим городам в 2023 г. статуса исторических поселений федерального значения лишь подтверждает их исключительную ценность, где архитектурный облик каждого формирует уникальную стилистическую

доминанту[1]. Отдельного внимания заслуживает усадьба Прямухино – не только как памятник усадебной архитектуры с характерным для позднего классицизма ансамблем (центральный дом с каменными флигелями, предположительно возведенными под влиянием Н.А. Львова), но и как значимый культурный центр[2]. Именно здесь в 1811 г. останавливался Н.М. Карамзин, читавший главы «Истории государства Российского» семейству Бакуниных[3]. Этот эпизод превращает рядовой дорожный случай в символическую точку пересечения национальной историографии с зарождающейся интеллектуальной средой, материализованной в архитектурном пространстве усадьбы.

Несмотря на высокую историко-культурную ценность данных памятников, их комплексное изучение как единого культурного пространства до сих пор не проводилось. Исследование усадьбы Прямухино проводилось в контексте изучения истории рода Бакуниных в краеведческих работах В.И. Сысоева[4], а наиболее детальный анализ усадебного комплекса дан в труде С. Глушкова[5]. Характеристика объектов архитектурного наследия Торжка, Осташкова, Торопца Тверской области дана в справочном издании Г.К. Смирнова[6]. Значительный вклад в изучение новоторжского зодчества внесли А.М. Салимов[7], исследовавший памятники от средневековья до классицизма, и Л.В. Андреев[8], проанализировавший композицию исторического центра Торжка и его главные архитектурные ансамбли. Ценные сведения по истории застройки Осташкова содержит работа И.Ф. Токмакова[9].

Источниковую базу настоящего исследования составили нормативно-правовые акты в сфере охраны культурного наследия, а также паспорта объектов культурного наследия, хранящиеся в архиве Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Усадьба Прямухино – памятник федерального значения, чья историко-культурная ценность не ограничивается архитектурными

---

[1] Приказ Министерства культуры РФ от 04.04.2023 № 839 «Об утверждении перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Российской Федерации» / Зарегистрировано в Минюсте России 7 июня 2023 г. № 73770. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/407015854/ (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Прямухино”», XVIII–XIX вв. // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области. Паспорт № 1292.

[3] Там же.

[4] *Сысоев В.И.* Бакунины. Тверь, 2002.

[5] *Глушков С.* Былой России острова. Тверь, 2001.

[6] *Смирнов Г.К.* Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Ч. 1. М., 2002.

[7] *Салимов А.М.* Древние храмы Торжка. Тверь, 2025.

[8] *Андреев Л.В.* Историческое ядро Торжка и его главные архитектурные ансамбли. М., 1981.

[9] *Токмаков И.Ф.* Город Осташков Тверской губернии и его уезд. М., 1906.

достоинствами, но неразрывно связана с важнейшим эпизодом в истории отечественной историографии. На основе паспортов объектов культурного наследия удалось составить комплексную базу данных, содержащую разностороннюю информацию по 132 памятникам Торжка, 68 – Торопца и 80 – Осташкова. Это сведения о категории охраны, датировке, стилистических особенностях, строительных материалах и современном состоянии объектов.

Имение Прямухино ведет свою историю с середины XVIII в., когда оно принадлежало премьер-майору Семену Никифоровичу Шишкову. Летом 1811 г., следуя в Санкт-Петербург с готовой к изданию рукописью первых восьми томов «Истории государства Российского», Николай Михайлович Карамзин совершил остановку в усадьбе Прямухино Торжокского уезда Тверской губернии. Вынужденная задержка, вызванная непогодой, обернулась многодневным пребыванием, в течение которого историк читал главы своего фундаментального труда семейству хозяина – Александру Михайловичу Бакунину[10].

Родовым гнездом Бакуниных имение становится в 1779 г., когда оно было приобретено дворянином Михаилом Васильевичем Бакуниным на имя супруги, Любови Петровны. Однако период активного формирования архитектурного ансамбля связан с их сыном, Александром Михайловичем Бакуниным (1768–1854) – образованным дипломатом, поэтом и публицистом, чья супруга, Варвара Александровна, происходила из известного рода Муравьевых. Именно при А.М. Бакунине началась масштабная перестройка, направленная на модернизацию и сохранение усадебных построек[11].

Ключевым преобразованием стало кардинальное изменение облика главного дома. Одноэтажный деревянный господский дом, стоявший на низком фундаменте без подвала, был сохранен, но его внешний вид преобразился. Об этом писал сам владелец в поэме «Осуга»[12]. Центральный деревянный объем был фланкирован двумя двухэтажными каменными флигелями. Помимо этого, в период активного строительства были выстроен хозяйственный двор и разбит обширный пейзажный парк по обоим берегам реки Осуги. Архитектурный замысел, вероятно, принадлежал или был выполнен под влиянием родственника Бакуниных – знаменитого зодчего Н.А. Львова, чье имение Никольское-Черенчицы располагалось неподалеку. Исследователь А.М. Харламова отмечала стилистическое сходство: «…среди разных вариантов дорического ордера, встречающихся в творчестве Львова, имеется ордер, примененный в

[10] Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Прямухино”», XVIII–XIX вв.
[11] Там же.
[12] Там же.

портике дома в Прямухине (например, ордер надворной колоннады в Знаменском Райке). Техника выполнения их та же»[13].

Сформировавшийся к началу XIX в. усадебный комплекс включал главный дом (вторая половина XVIII – начало XIX в.), фабрику, амбар, церковь Троицы (1808–1826 гг.), колокольню (1903 г.) и парк с каскадными прудами (см. Рис. 1).

Главный дом представлял собой характерный для позднего классицизма ансамбль, где центральный объем с симметричными флигелями был позднее объединен одноэтажными кирпичными переходами. Его парадный восточный фасад акцентировала открытая терраса с деревянным оштукатуренным дорическим четырехколонным портиком, несущим фронтон. Южный флигель, изначально двухэтажный кирпичный, украшали аналогичные портики с западной и восточной сторон, причем западный служил опорой для балкона. Двускатные кровли и деревянные фронтоны флигелей с полуциркульными окнами подчеркивали гармоничное сочетание деревянных и каменных элементов, возведенных из местного кирпича на известковом растворе[14] (см. Рис. 2–5).

Этот архитектурный комплекс стал материальной основой для формирования в Прямухине одного из заметных культурных центров Тверской губернии. В первой половине XIX в. здесь, помимо Н.М. Карамзина, бывали художник Н.Н. Ге, поэт Г.Р. Державин, писатель И.Н. Лажечников и другие видные деятели культуры. Согласно семейному преданию (документально не подтвержденному) в 1812 г. в усадьбе останавливался М.И. Кутузов. Усадьба поддерживала тесные связи с соседними поместьями и городом. Как отмечала правнучка А.М. Бакунина, Н.Т. Кропоткина: «У Прямухина были тесные связи с окрестными усадьбами Щербовыми и Зайковыми, где жили родственники Бакуниных Повало-Швейковские и Вульфы, а также с Торжком, где находился их собственный дом»[15].

Последними владельцами усадьбы перед революцией были Михаил Алексеевич Бакунин и его супруга Софья Марковна (урожденная Любшинская). После 1917 г. комплекс пришел в упадок, многие постройки были утрачены. Важно отметить, что «Усадьба “Прямухино”», XVIII–XIX вв. является объектом культурного наследия федерального значения[16].

---

[13] Цит. по: *Будылина М.В., Брайцева О.И., Харламова А.М.* Архитектор Н.А. Львов. М., 1961. С. 184.

[14] Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Прямухино”», XVIII–XIX вв.

[15] Там же.

[16] Приказ Министерства культуры РФ от 18.11.2016 № 53876-р «О регистрации объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба “Прямухино”», XVIII–XIX вв. (Тверская область) в едином государственном реестре объектов куультурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Регистрационный номер в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации – 691620585570006 // Единый

Как демонстрирует пример усадьбы Прямухино, изучение памятников архитектуры позволяет не только реконструировать исторический контекст, но и выявить механизмы формирования культурной среды. Актуализация образовательного потенциала архитектурного наследия Тверской области в современных условиях требует перехода от эпизодического его использования в образовательных целях к созданию целостной, системной педагогической модели[17]. В этом отношении особый интерес представляет комплексный анализ городов Тверской области: Осташкова, Торжка и Торопца, имеющих статус исторических поселений федерального значения[18]. Эти населенные пункты формируют уникальную триаду, идеально подходящую для целей системного архитектурно-краеведческого образования школьников и позволяющую глубоко погрузиться в историю региона.

Торопец, один из древнейших городов региона (первое упоминание в 1074 г.), исторически сложился как пограничная крепость на торговых путях из Новгорода в южные княжества, а позднее – в сторону Смоленска и далее в Европу. Эта роль предопределила концентрацию в его компактном историческом ядре выдающихся памятников каменного зодчества. Торжок, также имеющий древние корни (первое упоминание в 1139 г.), получил мощный импульс к развитию в конце XVIII в. в связи с реализацией регулярных планов и статусом важнейшего узла Государевой дороги, соединявшей две столицы. Участие в застройке города столичных зодчих, таких как К.И. Росси и Н.А. Львов, придало его ансамблям столичный размах и изысканность пропорций, что для провинциального города является исключительным явлением. Осташков, сформировавшийся в конце XIV в. как рыбацкая слобода, функционирует в дальнейшем как успешный купеческий город на берегу Селигера. Его экономический расцвет приходится на XVIII–XIX вв. и связан с кожевенным и рыбным промыслами, что нашло прямое отражение в застройке города[19].

государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

[17] *Амбуттаева П.М.* Воспитание мировоззренческих, духовно-нравственных понятий школьников в процессе приобщения к памятникам архитектуры // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-mirovozzrencheskih-duhovno-nravstvennyh-ponyatiy-shkolnikov-v-protsesse-priobscheniya-k-pamyatnikam-arhitektury?ysclid=mbm694zwmt29588021 (дата обращения: 29.05.2025).

[18] Приказ Министерства культуры РФ от 04.04.2023 № 839 «Об утверждении перечня исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Российской Федерации». [Электронный ресурс].

[19] *Злотя В.В.* Ретроспектива ключевых этапов становления и развития города Осташков // Вестник Национального исследовательского института культурного наследия. 2025. № 4(8). С. 89–111. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

Эти города образуют уникальную комбинацию, охватывающую основные пласты каменного зодчества российской провинции с конца XVII по XIX вв. Во-первых, каждый город выступает как тематический модуль, концентрирующий внимание на определенной стилистической доминанте: Торопец – на нарышкинском барокко, Осташков – на провинциальном барокко и классицизме в гражданской застройке, Торжок – на столичном классицизме, ампире и регулярной градостроительной планировке. Такой подход позволяет избежать поверхностного ознакомления и перейти к сравнительно-стилистическому анализу, представить четкие визуальные ориентиры и понимание эволюции архитектурной мысли. Во-вторых, эти города представляют собой уникальные, завершенные ансамбли, целостность которых обеспечивает максимальную наглядность и доступность для анализа. Их исторические ядра компактны, визуально читаемы и сохранили подлинную среду, в которой памятник не изолирован, а существует в естественном градостроительном контексте, что позволяет осмыслить не отдельные шедевры, а архитектурно-пространственные ансамбли, понимая логику исторического формирования городской среды. В-третьих, культурно-исторический нарратив каждого города предоставляет содержательную основу для междисциплинарных связей. Архитектура здесь становится материальным свидетельством важных исторических процессов: торопецкие храмы – отражение духовной и политической жизни древнего пограничного города; осташковские особняки – документ экономического уклада и сословной идентичности купечества; торжокские ансамбли – прямое следствие имперской градостроительной политики и развития транспортных коммуникаций. Таким образом, фокус на этих трех центрах позволяет выстроить комплексную образовательную программу, где история, география, краеведение и искусствоведение естественно дополняют друг друга[20].

В ходе системного анализа 132 памятников архитектуры города Торжка было установлено, что наибольшую долю в общем массиве объектов культурного наследия занимают объекты регионального значения – 59 единиц. Их количественное преобладание подчеркивает особую значимость историко-архитектурного наследия Торжка для истории и культуры Тверской области как субъекта Российской Федерации, что подтверждает его статус одного из ключевых исторических поселений региона. Число объектов культурного наследия федерального значения составляет – 57 единиц, выявленные объекты культурного наследия – 16 единиц.

При анализе строительных материалов памятников архитектуры города Торжка выявлено, что в архитектурном облике города абсолютно

---

retrospektiva-klyuchevyh-etapov-stanovleniya-i-razvitiya-goroda-ostashkov/viewer (дата обращения: 14.05.2026).

[20] *Смирнов Г.К.* Указ. соч.

доминирует кирпич, который использован в строительстве 100 объектов из общего количества проанализированных. Это объясняется статусом города как важного пункта на Государевой дороге, где с конца XVIII в. внедрялись передовые градостроительные нормы и технологии, включая каменное (кирпичное) строительство. Кирпич стал основным материалом для возведения парадных общественных зданий, купеческих особняков и храмов, что обеспечило долговечность и единый эстетический облик исторического центра. Объекты из дерева (22 ед.) и смешанных конструкций «дерево-кирпич» (7 ед.) встречаются значительно реже и характерны для более ранней, менее представительной застройки или хозяйственных построек. Натуральный камень (3 объекта) используется минимально, преимущественно в качестве фундаментного или декоративного материала в ключевых доминантах, что связано с его высокой стоимостью и сложностью обработки.

Архитектурное наследие Торжка сформировалось в несколько ключевых этапов. Наибольший всплеск строительства приходится на конец XVIII в. (39 объектов), что связано с реализацией регулярного плана города после указа Екатерины II и его расцветом как важного узла Государевой дороги[21] (см. Рис. 6). Период XIX в. в целом является наиболее плодотворным (82 объекта из 132). Это отражает непрерывное экономическое и градостроительное развитие города на протяжении всего столетия. Более ранние периоды (конец XVII – середина XVIII в.) представлены значительно скромнее (11 объектов). Это подчеркивает, что современный исторический облик Торжка в основном сложился в эпоху классицизма и эклектики.

Исследование стилистического своеобразия Торжка позволяет констатировать уникальную ситуацию: архитектура города представляет собой практически эталонный образец провинциального классицизма, что подтверждается подавляющим числом соответствующих памятников (103 объекта). Присутствие иных стилей – барокко (8 объектов), эклектики (15 объектов), ампира (5 объектов) и псевдорусского стиля (1 объект) – носит второстепенное значение, лишь подчеркивая стилистическую чистоту и цельность классицистического ансамбля города.

Оценка физического состояния 132 объектов культурного наследия Торжка выявляет тревожную тенденцию: более половины памятников (71 объект) находятся в неудовлетворительном состоянии. Это указывает на наличие системных проблем с их содержанием и сохранностью, лишь 59 объектов поддерживаются в удовлетворительном состоянии. Наличие двух руинированных объектов служит критическим сигналом о риске безвозвратной утраты элементов исторической застройки.

В Торопце из 68 проанализированных объектов культурного наследия большая часть относится к памятникам федерального значения – 36 единиц, что значительно превышает количество объектов

[21] *Смирнов Г.К.* Указ. соч. С. 68–71.

регионального значения (31 ед.) и вновь выявленных (1 ед.). Такое соотношение наглядно демонстрирует исключительную общенациональную ценность торопецкого зодчества.

В Торопце подавляющее большинство памятников (65 объектов) построено из кирпича. Это свидетельствует о традиции капитального каменного строительства и обусловлено прочностью, пожарной безопасностью и репрезентативностью материала. Лишь 3 объекта представляют собой комбинированные постройки из дерева и кирпича, которые отражают утилитарные или хозяйственные сегменты застройки, где применялось сочетание материалов для экономии либо поэтапного возведения.

Большинство памятников архитектуры города Торопца возведено в XVIII–XIX вв. (см. Рис. 7). Наибольшая строительная активность зафиксирована в конце XVIII в. (24 объекта), что связано с градостроительными реформами эпохи Екатерины II и расцветом местного купечества. Значительный объем застройки приходится на начало XIX в.[22] В середине XVIII в. построено 10 памятников, в начале XVIII в. – 4 памятника. К середине XIX в. число новых построек резко снижается – до 3 объектов, к концу века немного возрастает – до 4 объектов. Самые ранние датируются концом XVI в. (2 памятника). Одно сооружение относится к концу XVII в. Завершающий этап дореволюционного строительства представлен двумя объектами начала XX в.

Анализ стилистических особенностей памятников архитектуры Торопца демонстрирует преобладание стилей эпохи барокко и классицизма. Наиболее широко представлено барокко – 25 памятников. Это указывает на значительную роль стиля в формировании архитектурного облика города в XVIII в. Практически сопоставимую долю занимает ранний классицизм – 24 памятника. Распространенность этого стиля отражает переход к новым эстетическим канонам во второй половине XVIII – начале XIX в. Особую группу составляют постройки в стиле классицизма с элементами барокко – 12 сооружений. Их наличие свидетельствует о плавном стилистическом переходе и синтезе форм: традиционные классические композиции дополнялись барочным декором. Наименее представлена эклектика – всего 7 построек. Эти памятники относятся к XIX в. и демонстрируют отход от строгих стилевых канонов, сочетание разнородных архитектурных элементов.

Оценка физического состояния памятников архитектуры города Торопца показала, что 53 объекта находятся в удовлетворительном состоянии. Это свидетельствует о сравнительно высокой степени сохранности основной части архитектурного наследия города. Однако 15 памятников находятся в неудовлетворительном состоянии ввиду наличия признаков разрушения конструктивных элементов и утраты декоративного оформления, что создает угрозу их разрушения. Несмотря на преобладание

[22] *Галашевич А.А.* Торопец и его окрестности. М., 1972. С. 60–61.

удовлетворительно сохранившихся памятников, почти четверть объектов требует оперативного проведения мероприятий по сохранению в области государственной охраны объектов культурного наследия.

Город Осташков, завершая триаду ключевых исторических поселений Тверской области, демонстрирует иную, но не менее значимую модель формирования архитектурного наследия. Среди 80 проанализированных памятников также преобладают объекты федерального значения – 49 единиц. Однако значительный пласт составляют объекты регионального значения (30 единиц) и один выявленный объект, что указывает на богатую и многослойную историко-культурную среду города.

В архитектуре Осташкова преобладает кирпич (65 объектов): он обеспечивал долговечность и репрезентативность зданий. Дерево использовалось значительно реже (7 объектов) в жилых и хозяйственных постройках. Комбинация дерева и кирпича встречается в постройке 8 сооружений: такое сочетание позволяло экономить материалы и совмещать прочность кирпича с теплоизоляцией дерева.

Основная часть объектов культурного наследия Осташкова возведена в XVIII–XIX вв. (см. Рис. 8). Пик строительной активности пришелся на середину XVIII в. (24 объекта), что связано с экономическим ростом и урбанизацией города. Следующий значимый период – конец XVIII в. (17 объектов), когда продолжалось интенсивное строительство в рамках регулярных градостроительных планов эпохи Екатерины II. В начале XIX в. построено 20 объектов, когда закреплялись сложившиеся архитектурные традиции с элементами классицизма. К середине XIX в. число построек снизилось до 9, а к концу XIX в. – до 6, что отражает общероссийские тенденции: замедление каменного строительства в провинции и переход к более утилитарным формам. Ранние и поздние периоды представлены единичными памятниками: конец XVII в. – 2 объекта (самые ранние из учтенных); начало XVIII в. – 1 объект; начало XX в. – 1 объект (завершающий этап до смены архитектурных парадигм).

В архитектурном наследии Осташкова явно доминирует классицизм – 55 объектов. Это отражает общероссийскую тенденцию XVIII–XIX вв.: стремление к строгости форм, симметричности и рациональной организации пространства. Классицизм задавал репрезентативный облик общественным зданиям, купеческим домам и храмам. На втором месте барокко – 13 объектов. Для этих построек характерны пластичность форм и богатый декор. Большинство из них относится к середине – второй половине XVIII в. Их относительно небольшое число показывает, что барокко уступило место классицизму. Эклектика представлена 10 постройками. Наименее распространен псевдорусский стиль – 2 объекта. Его единичные примеры связаны с церковным строительством и общественными инициативами второй половины XIX – начала XX в. и

отражают эпизодический интерес к национально-романтическим тенденциям.

Оценка физического состояния проанализированных памятников архитектуры Осташкова демонстрирует критическую ситуацию с сохранением историко-культурного наследия: из общего числа объектов лишь 23 находятся в удовлетворительном состоянии, сохраняя функциональность и визуальный облик; подавляющее большинство (50 объектов) характеризуются неудовлетворительным состоянием, что свидетельствует о значительном физическом износе, утрате декоративных элементов и частичных разрушениях конструкций; особую тревогу вызывает группа из 7 объектов, перешедших в руинированное состояние с полной или частичной утратой несущих конструкций и исторического облика.

Необходимо отметить, что при детальном изучении жилой застройки исторических городов Тверской области были выявлены специфические конструктивные особенности, характерные для каждого конкретного поселения. Эти особенности не являются случайными, а обусловлены совокупностью объективных факторов, среди которых доступность строительных материалов, технологическое развитие, экономический уклад и культурные предпочтения. Например, в городе Торжке широкое распространение получили улучшенные отопительные системы типа «амосовской» печи в жилых домах по улице Ржевской, что объясняется ориентацией местной элиты на столичный комфорт и престижные технологии. Напротив, в Осташкове местные жители активно использовали валунные фундаменты, которые идеально соответствовали природным условиям региона, отличавшегося выходом крупных валунов ледникового происхождения.

Таким образом, архитектурное наследие Осташкова, Торжка, Торопца и Прямухино, рассматриваемое в контексте мемориализации исторических событий, обладает значительным потенциалом для дальнейшего научного изучения и требует последовательной государственной и общественной поддержки с целью его сохранения и эффективного использования в образовательном и просветительском дискурсе.

Список литературы

Амбуттаева П.М. Воспитание мировоззренческих, духовно-нравственных понятий школьников в процессе приобщения к памятникам архитектуры // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-mirovozzrencheskih-duhovno-nravstvennyh-ponyatiy-shkolnikov-v-protsesse-priobscheniya-k-pamyatnikam-arhitektury?ysclid=mbm694zwmt29588021 (дата обращения: 29.05.2025).

Андреев Л.В. Историческое ядро Торжка и его главные архитектурные ансамбли // Архитектурное наследство. 1981. № 29. С. 18–26.

Будылина М.В., Брайцева О.И., Харламова А.М. Архитектор Н.А. Львов. М.: Госстройиздат, 1961. 184 с.

Галашевич А.А. Торопец и его окрестности. М.: Искусство, 1972. 135 с.

Глушков С. Былой России острова. Тверь: Альба, 2001. 175 с.

Злотя В.В. Ретроспектива ключевых этапов становления и развития города Осташков // Вестник Национального исследовательского института культурного наследия. 2025. № 4(8). С. 89–111. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektiva-klyuchevyh-etapov-stanovleniya-i-razvitiya-goroda-ostashkov/viewer (дата обращения: 14.05.2026).

Сысоев В.И. Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002. 462 с.

Салимов А.М. Древние храмы Торжка. Тверь: Издатель Салимовы и Ко, 2025. 104 с.

Смирнов Г.К. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Часть 1. М.: Наука, 2002. 816 с.

Токмаков И.Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. М.: Гор. тип., 1906. 422 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

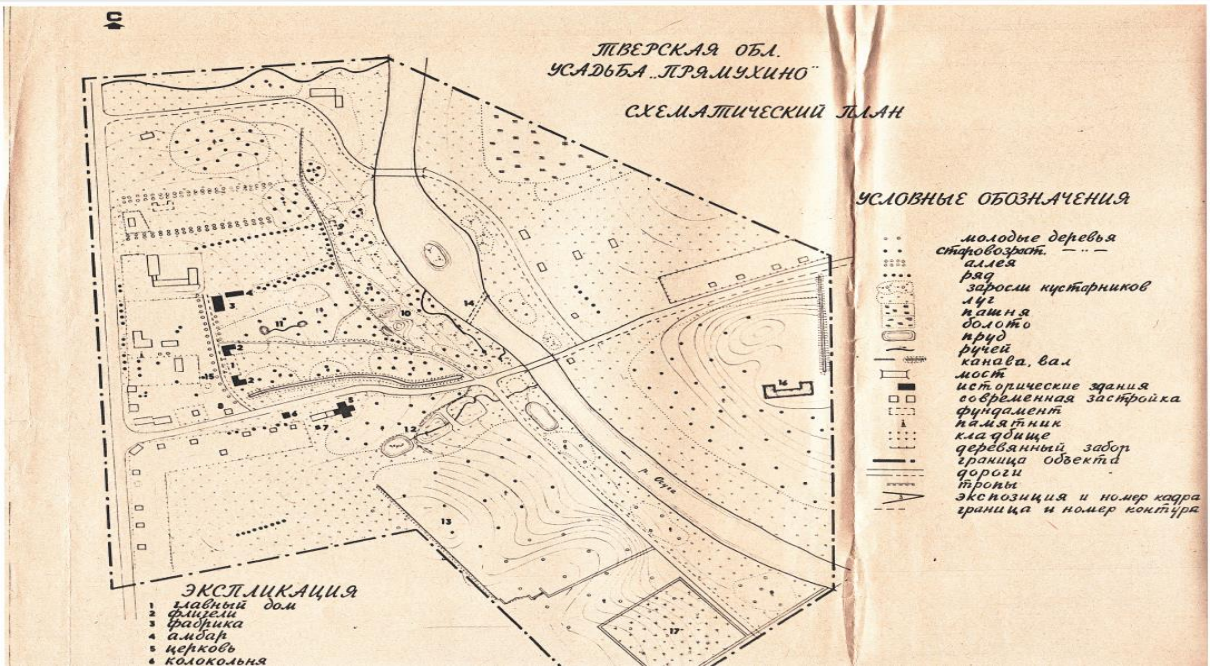

Рис. 1. Схематический план усадебного комплекса Прямухино. 1981 г. Экспликация из паспорта объекта культурного наследия «Усадьба “Прямухино”», XVIII–XIX вв.

Рис. 2. Западный фасад главного дома усадьбы Прямухино (гравюра). 1860-е гг.

Рис. 3. Западный фасад главного дома усадьбы Прямухино (центральная часть). Конец XIX – начало XX в.

Рис. 4. Южный флигель, начало XIX в. Усадьба Прямухино. Фото С.О. Никольского, 1982 г.

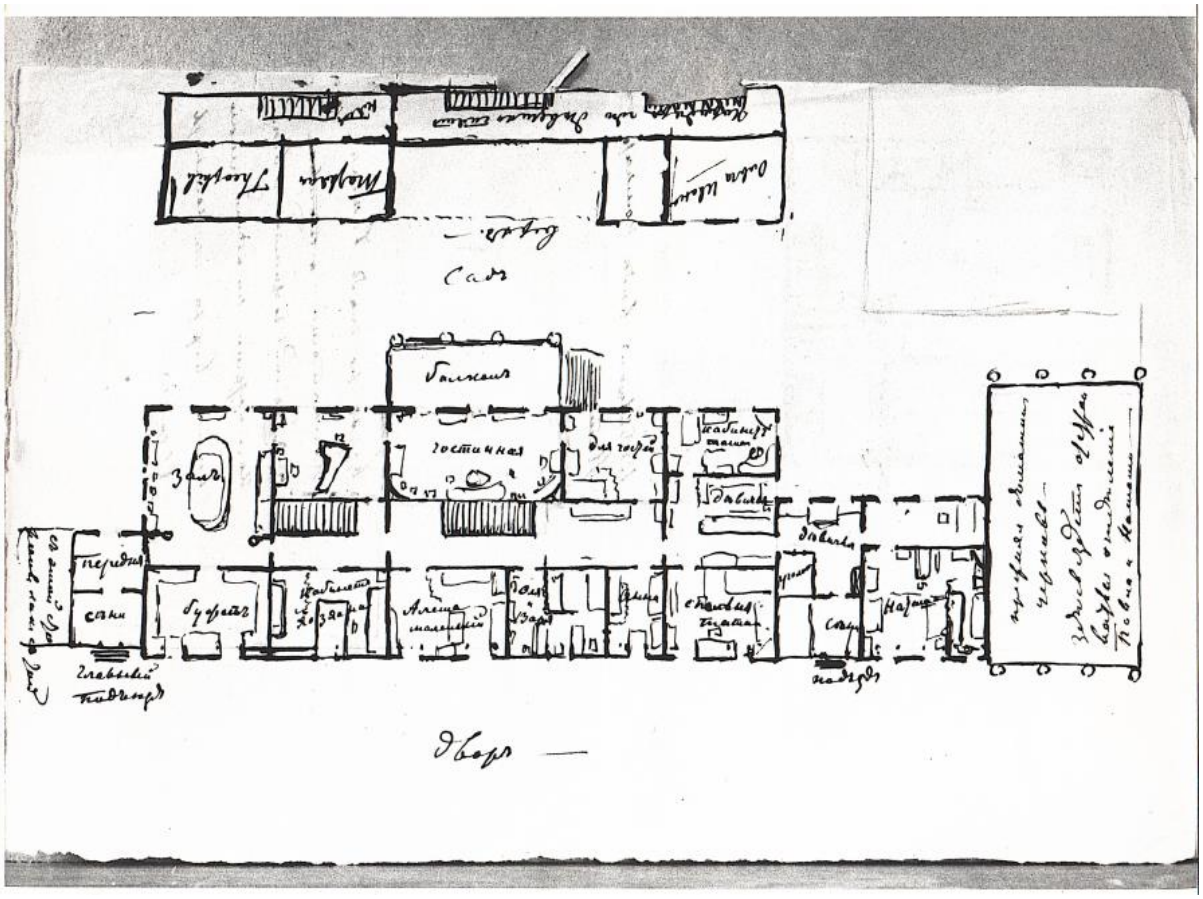

Рис. 5. Внутренняя планировка главного дома, 1861 г. Усадьба Прямухино.

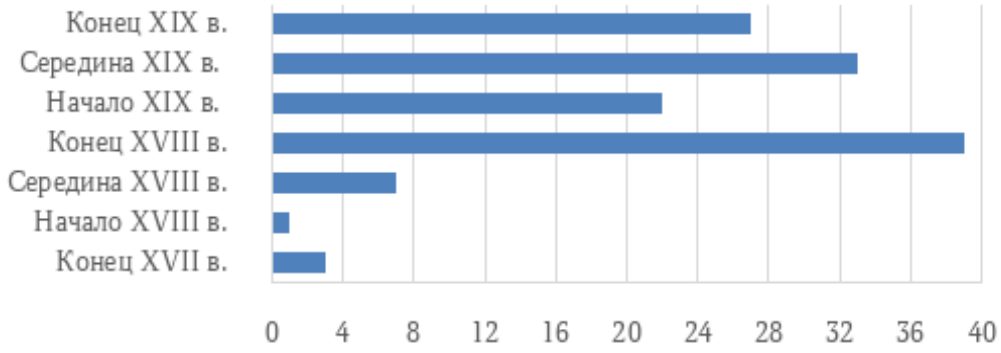

Рис. 6. Гистограмма распределения объектов культурного наследия г. Торжка по периодам

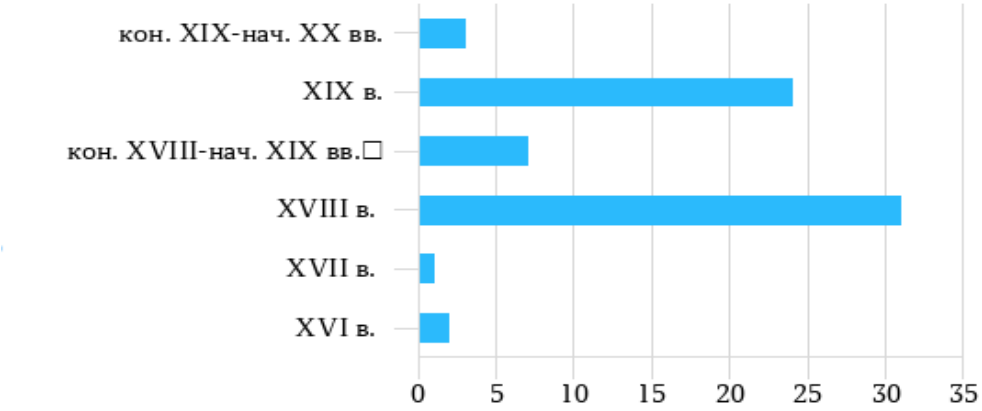

Рис. 7. Гистограмма распределения объектов культурного наследия г. Торопца по периодам

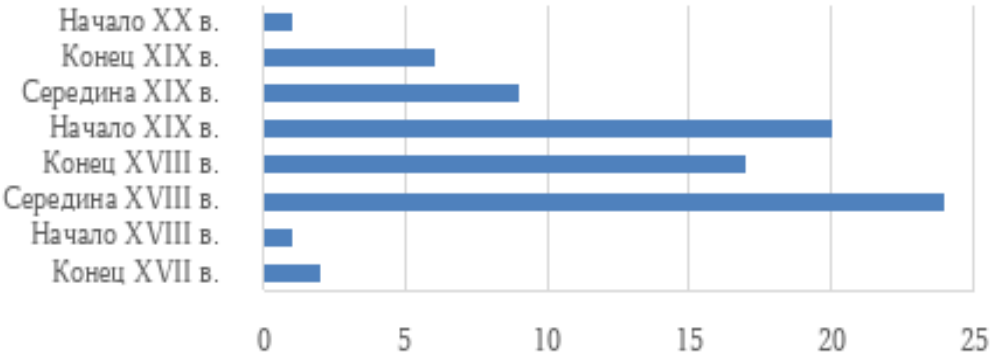

Рис. 8. Гистограмма распределения объектов культурного наследия г. Осташкова по периодам

ИСТОРИОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТРУДАХ Н.М. КАРАМЗИНА

Б. Усманов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Н.А. Лучинина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена выявлению влияния историко-философской мысли немецкого Просвещения на формирование взглядов выдающегося русского мыслителя, историка и писателя Н.М. Карамзина. Первое знакомство Н.М. Карамзина с историко-философскими воззрениями Гегеля, Канта и Гердера состоялось в период его обучения под руководством профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена. В своем научном и литературном творчестве Н.М. Карамзин неоднократно обращался к ключевым проблемам немецкой историософской мысли: вопросам национальной культуры, самобытности, роли образования, взаимоотношения народа и власти, моральных качеств правителей. Значительное влияние на философские и общественно-политические воззрения Карамзина оказало его европейское путешествие, в рамках которого он встречался с Иоганном Готфридом Гердером и Иммануилом Кантом, а также стал очевидцем бурных событий Французской революции.

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, И.М. Шаден, И. Кант, И.Г. Гердер, немецкая философия, эпоха Просвещения, нравственный закон, свобода.*

В истории русской общественной мысли конца XVIII – начала XIX в. особое место принадлежит Николаю Михайловичу Карамзину, чьи литературные, публицистические и исторические труды стали не только фактом культуры, но и важнейшим этапом в становлении отечественной историософии. Традиционно взгляды на Карамзина связывают с французским Просвещением, в частности с идеями Ж.Ж. Руссо, однако, как справедливо отмечает современный исследователь Н. С. Чижков, определяющее значение в формировании философских и социально-политических воззрений русского мыслителя оказали именно представители немецкого Просвещения – Иоганн Матиас Шаден, Иоганн Готфрид Гердер и Иммануил Кант[1]. Цель данной статьи – выявить и проанализировать влияние историософских концепций немецкого Просвещения на труды Н.М. Карамзина.

[1] *Чижков Н.С.* Влияние немецкой философии эпохи Просвещения на идейное формирование Н.М. Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 63.

Объектом исследования выступает историософская мысль немецкого Просвещения, а предметом – ее рецепция и трансформация в творчестве Карамзина. Хронологические рамки охватывают период с 1778 (начало обучения в пансионе Шадена) по 1826 г. (смерть Карамзина), что позволяет проследить эволюцию его взглядов. Источниковая база включает: «Письма русского путешественника», публицистические статьи («Мнение русского гражданина», «Мысли об истинной свободе», «Нечто о науках, искусствах и просвещении»), «Историческое похвальное слово Екатерине II», а также труды И. Канта, И.Г. Гердера и И.М. Шадена. Степень разработанности темы в историографии представлена работами Ю.М. Лотмана[2], В.К. Кантора[3], А.А. Кара-Мурзы[4] и, прежде всего, недавним исследованием Н.С. Чижкова, который впервые системно сопоставил влияние немецкой и французской просветительской мысли на Карамзина[5].

Первым и, возможно, важным этапом идейного формирования Карамзина стало обучение в пансионе профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена, куда будущий историограф был направлен отцом в двенадцатилетнем возрасте. Шаден, лютеранин по вероисповеданию, тем не менее приглашал для своих учеников православного священника, полагая, что национальная культура должна лежать в основании образования[6]. Эта установка – уважение к собственной традиции при открытости к внешнему влиянию – стала одной из фундаментальных черт мировоззрения Карамзина. Система воспитания в пансионе строилась на идеях моральной философии Христиана Фюрхтеготта Геллерта и этическом учении Иоганна Каспара Лафатера, причем Шаден не столько преподавал эти идеи в виде готовых доктрин, сколько применял их к жизненным реалиям своих воспитанников[7].

Четыре ключевые идеи, усвоенные Карамзиным в пансионе Шадена, определили направление всех его последующих историософских размышлений. Первая касалась национальной самобытности: Шаден учил, что культурные особенности и ценности народа должны учитываться при разработке законов и институтов, иначе они не будут работать. Карамзин впоследствии неоднократно говорил о вредности механического копирования институтов из других стран без учета собственной исторической специфики. Вторая идея связана со свободой, которая, по Шадену, проистекает из божественной природы человека. У Карамзина мы

---

[2] *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.

[3] *Кантор В.К.* Заветы Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 11–40.

[4] *Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1(21). С. 101–106.

[5] *Чижков Н.С.* Указ. соч. С. 64–65.

[6] *Кара-Мурза А.А.* Указ. соч. С. 104.

[7] *Чижков Н.С.* Указ. соч. С. 66.

обнаруживаем двойственность в понимании свободы: с одной стороны, она есть проявление человеческого достоинства, данного от рождения и не зависящего от внешних обстоятельств; с другой – свобода позволяет человеку жить согласно своему национальному духу и культурным традициям[8]. Третья идея касалась нравственного поведения: Шаден полагал, что нравственностью управляет не рассудок, а сердце, и научить нравственности невозможно, но можно привить вкус к добру, демонстрируя образцы добродетели. Карамзин, разделяя этот тезис как многие образованные молодые люди того времени, в зрелые годы делал акцент на том, что взрослый человек должен принимать нравственные решения, опираясь на знания, полученные в ходе обучения[9]. Наконец, четвертая идея, наиболее важная для политической философии Карамзина, касалась формы государственного устройства. Шаден считал абсолютную монархию предпочтительной формой правления, поскольку она, основываясь на нравственном законе и принципах общего блага, способна воплощать высшие ценности. Он писал: «Лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим»[10]. В других формах правления, по его мнению, существует опасность разрыва нравственной связи между народом и правителем, а законы могут подчиниться интересам доминирующих групп.

Карамзин, будучи молодым человеком, симпатизировал республике и, вероятно, на тот момент скептически воспринимал слова учителя. Однако в полной мере он осознал их правоту позже – во время своего заграничного путешествия 1789–1790 гг., когда стал свидетелем Французской революции. Именно этот опыт заставил его пересмотреть свои юношеские увлечения и обратиться к более глубокому изучению немецкой мысли. В стихотворном «Послании к Дмитриеву» он напишет: «Теперь иной я вижу свет, – / И вижу ясно, что с Платоном / Республик нам не учредить»[11]. Как отмечает В.К. Кантор, именно после Французской революции Карамзин задумался о преимуществах самодержавия, хотя до конца дней не отказался от республиканских ценностей, считая возможным переход к республике только через просвещение населения, а не через революционные преобразования[12].

Важнейшим событием путешествия стали личные встречи Карамзина с двумя великими немецкими мыслителями – Иоганном Готфридом Гердером и Иммануилом Кантом. Интересно, что Кант, чье рационалистическое учение рассматривалось в масонских кругах как

---

[8] *Чижков Н.С.* Указ. соч. С. 67–68.

[9] Там же. С. 68.

[10] *Schaden I.M.* Quaeritur: quid statuendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda. M., 1793. S. 6.

[11] *Карамзин Н.М.* Послание к Дмитриеву // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М., 2009. Т. 14. С. 63.

[12] *Кантор В.К.* Указ. соч. С. 33.

антипод мистицизма Лафатера, был посещен Карамзиным не случайно. Как убедительно показал Ю.М. Лотман, Кенигсберг лежал в стороне от основного маршрута путешественника, но Карамзин сознательно поехал к Канту, чтобы «выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения»[13].

Иоганн Каспар Лафатер был швейцарским пастором и основателем физиогномики, чей «мистицизм» заключался в убеждении, что внешность человека (черты лица, строение тела) является прямым, зримым отражением его внутренней, духовной сущности, данной Богом. В отличие от рационалистов, он считал, что истинная вера это «религия сердца», а не рассудка, и открыто верил в пророческие сны, предчувствия и магнетизм, что вызывало резкую критику со стороны И. Канта, который говорил о его «чрезмерном воображении»[14]. Местом постоянного служения Лафатера был Цюрих (Швейцария), где он был пастором церкви Святого Петра[15]. Карамзин, посетив Канта в Кенигсберге, затем специально поехал к Лафатеру в Цюрих, чтобы выслушать обе стороны – рационализм и мистицизм[16]. Лафатер и Кант отражали разные стороны душевного строя самого Карамзина: вера в безусловность человеческой доброты сочеталась в нем с критическим складом ума. Впоследствии в «Письмах русского путешественника» Карамзин достаточно точно изложит суть этического учения Канта, придав при этом ироничный тон суждениям о Лафатере.

Учение Канта оказало на Карамзина глубокое влияние, особенно в части обоснования нравственного закона, не зависящего от внешних целей и желаний человека. Кантовский лозунг Просвещения – «Имей мужество пользоваться собственным умом!» – стал для Карамзина руководством к действию[17]. Однако, в отличие от Канта, Карамзин никогда не был последовательным рационалистом. Его мировоззрение сочетало деистические представления о Боге как Творце, не вмешивающемся в дальнейшую судьбу мира, с твердой верой в Провидение. Это противоречие не получило у Карамзина строгого философского разрешения, но в его историософии оно разрешалось практически: Бог создал реальный мир с его законами, в котором люди и государства преследуют свои интересы, но у человека есть бессмертная душа, способная поступать в соответствии с нравственным законом, то есть свободно[18].

Ключевым для понимания карамзинской концепции свободы является его тезис о том, что свобода не дается извне – ни государем, ни парламентом, ни конституцией. «Для существа нравственного нет блага

[13] *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 66–67.
[14] Там же.
[15] Там же. С. 57.
[16] *Чижков Н.С.* Указ. соч. С. 71.
[17] *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // *Кант И.* Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 29.
[18] *Чижков Н.С.* Указ. соч. С. 77–78.

без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощию Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!» – писал он[19]. Истинно свободен не тот, кто ничем не ограничен, а тот, кто следует голосу совести. Таким образом, Карамзин переносит проблему свободы из политической плоскости в этико-антропологическую, что является прямым следствием влияния немецкой, а не французской просветительской традиции. Нравственный закон, по Карамзину, – это своего рода образец поведения, который связан с совестью и чувством добра и зла: «Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно»[20].

Не менее важной для Карамзина была встреча с Гердером, который одним из первых выдвинул идею национального государства, основанного на народном духе (нем. Volksgeist). Народ рассматривается как своего рода единый организм, наделенный общей духовностью и общим психическим складом. Близким понятием является национальный характер. Понятие национального духа (нем. Nationalgeist) введено в 1760-е гг. немцами и позднее мыслителем Иоганном Готфридом Гердером. У Гердера эта идея носила гуманный характер и была связана с естественным правом; он был противником насильственного захвата власти, поскольку это разрушает сложившиеся национальные культуры. У Карамзина была схожая идея, которую он подкреплял примерами из российской истории. Дух народа проявляется в любви к отечеству, основанной на великих достижениях в науке, культуре и военных заслугах. Однако, в отличие от Гердера, Карамзин допускал, что завоевания могут быть не только разрушительны, но и нести в себе движение вперед. Рассуждая о покорении Новгорода Москвой, он видел в этом не только уничтожение народного духа, но и некую «тайну провидения»[21].

Взгляды Карамзина существенно расходились с позициями его современников, ориентировавшихся преимущественно на французскую политическую мысль, – М.М. Сперанского и П.А. Вяземского. Сперанский, чье мировоззрение формировалось под влиянием французских просветителей, в «Плане государственного преобразования» предлагал ограничить абсолютную власть монарха, ввести разделение властей и частично предоставить политические свободы населению. Он полагал возможным «заимствовать» из Западной Европы готовые институты. Карамзин же был решительным противником такого подхода, считая, что копирование институтов без учета уровня развития общества и народного духа может привести не к модернизации, а к революции[22]. Петр Андреевич Вяземский, младший друг Карамзина, также склонялся к логике

---

[19] *Карамзин Н.М.* Мысли об истинной свободе // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М., 2009. Т. 17. С. 46.

[20] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Там же. Т. 13. С. 26.

[21] *Карамзин Н.М.* Марфа-посадница, или Покорение Новагорода // Там же. Т. 15. С. 120.

[22] *Чижков Н.С.* Указ. соч. С. 80–81.

французского Просвещения и полагал, что конституция и гарантии гражданских прав являются необходимым условием личной свободы и прогресса. Карамзин, напротив, стремился показать, что не конституция ведет к просвещению, а просвещение делает возможным правильное использование конституции. Он писал: «…не Конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум»[23]. Без предварительного просвещения населения любые попытки введения конституции или отмены крепостного права обернутся негативными последствиями и неизбежно приведут к кровопролитию.

Таким образом, в идейном наследии Карамзина наблюдается явный приоритет этической и философско-антропологической проблематики над социально-политической. Эта особенность сближает его именно с представителями немецкого Просвещения, а не с французскими мыслителями, которые акцентировали внимание на институциональных преобразованиях. Карамзин не создал строгого онтологического или гносеологического учения, но он сумел применить универсальные философские построения Канта, Гердера и Шадена к осмыслению российской действительности. Его историософия строилась на идее эволюционного развития: нравственный закон постепенно откладывается в народном духе, закрепляется в обычаях и убеждениях, и только на этой основе возможны любые политические преобразования. Именно поэтому для Карамзина просвещение, образование и нравственное воспитание были важнее любых конституционных ограничений. Эта мысль, усвоенная им от немецких учителей и проверенная личным опытом наблюдения за Французской революцией, осталась стержнем всего его творчества – от юношеских «Писем русского путешественника» до зрелой «Истории государства Российского».

Список литературы

Кантор В.К. Заветы Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 11–40.

Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1(21). С. 101–106.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 384 с.

Чижков Н.С. Влияние немецкой философии эпохи Просвещения на идейное формирование Н.М. Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 62–83.

Дата поступления рукописи в редакцию – 07.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[23] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника… С. 466.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ОСТРОТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В ЛЕНИНГРАДЕ (1944–1960 ГГ.)[1]

А.Н. Дмитриева
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Научный руководитель – Е.Е. Красноженова,
доктор исторических наук, доцент

Аннотация. Целью исследования является проиллюстрировать взаимосвязь между развитием технологий в поствоенном Ленинграде и факторами, влияющими на снабжение населения. Историко-генетический метод позволил проанализировать развитие пищевых технологий, а общенаучные методы – выявить взаимосвязь между развитием технологических процессов и преодолением продовольственного кризиса. Самоотверженный труд специалистов и работников пищевой отрасли позволил в максимально короткие сроки восстановить деятельность ключевых предприятий, что способствовало улучшению снабжения населения продовольственными товарами.

Ключевые слова: *продовольственный кризис, социальная политика СССР, пищевая промышленность, социальное обеспечение, Ленинград, снабжение.*

На протяжении всей истории нашей страны продовольственные кризисы были периодическими явлениями. В данной работе автором рассмотрен продовольственный кризис поствоенного времени на примере г. Ленинграда. Примечательной чертой данного примера стало то, что Ленинград входил в когорту самых обеспечиваемых ресурсами городов СССР, однако во время войны часть города была разрушена, часть предприятий и научных и учебных учреждений эвакуирована в глубокий тыл. Все эти и многие другие факторы непосредственно или косвенно повлияли на экономическое положение СССР, а также Ленинграда в частности.

В последнее десятилетие интерес к историческому развитию пищевой промышленности в военные и поствоенные годы возрос[2]. Но

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02684, https://rscf.ru/project/25-28-02684/».

[2] *Грибачева А.П.* Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941–1943 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. С. 118–132; *Красноженова Е.Е.* Между голодом и

влияние технологического развития пищевых производств на другие сферы практически не рассматривается. В данном исследовании речь пойдет об одном из возможных путей разрешения напряженной обстановки с продовольствием – техническом прогрессе, который, наряду с рационализаторским движением, оказал на него большое влияние.

Снабжение населения всегда было и является частью социальной политики государства. Огромное влияние на процессы снабжения населения оказало военное время. С одной стороны, пришлось перестраивать организацию процесса в связи с законами военного времени, с другой – приходилось действовать в условиях постоянного дефицита продовольствия. В Ленинграде сложилась уникальная ситуация, не имеющая аналогов даже на сегодняшний день. Город не просто продолжал жить во время блокады, но и производил продукцию для жителей и для фронта. Механизмы, позволявшие наладить производство продукции в условии дефицита в период блокады Ленинграда и в поствоенную пятилетку, являются актуальными на сегодняшний день не только для нашей страны, но и для других государств.

Целью данного исследования является проиллюстрировать взаимосвязь между развитием науки и техники в поствоенном Ленинграде и решением вопроса снабжения населения, а также доказать положительное влияние развитие науки и техники на качество снабжения населения продовольственными товарами.

Основной проблемой стала неудовлетворенность качеством, ассортиментом и количеством продукции. В связи с этим необходимо было продолжать поиски дополнительных источников сырья, совершенствовать технологические процессы изготовления, искать способы увеличения продолжительности хранения изделий, механизировать трудоемкие операции.

После восстановления предприятий и оборудования, с развитием технологий расширялся ассортимент продукции и полуфабрикатов для реализации. Продукты становились более качественными, ассортимент расширялся, доступны по стоимости. Развитие технологий консервирования позволило употреблять переработанные фрукты и овощи даже вне сезона, а различные полуфабрикаты и концентраты позволяли в условиях дефицита времени приготовить вкусный обед.

Огромный масштаб приобрело рационализаторское движение. Применение историко-генетического метода позволило проанализировать развитие пищевых технологий в послевоенный период, а общенаучные

производством: продовольственное снабжение и питание рабочих предприятий блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3(84). С. 39–47; *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленин градского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1(15). С. 8–21; *Ходяков М.В.* Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде // Российская история. 2019. № 3. С. 163–166.

методы позволили выявить взаимосвязи между развитием технологических процессов в пищевой отрасли и преодолением продовольственного кризиса в Ленинграде.

Рассматриваемый временной период (1944–1960 гг.) условно можно поделить на 2 этапа: восстановительный и модернизационный. Пятая пятилетка (1946–1950 гг.) была практически полностью посвящена восстановлению промышленности, в том числе и пищевой. Но восстановительные процессы начались гораздо раньше. 29 марта 1944 г. вышло Постановление ГКО «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.». В Постановлении ГКО «О развитии промышленности, городского хозяйства гор. Ленинграда» для преодоления кризисной ситуации были приняты следующие решения: восстановить в 1944 г. производство маргарина, саломаса, лимонной кислоты и ХП оборудования; восстановить портовые элеваторы и первую очередь зерновой базы № 2; привести в рабочее состояние предприятия мясомолочной промышленности[3].

За 1944 г. расконсервировали 10 предприятий пищевой отрасли (кондитерская фабрика им. Самойловой, мелькомбинат им. Кирова, гидрогенизационный цех завода «Салолин», три сухарных цеха, портовые холодильники, элеваторы и т. д.). Работоспособность предприятий удалось достаточно быстро восстановить, несмотря на продолжающиеся в них ремонтные процессы. На повестке еще оставались решение сырьевого вопроса, оптимизация погрузочно-разгрузочных работ, повышение качества продукции.

Осенью 1944 г. возобновили переработку скота на мясокомбинате им. Кирова. Также была проведена реконструкция цеха по переработке субпродуктов. Одним из новшеств было введение в эксплуатацию автомата для приготовления пельменей конструкции А.В. Скрыпника, Д.Н. Усика, Н.А. Богачева[4]. Вместе с тем механизировали транспортирование и погрузочные работы в пельменном цехе.

В 1944 г. на фабрике им. Самойловой была восстановлена котельная и линия производства бисквита, досрочно введены в работу 3 штамповочных агрегата бисквитного цеха. В планах также обозначали форсирование выпуска фруктов в шоколаде и мягких конфет для Главособторг, а также был поставлен вопрос о возврате предприятию кафе «Норд». В период 4-ой пятилетки были восстановлены дражейный цех, вторая бисквитная линия, а также организовано производство халвы, подготовлены к пуску мармеладно-пастильный и венский цеха. Еще одним

[3] Постановление Государственного Комитета Обороны от 29 марта 1944 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.» (Извлечение) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941–1952 гг. М., 1968. С. 198.

[4] Первенец мясной индустрии: [25 лет Ленингр. мясокомбината им. С.М. Кирова. 1933–1958: Сборник статей]. Л., 1958. С. 48.

необходимым новшеством на базе данного предприятия стала организация цеха производства гофрированной тары, использование которой позволяет освободить помещения для обработки многоразовой тары[5].

Оптимизация процессов, применение более современного оборудования (в том числе упаковочного) позволило увеличить количество выпускаемой продукции, применение местного сырья (в основном за счет растительного сырья) позволило расширить ассортимент продукции, без значительного увеличения себестоимости, а местами, увеличить выход полуфабрикатов.

В результате исследования можно сделать вывод, что благодаря самоотверженному труду специалистов и работников пищевой отрасли удалось в максимально короткие сроки восстановить деятельность ключевых предприятий отрасли, что способствовало улучшению снабжения населения продовольственными товарами.

Список литературы

Грибачева А.П. Производственная деятельность предприятий пищевой промышленности блокадного Ленинграда (1941–1943 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. С. 118–132.

Красноженова Е.Е. Между голодом и производством: продовольственное снабжение и питание рабочих предприятий блокадного Ленинграда (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3(84). С. 39–47.

Первенец мясной индустрии: [25 лет Ленингр. мясокомбината им. С.М. Кирова. 1933–1958: Сборник статей]. Ленинград: Лениздат, 1958. 200 с.

Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленин градского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1(15). С. 8–21.

Федоровский А.Е. Кондитерская промышленность СССР за годы Советской власти / Науч.-техн. о-во пищевой пром-сти. Ин-т усовершенствования ИТР – членов Науч.-техн. о-ва пищевой пром-сти. 2-е изд. М.: Б. и., 1959. 111 с.

Ходяков М.В. Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде // Российская история. 2019. № 3. С. 163–166.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[5] *Федоровский А.Е.* Кондитерская промышленность СССР за годы Советской власти. М., 1959. С. 16.

КИТАЙСКИЕ ПОДДАННЫЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

М.В. Дмитрук
Белорусский государственный университет, Минск

Научный руководитель – Е.Ф. Поддубская,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются общие процессы миграционных потоков китайских подданных на территорию Российской империи в конце XIX – начале XX в., основные причины осуществления миграции и главные пути переселения китайцев. Описывается политика российских властей по отношению к формировавшейся китайской диаспоре и особенности взаимодействия местного населения с китайскими подданными. Определяются категории китайских лиц, прибывшие на территорию России, а также виды работ, на которые привлекались китайские рабочие, и последствия использования китайской рабочей силы.

Ключевые слова: *китайская диаспора, китайские подданные, китайские рабочие, миграция, эмиграция, репатриация, Россия, Российская империя, Китай*.

27 августа 1689 г. между Русским царством и Великой Циньской империей был заключен Нерчинский договор о границах и условиях торговли между государствами, зафиксировавший принадлежность Китаю обширных территорий на левой стороне реки Амур. Данные территории входили в состав Китая вплоть до середины XIX в. – заключения Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров, по которым большая часть земель Приамурья была возвращена в состав Российской империи, а официальная граница была установлена по рекам Амур и Уссури. За период нахождения в составе Китая на указанных территориях успели расселиться многочисленные местные народности – орочоны, гольды, нивхи и др., а также незначительное количество китайского населения – ханьцы и маньчжуры.

На момент подписания Пекинского договора в Уссурийском крае проживало около 2–3 тыс. китайцев. Основу переселенцев составляли охотники, золотоискатели, сборщики женьшеня, беглые люди, а также сосланные преступники. 872 человека являлись оседлыми, 341 человек – фанза[1]. Аналогичный национальный и менее численный состав китайцев прослеживался на территории Приамурского края. В междуречье Амура и Зеи существовало относительно компактное поселение китайских подданных, представленное оседлыми маньчжурами[2].

[1] *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 19.
[2] Там же. С. 20.

Во второй половине XIX в. на территории Уссурийского и Приамурского краев сформировалось несколько оседлых и устойчивых значительных по численности групп выходцев из Китая, большую часть которых составляли переселенцы из западных и восточных китайских провинций и, главным образом, рабочие, промысловики и торговцы[3]. Стремительному росту миграции на указанные территории способствовало отсутствие государственной пограничной охраны на данном участке границы. Только в 1869 г. была сформирована Уссурийская конная сотня для несения пограничной службы, однако формирование было малочисленным, в связи с чем под охранный контроль попадала лишь малая часть границы[4].

Российские власти в большей степени были заинтересованы в удержании выходцев из соседних стран на малозаселенных русским населением землях в качестве потенциальных колонистов, занимающихся хозяйственным освоением территории. В 1861 г. были приняты «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях», регламентирующие порядок заселение указанных территорий – российским и иностранным подданным предоставлялось разрешение на заселение данных земель, приобретение земельного участка во временное владение или в полную собственность с освобождением от налогов на 20 лет[5]. Однако открытая политика российских властей сочеталась со слабым, а иногда и нулевым контролем с ее стороны за деятельностью иностранцев (в том числе и китайцев), что приводило к существенному ущербу и увозу национальных природных богатств в Амурской и Приморской областях, росту ввоза/вывоза контрабанды и др.

Новый масштабный этап китайской эмиграции начался в конце XIX в. в связи с резким дефицитом рабочей силы при освоении регионов Дальнего Востока и Сибири. Экономическая целесообразность вынудила российское правительство санкционировать привлечение китайских подданных на свою территорию, хоть и в ограниченных районах. Параллельно развитию миграции способствовали экономический подъем Маньчжурии, начало колонизации Монголии и строительство Китайско-Восточной железной дороги (1897–1903 гг.)[6].

Основными регионами, откуда шли активные трудовые миграционные потоки китайских рабочих, являлись провинции Шаньдун, Чжили, а позднее – Маньчжурия. Вербовка осуществлялась через китайских или русских подрядчиков, оплачивающих в кредит транспортные расходы переселенцев. Из крупнейшего центра вербовки

---

[3] *Рындин С.Н.* Китайские подданные на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Серыя: Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства. Мн., 2017. Вып. 15. С. 273.

[4] *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 20.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 21–22.

г. Чифу рабочие доставлялись во Владивосток морским путем. Другие группы двигались в Россию через Маньчжурию (преимущественно г. Харбин) по железной дороге, на речных судах или пешим ходом[7].

Миграционный поток, вызванный аграрным перенаселением и безработицей в Китае, состоял преимущественно из молодых мужчин. Китайский трудовой контингент отличался высокой текучестью и гендерной диспропорцией: мигранты прибывали без семей для сезонной работы (март–декабрь). Жесткая экономия расходов позволяла им за сезон скопить 150–300 рублей сбережений, что было в 2–3 раза больше потенциального заработка в Китае. Отработав один или несколько сезонов, подавляющее большинство китайских рабочих возвращалось обратно в Китай[8].

Сферы применения китайского труда неуклонно расширялись. В 1886 г. прииск Джалинда (Верхне-Амурская компания) впервые привлек китайцев для золотодобычи, прервав традицию найма исключительно русских рабочих. Позже мигранты перешли к самостоятельной добыче золота на территории региона Хингана с дальнейшим распространением по бассейну Амура, охоте и сбору лекарственных трав. На рубеже XIX–XX вв. главным потребителем китайской рабочей силы стало само государство при строительстве Транссибирской магистрали (1891–1916 гг.) и крепости-порта Владивосток. Вслед за казенными ведомствами их стали массово нанимать частные предприятия. Параллельно возросло число китайских торговцев и прислуги[9].

Динамика численности китайского населения имела следующий вид: на 1869 г., согласно материалам экспедиции генерала Соколова, общее число китайцев и маньчжуров в Приамурском крае (Амурская и Приморская области) составляло около 10 600 чел.[10] Согласно данным переписи 1897 г., на территории России проживало 57 459 китайцев (включая дунган), в том числе на Дальнем Востоке и в Сибири – 41 112 чел.[11] По местной статистике, на Дальнем Востоке на 1910 г. насчитывалось 111 466 китайцев[12]. Стоит отметить, что по оценкам многих специалистов действительная численность китайской диаспоры на территории Российской империи существенно превышала указанные статистические показатели.

В связи с формированием и стремительным развитием китайской диаспоры на территории Российской империи особую роль в защите своих национальных интересов стали играть китайские национальные организации. Во второй половине XIX в. политика российской

[7] *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 23.
[8] Там же. С. 22.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 23.
[11] Там же.
[12] Там же.

администрации в отношении данных организаций носила двойственный характер. Власти испытывали объективную потребность во вспомогательных органах управления диаспорой, однако одновременно опасались формирования неподконтрольной альтернативной («теневой») власти[13].

До официального признания китайские общества функционировали нелегально (во Владивостоке – с 1881 г., в Хабаровске – с 1889 г.). В 1891 г. в указанных городах, а также в Никольск-Уссурийске были впервые санкционированы «китайские общественные управления». Они выстраивались по модели российского крестьянского самоуправления и находились под надзором полиции. В 1897 г. данные институты были формально упразднены из-за подозрений в том, что они служили прикрытием для тайных структур. Однако в Никольск-Уссурийске местное управление де-факто функционировало до 1901 г., поскольку выступало источником финансирования нужд местной полиции[14].

Выдача разрешений на создание китайских общественных организаций возобновилась с 1907 г. Существенным импульсом к институциональному развитию диаспоры стало преобразование в 1909 г. коммерческого агентства во Владивостоке в консульство, фактически ставшее высшей инстанцией для мигрантов[15]. Дополнительное влияние оказало образование в 1912 г. Китайской Республики, правительство которой активизировало защиту интересов своих граждан за рубежом.

Российская администрация практически не располагала достоверными сведениями о функционировавших в мигрантской среде тайных обществах. Одновременно легальные структуры также подозревались в реализации скрытой повестки и выполнении функций «автономных ответвлений» политики Пекина. Данные опасения подтверждались докладами должностных лиц. В 1910 г. владивостокский цензор А. Занковский, проработавший 10 лет русским секретарем Китайского общества взаимного вспомоществования, доложил министру иностранных дел о наличии у общества тайных связей с Китаем. В записке отмечалось ведение обширной нерегламентированной коммерческой деятельности и узурпация судебных функций (урегулирование споров даже между лицами, не состоящими в организации), что превращало общество в «государство в государстве». В 1914 г. исследователь В.К. Арсеньев выявил, что общество взаимопомощи Никольск-Уссурийска использовало в делопроизводстве официальную печать Министерства торговли Китая[16].

---

[13] *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 55.
[14] Там же. С. 55–56.
[15] Там же. С. 56.
[16] *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этногр. Хабаровск, 1914. С. 192.

В начале XX в. на фоне бурных миграционных потоков на территории России стали появляться китайские студенты, которых можно было встретить во многих российских учебных заведениях: в Военно-медицинской академии, Институте путей сообщения, Горном институте императрицы Екатерины, Политехническом институте императора Петра Великого, Иркутском горном училище, Николаевском кавалерийском училище и др. Их зачисляли по ходатайству китайской дипломатической миссии, с разрешения соответствующего министра или даже императора, нередко – в качестве вольнослушателей. Из среды этих студентов позже вышли создатели благотворительной организации «Союз китайских граждан», в течение ряда лет игравшей заметную роль в жизни китайской общины[17].

С началом Первой мировой войны в России резко возрос спрос на рабочую силу. Она требовалась прежде всего для прокладки железных дорог и других строительных работ, добычи угля, рубки леса. О «желтой опасности» было тут же забыто – совет министров снял запрет на наем иностранцев на казенные работы на Дальнем Востоке и разрешил использовать их труд «в местностях Империи, расположенных к западу от Байкала, за исключением района военных действий»[18].

География вербовки, изначально ограниченная Маньчжурией, со временем распространилась на Северный Китай (Инкоу, Яньтай), Шанхай и Синьцзян, где искали рабочих для строительства Семиреченской железной дороги. Наем осуществлялся российскими и китайскими фирмами-посредниками[19].

Высокий спрос на рабочую силу спровоцировал появление на рынке недобросовестных агентов и криминализацию рекрутинговой сферы: возникла жесткая конкуренция, сопровождавшаяся мошенническим сговором и незаконным перехватом готовых партий мигрантов. В целях защиты прав своих граждан правительство Китайской Республики запретило нелегальную вербовку и ввело обязательную двустороннюю государственную верификацию контрактов. Процесс стал регламентироваться комплексом китайских актов – «Положение о выезде за границу на работу», «Закон о защите выезжающих на работу», «Правила подрядной деятельности» – и российскими «Правилами найма и перевозки рабочих желтой расы». Последние обязывали нанимателей обеспечивать рабочих временным жильем (бараками), питанием, комплектами одежды и обуви, а также проводить медицинский осмотр перед отправкой. Транспортировка эшелонов осуществлялась в сопровождении переводчиков при постоянном продовольственном снабжении со стороны агентов[20].

---

[17] *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 63.

[18] *Дацышен В.Г.* Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008. С. 111.

[19] *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 64.

[20] Там же. С. 64, 67.

На практике китайские мигранты систематически сталкивались с изнурительными условиями труда, дискриминацией и административным произволом. Данные факторы провоцировали трудовые конфликты: забастовки, волнения и столкновения с полицией и казачьими частями. Закономерным следствием стали массовые побеги рабочих с производств. Беглые и уволенные мигранты формировали маргинальную группу так называемых «бродячих китайцев», лишенных жилья и выживавших за счет мелкой торговли и случайных заработков. После начала Первой мировой войны, в связи с введением военного положения, данная категория лиц подверглась административной высылке из Петербурга, прифронтовых губерний, ряда городов Дальнего Востока и полос отчуждения железных дорог как «подозрительная по поведению»[21].

Согласно официальной российской статистике, с января 1915 г. по апрель 1917 г. железнодорожным транспортом было ввезено 159 972 китайских рабочих[22]. В то же время посольство Китая в России (1916 г.) и китайский МИД оперировали цифрой в 100 тыс. чел.[23] Зона расселения мигрантов распространилась практически на всю европейскую часть России, охватив Петербург, Москву, Новгород, Ригу, Майкоп, Симферополь, Мелитополь, Тирасполь, а также Карелию и Урал[24].

Таким образом, миграция китайских подданных на территорию Российской империи, происходившая в XIX – начале XX в., на начальных этапах в силу осторожности российских властей носила ограниченный характер – основными регионами концентрации будущей китайской диаспоры являлись территории российского Дальнего Востока (в частности Уссурийский и Приамурский края) и Сибири. Основу будущей китайской диаспоры составляли, главным образом, торговцы и ремесленники. Со второй половины XIX в. в силу дефицита рабочей силы наблюдалась интенсификация миграционных процессов, которая сопровождалась ростом численности китайских переселенцев и преимущественным вовлечением в них китайских рабочих, покинувших Китай ввиду безземелья и сложного материального положения. Больший темп трудовая миграция получила в связи с началом Первой мировой войны, которая также способствовала принятию российскими властями решения о снятии географических ограничений расселения китайских подданных и разрешения привлечения их в тыловые и прифронтовые работы. Параллельно в конце XIX – начале XX в. на территории России возникали общественные организации с целью защиты национальных интересов китайцев.

[21] *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 68.
[22] Там же. С. 67.
[23] Там же.
[24] Там же.

Список литературы

Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк ист.-этногр. Хабаровск: тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1914. [6], II, 204 с., [28] л. ил., факс., карт.: табл.; 27 см. (Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества; Т. 10, вып. 1).

Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск: СФУ, 2008. 326 с.

Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.

Рындин С.Н. Китайские подданные на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Серыя: Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства / Нац. гіст. арх. Беларусі. Мн., 2017. Вып. 15. С. 273–283.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ОТ ЧАСТНЫХ ИНИЦИАТИВ К ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОМУ ГУМАНИТАРНОМУ УЧАСТИЮ: ПОДДАННЫЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРБСКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1876 Г.

С.В. Забелин
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань

Научный руководитель – Е.А. Кирьянова,
доктор исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются институциональные особенности включения добровольцев – подданных Российской империи – в Сербско-турецкую войну 1876 г. Показано, что на фоне реформирования системы воинской повинности 1874 г. сербский кейс зафиксировал переход от частных и общественных практик участия к частично институционализированной модели гуманитарного и околовоенного включения. Анализируются Славянские комитеты, штаб М.Г. Черняева и Общество попечения о больных и раненых воинах как основные организационные каналы этого процесса.

Ключевые слова: *Сербско-турецкая война 1876 г., добровольчество, охотник, вольноопределяющийся, Устав о воинской повинности 1874 г., Славянские комитеты, Общество попечения о больных и раненых воинах, М.Г. Черняев, Женевская конвенция 1864 г.*

Постановка проблемы

Сербско-турецкая война 1876 г. занимает особое место в истории общественного участия подданных Российской империи в зарубежных вооруженных конфликтах. В рамках Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. она традиционно рассматривается в связи с панславистским движением и деятельностью Славянских комитетов. Однако для истории добровольчества этот сюжет важен не только масштабом сочувствия Сербии и Болгарии, но и тем, что для научной оптики само слово «доброволец» оказывается недостаточным при описании разных форм включения российских подданных в конфликты[1].

В одном понятийном поле здесь оказываются офицер, временно вышедший в отставку для поступления на сербскую службу, участник отправки людей и пожертвований через Славянские комитеты, врач, фельдшер или сестра милосердия, направленные по линии Общества попечения о больных и раненых воинах, авантюрист, собственными

[1] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 260–343; *Поповкин А.А.* Посредническая деятельность славянских комитетов в годы кризиса и войны 1870-х годов: гуманитарный и культурный аспекты // Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.: темат. сб. трудов. Белград, 2022. С. 169–170.

силами примкнувший к военной кампании. Если все эти фигуры механически обозначить одним термином – «доброволец», исследователь получает не категорию анализа, а удобный, но расплывчатый ярлык.

Цель статьи – показать, что сербский кейс 1876 г. фиксирует не рождение русского добровольчества как такового, а эволюцию прежних форм добровольного военного участия: от индивидуального порыва к инфраструктурно-опосредованной модели, где тон задают комитеты, штабные структуры и гуманитарные организации. В этом смысле 1876 г. целесообразно рассматривать как один из рубежей институционализации гуманитарного и околовоенного участия подданных Российской империи в зарубежных конфликтах.

Понятийный срез: охотник, волонтер, вольноопределяющийся

В русской словесной и военно-административной традиции XIX в. сосуществовали понятия «волонтер», «охотник», «вольноопределяющийся» и «доброволец»; они обозначали не единую социальную фигуру, а различные режимы включения человека в военную или околовоенную деятельность[2].

«Вольноопределяющийся» соотносился с особым порядком прохождения службы в регулярной армии; «охотник»[3] отсылал к более ранним практикам добровольного вступления или замещения кадровых позиций в имперской армии; «доброволец» в зарубежных конфликтах 1870-х гг. все чаще выходил за пределы собственно военного статуса и мог обозначать как участника боевых действий, так и посредника, медика, сестру милосердия или организатора помощи[4].

Представленный терминологический срез значим как способ зафиксировать исторический сдвиг. Пока добровольное участие мыслится через фигуру отдельного «охотника», в центре анализа остается личное решение, однако сербский случай показывает иную конфигурацию: добровольный порыв начинает проходить через учреждения, процедуры и посредников, то есть через то, что в институциональном подходе описывается как система правил, ограничений и стимулов[5].

---

[2] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Статья «Волонтер». Т. VII: Волапюк – Выговские. СПб., 1892. С. 83. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Волонтер (дата обращения: 12.05.2026).

[3] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Статья «Охотник». Т. XXIIa: Оуэн – Патент о поединках. СПб., 1897. С. 501–502. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Охотники,_в_отношении_воинской_повинности (дата обращения: 12.05.2026).

[4] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Статья «Вольноопределяющийся». Т. VII: Волапюк – Выговские. СПб., 1892. С. 138–140. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Вольноопределяющиеся (дата обращения: 12.05.2026).

[5] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., 1997. 180 с.

Устав 1874 г. и внутренняя регламентация службы

В первой половине 1870-х гг. Российская империя перестраивала систему военной обязанности, переводя ее из сословно-рекрутской логики в более универсальную и регламентированную модель: ст. 1 закрепляла защиту престола и Отечества как обязанность каждого русского подданного, в ней же указывалось, что мужское население без различия состояний подлежит воинской повинности[6].

Для лиц, состоявших на действительной службе до издания Устава, сохранялся прежний порядок учета выслуги, а к 1876 г. реформа еще не успела сформировать массового слоя запаса нового типа. Кадровый резерв, на который опиралась добровольческая мобилизация 1876 г., складывался преимущественно из дореформенного поколения нижних чинов, переведенных в бессрочный отпуск или запас в 1860-х – начале 1870-х гг., и из офицеров, статус которых регулировался отдельным военным законодательством[7].

Тем самым связь реформы 1874 г. с сербской кампанией является не прямой, а структурной: реформа сформировала нормативно-кадровую структуру, в которой в 1876 г. стали возможны два одновременных канала участия в конфликте – общественный и международно-гуманитарный.

Решение Александра II конца июля 1876 г. о временных отставках офицеров дополнило их третьим – государственным, санкционировав правовой коридор для участия в сербской кампании.

Международный правовой контекст

В период сербской кампании уже действовала Женевская конвенция от 22 августа 1864 г., действовавшая для России и Османской империи в ее первоначальной редакции (Россия присоединилась 10 (22) мая 1867 г., Османская империя – 5 июля 1865 г.); Дополнительные статьи 1868 г. ратифицированы не были и в силу не вступили, а Конвенция 1906 г. появилась уже после рассматриваемого сюжета[8]. Конвенция 1864 г. закрепляла нейтралитет полевых госпиталей и санитарного персонала и защиту лиц, оказывающих помощь раненым, придавая гуманитарной деятельности вокруг армии международно признанную правовую рамку.

---

[6] Устав о воинской повинности. Вильна, 1874. [2], 128 с.: 15. Ст. 1, стр. 14. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003545684/ (дата обращения: 12.05.2026).

[7] Свод военных постановлений 1869 года. [2-е изд. Ч. 1]. Кн. 7. Прохождение службы по военному ведомству: (По 1 янв. 1907 г.). СПб., 1907. [3], 396 с. [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003893826?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 12.05.2026).

[8] Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field. Geneva, 22 August 1864. Art. 1–7 // ICRC IHL Databases. [Электронный ресурс]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gc-1864 (дата обращения: 12.05.2026); О статусе сторон и Дополнительных статей 1868 г. см.: ICRC IHL Databases. [Электронный ресурс]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/add-arts-gc-1868 (дата обращения: 12.05.2026).

Российским организационным ответом стало Общество попечения о больных и раненых воинах, учрежденное 3 (15) мая 1867 г. По данным О.В. Чистякова, к 1875 г. оно насчитывало 10 047 членов и около 170 местных учреждений; на 1876 г. фиксируется сеть из пяти окружных управлений, 56 местных управлений и 108 местных комитетов, в том числе 47 дамских[9].

Брюссельский проект Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1874 г. формулировал условия, при которых ополчение и добровольческие корпуса подпадали под действие законов и обычаев войны: ответственный командир, постоянный отличительный знак, открытое ношение оружия, соблюдение законов войны. Таким образом, мы можем наблюдать эволюцию международно-правовой мысли – от стихийного вооруженного участия к признанию организованных форм[10].

Славянские комитеты

Славянские комитеты выступали основным общественным посредником сербской мобилизации. Московский комитет был учрежден в 1858 г.; впоследствии оформились его петербургское, киевское и одесское отделения. В условиях кризиса 1875–1876 гг. эти структуры выполняли не только благотворительные (материальные) и кадрово-логистические функции: сбор средств, отбор и направление людей, информационное сопровождение движения[11].

По оценке А. Тимофеева, в 1876 г. Славянские комитеты направили из России в Сербию 4 303 человека; автор оговаривает, что показатель не учитывает несколько сот лиц, прибывших самостоятельно, и не охватывает персонала санитарных структур. Эта оговорка принципиальна: добровольческое движение существовало не как единый поток, а как совокупность различных каналов участия[12]. Информационное измерение движения обеспечивала периодическая печать: журнал «Пчела» М.О. Микешина в 1875–1878 гг. систематически публиковал материалы о балканских событиях и героизировал фигуру добровольца[13].

М.Г. Черняев и офицерский корпус

Боевая функция участия наиболее наглядно связана с фигурой М.Г. Черняева, прибывшего в Белград в апреле 1876 г. и принятого на

---

[9] *Чистяков О.В.* Деятельность Российского Общества Красного Креста в вооруженных конфликтах (1867–1917 гг.) // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1(54). С. 224, 226.

[10] Brussels Declaration concerning the Laws and Customs of War. Brussels, 27 August 1874. Art. 9 // ICRC IHL Databases. [Электронный ресурс]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/brussels-decl-1874/article-9 (дата обращения: 12.05.2026).

[11] *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 5–58; *Поповкин А.А.* Указ. соч. С. 170–178.

[12] *Тимофеев А.* Добровольчество в Сербии в 1876 году как особое явление в истории русского общества // Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.: темат. сб. трудов. Белград, 2022. С. 124.

[13] *Кузьмичева Л.В.* Журнал «Пчела» М.О. Микешина о русском добровольческом движении в Сербию в 1876 г. // Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.: темат. сб. трудов. Белград, 2022. С. 45–58.

сербскую службу 12 мая 1876 г. Вокруг признанного военного лидера концентрировалась часть добровольческого движения, что позволяло создать более эффективную организационную структуру из прибывающих добровольцев[14].

К началу войны на сербскую службу поступили 718 русских офицеров; к концу кампании под командой М.Г. Черняева оставалось 2 446 добровольцев, в том числе 640 офицеров и 1 806 унтер-офицеров и солдат. Регулярная сербская армия за полгода до войны располагала 317 штатными офицерами, из которых около 24 имели штабное образование[15].

Разрешение Александра II в июле 1876 г. на временную отставку офицеров с сохранением чина и места службы по возвращении формально не являлось прямым государственным вмешательством в войну, но фактически создавало санкционированный канал участия. Тем самым обозначилась пограничная модель, в которой добровольное решение подданного, общественная мобилизация и государственная санкция оказывались связаны единой практикой[16].

Общество попечения о больных и раненых воинах

Международно-гуманитарный канал особенно важен для понимания институционального сдвига. Общество попечения о больных и раненых воинах существовало до сербской кампании и обладало сетью местных учреждений; в 1876 г. речь шла не о возникновении гуманитарной деятельности ex nihilo, а об использовании уже сложившейся инфраструктуры для оказания помощи в зарубежном конфликте.

Количественные данные о санитарной помощи Сербии в литературе расходятся. О.В. Чистяков указывает 15 врачей, 4 провизоров, 118 сестер милосердия, 41 студента-медика и 78 фельдшеров; Е.Н. Козловцева приводит 115 врачей и 118 сестер милосердия. Расхождения объясняются различиями в датах фиксации и принципах учета[17].

Е.Н. Козловцева конкретизирует один из маршрутов миссии Общества: 25 июля 1876 г. из Москвы выехал отряд в составе 58 человек во главе с тайным советником Токаревым, включавший 39 сестер милосердия общины «Утоли моя печали» под руководством княгини Н.Б. Шаховской. В августе 1876 г. в Парачин ежедневно поступало по 500–600 раненых. После поражения сербских войск под Джунисом 17 октября 1876 г. Н.Б. Шаховская и Е.Г. Бушман занимались поиском раненых под угрозой обстрела и были отмечены сербскими наградами[18]. Здесь мы наблюдаем

---

[14] *Тимофеев А.* Указ. соч. С. 122; *Кочуков С.А.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года в зеркале воспоминаний В.В. Ящерова // История и историческая память. 2015. № 12. С. 104–116.

[15] *Тимофеев А.* Указ. соч. С. 123–125.

[16] Там же. С. 124.

[17] *Чистяков О.В.* Указ. соч. С. 226; *Козловцева Е.Н.* Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. М., 2010. С. 188–189.

[18] *Козловцева Е.Н.* Указ. соч. С. 189–190.

переход от индивидуального порыва к процедуре: гуманитарная помощь превращала зарубежную войну из пространства индивидуальной гуманистической инициативы в форму реализации организованного общественного действия.

Именно этот канал позволяет точнее всего увидеть переход к устойчивой инфраструктуре. Сестра милосердия, врач или фельдшер не являются «добровольцами» в том же смысле, что русский офицер под командой Черняева или иного сербского командира, но без их включения картина русского участия в 1876 г. будет неполной. Международно-гуманитарный канал превращал зарубежную войну в пространство организованного общественного участия, а не только военного приключения

1876 год как институциональная колея

Таким образом, сербский кейс 1876 г. показывает эволюцию русского добровольчества. На фоне Женевской конвенции 1864 г., Общества попечения 1867 г. и Устава 1874 г., участие российских подданных в зарубежных конфликтах все заметнее проходит через устойчивые каналы: общественный, государственный и международно-гуманитарный.

В этом смысле 1876 г. можно рассматривать как узел институциональной колеи (на основе подходов path dependence и critical junctures Джеймса Махони и Кэтлин Телен). Частная инициатива не исчезает, она направляется через посредников, процедуры, разрешения, отчетность, организационную сеть и публичное информационное сопровождение. Совпадение многих факторов делает сербский сюжет удобным для диссертационного исследования об эволюции моделей участия: он позволяет связать терминологию, военную реформу, международно-гуманитарное право и практику общественной мобилизации.

В 1876 г. рядом действуют боец, посредник, организатор отправки, врач, фельдшер и сестра милосердия, а в тылу мобилизационные институты прессы и религиозных организаций. Их объединяет не одинаковый статус, а инфраструктура участия, благодаря которой зарубежный конфликт становится полем перехода от частных инициатив к институционализированному гуманитарному участию подданных Российской империи в Сербско-турецкой войне 1876 г.[19]

[19] *Поповкин А.А.* Указ. соч. С. 169–199; *Тимофеев А.* Указ. соч. С. 119–129; *Козловцева Е.Н.* Указ. соч. С. 188–199.

Список литературы

Козловцева Е.Н. Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Славянский альманах. М.: Индрик, 2010. С. 188–199.

Кочуков С.А. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 года в зеркале воспоминаний В.В. Ящерова // История и историческая память. 2015. № 12. С. 104–116.

Кузьмичева Л.В. Журнал «Пчела» М.О. Микешина о русском добровольческом движении в Сербию в 1876 г. // Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.: темат. сб. трудов. Белград: [б. и.], 2022. С. 45–62.

Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 362 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Поповкин А.А. Посредническая деятельность славянских комитетов в годы кризиса и войны 1870-х годов: гуманитарный и культурный аспекты // Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.: темат. сб. трудов. Белград: [б. и.], 2022. С. 169–199.

Тимофеев А. Добровольчество в Сербии в 1876 году как особое явление в истории русского общества // Русские добровольцы в Сербии в 1876 г.: темат. сб. трудов. Белград: [б. и.], 2022. С. 119–129.

Чистяков О.В. Деятельность Российского Общества Красного Креста в вооруженных конфликтах (1867–1917 гг.) // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1(54). С. 223–238.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ГОРОД НАРО-ФОМИНСК В ЛИЦАХ. ЗДЕСЬ ЖИЛ ХУДОЖНИК ПУГАЧЕВ СТЕПАН ГЕОРГИЕВИЧ

Д.А. Касаткина, А.И. Иванова
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Наро-Фоминск

Научный руководитель – Н.С. Кармацкая,
преподаватель ВГУЮ (РПА Минюста России)

Аннотация. Авторы обосновывают тезис о том, что личность своим творчеством и педагогической деятельностью способна формировать культурный код нации и связь поколений. На примере города Наро-Фоминска и жизненного пути заслуженного педагога, почетного гражданина города С.Г. Пугачева раскрывается механизм влияния отдельной личности на культурное пространство. Особое внимание уделяется педагогической системе мастера, который создал не просто изостудию, а школу жизни, воспитавшую целое поколение художников. В работе показано, как наследие Пугачева продолжает жить в творчестве его учеников, служит примером истинного служения искусству и сохраняет актуальность в современном контексте воспитания молодежи и передачи культурных традиций.

Ключевые слова: *педагогическое наследие С.Г. Пугачева, связь поколений, изостудия, духовное воспитание, г. Наро-Фоминск.*

В 2014 г. в наро-фоминском Дворце культуры «Звезда» открылась выставка «Учитель». Рядом с работами Степана Георгиевича Пугачева висели картины его учеников. Эта экспозиция стала не просто данью памяти – она обнажила главный закон культурной жизни: Родина держится не на границах и бюджетах, а на цепочке учитель–ученик, когда один человек, его вера в искусство и любовь к детям способны изменить целый город. Творческая деятельность выдающихся личностей становится мостом между прошлым и будущим. Она соединяет традиции и новаторство, создавая непрерывную культурную линию. Культурное развитие любого региона неразрывно связано с деятельностью его жителей. Каждый человек, вкладывающий свои силы в развитие общества, становится частью большого понятия Родины. Через призму человеческих судеб раскрываются истинные ценности нации. К ним относятся преемственность поколений, сохранение традиций и развитие творческого потенциала. Эти элементы формируют не просто набор правил или обычаев, а живую ткань национальной идентичности. Они передаются из поколения в поколение, укрепляя связь между разными эпохами.

Город Наро-Фоминск – яркий пример того, как судьбы отдельных людей формируют облик целого населенного пункта. История города

неразрывно связана с именами тех, кто своим трудом, талантом и преданностью делу создавал его культурное наследие. Среди них – деятели искусства, такие как Степан Георгиевич Пугачев. Внесли свой вклад и поэты клуба «Вдохновение». Каждый из этих людей оставил след в духовной жизни города. Их судьбы становятся живым воплощением идеи о том, что люди и есть Родина. Они ее душа, творческая энергия и бессмертное наследие. В этом контексте Наро-Фоминск предстает не просто как географическая точка на карте. Город воспринимается как живой организм, развивающийся благодаря своим жителям и их вкладу в общее дело[1].

Во второй половине XX в. Наро-Фоминск представлял собой типичный советский город. Его жизнь во многом определял шелковый комбинат – главное предприятие населенного пункта. Именно вокруг промышленных гигантов традиционно формировались культурные центры: дома культуры, библиотеки, музеи. Важным событием в культурной жизни города стало открытие историко-краеведческого музея в 1973 г. Однако культурная жизнь Наро-Фоминска кипела и до этого времени. В тот период особенно остро ощущалась потребность в духовном возрождении общества. Послевоенная разруха оставила глубокий след в судьбах людей. Искусство стало той силой, которая помогала восстанавливать душевные силы и вселяла надежду на лучшее будущее[2].

Ранние годы Степана Георгиевича Пугачева пришлись на непростое время становления советской культуры. Он родился в 1914 г. и застал период бурного развития искусства и образования в стране. Эти исторические обстоятельства во многом определили его дальнейший жизненный путь. Профессиональное становление художника началось в Московском художественно-промышленном техникуме имени М.И. Калинина. Период обучения с 1933 по 1937 г. стал фундаментальным этапом в его развитии как художника и педагога. В стенах учебного заведения он получил не только профессиональные навыки, но и глубокое понимание важности художественного образования для развития личности. Этот фундамент впоследствии лег в основу его педагогической деятельности. Знания и опыт, приобретенные в техникуме, стали опорой на многие годы вперед.

После окончания техникума жизненный путь С.Г. Пугачева сделал неожиданный поворот. Он начал работать помощником мастера на прядильно-ткацкой фабрике. Этот опыт оказался бесценным для его будущей педагогической деятельности. Работа на производстве позволила ему лучше понять рабочий класс и найти общий язык с будущими учениками. Военные годы стали серьезным испытанием для молодого

[1] *Горин Ю.П.* Почетные граждане земли Наро-Фоминской / под ред. В.М. Мельникова. Наро-Фоминск, 2024. С. 82–83.

[2] *Смирнов А.В.* Развитие Наро-Фоминского края в XX веке // Материалы научно-практической конференции «История Подмосковья». М., 2023. С. 45–52.

специалиста. Служба на трудовом фронте закалила его характер и научила ценить мирную жизнь. Она также помогла осознать ценность возможности заниматься любимым делом. Возвращение в мирную жизнь стало для Степана Георгиевича новым началом – он смог воплотить накопленный опыт в педагогической практике.

Вернувшись в Наро-Фоминск, Пугачев основал изостудию при клубе прядильно-ткацкой фабрики. Его педагогическая деятельность продолжалась целых 50 лет и выходила далеко за рамки простого обучения рисованию. За свой вклад в развитие культуры города Степан Георгиевич был удостоен звания «Почетный гражданин Наро-Фоминска». Работы самого мастера и его учеников всегда выставлялись вместе, символизируя неразрывную творческую связь поколений. Изостудия стала центром притяжения для многих талантливых детей и подростков. Она дала старт карьере множества художников и творческих личностей. Деятельность Пугачева оказала значительное влияние на культурную среду города. Его вклад в воспитание молодежи трудно переоценить.

Уникальность педагогической системы Степана Георгиевича Пугачева заключалась в создании целостной образовательной среды. В ней художественное воспитание органично переплеталось с формированием личности. Изостудия стала не просто местом обучения рисованию, а настоящей школой жизни. Здесь происходило становление целого поколения творцов. Педагогика мастера базировалась на глубоком понимании потребностей учеников. В послевоенные годы, когда дети испытывали острую нужду, Пугачев не ограничивался преподаванием искусства. Он заботился об их базовых нуждах: кормил, одевал, обеспечивал материалами для творчества. Такая забота создавала особую атмосферу доверия и преданности, превращая изостудию во второй дом для многих воспитанников[3].

Методология обучения Степана Георгиевича Пугачева строилась на принципах преемственности и единства. На выставках работы учителя и учеников всегда размещались вместе, символизируя неразрывную творческую связь поколений. Этот подход имел глубокий воспитательный смысл: он помогал ученикам осознать свою причастность к большому художественному делу. У детей формировалось чувство ответственности перед традициями, заложенными предшественниками. Воспитательный аспект деятельности Пугачева выходил далеко за рамки художественного образования. Он целенаправленно формировал мировоззрение своих воспитанников, учил их видеть красоту в самых простых вещах. Педагог развивал в учениках чувство патриотизма и любовь к родному краю, прививал им уважение к культурному наследию. Его ученики не просто осваивали технические навыки рисования – они впитывали философию

[3] *Гусарова С.В., Гресь С.А.* Личность педагога и личность ученика с позиции педагогики и философии рубежа XIX–XX веков // Первые шаги в науке: Материалы II Всероссийской студенческой научной конференции. Курск, 2023. С. 43–48.

творчества. Они учились понимать искусство как особый способ познания мира и самопознания. Такой комплексный подход делал обучение по-настоящему глубоким и значимым.

Многие выпускники С.Г. Пугачева стали профессиональными художниками, скульпторами и дизайнерами, продолжая традиции своего учителя. Среди них – скульптор Анатолий Бельдюшкин, художники Василий Зиновьев и Борис Попов, дизайнер тканей Вера Андрияшина. Эти имена – живое свидетельство эффективности педагогической системы Пугачева. Созданная им школа стала ярким примером того, как один человек может изменить культурное пространство целого города. Благодаря его усилиям выросло новое поколение творцов, которые продолжили развивать художественные традиции. Ученики не просто переняли мастерство учителя – они распространили его идеи дальше. Память о Степане Георгиевиче сохраняется не только в его произведениях, но и в системе ценностей, которую он передал своим воспитанникам. Эта система ценностей, в свою очередь, была передана следующим поколениям. Таким образом, влияние Пугачева вышло далеко за пределы его собственной жизни и студии. Его наследие продолжает жить в творчестве учеников и их последователей[4].

Наиболее значимым событием в сохранении памяти о С.Г. Пугачеве стала выставка «Учитель», проведенная в 2014 г. в выставочном зале РДК «Звезда». Выставка была приурочена к 100-летию со дня рождения мастера и собрала множество работ – как самого Степана Георгиевича, так и его учеников. Она продемонстрировала масштаб его педагогической деятельности и ее результаты. Присвоение звания почетного гражданина города стало признанием не столько художественных достижений, сколько человеческого подвига педагога. Пугачев посвятил жизнь воспитанию молодого поколения, вкладывая в это всю душу и силы. Выставка позволила горожанам по-новому взглянуть на наследие мастера. Она напомнила о том, какой вклад он внес в культурную жизнь Наро-Фоминска. Событие объединило бывших учеников, коллег и благодарных зрителей. Оно показало, что идеи и методы Пугачева остаются актуальными и сегодня. Выставка стала своеобразным мостом между прошлым и настоящим, соединив поколения[5].

Опыт Степана Георгиевича Пугачева остается актуальным и сегодня, когда особенно важно сохранять связь поколений. В современном мире, полном вызовов и перемен, крайне необходимо передавать культурные традиции и развивать творческий потенциал молодежи. Деятельность Пугачева – это пример того, как один человек может стать настоящим

[4] *Баринова И.* Учителю посвящается. Наро-Фоминск, 2014 // Центр Города. [Электронный ресурс]. URL: https://cgnf.ru/article/5362/uchitelyu-posvyashchayetsya?ysclid=mp9kkxj58o120717170 (дата обращения: 02.03.2026).

[5] Наро-Фоминский историко-краеведческий музей. [Электронный ресурс]. URL: http://museum-nf.mo.muzkult.ru (дата обращения: 02.03.2026).

хранителем культурных ценностей. Он был не просто учителем, а воспитателем талантов и созидателем духовного богатства своего города и страны. Его наследие продолжает вдохновлять новые поколения художников и педагогов. Оно доказывает, что истинное искусство всегда связано с человечностью, добротой и стремлением сделать мир лучше. Принципы, заложенные Пугачевым, могут служить ориентиром для современных педагогов. Они напоминают о важности не только обучать навыкам, но и воспитывать душу. История Степана Георгиевича учит нас тому, что настоящий педагог – это тот, кто меняет жизни к лучшему. Его пример побуждает нас ценить связь времен и бережно передавать культурное наследие.

Список литературы

Баринова И. Учителю посвящается. Наро-Фоминск, 2014 // Центр Города. [Электронный ресурс]. URL: https://cgnf.ru/article/5362/uchitelyu-posvyashchayetsya?ysclid=mp9kkxj58o120717170 (дата обращения: 02.03.2026).

Горин Ю.П. Почетные граждане земли Наро-Фоминской / под ред. В.М. Мельникова. Наро-Фоминск: [б. и.], 2024. С. 82–83.

Гусарова С.В., Гресь С.А. Личность педагога и личность ученика с позиции педагогики и философии рубежа XIX–XX веков // Первые шаги в науке: Материалы II Всероссийской студенческой научной конференции. Курск, 2023. С. 43–48.

Наро-Фоминский историко-краеведческий музей. [Электронный ресурс]. URL: http://museum-nf.mo.muzkult.ru (дата обращения: 02.03.2026).

Смирнов А.В. Развитие Наро-Фоминского края в XX веке // Материалы научно-практической конференции «История Подмосковья». М.: Наука, 2023. С. 45–52.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ДВОР, ДУША И ГОСУДАРЕВО ТЯГЛО: СТРАНИЦЫ НАЛОГОВОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ «МАЛОЯРОСЛАВЕЦ: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОРОДА»)

А.А. Ковалева, А.К. Лепихова
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Наро-Фоминск

Научный руководитель – С.В. Гусарова,
кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. В статье представлена эволюция налоговой системы России в период с XV по XVIII в. на основе анализа архивных документов, книги «Малоярославец: Материалы для истории города». Авторы сделали акцент на переходе от посошного и подворного обложения к подушной подати, рассмотрели роль переписных, сметных, ландратских книг и ревизских сказок как ключевых источников для изучения истории российской провинции. На примере города Малоярославца показано, как изменения в фискальной политике влияли на учет населения, социальную структуру и повседневную жизнь горожан. В работе раскрываются такие явления, как «круговая порука», сопротивление крестьян новым формам обложения, коррупция при проведении переписей, а также социальная цена государственных преобразований, включая последствия Северной войны и строительства Санкт-Петербурга для провинциального населения. Сделан вывод о том, что налоговая реформа в России выступала не только финансовым механизмом, но и инструментом глубокой социальной перестройки.

Ключевые слова: *архивные документы, налогообложение, соха, податное население, переписные, сметные и ландратские книги, съезжей избы подъячий*.

Невозможно представить современное государство с развитой экономикой без отлаженной системы налогообложения, функционирующей на основе учета интересов налогоплательщиков и государства. При этом законодательно налоги в России закрепились лишь в XIV–XV вв., когда на смену натуральному обмену приходит денежный рынок. Серьезные шаги на пути создания единой налоговой системы были сделаны во времена правления московского государя Ивана III Великого. При нем был издан Судебник 1497 года, который стал общегосударственным сборником законов, в том числе регулирующим вопросы собственности, финансов и налогообложения. Иван III унифицировал налоговую систему на всей территории молодого Российского государства, включая присоединенные земли. По всей стране был введен посошный налог, который исчислялся в зависимости от количества пахотной земли.

Соха – это не только приспособление для пахоты земли, «соха» – это еще и единица измерения земли и податного налогообложения. Существовало два вида податной сохи: «Новгородская соха» равнялась трем обжам, где «обжа» – это территория, вспахиваемая одной лошадью за один день, и «Московская соха», что равнялась 10 новгородским, и называлась «большая соха»[1].

В правление Ивана IV Грозного с начала 1550-х гг. проводилась новая налоговая реформа, где была сделана попытка расширить круг налогооблагаемого населения и обложить налогом ремесленников и торговцев. Подати с посадского населения, то есть торговцев и ремесленников, живущих за пределами городской стены, стали также взиматься по сохам. Единицей налогообложения становилось определенное количество дворов в зависимости от степени их зажиточности. Население посадов делилось на 4 категории: «лучшие сохи» – богатые дворы, «средние» – хозяйства среднего достатка, «меньшие» – небогатые дворы, беднейшие хозяйства назывались «охудалые»[2].

Но при этом существовала «круговая порука». Если беднейшие дворы не могли выплатить подати, их налоговая нагрузка перераспределялась между богатыми и средними хозяйствами.

Важнейшим сводом законов, регулирующим фискальные отношения, было Соборное уложение 1649 года. Основанием для посошного налога стали Писцовые книги – периодически проводившиеся на российских землях описи.

Именно такие документы обнаружены нами в книге «Малоярославец: Материалы для истории города», которая была опубликована в 1884 г. в Москве по инициативе Н.А. Найденова[3].

Собранные в данной книге документы стали источником изучения социально-экономической, демографической и административной истории этого российского провинциального города и позволили проиллюстрировать реформы налогообложения в России.

В первой главе приводится «Переписная книга 1646 года», которая никак не могла так называться на момент своего создания по той простой причине, что подобное летоисчисление (от рождества Христова) появится в России только спустя полстолетия с лишним. В самой же книге сказано, что это данные «книги Ярославца Малого посаду досмотру и переписи Дмитрия Петровича Волынского да подьячего Матвея Кондратьева от 7154 года (от сотворения мира)».

Как видно из самого названия – «Переписная книга» – главной задачей государевых людей была перепись всего населения города.

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПБ., 1830. Т. 1. 499 с.

[2] *Ковалева Д.Е.* История развития системы налогообложения Российской Федерации // Ученые заметки ТОГУ. 2024. Т. 15, № 3. С. 49–53.

[3] *Найденов Н.А., Николев И.Н.* Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 2024.

Волынский и Кондратьев указывают: «У городища, что бывал город Ярославец Малой посад, а сколько на посаде в слободах дворов посадских людей и бобылей, то написано в книге подлинно». Дальше идет тщательное перечисление: слобода Егорьевская (20 дворов), слобода Пречистенская (4 двора), слобода Ивановская (11 дворов), слобода Спасская (21 двор) и слобода Никольская (целых три (!) двора).

Таким образом, в 1646 г. всего в Ярославце Малом насчитывалось «посадских 42 двора и людей в них 104 человека, да 17 дворов бобыльских и людей в них 21 человек». То есть во всем городе было 59 дворов, где проживало 125 человек. Вот уж, действительно, малый город!

Изучение данной переписи вскрывает интересные подробности жизни в России в середине XVII в. Так, например, в перечне жителей слободы в первую очередь перечислены посадские люди, а бобыльские дворы указываются в самом конце.

Дело в том, что посадские люди – это не просто торгово-ремесленное население посада и государевых слобод, главное, что это податное население, которое платило дань, то есть прямые налоги[4].

Посадские люди в XVII в. платили такие виды налогов, как:

Стрелецкие деньги – налог на содержание ратных людей.

Полоняничные деньги – подворная подать на выкуп пленных у татар и турок. По Уложению 1649 года собиралась ежегодно «со всяких людей», но не в одинаковом размере с людей разных состояний: посадские обыватели платили со двора по 8 денег (на наши деньги – около 60 копеек).

Ямские деньги – собирались на содержание ямской гоньбы для провоза послов, гонцов, должностных и ратных людей.

Да и за владение двором посадский человек был должен «тянуть тягло».

В то время как бобыль – хозяин, не имеющий земельного надела, а следовательно, бестягольный или нетяглый, не нес никаких государственных повинностей. С 1632 г., то есть на момент данной переписи, бобыли уже стали привлекаться к несению тягла, но в половинном размере по сравнению с посадскими людьми. Поэтому в переписи они указываются отдельным пунктом.

В рассматриваемой «Переписной книге» по традиции того времени имена жителей города указаны в уничижительной форме: Васька, Сенька, Якушка и др. Интересно, что у некоторых жителей указаны прозвища. Например: Тимошка Тимофеев по прозвищу Кот, Ивка Кузьмин по прозвищу Бунятко, бобыль Еремка Мартемьянов по прозвищу Жданко Трусихин. Занятно звучат такие прозвища, как Ладоша, Щипона, Тренка Левин.

[4] *Миллер Н.В.* История налогообложения в России // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 11–16.

Вторую главу «Материалов для истории города» составляют «Сметные книги 1674–1705 гг.». Сметные книги – это ежегодные воеводские отчеты в Разрядный приказ о количестве служилых людей, наличии в городе денежной казны и запасов, причем в перечень включены только мужчины.

Но уже первая «Книга сметная служивых и посадских людей Ярославца Малого от 20 декабря 7183 г. (1674 г.)» может многое рассказать об особенностях местного административного аппарата второй половины XVII в. Так указано, что составил данную книгу «съезжей избы подъячий Венедитко Родионов», что он «сидит по твоему Великого государя указу, а окладу и жалованья ему нет», зато есть два сына «Алешка, да Федька малы».

Почему в последние годы царствования Алексея Михайловича Тишайшего государственный служащий «съезжей избы подъячий» не имел ни оклада, ни жалования? Не понятно.

Последняя из опубликованных сметных книг была составлена уже в 1705 г. «по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича». Примечательно, что в этой сметной книге мы можем подробнее узнать о работе «съезжей избы подъячих».

Дьяк Разрядного приказа Иван Уланов провел целое расследование, в котором сообщал, что в 1705 г. в Ярославце Малом служат в Приказной избе «подьячих два человека Хрисанф, да Алексей Михайловы». Хрисанф Михайлов был назначен подьячим Приказной избы в Ярославце Малом по указу великого государя еще в 1686 г. при воеводе Прокофии Казинском. Спустя шесть лет Хрисанфу Михайлову за приказную работу был «учинен в Розряде оклад денег 10 рублей», и о том «дана ему Хрисанфу великого государя грамота в Ярославец Малый к воеводе Павлу Челищеву». Воевода же приказал выдавать назначенный Михайлову денежный оклад «из неокладных денежных доходов», в результате чего «Хрисанфу того жалования никогда сполна не давано».

Статус подьячего Приказной избы был наследственным, и в возрасте 15 лет сын Хрисанфа – Алексей Михайлов по указу великого государя и согласно «грамоте из Розряду» получил ту же должность, что и его отец – должность подьячего Приказной избы, и был назначен ответственным за денежные сборы.

Кстати, в официальных документах с начала XVIII в. уничижительные имена постепенно исчезают, и на смену пренебрежительным Прошкам и Минькам приходят солидные Прохоры, Елизары, Трифоны.

Согласно данным, что были представлены подьячими и рассыльщиками, только мужское население Малоярославца в 1705 г. составляло 438 человек[5]. И если вспомнить, что в 1646 г. всего в Ярославце

[5] *Булгаков М.В.* Воеводские рассыльщики в XVII веке. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bylgakov.pdf?ysclid=mqqr3kcygd471425284 (дата обращения: 26.04.2026).

Малом проживало 125 человек, то за неполных 60 лет количество жителей города возросло более чем в четыре раза.

Вновь обратимся к истории налогообложения России и вспомним, что еще в 1679 г. при Федоре Алексеевиче налоговая система была изменена с поземельной на подворную. Единицей обложения стал крестьянский двор. При этом принцип коллективной ответственности и мирской раскладки налогов сохранился. Но сколько дворов на самом деле должны платить налоги, было совершенно не понятно.

Желая выяснить количество налогоплательщиков, и предполагая, что количество дворов с последней переписи выросло, Петр I в 1710 г. приказал организовать перепись населения, облагаемого налогами. Результаты этой переписи оказались удручающими.

В третью главу книги «Малоярославец: Материалы для истории города» включена та самая переписная книга 1710 г., согласно которой в Ярославце Малом проживает всего 309 «тяглых людей мужеского пола», а из 101 двора, что указаны в переписи от 1674 г., осталось всего 77 дворов.

То есть количество дворов не только не выросло, оно оказалось значительно меньше, чем ожидалось! Почти пятая часть запустела!

По сравнению с прошлой переписью ситуация выглядела настолько катастрофической, что по приказу великого государя и самодержца Петра Алексеевича воевода Григорий Никитич Чаплин вызвал земского старосту Малого Ярославца Антона Федорова для объяснений.

Отчет старосты показывает, насколько ухудшилась жизнь простого человека в России за последние несколько лет.

С одной стороны, мы помним, что начало XVIII столетия – это эпоха стремительных изменений, когда старая Московия уступала место молодой Российской империи. Страна вступила в победоносную Северную войну с Швецией, в России впервые появился морской флот, на болотистых берегах Невы возводился блистательный Санкт-Петербург. Но, с другой стороны, мы редко задумываемся о том, какую цену пришлось заплатить простым русским людям за процветание своей страны. И вот перед нами «роспись по сказке земского старосты» о том, откуда в Ярославце Малом появились пустые дворы и нетяглые люди[6].

С первых же строк этой страшной «сказки» становится не по себе: «Иван Григорьев в 1703 году взят в солдаты и ныне двор его пуст; Мартин Семенов в 1704 году в Санкт-Петербурге в работниках умре; Никита Ефремов в 1707 году от хворостей умре, брат его Юфим взят в солдаты, а сын его Костка девяти лет от роду кормится по миру…». И так полторы страницы перечисления горестей, которые обрушились на жителей Малого Ярославца. Именно эти данные беспристрастно и сухо рассказывают о трагических событиях, которые происходили в городских семьях.

[6] *Гусарова С.В.* Малоярославец: отражение судьбы малого города в истории России // Торопец: 950 лет в исторической памяти: Материалы Всероссийской научной конференции. Тверь, 2024. С. 65–78.

Заканчивая этот горький перечень, Антон Федоров заявляет: «а буде я староста в сей своей сказке, что сказал ложно, то за ложную мою сказку вели государь учинить мне смертную казнь».

Как мы уже сказали, перепись 1710 г. была признана провальной. Выяснилось, что писцы часто брали откупные и попросту «пропускали» тот или иной населенный пункт. А крестьяне, пытаясь уйти от налогов, начали объединять дворы. Так в переписи старосты Малого Ярославца описан двор Марка Зотова, где кроме хозяина проживают его сыновья Федул (35 лет), Савелий (29 лет), Иона (25 лет), Федор (20 лет), причем четверо старших сыновей женаты и имеют своих детей. И здесь же, в том же дворе, проживают со своими семьями племянники Марка Зотова – Фрол (40 лет) и Пафнутий (39 лет). Не слишком ли много взрослых мужиков на один двор?

Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, Петром I было принято решение назначить специальных чиновников, ландратов, ответственных за проведение новой переписи. Ландраты ставились во главе административных единиц – земельных долей. В задачу ландрата входило выявление объединенных крестьянских дворов, что пытались уйти от налогов[7]. Итогом стало появление ландратских книг, которые являются документальным подтверждением результатов подушных переписей первой четверти XVIII в. При этом в ландратские книги попала информация не только о мужчинах, но и женщинах.

Четвертая глава «Материалов для истории города Малого Ярославца» включает в себя именно такую ландратскую книгу, где сказано, что в 1715 г. ландрату Даниле Петровичу Дохтурову приказано в городе Ярославце Малом особо тщательно составить перепись городских жителей и указать количество будто бы опустелых дворов. Дохтуров отнесся к порученному делу со всей ответственностью. Согласно Дохтурову, в пяти слободах насчитывалось 135 посадских дворов с населением 859 человек и 7 нищенских дворов, где проживало 20 человек обоего пола. Таким образом, по сравнению с прежней переписью, где указывалось, что в Ярославце Малом всего 101 двор, прибыло 34 двора (опричь нищенских). Так что ландрату Даниле Петровичу Дохтурову действительно удалось найти объединенные дворы тех, кто пытался уйти от налогов.

Однако проблемы, существовавшие прежде, ландратские переписи решить не смогли. Несмотря на то, что взяточников и людей, пытающихся уйти от налогов, ждала виселица, коррупция в России никуда не делась. Да и население отчаянно сопротивлялось новой налоговой системе. Кроме того, ландратские переписи проводились однократно, так что корректировать их ошибки было попросту невозможно. В результате было

[7] *Яковлева М.* Ландратские книги и ревизские сказки. Б. м., 2022 // Альманах «Наследие». [Электронный ресурс]. URL: https://nasledie.digital/articles/landratskie-knigi-i-revizskie-skazki/?ysclid=mqqr8dmuoi567371143 (дата обращения: 26.04.2026).

принято решение отказаться от ландратских книг. Их заменили «ревизскими сказками».

В 1724 г. в рамках налоговой реформы Петра I произошел переход от подворного к подушному налогообложению, при котором учитывалось все мужское население. Теперь в качестве единицы учета выступал не двор, а ревизская душа. Плательщиками подушной подати были все разряды крестьян, посадские люди и купцы. В 1724 г. было назначено брать по 80 копеек с души, но в 1725 г. эта цифра была снижена до 74 копеек, а после смерти Петра – до 70 копеек.

К сожалению, ни одного свидетельства о ревизионных переписях петровского времени в «Материалах для истории города Малоярославца» не приводится. Зато в пятой главе книги приведены данные третьей ревизии, которая началась в 1762 г. и закончилась к середине 1764 г.

В представленной ревизионной книге указываются: имя и сословная принадлежность жителей Малого Ярославца; состав семьи с указанием родственных связей; возраст членов семьи; наличие детей с указанием даты и места их рождения; дата смерти, если человек скончался между ревизиями. Проблема подушной подати была и в том, что она никогда не была податью, взимаемой, так сказать, с «живой» души. Душа была счетной – между ревизиями умершие не исключались из податных списков, а новорожденные не включались.

Кроме того, объектом этой переписи стали и лица женского пола с указанием их возраста и места происхождения: «…по силе публикованного в 761 году указа по приложеннным тогда формам и о женском поле по семействам…». Например, в «ревизионной сказке» указывается, что жена купца Никиты Семенова Арина (в девичестве Козьмина) – «старинная оного города», что в данном случае обозначает, что она до замужества проживала в том же населенном пункте, что и муж. Жена купца Агафона Антонова Мария (в девичестве Фролова) – «взятая из Москвы купецкая дочь». «Девка Авдотья Артемова выдана в замужество за работного человека полотняной и бумажной фабрики коллежского асессора Афанасия Гончарова».

Кроме того, переписчик тщательно отслеживал любые перемещения жителей. Поэтому здесь же мы читаем, что «Василий Дмитриев в 1749 году отдан в рекруты», а «Афанасий Тимофеев в 1762 году бежал», «Елисей Мартынов в 1774 году перешел в московское купечество с фамилией Третьяков» (Это был предок знаменитых братьев Третьяковых, создателей всемирно известной московской картинной галереи. И именно они в 1882 г. профинансировали выпуск книги «Малоярославец: Материалы для истории города»).

К сожалению, точных статистических данных «Книга 3-й ревизии» дать не может, так как «более 2 страниц разобрать невозможно за ветхостию». Но по сохранившимся данным население Малоярославца в 1762–1764 гг. составляло свыше 2400 человек, из них подушной податью

был обложен 961 человек. Но и эти данные свидетельствуют, пусть о небольшом, но стабильном приросте населения, а, следовательно, и росте доходов государства.

На основе анализа российского налогового законодательства и архивных документов книги «Малоярославец: Материалы для истории города» можно сформулировать следующие выводы о том, что налоговая политика всегда являлась ключевым фактором государственного управления и документооборота. Система учета населения в России XVII–XVIII вв. носила преимущественно фискальный характер. Целью переписных книг было определение числа податных дворов и людей, а не демографическая статистика. Смена форм налогообложения (от сошного письма к подворному, а затем к подушному обложению при Петре I) напрямую диктовала методику и периодичность проведения переписей. Каждая реформа сопровождалась корректировкой учетных процедур, что нашло отражение в документах.

Таким образом, проведенный анализ документов доказывает, что налоговая реформа является не просто финансовым мероприятием, но инструментом глубокой социальной перестройки.

Список литературы

Булгаков М.В. Воеводские рассыльщики в XVII веке. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Bylgakov.pdf?ysclid=mqqr3kcygd471425284 (дата обращения: 26.04.2026).

Гусарова С.В. Малоярославец: отражение судьбы малого города в истории России // Торопец: 950 лет в исторической памяти: Материалы Всероссийской научной конференции. Тверь, 2024. С. 65–78.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: Тип. Смирдина, 1830. Т. 1. 499 с.

Ковалева Д.Е. История развития системы налогообложения Российской Федерации // Ученые заметки ТОГУ. 2024. Т. 15, № 3. С. 49–53.

Миллер Н.В. История налогообложения в России // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 11–16.

Найденов Н.А., Николев И.Н. Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Нобель Пресс, 2024.

Яковлева М. Ландратские книги и ревизские сказки. Б. м., 2022 // Альманах «Наследие». [Электронный ресурс]. URL: https://nasledie.digital/articles/landratskie-knigi-i-revizskie-skazki/?ysclid=mqqr8dmuoi567371143 (дата обращения: 26.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ЦЕРКОВНЫЕ ПРИЧТЫ ТВЕРСКОГО УЕЗДА КАК ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ: КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА

Н.А. Козлов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Т.Г. Леонтьева,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье на основе статистических сведений и архивных материалов рассматривается развитие церковного землевладения в Тверской епархии с последней трети XVIII по начало XX в. Путем сопоставления данных генерального межевания с позднейшей статистикой и клировыми ведомостями выявляется несоответствие сложившейся в историографии картины эволюции землевладения причтов с фактическими показателями. Отмечается, что основу церковной собственности почти для половины причтов составили участки, отмежеванные еще при Екатерине II, а оставшиеся получили свои наделы в первой половине XIX столетия. Подвергаются сомнению цифры, указывающие на существенное увеличение землевладения церквей во второй половине XIX в.; напротив, выявляется стагнация в росте поземельной собственности. Делается вывод, что истощение притока новых земель стало одним из факторов кризиса традиционного церковного аграрного хозяйства в начале XX в.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, Тверская епархия, церковное землевладение, статистика, генеральное межевание, причты, церковное хозяйство*.

Церковное землевладение в период после екатерининской секуляризации – один из наименее изученных аспектов хозяйственной истории церкви синодального образца. Если применительно к монастырской земельной собственности существует ряд специальных исследований (Д.И. Ростиславова, В.Ф. Зыбковца)[1], в том числе фундаментального характера (А.И. Комиссаренко)[2], то в отношении церковной может быть выявлено лишь несколько работ локального характера (Б.А. Ершова, А.А. Подвигайло)[3] и тех, в которых землевладение

[1] *Ростиславов Д.И.* Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876; *Зыбковец В.Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) М., 1975.

[2] *Комиссаренко А.И.* Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20–60 гг. XVIII в.). М., 2025.

[3] *Ершов Б.А.* Церковное землевладение русской провинции в XIX веке // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 4. С. 38–42; *Подвигайло А.А.* Церковное землевладение и землепользование в Центрально-Черноземном регионе в 60–90-е годы XIX века: на примере Курской и Воронежской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

выступает частным, зачастую вспомогательным, сюжетом (Т.Г. Леонтьевой, С.А. Иконникова)[4]. При этом не стоит забывать, что именно церковные причты составляли подавляющее большинство в структуре и иерархии церкви, следовательно, их изучение является приоритетным для понимания адаптации к новым экономическим условиям как духовенства, так и в известной степени всего российского общества.

Конечно, построение комплексной картины церковного хозяйства все еще является делом будущего, плодом многолетних трудов целой команды исследователей, и важным шагом на пути к этому является изучение региональной специфики на уровне как епархий, так и отдельных уездов. В этом смысле Тверской уезд является одним из «испытательных полигонов» источниковой базы, методического инструментария и формулировки гипотез. Положение уезда как одновременно центрального (в контексте средней полосы России, самой губернии и близости Москвы), так и полупериферийного (по сравнению с крупнейшими экономическими центрами империи (Санкт-Петербургом, Москвой, Варшавой, Киевом, Одессой и др.) позволяет предположить в развитии церковного хозяйства на его территории не только типичные общероссийские, но и специфические локальные черты.

Важнейшим источником при изучении «больших данных» в истории, в данном случае экономического развития церкви, выступают статистические данные по земельной собственности в Российской империи, прежде всего материалы Генерального межевания (последняя треть XVIII – первая треть XIX в.)[5] и Всероссийских поземельных переписей (1877, 1887)[6], отчеты Синода (1840-41–1890-91 гг.)[7] и епархиальная статистика (1901)[8]. Ведомости о церквях и причтах в фондах Российского государственного исторического архива (ф. 799, 804), Государственного архива Тверской области (ф. 64, 160, 471) как источник имеют более точечный характер, но они незаменимы при прослеживании длительной динамики на отрезках, где официальная статистика отсутствует или требует уточнения. Кроме того, безусловно необходимым

[4] *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; *Иконников С.А.* Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж, 2014.

[5] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1–2. Алфавит № 201.

[6] Статистический временник Российской Империи. Сер. III. Вып. 10. Поземельная собственность Европейской России. 1877-78 гг. СПб., 1886; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Тверская губерния. СПб., 1893; *Любинецкий Н.А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи: [В 4 ч.] СПб., 1900.

[7] *Преображенский И.В.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. СПб., 1897; *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. Т. 1–2.

[8] Тверской епархиальный статистический сборник (далее – ТЕСС) / сост. И.И. Добровольский. Тверь, 1901.

является понимание действовавшего законодательства по вопросам церковной собственности, для чего привлекаются соответствующие указы из «Полного собрания законов Российской империи»[9].

Основой методики при работе с вышеприведенными массовыми материалами является создание банков данных на базе ЭВМ с проведением необходимых стандартных вычислений: перевод квадратных саженей в десятины, сложение размеров удобных и неудобных земель, определение средних и медианных значений и т. д. Большую роль играет сравнительный анализ на больших исторических промежутках (с 1770-х до 1900-х гг.).

Даже в первом приближении исследование показало ошибочность ряда устоявшихся в историографии положений. Так распространена точка зрения, согласно которой церковь была лишена при Екатерине II практически всей земельной собственности, перестав выступать как самостоятельная хозяйственная сила[10]. Исходя из буквы закона, приходское духовенство смогло претендовать на обязательное наделение их землей в размере 33 дес. только в правление Павла I[11]. Вопреки этому, 38 причтов Тверского уезда в начале генерального межевания (1770-е гг.) сохраняли в своих руках контроль над 49 участками (пустошами, пожнями, полями и погостами) общей площадью в 1 774,09 дес.; в среднем каждый участок насчитывал 36,2 дес., что даже больше указанных в законе значений[12]. Эти старые церковные владения, сохраненные государством в период секуляризации за священно-церковнослужителями, составляли 47,78 % от официальных показателей поземельной собственности церквей за 1877 г.

Другое распространенное суждение связано с приписыванием Александру I и особенно Николаю I наделения подавляющей части причтов церковными наделами[13]. Действительно, отдельные церкви впервые получили или значительно увеличили земельные наделы именно в первой половине XIX столетия. К ним относятся, например, церкви сел Михайловское и Пречистый Бор, земельная собственность которых (по 36

---

[9] О обрабатывании церковных земель прихожанами // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (далее – ПСЗРИ I). Т. 25. № 18316. С. 24–26; Об освобождении прихожан от обязанности обрабатывать церковные земли, и об удвоении положенной в 1765 году платы священнослужителям за исправление мирских треб // Там же. Т. 26. № 19816. С. 605; Положение о способах к улучшению состояния духовенства // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (далее – ПСЗРИ II). Т. 4. № 3323. С. 834–838.

[10] См., напр.: *Комиссаренко А.И.* Указ. соч. С. 307, 310, 357.

[11] О обрабатывании церковных земель прихожанами // ПСЗРИ I. Т. 25. № 18316. С. 24–26.

[12] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1. Алфавит № 201. Л. 3 об., 6, 8–8 об., 17 об., 22 об., 33, 44 об., 56, 58, 78, 79, 80, 86 об., 87 об., 90 об., 92, 95–96 об., 98–98 об., 101, 103 об.–104, 109, 117, 122, 129 об.; Там же. Ч. 2. Л. 37, 39 об., 60 об., 83 об.

[13] См.: *Ершов Б.А.* Указ. соч. С. 39–41; Положение о способах к улучшению состояния духовенства // ПСЗРИ II. Т. 4. № 3323. С. 834–838.

дес. каждой) не отложилась в данных генерального межевания и отразилась в ведомостях позднейшего времени[14]. В свою очередь, земельный фонд причта погоста Астрецово (Острецово) к середине XIX столетия возрос с 25,2 до 38,24 дес. (на 51,75 %), села Копылово – с 45,37 до 66 дес. (на 45,47 %)[15].

Однако в то же время на значительное число церковных хозяйств этот период не оказал сколько-нибудь существенного влияния: они оставались ровно с теми наделами, которые сохраняли с последней трети XVIII в. Например, причт Благовещенской церкви в Волынях г. Твери сохранял во владении 1,5 дес. пашни и 50,71 дес. пустоши Батино с вариациями от документа к документу в пределах одной десятины, что могло быть связано с неточностью межевых работ и смешением двух этих участков[16]. 80 дес. было в 1770-х гг. и осталось к началу XX в. у церкви погоста Козьмы и Дамиана, аналогично 5,32 дес. – у клира Воскресенской церкви (Трех Исповедников) г. Твери[17].

Наконец, на основе разных, нередко противоречащих друг другу, статистических данных может быть сделано заключение о заметных темпах прироста церковного землевладения во второй половине XIX – начале XX в. Так, по официальным данным, церковная поземельная собственность в Тверском уезде увеличилась с 3 713 дес. в 1877 г. до 4 065 дес. (рост на 9,48 %), а к 1901 г. – до 4 280,22 дес. (уже на 15,28 % от показателей 1877 г.)[18].

Вместе с тем декларируемая по сведениям одной лишь сухой статистики существенная положительная динамика не подтверждается, а зачастую идет вразрез с фактическими данными, которые показывают либо стагнацию (чаще всего), либо – в отдельных ситуациях – даже уменьшение заявленного размера церковной собственности. Так, незначительно снизились размеры церковной земли при погосте Черный Ручей – со 139,64 дес. до 139,5 (на 1 %), в отношении писцовой церковной земли в трех полях села Заборовье – с 36,93 дес. до ровно 36 (на 2,52 %)[19]. В случае Тверского уезда такие колебания как в отношении отдельных церквей, так и совокупной статистики, скорее всего, вызваны корректировкой межевых

---

[14] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 799. Оп. 29. Д. 487. Л. 10 об.–11.

[15] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1. Алфавит № 201. Л. 3 об.; Там же. Ч. 2. 39 об.; РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 487. Л. 10 об.–11; ТЕСС. С. 31, 42.

[16] Ср.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1. Алфавит № 201. Л. 8 об.; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1–62. Д. 16478. Л. 41А; Там же. Д. 16480. Л. 52; ТЕСС. С. 24.

[17] Ср.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1. Алфавит № 201. Л. 56, 87 об.; ТЕСС. С. 25, 47.

[18] Подсчитано по: *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 20–21; ТЕСС. С. 17–28, 66–71, 143–146, 199–202, 254–256, 287–289, 329–336, 385–386, 425–426, 459–465, 509–513, 552–561.

[19] Ср.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1. Алфавит № 201. Л. 95–95 об., 122; ТЕСС. С. 47, 50.

данных, но в других частях епархии встречались и фактические потери, чаще всего из-за подтоплений и иногда захвата крестьянами «по давности»[20].

На основе изученных данных представляется возможным заключить, что церковный поземельный фонд уже к середине XIX в. был в целом стабилизирован; нет источников утверждать о каких-либо дальнейших масштабных пожалованиях от государства или массовых дарениях частными лицами. Землевладение церквей действительно испытывало во второй половине столетия определенную трансформацию, но в большей степени структурного характера (закономерное увеличение доли пашни и уменьшение необрабатываемых участков)[21]. Статистические расхождения, на наш взгляд, объясняются по преимуществу издержками методик подсчета, сохранностью и доступностью документов, небрежностью или неверным истолкованием данных (внесение части церковных в разряд государственных земель и наоборот, неразличение двух этих категорий).

К началу XX в. церковные причты Тверского уезда как земельные собственники во многом оставались с тем же размером наделов, который был определен для порядка трети из них – в конце XVIII в., и составлял 41,45 % от уточненных показателей земельного фонда за 1901 г., а для остальных – в первой половине XIX столетия (оставшиеся 58,55 % земель)[22].

Это заключение высвечивает одну из причин стагнации церковного хозяйства к кануну Первой русской революции: будучи сугубо традиционным (за исключением меньшинства причтов-арендодателей[23]), церковное хозяйство знало, как и крестьянское, только один путь повышения производительности – экстенсивный. В отсутствие постоянного притока новых земель оно неизбежно сталкивалось с внутренним кризисом, выражавшемся в нехватке продовольствия, отставании темпов расширения посевных площадей и сдаваемых в аренду участков от роста инфляции и удорожания сельскохозяйственного инвентаря, наемных рабочих и продуктов питания[24]. Это загоняло священно-церковнослужителей в долговую яму, из раза в раз порождало

[20] ГАТО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 2306. Л. 67–67 об.; Там же. Ф. 160. Оп. 1–84. Д. 34309. Л. 50.
[21] Подсчитано по: *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 20–23.
[22] Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1. Алфавит № 201. Л. 3 об., 6, 8–8 об., 17 об., 22 об., 33, 44 об., 56, 58, 78, 79, 80, 86 об., 87 об., 90 об., 92, 95–96 об., 98–98 об., 101, 103 об.–104, 109, 117, 122, 129 об.; Там же. Ч. 2. Л. 37, 39 об., 60 об., 83 об.; ТЕСС. С. 17–28, 66–71, 143–146, 199–202, 254–256, 287–289, 329–336, 385–386, 425–426, 459–465, 509–513, 552–561.
[23] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1-84. Д. 34309. Л. 12, 50, 54, 60 об.; Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 46–48; ТЕСС. С. 67, 79, 254, 256, 264, 295, 305, 317, 398, 459, 511, 559–560, 579.
[24] См.: РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. III. Д. 398. Л. 4 об., 14 об.; Там же. Д. 399. Л. 3 об.; Там же. Д. 400. Л. 2; Там же. Д. 401. Л. 144–144 об.

дискуссию о необходимости отказаться от земли вовсе и перейти на полное государственное обеспечение[25].

Таким образом, в сложившихся общеисторических и локальных условиях церковные причты Тверского уезда как земельные собственники оказались экономически несостоятельны.

Список литературы

Ершов Б.А. Церковное землевладение русской провинции в XIX веке // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 4. С. 38–42.

Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) М.: Наука, 1975. 205 с.

Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж: Научная книга, 2014. 394 с.

Иконников С.А. «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 81. С. 24–35.

Комиссаренко А.И. Вотчинное хозяйство духовенства и секуляризационная реформа в России (20–60 гг. XVIII в.). М.: Квадрига, 2025. 620 с.

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.

Подвигайло А.А. Церковное землевладение и землепользование в Центрально-Черноземном регионе в 60–90-е годы XIX века: на примере Курской и Воронежской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 22 с.

Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб.: Тип. Морского министерства, 1876. 396 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 11.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[25] См., напр.: *Иконников С.А.* «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 81. С. 24–35.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Е.М. Космачева
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Наро-Фоминск

Научный руководитель – С.В. Гусарова,
кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования системы обеспечения транспортной безопасности на железных дорогах России в XIX столетии. На основе анализа исторических источников, законодательных актов и описаний крупных аварий прослеживается эволюция отношения государства к регулированию железнодорожной отрасли. Особое внимание уделяется ключевым нормативным документам. Автор делает вывод, что заложенное в XIX в. «ядро» железнодорожного права, которое включало в себя принципы равной имущественной ответственности, обязательности прямого сообщения, бдительной охраны подвижного состава и путей, сохранило фундаментальную ценность до наших дней, подтверждая преемственность приоритетов безопасности и надежности в российском транспортном законодательстве.

Ключевые слова: *историко-правовой анализ, железнодорожный транспорт, транспортная безопасность, законодательство Российской империи XIX в.*

Необъятные территории России всегда служили предметом гордости для подданных нашего отечества. Однако огромные расстояния, капризы климата, сложный рельеф с его густыми лесами и топкими болотами – все это создавало серьезные препятствия для перемещения по родной стране. Когда погружаешься в исторические хроники, порой приходит настоящий ужас. Протопоп Аввакум в своем жизнеописании поведал, как по указу государя Алексея Михайловича его отправили в ссылку в Тобольск, и «волокся» он до места назначения целых пять лет! Пять лет в пути!!! Да, дистанция от Москвы до Тобольска приличная – почти 2500 км, но, если разделить ее на число дней странствия, выходит, что за сутки ссыльные преодолевали не более полутора километров. Русские тракты, обладавшие «семью изгибами на версту», стали неотъемлемой частью отечественной культуры, закрепились в народных прибаутках, пословицах и поговорках. Осенняя распутица, отсутствие дорог – и казалось, что этому кошмару не наступит конца. Но в первой трети XIX столетия все переменилось с приходом железной дороги – нового средства передвижения, без которого сегодня немыслимо наше существование.

Первый опыт эксплуатации стальных магистралей за рубежом в 1820-е гг. продемонстрировал их неоспоримые экономические преимущества: высокая скорость и ритмичность перемещения грузов, значительная вместимость составов и доступность перевозок вне зависимости от капризов погоды и состояния грунтовых дорог. Для России это выглядело спасением, но многие сомневались в возможности эксплуатации железных дорог в условиях сурового российского климата.

Император Николай I, получивший редкое для российских венценосных особ техническое и инженерное образование, 15 апреля 1836 г. ставит подпись под Указом о создании Царскосельской железной дороги – сугубо как эксперимента, призванного проверить, насколько климат страны позволяет сооружать в государстве рельсовые пути.

Эксперимент удался настолько блестяще, что уже 1 февраля 1842 г. Николай I подписывает указ о строительстве магистрали Санкт-Петербург–Москва. Чтобы управлять новой отраслью, учредили особый Департамент железных дорог в рамках Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

Новое веяние требовало юридического обоснования своей работы. Поэтому, когда в том же 1842 г. вышло второе издание Свода законов Российской империи, в него под редакцией Д.Н. Блудова включили систематизированные нормы, касающиеся водных и сухопутных коммуникаций. Но несмотря на уже функционировавшую Царскосельскую железную дорогу и старт строительства линии Петербург–Москва, ни в одной из 820 статей законодательных норм мы не встретим даже самого слова «железнодорожный», поскольку нормативная база еще не сложилась, а системных правил для обеспечения транспортной безопасности выработано не было.

1 ноября 1851 г. «Санкт-Петербургские ведомости» торжественно провозгласили: «1-е ноября останется днем, навсегда памятным для России: в этот день происходило... открытие для публики железной дороги, соединяющей две наши столицы – голову и сердце России»[1].

Но открытие первой железной дороги дальнего следования не привело к появлению законодательства по обеспечению транспортной безопасности железнодорожного движения. Первый комплексный акт железнодорожного законодательства появился лишь в правление Александра II, когда действовавшие в стране три железные дороги протянулись на более чем 979 верст.

Только в 1857 г. в Своде законов Российской империи в разделе «О сухопутных сообщениях» появляется Глава III «О железных дорогах», которая включала в себя 143 статьи, посвященных управлению

[1] 1842 год. 13 февраля (1 февраля ст. ст.) Николай I подписал указ о строительстве железнодорожной магистрали Санкт-Петербург–Москва. Б. м., б. г. // Руниверс. [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/articles/calendar/02/1842-god-13-fevralya-1-fevralya-st-st-nikolay-i-podpisal-ukaz-o--61813/ (дата обращения: 17.03.2026).

железнодорожным транспортом[2]. (Любопытный факт, что из 218 страниц Устава путей сообщения законодательству, касаемому железных дорог, уделено лишь 4 страницы!). Данная глава представляла собой кодифицированный свод отраслевых законных актов для государственного управления и регулирования работы железных дорог. Хотя две трети этого документа относились к управлению Николаевской железной дорогой, тем не менее он стал важной вехой своей эпохи: внедрялась отраслевая терминология, определялись структура управления и штатное расписание, а также устанавливался государственный надзор за частными железнодорожными линиями. Вплоть до революции 1917 года эти нормы, касающиеся строительства и эксплуатации железных дорог, непрерывно совершенствовались, а терминологическая база отчасти используется и сегодня.

Но в то же время анализ содержания этого документа показывает, что ни одна из 143 статей не затрагивала вопросы транспортной безопасности. В статьях говорилось о разрешениях на строительство железных дорог, об особенностях использования конно-железной дороги, а больше всего места уделялось организации пенсионных и сберегательно-вспомогательных касс для частных железных дорог – и при этом ни слова о средствах обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте, несмотря на то, что на российских железных дорогах уже случились две крупные катастрофы, причиной которых стал тот самый пресловутый «человеческий фактор».

В ночь с 11 на 12 августа 1840 г. близ станции Шушары на Царскосельской железной дороге из-за недогляда пьяного машиниста произошло лобовое столкновение двух поездов. При аварии погибли 7 пассажиров, 78 человек были ранены, разбит паровоз «Богатырь» и 6 вагонов. Осенью 1851 г. случилось первое крушение уже на Николаевской железной дороге около станции Клин. Из-за ремонта моста встречные составы по ошибке пустили по одному пути, и, хотя машинисты, заметив друг друга, дали задний ход, было уже поздно.

После первого инцидента управляющий путей сообщения издал приказ, предусматривающий замену склонных к пьянству машинистов англичан на трезвенников немцев, но вряд ли этот приказ можно считать серьезным документом по обеспечению транспортной безопасности[3].

В 1865 г. создано Министерство путей сообщения во главе с П.П. Мельниковым. Заняв пост, Павел Петрович Мельников предложил

---

[2] Устав путей сообщения (т. XII, ч. 1, Свода Зак.) с разъяснениями Правительствующего Сената, касающимися водяных и шоссейных сообщений: [Текст по изданию 1857 года, исправленный по Сводному Продолжению 1906 года] / Сост. А.Н. Гусев. Неофиц. изд. Харьков, 1890. 271 с.

[3] *Луговой И.* Железнодорожные трагедии. Катастрофы, произошедшие на пути Петербург–Москва. Б. м., 2016 // Аргументы и Факты. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.aif.ru/incidents/chp/zheleznodorozhnye_tragedii_vse_katastrofy_na_puti_peterburg-moskva (дата обращения: 17.03.2026).

учредить комиссию для разработки «Положения об эксплуатации паровозных железных дорог», которое должно было стать «сводом законов и правил для железных дорог». Сам Мельников писал в проекте так: «Представляется очевидной... необходимость такого документа, к которому могли бы обращаться все стороны для решения могущих возникнуть между ними споров»[4]. Увы, проект отклонили.

За первые десять лет с момента основания Министерства путей сообщения сеть российских железных дорог росла невиданными темпами – примерно на 1500 километров каждый год. Рельсы дошли до Урала и сибирских земель, приблизились к западным рубежам империи, границам Пруссии и Австрии, связали центр с Польшей, Финляндией, Черноземьем и территориями Малороссии. К сожалению, с ростом железных дорог увеличилось и число аварийных происшествий на них[5].

Так, в феврале 1867 г. случилась трагедия на Рязано-Козловской ветке, унесшая жизни и здоровье 34 человек. Расследование показало, что пассажирский состав тянули два паровоза, причем один из них был товарным и не годился для высоких скоростей. Из-за чрезмерного разгона этот паровоз начало сильно раскачивать, он повредил стыки рельсов, что и привело к сходу поезда с путей.

Но только спустя семь лет, постановлением министра путей сообщения А.П. Бобринского № 51 от 30 мая 1874 г. были утверждены «Правила движения по железным дорогам, открытым для общего пользования»[6]. Это был важнейший нормативный акт, в котором прописывались отношения между ведомством и частными железными дорогами, а также положения о безопасности и эксплуатации. Это был юридический документ первый подобного рода.

Значительный вклад в эту работу внесли инженер Н. Троицкий, который отстаивал право инженеров с опытом службы на железной дороге более пяти лет в сложных случаях принимать самостоятельные решения, а также инженер М. Бельтов, которого беспокоили пробелы в «частных инструкциях и положениях», касающихся правил безопасности.

Перед окончательным принятием «Правил движения по железным дорогам» А.П. Бобринский сказал: «Благодаря уставному документу мы создадим основу для единообразной подготовки инженеров и техников, которые... будут разделять наши взгляды на развитие железных дорог»[7].

---

[4] *Максаков В.* Правила и традиции // Электронная газета «Гудок». Выпуск № 95 (26944) от 29.05.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gudok.ru/newspaper/?ID=1505843 (дата обращения: 17.03.2026).

[5] *Гусарова С.В.* Борьба с экстремистским поведением подростков на железнодорожном транспорте // Транспортное право и безопасность. 2025. № 3(55). С. 80–88.

[6] Правила движения по железным дорогам, открытым для общего пользования [Утв. министром пут. сообщ. 30 мая 1874 г.]. Киев, 1879. 24 с.

[7] *Максаков В.* Указ. соч. [Электронный ресурс].

Заметим, что сразу после принятия документа изучение «Правил движения по железным дорогам» стало обязательным для всех учащихся институтов и училищ железнодорожного транспорта.

Постепенно «Правила движения по железным дорогам, открытым для общего пользования» стали основополагающим документом для железнодорожного транспорта[8].

Эпоха великих реформ Александра II вызвала железнодорожный бум. Сеть железных дорог Российской империи стремительно разрослась до 18 тысяч верст, но качество этих магистралей часто было плачевным. В те времена железные дороги отдавали в концессию частникам. Схема была такая: построй за свои деньги, попользуйся лет 10–15, а потом отдай государству. Естественно, каждый концессионер старался потратить поменьше, а получить побольше. Отсюда и экономия на всем – насыпи оседали, шпалы гнили, рельсы не выдерживали нагрузки, а паровозы с вагонами годами не знали ремонта. К тому же одновременное сосуществование частных и казенных железных дорог порождало множество неурегулированных споров между предпринимателями, грузоотправителями и пассажирами. Чтобы упорядочить эти проблемы, император в 1876 г. подписал Указ о создании специальной межведомственной комиссии для изучения железнодорожного дела и начала разработки профильного Устава железных дорог.

Как отмечает в своих работах Глава Общества любителей железных дорог А.Б. Вульфов: «В результате в 1876 году была высочайшим указом создана целая комиссия под председательством графа Э.Т. Баранова, которую в обществе так и называли – барановская. Она работала по всей сети железных дорог, имея подкомиссии на местах, до 1881 года»[9].

А работать было над чем… В России в среднем происходило 3000 крушений в год, и как это ни горько, но в конце XIX в. по железнодорожной аварийности наша страна прочно удерживала одно из первых мест в Европе. Насколько слабо была организована служба безопасности на железной дороге говорит тот факт, что 19 ноября 1879 г. на третьей версте от московской станции Московско-Курской железной дороги членами движения «Народная воля» был проведен террористический акт, направленный против российского императора Александра II. В результате два паровоза и один багажный вагон оторвались, второй багажный – перевернулся, восемь остальных вагонов сошли с рельсов с более или менее значительными повреждениями. Лишь волей прихотливого случая никого из пассажиров не ранило.

Комиссия описала и проанализировала все аварии, ЧП и практически все случаи сбоев в расписании. Для всех инженеров железной дороги были составлены анкеты, для остальных служащих – опросы.

---

[8] *Максаков В.* Указ. соч. [Электронный ресурс].

[9] *Вульфов А.Б.* Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007.

В итоге при составлении проекта будущего Общего устава был учтен весь опыт работы российских железных дорог, включая страшную «Кукуевскую катастрофу», которая произошла в 1882 г. на 316 км перегона Чернь–Мценск. Тогда отвратительное состояние путей стало главной причиной крушения, так как из-за сильного дождя размыло насыпь, поезд сошел с рельсов и шесть вагонов провалились в обвал. Итог: 44 погибших и 48 раненых.

Именно после этого страшного происшествия действительный статский советник А.А. Слепцов написал свое печально известное письмо министру путей сообщения, в котором с горечью отмечал, что: «В настоящее время каждый, кто вынужден подвергать свою семью случайностям проезда по оной дороге, проводит дни и ночи под гнетом самых тяжелых опасений и вправе думать о предотвращении беды. Я ожидаю свою семью из Харькова и трепещу за ее участь…»[10].

По итогам разбирательства о причинах катастрофы был принят ряд решений. Например, выпустили несколько нормативных актов, ужесточающих требования к постройке мостов и железнодорожного полотна. В частности, 3 августа 1882 г. вышел циркуляр Министерства путей сообщения «О мерах предосторожности для обеспечения безопасности движения поездов во время сильных ливней». Важную роль сыграли и новые правила движения, вступившие в силу с 1883 г. С этого момента все пассажирские поезда, развивающие скорость свыше 55 верст в час, в обязательном порядке оснащались автоматическими тормозами.

Все перечисленное нашло отражение в Общем уставе российских железных дорог. Не случайно еще в проекте устава, предложенном министром путей сообщения Константином Посьетом, уже четко обозначились два направления. Во-первых, устав должен касаться всех, в том числе и самых мелких особенностей службы на железных дорогах. Во-вторых, устав следовало исполнять в полном объеме, а за отклонения от него, повлекшие аварии или иные происшествия, наступала уголовная ответственность.

С января по апрель 1885 г. проект Общего устава и Положения о Совете по железнодорожным делам рассматривались в соединенных Департаментах Государственного совета. Подготовленный проект после длительного обсуждения был высочайше утвержден императором Александром III и вступил в силу 12 июня 1885 г.

[10] Кукуевское крушение в ночь с 29 на 30 июня 1882 года на 316 км (7 пикет) перегона Чернь–Мценск. Б. м., 2024 // СЦБИСТ. [Электронный ресурс]. URL: https://scbist.com/narusheniya-bezopasnosti-na-zh-d-do-2010-goda/57632-kukuevskoe-krushenie.html (дата обращения: 17.03.2026).

В результате принятый «Общий устав российских железных дорог»[11], которому была придана вся сила закона, включил в себя три части:

1. «Раздел о перевозке пассажиров и грузов по железным дорогам»;
2. «Раздел правил о подсудности и давности железнодорожных исков и о порядке исполнения решений по искам к железным дорогам»;
3. «Раздел полицейских железнодорожных правил».

Этот важнейший документ своей эпохи заложил фундаментальные принципы работы железной дороги: вводилась равная имущественная ответственность перевозчика и клиентуры, закреплялась обязательность прямого сообщения с единым билетом для пассажиров и без перегрузки товаров, что значительно ускорило движение вагонов и позволило эффективнее использовать подвижной состав.

Учрежденный Положением Совет по железнодорожным делам стал совещательным органом Министерства путей сообщения, объединившим действия различных учреждений по устройству, содержанию и эксплуатации железных дорог – как частных, так и казенных. Подчеркивалось, что работа железных дорог должна взаимодействовать с другими видами транспорта. Отдельно оговаривались правила подсудности и сроки исковой давности, при этом взыскания по искам не могли обращаться на имущество дорог ввиду их стратегической значимости.

Но для нас в этом документе наиболее примечательна норма статьи 166: «Дорога, ее принадлежности и подвижной состав должны содержаться в таком состоянии и быть охраняемы столь бдительно, чтобы движение было вполне безопасно».

«Общий устав российских железных дорог» вводил подробные правила о порядке содержания пути, железнодорожных сооружений, зданий, подвижного состава, телеграфа и сигнализации, и старался предусмотреть все для безопасности проезда. Так в статье 174 указывались необходимые меры для оказания неотложной медицинской помощи: «Для подачи медицинского пособия заболевшим или пострадавшим от несчастных случаев на железных дорогах, а также железнодорожным служащим и их семействам, устраиваются… больницы и присные покои. Независимо от сего, на каждой станции должны быть необходимые для падания первоначальной врачебной помощи предметы и наставления об их употреблении».

Кроме того, в статье 176 прописывалось, что: «На каждой станции должны находиться огнегасительные инструменты, в потребном числе и надлежащей исправности». А особенно трогательной нам показалась статья 172, которая гласила: «Во всех помещениях станций, назначенных

[11] Общий устав российских железных дорог и Положение о Совете по железнодорожным делам [Утв. 12 июня 1885 г.]. СПб., 1886. 72 с.

для пассажиров, должна находиться в достаточном количества и в чистых сосудах свежая вода для питья, пользование которой производится бесплатно». Очень жаль, что сегодня такой заботы о пассажирах уже не увидишь.

Также регламентировались санитарные нормы и правила поведения в полосе отвода, где порядок обеспечивала специализированная полиция.

Объем книжного варианта «Общего устава российских железных дорог» со всеми инструкциями и дополнениями составлял более 500 страниц, и теперь всем служащим на железных дорогах требовалось его знать и руководствоваться его положениями в своей работе. Именно этим документом были заложены два фундаментальных фактора, лежащие в основе всего транспортного процесса на железной дороге с момента отправления и на протяжении всего пути вплоть до прибытия – безопасность и надежность, причем главенствующим из которых стала именно безопасность.

Увы, от принятия Устава до окончательного внедрения всех его принципов в реальную действительность российским железным дорогам пришлось пережить еще одну крупную железнодорожную катастрофу, в которой едва не погибла семья императора Александра III. Катастрофа произошла 17 (29) октября 1888 г. у станции Борки под Харьковом, когда царская семья возвращалась из Крыма в Санкт-Петербург. И вновь причины крушения были связаны с вопиющими нарушениями правил техники безопасности. Здесь было и превышение скорости (состав двигался со скоростью около 68 км/ч, что превышало конструкционную скорость головного паровоза), и плохое состояние железнодорожного пути (изношенные шпалы, превышение допустимого угла наклона, недостаточное количество балласта), а также нарушение правил компоновки состава, когда тяжелые вагоны были поставлены посередине между легкими. В результате с рельсов сошло 10 вагонов, уцелело только 5 вагонов и оба паровоза благодаря сработавшим автоматическим тормозам Вестингауза. В катастрофе пострадало 68 человек, из них 21 человек погиб.

Проведенное расследование привело к ужесточению надзора за соблюдения правил безопасности железнодорожных перевозок. И уже за последующие пять лет общее число происшествий на железных дорогах сократилось более чем в три раза.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет утверждать, что формирование системы обеспечения транспортной безопасности на железных дорогах России в XIX в. прошло сложный путь от технического эксперимента к созданию разветвленной правовой системы. Изначально российское законодательство, будучи заимствованным из норм о водяных и сухопутных сообщениях, не содержало даже термина «железнодорожный», что свидетельствовало о неготовности государства к регулированию нового вида транспорта. Исторический опыт

демонстрирует: эффективное обеспечение транспортной безопасности невозможно без системного правового регулирования, жесткой регламентации обязанностей перевозчика и единообразия технической политики. Заложенное в 1885 г. «ядро» железнодорожного права, несмотря на терминологическую эволюцию и смену политико-экономических формаций, сохранило свою фундаментальную ценность, подтверждая преемственность принципов безопасности и надежности в российском транспортном законодательстве.

Список литературы

Вульфов А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог. М.: Молодая гвардия, 2007. 452 с.

Гусарова С.В. Борьба с экстремистским поведением подростков на железнодорожном транспорте // Транспортное право и безопасность. 2025. № 3(55). С. 80–88.

Кукуевское крушение в ночь с 29 на 30 июня 1882 года на 316 км (7 пикет) перегона Чернь–Мценск. Б. м., 2024 // СЦБИСТ. [Электронный ресурс]. URL: https://scbist.com/narusheniya-bezopasnosti-na-zh-d-do-2010-goda/57632-kukuevskoe-krushenie.html (дата обращения: 17.03.2026).

Луговой И. Железнодорожные трагедии. Катастрофы, произошедшие на пути Петербург–Москва. Б. м., 2016 // Аргументы и Факты. [Электронный ресурс]. URL: https://spb.aif.ru/incidents/chp/zheleznodorozhnye_tragedii_vse_katastrofy_na_puti_peterburg-moskva (дата обращения: 17.03.2026).

Максаков В. Правила и традиции // Электронная газета «Гудок». Выпуск № 95(26944) от 29.05.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gudok.ru/newspaper/?ID=1505843 (дата обращения: 17.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ОБРАЗ ВИТТЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ КАРИКАТУРИСТОВ

Н.Е. Оралов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.В. Даунгауэр,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу образа С.Ю. Витте в русской политической карикатуре в отрыве от исследования государственной и экономической реформаторской деятельности политика. Исследование основывается на обширном материале сатирических журналов, существовавших в период Первой русской революции («Жупел», «Стрекоза», «Сатирикон», «Адская почта», «Сигнал», «Зарницы»), и рассматривает их как ключевые источники для реконструкции публичного образа реформатора в массовом сознании. Исследование ставит перед собой цель доказать, что карикатура в указанный период времени выступала не просто отражением, а мощным инструментом конструирования публичной репутации С.Ю. Витте. Анализ выявляет несколько устойчивых иконографических типов, через которые осмысляется фигура политика. Исследование опирается на методы изучения культурной истории и иконографический анализ, показывает, как в карикатурном образе С.Ю. Витте сфокусировались ключевые общественные противоречия, выражаемые в художественном ключе: надежда на реформы и опасения усиления власти государственного деятеля.

Ключевые слова: *карикатура, С.Ю. Витте, модернизация, амбивалентность, 1905 год, октябрьский манифест, иконография, сатирический журнал.*

В исторической науке личность и деятельность С.Ю. Витте изучалась преимущественно в рамках его экономической и политической деятельности, государственного управления и дипломатии. Образ реформатора как культурно-исторический феномен, объект политической сатиры, в свою очередь, на протяжении долгого времени оставался неисследованным. Необходимо отметить тот факт, что именно карикатурное творчество позволяет реконструировать способы осмысления фигуры С.Ю. Витте со стороны массовой культуры и широкого круга общественности.

Карикатурное творчество в России переживало свой «золотой век» в период Первой русской революции. Эти годы характеризовались беспрецедентным подъемом популярности сатирических журналов, возникавших по всей стране, несмотря на цензурные запреты. До 1905 г.

политическая карикатура существовала в жестких цензурных рамках. Например, политические журналы «Стрекоза», «Будильник», «Осколки» характеризовались преимущественно литературной и бытовой сатирой. Прямые карикатурные и сатирические, насмешливые изображения членов императорского дома и высших политических деятелей были невозможны. Ситуация изменилось после провозгласившего «незыблемые основы гражданской свободы» манифеста 17 октября 1905 г. Данный манифест декламировал свободу прессы и печати, что привело к взрывному росту различных сатирических изданий и карикатурного творчества в целом[1].

Только в конце 1905 – начале 1906 г. почти в 40 городах Российской империи появилось до 500 наименований сатирических журналов, что составляет около 2500 номеров. Их общий тираж оценивается в 40 млн копий[2]. К этому колоссальному объему сатирической прессы необходимо добавить множество различных открыток. Издания, носившие сатирический характер публикаций, могли совмещать в себе признаки и журнала, и газеты одновременно, некоторые из них именовались «листками» или «органом сатиры». Одним из наиболее значимых среди них был журнал «Жупел», издаваемый под редакцией Зиновия Гржебина, который, в свою очередь, занимался выпуском еще нескольких журналов, таких как «Адская почта» и «Шиповник»[3]. В эти же годы издавались журналы «Пулемет» и «Сигнал», который после выхода первого номера издания был немедленно закрыт, а его издатель Н.Г. Шебуев осужден. В 1908 г. начал свой выпуск журнал «Сатирикон», ставший самым долгоживущим и влиятельным сатирическим журналом поздней имперской России[4].

Художественный уровень вышеупомянутых изданий находился на исключительно высоком уровне. В них сотрудничали и творили такие художники, как Иван Билибин, Борис Кустодиев, Мстислав Добужинский и др. Они принесли в политическую карикатуру невозможный до этого момента уровень детализации и проработки своих работ, обратились к традициям европейской политической сатиры и, в свою очередь, к русской традиции лубка, откуда подчерпнули лаконичность и гротеск.

С.Ю. Витте как автор политических реформ и председатель Совета министров стал одним из главных героев этой сатирической волны. Как писал современник: «Никто не привлекал к себе столько внимания карикатуристов, как граф Витте. Его фигура огромная, характерная, с большим бритым лицом сама напрашивалась на карандаш». Анализ

---

[1] *Привалов В.Д.* Сатирическая печать Первой русской революции (1905–1908): по периодическим изданиям Петербурга. СПб., 2018. С. 10.

[2] *Стернин Г.Ю.* Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. М., 1970. С. 114–116.

[3] *Шевырев А.П.* Русская сатирическая графика 1905–1907 годов: образы власти и народа // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 3. С. 53–54.

[4] *Жуков В.Ю.* Сатирические журналы 1905–1907 гг. (источниковедческий аспект) // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1989. С. 163.

карикатурных изображений Витте как ключевого действующего лица журналов и иллюстраций периода Первой русской революции позволяет выделить несколько устойчивых иконографических типа, которые возникли в период 1905–1906 гг. и продолжали существовать, за редким исключением, до 1910-х гг. Каждый из этих типов имеет присущие ему культурные истоки и выражает определенный аспект восприятия как личности Витте, так и его политической деятельности со стороны современников.

В первую очередь необходимо рассмотреть сатирические изображения С.Ю. Витте как двуличного и беспринципного политика, выражающиеся в образе «канатоходца». Этот образ дополнялся также «клоунскими» изображениями политика, изображениями его как «жонглера» и «двуликого Януса». Прагматизм политика рассматривался сатирическими журналами как политиканство. Реноме С.Ю. Витте как беспринципного человека сформировалось задолго до событий Первой русской революции. Один из известных столичных чиновников описывал данный образ так: «Петербуржцы перекрестили его в Сергея Жульевича». В условиях революционных событий 1905–1906 гг. репутация политика дополнилась новыми подробностями и нашла свое отражение на страницах популярных журналов, многократно тиражировавших различные сатирические образы как в письменной, так и в художественной форме[5].

В «Адской почте» эта репрезентация политика дополняется образом «карточного шулера», в контексте идущей на момент революционных событий Русско-японской войны. Витте предстает как человек, обладающий огромной политической властью, возможностью «перехитрить» как императора, так и японскую сторону на переговорах. Во многом этот образ основывается на шатком в политических условиях положении реформатора, который пытается найти выход из сложной ситуации как с внешне, так и с внутриполитической стороны.

Редакторы сатирических журналов обращали свое внимание на то, что Витте как глава правительства предпочитал действовать на своем посту, руководствуясь бюрократическими методами, без серьезных и видимых политических изменений. Чаще всего на карикатурах с Витте фигурируют министр внутренних дел Петр Дурново, обер-прокурор Константин Победоносцев и генерал-губернатор Дмитрий Трепов, которые, в свою очередь, являлись весьма консервативными противниками реформ. Их изображение в компании Витте выражало прямое сомнение общества в «либеральном» курсе реформатора[6].

Многие карикатуристы и редакторы сатирических журналов использовали в комичной и иронической форме крылатые выражения реформатора. Например, 2 ноября 1905 г. 120 столичных рабочих объявили забастовку, С.Ю. Витте, в свою очередь, обратился к Петербургскому

[5] *Стернин Г.Ю.* Указ. соч. С. 99–101.
[6] Там же. С. 109–111.

совету с воззванием «Братцы-рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей…»[7]. Официальное обращение главы правительства было воспринято как свидетельство беспомощности власти в усмирении народных волнений, а фраза «Братцы, становитесь на работу!» ушла в народ и была использована, например, в первом выпуске журнала «Сигнал». Его издатель Корней Чуковский поместил Витте с красным революционным знаменем в руках, обращающимся к солдату, казаку и жандарму как к «братцам».

Еще одним популярным образом политика является изображение его в виде «Колосса» или «Титана», который своим огромным размером подавляет сопротивление масс и надзирает за государством. Карикатуристы весьма часто использовали необычайный физический масштаб Витте для построения политической метафоры.

Наиболее известной карикатурой данного типа является изображение Витте в журнале «Зарницы», озаглавленное «Я знаю, как спасти Россию». В карикатуре, созданной Иваном Грабовским, изображен как сам С.Ю. Витте в его «колоссальной» манере, так и министр внутренних дел П.Н. Дурново, рядом с пушечными ядрами и орудиями. Данная карикатура отсылает к еще одному крылатому выражению, произнесенному главой правительства 26 декабря 1905 г. в ходе беседы с депутацией ЦК «Союза 17 октября». В разговоре с делегатами Витте объявил о том, что более он не заботится об общественной поддержке и его цель – спасти Россию. По поводу того, произносил ли премьер подобную фразу, высказывался И.В. Гурко и не ставил под сомнение то, что политик действительно выразился таким образом[8]. В целом, данная карикатура сохраняет традицию изображения С.Ю. Витте как противника революции, готового пойти на самые жестокие меры. Необходимо отметить и то, что традиция изображать С.Ю. Витте в виде монструозной фигуры была начата в журнале «Жупел», где реформатор изображен в виде атланта, занимающего своим размером всю территорию Российской империи. Данный образ был взят за пример и разошелся по основным журналам периода Первой русской революции[9].

Следующим вариантом «колоссальной» сатирической репрезентации С.Ю. Витте является образ атланта, держащего на своих плечах ношу государственной власти. Такой образ предоставляется журналом «Стрекоза» в карикатуре 1906 г. Данный образ следует традиции Ивана Билибина и демонстрирует двойственность Витте: он единственный способен удержать в своих руках государственную власть в России и провести политические изменения, но его «всесильность» является весьма опасной и угрожающей для общества. На момент публикации не было

[7] *Привалов В.Д.* Указ. соч. С. 8–9.

[8] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 349.

[9] *Шевырев А.П.* Указ. соч. С. 58–59.

ясно, чем закончится как революционный процесс, так и реформы политика, общество не было уверено в результатах реформ, что и выражалось в популярных карикатурах.

После отставки С.Ю. Витте с поста председателя Совета министров в апреле 1906 г. меняется его образ и характер изображения в карикатуре. Угроза, связанная с нахождением влиятельной фигуры реформатора у власти как лейтмотив сатирической печати, уходит, оставляя место для иронии и в некоторых случаях – сочувствия. В «Сатириконе» 1907–1909 гг. выпускается серия карикатур, в которых Витте изображен на скамье запасных, наблюдая за тем, как его преемники (П.А. Столыпин и И.Л. Горемыкин) управляют страной[10]. Изображение Витте в качестве человека, с «усмешливой презрительностью» относившегося к новым реформатором, стало своего рода рефреном и вошло в обиход сатирической прессы.

После смерти Витте в 1915 г. карикатура как жанр политической сатиры уже не возвращается к его образу. Условия военного времени и усилившаяся цензура сделали невозможным свободное сатирической и уничижительное изображение государственных деятелей[11]. Однако необходимо отметить тот факт, что образы Витте и иных чиновников, созданные в период 1905–1914 гг., продолжали существовать в эмигрантской мемуаристике.

Анализ карикатурного творчества в отношении С.Ю. Витте позволяет сделать ряд выводов о механизмах создания его публичного образа и о политической культуре поздней имперской России. Карикатура выступала эффективным инструментом формирования репутации реформатора. В условиях цензурных ограничений сатирические журналы создавали семантический каркас Витте и осмысляли его образ через различные типы репрезентации, в основном в образе «Колосса» и «Канатоходца», и используя «крылатые» выражения политика. Карикатурный образ Витте фиксирует глубокую амбивалентность российского общества во время и после революционных событий. Его фигура стала точкой пересечения тревог общества относительно неуспешных реформ и необходимости «сильной руки». Дальнейшее изучение карикатурного наследия, во многом заложенного в период 1905–1908 гг., может быть связано с сопоставительным анализом карикатурных и сатирических образов, исследованием социальной рецепции данного творчества и анализом влияния иконографии Витте на формирование образов других государственных деятелей XX в.

[10] *Жуков В.Ю.* Указ. соч. С. 165.
[11] *Шевырев А.П.* Указ. соч. С. 48–50.

Список литературы

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 808 с.

Жуков В.Ю. Сатирические журналы 1905–1907 гг. (источниковедческий аспект) // Русское революционное движение и проблемы развития литературы / Отв. ред. В.Д. Андреев и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 162–166.

Привалов В.Д. Сатирическая печать Первой русской революции (1905–1908): по периодическим изданиям Петербурга. СПб.: Петрополис, 2018. 411 с.

Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков. М.: Искусство, 1970. 296 с.

Шевырев А.П. Русская сатирическая графика 1905–1907 годов: образы власти и народа // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 3. С. 45–62.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ

В.А. Полякова, М.С. Рябова
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Наро-Фоминск

Научный руководитель – С.В. Гусарова,
кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена женского взгляда на события Великой Отечественной войны через призму изобразительного искусства. В центре внимания – творчество художницы-графика Нины Николаевны Ватолиной, чьи плакаты стали одними из самых узнаваемых символов военной эпохи. Прослеживается эволюция ее художественного языка – от жесткого агитационного императива первых военных лет до камерной лирики и гуманистического пафоса завершающего этапа. На материале знаковых работ раскрывается, как художница переводила глобальную катастрофу на язык личных, общечеловеческих ценностей. Анализируются визуально-психологические приемы мастера. Показано, что вклад Н.Н. Ватолиной выходит за рамки идеологического заказа.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, женщина-плакатист, искусство плаката, эмоциональная мобилизация*.

Война, как предельное испытание человеческой цивилизации, традиционно осмысляется через призму мужского действия: стратегий полководцев, доблести солдат, решений политиков. Однако за кулисами этой «большой хроники» всегда проступала иная действительность – война, выстраданная женским сердцем. Участь женщины – сбережение жизней, удержание домашнего уклада, бескрайнее томление и запредельный труд – веками прозябала на периферии военной исторической летописи. Искусство, в силу своей способности фиксировать не только события, но и эмоции, смыслы и дух эпохи, стало одним из немногих каналов, по которым этот уникальный женский ракурс катастрофы минувшего столетия прорвался в общее поле зрения[1].

Особую значимость этот феномен приобретает в контексте Великой Отечественной войны, которая с беспрецедентной жестокостью стерла границу между фронтом и тылом, сделав каждого жителя участником и жертвой. Женщины-художницы в годину военной разрухи отошли от роли созидательниц «возвышенного» камерного искусства – они сделались визуальными хронистами, знатоками души народа и катализаторами

[1] *Гусарова С.В.* Образ предвоенного Ленинграда в живописи тридцатых годов // Петербургские искусствоведческие тетради. 2025. № 78. С. 254–259.

массового самосознания, переводя свою сокровенную муку и гражданский долг в экспрессивные визуальные символы[2].

Одной из таких художниц была Нина Николаевна Ватолина, родившаяся в марте 1915 г. Стремление к живописи привело девушку в Московский полиграфический институт, где она училась у В.А. Фаворского, А.А. Дейнеки, а также известного графика-плакатиста Виктора Дени. Именно он и привил девушке любовь к плакатному искусству. Его известные напутствия: «Плакат должен быть ясен и прост… Плакат есть стрела-молния к сознанию зрителя!», – стали безошибочным вектором для начинающей плакатистки.

Так сформировались главные черты творчества Н.Н. Ватолиной:

- публицистическая заостренность и прозрачность замысла;
- фундамент в виде высокой графической культуры;
- типизация характеров – сотворение обобщенных, моментально опознаваемых персонажей эры (труженик, мать, воин);
- виртуозная работа с литографией и искусством колористического пятна.

Когда разразилась война, Нина Николаевна записалась на курсы сестер милосердия, но распределения на передовую не получила. Зато вскоре поступило предложение работы в «Окнах ТАСС». Для борьбы с врагом необходимо было мобилизовать все средства, поэтому искусство, и особенно плакат как самый массовый и оперативный жанр, превратилось в оружие.

Летом 1941-го противник с таким упорством пробивался к столице, так молниеносно оккупировал все новые пространства, что даже мысль об этом леденила. В мемуарах художницы той жуткой летней поры сквозит надрывная безысходность: «А жизнь шла почти как всегда, только чувство, что стоишь на краю, не покидало, и еще ужаснее, почти физическое ощущение: где-то каждую минуты падают разорванные, пробитые железом люди… И все сжимается, как шкурка, карта страны, точно подожженная тлеет с краю, забирая в черный пепел все новые куски с названиями рек, городов, каких-то никогда не слышанных, страшно важных узлов железных дорог…».

Да, в первые, самые беспросветные месяцы, когда чудилось, будто вражеский вал не сдержать, требовалась мощь, способная вселить веру в достижимость триумфа над столь грозным супостатом. И этой мощью сделались плакаты, которые убеждали, заставляли насторожиться, призывали к действию. Именно тогда, когда идеологическая мобилизация стала условием выживания, Нина Ватолина создает один из самых известных советских плакатов – «Не болтай!».

Искусствоведы не прекращают дискутировать, что здесь первостепенно: фигура женщины, прижавшей перст к устам, либо броские,

[2] *Бычкова О.И.* Советский плакат как хранитель памятных событий военных лет // Наследие веков. 2015. № 1. С. 90–94.

разящие рифмованные строки, принадлежащие корифею литературы для детей Самуилу Яковлевичу Маршаку:

«Будь на чеку.
В такие дни
Подслушивают стены.
Недалеко от болтовни
И сплетни
До измены».

Плакат «Не болтай!» наравне с «Родина-мать зовет!» является самым узнаваемым плакатом войны. Задача его лежит не в эстетической, а в сугубо утилитарной и мировоззренческой плоскости. Это инструментарий информационного противоборства. Он звал к тотальной собранности граждан в ситуации осадного положения, к монолитности тыла, перековке его в общий рубеж схватки с неприятелем, где всякий житель – ратник, а его штык – безмолвие[3].

Плакат «Не болтай!» – это гениальный в своей простоте и эффективности пропагандистский инструмент. Он идеально соответствовал задачам военного времени, сочетая мощный визуальный образ с емким, запоминающимся текстом. Он не просто информировал, а формировал поведение, становясь визуальным кодексом поведения для миллионов людей в тылу.

В городах, где планировалось развешивать плакат, в большинстве оставались женщины, с утра до ночи работающие на фабриках и заводах. Поэтому образ вылился в работницу, чья голова плотно повязана платком красного революционного цвета. Здесь Нина Ватолина проявила себя не просто как исполнительница государственного заказа, но как тонкая толковательница народного чувства. Ее сила заключалась в умении перевести глобальную трагедию войны на язык приватных, общечеловеческих ценностей: сохранности родного угла, неприкосновенности семейных уз, святости задушевных разговоров дома. Плакат Ватолиной «Не болтай!» гениально сводит абстрактное понятие «шпионаж» к образу соседки-сплетницы, остерегая от роковой утечки, когда опрометчивая реплика у собственного очага способна привести к гибели воинов на переднем крае.

Художественный прием на контрасте: честный образ женщины-труженицы противопоставлен тени сплетника. Эта мощная метафора превратила плакат в одну из главных визуальных икон войны.

В эти же самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны Ниной Ватолиной был создан плакат «Фашизм – злейший враг женщин. Все на борьбу с фашизмом!» Здесь мастерица оперирует контрастом лишь

[3] *Афонский С.А.* Наличие и характер архетипов в искусстве русского плаката, созданного в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 3(87). С. 159–169.

двух пигментов – алого и угольного. За счет намеренно заниженной линии горизонта плакат наделен монументальной статью. Но основная сила воздействия этого плаката заключена в психологическом содержании самого образа женщины, призывающей встать в ряды борцов с нацизмом. На заднем плане изображены разрушенные и сожженные строения и убитая женщина с маленьким ребенком.

Обращение адресовалось напрямую к женщинам, живописуя нацизм не как умозрительную угрозу, а как прямую опасность для дома, детей и собственного бытия. Плакат стал не просто обличением врага, а мощным инструментом политической и социальной мобилизации половины населения страны в условиях тотальной войны.

Нина Ватолина видела войну как трагедию, где главной мишенью был мирный быт и семья, а оружием солдата – его гнев и воля к мщению. В ее плакатах война – это не поле боя, а порог дома, где убивают мать с ребенком. Фашизм для нее – злейший враг женщин, топчущий домашний очаг. Ее видение войны было глубоко гражданским и психологическим: она показывала, как ужас вторгается в повседневность, а долг защиты Родины рождается из личной боли и ясного осознания ценности мирной жизни.

Обращение прямо к зрителю стало ключевым элементом, благодаря которому удалось создать мощное эмоциональное воздействие и передать главную идею плаката[4]. Этот плакат стал важной частью визуального языка военного времени. Он помог сплотить общество, сформулировав войну как борьбу цивилизации против варварства, жизни против смерти. Это был инструмент психологической мобилизации, обращенный к глубинным инстинктам защиты потомства и дома[5].

В итоге, плакат «Фашизм – злейший враг женщин» – это не просто агитка, а сложное произведение, где изобразительная метафора, политический слоган и социальная психология спаяны в единый монолит. Он эффективно трансформировал личный, материнский ужас перед угрозой в общественную непреклонность и волю к разгрому врага.

Летом 1942 г. в мастерской «Окна ТАСС» группой художников – Ниной Ватолиной, Николаем Денисовым и Виктором Климашиным был создан плакат «Товарищ боец, помни! Мсти за них!».

Художники создали плакат, где вместо привычного призыва к труду или защите был показан шок и трагедия. На плакате изображена молодая девушка, стоящая у березки – символа России. Ее лицо выражает скорбь, а

---

[4] *Гусарова С.В.* Отражение памяти Великой Отечественной войны в плакатах советских художников // Гусевские чтения – 2025. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ярославль; М., 2025. С. 221–233.

[5] *Алиева Л.В., Филиппова Т.В.* Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны // Научный альманах «Метаморфозы истории». Псков, 2015. С. 21–47.

за плечами разворачивается леденящая кровь картина: казнь безоружных жителей и обращенный в руины город. Этот диссонанс меж зыбкостью бытия и кромешным ликом войны наделяет плакат надрывной выразительностью[6].

Важную роль играет текст: «Только в этих городах и областях немцы замучили и убили сотни тысяч советских людей: в городе Киеве – 200 000, в городе Минске – свыше 150 000, в Смоленской области – 135 000...».

Эти цифры не просто статистика – это напоминание о конкретных людях, чьи жизни оборвались из-за войны.

Эта работа стала одной из самых сильных в серии, направленной на пробуждение не только ненависти к врагу, но и личной ответственности каждого солдата за то, что происходит на родной земле.

С наступлением перелома в ходе войны в 1943–1944 гг. стилистика плакатов Нины Ватолиной менялась. Это объяснялось сменой эмоциональной тональности в советской пропаганде: от ярости и отчаяния 1941–1942 гг. к уверенности в победе и ностальгической тоске по мирной жизни. Художница использовала более светлую цветовую гамму и ее плакаты становились более оптимистичными.

Так в период коренного перелома в войне, когда победа перестала быть лишь мечтой, а стала реальной перспективой, художница создает один из самых лиричных и психологически глубоких плакатов Великой Отечественной войны – «Ждите с победой!».

На смену пафосу приходит лиризм, почти интимность. Это не массовая сцена, а крупный план, почти портрет. Молодой боец с орденом Славы на груди словно пытается дотянуться до своих родных, которые от него так далеко. Короткая, как выдох, надпись «Ждите с победой!» звучит не как приказ, а как просьба, мольба, обещание и наказ одновременно. Она абсолютно органично выражает мысль изображения.

Плакат стал визуальным воплощением знаменитого стихотворения Константина Симонова «Жди меня»[7].

И в унисон этому зову художница создает поразительно сердечный и лучезарный плакат «Ждем с победой!». Это эмблема чаяния, нежности и упования, устремленная не к абстрактной аудитории, а к каждому конкретному воину на поле брани.

Композиция строится на предельно близком, почти портретном изображении молодой женщины и ребенка. Это создает эффект интимности, личного обращения. Герои и образы этого плаката очень символичны. Образ женщины полон света, предвкушения счастья и

---

[6] *Спешилова А.Ю.* Культурологическое осмысление жанров советских плакатов времен Отечественной войны // Омский научный вестник. 2006. № 9(47). С. 326–331.

[7] *Леонов Я.Ю., Гусарова С.В.* Социальная роль плакатов времен Великой Отечественной войны // Россия – моя история: Материалы XXV научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году защитника Отечества. Малоярославец, 2026. С. 154–159.

огромной внутренней силы. Она с надеждой смотрит вдаль. Ребенок, прижавшийся к матери, – это символ будущего, которое нужно защитить.

Но ключевая фигура плаката – та, которой на нем нет. Весь смысл обращен к бойцу, который смотрит на этот плакат. Женщина и малыш ждут именно его, родного, самого дорогого сердцу человека.

Этот диптих Нины Ватолиной – бесспорный образец эмоциональной агитации. Плакат сменил гневный пафос на лирический, коллективный призыв – на личное обращение. И теперь его сила не в агитации, а в сопереживании; не в призыве к ненависти, а в напоминании о любви и человечности. Он превращал абстрактную цель «победы» в глубоко личный и эмоционально насыщенный образ того, что ждет солдата в конце самого трудного пути. Этот плакат не агитировал воевать, а напоминал, за что воюют, превращая «победу» в очень конкретный и дорогой образ дома, который ждет[8].

В 1945 г., сразу после Победы в Великой Отечественной войне Нина Ватолина создает плакат «Мы завоевали счастье нашим детям». Он знаменует собой финальную, победную точку в развитии советской военной пропаганды. Этот плакат подводит итог и смотрит в будущее. Его главная идея – оправдание всех жертв и лишений войной ради светлого, мирного будущего детей. Это плакат-посвящение, плакат-завещание.

Текст «Мы завоевали счастье нашим детям» выступает отнюдь не просто подстрочником, а центральным тезисом и вердиктом. Местоимение «Мы» олицетворяет всю генерацию, явленную на плакате, и весь народ-триумфатор. Глагол «завоевали» непосредственно адресует к бранному подвигу, а понятия «счастье» и «детям» – к его сакральной сверхзадаче.

Своей работой мы хотели отразить понимание многогранной роли женщины-творца в военную эпоху. Наша героиня Нина Ватолина вошла в историю как мастер, чьи работы стали не только инструментом идеологии, но и художественными документами эпохи, отразившими ее ключевые мифы, трагедии и устремления.

Роль женщины-художницы в Великой Отечественной войне была деятельной, подвижнической и невосполнимой. Они не ограничивались наблюдением, а участвовали в схватке собственным острейшим оружием – искусством. Оставленное ими достояние – это бесчисленные графические серии, плакаты, полотна, которые в наши дни служат не одними лишь историческими артефактами, но и памятником мужеству, человечности и несгибаемости духа в запредельных условиях. Они сохранили для последующих поколений правду о войне, пропущенную сквозь женскую душу.

---

[8] *Федотов С.А., Харланова А.Ю.* Художники-плакатисты в годы Великой Отечественной войны // Россия – моя история: Материалы XXV научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году защитника Отечества. Малоярославец, 2026. С. 82–185.

Список литературы

Алиева Л.В., Филиппова Т.В. Женское лицо войны: образ женщины в плакатном искусстве периода Второй мировой войны // Научный альманах «Метаморфозы истории». Псков, 2015. С. 21–47.

Афонский С.А. Наличие и характер архетипов в искусстве русского плаката, созданного в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 3(87). С. 159–169.

Бычкова О.И. Советский плакат как хранитель памятных событий военных лет // Наследие веков. 2015. № 1. С. 90–94.

Гусарова С.В. Образ предвоенного Ленинграда в живописи тридцатых годов // Петербургские искусствоведческие тетради. 2025. № 78. С. 254–259.

Гусарова С.В. Отражение памяти Великой Отечественной войны в плакатах советских художников // Гусевские чтения – 2025. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ярославль; М., 2025. С. 221–233.

Леонов Я.Ю., Гусарова С.В. Социальная роль плакатов времен Великой Отечественной войны // Россия – моя история: Материалы XXV научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году защитника Отечества. Малоярославец, 2026. С. 154–159.

Спешилова А.Ю. Культурологическое осмысление жанров советских плакатов времен Отечественной войны // Омский научный вестник. 2006. № 9(47). С. 326–331.

Федотов С.А., Харланова А.Ю. Художники-плакатисты в годы Великой Отечественной войны // Россия – моя история: Материалы XXV научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева, приуроченных к Году защитника Отечества. Малоярославец, 2026. С. 82–185.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО: ОТРАЖЕНИЕ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

А.С. Садикова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.В. Дауэнгауэр,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье автор анализирует трансформацию трактовки реформ Петра I в школьных учебниках истории второй половины XX – начала XXI в. На основе сравнения советских и современных изданий прослеживается переход от формационного подхода к цивилизационному. Выявлено, что современные авторы дают всестороннюю оценку реформ Петра Великого, подчеркивая его роль как «великого преобразователя», что отражает смену государственных идеологических запросов и приоритетов в формировании гражданской идентичности.

Ключевые слова: *реформы, Петр I, школьные учебники, анализ, оценка.*

Реформы Петра I были масштабными преобразованиями страны «сверху» – создание регулярной армии и флота, введение Табеля о рангах, внедрение гражданского алфавита и мн. др. Обобщая данные, школьники должны понять, как происходил процесс разворота Российского государства в сторону европейского развития. Анализ личности Петра Великого позволяет проследить, как воля одного человека может изменить судьбу целого государства. Можно проследить неоднозначность личности Петра, реформы которого сопровождались затратами человеческих ресурсов и ломкой традиционного уклада.

Реформы Петра Великого стали ключевыми в определении дальнейшего пути развития Российского государства. Благодаря реформам первого российского императора страна смогла преодолеть кризис рубежа XVII–XVIII вв. Первый российский император укрепил государственную власть, усовершенствовал армию и создал сильный морской флот, способствовал развитию промышленности и экономики путем внедрения новых технологий, развитию международной торговли благодаря получению выхода к Балтийскому морю, спустя 104 года после подписания Столбовского мира со Швецией.

Тема является неотъемлемой частью каждого школьного учебника как советского, так и постсоветского периода. Важно отметить, что учебник во все времена был инструментом формирования исторической памяти и формирования гражданской идентичности.

Сравнение советской и современной трактовки реформ Петра I позволяет проследить, как изменились государственные идеологические

запросы, и выявить, какие аспекты преобразований (победы, цена реформ, влияние на народ) сегодня считаются приоритетными для воспитания молодого поколения.

Перед анализом реформ в учебниках истории обратимся к нормативной базе, определяющей цель урока истории в школьном образовании. В постановлении ЦК КПСС, Совмина СССР от 8 октября 1959 г. № 1162 «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе» определяется роль исторического образования: «Курс истории в средней школе должен способствовать выработке у учащихся в доступной для них форме научного понимания закономерностей истории развития общества, формировать у учащихся убеждение в неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, последовательно раскрывать роль народных масс как подлинных творцов истории, создателей материальных и духовных ценностей и значение личности в истории…»[1].

В Указе Президента России от 8 мая 2024 г. № 314 в разделе III «Цели государственной политики в области исторического просвещения» определяется цель: «…формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей путем:

а) сохранения памяти о значимых событиях истории России, включая историю государствообразующего русского народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации, и историю других народов России, исходя из понимания преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства;

<…>

к) совершенствования механизмов государственного управления в области исторического просвещения;

л) повышения престижа профессий, связанных с историческим просвещением»[2].

Таким образом, указ определяет главной задачей формирование гражданской идентичности через историческое просвещение.

Перед рассмотрением внутреннего содержания учебников нужно проанализировать их оглавления. Анализ оглавлений советских учебников,

---

[1] Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 8 октября 1959 г. № 1162 «О некоторых изменениях в преподавании истории в школе» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38088#YwAGcCVsD8eARHJt (дата обращения: 28.02.2026).

[2] Указ Президента России от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/ (дата обращения: 10.04.2026).

посвященных преобразованиям Петра Великого, позволяет выделить следующие особенности: в учебниках 1953, 1964, 1971 и 1983 гг. выделяется глава «Образование Российской империи», где рассматриваются реформы Петра I[3].

В учебнике С.П. Алексеева, В.Г. Карцова выделяется раздел «Россия в 18-м и первой половине 19-го столетия», где рассматривается «Борьба за выход в Балтийское море» и «Полтавская битва»[4]. В данном учебнике акценты расставлены на внешней политике первого российского императора. В учебнике для 4 класса составителей Т.С. Голубевой и Л.С. Геллерштейн выделятся роль Петра I в завоевании Балтийского моря и основании г. Санкт-Петербурга[5].

В 2013 г. утвержден историко-культурный стандарт, который определяет обязательные для изучения в школьной программе темы, термины и понятия, а также персоналии[6]. В данном документе определяется необходимость знания личности Петра Великого и его преобразований в Российской империи. Важно отметить, что, согласно документу, учитель не навязывает ученику единственно верную точку зрения относительно личности и деятельности Петра Великого, а знакомит с различными оценками, как положительными, так и негативными.

Характеризуя разделение параграфов и выделенное время на изучение реформ Петра I, можно отметить существенное увеличение в постсоветское время качества изучения реформ первого российского императора в школьных учебниках истории[7]. В современных учебниках изучаются все направления преобразований: внутренняя и внешняя политика Петра I, их влияние на дальнейшее развитие государства. В учебнике под редакцией В.Р. Мединского и А.В. Торкунова выделяются

---

[3] История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник / Под ред. Б.А. Рыбакова. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1983; История СССР. Учебник для 9 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. 12-е изд. М., 1953; История СССР. Учебное пособие для 7 класса / М.В. Нечкина, П.С. Лейбенгруб. М., 1971; История СССР: учебное пособие для IX–X классов средней школы / Сост. П.П. Епифанов, И.А. Федосов. М., 1964.

[4] История СССР. Учебная книга для 4-го класса / Сост. С.П. Алексеев, В.Г. Карцов. 6-е изд. М., 1961.

[5] Рассказы по истории СССР для 4 класса. Учебник для 4 класса / Сост. Т.С. Голубева, Л.С. Геллерштейн. М., 1986.

[6] Историко-культурный стандарт. [Электронный ресурс]. URL: https://seversk89.gosuslugi.ru/netcat_files/33/46/koncepcija_umk_po_otechestvenoj_istorii.pdf (дата обращения: 28.02.2026).

[7] История России. XVIII – начало XIX в.: 8 класс / Сост. В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. М., 2025; История России. XVIII век: учебник для 8 класса общеобразовательных организаций / Сост. В.Н. Захаров, Е.В. Пчелов, под науч. ред. Ю.А. Петрова. 2-е изд. М., 2024; История России. Конец XVI – XVIII век. 7 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / Сост. А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. 11-е изд. М., 2012; История России: конец XVII – XVIII в. 8 класс: учебник / Сост. И.Л. Андреев, Л.М. Лященко, И.В. Амосова, И.А. Артасов, И.Н. Федоров. М., 2016.

параграфы, посвященные личности Петра Алексеевича, его преобразованиям по направлениям, а также Северной войне, в ходе которой Россия получила выход к Балтийскому морю[8]. Уделяется отдельное время на изучение влияния реформ на население империи, на жизнь народа в эпоху преобразований.

Обращаясь к содержанию учебников истории, отмечаются позитивные и негативные отклики авторов. К отрицательным итогам его правления относят: высокую цену реформ, которая представлена в виде больших материальных затрат и человеческих жертвах, особенности современного общества, которое не спешило принимать перемены в государстве. К положительным чертам преобразований в советских и современных учебниках относят реформу армии, экономические реформы, приведшие к индустриальному рывку, развитию внешней торговли. В советских учебниках 1950–1980-х гг. дается положительная оценка реформ Петра Великого, но подчеркивается их цена – усиление крепостного права.

Постсоветские ученики дают неоднозначную оценку роли Петра Великого в формировании российской культуры и быта. Положительным аспектом авторы учебников называют выход из «самоизоляции», однако сразу же переходят к отрицательным – заимствование стилей, но с привнесением своих черт.

Говорить о реформах Петра Великого нельзя без изучения его личности. Учебники всех периодов начинают изучение реформ с характеристики самого императора. Современные авторы учебников используют термины: «реформатор», «великий преобразователь», «отец отечества», «учитель», но при этом и «ученик», который всегда готов к изучению нового дела. Но также можно встретить и такие характеристики императора, как «разрушитель», «жестокий», «деспот».

Изучая школьные учебники истории второй половины XX – начала XXI в., можно заметить переход от формационного подхода к цивилизационному при анализе реформ Петра Великого. Советские учебники упор делают на внешней политике императора. Однако современные учебники часто не раскрывают причины преобразований, ограничиваясь их описанием.

Учебники всех периодов оценивают как положительно, так и отрицательно реформы.

Советские учебники дают двойственную оценку, но идеологически выверенную. С одной стороны, авторы признают военные и экономические достижения, но акценты авторы расставляют на «цене реформ» – усиление крепостного права, что соответствует марксистскому подходу.

В современных учебниках существенно расширяется проблематика. Изучение реформ становится системным, всесторонним, отводится

[8] История России. XVIII – начало XIX в.: 8 класс / Сост. В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. М., 2025.

отдельная роль характеристике личности Петра I. Современные авторы стремятся познакомить учеников как с положительными, так и отрицательными сторонами реформ императора.

Оценка содержания учебных изданий периода 1950-х – 2025 гг. позволяет выявить их ключевую роль в конструировании гражданской идентичности и репрезентации государственной идеологии.

Список литературы

История России с конца XVI по XVIII век. 7 класс. Учебник / Сост. И.Л. Андреев, И.Н. Данилевский. М.: Мнемозина, 2007. 248 с.

История России. XVIII – начало XIX в.: 8 класс / Сост. В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2025. 383 с.

История России. XVIII век: учебник для 8 класса общеобразовательных организаций / Сост. В.Н. Захаров, Е.В. Пчелов, под науч. ред. Ю.А. Петрова. 2-е изд. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2024. 240 с.

История России. Конец XVI – XVIII век. 7 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / Сост. А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. 11-е изд. М.: Просвещение, 2012. 240 с.

История России: конец XVII – XVIII в. 8 класс: учебник / Сост. И.Л. Андреев, Л.М. Лященко, И.В. Амосова, И.А. Артасов, И.Н. Федоров. М.: Дрофа, 2016. 219 с.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник / Под ред. Б.А. Рыбакова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 415 с.

История СССР. Учебная книга для 4-го класса / Сост. С.П. Алексеев, В.Г. Карцов. 6-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961. 159 с.

История СССР. Учебник для 9 класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. 12-е изд. М.: Государтсвенное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. 327 с.

История СССР. Учебное пособие для 7 класса / М.В. Нечкина, П.С. Лейбенгруб. М.: Просвещение, 1971. 255 с.

История СССР: учебное пособие для IX–X классов средней школы / Сост. П.П. Епифанов, И.А. Федосов. М.: Просвещение, 1964. 432 с.

Рассказы по истории СССР для 4 класса. Учебник для 4 класса / Сост. Т.С. Голубева, Л.С. Геллерштейн. М.: Просвещение, 1986. 255 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

РОДИНА ГОВОРИТ ГОЛОСАМИ СВОИХ ЛЮДЕЙ: ИСТОРИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРГЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА КУРЗЕНКОВА

М.Д. Сильченко, М.М. Султанова
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Наро-Фоминск

Научный руководитель – Н.В. Шурпа,
преподаватель ВГУЮ (РПА Минюста России)

Аннотация. Статья посвящена Герою Советского Союза Сергею Георгиевичу Курзенкову, его мужеству, стойкости и преданности Родине. Особое внимание уделено его связи с малой Родиной – Наро-Фоминском. Сделан вывод, что увековечивание памяти С.Г. Курзенкова поможет вдохновиться его примером.

Ключевые слова: *малая Родина, путь героя, Великая Отечественная война, Сергей Георгиевич Курзенков, связь поколений, мужество*.

Понятие «Малой Родины» выходит далеко за рамки географических границ. Это уникальное сочетание людей, событий и мест, формирующих личность. Помнить и ценить свои корни – долг каждого, и именно это стремление побудило нас подробнее изучить историю Наро-Фоминска.

В ходе архивной работы наше внимание привлекла фигура Сергея Георгиевича Курзенкова. Удивительным открытием стало то, что его путь начинался именно здесь – в здании нашего колледжа. Незримая связь поколений ощущается здесь особенно остро: осознание, что по этим коридорам когда-то ходил великий человек, превращает обычное учебное заведение в живой памятник истории.

Сергей Георгиевич Курзенков – имя, ставшее символом мужества и воплощения высот, достигнутых благодаря самоотверженному труду. Гордость морской авиации, он прошел путь от скромного происхождения до звания Героя Советского Союза.

Его история начинается 7 июля 1911 г. в Омске, в семье рабочего. Вскоре судьба перенесла его семью в Сибирь, а затем, в 1922 г., на родную землю отца – в деревню Таширово Наро-Фоминского уезда. В большой семье Курзенковых, где было пятеро детей, небо манило всех. Трое братьев – Александр, Сергей и Никита – связали свои жизни с авиацией, и каждый добился выдающихся успехов. Старший брат, Александр, также удостоен звания Героя Советского Союза посмертно, пав в последний день Великой Отечественной войны. Младший, Никита, служил военным летчиком на Черноморском флоте, завершив войну в юном возрасте. Сергей же,

средний из братьев, своим примером вдохновлял их всех, став легендой морской авиации.

Путь Сергея Курзенкова к небу начался неожиданно. В юности он, следуя по стопам отца, освоил профессию рабочего. Окончив школу фабрично-заводского ученичества (именно в стенах нынешнего колледжа ВГУЮ), Сергей с 1929 г. работал подмастерьем на Наро-Фоминской ткацкой фабрике. Он успешно развивался в этой сфере: после обучения на курсах при Ленинградском текстильном институте дорос до мастера, а затем и до заведующего производственным обучением.

Однако, как это часто бывало в те годы, юношескую мечту о небе было невозможно игнорировать. Эта тяга к полетам, охватившая многих, изменила его судьбу. В 1930 г. Сергей вступил в ВКП(б), а в августе 1933 г. принял решение, ставшее началом его будущих подвигов – отправился на службу в Военно-Морской Флот.

Авиационный путь Сергея Курзенкова начался многообещающе. В 1935 г. он с отличием окончил Военную школу морских летчиков в Ейске. Его способности были настолько выдающимися, что молодого пилота оставили в школе инструктором. До 1939 г. он передавал опыт будущим асам, а затем продолжил службу в Николаевском авиаучилище, где вырос до командира звена. К 1941 г. Сергей Георгиевич был уже не просто опытным пилотом, но и признанным наставником. Он мечтал о высшем военном образовании и поступил на заочный факультет академии, но все мирные планы в одночасье перечеркнула война.

На фронт старший лейтенант Курзенков попал в октябре 1941 г., прибыв в распоряжение ВВС Северного флота. Именно здесь, в суровых условиях Заполярья, началось его настоящее боевое крещение. Его наставником стал легендарный Борис Сафонов – первый дважды Герой Советского Союза, лучший истребитель начала войны[1].

Однако первые месяцы на фронте стали для Сергея временем тяжелейших испытаний. Война – это не только героизм, но и трагические случайности. В конце 1941 г., во время ночного вылета по боевой тревоге, в условиях плохой видимости Курзенков совершил роковую ошибку, приняв свой самолет Пе-2 за вражеский и открыв огонь. Это было чудо, что экипаж «пешки» уцелел: несмотря на 138 пробоин, выведенные из строя двигатели и 14 пуль, застрявших в бронеспинке пилота, летчики смогли посадить машину на фюзеляж.

За этот инцидент Курзенков предстал перед военным трибуналом. Его карьера и жизнь висели на волоске, но за него заступился командир – Борис Сафонов. Решающую роль сыграло и благородство сбитого экипажа,

[1] *Тарасова Т., Гусарова С.В.* Битва за Москву в 1941 г. и ее значение // От Руси к России: к 1160 годовщине зарождения российской государственности: Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXII научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева. Малоярославец, 2022. С. 232–237.

который не стал винить товарища в случившемся. Дело было прекращено. Но беда не приходит одна: именно в те черные дни Сергей получил весть из дома. Его отец, защищавший родной Наро-Фоминск, был тяжело ранен при бомбежке города и скончался в тыловом госпитале. Так война нанесла Сергею двойной удар – и по чести офицера, и по самому сердцу.

Несмотря на личную трагедию и тень трибунала, Сергей понимал: его долг – защищать небо. Начало 1942 г. выдалось для ВВС Северного флота крайне напряженным. Из-за нехватки бомбардировщиков летчики-истребители 78-го полка превратились в универсальных солдат: они штурмовали вражеские аэродромы, вели разведку и прикрывали союзные конвои на входе в Кольский залив.

4 января 1942 г. Сергей Курзенков, носивший позывной «Сокол», во главе своего звена вылетел на перехват немецкого разведчика. Задание не принесло результата, и группа легла на обратный курс. Сергей, замыкавший строй, бдительно следил за горизонтом, когда в небе внезапно возникла группа немецких истребителей. Оценив ситуацию за секунды, он не стал уходить от столкновения. В эфире прозвучал его решительный голос: «Иду в лобовую!».

В этом яростном встречном бою Курзенкову удалось сбить один вражеский самолет. Однако в следующую секунду удача изменила ему: немецкий «мессер» зашел в хвост и прошил крыло истребителя очередью. Сергей почувствовал резкую боль – пуля попала в правое бедро.

Оказавшись в одиночку против четырех врагов, раненый летчик продолжал бой. Вскоре последовал новый удар – отказали пулеметы. Поняв, что «Сокол» безоружен, немцы начали нагло зажимать его в кольцо. Курзенков отбивался реактивными снарядами, но горючее было уже на исходе, а силы таяли.

Спасение пришло в самый критический момент. В небе появились наши истребители под командованием Павла Ивановича Орлова – будущего Героя Советского Союза и верного друга Сергея еще по школе имени Леваневского. Старое школьное братство и своевременная помощь товарищей вырвали Курзенкова из лап смерти, позволив ему вернуться на аэродром.

Боевой путь Сергея Курзенкова продолжался с нарастающей силой. Проявив себя как талантливый тактик и бесстрашный пилот, он быстро рос в званиях: сначала стал заместителем командира эскадрильи, а к ноябрю 1942 г. занял ответственный пост помощника командира 78-го полка по летной подготовке[2].

К весне 1943 г. капитан Курзенков стал настоящим асом Заполярья. На его счету числилось 209 боевых вылетов и 20 воздушных сражений, в которых он лично сбил 9 вражеских самолетов и повредил еще 4. Он был мастером универсального боя – одинаково эффективно уничтожал врага и в небе, и при штурмовке наземных аэродромов.

[2] *Бодрихин Н.Г.* Советские асы. Очерки о советских летчиках. М., 1998. С. 54.

Однако 28 февраля 1943 г. произошло событие, которое навсегда вошло в историю авиации как «чудо в Заполярье». При заходе на посадку в истребитель Курзенкова случайно попал снаряд своей же зенитной артиллерии. Сергей успел выпрыгнуть из гибнущей машины, но в момент раскрытия парашюта стропы не выдержали и лопнули. Летчик рухнул вниз с огромной высоты – 700 метров. Казалось, шансов нет, но сама родная земля спасла своего героя: Сергей упал в глубокое, заваленное снегом ущелье на склоне сопки. Мягкий сугроб самортизировал удар, сохранив ему жизнь.

Травмы были катастрофическими: множественные переломы, повреждения внутренних органов, разрыв почки. Находясь на грани жизни и смерти, Курзенков нашел в себе силы выстрелить из пистолета, чтобы привлечь внимание спасателей. В госпитале за его жизнь боролся легендарный хирург флота Д.А. Арапов. После 14 сложнейших операций медикам удалось совершить невозможное – они буквально собрали летчика по частям[3].

Жизнь была спасена, но приговор врачей был суров: небо для него теперь закрыто навсегда. В августе 1943 г., после долгого лечения, Сергей Георгиевич был списан с летной службы. Но даже не имея возможности подняться в воздух, он остался в строю, вернувшись к тому, с чего начинал – к обучению молодых пилотов в качестве инструктора училища.

Подвиги братьев Курзенковых стали легендой не только на фронте, но и в их родном Наро-Фоминске. Гордость за отважных земляков была так велика, что жители города организовали сбор средств на покупку именных боевых самолетов для братьев. Для торжественной передачи машин в Москву прибыла делегация руководителей района и представители Наро-Фоминской ткацкой фабрики – той самой, где когда-то начинал свой трудовой путь Сергей.

К сожалению, в эту светлую историю вмешалась трагическая ирония войны. Именно на одном из этих подаренных земляками самолетов 8 мая 1945 г., не дожив всего один день до Великой Победы, не вернулся с задания старший брат – Александр Курзенков.

Слава о мужестве Сергея Курзенкова тем временем перешагнула границы Родины. 24 июля 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено высшее звание – Герой Советского Союза. Но признание пришло и от союзников: еще в июне того же года американское командование отметило доблесть советского летчика высшей военно-морской наградой США – «Военно-морским крестом». Сергей Георгиевич стал одним из немногих иностранных офицеров, удостоенных этой редкой чести в годы Второй мировой войны.

Помимо «Золотой Звезды» и американского креста, грудь героя украшали два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды, а также многочисленные медали. Каждая из

[3] *Хазанов Д.Б.* Авиация Второй мировой: неизвестные страницы. М., 2015. С. 56–59.

этих наград была свидетельством его несгибаемой воли и преданности своему небу и своей стране.

Несмотря на суровый приговор врачей, Сергей Курзенков отказался сдаваться. Если небо было закрыто для него как для пилота, он решил служить ему на земле. С августа 1943 г. и до самого выхода в запас в 1950 г. полковник Курзенков занимал ответственные штабные должности в Управлении боевой подготовки и Штабе авиации ВМФ. Его колоссальный опыт аса-североморца стал бесценным учебником для новых поколений защитников Родины[4].

После завершения военной карьеры Сергей Георгиевич открыл в себе еще один выдающийся талант – дар слова. В 1956 г. он с отличием окончил Московский литературный институт имени А.М. Горького, сменив штурвал истребителя на писательское перо. В своих книгах – «Под нами – земля и море», «Особое задание», «Воздушный ас» – он с предельной честностью и любовью запечатлел суровые будни своих боевых товарищей и бессмертный подвиг своего наставника Бориса Сафонова.

Жизненный путь великого летчика и писателя завершился 18 ноября 1981 г. в Москве. Прах героя покоится на Ваганьковском кладбище, но имя его продолжает звучать в вечности. Сегодня оно гордо сияет на борту современного перехватчика МиГ-31, а в заполярном поселке Сафоново на Аллее Героев установлен бюст в его честь.

Судьба Сергея Георгиевича Курзенкова – это история о том, что для настоящего человека нет преград. Пройдя путь от подмастерья в стенах нашего нынешнего колледжа до Героя Советского Союза и признанного писателя, он доказал: мужество, труд и верность своей «Малой Родине» способны вознести человека на невообразимую высоту. Для нас, сегодняшних студентов, его жизнь – это главный урок того, как нужно любить свое дело и свою страну.

[4] *Курзенков С.Г.* Особое задание. М., 1970.

Список литературы

Бодрихин Н.Г. Советские асы. Очерки о советских летчиках. М.: Эксмо, 1998. 272 с.

Курзенков С.Г. Особое задание. М.: Молодая гвардия, 1970. 119 с.

Тарасова Т., Гусарова С.В. Битва за Москву в 1941 г. и ее значение // От Руси к России: к 1160 годовщине зарождения российской государственности: Сборник научных статей по материалам Всероссийской конференции в рамках проведения XXII научно-практических чтений, посвященных памяти философа и общественного деятеля А.Н. Радищева. Малоярославец, 2022. С. 232–237.

Хазанов Д.Б. Авиация Второй мировой: неизвестные страницы. М.: Вече, 2015. 256 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ШКОЛА-КОММУНА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ФИЛЬМЕ «ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ»

А.Ю. Федорова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.А. Панова,
кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется фильм «Путевка в жизнь» (1931, режиссер Н.В. Экк) как художественное воплощение педагогического эксперимента школы-коммуны в Советской России конца 1920-х – начала 1930-х гг. Рассматриваются ключевые методы коллективного воспитания и перевоспитания беспризорников, отраженные в киноленте: отказ от карательной логики, организующая роль труда, принципы самоуправления и феномен педагога-новатора. Особое внимание уделяется сопоставлению экранной модели трудовой коммуны с реальными практиками педагога А.С. Макаренко в его школе-коммуне.

Ключевые слова: *школа-коммуна, педагогический эксперимент, фильм «Путевка в жизнь», беспризорность, перевоспитание, коллективное воспитание, трудовое воспитание, самоуправление, педагог-новатор, А.С. Макаренко, советская педагогика 1920–1930-х годов.*

1920–1930-е гг. – период для советского государства, ставший началом радикальных перемен во всех сферах жизни. Это время, коренным образом изменившее педагогический подход, стало началом исканий и экспериментов. Беспризорность – страшное последствие Гражданской воны – приобретает характер национальной катастрофы. По данным ГПУ, в 1922 г. насчитывалось до 7 млн беспризорных детей[1]. Они жили в подвалах, на вокзалах, промышляли воровством, проституцией и мелкими грабежами. Реакция государства была слишком медленной: система приемников-распределителей (характерная для политики того периода) была перегружена, условия содержания сложно было назвать даже удовлетворительными. В январе 1921 г. ВЦИК РСФСР принял решение о создании Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссия), председателем которой был назначен Ф.Э. Дзержинский[2]. Именно с нее начнет меняться политика государства в отношении беспризорных детей и подростков от карательной к профилактической.

Начинает возникать большое количество экспериментальных учреждений нового типа: колония им. А.М. Горького (А.С. Макаренко),

[1] *Славко А.А.* Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. С. 45–46.
[2] *Билим Н.Н.* Проблемы ликвидации беспризорности в СССР в 1920–1930-е гг. (правовой аспект) // Общество и право. 2011. № 1. С. 261.

Школа социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского («Шкида», В.Н. Сорока-Росинский), Болшевская трудовая коммуна (М.С. Погребинский). Каждое из этих учреждений соблюдало общие принципы: отказ от «режима тюрьмы», замена надзирателей педагогами-новаторами, принцип самоуправления воспитанников, и конечно же труд – как главный оплот системы воспитания.

Перед молодой советской педагогикой встает задача не просто обезвредить огромное количество опасных детей и подростков или отстранить их от общества, а перевоспитать их таким образом, чтобы в будущем из них выросли достойные «новые» люди, способные построить социализм для всей страны.

Проблема поиска новых эффективных методов и моделей воспитания актуальна и в наше время. С одной стороны, цифровизация и индивидуализация обучения ослабляют традиционные институты социализации – семью и школу. С другой – государство, родители и педагоги остро нуждаются в эффективных методах воспитания, чтобы бороться с подростковой дезадаптацией, агрессией и зависимостью от виртуального мира. Таким образом, поиск новых решений закономерно заставляет обращаться к историческому опыту, в частности к педагогическим системам, которые успешно справлялись с перевоспитанием «трудных» детей.

Существует множество видов источников для изучения моделей и методов воспитания прошедших лет. Однако визуальные источники используются исследователями значительно реже. Таким источником можно назвать фильм режиссера Н.В. Экка «Путевка в жизнь»[3]. Данная кинокартина была выпущена в прокат в 1931 г., в то время, когда общество еще не успело отойти от кардинальных перемен в системе образования (прошло не больше пяти лет), а уж тем более пережить их. Режиссер фильма и его сотрудники несколько месяцев прожили в детском воспитательном учреждении, откуда и были взяты исполнители ролей. А сам фильм снимался в том числе и на территории Болшевской трудовой коммуны ОГПУ № 1, основанной в феврале 1924 г. Работа гордо несет звание первого звукового советского фильма. Но популярность ему принес не только беспрецедентный звуковой «аттракцион». Во-первых, история о московских беспризорниках была актуальна, во-вторых, картина подкупала человечностью в рассказе об «отбросах общества».

Несмотря на то, что фильм является художественным, его ценность как исторического источника огромна. Близость ко времени действия школ-коммун позволила авторам уловить и зафиксировать не только факты, но и общественные настроения того периода. Фильм отражает коллективные представления о «новом человеке», о методах борьбы с

[3] Путевка в жизнь. [Художеств. фильм]. СССР, 1931. Реж. Н.В. Экк // Смотрим. [Электронный ресурс]. URL: https://smotrim.ru/brand/24412 (дата обращения: 12.03.2026).

беспризорностью и о роли педагога. Он показывает, как современники воспринимали эти эксперименты: с надеждой, верой в возможность быстрого исправления. В этом смысле картина является документом не столько педагогической практики, сколько эпохи, ее идеологии и психологии.

Исследование данного фильма позволяет критически переосмыслить уже проверенные временем методы воспитания. В комплексе со сравнением событий из фильма с реальными практиками того времени, взятых из работы педагога-новатора А.С. Макаренко («Педагогическая поэма»), становится возможным не только реконструировать идеальный образ школы-коммуны, но и выявить зоны расхождения между художественным вымыслом и живой педагогической реальностью.

В фильме показано, как в ночь на 20 декабря 1923 г. производится изъятие беспризорных с улицы под руководством детских социальных инспекторов[4] и работа специальной комиссии по решению судеб детей и подростков[5]. На заседании комиссии был поднят вопрос об изоляции самых трудных из них, однако было принято решение произвести «невиданный опыт» и отправить их не в исправдома, а в экспериментальную трудовую школу-коммуну.

Реальность же была немного иной: бесконечные комиссии, споры ведомств, переписка и ежедневная борьба педагогов за каждого конкретного подростка. Драматический выбор «небывалого опыта» в кино – символическое воплощение той реальной борьбы идей, которая шла в кабинетах и определила судьбу педагогики 1920-х гг. Фильм показывает идею, а реальность была процессом, результатом которого являлась сложная бюрократическая борьба между Наркомпросом, который ратовал за воспитание, и НКВД, склонявшимся к изоляции в исправительно-трудовых домах.

Следующая важная сцена – транспортировка беспризорников[6]. Ребята добровольно соглашаются поехать в коммуну, но лишь для того, чтобы сбежать. Отсутствие конвоя и доверительная атмосфера, созданная Н.И. Сергеевым (главный педагог коммуны), становятся ключевым моментом. На экране это выглядит как триумф педагогической веры: дети, почувствовав уважение к себе, добровольно соглашаются на эксперимент и не пытаются совершать попыток бегства. Однако при сопоставлении с историческими реалиями эта сцена обнаруживает свою драматическую условность.

В действительности транспортировка «трудных» подростков была операцией, сопряженной с высоким риском. Например, из воспоминаний бывшего воспитанника колонии под руководством А.С. Макаренко Алексея Землянского следует, что руководитель устраивал

[4] Путевка в жизнь. [Электронный ресурс]. Фрагмент: 0:18:58–0:23:10.
[5] Там же. Фрагмент: 0:23:10–0:27:17.
[6] Там же. Фрагмент: 0:36:57–0:42:15.

«беспризорников, найденных в подземельях и трущобах, в коммуны; других приводил в порядок и отправлял в детские колонии»[7]. Когда под конвоем доставляли очередного беспризорника, он брал ребенка и категорически отказывался принимать его личное дело. Это известный макаренковский принцип авансирования хорошего в человеке: «Мы не хотим знать о тебе плохого. Начинается новая жизнь!»[8].

В своих произведениях Макаренко также неоднократно отмечал, что побеги были массовым и естественным явлением в первые месяцы существования колонии. Он не рассматривал их как трагедию или повод для сурового наказания, а как неизбежный этап адаптации подростка к новым условиям. Главным инструментом борьбы с побегами была не охрана, а создание интересного и требовательного коллектива, из которого со временем просто не хотелось уходить.

Важным аспектом процветания школы-коммуны была сама личность руководителя, того самого педагога-новатора. В фильме инспектор Сергеев – это идеализированный образ, так называемый собирательный портрет лучших педагогов-экспериментаторов того времени. При работе над картиной Николай Баталов познакомился с руководителем детской коммуны Алексеем Червонцевым – «дядей Лешей», как называли его коммунары, и консультировался с ним по разным вопросам. Актер писал: «Наблюдение в течение долгого времени за дядей Лешей, изучение его методов обращения с воспитанниками имело большое влияние на трактовку роли Сергеева»[9]. С помощью хитрости, безвредных манипуляций, искренности в общении с детьми, а самое главное веры в человека, Сергеев в итоге достигает успеха. Именно такой харизматичный руководитель необходим был для успеха педагогических экспериментов 1920-х гг. Но важно не забывать, педагог не маг и волшебник, не гуманист христианского типа, а деловой человек, жестко осуществляющий большевистскую идеологию, где каждая личность есть отношение, а все отношения – система, и если хоть одна личность повела себя не так, как положено, как предусмотрено диктатом педагога, то это отношение надо немедленно взорвать[10].

---

[7] *Федорова Е.В.* Опыт коммун А.С. Макаренко как педагогико-правовой пример преодоления социально-правовых последствий русских революций 1917 года, связанных с предупреждением девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних // E-Scio. 2020. № 11(50). С. 64.

[8] *Овчинников В.* А.С. Макаренко – выдающийся педагог XX-го века. Б. м., 2018 // Сайт Николая Старикова. [Электронный ресурс]. URL: https://nstarikov.ru/a-s-makarenko-vydayushhijsya-pedagog-xx-go-veka-94267 (дата обращения: 03.04.2026).

[9] *Мелина С., Тимофеева Л., Нечаева Е.* Путевка в жизнь. Б. м., б. г. // Городской методический центр Департамента образования и науки города Москвы. [Электронный ресурс]. URL: https://ugmoscow.ru/putevka-v-zhizn (дата обращения: 13.04.2026).

[10] *Богуславский М.В.* История педагогики: методология, теория, персоналии. М., 2012. С. 308.

Каковы же ключевые элементы педагогической системы, представленной в фильме? Во-первых, в фильме мы видим отказ от наказаний и изоляции детей. Когда, воспользовавшись отъездом Сергеева, воспитанники устраивают в коммуне настоящий погром, эпизод становится кульминацией и главной проверкой на прочность для всей системы[11]. Вопреки ожиданиям и зрителей, и, возможно, самих детей, руководитель не назначает никаких наказаний. Вместо кары и следствия инспектор предлагает нечто совершенно иное – сверхзадачу. Он объявляет, что теперь коммуна будет строить собственную железную дорогу. Энергия разрушения и бунта мгновенно переключается на созидание. Подросткам, только что выплеснувшим ярость, предлагается грандиозный, взрослый проект. Общее «великое дело» объединяет бывших хулиганов, давая шанс на светлое будущее. Таким образом, этот эпизод демонстрирует главный принцип системы: не карать за слабость, а давать шанс проявить силу через общее дело.

В своей практике А.С. Макаренко также сталкивался с трудностями с воспитанниками, случилось даже так, что единожды он все-таки поднял руку на мальчишку: «Нужно, однако, заметить, что я ни одной минуты не считал, что нашел в насилии какое-то всесильное педагогическое средство… Вы проанализируйте хорошенько: ведь мальчик сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы возвратить его, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них. Все-таки они люди»[12].

Во-вторых, в школе-коммуне действует принцип «переделки трудом». Мальчишек учили столярному, слесарному, сапожному и механическому делу[13]. Подростки, многие из которых до этого знали только улицу и мелкое воровство, получают возможность освоить настоящие, «мужские» профессии. В коммуне создаются полноценные мастерские, где кипит работа. В фильме это не просто декларация, а основа всей повседневной жизни. Педагогическая система строится на том, что труд – это не наказание и не повинность, а главный инструмент воспитания личности, способ вернуть подростку чувство собственного достоинства и веру в свои силы, за который к тому же они получают оплату.

---

[11] Путевка в жизнь. [Электронный ресурс]. Фрагмент: 1:01:55–1:13:37.

[12] *Макаренко А.С.* Педагогическая поэма // *Макаренко А.С.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1950. Т. 1. С. 63.

[13] Путевка в жизнь. [Электронный ресурс]. Фрагмент: 0:46:50–0:50:13.

В «Педагогической поэме» А.С. Макаренко подробно описывает трудовую деятельность воспитанников на протяжении всего повествования: «Добросовестная работа была одним из первых достижений колонии имени Горького, к которому мы пришли гораздо раньше, чем к чисто моральным достижениям. Нужно признать, что труд сам по себе, не сопровождаемый напряжением, общественной и коллективной заботой, оказался мало влиятельным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения…»[14]. Если весь коллектив вовлечен в общую трудовую деятельность, которая постоянно требует усилий, держит в тонусе и сопровождается искренним энтузиазмом, общим подъемом и сознательной целью, то такая деятельность сама собой создает самое важное для воспитательного учреждения – здоровую нравственную атмосферу, тот самый «нравственно здоровый фон».

В-третьих, принцип действующего самоуправления в коммуне. Когда Васька «Буза» пропускает рабочий день, из-за ночных гуляний в кабаке Жигана, происходит самое важное. Не Сергеев, а сами ребята, его же товарищи по коммуне, вершат суд[15]. Они – и обвинители, и судьи. Васька стоит перед лицом своих сверстников, а не перед грозным директором. Для подростка, привыкшего к равнодушию или жестокости взрослых, осуждение коллектива оказывается гораздо более действенным, чем любой карцер. Именно страх потерять уважение товарищей, а не страх перед физическим наказанием, заставляет его осознать свой проступок. Самоуправление становится не просто формой управления, а мощнейшим педагогическим инструментом. Оно переносит центр ответственности с внешнего контроля на внутренний самоконтроль.

А.С. Макаренко уделяет системе самоуправления ключевое место. Он характеризует ее не как формальную демократию, а как реальный инструмент воспитания коллектива и личности. Так А.С. Макаренко описывает первый «народный суд» колонии над воспитанником, который крал сало и деньги. На общем собрании педагогически беспомощный заведующий лишь задает тон, а главную роль играют сами воспитанники: они страстно обличают вора, требуют наказания, и один из колонистов даже вызывается доказать вину. Под давлением коллективного негодования виновный признается и обещает больше не красть, объясняя свои поступки голодом[16]. В итоге назначается мягкое наказание, после которого осужденный действительно больше никогда не совершает краж.

Педагог-новатор показывает, что коллективное обсуждение и общественное порицание действуют сильнее формальных наказаний и личного воздействия педагога; суд товарищей пробуждает в провинившемся чувство ответственности перед коллективом, а не страх перед начальником. Личность перевоспитывается через коллектив, а не напрямую.

---

[14] *Макаренко А.С.* Указ. соч. С. 138.
[15] Путевка в жизнь. [Электронный ресурс]. Фрагмент: 1:21:30–1:23:02.
[16] *Макаренко А.С.* Указ. соч. С. 75–77.

Конечно, если говорить о самом фильме, то все же, в большей степени, он утопичен. Но это нельзя считать минусом. Реальные школы-коммуны знали и многочисленные побеги, и бесконечные кражи – путь исправления детей и подростков был тернист, на это нужно было значительное количество времени. В кино проблемы решаются быстро, коллектив почти всегда обладает единым мнением, педагог слишком «правильный». Но в этом и есть главный посыл. Фильм отражает идею в превосходном ее воплощении. Нам показывают то, как должно было быть – это главный воспитательный момент, никакая хроника не сможет это отразить.

Чем жестче была дисциплина, тем ближе это было к реалиям. Ведь, по сути, коллектив обладал огромной властью, которая способна даже навсегда изгнать человека. Но власть эта работает только потому, что каждый боится оказаться на месте изгнанника. Отсутствие привилегий или особого отношения, принцип самоуправления – все это направлено на становление внутреннего стержня будущего строителя социализма. Это, в современном смысле, та самая мобилизационная демократия, где личность подчиняется коллективу, но при этом имеет шанс сама стать коллективом. Это принципиально отличает коммуну и от авторитарной школы, и от либеральной «свободы самовыражения».

Если же говорить о роли трудового воспитания, то в рамках современности этот аспект все чаще стараются направить в творчество («творческий труд», возможность получать удовольствие от работы, которую делаешь). А.С. Макаренко же в «Педагогической поэме» прямо пишет: труд сам по себе скучен и тяжел, его педагогическая ценность – не в нем самом, а в организации усилия, в соревновании, в коллективной ответственности за общее дело[17]. Фильм «Путевка в жизнь» это утрирует, но не скрывает. Герои работают не потому, что им весело, а потому, что иначе их не примут, к ним не будет должного уважения, это является угрозой возвращения в прошлое. Это суровое, но честное воспитание.

Главный вывод, который можно вынести, это то, что эксперимент школ-коммун и их кинематографическая версия работали не потому, что «только труд может облагородить человека» или не потому, что «только коллектив несет в себе воспитание», а потому, что и в жизни, и в фильме создаются ситуации, в которых ребенок не может оставаться нейтральным. Ты либо с коллективом – и тогда ты его часть, его защита, его совесть. Либо против – и тогда ты изгой. Эти крайности, доведенные до предела, и есть секрет «перековки» самых запущенных. Этот опыт сам по себе мучительный и противоречивый, но сработавший как часть эксперимента. Не думаю, что сегодня можно взять этот метод целиком, оставив все без изменений. Но и поставленные в нем вопросы заслуживают отдельного внимания в современных разработках педагогических методик.

[17] *Макаренко А.С.* Указ. соч. С. 138.

Список литературы

Билим Н.Н. Проблемы ликвидации беспризорности в СССР в 1920–1930-е гг. (правовой аспект) // Общество и право. 2011. № 1. С. 260–263.

Богуславский М.В. История педагогики: методология, теория, персоналии. М.: Издательский центр ИЭТ, 2012. 434 с.

Макаренко А.С. Педагогическая поэма // *Макаренко А.С.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. Т. 1. 768 с.

Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 172 с.

Федорова Е.В. Опыт коммун А.С. Макаренко как педагогико-правовой пример преодоления социально-правовых последствий русских революций 1917 года, связанных с предупреждением девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних // E-Scio. 2020. № 11(50). С. 54–68.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ЕВРОПЕЙСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.)

О.В. Шрамченко, С.П. Дудкина
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Наро-Фоминск

Научный руководитель – Н.А. Мазуров,
преподаватель ВГУЮ (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить некоторые особенности становления высшего образования, и особенно, университетского образования в России на примере гуманитарных дисциплин. Прослеживается влияние организации обучения, прежде всего, в средневековых европейских университетах на становление российского высшего образования. Уделяется внимание и тем историческим деятелям, которые внесли существенный вклад в развитие гуманитарной составляющей российской педагогической науки.

Ключевые слова: *духовная культура общества, гуманитарная традиция, высшее образование, социально-гуманитарное образование, братская школа, университет, русская философская традиция*.

Кризисные явления современной высшей школы, например, наличие элементов деформирования такой ее составляющей, как фундаментальность, предполагают и рассмотрение определенной исторической ретроспективы становления высшего образования в нашей стране. Остановимся на некоторых базовых понятиях.

Проблемы культуры связаны с ответом на вопросы, что есть суть культурной деятельности человека, ее основные составляющие, формы, типы и другие ее аспекты. «Краткий философский словарь» указывает: «Культура как система разнообразных традиций, образцов поведения, норм и результатов деятельности, постоянное воспроизведение которых делает человека человеком, обладающим языком, сознанием, искусством, современной индустрией, наукой, представляет абсолютную ценность, задающие главные ориентиры всем сферам человеческой деятельности»[1].

Духовную культуру общества мы будем понимать как составляющую идеальной деятельности человека, где участвуют его чувства, а также сумму духовных ценностей и их производство (точнее, воспроизводство). Конкретно, это мораль, образование, отношение к другому человеку, религия и др.

[1] Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 171.

Но необходимо рассмотреть и определение традиции как составной части культуры. Г.М. Коджаспирова и А.Ю. Коджаспиров отмечают, что традиции – это «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение знания, формы деятельности и поведения, а также сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления. Традиции служат важным фактором регуляции жизнедеятельности людей, составляют основу воспитания»[2]. Различают виды гуманитарной традиции, по содержанию это, например, учебные традиции.

Остановимся и на содержании такого понятия, как образование. Это понятие используется в нескольких смыслах. Для нашей темы важно отметить, что «образование – это специально организованная в обществе система условий и учебно-образовательных, методических и научных органов и учреждений, необходимых для развития человека»[3].

Что в первую очередь повлияло на становление средневековых высших учебных заведений на европейском континенте? Несомненно, это городская революция, начинающаяся в XI в., и урбанизация Европы. Рост городов свидетельствовал о том, что они становились «центрами развития ремесел и мануфактурного производства, банковского дела и международной торговли, светского искусства и коммунального самоуправления»[4]. Данный феномен породил потребность «в немалом количестве инженеров, юристов, врачей, преподавателей, дипломатов»[5]. Французский историк Фернан Бродель отмечал, что количество нотариусов в крупнейших городах Италии в конце XIII в. составляло: в Милане – 1,5 тыс. человек на 60 тыс. жителей, в Болонье – 1 тыс. человек на 50 тыс. жителей, в Вероне – более 500 человек на 40 тыс. жителей[6].

Появление высшего образования в европейских странах относят к XII в. Факультеты в данных учебных заведениях были одинаковые: богословский (теологический), юридический, медицинский. Был и так называемый подготовительный факультет, называемый артистическим, где преподавались первоначально три учебных дисциплины тривий или тривиум (лат. Trivium – трехпутие) – грамматика, диалектика (логика) и риторика. Вскоре появляется и квадривиум (лат. Quadrivium – четырехпутие) – геометрия, арифметика, астрономия и музыка. В итоге складывается семь свободных искусств (учебных предметов). Конечно, на набор данных дисциплин повлияла, прежде всего, система образования античности. Конечная цель обучения на артистическом факультете – это подготовить учащегося (студента) для занятия в последующем

---

[2] *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М., 2001. С. 151.

[3] Там же. С. 92.

[4] *Менцин Ю.Л.* Научная революция XVI–XVII вв.: ученые, власть, общество. М., 2001. С. 5.

[5] Там же.

[6] *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3. С. 563–564.

философией. Позже свободные искусства стали рассматриваться как самостоятельные, став при этом своеобразным фундаментом гуманитарного образования.

Необходимо отметить, что образование в средневековых университетах было религиозным и направлено на практическую деятельность обучающихся. Г.В. Гриненко отмечает: «Период развития зрелой, или высокой, схоластики[7] (XIII в.) характеризуется следующими особенностями. Во-первых, основными центрами развития европейской схоластики становятся в это время университеты, их философские факультеты (называвшиеся тогда артистическими факультетами искусств). Но подавляющее большинство философов (как и ученых вообще) были клириками, а чаще всего – монахами»[8].

Наиболее известные европейские университеты того времени: Падуанский, Болонский, Парижский, Римский, Дублинский, Оксфордский и др.

Европейский университет представляет собой уникальный социальный и культурный институт, сформировавшийся в XII–XIII вв. Первые университеты – Болонский, Парижский и Оксфордский – возникли как корпорации преподавателей и студентов, обладавшие значительной автономией и правом самоуправления[9]. Их главной особенностью было объединение образовательной и научной деятельности, а также формирование устойчивых академических традиций.

Одним из ключевых принципов европейского университета стала академическая свобода, включающая свободу преподавания и обучения. Важную роль играла также корпоративная организация: университеты имели собственные уставы, избираемые органы управления и систему степеней (бакалавр, магистр, доктор), которая впоследствии стала общеевропейским стандартом[10].

Европейские университеты также отличались интернациональным характером: преподаватели и студенты свободно перемещались между странами, а латинский язык долгое время служил универсальным средством научного общения. Это способствовало формированию единого интеллектуального пространства и передаче знаний вне зависимости от государственных границ[11].

Остановимся и на начале формирования социально-гуманитарного знания в России. А.И. Абрамов отмечает: «Сами понятия “философия” и

[7] Схоластика – это средневековая латинская общеевропейская философия.
[8] *Гриненко Г.В.* История философии: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 216.
[9] *Рюэгг В.* История университета в Европе. Т.1: Средние века. М., 2012. С. 97.
[10] *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 61.
[11] *Рюэгг В.* Указ. соч. С. 99.

“философ” имели в культуре Киевской Руси свои специфические особенности и не совпадали с их современной интерпретацией»[12].

Начало XV в. в России характеризуется появлением религиозного свободомыслия в идеологии ранних ересей. Особое место в данных религиозных движениях занимает Максим Грек (ок. 1475–1556) – албанский грек, приехавший в Россию из Италии в 1518 г. для перевода с греческого «Толковой псалтири» и исправлений богослужебных книг по приглашению Василия III.

Значительный вклад в становление и развитие высшего образования в нашей стране внесли появившиеся братские школы, основывавшиеся, как правило, религиозно-национальными братствами[13].

В первой трети XVII в. при активном участии энциклопедически образованного просветителя своего времени, митрополита П. Могилы (1596–1647) в Киеве была основана Киево-Могилянская коллегия. В дальнейшем она получила статус академии (1701).

Значительную роль в становлении другого высшего учебного заведения – Славяно-греко-латинской духовной академии в Москве – сыграл выпускник Киевской академии Симеон Полоцкий (1629–1683).

Организация обучения в данных учебных заведениях в определенной мере копировала организацию в западных университетах. «Центрами схоластической философии явились Киево-Могилянская и Московская славяно-греко-латинская духовные академии, которые были первыми высшими учебными заведениями в России. Они были построены по образцу западных католических университетов и включали весь цикл средневековой схоластической мудрости. В курсе обучения обеих академий, Киевской и Московской, в качестве основных предметов входили латинский и греческий языки, грамматика, пиитика, риторика, философия и богословие. Последнему придавалось первостепенное значение»[14].

В Московской духовной академии преподавали братья Лихуды, Иоанникий Лихуд (1639–1717) и Софроний Лихуд (1652–1730). Они составили программу обучения для академии, ориентируясь, прежде всего, на программу Падуанского университета.

Необходимо упомянуть и А.Х. Белобоцкого, преподававшего в академии. Он окончил Краковский университет и в течение восьми лет стажировался в католических университетах Западной Европы.

---

[12] *Абрамов А.И.* Первое и второе болгарское влияние философской мысли русского средневековья // Международные идейно-философские связи Руси XI–XVII вв. М., 1991. С. 54.

[13] *Медынский Е.Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954. С. 126–132; *Садовникова Н.Е.* Значение Братских школ в истории российского государства // Мир науки и образования. 2016. № 1(5).

[14] *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* История русской философии. М., 1961. С. 38.

Первая половина XVIII в. в плане развития духовной культуры российского общества характеризуется возникновением материалистической традиции, которая формируется на базе собственного научного мировоззрения. В 1725 г. начинает работать Петербургская академия наук, основанная по указу Петра I.

В указе говорится и об открытии первого в России университета: «§ 14 – в Университете четыре факультета имеются, а именно: 1) теология, 2) юриспруденция, 3) медицина, 4) философия. Факультет теологии здесь оставляется, и попечение о том токмо Синоду передается»[15].

А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров отмечают: «Научная работа и образование достигают довольно широкого размаха, совершенно немыслимого полстолетия назад. Издаются переводные и оригинальные книги различного назначения, в том числе учебники и просветительная литература. Закладываются основы естествознания, инженерного дела, политической экономии, юриспруденции, исторических наук, живописи и литературы»[16].

В истории становления российского высшего образования особое место занимают личности, выступившие посредниками между европейской и русской научной традицией. Одной из таких фигур является Петр Васильевич Постников (1660-е – не ранее 1713) – первый русский ученый, получивший докторскую степень в западноевропейском университете, ученик братьев Лихудов. Его биография отражает важный этап культурного и научного взаимодействия России и Европы в конце XVII в.

Петр Васильевич Постников родился в семье служилого человека. Его отец занимал должность дьяка Посольского приказа, что обеспечило будущему ученому доступ к образованию и государственной службе. Первоначальное обучение Постников получил в Славяно-греко-латинской академии – крупнейшем образовательном центре Москвы конца XVII в. Академия играла важную роль в формировании гуманитарной образованности и подготовке будущих государственных служащих и ученых.

В стенах академии Постников изучал философию, богословие и иностранные языки. Эти знания стали основой для его дальнейшего обучения в Европе. По указу Петра I он был направлен за границу для изучения медицины. Подобная практика отправки молодых людей в европейские университеты была частью государственной политики модернизации страны и формирования новой образованной элиты[17].

---

[15] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4807. С. 553–554.

[16] *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Указ. соч. С. 49.

[17] *Андреев А.Ю., Посохов С.И.* Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. С. 671.

В 1692 г. Постников прибыл в Италию и поступил в Падуанский университет – один из старейших и наиболее авторитетных университетов Европы[18]. Основанный в 1222 г., Падуанский университет славился своими медицинскими и философскими школами и привлекал студентов из разных стран.

Уже в 1694 г. Постников успешно выдержал экзамены и получил степень доктора философии и медицины. В университетском дипломе особо отмечались его академические успехи, усердие в обучении и примерное поведение. Этот факт имел символическое значение для российской образовательной истории, поскольку свидетельствовал о включении русских ученых в европейское научное пространство.

После получения степени Постников продолжил знакомство с научной жизнью Европы. Он посещал университеты Парижа и Лейдена, изучал их образовательные практики и научные библиотеки. Подобные поездки позволили ему познакомиться с новейшими достижениями европейской науки и расширить круг научных контактов.

Вернувшись в Россию, Постников оказался востребован, прежде всего, как специалист в области иностранных языков и переводов. Он владел латинским, греческим, французским и итальянским языками, что делало его ценным участником дипломатических миссий и посредником в международных контактах. Его деятельность была связана с переводом иностранных текстов, закупкой научной литературы и участием в дипломатических переговорах. Постников способствовал знакомству русской интеллектуальной элиты с новыми идеями в области науки, права и государственного управления. Одним из наиболее известных результатов его переводческой деятельности стал ранний перевод Корана на русский язык, выполненный около 1697 г. на основе французского перевода Андре дю Рие[19].

Первое место в истории становления университетского образования и гуманитарной традиции в России занимает Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765).

А.С. Пушкин писал о Ломоносове: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник… Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»[20].

Его деятельность стала важным этапом в процессе соединения европейской научной культуры и формирующегося российского просвещения. Ломоносов не только воспринял европейские научные и образовательные традиции, но и сумел адаптировать их к национальной

[18] *Рюэгг В.* Указ. соч. С. 640.
[19] *Соколов А.Н.* История перевода Корана в России. М., 2022.
[20] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1949. Т. VII. С. 277.

культурной среде, создав основу для развития отечественной науки и гуманитарного знания.

Формирование научного мировоззрения Ломоносова происходило в контексте европейской интеллектуальной традиции XVIII в. В 1726 г. в Санкт-Петербурге начинает работать университет при Академии наук. После обучения и работы в Академическом университете и Славяно-греко-латинской академии он был направлен за границу для продолжения образования.

В 1736 г. Ломоносов прибыл в Германию, где учился в Марбургском университете[21] у известного философа и представителя рационалистической традиции Христиана Вольфа (1679–1754). В Марбурге он изучал философию, физику, математику, иностранные языки и другие дисциплины, формировавшие универсальный тип ученого эпохи Просвещения[22].

Позднее Ломоносов продолжил обучение во Фрайберге, где занимался изучением металлургии и горного дела. Таким образом, его образование носило комплексный характер и включало как гуманитарные, так и естественно-научные дисциплины.

Европейские университеты того времени являлись центрами научной мысли и активно развивали новые методы исследования, основанные на эксперименте и рациональном анализе. Именно эти подходы Ломоносов впоследствии стремился внедрить в российскую научную и образовательную практику.

Возвращение Ломоносова в Россию стало важным этапом в развитии отечественной науки.

Особый вклад Ломоносов внес в развитие русского литературного языка и гуманитарной культуры. Одним из важнейших его трудов стала «Российская грамматика», изданная в 1755 г. Эта работа стала первым научным исследованием структуры русского языка и сыграла значительную роль в его нормализации.

Не менее важным событием стало руководство им Академическим университетом. В 1758–1765 гг. он был ректором данного высшего учебного заведения. В 1783 г. Академический университет перестал существовать[23].

Ломоносов также проявил себя как историк и мыслитель. В работе «Древняя российская история» он выступил с критикой норманской теории происхождения Руси, стремясь доказать самостоятельность и самобытность развития русского государства и культуры.

---

[21] Марбургский университет имени Филиппа (провинция Гессен в Германии) – основан в 1527 г.

[22] *Андреев А.Ю., Посохов С.И.* Указ. соч. С. 671.

[23] 1798 г. – последнее упоминание об Академическом университете в протоколах Академии наук России.

Значительное место в деятельности Ломоносова занимала и педагогическая работа. Он разработал ряд учебных пособий и учебно-методических материалов, среди которых особое значение имеет «Краткое руководство к риторике». Этот труд стал одним из первых учебников по теории красноречия на русском языке и широко использовался в образовательной практике XVIII в. В нем Ломоносов стремился познакомить студентов с образцами мировой литературы и научить их искусству аргументации и публичного выступления.

Одним из важнейших результатов деятельности Михаила Васильевича Ломоносова стало его участие в создании Московского университета, который стал первым классическим университетом России. Основание университета в 1755 г. стало значительным этапом в развитии отечественного образования и важным шагом на пути формирования национальной системы высшего образования.

Проект Московского университета был разработан М.В. Ломоносовым совместно с государственным деятелем И.И. Шуваловым (1727–1797). В отличие от многих европейских университетов средневековой традиции, в структуре нового университета отсутствовал богословский факультет.

Согласно проекту Ломоносова, университет должен был включать три основных факультета: философский, юридический и медицинский. Философский факультет рассматривался как базовый и подготовительный, где студенты получали фундаментальные знания по гуманитарным и естественным дисциплинам. Такая структура во многом повторяла европейскую университетскую модель, но при этом была адаптирована к российским условиям.

Особенностью Московского университета стала его относительная открытость для различных социальных групп. Ломоносов настаивал на том, чтобы образование было доступно не только дворянству, но и другим слоям общества. Он считал, что главным критерием для поступления в университет должны быть способности к наукам, а не социальное происхождение.

Большое внимание уделялось и организации образовательного процесса. Ломоносов принимал участие в разработке уставов и регламентов университета, а также в создании системы гимназий, которые должны были готовить будущих студентов. Такая система обеспечивала преемственность между средним и высшим образованием и способствовала формированию устойчивой образовательной структуры.

Московский университет стал не только образовательным учреждением, но и центром научной и культурной жизни страны. В его стенах развивались различные научные направления, формировались научные школы, создавались библиотеки и научные общества.

Создание университета способствовало укреплению русской научной терминологии и распространению научных знаний на русском языке.

При основании Московского университета в 1755 г. были заимствованы основные элементы европейской системы: факультетская структура, учебные программы и принципы организации науки[24].

Таким образом, рассмотрение некоторых аспектов начала становления высшего образования в России позволяет сделать определенные выводы:

- в XV в. происходит дальнейшее развитие духовной составляющей культуры России;

- через развитие гуманитарной традиции и такого ее вида, как учебные традиции, начинает постепенно складываться система высшего образования в России;

- данная система имела свои особенности:

а) сложное взаимодействие европейских образовательных и гуманитарных традиций и российских национальных культурных потребностей;

б) в хронологическом плане становление социально-гуманитарного образования проходило такие ступени, как школа (братская школа) – коллегиум (училище) – академия (университет);

- появление российской образованной элиты, обучавшихся в европейских университетах – это обеспечение, прежде всего, научного диалога России и Европы;

- особая роль в становлении гуманитарной традиции принадлежит М.В. Ломоносову, ректору первого университета в России (Академического университета) и основателю Московского университета;

- формирование условий педагогического плана – это ориентация на программы и учебные пособия европейских университетов;

- результатом функционирования Академического университета в Санкт-Петербурге является начало формирования системы классических университетов в России;

- российская государственная власть становится инициатором создания такой формы высшего образования, как университет.

[24] *Андреев А.Ю., Посохов С.И.* Указ. соч. С. 671.

Список литературы

Абрамов А.И. Первое и второе болгарское влияние философской мысли русского средневековья // Международные идейно-философские связи Руси XI–XVII вв. М.: Институт философии АН СССР, 1991. 153 с.

Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. М.: РОССПЭН, 2012. 689 с.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 679 с.

Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. М.: Из-во социально-экономической литературы, 1961. 459 с.

Гриненко Г.В. История философии: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2007. 688 с.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 131 с.

Гусарова С.В., Гресь С.А. Личность педагога и личность ученика с позиции педагогики и философии рубежа XIX–XX веков // Первые шаги в науке: Материалы II Всероссийской студенческой научной конференции. Курск, 2023. С. 43–48.

Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 176 с.

Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 496 с.

Мазуров Н.А., Гусарова С.В. О системно-структурных характеристиках философского образования // Наука, общество, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза, 2026. С. 103–112.

Менцин Ю.Л. Научная революция XVI–XVII вв.: ученые, власть, общество. М.: МГУ, 2001.

Рюэгг В. История университета в Европе. Т. 1: Средние века. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Соколов А.Н. История перевода Корана в России. М.: Институт востоковедения РАН, 2022.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКА, ЭТНОГРАФА И АНТРОПОЛОГА Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ (1846–1888 гг.)

КОНСТРУИРУЯ «ДРУГОГО»: ИНДИЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ В МИССИОНЕРСКОМ ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА

А.Д. Боровских
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуется репрезентация индийских религиозных практик в христианских миссионерских журналах. Важными являются проблемы восприятия «других» проповедниками веры и распространенность оценочных категорий при описании обрядов. Анализируются элементы критики и непонимания индуизма как преграды для выстраивания диалога между культурами. В работе учитываются интерпретации религиозных проявлений христианскими миссионерами, что помогает понять механизмы культурного взаимодействия и трансляции религиозных смыслов индийских практик.

Ключевые слова: *миссионеры, запрет сати, индийские обычаи, индуизм, христианизация Индии, Британская Индия, христианские миссии XIX в., межкультурные взаимодействия, репрезентация религии, миссионерский дискурс.*

В XIX в. деятельность миссионеров в Индии представляла собой комплексное явление, в котором особое место занимали функции распространения христианства и формирование представлений о «другой» религии. В текстах миссионеров религиозные практики интерпретировались через систему ценностных и культурных координат католицизма и протестантизма. Подобный подход способствовал созданию устойчивых представлений об индуизме как комплексе суеверий и предрассудков. Описание религиозных обычаев с такой точки зрения способствовало легитимизации колониального присутствия Британской империи в Индии, так как противопоставление «цивилизованного» Запада и «отсталого» Востока становилось частью более широкого колониального дискурса. Особую роль в подобном контексте приобретает анализ миссионерских журналов. Они представлялись пространством, в котором конструировался образ «другой» религии.

Историография представлена различными по содержанию работами. В многотомном издании религиозного деятеля и историка Ю. Стока[1] (1899, 1916 гг.) миссионерские источники рассматриваются преимущественно как достоверные свидетельства о жизни индийского общества, а образ местного населения подкрепляется дополнительными аргументами автора. Существенным в рамках формирования иного подхода к пониманию восточной культуры и мировосприятия является работа палестино-американского ученого Э.В. Саида[2], где механизмы репрезентации Востока подвергаются критическому переосмыслению и преподносятся в качестве «продукта западного дискурса». Эссе Г.Ч. Спивак[3] важно при анализе интерпретаций индийских обрядов населением Великобритании. В работах Х. Портиера, П. Лингараджу, С.А. Кочери-Климента[4] выявлены закономерности в описании населения Индии.

Цель исследования – выявить специфику репрезентации индийских религиозных практик в миссионерском дискурсе XIX в.

Источниковая база представлена миссионерскими трудами, в частности, многотомным изданиями Миссионерского журнала: «Миссионерским регистром»[5] за 1813–1833 гг. и «Вестником церковной миссии»[6] 1867, 1879 гг. В них с помощью опубликованных писем, дневниковых записей, статей публицистической направленности раскрывается повседневный опыт взаимодействия с местным населением. Другим проявлением протестантских интерпретаций индийских обрядов являются художественные повести Х.К. Мулленс «Жизнь у Ганга, или вера и победа»[7] 1852 г., где в поучительной манере описываются практики населения и мотивации к переходу в христианскую веру.

Миссионерские экспедиции с целью распространения христианских вероучений были одним из способов включения индийского населения в рамки европейской культуры. Они совершались различными

---

[1] *Stock E.* The History of the Church Missionary Society. Vol. 2. L., 1899; *Idem.* The History of the Church Missionary Society. Vol. 4. L., 1916.

[2] *Said E.W.* Orientalism. N.Y., 1978.

[3] *Spivak G.Ch.* Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture. Urbana, Chicago, 1988. P. 271–313.

[4] *Portier H.* Catholic Missionaries in 19th Century India // Archives De Science Sociales Religions. 2010. № 152; *Lingaraju P.* The Evolution of Christian Missionary Activites in India: A Colonial Legacy and Its modern Implications // ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. 2023. № 4(1); *Kocheri Clement S.A.* Engraved Stories of Empire: An Examination of SelectedImages from the Missionary Register, 1813–1855 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2023. № 5.

[5] The Missionary Register for the Year 1813. L., 1816; The Missionary Register for the Year 1816. L., 1816; The Missionary Register for the Year 1814. L., 1814; The Missionary Register for the Year 1819. L., 1819; The Missionary Register for the Year 1823. L., 1823; The Missionary Register for the Year 1833. L., 1833.

[6] The Church Missionary Gleaner. L., 1867; The Church Missionary Gleaner. L., 1879.

[7] *Mullens H.C.* Life by the Ganges, or Faith and Victory. Philadelphia, 1867. (1 pub. 1852).

религиозными католическими (французскими)[8], баптистскими и протестантскими (английскими) группами. Темы, поднимаемые при описании обрядовых практик и повседневной жизни в периодических изданиях, пересекаются между собой, однако в рамках рассматриваемой проблемы налаживания межкультурных контактов между метрополией и колониальной Индией, в первую очередь, необходимо проанализировать некоторые аспекты из журналов англиканской направленности.

Протестантские миссионерские организации появились в период британского колониального завоевания. Начиная с конца XVIII в. представители англиканской церкви проводили работу по переводу Библии на местные языки и постепенно укоренялись в колонии с помощью создания религиозных образовательных центров в Серампоре и Бенгалии. Начиная с XIX в. вектор их деятельности был расширен и стал включать в себя вопросы возможных социальных преобразований в сферах положения женщин, низших каст, запрета жестоких, по мнению европейского населения, практик и мн. др.[9] Отмечается также стремление искоренить некоторые религиозно обоснованные практики, представленные в качестве «заблуждений», для расширения возможностей обращения местного населения в христианство[10]. К таким препятствиям относятся обряды «сати», обычай конфискации наследства у новообращенных христиан, отмена которых представлена как победа протестантской морали над языческими традициями[11]. Подобный дискурс продемонстрирован в периодике Церковного миссионерского общества XIX в.

Обращаясь к проблеме интерпретации увиденных практик, следует отметить, что большое значение при описании быта индийского населения приобретали изображения, сопровождающие текстовый материал миссионерских журналов. Они являлись вспомогательным источником к тексту, который помогал дополнить описание или самостоятельными изображениями колониальной действительности. Гравюры нередко оказывали более сильное эмоциональное воздействие, чем текстовое описание. Они помогали конструировать социальную реальность населения Индии. При этом авторы таких изображений брали на себя роль молчаливых, но довольно важных идеологов христианской морали, так как создавали устойчивые визуальные представления.

По гравюрам можно выявить характерную для всего миссионерского дискурса идею. В текстах она прослеживается не всегда прямо и часто ее проявление зависит от авторского замысла или стиля написания текстов. На изображениях, в свою очередь, идея «христианского света» и «языческой тьмы» является основополагающей и выражает общий дискурс граждан Великобритании и миссионеров по отношению к местному

[8] *Portier H.* Op. cit. P. 17.
[9] *Lingaraju P.* Op. cit. P. 768–769.
[10] *Said E.W.* Op. cit. P. 42.
[11] The Missionary Register for the Year 1833… P. 347; *Mullens H.C.* Op. cit. P. 12–13.

населению и первоначальную цель миссионерской деятельности – распространение христианского вероучения. Стоит также отметить, что подобное разделение зиждется на идеях Просвещения о светлой и чистой морали и темных категориях порочности и греховности[12].

В публикациях ярко выражена межполовая специфика, которая была обусловлена социально-культурными особенностями восприятия иных религиозных традиций, а также установками миссионеров. В отношении мужчин миссионеры ориентировались на образовательные учреждения и публичные формы деятельности, под которыми понимаются групповые беседы с религиозной полемикой. На первых этапах миссии они воспринимались как первостепенные носители религиозного и социального авторитета в индийском обществе, поэтому их обращение считалось значимым для легитимизации христианства. Ко второй половине XIX в. наблюдается смещение акцента в сторону коммуникаций с женской половиной населения, что можно объяснить следствием развития теорий среди английских и индийских политиков и философов о важной роли индийских девушек в семейной сфере[13]. Они рассматривались как «закрытая» от социума группа населения, поэтому диалог с ними выстраивался с опорой на данную специфику их жизни: прежде всего через миссии миссионерок, в которые входило посещение женских частей дома. Основными инструментами воздействия кроме бесед являлись также создание образовательных организаций и медицинская помощь[14]. Кроме того, индийские мужчины воспринимались в качестве группы населения, которая «сбилась с верного пути» из-за языческих представлений, а женская половина – как «угнетенная» из-за несправедливых религиозных норм и нуждающаяся в спасении через принятие иной веры.

Исходя из подобных особенностей интерпретаций, можно выявить ряд черт, формировавших образ населения Индии в миссионерском дискурсе XIX в. Важнейшим суждением является идея о безразличном отношении представителей местной культуры к жестокому обращению с людьми. Данная интерпретация прослеживается в различных формах повествования. При описании религиозных обычаев и повседневности миссионеры нередко высказывали негативное отношение к населению. Обращаясь к изобразительному проявлению, можно привести в пример гравюру 1819 г. «Размахивая крюком» (см. Рис. 1). Автор изобразил практику «Кведиль», распространенную в Андхра-Прадеш, Мадрасе и на прилегающих к ним территориям юго-восточного побережья полуострова Индостан[15]. Также существует обычай «Чурук» (поклонение Шиве), который отличается особой жестокостью и физическим истязанием спины

[12] *Kocheri Clement S.A.* Op. cit. P. 918.
[13] The Church Missionary Gleaner (1867)… P. 23–24; The Church Missionary Gleaner (1979)... P. 17.
[14] *Stock E.* Op. cit. Vol. 2. P. 161.
[15] The Missionary Register for the Year 1819… P. 326.

человека железными крюками[16], на что обращено особое внимание в статье с описанием данной практики[17]. Гравюра выполнена в темных тонах, лица большинства пришедших на празднование не видны, что подчеркивает некое общественное равнодушие[18].

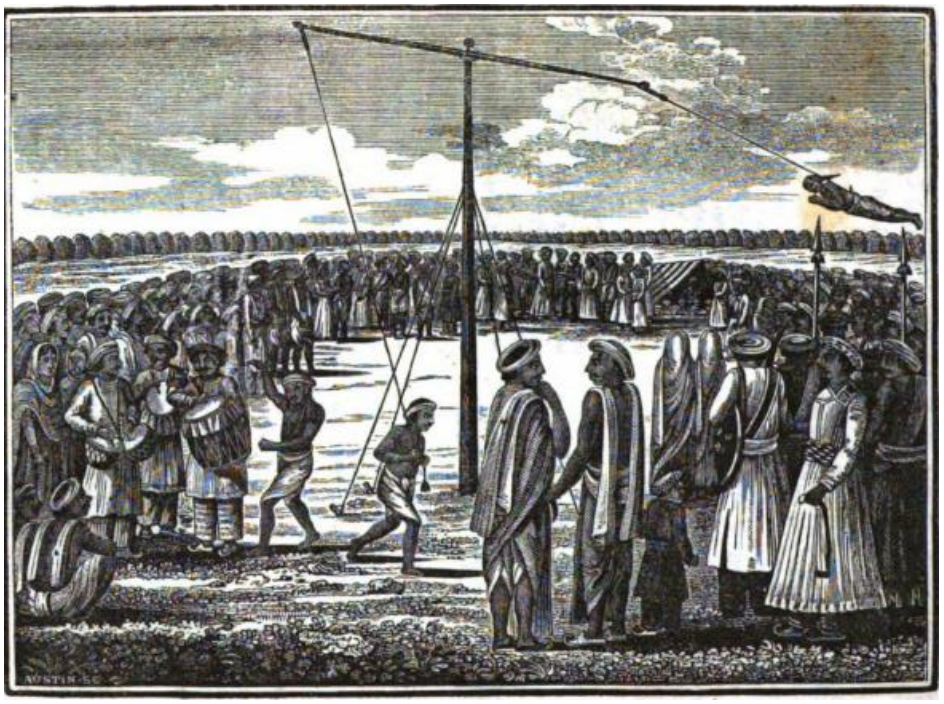

Рис. 1. Соннерат М. Размахивая крюком[19]

Автор статьи, в которой данная гравюра сопровождает описание индуистских практик, отмечает, что художник пожелал показать изображение вместе с сопровождающим текстом: «Иди, христианский миссионер! Открой глаза этим мужчинам. Открой им Бога Милосердия, который не находит удовольствия в страданиях своих созданий…»[20]. Изображение, обращение автора гравюры к читателям и текстовое описание свидетелей ритуала в совокупности усиливают негативную коннотацию. Для людей, подробно незнакомых с индуизмом и мировоззрением местного населения, такие репрезентации формировали представления об индийском обществе как пространстве жестокости и безнравственности. Эмоциональное воздействие в данном случае оказывалось также за счет противопоставления «языческого» Востока и христианской идеи милосердия. В данном контексте также важно обратиться к идее, которая является связующей для всех периодических изданий миссионеров. Их авторы стремились представить приводимые

[16] The Missionary Register for the Year 1819… P. 326, 329.
[17] Ibid. P. 329.
[18] *Kocheri Clement S.A.* Op. cit. P. 910.
[19] The Missionary Register for the Year 1819… P. 327.
[20] Ibid. P. 288.

описания как полностью достоверные свидетельства[21]. Подобные дополнения сопровождают каждое сообщение, дневниковую запись, гравюру или иные формы текста и не подвергаются сомнению.

Как ранее было отмечено, вопрос улучшения положения индийских женщин в начале XIX в. не представлялся важнейшей частью миссионерской деятельности. Основное внимание протестантских миссионеров было сосредоточено на распространении христианского учения, переводе религиозной литературы и обращении местного населения. Однако к 1820-м гг. ситуация начала несколько меняться в связи с развернувшейся кампанией против практики сати. Проведение обряда воспринималось миссионерами как необходимость предпринять какие-либо действия для спасения женщин[22]. Публичные обсуждения ритуала вывели проблему положения индийских женщин в пространство миссионерской риторики. Именно в это время представители протестантской церкви все чаще начинают обращаться к темам брака, вдовства, женского образования и внутрисемейных отношений. Они представлялись дополнительными аргументами при характеристике безнравственности населения. В данном контексте критика устоявшихся традиций, занимавших особое место в жизни девушек, являлась одним из аргументов в пользу необходимости дальнейшей христианизации.

Тенденция нашла отражение в изобразительном искусстве миссионерских журналов, характере передачи положения индийских женщин и участии в отмене обычая[23]. Стоит отметить, что все индуистские практики, которые неблагоприятно с точки зрения европейской морали сказывались на их жизни, сопровождаются различными средствами выразительности, которые усиливают негативную коннотацию. Их использование призвано вызвать сочувствие к нелегкой судьбе у читателей, а также неправильности религиозных представлений. Так, на гравюре 1923 г. изображено предвидение смерти супруга (см. Рис. 2). Ее центральной частью являются фигуры женщины и ребенка, которые особенно сильно оттенены от заднего плана. Таким образом автор хотел передать идею «окончания» их обычной жизни в индийских семьях[24]: женщине будет необходимо совершить обряд сати, а ребенок, возможно, останется сиротой.

[21] The Missionary Register for the Year 1819… P. 324.
[22] *Spivak G.Ch.* Op. cit. P. 77–79.
[23] В интерпретации миссионеров обычай является в большинстве случаев принудительным. См.: On the burning of Women in India // The Missionary Register for the year 1813. L., 1816. P. 215–219; An Adress from the Ladies of the Southwark Church Missionary Association // The Missionary Register for the year 1814. L., 1814. P. 188.
[24] *Kocheri Clement S.A.* Op. cit. P. 917.

Рис. 2. Предвидение смерти супруга[25]

Передача внутреннего мира местного населения также происходила через негативные образы и теологические мотивы. Изображая и описывая образы факиров[26], авторы и художники обращались к различным негативным коннотациям, как бы подчеркивая их отдаленность от представителей европейской культуры. С.А. Кочери-Климент также отмечает, что взгляд представителей индийской культуры устремлен не к зрителям. Подобное средство передачи их образа, распространенное в начале XIX в., может свидетельствовать о стремлении художника изобразить внутреннее состояние человека. Интерпретация при этом может различаться: представленные люди закрыты от христиан духовно или же они пытаются найти какой-либо «свет среди тьмы», что должно было вызвать поддержку христианской миссии[27].

Важным аспектом, который также пронизывает каждый из текстов записок, напечатанных дневниковых записей или писем в журналах, является представление об очищении населения Индии после принятия христианства. Те люди, которые заинтересовались вероучением или же вовсе отказались от индийских религиозных представлений в пользу протестантизма, противопоставляются большинству населения. Идеи о спасении, равном положении перед Богом и иные представления, по мнению миссионеров, всегда вызывали живой интерес среди слушателей, и иногда приводили к обращению в христианство[28]. На гравюрах такие люди изображались в светлых тонах, что подчеркивает положительную

[25] The Missionary Register for the Year 1823… P. 157.
[26] The Missionary Register for the Year 1816… P. 215–219; The Missionary Register for the Year 1819… P. 413–414.
[27] *Kocheri Clement S.A.* Op. cit. P. 923.
[28] *Stock E.* Op. cit. Vol. 3. P. 209.

интерпретацию и желание показать новообращенных в положительном контексте.

Таким образом, описания религиозных практик являлись важнейшей формой религиозной полемики и инструментом конструирования образа культурного и религиозного «другого». В миссионерском дискурсе индуистские практики систематически интерпретировались через категории «суеверия», «жестокости» и «безнравственности». Подобная риторика способствовала формированию негативного образа местного населения в европейском общественном сознании. Кроме того, через репрезентацию повседневных практик формировалось представление о необходимости изменения индийского общества с опорой на христианские учения.

Список литературы

Kocheri Clement S.A. Engraved Stories of Empire: An Examination of SelectedImages from the Missionary Register, 1813–1855 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2023. № 5. P. 906–930.

Lingaraju P. The Evolution of Christian Missionary Activites in India: A Colonial Legacy and Its modern Implications // ShodhKosh: Journal of Visual and Performing Arts. 2023. № 4(1). P. 52–59.

Portier H. Catholic Missionaries in 19th Century India // Archives De Science Sociales Religions. 2010. № 152. P. 187–189.

Said E.W. Orientalism. N. Y.: Random House, 1978. 367 p.

Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture. Urbana, Chicago, 1988. P. 271–313.

Stock E. The History of the Church Missionary Society in 4 vol. Vol. 2. L.: Church Missionary House, 1899. 700 p.

Stock E. The History of the Church Missionary Society: in 4 vol. Vol. 4. L.: Church Missionary House, 1916. 665 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РИСОРДЖИМЕНТО

Н.А. Власов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье рассматривается специфика формирования национальной идентичности в эпоху Рисорджименто в Италии и анализируется роль интеллектуальной традиции, культурных особенностей и коллективных представлений в процессе консолидации итальянского общества. В результате анализа комплекса источников личного и публицистического характера выявляется синтез общественно-политических методов и попыток создания культурно-символического пространства, в котором апелляции к исторической памяти итальянского народа выступали важнейшими инструментами формирования общеитальянского национального сознания.

Ключевые слова: *Италия, Рисорджименто, национальная идентичность, интеллектуальная история, историческая память, общественная мысль XIX в.*

Идея объединения занимала центральное место в общественно-политическом дискурсе Италии XIX в. Национально-освободительные движения как периода Рисорджименто, так и предшествующих эпох вплоть до Возрождения декларировали некоторое стремление к национальному или государственному «единству», однако содержание данного понятия трактовалось неоднозначно и варьировалось в зависимости от идеологических установок конкретных социально-политических течений и мыслителей.

О характере формирования национальной идентичности в Италии эпохи Рисорджименто можно заключить, проанализировав ряд источников. В первую очередь, это «Обязанности человека» Дж. Мадзини, трактат, созданный в 1860 г., и его же программный документ «Манифест “Молодой Италии”», написанный в 1831 г., а также книга Ч. Бальбо «Delle speranze d’Italia» («О надеждах Италии»), опубликованная в 1844 г., и мемуары Дж. Гарибальди, созданные в 1871–1872 гг.

Деятели Рисорджименто так или иначе пришли к пониманию того, что необходимо различать территориально-государственное объединение и единство культурное как разные уровни национальной консолидации, и существовала явная необходимость в формировании общего культурного и ценностного фундамента, способного «легитимизировать» национальное государство. Именно так и была поставлена цель создания некоторого

символического культурного пространства через апелляцию к общей истории, языку и культурному наследию, которое рассматривалось как необходимое условие политической консолидации в той или иной форме и утверждения итальянской нации, независимой от внешнего влияния.

Эта задача сама по себе представляла достаточно существенные трудности, связанные, в частности, со стойкой региональной традицией и политическими конфликтами между государствами Апеннинского полуострова в предунитарный период. С другой стороны, сказать о том, что граждане отдельных итальянских государств совсем не имели общенационального самосознания, было бы преувеличением, поскольку, например, Гарибальди часто оперирует такими выражениями, как «итальянская нация», «итальянский народ» в мемуарах, городскую культуру он описывает выражением «il cento citta»[1], то есть «сто городов» (пер. с итал. мой. – *Н.В.*) как некоторое уже консолидированное объединение.

Дж. Мадзини, издавший «Манифест “Молодой Италии”» еще в 1831 г., говорит об «итальянцах» как о народе, об «Италии, как и любой другой стране, стремящейся к перерождению»[2], хотя и признает проблему некоторой раздробленности. Д.С. Моисеев отдельно подчеркивает именно морализаторское значение данного манифеста как основы тех утопических принципов, которые в историографии также упоминаются как «триада» Мадзини: «единство, свобода, независимость»[3]. К объединяющим мотивам Мадзини в частности относит «ненависть к чужестранцам», мысль о «единой Италии», «любовь к родине, отвращение к Австрии» и выступает против «компромиссов, продиктованных страхом»[4], которые в итоге «исчезнут перед величием воли нации <…>, которая сформирует Италию XIX века»[5], и это указывает на большую значимость освободительного мотива в формируемом национальном самосознании.

Н.А. Добролюбов как современник событий в отдельной статье, посвященной графу Камилло Бенсо ди Кавуру и итальянскому вопросу, писал о том, что мысль о единстве Италии действительно была «мечтою многих из лучших людей ее. Выраженная еще Данте и Макиавелли, мечта эта не затерялась в течение веков»[6]. Примечательно то, что этими личностями также оперирует и Мадзини в своих работах, и взывает к их авторитету, акцентируя на том, что идея национального государства

---

[1] *Гарибальди Дж.* Мои мемуары / пер. под ред. М. Левидова. М.,1931. С. 15.
[2] *Mazzini G.* Manifesto of Young Italy // Giuseppe Mazzini. Selected Writings / edited by N. Gangulee. L., 1945. P. 127–128.
[3] *Моисеев Д.С.* Политическая мысль Джузеппе Мадзини // История философии. 2015. Т. 20. С. 67–68.
[4] *Моисеев Д.С.* Джузеппе Мадзини: личность, политический путь и философия долга // *Мадзини Дж.* Обязанности человека / под ред. Д.С. Житенева. М., 2023. С. 19.
[5] Ibidem.
[6] *Добролюбов Н.А.* Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура // *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7: Статьи и рецензии (1861). М.; Л., 1963. С. 70.

далеко не нова, и именно в таком направлении должна развиваться судьба итальянского народа.

В опубликованном в 1860 г. трактате «Обязанности человека» Мадзини продолжает неоднократно взывать к историческому наследию, обосновывая особую «миссию», заключающуюся не просто в создании единого национального государства, но и в создании «итальянского народа» в целом. Он, в частности, акцентирует на том, что Италия на протяжении истории объединяет разрозненные нации, что «дважды Рим был Метрополией, храмом европейского мира»[7], подразумевая имперское наследие и торжество христианской веры и папства на территории Европы.

О Риме как о религиозном центре всего мира также писал Ч. Бальбо, говоря о том, что для любого итальянца существует «надежда, что христианство будет прогрессировать среди человечества, Италия – среди христианского мира»[8], из чего следует, что религиозная основа «нации, не обладающей полноценной национальной идентичностью»[9], так или иначе является одним из факторов, вокруг которого строится идеологическая и культурная база будущего итальянского государства.

Мадзини также отмечает в «Манифесте»: «Господь положил вам границы, которые не могут быть оспариваемы. <…> Вплоть до этой границы говорят на вашем языке и понимают его, вне ее вы не имеете прав. <…> Грубая сила может еще недолго оспаривать эти границы, но втайне все народы издревле признают их за вами; в тот день, когда, поднявшись как один человек, для последнего испытания, вы водрузите свое трехцветное знамя на этой границе»[10]. Здесь Мадзини, мотивируя необходимость революционного объединения, обращается к некоторому «определенному Богом» наследию Италии и аргументирует призвание к народному единству условно-географическими, социальными и религиозными причинами, что иначе можно охарактеризовать через концепцию исторического права – права итальянцев не только защищать свою землю от иностранных интервенций, но и также стремиться к освобождению от внешнеполитического влияния и вообще «теперешнего несправедливого социального положения»[11], имея в виду уже материальные условия существования населения. То есть, концепция исторического права им раскрывается именно как следствие идеи о национальной «миссии», и Мадзини таким образом предлагает провиденциальную основу для построения национальной итальянской идентичности, указывая на «избранность» Италии и ее народа как на значимую причину национальной консолидации как в политическом, так и в культурном аспектах. Исследователь К.Э. Кирова связывает это с

[7] *Мадзини Дж.* Обязанности человека / под ред. Д.С. Житенева. М., 2023. С. 107.
[8] *Balbo C.* Delle speranze d'Italia. Venezia, 1848. P. 275.
[9] Ibid. P. 273.
[10] *Мадзини Дж.* Обязанности человека. С. 101.
[11] Там же.

идейным влиянием Анри де Сен-Симона и Шарля Фурье на складывание этих взглядов в контексте оформившихся течений сенсимонизма и фурьеризма соответственно, и также говорит о том, что необходимость удержания страны от гражданской войны, разрешения рабочего вопроса и многих других привела Мадзини к «религии долга»[12], к которой он впоследствии призывал с целью построения общества «новой эпохи».

Помимо этого, Дж. Мадзини в рамках своего в значительной мере теологизированного подхода к вопросу идентичности апеллирует к культурно-теологическому обоснованию национального объединения, например, используя для достижения своих идеологически-просветительских целей фигуру Данте как одного из «титанов» итальянской культуры, которого, как выразился Бакунин, «с таким шумом и во всем его абсурдном наряде – схоластическом, символическом и мистическом – выкопал Мадзини для своей ретроградной пропаганды»[13]. Однако, все же стоит отметить, что Мадзини был непреклонен в своем авторитете, который он видел в фигуре Данте: «Каждый город Италии, когда Италия станет свободной и единой, должен воздвигнуть ему памятник, потому что эти идеи содержат в зародыше религию будущего»[14]. Обращения к Данте в контексте революционного социализма Мадзини встречаются достаточно часто именно как основание для будущего культурного объединения. Для Мадзини Данте как фигура значительной культурной важности выступает основой социального объединения для всего итальянского народа: «Для Италии, для славы и для будущего нашего народа Данте сделал больше, чем десять поколений других писателей и государственных людей. Иностранцы, даже те из них, кто наиболее склонен поносить нас и объявлять нас ни на что не способными, отступают с каким-то трепетом перед этим именем, <…> земля, давшая жизнь столь могучей душе, есть необыкновенная земля, в которой теплится неугасимая жизнь. Данте вдохновлялись все мужественные умы Италии, служившие прогрессу национальной идеи»[15]. Именно к гению Данте он возводит концепцию «Прогресса», которой оперирует мыслитель в своих сочинениях, и которая выступает одним из столпов проповедуемой Мадзини программы как некий ультимативный закон, лежащий между «индивидуумом и коллективным человечеством»[16]. На дантовских идеях он также и конструирует теологическую модель идеального для него общества, которую он предлагает для будущей новой Италии, указывая на мысль поэта об универсализме и единстве христианской религии и мира в целом, где Мадзини, ссылаясь на Данте,

[12] *Кирова К.Э.* Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830–1840). М., 1964. С. 245–284.
[13] Там же.
[14] *Мадзини Дж.* Обязанности человека. С. 125.
[15] *Мадзини Дж.* Данте // *Мадзини Дж.* Эстетика и критика. Избранные статьи / сост., пер., вст. и коммент. В.В. Бибихина. М., 1975. С. 358.
[16] *Мадзини Дж.* Обязанности человека. С. 125.

пишет, что «Единство мира должно иметь своего представителя, и указывает на Рим, Священный Город, Камни которого, как он выражается, достойны почитания»[17], что завязывает все «священное» пространство на мессианской идее освобождения и объединения итальянского народа.

Если рассмотреть философское наследие Италии как одну из основ формирования национальной идентичности, следует обратиться к Винченцо Джоберти, который утверждал о наличии самостоятельной философской традиции, вполне сопоставимой с другими национальными школами и даже превосходящей их в некоторых аспектах. Как утверждает И.Е. Андронов, в своих письмах Джоберти «проводит линию преемственности итальянской философии от Пифагора до Антонио Розмини. Основными этапами эволюции «итальянской философии» он считал философов элейской школы, латинскую святоотеческую литературу, философов-гуманистов и Джамбаттиста Вико. Себя он также относил к этой национальной школе»[18], что в его риторике отдельно указывало на континуитет итальянской философской интеллектуальной традиции. Некоторые исследователи отмечают, что в работах мыслителей Рисорджименто заметна неразрывная связь идеологического базиса движения за объединение страны с предшествующей общественно-политической мыслью, взявшей свое начало в развитии еще со времен Данте и Макиавелли, где ключевыми постулатами являлись объединение земель, свобода от иностранного влияния и восстановление национальной культуры и достоинства[19], что, кстати, наиболее явно отразилось в последующем творчестве Дж. Мадзини.

Таким образом, в общественно-политическом дискурсе Италии XIX в. идея объединения занимала центральное, но далеко не однозначное место. Формирование общего культурно-символического пространства через апелляцию к общей истории, языку, литературному и философскому наследию рассматривалось ведущими идеологами как необходимое условие политического объединения и утверждения итальянской нации, что выразилось в стремлении либеральной аристократии «создать итальянцев». При всей сложности данной задачи, связанной с устойчивой региональной фрагментацией и политическими противоречиями предунитарного периода, деятели Рисорджименто уже активно оперировали понятиями «итальянская нация» и «итальянский народ», тем самым фиксируя наличие общенационального самосознания еще до формального объединения страны.

---

[17] *Мадзини Дж.* Обязанности человека. С. 125.

[18] *Андронов И.Е.* Политические и философские идеи Винченцо Джоберти (1801–1852) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. № 1. С. 31.

[19] *Андрианов А.С., Тайгильдин А.В.* К характеристике идеологии Рисорджименто: исторические корни и особенности формирования // Современная научная мысль. 2024. № 5. С. 20–24.

Религиозная составляющая также выступала важным фактором консолидации: так, Бальбо связывал будущее Италии с прогрессом христианства, а Мадзини выстраивал собственную теологизированную модель объединения, апеллируя к «божественно установленным» границам и исторической миссии Рима как духовной метрополии. При этом Мадзини, в отличие от умеренных, делал акцент на революционном действии и народном суверенитете и использовал фигуру Данте для обоснования «религии будущего» и прогресса как универсального закона человечества – что, в частности, вдохновлено идеями Просвещения, а именно Анри Сен-Симоном, на идеи которого равнялся Мадзини. В свою очередь, Джоберти утверждал самобытность итальянской философской традиции, проводя линию преемственности от античности до современности, и даже включал в нее себя, что также служило инструментом национальной идентификации.

Следовательно, к началу 1850-х гг. в идеологии Рисорджименто сложился многослойный культурно-исторический фундамент, на котором базировались различные политические программы: от неогвельфизма и умеренного либерализма до республиканско-демократического и радикально-социалистического движений. Общим для них оставалось стремление преодолеть региональную раздробленность через создание единого символического универсума, где историческое право, литературно-философская традиция и религия выступали основой, взаимодополняющими аргументами в пользу национального единства и независимости будущего государства, а также как базис для формирования итальянского самосознания.

Список литературы

Андрианов А.С., Тайгильдин А.В. К характеристике идеологии Рисорджименто: исторические корни и особенности формированиям // Современная научная мысль. 2024. № 5. С. 20–24. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-harakteristike-ideologii-risordzhimento-istoricheskie-korni-i-osobennosti-formirovaniya (дата обращения: 19.09.2025).

Андронов И.Е. Политические и философские идеи Винченцо Джоберти (1801–1852) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. № 1. С. 26–40. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-i-filosofskie-idei-vinchentso-dzhoberti-1801-1852 (дата обращения: 15.10.2025).

Кирова К.Э. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830–1840) // История социалистических учений. М.: Наука, 1964. С. 245–284. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/33502/hsd-64_mazzini_k-e-kirova.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Князева С.Е., Язькова В.Е. Итальянский либерализм в эпоху Рисорджименто // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 99–108.

[Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/italyanskiy-liberalizm-v-epohu-risordzhimento (дата обращения: 15.10.2025).

Моисеев Д.С. Джузеппе Мадзини: личность, политический путь и философия долга // Мадзини Дж. Обязанности человека / под ред. Д.С. Житенева. М.: Дело, 2023. С. 10–40.

Моисеев Д.С. Политическая мысль Джузеппе Мадзини // История философии. 2015. Т. 20. С. 63–78. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/hp/hp20/63-78.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ НЕМЕЦКИХ ФРАЙКОРОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ)

А.А. Горылев
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.И. Лисицына,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу межэтнических взаимодействий немецких фрайкоров с русскими в Восточной Европе на примере Гражданской войны в России 1918–1920 гг. На основе мемуарных источников и прочих материалов рассматриваются особенности деятельности и контактов добровольцев с русским Белым движением и большевиками. Выявляются факторы, влиявшие на характер отношений: общая антибольшевистская цель, различия в политических ориентирах, бытовые и культурные противоречия. Делается вывод о двойственной роли фрайкоров – как союзников и одновременно источника этнополитической напряженности.

Ключевые слова: *фрайкоры, первая четверть XX в., межвоенный период, гражданская война, Западная добровольческая армия, Веймарская республика, контрреволюционные силы, «вольные корпуса», Германская империя, Белое движение*.

Немецкие «вольные корпуса», или же фрайкоры – уникальное явление в истории Европы. Прежде всего, необходимо определить понятие «фрайкор». Термин немецкого происхождения «freikorps» этимологически восходит к двум основам: «frei» – «свободный», «независимый», «добровольческий» и «korps» – «воинское формирование», «корпус». Впервые данное понятие вошло в обиход в эпоху Семилетней войны (1756–1763 гг.), однако истоки возникновения подобных добровольческих отрядов прослеживаются еще в средневековой практике ландскнехтов, с которыми сами участники «вольных корпусов» нередко проводили прямые исторические параллели, о чем упоминает в своей работе отечественный исследователь В.В. Акунов[1]. Инициатором создания первых фрайкоров в период Семилетней войны выступил Фридрих II Великий, стремившийся усилить армию легкопехотными соединениями.

В современном понимании фрайкоры как явление оформились в эпоху Наполеоновских войн, конкретнее – в период оккупации восточногерманских княжеств наполеоновской армией. Участники добровольческих формирований рассматривали свою борьбу как личный вклад в освобождение Родины. Социальную основу этих отрядов

[1] *Акунов В.В.* Фрайкоры. Повесть о германских добровольцах. М., 2004.

составляли патриотически настроенные студенты и представители городского сословия.

Добровольческие корпуса первой четверти XX в. возникли из остатков кайзеровской армии, находившихся главным образом на территории Прибалтики (Латвии, Литвы, Эстонии) и северо–западных областей России, поскольку новое социал-демократическое правительство Германии было не в состоянии провести эвакуацию армии с востока. Ввиду невозможности эвакуации эти подразделения стихийно организовывались в боевые группы и вели вооруженную борьбу с российскими и прибалтийскими большевиками, что изначально и составляло их основную задачу. Командующий Западной добровольческой армией (ЗДА), в состав которой входили немецкие фрайкоры, российский генерал П.Р. Бермонт-Авалов в своем рапорте Н.Н. Юденичу отмечал, что, присоединившись к Белому движению на западе России, «вольные корпуса» отличались высоким уровнем организации и оснащения – несмотря на крайне пестрый состав и поспешность формирования[2]. Организация и командование немецкими фрайкорами осуществлялись офицерами и генералами, движимыми идеями реваншизма, милитаризма и контрреволюции. Все это отзывалось в рядах их «соратников» из числа белогвардейцев, поскольку ответственность за поражение в «Великой войне» была возложена на Советское правительство. Вместе с этим, разложение и деградация армии считались также «заслугой» большевиков, в связи с чем возникло чувство «национального унижения», что оформилось в ярые контрреволюционные настроения, о чем вспоминал непосредственный участник фрайкора «Россбах» в своих мемуарах[3]. Эти настроения разделяли и служащие фрайкоров, что способствовало формированию в среде ЗДА особых «братских» отношений между немцами и русскими, положительно сказывавшихся на боеспособности всей армии.

Вооруженный конфликт в России начался в 1917 г., а уже в 1919 г. к боевым действиям подключились немецкие добровольческие корпуса – фрайкоры. Их появление совпало с формированием Западной добровольческой армии на западных территориях бывшей Российской империи. Численность ЗДА достигала приблизительно 50 тыс. солдат, причем значительную ее часть составляли именно немецкие фрайкоры – около 40 тыс. человек. Эти данные подтверждаются снабженческой документацией генерала П.Р. Бермонта-Авалова[4]. Соединение было создано на основе бывших подразделений Германской империи, ранее несших гарнизонную службу на восточных рубежах.

---

[2] Рапорт Бермонта-Авалова Юденичу от 22 сентября 1919 г. // *Бермонт-Авалов П.Р.* Документы и воспоминания. М., 2003. С. 54.

[3] *Medem W.E. von* Stürmer von Riga: die Geschichte eines Freikorps. Leipzig, 1935. S. 21.

[4] Рапорт Бермонта-Авалова Деникину от 22 октября 1919 г. // *Бермонт-Авалов П.Р.* Указ. соч. С. 35.

С этого момента все немецкие добровольцы обзавелись новыми отличительными знаками: на рукаве – нашивка с эмблемой белой русской Западной добровольческой армии (восьмиконечный православный крест из серебряного галуна для офицеров, из белого сукна для солдат[5]); на головном уборе – овальная русская кокарда. Некоторые из них, впрочем, не снимали с фуражек и прежнюю черно-бело-красную кокарду кайзеровской армии.

Оставшиеся на востоке германские военнослужащие постепенно формировали добровольческие отряды, известные как фрайкоры. В состав Западной добровольческой армии вошли подразделения, чья дальнейшая деятельность оказалась связана с противостоянием большевизму. Среди них выделялись крупные формирования, такие как «Железная дивизия», насчитывавшая около 18 тыс. солдат и являвшаяся самым многочисленным соединением в составе ЗДА, о чем в своих мемуарах упоминает ее командующий полковник Й. Бишоф[6], и что также подтверждается приказом по Западной добровольческой армии, где, помимо прочего, отражается этот момент[7]. Также в ЗДА входил «Немецкий легион», включавший примерно 11 тыс. солдат. Менее крупные, но значимые соединения представляли корпус капитана Плеве (около 3 тыс. солдат), корпус «Дибич» (около 3 тыс. солдат) и корпус «Россбах» (около 1 тыс. солдат).

Боевое крещение фрайкоров в рядах Западной добровольческой армии состоялось в Прибалтике, где им пришлось столкнуться с большевиками. Поначалу это были скорее локальные стычки и борьба с партизанскими отрядами, нежели масштабные сражения. К 1919 г., объединив усилия с русскими белогвардейцами, немецкие добровольцы перешли в наступление на западных рубежах России. Стратегической целью армии стал прорыв к Петрограду.

Ожесточенные бои сказывались на состоянии фрайкоров, лишенных возможности пополнять личный состав и испытывавших острую нехватку ресурсов, что подтверждается рапортом капитана Зиверта[8]. Несмотря на это, армия одерживала победы над большевиками, чья организация и командный состав значительно уступали уровню подготовки и боевому опыту добровольцев, закаленных еще в сражениях Первой мировой войны. Однако по мере приближения подразделений ЗДА к Петрограду большевикам удалось перегруппироваться и организовать более эффективное сопротивление. В результате Добровольческая армия была вынуждена отступить в направлении Прибалтики.

---

[5] *Bischoff J.* Die letzte Front. Geschichte der Eisernen Division im Baltikum 1919. Berlin, 1934. S. 77.

[6] Ibid. S. 11.

[7] Приказ по Западной добровольческой армии от 3 ноября 1919 г. // *Бермонт-Авалов П.Р.* Указ. соч. С. 67.

[8] Командир Германского легиона капитан 1-го ранга Зиверт – Бермонту-Авалову от 11 ноября 1919 г. // Там же. С. 101.

В декабре 1919 г. на границе с Эстонией войска Западной добровольческой армии провели свое последнее сражение. Воспользовавшись временным затишьем, командующий армией П.Р. Бермонт-Авалов предпринял попытку договориться с правительством Эстонии о предоставлении возможности отступления на ее территорию. Однако эстонское правительство ответило отказом, ссылаясь на заключенный с большевиками мирный договор и признание независимости Эстонии. В конечном итоге эстонские власти согласились предоставить убежище лишь немецким фрайкорам и части командования ЗДА. Таким образом, невосполнимые потери, отсутствие снабжения и ресурсной базы, а также фактическое разоружение и подчинение требованиям правительства Эстонии привели к тому, что Западная добровольческая армия прекратила свое существование.

Участие немецких фрайкоров в Гражданской войне в России стало ярким эпизодом послевоенного синтеза германского реваншизма, антибольшевистской борьбы и местных конфликтов на территории бывшей Российской империи.

Подводя итог, стоит сказать о том, что возникновение фрайкоров на востоке было обусловлено крахом кайзеровской армии в 1918 г. и невозможностью эвакуировать значительные воинские контингенты из оккупированных областей. Оказавшись без поддержки Веймарской республики, эти части сохранили организованность и добровольно включились в борьбу против большевиков, видя в этом продолжение «защиты немецкого присутствия» на востоке. Сами фрайкоры стали «ядром» Западной добровольческой армии под командованием генерала П.Р. Бермондта-Авалова. Первоначально фрайкоры наступали в составе ЗДА, стремясь прорваться к Петрограду и объединиться с Белым движением. Однако, несмотря на успехи, армия не смогла развить наступление из-за нехватки ресурсов и невозможности их восполнения. Политическая обстановка оказалась для фрайкоров губительной, а в декабре 1919 г. ЗДА прекратила существование. Если говорить о значении участия фрайкоров в данной кампании, то, с одной стороны, они представляли собой наиболее боеспособный элемент антибольшевистских сил на северо-западе, способный наносить серьезные поражения Красной армии, с другой – их действия носили во многом автономный характер, что создавало напряженность в отношениях с другими центрами Белого движения и интервентами в лице Антанты. В конечном счете немецкие фрайкоры не смогли изменить ход Гражданской войны в регионе, но их опыт стал уникальным в истории европейского добровольческого движения и милитаризма межвоенного периода.

Список литературы

Акунов В.В. Фрайкоры. Повесть о германских добровольцах. М.: Рейтаръ, 2004. 208 с.

Ланник Л.В. «Мятеж» фрайкоров в Прибалтике 23 августа 1919 г.: вспышка германской гражданской войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 186–199.

Гершельман А.С. В рядах добровольческой Северо–Западной Армии. М.: Изд. журн. «Военная быль», 1997. 211 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

СТУДЕНТКИ ИЗ ИНДИИ КАК ЧАСТЬ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРИ)

А.П. Грибашова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена характеристике индийских студенток Тверского государственного медицинского университета как части тверского городского сообщества. На основе результатов анкетирования выделяются черты данной социальной группы, этнокультурные представления студенток из Индии о России и российском нестоличном городе. Особое внимание уделено статистическим данным по предпочитаемым индийскими студентками из Индии практикам досуга и их способам адаптации в инокультурном пространстве.

Ключевые слова: *Индия, женское образование, индийские студентки, образование за рубежом, образовательная миграция, социальная адаптация, городская антропология*.

Изучение такой этносоциальной группы, как студентки из Индии, их бытовых практик и повседневности в инокультурном пространстве актуально в рамках как социальной антропологии женской повседневности, так и городской антропологии.

В соответствии с данными Центра социологических исследований с 2001 по 2024 гг. численность иностранных студентов в России выросла. Проблема их социальной адаптации оказалась в поле зрения ученых из разных областей знаний. Так, в отечественной историографии в начале 2000-х гг. появились исследования историков, посвященные системе обучения иностранных студентов в советских вузах с целью отрефлексировать данный опыт для построения новой российской системы подготовки кадров из-за границы[1]; с 2010-х гг. – педагогов и психологов, анализирующих социокультурную адаптацию иностранных студентов к российской образовательной среде[2].

[1] *Белов В.А.* Обеспечение геополитических интересов России в подготовке иностранных специалистов // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 184–193.

[2] *Кривцова О.В.* Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 284–288; *Моднов С.И., Ухова Л.В.* Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 2. С. 111–115.

Таким образом, к 2026 г. сформировался достаточно большой пласт работ по данной проблематике, как общих, так и рассматривающих частные аспекты, например, адаптацию студентов определенной этнической группы, в том числе из Индии, поскольку она является одной из основных стран-экспортеров иностранных студентов в российские вузы[3]. Однако часто в силу специфики методологических подходов и поставленных целей вне поля зрения исследователей оказываются этноконфессиональный и гендерный аспекты проблемы социальной адаптации к «другой» повседневности или повседневность вообще. Антропологический взгляд на данный вопрос позволит «посмотреть» на иностранных студенток как на часть городского сообщества для более целостного понимания функционирования разных иноэтничных групп внутри одного городского пространства, конструирования «города» и общегородской идентичности.

Тверь в данном исследовании рассматривается не как частный случай, она репрезентирует нестоличные университетские города европейской части России с преобладанием русофонного населения.

Одним из главных университетов Твери является Тверской государственный медицинский университет (до 1994 г. Калининский государственный медицинский институт), который принимает на обучение иностранных студентов с 1962 г., согласно статистическим данным из его фонда, хранящегося в Тверском центре документации новейшей истории.

Первые студенты из Индии появились в Твери в 1975 г. Так в городском пространстве возникла группа представительниц патриархального иерархично упорядоченного индийского общества, которая, если использовать терминологию Мишеля де Серто, определенным образом его «присваивает», вырабатывает определенные «тактики»[4], и становится частью городского сообщества.

Город – это не только специфически организованное пространство, но и сложное социальное сообщество[5]. Культурную специфику каждого конкретного города можно охарактеризовать лишь с помощью мозаики образов и идентичностей[6]. Для того, чтобы охарактеризовать механизмы становления иноэтничных групп частью городского сообщества, модели их жизни, их способы «присвоения» пространства города, необходимо выявить характерные черты этих групп. Источником для составления

---

[3] *Устюжанцева О.В.* Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 43–64; *Федотова В.А.* Опыт экспериментального исследования адаптационных компетенций арабских и индийских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 109–119.

[4] *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013. С. 43.

[5] *Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л.* Введение // Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар, 2013. С. 5.

[6] Там же. С. 6.

собирательного образа индийской студентки Тверского государственного медицинского университета стали результаты, полученные в ходе анкетирования 60 индийских студенток ТГМУ.

Вопросы в анкете были сгруппированы по следующим блокам: социальное происхождение студенток; этнокультурные представления о России и повседневной жизни в нестоличном российском городе; вопросы, связанные с маркерами этничности: приспособление к природно-климатическим условиям европейской части России (одежда), конструирование привычного жилищно-бытового пространства, поддержание рациона питания, восприятие транспортной инфраструктуры города; досуговые практики: культурно-образовательный, традиционный и цифровой.

Согласно полученным статистическим данным, 31 % студенток родились в крупных городах (с численностью населения от 250 тыс. до 500 тыс. жителей) и только 3 % – в сельской местности. Большая часть прибыла в Россию из таких индийских городов, как Махараштра (наибольшее количество студенток), Уттар-Прадеш и Дели. В соответствии с официальными языками штатов и союзных территорий студентки владеют двумя языками: английским (70 % на уровне С1 и С2) и местным (33 % назвали своим родным языком хинди, 15 % – маратхи). О знании русского языка на уровне В1–В2 заявило 6,8% опрошенных, на уровне А1 – 54 %. По религиозной принадлежности в превалирующем большинстве (84,7 %) студентки из Индии – последовательницы индуизма, но группа по религиозному составу разнообразная: о своей приверженности христианству сообщили 6,8 % информанток, исламу – 3,4 %, атеизму – 1,7 %, не аффилированных – 1,7 %.

У 59,3 % респонденток семья покрывала базовые потребности и имела возможность оплачивать частную школу, репетиторов и другие дополнительные занятия. 25,4 % отметили, что школьное образование в Индии доступно, семья не сталкивалась с трудностями при обучении ребенка. Оба родителя 67,8 % студенток имеют высшее образование, полученное не в СССР/РФ. 77,6 % девушек учились в частной школе, 91,4 % в смешанных классах.

Таким образом, опираясь на полученные данные, можно составить рамочный образ типичной индийской студентки в Твери.

Студентка Тверского государственного медицинского университета из Индии – представительница городского населения центральной или северной Индии (из среднего или крупного города), одного из самого богатого штата по совокупному валовому доходу и с высоким и средним индексом человеческого развития. Поскольку она родилась в семье, в которой у обоих родителей есть высшее образование, то они поощряли учебу девочки и активно помогали ей с этим процессом. Так как индийская студентка в России является выпускницей частной школы со смешанным классами, то у нее больше опыта взаимодействия с противоположным

полом и скорее всего она не испытывает такого же дискомфорта во время образовательного процесса в университете, как ученицы из классов только для девочек.

Сделать однозначный вывод о финансовом положении студентки по данным результатам затруднительно. Большинство информанток отметило, что семья имела финансовую возможность оплачивать и частную школу, и дополнительные занятия, однако стоимость обучения в частной школе в Индии варьируется от 3000 рупий в год до 10000 рупий в месяц при средней заработной платы 30000–25000, и выбор России (и Твери как нестоличного города) в качестве направления образовательной миграции студентки обосновали доступностью образования. Некоторые из студенток в анкете указали наличие у них финансовых проблем во время проживания в Твери.

Другой важной характеристикой является лингвистическая. Несмотря на то, что в качестве одной из досуговых практик студентки выделили курсы русского языка, уровень владения им низкий, что стало причиной тех трудностей, с которыми они столкнулись в своей повседневности.

Наиболее трудный вопрос для анкетирования связан с кастовой принадлежностью: предлагалось ответить на вопросы о том, ощущали ли студентки влияние кастовой системы на обучение в Индии и России. Многие предпочли пропустить этот вопрос, из ответивших указывали на отсутствие какого-либо влияние, написали о своей кастовой принадлежности единицы.

Индивидуальная и коллективная идентичность формируется через закрепленный в сознании образ города. Представления индийских студенток о России и российском нестоличном городе до начала их учебу особой оригинальностью не отличаются. Наиболее распространенными стереотипами стали представления о России как о стране с холодным климатом, богатой культурой и историей, гостеприимным и в то же время суровым народом. Если говорить о представлениях о российском нестоличном городе, то студентки из Индии понимали, что в нестоличном городе будет не так много возможностей для поддержания привычной им повседневности, что выразилось в подготовке: покупка одежды для зимнего сезона и особое внимание было уделено пище, а именно необходимости привезти с собой специи, которые, как один из способов поддержания этнической принадлежности, позволяют им чувствовать себя «как дома».

Широкие возможности для конструирования привычного жилищно-бытового пространства у индийских студенток отсутствуют, и поддержание своей этничности в основном происходит через пищу. До 3 курса студентки живут очень локализовано: в общежитии медицинского университета, где они ограничены правилами проживания, потом

арендуют квартиры у представителей индийской диаспоры или у местного населения.

В целом респондентки свидетельствуют об ощущении себя «другими» в городе, и это ощущение влияет на их проявление своей этничности: в частности, многие не могут надевать традиционные наряды из-за страха вызвать негативную реакцию у местного населения.

Подводя итог, стоит отметить, что, несмотря на ограниченность метода социологического опроса, полученные данные демонстрируют, что группа разнообразна по своему составу и достаточно хорошо репрезентует сложный индийский регион. С опорой на полученные в ходе опроса данные, благодаря другим методам исследования, возможно в перспективе выявить не только гендерную и этноконфессиональную специфику повседневности студенток из Индии.

Список литературы

Белов В.А. Обеспечение геополитических интересов России в подготовке иностранных специалистов // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 184–193.

Кривцова О.В. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 284–288.

Моднов С.И., Ухова Л.В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1, № 2. С. 111–115.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Устюжанцева О.В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 43–64.

Федотова В.А. Опыт экспериментального исследования адаптационных компетенций арабских и индийских студентов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 3. С. 109–119.

Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л. Введение // Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность / под. ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 3–10.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

РЕЦЕПЦИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО «SESSANTOTTO» В ТРУДАХ АНТОНИО НЕГРИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИКА 1968 ГОДА

И.А. Евдокимов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Б.Л. Губман,
доктор философских наук, профессор

Аннотация. В статье исследуется личное восприятие философом Антонио Негри протестных событий, произошедших в Италии в 1968 г., активным участником которых он был. Представленные материалы фиксируют сдвиг социальной онтологии XX в., опираясь на опыт итальянского движения «Sessantotto», продлившегося более 10 лет в условиях борьбы рабочих, философов-интеллектуалов и студентов за освобождение труда через улучшение его условий или отказ от него в качестве формы сопротивления капиталу. Использующиеся в статье тексты являют собой попытку представить историко-философский анализ, базирующийся на описаниях, предоставленных в первую очередь самим Негри. Учитывая это, фундаментом изыскания служат первоисточники автора, дополняемые мнениями исследователей жизни и идей Негри, сумевших изложить характеристики итальянского «Sessantotto» и показавших собственные интерпретации движения.

Ключевые слова: *Антонио Негри, Sessantotto, движение 1968 года в Италии, марксизм, итальянская философия, протесты 1968 года, движение Шестьдесят восьмого, освобождение труда, сопротивление капиталу, 1968.*

Оказавшись в переломный 1968 г., уже будучи подготовленным философом с большим опытом теоретической работы и собираясь перейти от мыслительной деятельности к реальным политическим действиям, Антонио Негри увидел в итальянском Movimento del Sessantotto (Движение Шестьдесят восьмого) возможности для праксиса, подготовленные многими годами совмещения борьбы рабочих и интеллектуалов за улучшение условий трудящихся и эмансипацию труда. Впоследствии он также добавит в этот список студентов, посчитав их одной из значимых составных частей итальянского авангарда того времени.

Одной из отличительных особенностей итальянского протестного движения 1968 г. стал затяжной характер борьбы. Если Франция предприняла аналогичную попытку в том же году, но протесты быстро стихли, то события в Италии продлились почти 11 лет, завершившись лишь 7 апреля 1979 г., когда Негри и других активных философов движения арестовали в рамках масштабной операции государства,

предъявив им обвинения в связях с «Красными бригадами», но сняв их впоследствии, поскольку этому не было найдено доказательств, а дело рассыпалось в суде. Независимо от результатов, это противостояние, согласно интерпретации Негри, смогло изменить представления о классовой борьбе в Италии.

По мнению Клаудио Альбертани, в 1968 г. общественный градус в Италии начал накаляться до тревожных отметок. Распространялись новые и все более интенсивные культурные веяния. Национальные проблемы переплелись с непростой международной ситуацией конца десятилетия (протесты против войны во Вьетнаме и соответствующее движение так называемых «хиппи», «Черные пантеры»), открыв эпоху больших перемен[1].

Для Негри 1968 г. можно назвать отправной точкой, когда «все начало меняться от модерна к постмодерну, как в производственной сфере, так и в области государственного управления»[2]. 1968 г. стал значимым и для всей Италии, и для самого Негри, поскольку именно этот период оказался для него переломным, когда он, находясь с 1963 г. под влиянием немецкой критической философии и идей Раньеро Панциери, основавшего журнал «Quaderni Rossi», чье название можно перевести на русский как «Красные тетради», начал переход к утверждению рабочей автономии. Следует отметить, что Панциери был одной из ключевых фигур итальянского движения освобождения рабочих в 1960-х гг., чей журнал, вероятно, ознаменовал отход интеллектуалов от партий в пользу самостоятельного движения. Панциери удалось применить метод исследования, при котором мыслитель принимает на себя роль не стороннего наблюдателя за рабочими, а специалиста, находящегося на производстве вместе с наемными трудящимися. Сбор информации помогал в забастовочном движении в 1968 г., поскольку те, кто считался теоретиками, уже знали, на каких участках можно «перекрыть кран», чтобы производство было остановлено. Знания, полученные на производстве, становились всеобщими и служили средством для забастовок. Однако даже до момента активного вмешательства в производство собранные сведения помогали мыслителям разобраться в настоящих настроениях рабочих, не прибегая к партийным отчетам. Такие исследования давали возможность понять, можно ли использовать эти настроения для реальных действий, и если можно, то в какой именно момент. Метод Панциери был практическим применением знаменитого одиннадцатого тезиса Маркса о Фейербахе, где он предложил не столько заниматься изучением мира, сколько его практическим изменением[3].

---

[1] *Albertani C.* Antonio Negri, Imperio y la extraña trayectoria del obrerismo Italiano // Bajo el Volcán. Vol. 3, núm. 6. Primer Semestre. México, Puebla, 2003. P. 180–181.

[2] *Murphy T.S.* Antonio Negri Modernity and the Multitude. Cambridge, 2012. P. 187.

[3] *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 4.

С 1968 г., как указывает Негри, «возникло ощущение, что рабочий класс – это нечто более важное, чем то, о чем мы читали в книгах»[4]. По его мнению, сопротивление рабочих и интеллектуалов, восставших против капитализма, стало намного шире, чем в предыдущие десятилетия в истории страны.

По воспоминаниям Негри, 1968 г. стал решающим для него, поскольку общественному движению удалось перенести требование «равной оплаты премий независимо от уровня заработной платы» в Милан и Турин[5]. Эта борьба, начавшаяся пятью годами ранее в портово-промышленной зоне Порто-Маргера, предполагала внедрение в промышленное производство Италии ряда политических элементов, таких как равная оплата труда на заводах и равное повышение заработной платы для всех рабочих с обязательным равным распределением производственных премий в дополнение к заработной плате.

Ретроспективно анализируя события 1968 г., Негри приходит к выводу, что подход интеллектуалов привел к излишне схематичной трактовке протестов и забастовок, происходивших в Италии. Вероятно, этим Негри хочет показать, что теоретики того периода, в том числе и сам он, могли слишком увлечься ролью рабочего класса как авангарда, забыв о влиянии тех, кто был занят нематериальным трудом или осуществил «отказ от труда», но оказывал прямое воздействие на общественно-экономическую обстановку. В том же 1968 г. он начинает чаще рассматривать умственный труд, в том числе труд студентов (le travail étudiant)[6], производительным. Необходимо добавить, что французское понятие travail в контексте историко-философского анализа может быть интерпретировано не только как «труд», но и как «деятельность» или «праксис». Однако через выражение le travail étudiant Негри, похоже, настаивает на том, чтобы показать: учащийся, будь то студент или стажер на заводе, не просто проходит обучение, а производит стоимость. И эти учащиеся, по его мнению, были значимой частью движения 1968 г., хотя они оказались не такими заметными для мировой общественности из-за той передовой роли производственных рабочих, которой последних наделили теоретики движения 1968 г. Но для того чтобы это понять, требовалось выйти за пределы концепции непосредственного труда в производстве стоимости. С этой целью Негри обращается к книге Маркса «Grundrisse», также известной в России как «Экономические рукописи 1857–1859 годов». Именно она позволяет ему осознать, что производительный труд принимает участие не только в производстве, но и в обращении, следовательно, он не сводится только лишь к непосредственному труду. Чтобы лучше понять труд и социальную организацию, требуется смотреть на то, как реализуется

[4] *Negri A.* Travail vivant contre capital. Les Éditions sociales, 2018. P. 48.
[5] Ibid. P. 39–40.
[6] Ibid. P. 48–50.

капиталистическая тотальность. Спланированное общество, как полагает Негри, отличается самовозрастанием стоимости. Эти размышления дают ему возможность обнаружить глубокую взаимозависимость заводских рабочих, теоретиков-интеллектуалов и студентов.

Негри полагает, что в 1968 г. учебные заведения рассматривались как место, где учащиеся потребляли ресурсы и готовились к будущей работе. Однако для него очевидно, что университеты необходимо воспринимать не как место чистой академической науки, а как производство, где готовят будущую рабочую силу, поскольку такова логика государства, где капитал планирует общественную жизнь индивидов.

В 1968 г. Негри пишет знаменитое эссе «Keynes e la teoria capitalistica dello Stato nel '29» («Кейнс и капиталистическая теория государства в 29-м») в первом номере журнала «Contropiano» («Контрплан»), в котором он делает вывод о том, что рабочий класс может выйти за горизонт капиталистических отношений, направляясь по пути автономии, однако сам капитал не способен освободиться от зависимости от рабочей силы[7]. Для Негри очевидно, что профсоюзы Италии следовало ставить в «затруднительное» или «деликатное положение» (position délicate)[8], потому что обсуждение улучшения прав рабочих профсоюзами касалось только производства в границах, установленных капиталом, «а равная оплата труда была исключена» из этого диалога. Но капитал, по его оценке, ответил на события 1968 г., использовав роботизацию при формировании промышленных районов вокруг Милана, вытесняя рабочих с заводов. Спустя пять лет, как полагает Негри, был заложен фундамент неолиберализма, при котором сформировался «мозговой центр» мирового капитала.

Из всего этого Негри видит необходимость применения трудов Маркса в современности, поскольку именно его идеи были использованы для классовой борьбы в Италии, тем самым запустив в 1968 г. процесс формирования нового рабочего класса, чей труд начал становиться все более когнитивным. Представители этого класса дали начало движениям антиглобалистов на рубеже XX и XXI вв, включая «Захвати Уолл-стрит» (Occupy Wall Street)[9] и «Движение против жесткой экономии в Испании» (Indignados Movement). В данном контексте Негри пытается показать упадок профсоюзного движения в Италии, считая, что труд стал настолько социальным, социализированным и нематериальным, что прежние формы посредничества, складывавшиеся между производственными рабочими и владельцами капиталистических предприятий, перестали работать[10]. Капитал, по Негри, вынужден идти на постоянные модификации самого

[7] *Murphy T.S.* Antonio Negri Modernity and the Multitude. Cambridge, 2012. P. 78.
[8] *Negri A.* Travail vivant contre capital. Les Éditions sociales, 2018. P. 39–40.
[9] *Hardt M., Negri A.* Déclaration: Ceci n'est pas un manifeste. P., 2013. P. 11–12.
[10] *Hardt M., Negri A.* Comune: Oltre il privato e il pubblico. Milano, 2010. P. 245–246.

себя, находясь под постоянным давлением нового типа рабочего. Однако этот же новый тип рабочего может использовать преобразования капитала в качестве средства для собственного укрепления. Обращаясь не только к Италии, но и к Франции, Негри заявляет, что если в 1968 г. многие требования были экономическими, укладываясь в логику профсоюзов, то сейчас движения ставят под вопрос форму капиталистической эксплуатации, находясь в борьбе против самой системы наемного труда[11].

По мнению Чийдем Чидам, Негри увидел, что реорганизация капиталистического производства в качестве ответной меры на рабочую борьбу конца 1960-х гг. привела к изменению классового состава пролетариата[12]. Она добавляет, что студенческий бунт 1968 г. спровоцировал волну рабочих протестов, повторяя мысль о значимости влияния студентов того времени. Негри ставит вопрос о смене «авангарда», хотя и делает это не в самой очевидной манере. По его мнению, если ранее промышленный пролетариат был главным двигателем общественных и экономических изменений, то с 1968 г. интеллектуальная и студенческая среда смогла начать формировать требования, получающие дальнейшее продолжение в обществе. Он задается вопросом: «Почему рабочие и профсоюзы часто устремляются в бреши, пробитые этими движениями?»[13].

«В конце 68-го […], когда рабочие протесты усилились, – пишет Альбертани, – система вошла в пике кризиса. Великий социальный разлом, завершившийся в других странах всего за несколько месяцев, в Италии растянулся почти на десять лет, сделав ситуацию в стране уникальной»[14]. Эту же мысль можно обнаружить и у Негри в одном из его многочисленных интервью, где он высказывает идею, что май 1968 г. в Италии «продлился десять лет […], перевернув итальянское общество с ног на голову […], завершившись только 7 апреля 1979 года, когда многие члены организации Autonomia Operaia были арестованы, а в результате законодательной реформы и создания специальных трибуналов против нас была развязана крайне суровая, свирепая репрессия»[15]. Этими словами Негри подчеркивает уникальность итальянского контекста, поскольку в то время как в других странах, например во Франции, события в 1968 г. затихали так же быстро, как и вспыхивали, в Италии они смогли укрепиться и перерасти в десятилетие сопротивления, закончившееся массовыми судебными процессами[16].

---

[11] *Negri A.* Goodbye, Mister Socialism. P., 2007. P. 285–286.
[12] *Çıdam Ç.* A politics of love? Antonio Negri on revolution and democracy // Contemporary Political Theory Vol. 12, 1. N.Y., 2012. P. 30.
[13] *Negri A.* Inventer le commun des hommes. P., 2010. P. 76.
[14] *Albertani C.* Antonio Negri, Imperio y la extraña trayectoria… P. 181.
[15] *Negri A.* N for Negri: Antonio Negri in Conversation with Carles Guerra // Grey Room 11. Cambridge, 2003. P. 92–93.
[16] Ibid. P. 92–93.

Для Негри этот год также становится временем, когда искусство сталкивается с множеством новых экзистенциальных вопросов, касающихся возможности трансформации и переосмысления человеческого существа (human being)[17]. Он предпринимает попытки увидеть, как абстрактное оказывает влияние на субъекта праксиса. «Вопрос, остающийся открытым с 1968 года, – пишет Негри, – вероятно, заключается в установлении творческой и освободительной связи между счастьем и инструментальным разумом»[18], периодически позволяя себе иронизировать над теми, кто называл итальянских забастовщиков «безумцами», считая, что логика извлечения капиталистической прибыли «безумнее», чем желание и попытки людей к эмансипации.

Несмотря на указанное выше, Негри все же обнаруживает фундаментальный сдвиг, вызванный событиями 1968 г., когда капитал перестал ограничиваться одними лишь стенами заводов[19] и приступил к эксплуатации бытия и общественных коммуникаций. Это то, что впоследствии обрело вид «биополитики» в трудах Фуко. Негри делает пессимистичный вывод о том, что произошло «наделение человечества колоссальными производительными возможностями при одновременном навязывании ему новой пролетарской судьбы […], не оставляющей места для дома, солидарности, помощи или гарантий, распространяясь не только на общественное бытие, но и проникая в область бессознательного»[20]. 1968 г., по Негри, показал, что новые на тот момент способы производства стали охватывать воспроизводство. Если ранее мир производства обнаруживал свою принадлежность к меновой стоимости, а мир воспроизводства был обусловлен потребительной стоимостью, то с этого момента произошел разрыв. «Семья, личная жизнь, свободное время и, возможно, даже фантазии и сны – все отныне предстает подчиненным семиотике капитала в рамках режимов функционирования, более или менее демократических, более или менее фашистских, более или менее социалистических»[21].

На возникающий вопрос о том, как решить сложившуюся проблему, Негри заявляет о том, что 1968 г. в Италии подтолкнул традицию критического марксизма, уже сумевшую оформиться и окрепнуть в течение почти десятилетия, к разрыву с диалектической интерпретацией опыта процесса кардинальной общественной перестройки. Рабочие, по его мнению, должны перестать договариваться с капиталом и перейти к отделению от него, начав ориентацию на создание новых ценностей[22]. Сделать это, согласно его предположению, стало намного сложнее,

[17] *Negri A.* Art and Multitude. Cambridge, 2011. P. 105–106.
[18] *Guattari F., Negri A.* Communists Like Us: New Lines of Alliance, New Spaces of Liberty. L.; N.Y., 2010. P. 36–37.
[19] Ibid. P. 35.
[20] Ibid. P. 36.
[21] *Negri A.* Fin de siglo. Barcelona, 1992. P. 26–27.
[22] *Negri A.* Inventer le commun des hommes. P., 2010. P. 78.

поскольку кризис в Италии 1960-х гг., получивший свое символическое завершение в событиях 1968 г., привел к интернационализации буржуазии, чья власть теперь основана на финансовой трансформации капитала.

Негри, хоть и видел возможность продолжения борьбы, признавал, что интеллектуалы, ранее посещавшие производство для сбора и последующего использования на практике сведений, оказались в состоянии имплицитной капитуляции после поражения революционных надежд, ушедших вместе с 1968 г. Они отошли от борьбы, не видя в ней логики продолжения и завершения. Итальянские философы приняли реальность такой, какой она оказалась для них. Вместо желания изменить мир они погрузились в личные экзистенциальные переживания, осознавая собственное бессилие и соглашаясь с ним.

Список литературы

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955, Т. 3. С. 1–4.

Albertani C. Antonio Negri, Imperio y la extraña trayectoria del obrerismo Italiano // Bajo el Volcán. Vol. 3, núm. 6. Primer Semestre. México, Puebla: Benemérita Universidad Autónoma de Puebla, 2003. P. 169–199.

Çidam Ç. A politics of love? Antonio Negri on revolution and democracy // Contemporary Political Theory Vol. 12, 1. N.Y.: Macmillan Publishers Ltd., 2012. P. 26–45.

Guattari F., Negri A. Communists Like Us: New Lines of Alliance, New Spaces of Liberty. L.; N.Y.: Minor Compositions, 2010. 144 p.

Hardt M., Negri A. Comune: Oltre il privato e il pubblico. Milano: Rizzoli, 2010. 432 p.

Hardt M., Negri A. Déclaration: Ceci n'est pas un manifeste. P.: Raisons d'agir, 2013. 137 p.

Murphy T.S. Antonio Negri Modernity and the Multitude. Cambridge: Polity Press, 2012. 274 p.

Negri A. Art and Multitude. Cambridge: Polity Press, 2011. 123 p.

Negri A. Fin de siglo. Barcelona: Paidós, 1992. 168 p.

Negri A. Goodbye, Mister Socialism. P.: Seuil, 2007. 315 p.

Negri A. Inventer le commun des hommes. P.: Bayard, 2010. 300 p.

Negri A. N for Negri: Antonio Negri in Conversation with Carles Guerra // Grey Room 11. Cambridge: Grey Room, Inc. and Massachusetts Institute of Technology, 2003. P. 86–109.

Negri A. Travail vivant contre capital. Les Éditions sociales, 2018. 151 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 26.04.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИИ В «ЭПОХУ ЦИФРЫ»: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА И СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ-МАСТЕРА В ЗОЛОТНОМ ШИТЬЕ

Е.Н. Забелина
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы трансформации восприятия женщин-мастеров золотного шитья в общественном сознании и сообществах практики. Отмечается, что модернизация, в целом, и цифровизация, в частности, ставят ремесленные сообщества перед выбором: открываться инновациям или сознательно консервировать традицию как защитную реакцию на внешние угрозы, а также переопределяют не только формы существования ремесленных сообществ и механизмы передачи знания, но и место носителей знания в этих структурах и процессах.

Ключевые слова: *женские промыслы, женская повседневность, женское образование, золотное шитье, сообщества практики, история повседневности, неотрадиционализм, ученичество, цифровая этнография, вышивка*.

Образ носителя традиционного знания часто воспринимается как статичный, «музейный», сопряженный с выполнением рутинных действий. Однако как двести лет назад, так и сегодня авторитет и социальная роль мастера и наставника постоянно переопределяются. Меняются не только критерии признания и инструменты легитимации, но и ожидания от фигуры мастера как со стороны сообщества практики, так и в общественном сознании.

Золотное шитье не является исключением. За тысячелетнюю историю этот вид искусства развивался в различных направлениях. Принятие христианства привело к необходимости изготовления церковных облачений и предметов обихода в монастырях. Далее наличие собственной светлицы, где производилась вышивка золотыми, а затем золотными нитями, стало атрибутом успеха для знатного русского человека средних веков и Нового времени, что отмечается в ряде свидетельств, включая Домострой[1]. Петровские реформы привели к наглядному закреплению сословного разделения в обществе на уровне одежды, но золотное шитье оставалось актуальным и применялось как при пошиве модных нарядов

[1] *Круглова А.Р.* Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских XV–XVI веков. СПб., 2011. С. 27–35.

дворян, так и при изготовлении крестьянских головных уборов и элементов декора текстиля.

XIX век и развитие промышленного производства привели к угасанию промысла в ряде центров[2], но решение о его поддержке было принято на государственном уровне и включало в себя не только обеспечение заказами, но также создание системы образования и контроля качества. Это длилось до революции, но и далее, как только социально-экономическая обстановка в стране стабилизировалась, были приняты меры по поддержке и развитию кустарных промыслов, включая золотное шитье. Они включали в себя сбор и сохранение лучших образцов, подготовку учебных программ с включением традиционных мастеров в новые образовательные контуры, а также создание учебно-производственных артелей с целью запуска механизма экономического самоподдержания промысла. Это касалось как золотошвейных промыслов Севера, Северо-Запада и Центральной России, так и Крыма, где предпринимались усилия по сохранению традиционной крымско-татарской вышивки[3]. В местах бытования многих промыслов это привело в дальнейшем к созданию производств, в которых сочетался машинный и ручной труд – фабрик и строчевышивальных комбинатов, которые успешно функционировали до начала 90-х гг. XX в. В Крыму эти процессы были прерваны ввиду депортации крымских татар в годы Великой Отечественной войны.

Развал Советского Союза и переход к рыночной экономике негативно отразился на промыслах как комплексах устоявшихся практик, мастера были вынуждены перейти на самоокупаемость, что не могло не отразиться на объемах, качестве и предпочитаемых техниках работы. Крымско-татарская вышивка, напротив, переживала подъем, связанный со стремлением восстановления и утверждения национальной идентичности и легитимизации на территориях возвращения. В условиях ограниченных ресурсов происходила активная прямая передача знаний и навыков. Параллельно с этим происходит возрождение церковного золотного шитья на базе монастырей, приходов и религиозных учебных заведений. Источниками информации стали реставрационные мастерские, где сохранялись и воспроизводились старинные техники.

Развитие информационных технологий в начале XXI в. облегчило доступ к информации о традиционной вышивке для всех желающих. Ремесленные сообщества утратили этническую и географическую привязку, возросли скорость и объемы коммуникаций. Получил распространение не только заочный формат обучения с доступом к материалам, но и онлайн-школы в чистом виде, где мастер и ученик могли никогда не видеть друг друга вживую.

---

[2] Кустарная промышленность России: очерки С.А. Давыдовой, Е Н. Половцевой, К.И. Беренс и Е.О. Свидерской / ГУЗ и З. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 197–199.

[3] *Чепурина П.Я.* Орнаментное шитье Крыма. М., 1938. С. 47–50.

Для понимания того, что происходит с ремесленными сообществами в ходе модернизации, и как переопределяется место мастера и механизмы передачи знания, можно обратиться к концепции «сообществ практики» (community of practice), разработанной Этьеном Венгером[4]. Согласно Венгеру, сообщество практики – это группа людей, объединенная совместной деятельностью, общими интересами и практиками, которые они развивают и разделяют в процессе взаимодействия. Три ключевых измерения такого сообщества – взаимная вовлеченность (участники взаимодействуют и узнают друг друга как партнеров), совместное предприятие (общая цель, согласованная в процессе деятельности) и общий репертуар (набор символов, инструментов, техник, нарративов, накопленных сообществом).

В связи с этим особый интерес представляет трансформация фигуры мастера, в нашем случае, носительницы традиции золотного шитья. Золотошвейка до революции – женщина, которая встроена в систему взаимодействия в рамках монастыря/светлицы/семьи/общины. Ее авторитет базируется на неотчуждаемых качествах – происхождение, возраст, опыт, личные умения – и подкрепляется видимыми результатами: вышитыми предметами, их востребованностью и ценностью. Сообщество практики, в котором она участвовала, было локальным, часто семейным или монастырским, с высокой степенью взаимной вовлеченности (совместная работа, передача навыков от старших к младшим). Совместное предприятие определялось не только производством предметов, но и поддержанием уклада, религиозных или сословных норм. Общий репертуар включал техники шитья, «секреты» работы с материалами, а также устные предания и легенды. Мастерица в таком сообществе – не просто носительница навыка, но и хранительница коллективной памяти, гарант аутентичности.

Модернизация XX–XXI вв. последовательно разрушала эту модель. Индустриализация и урбанизация способствовали трансформации локальных связей. В советское время вышивальщица встраивается в систему образования и превращается в профильного педагога, основная задача которого – сохранение и передача знаний, взаимодействие с учениками. Авторитет такого специалиста помимо практики нуждается в подкреплении символическими атрибутами статуса – такими как профильное образование, категория, звания, дипломы. Однако в обоих случаях мастер «локализован» – принадлежит конкретной территории/технике/учебному заведению и имеет ценность как носитель tacit knowledge[5] – неявного знания, такого, например, как «постановка руки».

---

[4] *Wenger E.* Communities of practice. Learning, meaning, and identity. Cambridge, 1998. P. 72–73.

[5] *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985. С. 103.

Современные носительницы традиции золотного шитья, как и других видов «ручного» труда, становятся участницами перехода от воплощенного знания к формализованному. Они вынуждены артикулировать и деконструировать свое неявное знание, чтобы преподавать его онлайн. Это меняет саму природу передачи: «секрет» становится пошаговой инструкцией. Виртуальные сообщества практики, формирующиеся вокруг онлайн-школ и тематических групп в социальных сетях, обладают иной структурой. Взаимная вовлеченность здесь опосредована экраном, она фрагментарна и часто эфемерна. Совместное предприятие может ограничиваться освоением конкретного курса или созданием единичного изделия. Общий репертуар не только заимствуется из традиции, но и активно пополняется цифровым контентом – видеоуроками, скриншотами, чек-листами. Его задача – не просто передать навык, но и создать смысловое поле, в котором традиция становится релевантной современному человеку.

Расширяется и социальная роль носительницы традиции – это не только исполнитель и педагог, но часто предприниматель, медиа-персона, куратор сообщества, публичный интеллектуал (защитник культурного наследия). Ее авторитет складывается из комбинации факторов: владение техникой, умение учить и медийность.

Новые технологии приводят к возникновению новых форм и инструментов легитимации. Если раньше доверие обеспечивала община, то теперь преподавательницы вышивки сами конструирует доказательства своей экспертизы через цифровой след: портфолио в соцсетях, отзывы учеников, медийные публикации, сотрудничество с институциями. Доверие становится «дистанционным» и опосредованным технологиями.

В рамках исследования стратегий сохранения и передачи традиции автор рассматривает институционально различные современные формы обучения золотному шитью – от кружков при домах культуры до высших учебных заведений, от единичных мастер-классов до полноценных онлайн-школ, параллельно проходя обучение ремеслу в целях углубления понимания контекста.

На текущем этапе исследования можно говорить о различных формах самопрезентации женщин-мастеров в зависимости от модели отношений, формата, ритма и приоритетов обучения, критериев успеха. Представлены как близкая к классической модель ученичества, описанная Р. Бакли как «apprenticeship like processes»[6], так и современные формы онлайн-обучения с выделенными фигурами наставника, тьютора, куратора и др. На основании этого происходит формирование сообществ практики с общими нарративами, нормами, ценностями и этикой. Они объединяются вокруг мастера, техники, территории – школа Аглаи Липиной, мыкълама, Торжокское золотное шитье.

[6] *Buckley Ch.* Craft Traditions. Oxford Handbook of Cultural Evolution. Oxford, 2023. P. 499–500.

Опыт автора по освоению «воплощенного» навыка позволяет фиксировать разрыв между знанием-информацией (получаемой онлайн) и знанием-умением, требующим физического соприсутствия и корректировки, и подтверждает ключевой элемент трансформации: мастер сегодня – это прежде всего медиатор между сложной телесной традицией и современными форматами ее потребления.

Помимо этого, мастера несут ответственность за возможные трансформации практик в ходе модернизации, которая ставит ремесленные сообщества перед выбором: открываться инновациям или сознательно консервировать традицию как защитную реакцию на внешние угрозы. В золотном шитье можно наблюдать обе стратегии.

С одной стороны, онлайн-школы внедряют новые форматы обучения, адаптируют техники под возможности современных материалов и запросы учеников. Здесь инновация – способ выживания и расширения аудитории. Однако при этом сохраняется ядро традиции: базовые приемы, орнаментика, символика. Преподавательница традиционной вышивки выступает как интерпретатор, объясняющий, что можно менять, а что является «кодом», нарушение которого обесценивает изделие как носитель культурной памяти.

С другой стороны, существуют сообщества, сознательно ограничивающие инновации ради сохранения аутентичности. Это характерно, например, для золотошвейных мастерских, связанных с церковью, где материалы, техники и тематика достаточно каноничны, а необходимость привлечения широкой аудитории для коммерциализации проекта не столь велика. Здесь модернизация проявляется скорее во вспомогательных аспектах, таких как заочное обучение, онлайн-курсы узкопрофильной направленности (создание митры, прорезного оклада для иконы и т. п.), и не затрагивает сути ремесла. Крымско-татарская вышивка в постсоветский период также демонстрирует пример консервации, но по иным причинам: она становится маркером национальной идентичности, и любое новшество может восприниматься как угроза ее размытия. В таких сообществах носительница традиции представляет особую ценность как хранительница, ее авторитет зиждется на максимально точном воспроизведении образцов прошлого.

Таким образом, модернизация не уничтожает традицию, но создает поле напряжений между инновацией и консервацией. Мастера оказываются в центре этого поля, принимая стратегические решения о том, какие элементы традиции можно адаптировать, а какие необходимо защищать. Сообщества практики становятся гибридными – они могут сочетать офлайн- и онлайн-форматы, включать участников из разных регионов и даже стран, сохраняя при этом общий репертуар и нарративы. Именно через анализ этих гибридных форм можно понять, как живые традиции отвечают на вызовы современности.

Следует также отметить, что современное обучение ремеслу представляет собой не только обучение техникам, но и спектр траекторий и гибридных форм, которые создают новые социальные конфигурации вокруг традиционного знания.

В связи с этим претерпевает изменения и роль носителей традиции. К преподавательнице золотного шитья сегодня обращаются не только за навыком, но и за аутентичностью, чувством общности или культурной идентичностью. Поддержание доверия требует от нее постоянной публичной работы в разных режимах (личное общение, цифровая коммуникация, сотрудничество с сообществами практики и различными социальными институтами).

Можно сделать вывод, что трансформация образа женщины-мастера – это ключ к пониманию того, как живые традиции адаптируются к современности, создавая новые формы социальности вокруг знания.

Список литературы

Круглова А.Р. Золотошвейное рукоделие великокняжеских и царских мастерских XV–XVI веков. СПб.: Коло, 2011. 288 с.

Кустарная промышленность России: очерки С.А. Давыдовой, Е.Н. Половцевой, К.И. Беренс и Е.О. Свидерской / ГУЗ и З. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. Женские промыслы. СПб.: Типо-лит. «Якорь», 1913. 440 с.

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Чепурина П.Я. Орнаментное шитье Крыма. М.: Школа ФЗУ треста «Полиграфкнига». 1938. 64 с.

Buckley Ch. Craft Traditions. Oxford Handbook of Cultural Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2023. 965 p.

Wenger E. Communities of practice. Learning, meaning, and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 318 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 20.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ КОЛОНИАЛИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В ОКЕАНИИ

А.Р. Измайлов
Наро-Фоминская СОШ № 6 с углубленным изучением отдельных предметов, Наро-Фоминск

Научный руководитель – Т.И. Измайлова,
преподаватель ВГУЮ (РПА Минюста России)

Аннотация. В конце XIX в. Океания стала ареной напряженной борьбы великих держав за влияние – регион привлекал богатыми ресурсами и стратегическим положением на морских путях. Значительную роль в данной борьбе могли сыграть проекты русского ученого и путешественника Н.Н. Миклухо-Маклая по созданию русско-океанийского экономического союза. Его идеи, основанные на принципах взаимного уважения и отказа от колониальной эксплуатации, могли стать основой эффективного долгосрочного сотрудничества с коренными народами Океании. Однако эти дальновидные планы были отклонены российским правительством, что лишило страну существенных экономических преимуществ и шанса участвовать в формировании геополитической конфигурации региона.

Ключевые слова: *Н.Н. Миклухо-Маклай, Океания, Берег Маклая, Папуасский Союз, социальный проект, экономическое партнерство, культурный диалог, сохранение традиций, колониализм, долгосрочное планирование, торговые пути, Азиатско-Тихоокеанский регион*.

В 2026 г. отмечается 180-летие со дня рождения выдающегося путешественника, этнографа и гуманиста Николая Николаевича Миклухо-Маклая – ученого, чьи идеи о равенстве народов и уважении к культурному многообразию опередили свое время и остаются актуальными по сей день.

Н.Н. Миклухо-Маклай открыл цивилизованному миру уникальную природу Новой Гвинеи и экзотическую культуру населявших ее аборигенов[1]. Как справедливо отмечает Е.В. Ревункова, «научное наследие Н.Н. Миклухо-Маклая представляет огромную ценность в антропологическом, этнографическом и историко-общественном плане»[2] –

[1] *Гусарова С.В.* Миф, сказка, фэнтези // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 433–441.
[2] *Ревункова Е.В.* Миклухо-Маклай и изучение папуасов Новой Гвинеи // Этнография. 2021. № 3. С. 16.

он написал сотню научных статей и тысячу страниц дневников, в которых детально зафиксировал особенности нравов и быта папуасов.

Н.Н. Миклухо-Маклай был ярым противником колониализма, активно выступал против работорговли и стремился защитить права аборигенов. Ученый подчеркивал, что «необходимо уважительно относиться к культуре всех народов, населяющих нашу планету, и предостерегал от попыток вмешиваться в их развитие, навязывая свои стандарты»[3]. Л.Н. Толстой, ознакомившись с трудами ученого, писал ему: «…вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной»[4].

Однако далеко не всем известно, что Н.Н. Миклухо-Маклай не ограничился исключительно этнографической деятельностью. Он разработал ряд социально-экономических проектов, направленных на создание устойчивой долгосрочной модели развития Новой Гвинеи, основанной на принципах культурного равенства, экономическом сотрудничестве и защите коренных народов.

В 1881 г. ученый предложил проект создания «Папуасского Союза» под протекторатом России. Цель союза заключалась в стимулировании развития ремесел, налаживании торговых отношений, строительстве транспортной и портовой инфраструктуры, а также образовательных и медицинских учреждений. По мнению исследователя, создание Союза обеспечило бы защиту местных народов от колониальной эксплуатации. Управление Союзом планировалось передать Большому Совету, состоящему из наиболее влиятельных пожилых мужчин, при сохранении автономии традиционных деревенских советов в решении локальных вопросов.

Следующим проектом стало основание русской переселенческой колонии на Берегу Маклая (северо-восток Новой Гвинеи). По словам А.И. Ельчанинова, «в 1882 году Миклухо-Маклай возвращается в Россию. Здесь он обдумывает новые планы по строительству морской станции и русского поселения на северо-восточном побережье Новой Гвинеи (Берег Маклая), предлагает программу экономических и социальных преобразований жизни островитян»[5].

Предложенная исследователем модель экономического развития опиралась на местные ресурсы и включала выращивание сельскохозяйственных культур (кокосовая пальма, сахарный тростник),

---

[3] *Миклухо-Маклай Н.Н.* Возрождение российских научных исследований в Папуа – Новой Гвинее в начале XXI века // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 1(46). С. 284.

[4] Великие русские путешественники / под. ред. Р. Фасхутдинова. М., 2023. С. 451.

[5] *Ельчанинов А.И.* Миклухо-Маклай и русские имена на карте Папуа – Новой Гвинеи // Журнал Института наследия. 2019. № 4(19). [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20241213211904/https://nasledie-journal.ru/ru/journals/317.html (дата обращения: 18.03.2026).

добычу жемчуга, развитие рыболовства и ремесел. Особое внимание уделялось налаживанию взаимовыгодной торговли с островами Океании и Австралией: с первыми предполагалось обмениваться сельскохозяйственной продукцией и ремесленными изделиями, а со второй – поставлять сырье (копру, сахар, жемчуг, морепродукты) в обмен на промышленные товары и строительные материалы. Это должно было обеспечить замкнутый экономический цикл в регионе, снизить зависимость от импорта из Европы и стимулировать рост местного производства за счет расширения рынков сбыта.

В 1886 г. Н.Н. Миклухо-Маклай предложил учредить русское поселение в некоей островной группе, не занятой другими державами, в целях укрепления торговых позиций России в Тихом океане. Ученый обозначил ее как «группу М в видах сохранения тайны»[6] (речь идет о незанятых островах Микронезии, предположительно, атолле Макин).

Проект был направлен на укрепление торговых позиций России: создание опорного пункта в центральной части Тихого океана открывало возможность наладить регулярную торговлю между Россией, островами Океании и Австралией. Не менее значимой являлась задача обеспечения морской безопасности: поселение могло выполнять функции военно-морской базы и пункта снабжения для российских кораблей, что существенно сократило бы зависимость отечественного флота от иностранных портов и повысило эффективность морских перевозок на дальних маршрутах. Гуманитарный компонент проекта состоял в создании модели взаимодействия с коренным населением Океании, которая противопоставлялась практике жесткой колониальной эксплуатации стран Запада и базировалась на принципах взаимного уважения и сотрудничества.

Как справедливо отмечает Д.С. Кочетков, «Миклухо-Маклай мечтал основать на Новой Гвинее российскую колонию, где просвещенные и доброжелательно настроенные к туземцам выходцы из Российской империи смогли бы создать прогрессивное общество, свободное от недостатков всех существовавших в то время европейских государств, в том числе от расовых предрассудков. Эту мечту Миклухо-Маклаю так и не удалось осуществить. Тогдашние российские власти не увидели в Океании ценности для России»[7].

В 1886 г. специальная правительственная комиссия отклонила все инициативы Н.Н. Миклухо-Маклая. В итоговом заключении значилось, что «поднятие русского флага неминуемо вовлекло бы правительство в

[6] *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. Д.Д. Тумаркина. М., 1996. Т. 5. С. 462.

[7] *Кочетков Д.С.* Значение Океании в современном мире и тихоокеанские интересы России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 4(45). С. 176.

целый ряд дорогостоящих мероприятий без существенной пользы для государства»[8].

Таким образом, основной причиной отказа стали финансовые затраты: обустройство колонии, создание инфраструктуры и ее охрана требовали значительных вложений. Серьезную проблему представляла и удаленность Океании: протяженные маршруты, необходимость промежуточных баз и высокая стоимость перевозок замедляли окупаемость. Кроме того, в правительственных кругах не видели ценности Океании – регион не считался источником важных ресурсов или геополитических преимуществ.

Отказ России от закрепления в Океании открыл путь для активной германской колониальной экспансии в регионе, что привело к существенным историко-экономическим последствиям как для коренных народов, так и для расстановки геополитических сил в Тихоокеанском регионе.

К 1914 г. Германия установила контроль над северо-восточной частью Новой Гвинеи, Маршалловыми, Каролинскими, Марианскими островами и частью Самоа, развивая плантационное хозяйство, добычу полезных ископаемых и переработку морепродуктов.

Последствия для местного населения оказались деструктивными: произошло экономическое истощение, обусловленное бесконтрольным вывозом ресурсов, разрушился традиционный уклад жизни, усилилось социальное неравенство и сформировалась зависимость от метрополии.

Для России утрата возможности укрепить свои позиции в Тихом океане также обернулась серьезными экономическими потерями. Океания могла поставлять копру, каучук, жемчуг, кофе и другие тропические товары, а Австралия – шерсть, зерно и руду; взамен Россия могла экспортировать промышленные товары и технику, сократив зависимость от европейских посредников и сэкономив на логистике. Развитие тихоокеанских маршрутов также дало бы импульс экономике Приморья и Камчатки – появились бы новые порты, судоремонтные предприятия, рабочие места и инвестиции.

Рассуждая о значении Океании в современном мире, Д.С. Кочетков отмечает, что «Австралия и Океания находятся относительно близко от Российской Федерации. По крайней мере, морской путь до Австралии и Океании из дальневосточных портов России гораздо короче, чем, например, из Великобритании и Франции, которые долгое время владели этим регионом»[9]. Промежуточные базы в Микронезии или на Берегу Маклая могли бы сократить время и стоимость перевозок между Азией,

---

[8] *Волохова У.* Страна Макландия // Журнал «Коммерсантъ Weekend». № 24 от 16.07.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/gallery/4889820?ysclid=mqxwny94p3804738553 (дата обращения: 18.03.2026).

[9] *Кочетков Д.С.* Указ. соч. С. 174.

Австралией и Америкой, а базирование флота в Океании обеспечило бы безопасность торговых путей.

Таким образом, инициативы Н.Н. Миклухо-Маклая по закреплению России в Океании представляли собой предусмотрительную попытку расширить влияние России в стратегически важном регионе Тихого океана, обладавшем значительным экономическим и военно-стратегическим потенциалом. Существенной особенностью предложений ученого была ориентация не на классическую колониальную модель, а на выстраивание взаимовыгодного сотрудничества с местным населением, что могло бы обеспечить длительное и устойчивое присутствие России в регионе.

Недальновидно отвергнув планы Н.Н. Миклухо-Маклая из соображений экономии и логистических сложностей, правительство лишило Россию шанса участвовать в трансформации геополитической карты региона. В итоге влияние в Океании закрепили конкуренты, а страна утратила перспективы освоения новых торговых маршрутов и экономического взаимодействия с динамично развивающимися территориями, позднее ставшими значимыми в мировой экономике.

Сегодня, на фоне роста заинтересованности России в партнерстве со станами Азиатско-Тихоокеанского региона, история проектов Миклухо-Маклая остается актуальным уроком. Она подчеркивает важность долгосрочного стратегического планирования, инвестиций в перспективные направления и поиска нестандартных моделей международного сотрудничества.

Список литературы

Великие русские путешественники / под. ред. Р. Фасхутдинова. М.: Эксмо, 2023. 608 с.

Волохова У. Страна Макландия // Журнал «Коммерсантъ Weekend». № 24 от 16.07.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/gallery/4889820?ysclid=mqxwny94p3804738553 (дата обращения: 18.03.2026).

Гусарова С.В. Миф, сказка, фэнтези // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М.: МФЮА, 2017. С. 433–441.

Ельчанинов А.И. Миклухо-Маклай и русские имена на карте Папуа – Новой Гвинеи // Журнал Института наследия. 2019. № 4(19). [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20241213211904/https://nasledie-journal.ru/ru/journals/317.html (дата обращения: 18.03.2026).

Кочетков Д.С. Значение Океании в современном мире и тихоокеанские интересы России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 4(45). С. 169–177.

Миклухо-Маклай Н.Н. Возрождение российских научных исследований в Папуа – Новой Гвинее в начале XXI века // Юго-восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 1(46). С. 269–284.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. Д.Д. Тумаркина. М.: Наука, 1996. Т. 5. 528 с.

Ревункова Е.В. Миклухо-Маклай и изучение папуасов Новой Гвинеи // Этнография. 2021. № 3. С. 6–26.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС О КИТАЕ В США 1940–1980-Х ГОДОВ

О.А. Касаткин
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена репрезентации Китая в официальных актах правительства США периода Холодной войны, позволяющих оценить отдельные аспекты восприятия «другого» общества гражданами Соединенных Штатов. Сделаны выводы об особенностях американского общественного сознания на базе имперского дискурса о Китае.

Ключевые слова: *дискурс, США, Китай, Государственный департамент, миссия Маршалла, Р. Никсон, Г. Киссинджер*.

Современные оценки правительством США Китая, обозначенные в стратегии национальной безопасности 2025 г., исходят из интерпретаций динамичного развития страны за последние десятилетия на основе злонамеренных действий, обмана и нечестной конкуренции[1]. Данные представления отличаются от риторики последних десятилетий, которая была в целом комплиментарна, несмотря на имеющиеся опасения и противоречия, что стало следствием постепенного нарастания антикитайских настроений в обществе и отразило существующие тренды восприятия «другого», а также самих себя.

Также это определяет поставленную тему как часть проблемы межцивилизационных связей, истории Холодной войны, развития культурных и идейных представлений в США во второй половине XX в.

Историография темы представлена различными работами, в первую очередь, американских авторов, исследовавших различные аспекты американо-китайских отношений на конкретных этапах, что позволяет судить о характере официальной позиции правительства США.

Направление, посвященное теме американо-китайских взаимодействий, представлено работой Г. Чана[2], исследовавшего характер трехсторонних отношений между США, СССР и КНР в условиях Холодной войны, что определяло ее ход. Данный взгляд позволяет судить о проблемах восприятия в широком контексте глобального противостояния сверхдержав, имевшего значительное влияние на те или иные оценки американцев.

[1] National Security Strategy of the United States of America. Washington D. C., 2025. P. 19.
[2] *Chang G.H.* Friends and enemies. The United States, China and the Soviet Union, 1948–1972. Stanford, 1990.

Стоит отметить труд Дж. Манна[3], посвященный складыванию долгосрочных партнерских связей между КНР и США, что дает возможность проследить те причины и основания, которые позволили американскому правительству и населению преодолеть идеологическое неприятие, приступив к диалогу, выстраиванию взаимного понимания вне рамок сформировавшихся предубеждений, что значимо в рамках изучаемой темы восприятия.

Вклад Э. Гоу[4] значим для понимания различных аспектов американо-китайских отношений в годы намечавшегося перелома в контактах двух стран, включая факторы внутриполитической динамики, войны во Вьетнаме, роли Советского Союза и т. д., что позволяет проследить широкий круг предпосылок, влиявших также на восприятие Китая американцами в силу его значимой роли.

Исследование С. Цина[5] позволяет судить о периоде развала отношений двух стран после прихода к власти в Китае коммунистической партии, проследить те факторы, которые сформировали взаимную вражду на основе идеологических предубеждений, что позволяет судить о тех или иных сторонах восприятия, заблуждениях, свойственных американцам на данном этапе.

Работа Д. Помфрета[6] содержит множество сюжетов из всей истории взаимодействий США и Китая, в первую очередь, как двух различных обществ, связанных длительными отношениями разной степени интенсивности. Раздел, соответствующий периоду после Второй мировой войны, во многом посвящен эволюции взаимных восприятий и контактов – от ненависти по идеологическим мотивам до сближения двух стран в 1970-е гг., что позволяет судить о специфике взаимодействий двух народов в рамках данного исследования, а также о существовавших взаимных оценках.

Различные официальные акты, содержащие те или иные оценки Китая правительством США, начиная с 1940-х гг., сконцентрированы преимущественно в документации Государственного департамента. В ней содержатся многочисленные отчеты, записи переговоров дипломатов, работников ведомства, иных официальных лиц, что позволяет определить Китай как часть международных приоритетов американского правительства, несмотря на наличие актов Конгресса, определенную вовлеченность иных государственных учреждений.

---

[3] *Mann J.* About face. A history of America's curious relationship with China, from Nixon to Clinton. N.Y., 1999.

[4] *Goh E.* Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974. From «Red menace» to «Tacit ally». Cambridge, 2005; Her own. Nixon, Kissinger, and the «Soviet Card» in the U.S. Opening to China, 1971–1974 // Diplomatic history. 2005. Vol. 29, No. 3. P. 475–502.

[5] *Qing S.* From allies to enemies. Visions of modernity, identity, and U.S. – China diplomacy, 1945–1960. Cambridge, L., 2007.

[6] *Pomfret J.* The Beautiful Country and Middle Kingdom. America and China, 1776 to the present. N.Y., 2016.

На момент второй половины 1940-х гг. основным приоритетом США была озабоченность гражданской войной в стране между Гоминьданом и Коммунистической партией (КПК), которая, с одной стороны, угрожала установлению послевоенного мира в Азии, а с другой – могла привести к укреплению позиций СССР в регионе, так как разрозненный Китай был неспособен противодействовать советскому влиянию. Данная ситуация привела к отправке посреднической миссии генерала Д.К. Маршалла в декабре 1945 г., что должно было поспособствовать установлению прочного мира, как его охарактеризовал президент Г. Трумэн «мирными, демократическими методами как можно скорее. Мое желание состоит в том, чтобы Вы как специальный представитель (обращение к Маршаллу. – *О.К.*) использовали влияние США в этом направлении»[7].

В то же время в рамках правительственных учреждений началась дискуссия о природе ситуации в Китае и конкретных политических сил, определявших его судьбу[8]. Военный департамент активно разрабатывал планы оказания дальнейшей военной помощи правительству Китая в рамках программы ленд-лиза, которая официально была направлена на содействие реоккупации территорий, занятых Японией во время вторжения, но в реальности способствовала передаче Гоминьдану средств для борьбы с внутренними противниками, в первую очередь, коммунистами. Американцы в данном случае исходили из того, что контролируют ситуацию и способны распорядиться имеющимся влиянием для достижения нужного результата – восстановления власти правительства на всей территории страны, тем более, что противодействующие группировки практически сразу проявили желание действовать по их рекомендациям[9].

Дипломаты и военные, вступавшие в непосредственные взаимодействия с китайцами, давали несколько иное представление, в большей степени критикуя правительство Чан Кайши за неспособность реализовать демократические преобразования в обществе, провести необходимые реформы. Руководитель Американского информационного агентства в стране Д. Фэрбэнк прямо писал в данном контексте: «…правое крыло Гоминьдана хочет удержаться у власти, и попытки сделать это вопреки сторонникам перемен углубляют раскол между ними и такими группами, как либералы и коммунисты, которым также есть что предложить для национального развития»[10]. В этом смысле никакая группировка, представленная в Китае, не оценивалась как потенциальная угроза американским интересам, а была достойна установления диалога

[7] *Stuart J.L.* Fifty years in China. The memoirs of John Leighton Stuart missionary and ambassador. N.Y., 1954. P. 315.
[8] *Qing S.* Op. cit. P. 57–58.
[9] Ibid. P. 76–79.
[10] Mission of General of the Army George C. Marshall to China to arrange for cessation of civil strife and to bring about political unification. P. 223.

для определения конечных намерений и налаживания стабильных связей, если страна встанет на демократический путь развития.

Можно предположить, что имелись противоречия между той целью, которую поставил президент США, отправляя Маршалла, и позициями конкретных участников процесса – или Г. Трумэн не был в курсе всех деталей, или американцы откровенно вводили в заблуждение окружающих. Наиболее реалистичным объяснением является плохое понимание реалий Китая – предоставляя оружие, они делали ставку на приоритетность гражданского диалога, как это было в США, не учитывая простой факт того, что природа власти отличается в Азии от западных вариантов. Американцы предлагали помощь, опираясь на свою мощь, способную, по их мнению, убедить китайских руководителей в искренности намерений и верности прокладываемого курса. Любые проблемы и эксцессы связывались с недобросовестностью коммунистов или диктаторскими амбициями Чан Кайши, между тем, обе группировки действовали в традиционной логике борьбы за власть, применяемой в Китае с древнейших времен.

В результате, события, связанные с приходом к власти КПК, трактовались как трагедия, в которой повинны сами коммунисты, неэффективность правительства и заговоры Советского Союза[11].

В отчете президенту Трумэну госсекретарь Д. Ачесон заключил: «Мы по-прежнему верим, что, каким бы трагичным ни было ближайшее будущее Китая и как бы безжалостно ни эксплуатировалась значительная часть его великого народа (коммунистической – *О.К.*) партией в интересах иностранного империализма, в конечном счете глубокая цивилизованность и демократический индивидуализм Китая вновь заявят о себе и сбросят иностранное владычество»[12]. Китайцы не лишались качеств готовности к демократии, но в условиях нахождения у власти КПК это не имело значения, что радикально изменило риторику в отношении страны и выходцев из нее в официальном дискурсе.

В период 1950-х гг. на восприятие Китая влиял ряд факторов, в первую очередь, сам переход столь крупной страны под власть коммунистов вызывал ощущение страха и потенциальной потери присутствия в Азии. С другой стороны, стоит отметить Корейскую войну 1950–1953 гг., в которой принимала участие КНР, что привело к столкновениям китайцев и американцев. Подобная ситуация не оставляла иной интерпретации, кроме как образа врага, ведущего агрессивную политику, что слабо соответствовало реальности, так как руководство КПК в целом стремилось избежать вовлеченности в противостояние с США[13].

Китай наделялся качествами одновременно огромной мощи в перспективе, а также идеологического фанатизма, что представляло

[11] The China white paper… P. I–XVII.
[12] Ibid. P. XVI.
[13] *Pomfret J.* Op. cit. P. 389–390; *Qing S.* Op. cit. P. 158–161.

серьезные вызовы и формировало образ врага, который не может быть разгромлен в прямом столкновении[14]. В меморандуме Совета национальной безопасности в декабре 1953 г. было указано: «Мы могли бы проводить политику сдерживания и экономической блокады, надеясь свергнуть правительство изнутри, а не извне»[15]. Источник угрозы виделся в КПК, но вместе с тем, в численности населения страны, ее потенциале, что стимулировалось расистскими предубеждениями.

Начиная с 1960-х гг. тема Китая постепенно уходила на второй план в контексте войны во Вьетнаме – приоритеты сместились в сторону Юго-Восточной Азии как точки потенциального наступления мирового коммунизма, частью которого была КНР[16]. Общее количество документации не так многочисленно, как в 1940-е или 1950-е гг., что говорит о большей периферийности темы Китая. На определенном этапе он рассматривался лишь в контексте всей Восточной Азии, не выделяясь в отдельную проблематику.

Вместе с процессом консервации представлений постепенно формировалось ощущение возможности налаживания диалога, КНР допускалась как потенциальный партнер по переговорам, хотя более слабый и не равный США[17]. Примером этому служили первые встречи послов двух стран в Польше по вопросам обмена пленными и общей стабилизации отношений. Причинами стали осложнения в связях Китая с СССР, трудности Америки во Вьетнаме, а также постепенная волна признаний материкового правительства союзниками США вместо Тайваня (в первую очередь, Великобританией и Францией)[18].

С приходом к власти в США администрации Р. Никсона в 1969 г. окончательно обозначился переход к концепции налаживания контактов с правительством материкового Китая на фоне конфликта КНР с СССР, а также, по оценкам Совета национальной безопасности, из-за шаткого положения лично Мао Цзэдуна вследствие «Культурной революции». Это оценивалось как повод для КПК снижать интенсивность своей конфронтации с Соединенными Штатами, а также было бы удобно американцам для завершения участия во Вьетнамской войне. Как выразился сам Никсон в данном контексте, «наши интересы требуют этого. Не потому что мы любим их, а потому что они там (играют важную роль в Азии, контролируя материковый Китай – *О.К.*)»[19].

Вместе с тем, официальные оценки отражают низкую вероятность успеха подобных переговоров вследствие недобросовестности и

[14] *Chang G.H.* Op. cit. P. 26–29.
[15] The China area… P. 657.
[16] *Chang G.H.* Op. cit. P. 254–255; *Goh E.* Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974… P. 29–31.
[17] China // Foreign relations of the United States, 1961–1963, Northern Asia. Washington D. C. Vol. XXII. P. 171–173.
[18] *Chang G.H.* Op. cit. P. 264–267.
[19] China, 1969–1972. P. 349.

фанатичности руководства КПК, которое может быть не готово поступиться идеологическими принципами. КНР наделялась качествами вероломства, двуличия, лживости, ненадежности и пр. на контрасте с США, готовыми на честную сделку ради мира в регионе, о чем написал Р. Никсону советник по национальной безопасности Г. Киссинджер: «Наша политика должна стремиться к поиску конкретного, подлежащего исполнению соглашения с Пекином, позволяющего реализовать “мирное сосуществование” не на словах, а на деле»[20].

Учитывая обозначенные аспекты, показательно содержание первых полноценных переговоров Г. Киссинджера с главой правительства КНР Чжоу Эньлаем в ходе его первого визита на материковый Китай в 1971 г. Каждая из сторон в целом непримирима, хотя и стремится не прерывать диалог – американцы проявляли понимание и спокойный взгляд, играя на страхах перед советской агрессией и исходя из того, что именно КНР нужно соглашение. В то же время китайцы максимально полно отстаивали свое право на безопасность, требуя ухода США с военных баз на Дальнем Востоке и обвиняя их в стремлении окружить КНР[21].

Подобную риторику можно определить как первоначальную проверку намерений каждого из участников переговоров, однако они оба были убеждены в достаточной прочности собственной позиции, оценивая другую сторону в своих категориях. Американцы проявили чувство превосходства, ведь они могут позволить снисходительный тон в отношении «бедной и неразвитой» страны, подвергающейся давлению сверхдержав, что не совпадало с восприятием китайского руководства. Позиция Киссинджера, по существу, сводилась к массе сиюминутных вопросов, которые могли быть решены в ближайшие годы. Чжоу Эньлай апеллировал более широкими категориями в духе исторических процессов[22]: «История также доказывает, что Тайвань принадлежал Китаю более 1000 лет – дольше, чем Лонг-Айленд был частью США»[23].

В этом прослеживалось главное противоречие – различный цивилизационный контекст приводил к отличной постановке приоритетов и проблем. Вернувшись в США, Киссинджер в отчете президенту указал, что был вдохновлен культурой Китая, однако его политическое руководство охарактеризовал следующим образом: «Я оцениваю этих людей как глубоко идейных, близких к фанатикам по силе своих убеждений»[24]. Ожидания фанатизма переговорщиков сохранились и даже окрепли, однако не привели к отказу от идеи исторического визита Никсона в страну.

---

[20] China, 1969–1972. P. 13.
[21] *Goh E.* Nixon, Kissinger, and the «Soviet Card»… P. 478–484.
[22] China, 1969–1972 // Foreign relations of the United States, 1969–1976, China, 1969–1972. Washington D. C. Vol. XVII. P. 359–397.
[23] Ibid. P. 367.
[24] Ibid. P. 454.

37-й президент США по прибытии удостоился встречи с Мао Цзэдуном, которая не была полноценно установлена в графике его пятидневного пребывания в КНР. Эти переговоры крайне показательны, так как отразили стремление американцев (присутствовал также Г. Киссинджер) к диалогу – Никсон обходителен, открыт к непростым темам, сложно увязать подобное поведение с его антикоммунизмом в 1950-х гг. Данная ситуация стала возможной вследствие стремления договориться с китайцами, несмотря на разногласия, о чем Никсон сказал напрямую в завершении визита: «Я думаю, можно также сказать, что у нас действительно есть различия, и вы не можете построить мост протяженностью 16 000 миль и 22 года за одну неделю. Но, заявляя с нашей стороны, и, я думаю, госсекретарь согласится, в результате этих откровенных дискуссий у нас больше точек соприкосновения, чем мы ожидали»[25]. Идеологическое неприятие маоистского Китая сменилось прагматичным подходом, который отвечал потребностям двух стран и требовал способности договариваться.

Дальнейшие отношения строились вокруг конкретной выгоды обоих обществ, что меняло восприятие Китая и отразилось в обращении президента Д. Картера к Конгрессу в связи с официальным установлением дипломатических отношений с КНР в 1979 г. Китай характеризовался теперь как «нация одаренных людей, которые составляют около четверти всего населения Земли, Китай уже сейчас играет важную роль в мировых делах – роль, которая в ближайшие годы может только расти»[26].

Риторика сменилась и сохранялась, несмотря на различные противоречия, на протяжении 1980-х гг., ведь этого требовало сохранявшееся противостояние с СССР, а также все возрастающие экономические связи с КНР. Тем не менее, к концу десятилетия можно проследить интересный слом – события на площади Тяньаньмэнь 1989 г., спустя несколько месяцев после визита президента Д. Буша, спровоцировали резкую реакцию США. Конгресс принял ряд актов, осуждавших подобные действия как попытку «подавить демократическое и реформаторское движение в Китае с помощью бессмысленного насилия со стороны Народно-освободительной армии»[27], вводя санкции и требуя корректировок внутриполитического курса. Данный тренд в реакции позволяет отметить сохранение в официальной позиции США стремления преобразовать страну на новом этапе развития отношений на основе внешнеполитической разрядки, экономических, образовательных связей, а

[25] China, 1969–1972 // Foreign relations of the United States, 1969–1976, China, 1969–1972. Washington D. C. Vol. XVII. P. 796.
[26] *Carter J.* Establishment of Diplomatic Relations between the United States and the People's Republic of China. Washington D. C., 1979. P. 227.
[27] A bill to support democracy and human rights in the People’s Republic of China and Tibet. Washington D. C., 1989.

также с учетом событий в Восточной Европе – падения «железного занавеса».

Подводя итог, стоит отметить, что официальный дискурс о Китае в США претерпел ряд существенных изменений, зависящих, в первую очередь, от конкретных политических событий. Тем не менее, можно проследить общие основания в рамках разнообразных категорий, которые сводились к либерально-демократическому идеализму, ощущению мессианского предназначения, расистским предубеждениям, имперскому высокомерию, но в то же время традиционному для американцев прагматизму, привносящему гибкость в риторику, оценки и цели. Через восприятие Китая как общества, кардинально отличающегося от их собственного, граждане США на уровне официальной позиции отражали собственные качества, в той или иной степени сводящиеся к обозначенным категориям, сознательно или нет определяя себя через «другого».

Список литературы

Chang G.H. Friends and enemies: The United States, China, and the Soviet Union, 1948–1972. Stanford: Stanford univ. press, 1990. 383 p.

Goh E. Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974: from «read menace» to «tacit ally». Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. 299 p.

Goh E. Nixon, Kissinger, and the «Soviet Card» in the U.S. Opening to China, 1971–1974 // Diplomatic History. 2005. Vol. 29, No. 3. P. 475–501.

Mann J. About face: a history of America's curious relationship with China, from Nixon to Clinton. N.Y.: Knopf, 1999. 433 p.

Pomfret J. The beautiful country and the Middle Kingdom: America and China, 1776 to the present. N.Y.: Holt and co, 2016. 693 p.

Qing S. From allies to enemies: visions of modernity, identity, and U.S.-China diplomacy, 1945–1960. Cambridge, L.: Harvard univ. press, 2007. 396 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ВОЙНЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

М.А. Корнеев
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.И. Лисицына,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются американские СМИ как инструмент формирования общественного мнения в США в отношении войны во Вьетнаме. На материале ведущих печатных изданий прослеживается эволюция пропагандистского дискурса: от целенаправленного конструирования образа «врага» в лице северовьетнамских коммунистов до стремительной утраты доверия к официальной риторике после Тетского наступления 1968 г. Особое внимание уделяется медиатизации как ключевой функции СМИ, под которой понимается не просто освещение боевых действий, а их преобразование в транслируемый аудитории информационный образ, способный оказывать обратное воздействие на политические решения. Вьетнамская война, ставшая первой «телевизионной войной» в истории, продемонстрировала, как визуальная природа телевидения и отсутствие цензуры лишило правительство США монополии на интерпретацию событий, а медиатизированный конфликт смог превратить военные успехи в политическое поражение.

Ключевые слова: *СМИ, война во Вьетнаме, американское общество, общественное мнение, «телевизионная война», пропагандистский дискурс, образ «врага», кризис доверия, медиатизация конфликта, коллективная травма*.

В контексте Вьетнамской войны американские СМИ приобретают особую актуальность. Вследствие военных действий информация является одной из ключевых ценностей. Противоборствующие стороны тщательно стараются скрыть потери и неудачи на фронте, чтобы не дестабилизировать обстановку в тылу и контролировать общественные настроения. Однако свободные американские СМИ стараются восполнить дефицитную информацию, вследствие чего они не только фиксируют реальные события, но и тем самым, иногда сами этого не осознавая, активно влияют на ход политических процессов и меняют устоявшееся общественное мнение[1]. Именно этот конфликт стал переломным моментом, когда американские СМИ впервые вышли из-под полного

[1] *Васильева Л.В.* Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 50. С. 109–112.

контроля государства и начали играть самостоятельную роль в условиях боевых действий. Вьетнам стал первой в истории «телевизионной войной», наглядно продемонстрировавшей универсальный механизм, который работает и в нынешнее время: сначала медиа помогают власти сконструировать образ «врага» и мобилизовать общество, но затем, столкнувшись с неконтролируемым потоком визуальной реальности с полей сражений, они сами же становятся главным ускорителем кризиса доверия.

До полномасштабной эскалации конфликта в 1965 г. американская пресса целенаправленно изображала Северный Вьетнам как воплощение «красной угрозы» – абсолютного зла в понимании американского общества времен «холодной войны»[2]. В СМИ активно формируется «образ врага» на протяжении нескольких лет. Газета «The New York Times» публиковала материалы, в которых коммунистический режим ассоциировался с бедностью, болезнями и неконтролируемой агрессией[3][4]. В репортажах тех лет американские военные и их южновьетнамские союзники представали защитниками цивилизованного мира, а вьетнамские коммунисты – варварами, использующими насилие и устрашение против мирного населения[5]. Подобная риторика создавала в сознании читателей четкую полярную картину. Более того, она полностью соответствовала внешнеполитической доктрине администрации президента от демократической партии – Л. Джонсона. Суть доктрины заключалась в сдерживании коммунистических режимов в условиях «холодной войны», СМИ же обеспечивали идеологическое обоснование военного вмешательства.

После Тонкинского инцидента 1964 г., в результате которого северовьетнамские торпедные катера предприняли атаку на американский эсминец «Мэддокс», Конгрессом США была принята соответствующая

---

[2] *Нгуен Т.Х.Ч.* Отношение Американских СМИ к Вьетнаму: исторические аспекты // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 118–120.

[3] JOHNSON PLEDGES HELP TO VIETNAM TO FIGHT POVERTY; Vice President Confers With Ngo on Domestic Issues -- Arms Aid Also Stressed JOHNSON PLEDGES HELP TO VIETNAM. [Электронный ресурс] // The New York Times. May 13, 1961. URL: https://www.nytimes.com/1961/05/13/archives/johnson-pledges-help-to-vietnam-to-fight-poverty-vice-president.html (дата обращения: 15.05.2026).

[4] New Vietcong Tactic Hinted. [Электронный ресурс] // The New York Times. July 25, 1964. URL: https://www.nytimes.com/1964/07/25/archives/new-vietcong-tactic-hinted.html (дата обращения: 15.05.2026).

[5] David Halberstam. VIETNAM REDS PUSH NEW TACTIC; Burn Villages in Mountains and Carry Off Men Attacks Made Almost Daily Factors Relatively Simple. [Электронный ресурс] // The New York Times. December 17, 1962. URL: https://www.nytimes.com/1962/12/17/archives/vietnam-reds-push-new-tactic-burn-villages-in-mountains-and-carry.html (дата обращения: 15.05.2026).

резолюция[6], конфликт перешел в активную фазу. Количество аккредитованных журналистов во Вьетнаме резко возросло, и главную роль в освещении войны впервые в истории начали играть не печатные издательства, а телевидение. К 1963 г. телевизоры имелись у 98 % американских семей[7], и военные действия ежедневно транслировались прямо в гостиные миллионов американцев. Специфика экранного образа принципиально отличалась от газетной статьи: зритель видел вертолеты, раненых, горящие строения – американцам казалось, что они, будучи у себя дома, находятся на поле боя.

Рост критики в адрес президента Линдона Джонсона был во многом обусловлен противоречием между его предвыборной кампанией и реальными действиями. На выборах 1964 г. Джонсон позиционировал себя как «мирного кандидата», чья знаменитая предвыборная реклама с маленькой девочкой, отсчитывающей лепестки ромашки на фоне ядерного взрыва, обещала избирателям избежать катастрофы[8]. Однако после победы его администрация взяла курс на расширение боевых действий. В ответ на критику Джонсон развернул масштабную информационную кампанию, пытаясь убедить нацию в прогрессе на фронте. Генерал армии США, командующий американскими вооруженными силами во Вьетнаме в 1964–1968 гг. Уильям Уэстморленд на пресс-конференциях уверял общественность, что положение дел улучшается[9].

Однако все изменилось 31 января 1968 г. с началом Тетского наступления. Северовьетнамские войска организовали масштабную атаку на более чем сто городов, включая Сайгон. На фоне оптимистичных заявлений официальных лиц телевизионные кадры показали то, что невозможно было согласовать с правительственной риторикой: бои у стен американского посольства в Сайгоне, трупы американских солдат, взорванную технику, панику. Телевидение в отсутствие цензуры зафиксировало существенный разрыв между словами о скорой победе и жестокой реальностью. В тот же период была сделана фотография Эдди Адамса «Казнь в Сайгоне»[10], на которой южновьетнамский генерал

---

[6] Tonkin Gulf Resolution. [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/tonkin-gulf-resolution (дата обращения: 15.05.2026).

[7] Number of TV Households in America. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20080810233041/http://www.tvhistory.tv/Annual_TV_Households_50-78.JPG (дата обращения: 15.05.2026).

[8] Линдон Джонсон: Ромашка (Lyndon Johnson: Daisy). [Короткометражный фильм]. США, 1964. Реж. С. Майерс.

[9] Генерал Уильям Уэстморленд утверждает, что за последние полтора года Северный Вьетнам не одержал ни одной победы (Gen William Westmoreland says North Vietnam has not won a single victory during the last year and a half) [Фильм]. «UPITN» (США). Дата выхода в эфир: 22.11.1967.

[10] A Photo That Changed the Course of the Vietnam War. [Электронный ресурс] // The New York Times. Feb. 1, 2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/02/01/world/asia/vietnam-execution-photo.html (дата обращения: 15.05.2026).

хладнокровно стреляет в голову безоружному пленному партизану. Снимок, получивший Пулитцеровскую премию, заставил миллионы американцев усомниться в том, что их страна сражается за свободу вьетнамского народа от тоталитарного режима и защищает демократические ценности во всем мире.

Окончательный удар по доверию к официальной позиции нанес ведущий новостей канала CBS Уолтер Кронкайт. Спустя почти месяц после начала Тетского наступления он выступил с редакционным комментарием, в котором прямо заявил, что война зашла в тупик[11]. Человек, которому американцы безоговорочно доверяли за его профессионализм, беспристрастность и личное обаяние, произнес слова, разрушившие оптимизм администрации: «Мы слишком часто разочаровывались в оптимизме американских лидеров, как во Вьетнаме, так и в Вашингтоне, чтобы и дальше верить в то, что они видят лучик света даже в самых мрачных тучах»[12]. Он допустил, что выходом из тупика может стать либо начало переговоров, либо опасная эскалация вплоть до применения ядерного оружия.

После этого выступления американское общественное мнение изменилось быстрее, чем когда-либо за годы войны. Война, которая еще недавно воспринималась как успешная и справедливая, теперь осознавалась как кровавая и бесперспективная. Телевидение, которое превратило далекий конфликт в ежедневную реальность для *множества* американских семей, сделало этот сдвиг в сознании нации необратимым.

Таким образом, Вьетнамская война продемонстрировала принципиально новую роль средств массовой информации в условиях военного конфликта. Если на начальном этапе медиа выступали инструментом мобилизации общества и конструирования образа «врага» в русле официальной пропаганды, то с развитием телевизионного вещания ситуация кардинально изменилась. Отсутствие цензуры и визуальная природа телевидения лишили государство монополии на интерпретацию событий. Речь У. Кронкайта и шокирующие кадры Тетского наступления привели к необратимому кризису доверия: общественное мнение перестало воспринимать оптимистичные сводки командования, отдавая приоритет информации, транслируемой средствами телевидения. Опыт Вьетнама показал американскому правительству, что в современной войне контроль над информационной повесткой не менее важен, чем контроль над полем боя, а медиатизация конфликта способна превратить военные победы в политическое поражение.

---

[11] Walter Cronkite on the Tet Offensive «Report from Vietnam». [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20080719082223/http://www.alvernia.edu/cgi-bin/mt/text/archives/000194.html (дата обращения: 15.05.2026).

[12] Там же.

Список литературы

Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 50. С. 109–112.

Нгуен Т.Х.Ч. Отношение Американских СМИ к Вьетнаму: исторические аспекты // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 118–120.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

УОТЕРГЕЙТСКИЙ СКАНДАЛ И ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ США В АМЕРИКАНСКОМ ИГРОВОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1970-Х ГГ.

Е.И. Лавров
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье исследуются способы репрезентации политической власти и Уотергейтского скандала в американском игровом кинематографе 1970-х гг. Анализ кинофильма «Разговор» показывает, как репрезентация политической власти в кино используется для высказывания на тему актуальных социально-политических вопросов. Кинофильм «Китайский квартал» служит примером конструирования образа американской политической власти для переосмысления исторического прошлого США. Кинофильм «Вся президентская рать» служит материалом для анализа роли кинематографа в конструировании современной политической мифологии.

Ключевые слова: *Уотергейтский скандал, история США, история XX в., история культуры, репрезентация, массовая культура, политическая мифология, кинематограф, Новый Голливуд, культурсоциология.*

Эпоха 1960–1970-х гг. характеризуется высокой социально-политической напряженностью в Соединенных Штатах Америки. В этот период на историческую авансцену вышли общественные движения, противостоящие устоявшимся на тот момент в американском обществе практикам дискриминации по расовому, половому и социальному признаку, а также движения против участия США во Вьетнамской войне, возникшие после отправки американских войск во Вьетнам (апрель 1965 г.). Изменения, затронувшие все стороны жизни общества, не могли не отразиться в культуре, в частности в кинематографе. В 1967 г. в американском кинематографе начался период, закрепившийся в историографии под названием «Новый Голливуд»[1]. Этот этап в развитии Голливуда охарактеризован, среди прочего, выходом на экраны большого количества фильмов, отражавших актуальные на тот момент социально-политические темы. О влиянии социально-политического контекста можно судить даже по названиям монографий, посвященных развитию американского кино в 1960–80-х гг. от ведущих исследователей – «Голливуд. От Вьетнама до Рейгана»[2] Р. Вуда, «Голливуд: контрасты 70-х:

[1] *Артюх А.А.* Новый Голливуд: новаторы и консерваторы. М., 2025. С. 99.
[2] *Wood R.* Hollywood. From Vietnam to Reagan… and Beyond. N.Y., 2003.

Кинематограф и общественная жизнь США»[3] Е.Н. Карцевой и др. В публичном дискурсе, и не только американском, выходившие в этот период фильмы прочно ассоциируются с яркими политическими и социальными событиями, оказавшими, по общепринятому мнению, на них влияние – так, например, почти в любой статье, посвященной фильму Ф.Ф. Копполы «Разговор», упоминается Уотергейтский скандал и «атмосфера недоверия», царившая в Америке во времена выхода фильма[4].

В настоящее время исследования темы репрезентации политических событий в массовой культуре занимают видное место в отечественной науке. Предметом изучения служат, прежде всего, визуальные формы масскульта – комиксы, кино и мультипликация. Такой фокус внимания обосновывается доминированием в массовой культуре визуальных способов повествования[5]. Исследования в основном касаются культуры XXI в. Однако именно 1970-е гг., как указывают специалисты, стали временем вытеснения радио и печатной прессы телевидением, началом эры доминирования репрезентации реальных событий не посредством текста или звука, а через визуальные образы[6].

Отечественные исследователи анализируют схемы мифологизации политической реальности, опираясь на концепции структуралистской школы и концепцию мономифа американского исследователя Д. Кэмпбелла[7]. Эта методология может быть использована при анализе наиболее известного политического фильма 1970-х гг. – «Вся президентская рать» режиссера Алана Пакулы[8].

Для того чтобы выявить особенности репрезентации политической власти в американском массовом кинематографе 1970-х гг., рассмотрим несколько конкретных фильмов, разным способом осмысливающих и комментирующих актуальные для своего времени события и атмосферу в американском обществе.

Кинофильм «Разговор» режиссера Френсиса Форд Копполы[9] вышел в американский кинопрокат в апреле 1974 г., когда события Уотергейтского скандала уже подходили к завершению. Главный герой фильма – частный детектив, специалист по слежке и прослушиванию. Указано, что он выполняет заказы как частных лиц и фирм, так и

---

[3] *Карцева Е.Н.* Голливуд: контрасты 70-х: кинематограф и общественная жизнь США. М., 1987.

[4] Разговор. Специальные показы // Иное кино: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://inoekino.com/events/TheConversation (дата обращения: 05.05.2026).

[5] *Суслов И.В., Кныжова З.З.* Политический мономиф американского кинематографа в эпоху доминирования визуальных способов повествования // Наука телевидения. 2025. № 21(1). С. 37.

[6] Там же. С. 38.

[7] Там же. С. 41.

[8] Вся президентская рать (All the President’s man). [Художеств. фильм]. США, 1976. Реж. А. Пакула.

[9] Разговор (The Conversation). [Художеств. фильм]. США, 1974. Реж. Ф.Ф. Коппола.

правительственных организаций – в частности, упоминается министерство юстиции США. Как утверждает Коппола, о незаконной деятельности администрации президента он узнал, когда фильм был уже почти готов и не стал менять ничего в сценарии, написанном им же за несколько лет до этого.

Несмотря на высказывания режиссера, в вымышленном мире кинофильма зритель может распознать реальную Америку первой половины 1970-х гг. – события разворачиваются в США в 1972 г. В фильме упоминаются явления, вполне характерные для Америки той эпохи: главный герой помогал правительству в борьбе с профсоюзами в 1968 г., один из второстепенных героев указывает, что участвовал в незаконном прослушивании кандидата в президенты несколько лет назад – «не буду говорить от какой партии, но он проиграл» – что в контексте 1974 г. воспринимается как явный намек на конкурентов Ричарда Никсона на выборах 1968 и 1972 гг. Красной нитью через весь фильм проходит утверждение о тесном сотрудничестве американского государства с частными детективами, занимающимися незаконной деятельностью.

Американский кинокритик Р. Вуд назвал такие фильмы кинематографом «американского апокалипсиса», показывающими тотальный и окончательный распад американского общества и его идеологии[10]. Первым таким фильмом Вуд называет «Погоню» режиссера Артура Пенна[11], в котором американское общество олицетворяется жителями небольшого провинциального города. В «Разговоре» этот мотив показан на примере распада человеческой личности. Главный герой по ходу фильма проходит путь от уверенного в себе профессионала до человека, находящегося в состоянии глубокого личностного кризиса. В финале картины герой полностью разносит свою квартиру в поисках прослушивающего устройства, которое так и не находит, что является яркой и вполне очевидной метафорой самораспада личности и разрушенной жизни главного героя.

Вышедший на экраны в том же году фильм «Китайский квартал» режиссера Р. Полански[12] можно назвать переосмыслением прошлого Америки с позиции 1970-х гг. Действия картины разворачиваются в Лос-Анджелесе времен Великой депрессии. По сюжету, частный детектив Джек Гиттес, расследуя убийство комиссара водного хозяйства Лос-Анджелеса, раскрывает сговор местной власти с бизнесменами, планирующими с помощью искусственного создания засухи заработать огромную прибыль на рынке облигаций. В итоге главный герой оказывается бессильным в противостоянии с коррумпированной властью и криминалом.

---

[10] *Wood R.* Op. cit. P. 20.

[11] Погоня (The Chase). [Художеств. фильм]. США, 1966. Реж. А. Пенн.

[12] Китайский квартал (Chinatown). [Художеств. фильм]. США, 1974. Реж. Р. Полански.

Как утверждает американский кинокритик Р. Пратт, «Китайский квартал» «выделяется среди ряда других примеров своим акцентом на злодеяниях тех, кто обычно считается строителями Америки двадцатого века»[13]. Под «строителями Америки» подразумеваются представители американского крупного бизнеса. Так фильм подвергает критике безусловные ценности американского общества – либеральную демократию и капитализм.

В кинофильме Р. Полански сходятся три американские исторические эпохи – начало XX в., когда происходили события, легшие в основу сценария, воображаемая Америка времен Великой депрессии, ставшая местом действия, и современная фильму эпоха 1970-х гг. с ее политическими скандалами и паранойей. Причем, как отмечает Пратт, по ходу развития событий, фильм проходит путь от свойственного 1930-м гг. скептицизма по отношению к крупному бизнесу до состояния бессильного разочарования эпохи Уотергейта[14].

Кинофильм «Вся президентская рать», снятый режиссером Аланом Пакулой и вышедший в 1976 г., можно отнести к категории фильмов, конструирующих американский политический мономиф. Сюжет фильма, являющегося экранизацией одноименного бестселлера журналистов «The Washington Post», воспринимается как «достоверный» пересказ событий журналистского расследования, приведшего к раскрытию незаконной деятельности администрации Белого дома. Исследователи указывают: «мифологизация политики – это процесс создания, распространения и использования мифов (в виде символических нарративов, образов, сюжетов) для объяснения, легитимации и упрощения политических явлений»[15]. Фильм объясняет реальные события Уотергейтского скандала, репрезентируя их в явно упрощенной форме, напоминающей форму архаического мифа с его бинарными оппозициями[16], – зло, олицетворяемое в фильме упоминаемыми, но не показанными на экране представителями администрации Белого дома, добро, представленное «честными» людьми внутри порочной политической системы, а также смелыми и находчивыми журналистами**.** Положительные персонажи фильма упоминают свою приверженность основным американским гражданским ценностям[17] и символам – демократии, конституции США, закону, честности.

В финальной сцене фильма журналисты готовят итоговый текст расследования на фоне трансляции инаугурационной речи Ричарда Никсона в январе 1973 г. Зрители и так знали, чем закончится Уотергейтское дело, – судебным процессом над преступниками и

---

[13] *Pratt R.* Projecting Paranoia: Conspiratorial Visions in American Film. Lawrence, 2001. P. 120.
[14] *Pratt R.* Op. cit. P. 121.
[15] *Суслов И.В., Кныжова З.З.* Указ. соч. С. 44.
[16] *Александер Д.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013. С. 425.
[17] Там же. С. 441.

отставкой президента Р. Никсона. Так фильм акцентирует внимание и мифологизирует только один сюжет Уотергейта – журналистское расследование. Поскольку расследование происходило «вне поля зрения» американской общественности, фильм имел возможность сконструировать его мифологический образ в массовом сознании. Дальнейшие события Уотергейта не нуждались в экранизации – они разворачивались на телеэкранах, на первых полосах газет, в радиоэфире.

В фильме ярко выражены две обнаруженные исследователями основные мифологемы американского политического мономифа – святость демократических институтов и процедур (в фильме, прежде всего, института свободной прессы) и героизм отдельных представителей общества (во «Всей президентской рати» – журналистов и «честных» представителей республиканской партии), способных противостоять коррумпированной системе[18]. Указанные причины позволяют отнести кинофильм «Вся президентская рать» к фильмам, формирующим американский политический миф.

Таким образом, на основании анализа нескольких выдающихся фильмов эпохи можно сделать вывод о существовании множественных способов и путей репрезентации образа Уотергейтского скандала и политической власти в американском игровом кинематографе 1970-х гг. В «Разговоре» режиссер и автор сценария Ф.Ф. Коппола сконструировал художественный образ американской политической власти 1960–1970-х гг. как коррумпированной и порочной с целью отражения социально-политического контекста времен создания и выхода фильма. В «Китайском квартале» режиссер Р. Полански и сценарист Р. Таун переосмысливают события американской истории с позиции 70-х гг. XX в., экстраполируя образ политической власти эпохи Уотергейта на 1930-е гг. Так образ порочности американской политической власти не относится к какому-либо одному историческому периоду, а приобретает вневременной характер. «Вся президентская рать» А. Пакулы репрезентирует один из центральных сюжетов Уотергейтского скандала – журналистское расследование, приведшее к раскрытию незаконной деятельности администрации Белого дома, в рамках американской политической мифологии, со свойственными ей мифологемами – эффективностью либерально-демократических институтов и процедур и героизмом американских граждан, способных бросить вызов коррумпированной политической системе.

[18] *Суслов И.В., Кныжова З.З.* Указ. соч. С. 48.

Список литературы

Александер Д. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.

Артюх А.А. Новый Голливуд: новаторы и консерваторы. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 368 с.

Карцева Е.Н. Голливуд: контрасты 70-х: кинематограф и общественная жизнь США. М.: Искусство, 1987. 316 с.

Суслов И.В., Кныжова З.З. Политический мономиф американского кинематографа в эпоху доминирования визуальных способов повествования // Наука телевидения. 2025. № 21(1). С. 33–56.

Pratt R. Projecting Paranoia: Conspiratorial Visions in American Film. Lawrence: University Press of Kansas, 2001. 323 p.

Wood R. Hollywood from Vietnam to Reagan… and Beyond. N.Y.: Columbia University Press, 2003. 363 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 18.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОБЛЕМ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Л.С. Левицкая
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена репрезентации гендерного неравенства в современной женской прозе Южной Кореи. На материале ключевых текстов последнего десятилетия автор демонстрирует системный характер дискриминации: патриархальная семья, гендерные барьеры в образовании и карьере формируют жесткий набор социальных ограничений. Автор делает вывод, что художественная репрезентация этих ограничений представляет собой акт социального высказывания, меняющий отношение к женскому опыту в корейском обществе.

Ключевые слова: *Южная Корея, южнокорейская литература, женская проза, гендерное неравенство, художественная репрезентация.*

В 2024 г. Хан Ган вошла в историю как первая южнокорейская писательница, удостоенная Нобелевской премии по литературе. Однако это достижение выходит за рамки простого признания литературного мастерства: оно свидетельствует о трансформации женской прозы Южной Кореи, которая превратилась в пространство, где наиболее остро поднимается проблема гендерного неравенства в обществе, долгое время скованном конфуцианскими нормами.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Южная Корея демонстрирует парадоксальное сочетание экономического процветания и устойчивого гендерного неравенства. К тому же на фоне растущего интереса к корейской культуре в мире понимание специфики гендерных отношений в Южной Корее остается недостаточным. Анализируя вестернизацию женского образа в Южной Корее, нельзя обойти вниманием женскую литературу. С конца 1980-х гг. она стала не просто отражением социальных перемен, но и мощным средством критики существующего гендерного неравенства.

Вопрос о том, как в корейской литературе представлены женщины и гендерные отношения, уже изучался исследователями. Л.Н. Яковлева и М.В. Солдатова показали, что еще в колониальный период писательницы расширяли тематику литературы, что важно для понимания более поздних форм сопротивления[1].

[1] *Яковлева Л.Н., Солдатова М.В.* Вклад женщин-писательниц в расширение тематики корейской литературы в колониальный период // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 4(846). С. 213–224.

Фундаментальное значение имеют исследования С.Ю. Ли. В одной из своих статей исследователь анализирует восприятие феминизма и женской прозы в южнокорейской литературной критике 1990–2000-х гг.[2] Автор показывает, что термин «женская литература» закреплен за произведениями, поднимающими «женский вопрос» и отражающими специфически женский взгляд на мир.

В другой своей работе, рассматривающей эволюцию образа матери в корейской литературе, С.Ю. Ли выделяет несколько этапов трансформации: от архетипической жертвенной матери, хранительницы домашнего очага, до более сложных и амбивалентных фигур в современной литературе[3]. Исследователь указывает на то, как писательницы конца 1990–2000-х гг. начинают проблематизировать материнство, показывая его травматические стороны: подавление личности, эмоциональное выгорание, давление родственников.

Говоря в общем и целом о трансформации женского образа в южнокорейской литературе, С.Ю. Ли прослеживает, как менялась репрезентация женского образа на рубеже XX–XXI вв.: от пассивных героинь, принимающих патриархальный уклад (молчаливые жены, заботливые дочери), к персонажам, которые начинают рефлексировать о своем положении и предпринимать попытки сопротивления[4].

Среди новейших зарубежных исследований, непосредственно затрагивающих проблематику гендерного неравенства в современной корейской прозе, выделяется статья, посвященная роману Хан Ган «Вегетарианка»[5]. Исследователи анализируют роман писательницы сквозь призму телесных практик и дисциплинарных механизмов, показывая, как главная героиня через отказ от пищи и трансформацию собственного тела бросает вызов патриархальным нормам корейского общества. Исследователи приходят к выводу, что телесное сопротивление в романе становится не просто формой личного бунта, но и метафорой более широкого социального протеста против системного насилия над женщиной.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии накоплен значительный материал по отдельным аспектам гендерной проблематики в корейской литературе.

---

[2] *Ли С.Ю.* Феминизм и корейская женская проза в зеркале литературной критики // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2007. № 2. С. 160–166.

[3] *Ли С.Ю.* Образ матери в корейской литературе. Традиции и современность (Обзор). [Электронный ресурс]. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/214662942.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

[4] *Ли С.Ю.* Трансформация образа женщины в южнокорейской литературе (конец 1990-х–2000-е гг.). [Электронный ресурс]. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/225013652?ysclid=mndet8n0376869000 (дата обращения: 10.04.2026).

[5] *Zhixing N., Hardev K.* Transcending Constraints: Female Bodily Discipline and Resistance in Han Kang's The Vegetarian // Asiatic. 2025. Vol. 19, № 19. P. 48–63.

Источниковую базу статьи составили произведения современных южнокорейских писательниц, репрезентирующие разные аспекты гендерного неравенства. Роман Хан Ган «Вегетаринка» анализируется как текст о телесном бунте против патриархального насилия[6]. Произведение Син Гёнсук «Прошу, найди маму» позволяет исследовать гендерные роли в контексте материнства и самопожертвования[7]. Ключевое место занимают романы Чо Намджу: «Госпожа Ким Чжи Ён, рожденная в 1982 году» дает развернутую картину системной дискриминации в семье и на работе[8]. Сборник той же писательницы «Miss Kim Knows» дополняет анализ современными формами[9]. Выбор именно этих произведений обусловлен их репрезентативностью: разные поколения писательниц и разные аспекты гендерного неравенства – от трудовой дискриминации до телесного насилия.

Прежде необходимо сказать о том, что предшествовало данному этапу в литературном творчестве женщин. Первые женские тексты появляются в 1910–1920-е гг. в контексте модернизации и знакомства с западными феминистскими идеями, однако доминирующий дискурс национального освобождения часто вытеснял гендерную проблематику. Ким, Мёнсун, На Хесок и Ким Вонджу стали одними из первых, кто положил начало развитию женской прозы, артикулирующей конфликт между традиционными ожиданиями и стремлением к самореализации. Так, например, На Хесок в своих эссе и художественных текстах проблематизировала институт брака как форму социального контроля женской сексуальности и творческого потенциала, что вызвало скандал и привело к ее социальной изоляции[10]. Однако их произведения, шокировавшие консервативное корейское общество, как мужскую, так и женскую часть, долгое время оставались маргинальными.

В послевоенной Корее женская литература развивалась в русле «домашней прозы», сосредоточенной на семейных отношениях и быте, что соответствовало патриархальной политике режима Пак Чон Хи. В 1960-е гг. корейская проза, написанная женщинами, еще не получила ярлыка «феминистская», хотя ее содержание было наполнено критикой правового неравенства, низкого положения женщины в семье и обществе, а также несправедливых законов, ущемляющих ее права[11]. К 1970-м гг. женская литература уже активно продвигала феминистские идеи, направленные

---

[6] *Хан Г.* Вегетарианка. М., 2025.
[7] *Син Г.* Прошу, найди маму. М., 2021.
[8] *Тэ Н.Д.* Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году. М., 2021.
[9] *Cho N.J.* Miss Kim Knows: And Other Stories. Minumsa Publishing Co., Ltd., in association with The Grayhawk Agency Ltd., through Georgina Capel Associates Ltd. 2023. [Electronic resource]. URL: https://library.ltikorea.or.kr/translatedbooks/410023?currentLanguageCd=CO-LAN-ENG (accessed: 10.04.2026).
[10] *Яковлева Л.Н., Солдатова М.В.* Указ. соч. С. 219.
[11] *Ли С.Ю.* Феминизм и корейская женская проза… [Электронный ресурс].

против мужского доминирования, что свидетельствовало о значительном росте самосознания кореянок.

Здесь необходимо упомянуть творчество таких писательниц, как Пак Кённи и Пак Вонсо. Обе писательницы обращались к образу матери, а соответственно поднимали проблемы, касающиеся материнства и положения женщин в семье. В рассказах Пак Вансо, написанных в 1970–1980-е гг., когда в стране происходили большие экономические и политические преобразования, показано, как вместе с новыми веяниями меняется и поведение женщины. В большинстве своем героини (жены и матери) по традиции заботятся о благополучии близких, но стремление жить все лучше и лучше приводит к тому, что некоторые женщины забывают о своем месте в семье и обществе[12].

Когда в середине 1980-х гг. в корейском обществе наметились демократические изменения, в литературе появились писательницы, определившие дальнейший путь ее развития – обращение к внутреннему миру[13]. Современная южнокорейская женская проза демонстрирует смещение фокуса с масштабных исторических травм на микроуровень повседневных дискриминационных практик, выявляя структурный характер гендерного неравенства в обыденной жизни.

Наиболее значимым произведением, репрезентирующим проблему гендерного неравенства, стал роман Чо Нам Джу (Те Нэм Джу) «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году». Эта работа была встречена с колоссальным успехом: за два года было продано более миллиона экземпляров книги[14]. Популярность данного романа объясняется тем, что жизнь главной героини во многом схожа с жизнью среднестатистической кореянки, так что многие читательницы узнавали себя. И вправду Ким Чжи Ён – одно из самых распространенных корейских имен для целого поколения, которое представляли женщины за тридцать лет. Главная героиня на каждом этапе своей жизни сталкивается с различными проявлениями гендерной дискриминации, глубоко укоренившейся в корейском обществе. Книга вызвала обширные дискуссии в обществе, расколов его пополам: женская аудитория поддержала автора, указывая на то, что «это история не одной отдельной женщины, она содержит боль всего нашего общества», другая же часть, преимущественно мужская, обвиняла автора в «паранойе» и односторонности отражения реальности[15].

Еще одним значимым произведением Чо Нам Джу является недавно вышедший сборник под названием «Miss Kim know», повествующий истории восьми женщин разных возрастов[16]. Все эти рассказы объединяют проблемы, с которыми сталкиваются героини: дискриминация на рабочем

[12] *Ли С.Ю.* Образ матери в корейской литературе… [Электронный ресурс].
[13] *Ли С.Ю.* Трансформация образа женщины… [Электронный ресурс].
[14] *Яковлева Л.Н., Солдатова М.В.* Указ. соч. С. 193.
[15] Там же. С. 204–205.
[16] *Cho N.J.* Op. cit. [Electronic resource].

месте, в семье, мизогиния в обществе. Отличительной чертой от предыдущей работы является следующее: здесь главные героини, каждая из которых является Мисс Ким, воплощают в себе каждую южнокореянку.

Другой важной работой женского литературного творчества считается книга Син Гёнсук «Прошу, найди маму». Этот роман получил широкое признание и был переведен на английский язык. Работа повествует об эгоистичной семье Пак Сонё – потерявшейся женщины в метро Сеула и не появившейся вновь. Образ главной героини выражает трудности материнства южнокорейских женщин, а именно невидимости и неоцененности их труда. Представленный в романе образ матери можно считать обновленным для корейской литературы, поскольку традиционные черты, приписываемые матерям, такие, как верность, самопожертвование, терпение, дополняют желание любить и быть любимой[17].

Особое признание заслужила работа южнокорейской писательницы Хан Ган – «Вегетарианка», в которой тело главной героини, Ёнхе, становится центральным мотивом. Отказ героини от мяса и последующее неприятие общественных норм кажется актом безумия. Однако более внимательное рассмотрение показывает, что ее тело уже долгое время подвергается как физическому, так и психологическому насилию. Она молчит, отказывается выполнять требования мужа и не осмеливается выражать свое недовольство. Мужские персонажи, такие как отец, муж и шурин, представляют патриархальные структуры, формирующие ее тело и идентичность[18].

Итак, одной из центральных проблем, репрезентируемых в женской прозе, является дискриминация, начинающаяся с момента рождения. В том же романе Чо Нам Джу показано, как в корейском обществе существует установка «надо рожать сыновей»[19]. Эта установка влечет за собой целую цепочку последствий: образованию девочек уделяют меньше внимания, от них меньше ожидают, их достижения систематически обесцениваются по сравнению с достижениями братьев[20]. Женщина, таким образом, с самого начала оказывается во второстепенной позиции, не являясь равным членом семьи и общества.

Второй ключевой проблемой выступает репрезентация виктимизации жертв домогательств. Женская литература последовательно демонстрирует механизм перекладывания ответственности с агрессора на жертву. В романе «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» героиня, после того как ее по пути домой преследовал ученик, слышит от отца не слова поддержки, а порицания в свой адрес: «Твоя задача – избегать опасных мест, времени суток и людей. Если ты чего не заметила и не

[17] *Ли С.Ю.* Образ матери в корейской литературе… [Электронный ресурс].
[18] *Zhixing N., Hardev K.* Op. cit. P. 50.
[19] *Тэ Н.Д.* Указ. соч. С. 27.
[20] Там же. С. 25.

убежала, значит, ты сама виновата»[21]. Ким Чжи Ён также вспоминает о школьных учителях, которые могли «протянуть руку и ущипнуть за мягкое плечико, похлопать ученицу по попе или провести рукой по спине вдоль застежки лифчика»[22]. Уязвленное положение женщина занимает и в браке, что видно на примере главной героини романа Хан Ган: она подвергается словесному, физическому и сексуальному насилию со стороны мужа[23]. В этом контексте страдания Ён Хе воплощают общественное насилие, лежащее в основе гендерного контроля над женскими телами[24].

Особого внимания заслуживает репрезентация отношения к женскому телу и женскому здоровью. В романе Чо Нам Джу вскрывается системное пренебрежение, которое проявляется даже на уровне медицинской науки: «В мире, где умеют лечить рак и делать пересадку сердца, не существует ни одной нормальной таблетки от боли во время месячных. <…> Мир хочет, чтобы наша матка не знала лекарств. Как священное место посреди девственного леса»[25]. Данная метафора ярко демонстрирует глубокое противоречие: вместо того чтобы воспринимать женское тело как объект, требующий заботы и медицинского вмешательства, оно зачастую становится предметом регулирования и ограничений. Систематическое пренебрежение женской боли обусловлено тем, что она не соответствует доминирующим ценностям патриархального общества.

В романе Хан Ган «Вегетарианка» эта проблема получает еще более радикальное выражение. Героиня Ёнхе, отказавшись от мяса, бросает вызов не только пищевым привычкам, но и самому патриархальному порядку, который требует от женщин контроля над собственным телом – но контроля в интересах семьи и общества, а не самой женщины. Ее муж размышляет о ней, как об условной фигуре, выполняющей свои функции: «оправдав мои ожидания, она без всякой суеты выполняла обязанности заурядной жены»[26].

Наиболее остро проблема гендерного неравенства репрезентируется в сфере брака, материнства и домашнего труда. Женская проза показывает, как замужество и рождение детей, декларируемые как естественное предназначение женщины, на практике оборачиваются утратой профессиональной идентичности, экономической зависимостью и невидимым, неоплачиваемым трудом. Женские профессиональные стремления зачастую обрываются сразу с наступлением беременности или после рождения ребенка. Женщины вынуждены жертвовать своей карьерой и амбициями: «на кону стоят мои молодость, здоровье, работа,

[21] *Тэ Н.Д.* Указ. соч. С. 70.
[22] Там же. С. 66.
[23] *Хан Г.* Указ. соч. С. 55–56.
[24] *Zhixing N., Hardev K.* Op. cit. P. 52.
[25] *Тэ Н.Д.* Указ. соч. С. 64–65.
[26] *Хан Г.* Указ. соч. С. 9.

коллеги, связи, карьерные планы и будущее»[27]. Будучи в декрете, героиня Чо Нам Джу сталкивается с тем, что ее «неоплачиваемый труд» остается незамеченным: «В каждой области случились технологические прорывы, направленные на то, чтобы уменьшить количество физического труда, но люди почему-то неохотно хотят признать, что все то же самое справедливо для домашней работы», «…никто не пытается определить ее денежное значение»[28]. Роман Син Гёнсук углубляет эту проблему, показывая невидимость женщины как личности. Писательница задает ключевой вопрос: «Ты никогда не разделяла понятия “мама” и “кухня”. Мама – это и есть кухня, а кухня – это мама. Ты никогда не задумывалась, нравилось ли маме готовить»[29]. Роман обнажает системное невидение женщины за ее функциями, которые заключались в служении мужу и детям: «Но почему мы всегда относились к маме так, будто она с самого начала родилась нашей мамой? У нее не было возможности делать то, о чем она мечтала…»[30]. Даже собственным супругом женщина в первую очередь воспринималась как «мать детей», а не жена[31]. Отказ от собственных желаний и стремлений в пользу традиционной модели поведения приводит женщин к обезличиванию и потери собственной идентичности.

В сборнике «Miss Kim knows» в рассказе «Ночь Авроры» («Night of Aurora») героиня Хёгён после многих лет изнурительного служения семье с нетерпением ждет выхода на пенсию, но осознает, что, «как и многие корейские бабушки, она будет обязана посвятить себя заботе о внуке, а ее собственные желания будут бесконечно откладываться»[32]. В этом рассказе героиня решается на радикальный поступок: она отправляется в Канаду, чтобы увидеть северное сияние – свою давнюю мечту, несмотря на возражения дочери.

Особую остроту эта проблема приобретает в контексте вестернизации. Транслируемые западной массовой культурой образы женщин-карьеристок, успешных профессионалок, свободных в своем выборе, вступают в резкое противоречие с повседневной реальностью южнокорейских женщин. Это противоречие становится источником дополнительного страдания: женщина видит альтернативные модели существования, но не имеет доступа к ним из-за структурных ограничений. Литература репрезентирует не просто дискриминацию как таковую, а специфическую форму двойного угнетения – когда знание о возможной свободе только подчеркивает несвободу актуального положения.

Наконец, женская южнокорейская литература репрезентирует проблему повседневного, почти незаметного насилия – отсутствия заботы,

---

[27] *Тэ Н.Д.* Указ. соч. С. 146.
[28] Там же. С. 161.
[29] *Син Г.* Указ. соч. С. 68.
[30] Там же. С. 263.
[31] Там же. С. 149.
[32] *Cho N.J.* Op. cit.

которое воспринимается как норма. В романе «Пожалуйста, найди маму» муж потерявшейся героини, оглядываясь назад, признает: «Ты привык, что больным всегда был только ты, а жена должна была ухаживать за тобой. Когда она говорила, что у нее болит живот, ты говорил, что у тебя болит спина»[33]. Данное высказывание вскрывает дисбаланс в распределении обязанностей по уходу, который является неотъемлемой частью семейной структуры. Оно указывает на то, что на женщину возлагается ответственность за заботу, в то время как ее собственная потребность в ответной заботе игнорируется или не признается.

Стоит отметить, что отличительной чертой многих романов считается безмолвность женщин, их молчание. Главные героини не имеют собственного голоса, но по разным причинам. Так героиня романа Син Генсук «Прощу, найди маму» существовала в системе, где ее желания не имели значения. Она обретает голос только после своего исчезновения, рассказывая о своей молодости, своих мечтах, своей любви к мужчине, за которого она так и не вышла замуж. Героиня же романа Хан Ган «Вегетарианка» отказывается говорить на языке, существующем в рамках патриархальной системы, где женская речь всегда уже подчинена. Роман разделен на три части, но ни в одной из них повествование не ведется от лица главной героини. Ее голос подавлен, ее личность – лишь интерпретация других. Героиня романа Чо Нам Джу, Ким Чжи Ён, также представлена нам глазами другого – ее психотерапевта, который рассказывал историю ее болезни[34].

Таким образом, женская проза обличает гендерное неравенство в Южной Корее. Писательницы указывают на то, что оно не является пережитком прошлого, а постоянно воспроизводится в семье, образовательной среде, на работе. Но в настоящее время литература становится пространством, где системная дискриминация получает имя и облик – и тем самым перестает быть невидимой нормой. Женская литература выполняет критически важную функцию: она предоставляет женщинам пространство для самовыражения и обличения своего опыта. В условиях сохраняющегося патриархата, где этнокультурные традиции зачастую доминируют над принципами гендерного равенства в современном обществе, эта литература становится инструментом для придания видимости женским голосам и перспективам.

[33] *Син Г.* Указ. соч. С. 172.
[34] *Тэ Н.Д.* Указ. соч. С. 182.

Список литературы

Ли С.Ю. Образ матери в корейской литературе. Традиции и современность (Обзор). [Электронный ресурс]. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/214662942.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

Ли С.Ю. Трансформация образа женщины в южнокорейской литературе (конец 1990-х–2000-е гг.). [Электронный ресурс]. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/225013652?ysclid=mndet8n0376869000 (дата обращения: 10.04.2026).

Ли С.Ю. Феминизм и корейская женская проза в зеркале литературной критики // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2007. № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3Tf2AM (дата обращения: 10.04.2026).

Яковлева Л.Н., Солдатова М.В. Вклад женщин-писательниц в расширение тематики корейской литературы в колониальный период // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 4(846). С. 213–224.

Zhixing N., Hardev K. Transcending Constraints: Female Bodily Discipline and Resistance in Han Kang's The Vegetarian // Asiatic. 2025. Vol. 19, № 19. P. 48–63.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

КОНЦЕПЦИЯ «ОСВОБОЖДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ» КАСИМА АМИНА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЕГИПЕТСКОГО ФЕМИНИЗМА

П.В. Лозинская
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.И. Лисицына,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена концепции «освобождения женщины», разработанной египетским юристом Касимом Амином в 1899 г. и отраженной в его основных трудах – «Освобождение женщины» и «Новая женщина». Анализируются ключевые идеи автора, включая необходимость женского образования, снятия вуали и трансформации социальных практик. Особое внимание уделяется критике концепции Касима Амина как со стороны традиционалистов, так и со стороны египетских феминисток. Показано, что, несмотря на критические оценки, концепция Касима Амина оказала существенное влияние на развитие как египетского, так и исламского феминизма на Ближнем Востоке. Концепция «освобождения женщины» стала важным этапом в формировании феминисткой мысли и способствовала переходу от теоретического осмысления «женского вопроса» на Ближнем Востоке к практическому движению, представленному деятельностью первой египетской феминистки Худы Шаарави.

Ключевые слова: *Египет, феминизм, египетский феминизм, исламский феминизм, конец XIX в., женские движения, Касим Амин, ислам, Ближний Восток, египетские женщины*.

В конце XIX – начале XX в. в Египте начинается процесс переосмысления социальной структуры общества, возникший под воздействием модернизации и усиленных контактов с Европой. Особое место в этом процессе начинает занимать так называемый «женский вопрос», ставший важной частью интеллектуальной и общественной дискуссии. В этом контексте концепция «освобождения женщины», предложенная египетским юристом и мыслителем Касимом Амином, рассматривается как один из ключевых факторов становления египетского феминизма. Цель данной статьи – выявить роль концепции «освобождения женщины» Касима Амина как фактора становления египетского феминизма.

Формирование египетского феминизма в конце XIX – начале XX в. происходило в условиях переосмысления положения женщин в египетском обществе. Затрагивая сложную природу термина «египетский феминизм», исследователь исламского феминизма Марго Бадран отмечает, что его не

следует понимать как прямое заимствование западной модели[1]. Египетский феминизм представляет собой самостоятельное движение, сформированное в локальном историческом контексте, взаимодействующее с исламской традицией и национализмом, а также критикующее как патриархальные, так и колониальные структуры.

Важно отметить, что уже в начале XIX в. Египет получает фактическую независимость от Османской империи, что создает благоприятные условия для проведения программы модернизации Мухаммада Али. Реформаторская деятельность Мухаммада Али была направлена на создание экономической, военной, политической и научной сферы по европейскому образцу. Особое внимание уделялось развитию просвещения, поощрениям достижений науки и техники[2]. Были созданы первые светские школы (начальное и среднее образование), начался перевод на арабский язык европейских учебников, появилась египетская периодика, а египетские студенты имели возможность получать образование в Европе. Обучаясь в Европе, они наблюдали за европейскими традициями и познавали европейскую интеллектуальную мысль, что в будущем сыграет важную роль в дискуссии о правах и положении женщин в египетском обществе.

Совокупность вышеперечисленных факторов заставляет некоторых египетских интеллектуалов задуматься над вопросом: может ли общество модернизироваться без изменения положения женщины? Важно отметить, что в Египте вопрос об изменении положения женщин вплоть до объявления независимости был «делом мужчин»[3]. Египетские мужчины, получив образование в Европе, стали задумываться над влиянием традиций на женскую сегрегацию. Примечательно не то, что мужчины начали осознавать проблему неравного положения женщины, а то, что именно «родоначальником» египетского феминизма стал мужчина, а именно Касим Амин – юрист, получивший французское образование и сформировавший интеллектуальную основу феминистского движения в регионе. Касим Амин родился в 1863 г., его отец, Мухаммад Амин, был администратором Курдистана. После борьбы курдов за независимость против османов Мухаммаду Амину было предоставлено феодальное имение в Египте[4]. Касим Амин получил лучшее образование, доступное в Египте того времени. Он учился в начальной школе в Александрии и подготовительной школе в Каире, а затем поступил в школу права и управления. В 1881 г. Касим Амин был направлен в образовательную миссию в Монпелье, после 4 лет обучения во Франции он возвращается на родину. Выросший в Египте и переживший как османское господство, так

[1] *Badran M.* Feminists, Islam and Gender. Prinston, 1995. P. 23.
[2] Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века. М., 2003. С. 137.
[3] *Забара В.В.* Права женщин в мусульманских странах: законы и реальность // Colloquium-journal. 2018. № 11. С. 34.
[4] *Qasim A.* The Liberation of Women and The New Woman. Cairo, 1992. P. 11.

и западный колониализм, Амин, как и многие египетские интеллектуалы своего времени, становится частью националистического движения. Своеобразное исследование Касима Амина, заключающееся в общении с египтянами, и зарождающиеся националистические движения привели его к выводу, что одним из главнейших признаков отсталости египетского общества является статус женщины.

Исходя из предпосылки, что освобождение женщины является главным инструментом для освобождения египетского общества от его подчиненного положения, Касим Амин в 1899 г. написал книгу «Освобождение женщины»[5]. В этой работе представлена попытка осмыслить положение египетских женщин с позиции модернизации. Касим Амин утверждает, что статус женщины является идентификатором развития общества. Статус женщины приравнивается к статусу нации: в неразвитых и нецивилизованных обществах к женщинам относятся как к вещи, а ее судьба находится в руках главы семьи[6]. Подобная идея связи положения общества со статусом женщины присутствует в работе «О подчинении женщины», написанной британским философом Джоном Стюартом Миллем за 30 лет до публикации работы Касима Амина. Аргументация «освобождения женщины» Касима Амина очень схожа с работой Д.С. Милля; самое главное сходство – подчиненное положение женщины не естественная, а социально навязанная конструкция. Общественное мнение, зависящее от эмоциональной убежденности общественности, приводящей к «легализации» подчинения одного пола другому. Однако если Д.С. Милль аккуратно заявляет о связи статуса женщины с развитием общества, фокусируясь на необходимости индивидуальных прав для женщин, то Касим Амин настаивает на том, что «освобождение» женщины является лишь инструментом, необходимым для модернизации общества.

Среди основных положений его концепции можно выделить несколько ключевых направлений: необходимость женского образования, реформирование брачно-семейных отношений, критика практики «затворничества», а также идея того, что прогресс нации невозможен без участия женщин.

Необходимость доступного женского образование – одно из главных требований Касима Амина. Женщина не сможет полностью реализоваться в ведении домашнего хозяйства, если не получит определенного уровня интеллектуальных и культурных знаний[7]. Для женщины важно уметь читать, писать, анализировать научные данные, знать историю стран, а также обладать знаниями в области естественных наук. Все это ей поможет в составлении бюджета, доходов и расходов семьи, а также в воспитании достойных детей. В конечном счете, эти знания позволят принимать ей

[5] *Qasim A.* Op. cit. P. 11.
[6] Ibid. P. 6.
[7] Ibid. P. 13.

«здравые идеи и отбрасывать суеверия и мифа, которые разрушают умы всех женщин»[8]. Женщина может быть лишена своих постоянных прав в результате подделок, мошенничества или растраты, совершенных ее мужем, родственником или доверенным лицом. По мнению Касима Амина, женщина без образования не может выполнять свою роль в семье и обществе достойно. Более того, Амин называет необразованных женщин «обузой», живущей за счет других. Но важно отметить, что пассивная роль в обществе и семье – вина не женщин, а мужчин, которые опираются на традиции, по сути, противоречащие идеям Корана.

Затрагивая сферу брачно-семейных отношений, Амин настаивает, что у человека образованного всегда есть «идеи, которые он лелеет, идеология, которая его занимает, общество, которому он служит, и страна, которую он уважает[9]». В семье такой образованный человек хочет, чтобы его выслушали и поняли, и здесь Касим Амин видит главный «конфликт» между образованным мужем и необразованной женой. Отсутствие образования у жены приводит к отсутствию интересов, что является главным деструктивным фактором, ведущим к недопониманию супругов. Представления необразованной женщины о браке очень поверхностны и основаны на ожидании, что супруг будет ее «развлекать» и покупать ей дорогие подарки. Подобные ожидания основаны на детских представлениях о роли мужа и фантазиях, которые женщина развивает в те годы, когда «играла с образами взрослых»[10]. Подобная ситуация может привести к тому, что мужчина начнет презирать свою необразованную жену, а та, в свою очередь, – начнет ненавидеть его в ответ.

Рассматривая функции женщины как хозяйки и матери в семье, Амин утверждает, что управление современным домашним хозяйством требует от женщины множества навыков: от составления бюджета до нравственного и интеллектуального воспитания детей. Воспитание детей занимает важное место в концепции Касима Амина. Опираясь на Коран, Амин утверждает, что дети наследуют как качества отца, так и качества матери, эти черты характера могут быть и положительными, и отрицательными. Хорошее воспитание от образованной женщины ослабляет негативный потенциал, который мог достаться ребенку от его предков. Необразованная женщина в этом случае не сможет достойно воспитать ребенка, а ее тщеславное отношение к жизни будет развивать в ребенке негативный потенциал. Тема воспитания ребенка сводится к одной задаче: приучить ребенка к добродетели и наделить его «хорошими» качествами. Такое воспитание ложится на плечи женщин в семье, т. к. ребенок до достижения возраста самостоятельности проводит время в окружении женщин. В этом случае образование женщинам необходимо, ведь без него женщина не воспитает достойного и честного гражданина. К

[8] *Qasim A.* Op. cit. P. 5.
[9] Ibid. P. 17.
[10] Ibidem.

главным достоинствам Касим Амин относил нравственность и добродетель, благодаря которым у ребенка формируется ответственность и чувство морали; способности к мышлению, выражаемые в стремлении ребенка к знаниям; гражданское сознание, проявляемое в патриотизме и чувстве долга ребенка как будущего гражданина перед обществом; и заботу о собственном здоровье, т. к. образованная мать может использовать свои знания в заботе о физическом развитии и здоровье детей.

Тема затворничества женщин и практика ношения вуали также является одним из центральных элементов концепции «освобождения женщины». Широко практикуемая на Ближнем Востоке женская домашняя изоляция преобладала в городских высших, средних классах, частично среди местной сельской знати. Сегрегация женщин в частичной или полной форме соблюдалась всеми социальными слоями. Это могло быть как затворничество, связанное с нахождением в определенном «женском» месте дома, так и ношение вуали, закрывающей лицо от посторонних мужчин. Парадокс «невидимости» женщин на Ближнем Востоке заключался в том, что их затворничество не было предписано исламом, но навязывалось им мужчинами во имя религии. Причем в Египте домашнее затворничество и ношение вуали практиковалось не только среди мусульман, но и среди христиан и евреев. Подобные ограничения были связаны с тем, что лицо женщины может вызвать у мужчины греховные желания. Повышенная женская сексуальность воспринималась обществом как угроза «фитны» (искушение, испытание) и хаоса, поэтому простое нахождение женщины рядом с мужчиной, по мнению общественности, могло привести к неприемлемым отношениям. Важно понимать, что «чистота» женщины была напрямую связана с честью мужчин и семьи, к которой она принадлежит, в то время как мужская «чистота» не была связана ни с их собственной честью, ни с честью семьи, к которой они принадлежат[11]. Касим Амин воспринимал затворничество женщин как социальный институт, тормозящий развитие общества. По его мнению, изоляция женщин лишает общество половины его интеллектуального и морального потенциала. Опираясь на Коран как главный источник религии, Амин утверждал, что затворничество женщины не имеет основы ни в религии, ни в разуме, а является лишь обычаем, унаследованным от «эпох упадка»[12]. Более того, он утверждал, что ранний ислам допускал активное участие женщин в общественной жизни.

Касаясь вопроса ношения вуали, Амин частично защищает эту традицию и называет ее краеугольным камнем нравственности. Однако он уверенно утверждает, что если бы в шариате были конкретные отрывки, оправдывающие ношение вуали в том виде, в каком оно принято среди

[11] *Badran M.* Op. cit. P. 5.
[12] Ibid. P. 32.

мусульман сегодня, то он не стал бы оспаривать эту тему[13]. Шариат допускает участие женщин в юридических сделках, но ношение вуали, навязанное историческими традициями, приводит к росту мошенничества и обманов. Опираясь на собственную юридическую практику, Амин утверждает: «Нет надежного метода, с помощью которого можно идентифицировать человека в хиджабе»[14]. Изучая аргументы за традицию ношения вуали, Касим Амин приходит к достаточно прогрессивному вопросу: «А почему не мужчины носят вуаль?»[15]. В этом вопросе отражена внутренняя противоречивость традиционных представлений о необходимости вуали и контроля над женщиной. Если утверждение, что мужчина больше подвержен соблазну при виде непокрытой женщины, верно, то нужно признать, что женщины, видящие непокрытое лицо мужчины, обладают более совершенным характером. В случае, если это утверждение неверно, то нет рационального аргумента для необходимости контроля над жизнью женщин ради сохранения безопасности их чести. Если женщина способна сдерживаться при виде красивого мужчины, то и мужчина может сохранять обладание перед непокрытым лицом женщины. Такой подход рационального переосмысления противоречий традиции и религии идет красной нитью через всю работу Касима Амина. Он призывает египетский народ обратиться к постулатам и ценностям ислама и понять, что подчиненное положение женщины не предписано религией.

После выхода работы «Освобождение женщины» общественная реакция была неоднозначной и вызвала дискуссии в прессе и среди религиозных ученых. Египетские улемы (знатоки теоретических и практических сторон ислама) почти сразу же объявили Амина «зиндиком» (неверным). Со стороны духовенства Касим Амин обвинялся в призыве к «фитне» (хаосу), развращении общества и неправильных трактовках Корана и норм шариата. Консервативные круги обвиняли его в поддержке колониальной власти, даже ходили слухи, что «Освобождение женщины» было написано по инициативе Лорда Кромера – генерального консула Великобритании в Египте, который активно критиковал ислам[16]. Поддержку идеи Касима Амина нашли среди египетской интеллигенции и городских женщин, для которых работа «Освобождение женщины» долгое время являлась источником вдохновения. Так, основательница феминистского египетского союза Худа Шаарави писала в своих мемуарах, что в молодости была вдохновлена идеями Касима Амина[17]. Более того, в 1922 г. Худа Шаарави, вернувшись с феминисткой конференции в Риме, совершила знаковый для египетских феминисток

[13] *Badran M.* Op. cit. P. 38.
[14] Ibid. P. 42.
[15] Ibid. P. 46.
[16] *Ahmed L.* Women and Gender in Islam. New Haven, 1992. P. 153.
[17] *Shaarawi H.* Harem years. The Memoirs of an Egyptian feminist / Trans. from arab. Badran M. N.Y., 1987. P. 124.

жест. Ее публичное снятие вуали на каирском вокзале ознаменовало начало освобождения египетских женщин от вековых традиций и общественных норм, ограничивающих свободу женщин.

Касим Амин стал первым человеком, который заговорил о проблеме несправедливого положения женщин в египетском обществе. Его работа легитимизировала обсуждение прав женщин в публичном пространстве и сформулировала идеологическую основу феминистского движения. При этом важно подчеркнуть, что египетский феминизм не был простым продолжением идей Амина; такие фигуры, как Худа Шаарави, перерабатывали и переосмысляли его наследие, смещая акцент с мужского реформаторского дискурса к женской субъектности и практической политической активности. В более широком контексте исламского феминизма значение работ Касима Амина заключается в том, что он одним из первых предложил интерпретацию, в которой ислам не противопоставляется правам женщин, а, напротив, может служить их главным основанием. Идея о том, что ислам уравнял права женщин с правами мужчин, и дальше будет развиваться египетскими и исламскими феминистками. Подход Касима Амина к толкованию Корана и пересмотру главных религиозных догм начнет традицию феминистского «иджитихада» (независимого толкования Корана) и исламской феминисткой герменевтики. Подобно Касиму Амину, женщины будут искать поддержку в религиозных текстах и доказывать, что права женщин в исламе закреплены как Кораном, так и шариатом.

Можно сделать вывод, что концепция «освобождения женщины» играет важную роль в формировании и становлении египетского феминистского движения. Касим Амин обосновывал необходимость реформы положения женщин через призму рационализма, образования и переосмысления религиозной традиции, утверждая, что угнетенное положение женщин является не следствием ислама как такового, а результатом исторически сложившихся социальных практик и неправильных интерпретаций.

Список литературы

Забара В.В. Права женщин в мусульманских странах: законы и реальность // Colloquium-journal. 2018. № 11. С. 33–35.

Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века. М.: Издательство МГУ, 2003. 512 с.

Ahmed L. Women and Gender in Islam. New Haven, 1992. 308 p.

Badran M. Feminists, Islam and Gender. UK: Prinston University Press, 1995. 386 p.

Qasim A. The Liberation of Women and The New Woman. Cairo: American University in Cairo Press, 1992. 219 p.

Shaarawi H. Harem years. The Memoirs of an Egyptian feminist / Trans. from arab. Badran M. N.Y.: The Feminist Press at the City University, 1987. 173 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ОБРАЗ УЧЕНЫХ ЖЕНЩИН В ДИСКУРСЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ГУМАНИСТОВ

В.А. Павлова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье анализируется восприятие итальянскими гуманистами образованных женщин знатных сословий. Особое внимание уделяется изучению процесса формирования новых возможностей получения образования женщинами. Ставится проблема адаптации образа ученых женщин в патриархальном обществе эпохи Возрождения через интеллектуальную среду гуманистов. Цель статьи – выявить специфику взаимодействия образованных женщин с гуманистами. В качестве источников использованы произведения Л. Черетты «В защиту свободного образования для женщин» и Б. Кастильоне «Придворный», а также переписка И. Ногаролы и Г. де Вероны.

Ключевые слова: *Италия, эпоха Возрождения, итальянские гуманисты, ученые женщины, интеллектуальная история.*

В эпоху Возрождения, с распространением гуманистических идей, в образованных кругах итальянского общества происходило переосмысление места человека, его значимости, достоинства и благородства. Возникло гуманистическое движение, определившее развитие интеллектуальной мысли в последующие эпохи[1]. Трактаты гуманистов о человеке, восхвалявшие силу разума, в большинстве своем были посвящены мужскому полу. Однако реалии, в которых жили итальянские гуманисты, ставили перед ними вопрос об отношении к женщинам, а в особенности к их интеллектуальным способностям[2]. Это побуждало гуманистов к переосмыслению учения и возможному распространению его на женщин. Повседневные практики женщин высших сословий, претерпевающие в эпоху Возрождения значительные изменения, способствовали повороту и в женском самосознании, и в восприятии их в обществе[3]. Благодаря сохранившимся гуманистическим трактатам становится возможным проследить постепенную трансформацию женского образа в гуманистической среде, которая в

[1] *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV вв. М., 1977. С. 106.
[2] *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 144–145.
[3] *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. М., 2013. С. 67.

будущем повлияла на развитие интеллектуальной мысли в отношении женщин в эпоху Нового времени.

Обращаясь к античной литературе как к авторитетному источнику, гуманисты стремились найти ответы на волнующие их вопросы. Они сталкивались с различными точками зрения по поводу интеллектуальных способностей женского пола[4]. В первую очередь гуманисты обращались к трудам Платона и Аристотеля. Полярность их мнений составила основу для дискурса гуманистов. Два философа кардинально отличались взглядами на «природу» и интеллектуальные способности женского пола[5]. Платон выступал за равенство обоих полов, а Аристотель – за женское несовершенство. Поскольку женский вопрос не был решен в античности, гуманисты приступили к самостоятельному поиску ответа на него.

В среде гуманистов существовало несколько точек зрения на женское образование. Первая заключалась в том, чтобы лишить девочек образования вовсе и оставить возможность получать лишь те знания, что пригодятся им в управлении хозяйством и домом. Вторая разрешала обучение чтению и письму, но круг доступной литературы в основном ограничивался текстами Священного Писания, которые должны были помочь девушкам в воспитании добродетели и преодолении «несовершенства». А третья заключалась в получении женщинами полного гуманитарного образования[6]. Приверженцев последней насчитывалось мало, однако их трактаты в поддержку ученых женщин способствовали развитию идей об их участии в гуманистическом движении.

Стоит отметить, что в эпоху Возрождения для женщин высших сословий стало возможным получение более качественного образования, чем в Средневековье. Во многом дочери знатных семейств обучались для того, чтобы соответствовать среде, в которой они существовали, для поддержания интеллектуальных бесед с мужчинами, что в будущем помогало им обретать достойных мужей[7]. Некоторые из просвещенных людей стремились дать дочерям образование для того, чтобы те могли исправить в себе «несовершенную» натуру, воспитать «мужские качества»[8]. Лишь немногие руководствовались гуманистическими идеями о достоинстве человека и стремились к интеллектуальному равенству мужчин и женщин.

---

[4] *Покровский М.М.* Греческие, римские и новые гуманисты о женщинах и их образовании // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. М., 1913. Вып. 3. С. 10.

[5] Там же. С. 11–12.

[6] *Каюмова М.М.* Воспитание и образование детей в эпоху Возрождения // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 2(30). С. 7 // Киберленинка. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-i-obrazovanie-detey-v-epohu-vozrozhdeniya/viewer (дата обращения: 17.05.2026).

[7] Там же. С. 8.

[8] *Рябова Т.Б.* Женщина в истории… С. 160–165.

В аристократических кругах женщины стали получать светское образование, что было связано с уходящей куртуазной традицией, оставившей после себя обязанность девушек при дворе быть образованными[9]. Данный процесс отражен у Б. Кастильоне в произведении «Придворный»[10]. Высказываясь в положительном ключе об умственных способностях женщин, Кастильоне настаивал на том, что необходимость получения образования для знатных дам заключается в служении потребностям и интересам общества, к которому они принадлежат: «…нужно, чтобы Женщина Дворца, кроме умения понимать качества того, с кем разговаривает, чтобы общаться любезно, имела бы знание о многих вещах. Так она может, разговаривая, выбирать те вещи, которые соответствуют качествам того, с кем разговаривает, и быть осторожной в том, чтобы не говорить порой, не желая, слова, которые его обижают»[11]. Можно заметить, что допускаемое образование для женщин не имело под собой цели достигнуть гуманистической учености.

Женщина все так же оставалась ограниченной в возможности получения образования и реализации своих знаний[12]. Однако роль знатных дам в жизни общества росла. Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, решающую роль играло воспитание, которое давали просвещенные люди своим дочерям[13]. В пример следует привести Лауру Черету, известную гуманистку эпохи Возрождения, повлиявшую на развитие женской мысли в последующие эпохи. Благодаря своему отцу – Сильвестро Черета – она получила блестящее образование. Гуманистка свободно писала на латыни, разбиралась в математике, риторике, астрономии. Но позднее это повлияло на противников Лауры, утверждавших, что трактаты принадлежат ее отцу[14]. Также следует упомянуть еще одну гуманистку Изотту Ногаролу, происходившую из древнего аристократического рода, в котором занятия науками почитались[15]. Изотте удалось получить качественное образование, благодаря которому она овладела искусством переписки, прославившим ее.

---

[9] *Пророкова М.В.* Особенности «спора о женщинах» в итальянском гуманизме XVI века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 78–80.

[10] Там же. С. 81.

[11] *Кастильоне Б.* О придворном / пер. О.Ф. Кудрявцева // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 482.

[12] *Каюмова М.М.* Женская переписка в Италии XVI в. и изменение роли женщины // Филология: научные исследования. 2025. № 7. С. 45–47.

[13] *Рябова Т.Б.* Женщина в истории… С. 169.

[14] *Рябова Т.Б.* Лаура Черета, итальянская гуманистка XV века // Интеллектуальная история в лицах: 7 портретов мыслителей средневековья и Возрождения. Иваново, 1996. С. 76.

[15] *Рябова Т.Б.* Переписка Изотты Ногарола и Гуарино из Вероны // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков: сб. статей и материалов. Иваново, 1995. С. 189.

К тому же многие из знатных дам занимались меценатством, покровительствуя писателям, поэтам, художникам, а также деятелям гуманистического течения, и могли способствовать их продвижению при дворе[16]. Так женщины высших сословий постепенно погружались в идеи гуманизма, проносили их через себя.

На пересмотр отношения к интеллектуальным способностям женщин повлиял интерес к античности, который дал возможность ознакомиться с произведениями авторов, где приводились примеры знаменитых женщин[17]. Так, гуманисты и позже гуманистки вновь обращались к примерам из истории, где женщины играли важную роль, и возвращались к разрешению «спора о женщинах». Также следует подчеркнуть, что на появление все большего количества ученых женщин повлияли примеры жизни некоторых дам, ставших популярными в эпоху Возрождения. Они мотивировали других на проявление своих способностей.

Образованным дамам эпохи Возрождения, стремившимся к полноценному участию в гуманистическом движении, было тяжело отстаивать себя. Однако встречались просвещенные деятели, которые оказывали им значительную поддержку. Среди них следует выделить личность Гуарино де Вероны – знаменитого педагога и гуманиста. Он активно поддерживал женское образование и состоял в переписке с Изоттой Ногаролой. Их сохранившиеся письма отражают атмосферу, которая царила вокруг ученых женщин в эпоху Возрождения, а также отношения некоторых гуманистов к возможному участию этих женщин в гуманистических занятиях[18]. Переписка относится к раннему периоду творчества гуманистки, когда она только начинала свой учебный путь и искала поддержки в гуманистических кругах, поэтому обратилась за помощью к Гуарино де Верона, к мнению которого прислушивались многие из образованных людей того времени. Его публичное одобрение могло поспособствовать преодолению критики, как считала сама Изотта.

Сохранилось два письма Изоты к Гуарино де Вероно 1436 и 1437 гг. В первом гуманистка обращается к Гуарино с восхищением, восхваляя его ум: «Я опасалась, муж выдающийся Гуарино, писать тебе прежде, поскольку считала, что мне, неопытной в литературных занятиях, не подобает писать тебе, главе ораторов. Теперь появился случай к тому, чтобы авторитет твой возобладал у меня над стыдливостью; движимая твоей похвалой, которую я считаю наградой своей добродетели»[19]. Такая манера обращения представляет собой не просто нормы этикета, а отражает приниженное положение ученых женщин, которые были

[16] *Каюмова М.М.* Женская переписка... С. 52–53.
[17] *Рябова Т.Б.* Лаура Черета… С. 77–78.
[18] *Рябова Т.Б.* Переписка Изотты Ногарола… С. 189.
[19] *Ногарола И.* Изотта Ногарола ученейшему мужу Гуарино Веронскому / пер. Т.Б. Рябовой // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков: сб. статей и материалов. Иваново, 1995. С. 193.

вынуждены просить поддержки у ученых мужей. Однако наибольший интерес у исследователей вызывает второе письмо. В нем гуманистка писала намного откровеннее, освещала проблемы, которые ее мучали. Изотта Ногарола рассказывает об оскорблениях в свой адрес за то, что она осмелилась прикоснуться к «мужским занятиям» и написать великому гуманисту: «По городу меня высмеивают, мое сословие надо мной насмехается, нигде нет у меня постоянного пристанища, ослы меня мучают, кусая, быки нападают с рогами»[20]. Изотта подвергалась осуждению как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Из-за этих нападок она становилась неуверенной в своих способностях.

К тому же сама гуманистка, хоть и выступала в защиту женщин, исходила из утверждения о слабости своего пола: «…те злые языки, которые называют меня «столпом дерзости», достойным удаления за дерзость на край земли. Никакого повода, знаю, не давала, но признаю, что согрешила и провинилась»[21]. Можно сделать вывод о негативном отношении в обществе к занятиям женщин наукой как к профессиональной деятельности, а не простому развлечению.

Гуарино де Верона ответил на письмо Изотты, пораженный ее отчаянием. В его тексте содержится отношение гуманиста к проблеме участия женщины в гуманистическом движении, что является ценным источником[22]. Гуарино пишет, что женщина для того, чтобы успешно заниматься науками, должна как бы создать в своей душе мужчину. Он хвалит «мужские качества» Изотты: «Когда твой разум размышляет, кажется, что ты до такой степени мужественна и сильна душой, что ничего не могло случиться, чего бы ты не перенесла»[23]. Но при этом гуманист утверждает, что главное в изучении наук не пол, а добродетельность души. Гуарино пишет, что женская и мужская души могут быть равны. Равенства можно достичь через стремление к знаниям. Исходя из переписки Изотты и Гуарино, можно сделать вывод, что ученым женщинам было сложно переживать нападки общества, однако некоторые из гуманистов поддерживали их деятельность[24]. Несмотря на то, что они акцентировали внимание на различиях мужчин и женщин, некоторые из гуманистов начинают обращаться к своим собеседницам как к равным коллегам, что видно на примере Гуарино де Вероны.

Наибольшее влияние на изменение положения ученых женщин оказало творчество Лауры Череты. Проблема, которая волновала ее больше всего, – возможность участия женщин в гуманистическом движении. Она утверждала, что женщина может и должна быть образована

[20] *Ногарола И.* Указ. соч. С. 194.
[21] Там же. С. 195.
[22] *Рябова Т.Б.* Переписка Изотты Ногарола… С. 191.
[23] *Гуарино В.* Гуарино да Верона ученейшей деве Изотте Ногарола / пер. Т.Б. Рябовой // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков: сб. статей и материалов. Иваново, 1995. С. 197.
[24] *Рябова Т.Б.* Переписка Изотты Ногарола… С. 189–192.

и способна достичь успеха в учении, несмотря на критику и сопротивление. Черета писала, что в получении образования женщинам мешают не только традиции патриархального общества, но и то, что некоторые сами клевещут на свой пол.

В трактате «В защиту свободного образования для женщин» Л. Черета, обращаясь к Бибуло Семпронию, рассуждала уже о самих ученых женщинах. Она соглашается, что ученых женщин меньше, чем мужчин, но причины этому не в меньших способностях женского пола, а в традиции больше обращать внимание на свою внешность и заниматься домом[25]. Лаура призывает женщин быть более смелыми, т. к. знания достигаются не через происхождени или принадлежность к полу, а усилиями самого человека: «…чтобы из него не мог выйти ни один аргумент в пользу мнения о том, что природа предоставляет всем людям одну и ту же свободу – свободу учиться… Следовательно, нашему полу не подарил бы Господь Всемилостивейший даже единственного таланта вследствие какой-либо нашей святости. Природа всем в своей щедрости даровала достаточно, для всех открыла она ворота выбора»[26]. Любая женщина, тянущаяся к знаниям, способна достичь успеха.

Лаура также критически относилась к похвале своих способностей. На комплимент Бибуло Семпрония о ее уникальности она отвечает, что она далеко не одна такая и есть много других выдающихся женщин: «…ты публично заявляешь, что мой дар является исключительным... Ты почему-то уверовал в то, что подобная женщина едва ли у какого народа встречалась. Заблуждаясь и в первом, и во втором случае, ты, Семпроний, намереваешься распространять очевидную, столь далекую от истины ложь»[27]. Лаура не отрицала своих достижений, но не считала себя лучшей. Она стремилась поделиться своими знаниями с другими, что говорит о новом ренессансном мышлении. Лаура постоянно обращалась к самоанализу, совершенствуя свою личность.

В среде гуманистов к ученым женщинам относились осторожно. Те, кто вставал на сторону защиты, все равно подчеркивали уникальность образованных женщин, утверждая, что этого могут достичь только избранные. А способности ученых женщин, которые смогли добиться общественного признания, трактовали как «особенные» и называли таких «чудом природы». И хоть некоторые затрагивали проблему неравномерных возможностей в получении образования у женщин и мужчин, но не пытались решить данную проблему. В связи с преобладанием в итальянском обществе эпохи Возрождения традиционных взглядов на положение женщин принятие их в качестве

---

[25] *Рябова Т.Б.* Лаура Черета... С. 78.

[26] *Черетта Л.* В защиту свободного образования для женщин / пер. с итал. Т.Б. Рябовой // *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. С. 203.

[27] Там же. С. 204.

равных в интеллектуальных дискуссиях происходило медленно. Однако творчество ученых женщин, а также трактаты гуманистов в защиту интеллектуальных способностей женщин заложили основу для дальнейшего развития отстаивания интеллектуального равенства и возможность реализовывать знания в разных условиях для обоих полов в последующие эпохи.

Список литературы

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67.

Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV вв. М.: Высшая школа, 1977. 257 с.

Каюмова М.М. Воспитание и образование детей в эпоху Возрождения // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 2(30). С. 1–8 // Киберленинка. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-i-obrazovanie-detey-v-epohu-vozrozhdeniya/viewer (дата обращения: 17.05.2026).

Каюмова М.М. Женская переписка в Италии XVI в. и изменение роли женщины // Филология: научные исследования. 2025. № 7. С. 48–56.

Покровский М.М. Греческие, римские и новые гуманисты о женщинах и их образовании // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. М.: Задруга, 1913. Вып. 3. С. 7–30.

Пророкова М.В. Особенности «спора о женщинах» в итальянском гуманизме XVI века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 78–86.

Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново: Юнона, 1999. 211 с.

Рябова Т.Б. Лаура Черета, итальянская гуманистка XV века // Интеллектуальная история в лицах: 7 портретов мыслителей средневековья и Возрождения. Иваново: Ивановский государственный университет, 1996. С. 64–78.

Рябова Т.Б. Переписка Изотты Ногарола и Гуарино из Вероны // Традиции образования и воспитания в Европе XI–XVII веков: сб. статей и материалов / Отв. ред. Н.В. Ревякина. Иваново: Ивановский государственный университет, 1995. С. 189–192.

Дата поступления рукописи в редакцию – 17.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ОБРАЗ «ВАРВАРА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ VII–VI ВВ. ДО Н. Э.

М.В. Рогозин
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена восприятию «варваров» и «варварской периферии», отраженному в древнегреческой лирической поэзии. Особое внимание сконцентрировано на проблеме единства эллинских представлений о не-греках. Эта тема в античной традиции представлена в разных вариациях и окончательно оформилась в концепт «варварства» в сочинениях Аристотеля, что ставит вопрос о единообразии этих представлений. Автор приходит к выводу, что характеристики, даваемые не-грекам, неоднородны и не носят сугубо негативных коннотаций.

Ключевые слова: *Древняя Греция, «эллины», «варвары», древнегреческая лирическая поэзия, древнегреческая идентичность, Великая греческая колонизация.*

Для истории Древней Греции VIII-й в. до н. э. ознаменовал начало важного процесса – Великой греческой колонизации, который в значительной степени определил все последующие изменения в жизни древнегреческого социума. В результате этих перемещений и интенсивного взаимодействия с другими обществами значительной трансформации подверглась эллинская картина мира, в рамки которой были вписаны новые территории и другие этнокультурные группы, что, в свою очередь, повлияло на понимание древними греками самих себя и своего места в мире. Новые контакты или их интенсификация привели к складыванию определенных представлений о «других» или же «варварах» с чертами, отличными от эллинских, и через призму которых активно происходил процесс складывания древнегреческой идентичности и ее оппозиции – «варварства». Этот процесс завершился в период греко-персидских войн. Опыт данных контактов нашел свое отражение в древнегреческой лирической поэзии VII–VI вв. до н. э., где уже появляются более достоверные представления о «других».

В историографии исследуемая проблематика анализируется А. Боннаром[1] в контексте истории античной культуры в целом. По-иному данная тема представлена в работах Ф.Ф. Зелинского[2], В.Г. Боруховича[3],

[1] *Боннар А.* Греческая цивилизация: в 3-х т. Ростов н/Д, 1992. Т. 1.
[2] *Зелинский Ф.Ф.* История античной культуры. СПб., 1995.
[3] *Борухович В.Г.* История древнегреческой литературы. Классический период. М., 1962.

С.И. Радцига[4], где древнегреческая лирика разбирается, в первую очередь, со стороны структурных и стилистических особенностей античной литературной традиции. Несмотря на то, что эти исследования не посвящены теме восприятия «варварской периферии», в этих работах даются интерпретации лирической поэзии, в том числе и на интересующую проблематику. Более предметно тема «варваров» в древнегреческой лирической поэзии представлена в исследованиях E. Hall[5], А.Н. Горожановой[6] и А.С. Соловьевой[7], направленных на изучение феномена «варварства» или того, как конкретные социокультурные группы представлены в античной традиции.

Цель статьи – выявить черты образа «варвара» в древнегреческой лирической поэзии VII–VI вв. до н. э. для понимания особенностей эллинского восприятия инокультурного окружения.

В качестве источников были проанализированы лирические сочинения древнегреческих поэтов VII–VI вв. до н. э., а именно Каллина (VII в. до н. э.), Архилоха (689/680–640 гг. до н. э.), Алкмана (2-я пол. VII в. до н. э.), Алкея (625/620–580 гг. до н. э.), Сапфо (610–572/570 гг. до н. э.), Феогнида (570–485 гг. до н. э.), Анакреонта (573–495 гг. до н. э.), Симонида Кеосского (556–468 гг. до н. э.).

Определенная информация, которая может сообщать о представлениях древних греков того периода о «других», обнаруживается уже у эфесского поэта Каллина в его «Призыве к согражданам». В элегии воспеваются качества и деяния, которые должно совершить добродетельному гражданину в условиях постоянной военной угрозы полису, из-за чего проводить свое время в спокойствии и бездействии непозволительно. Важно отметить, что речь идет именно о доблести воина, которую можно проявить в сражении с врагами, и смерть в битве с ними наиболее предпочтительна. В конце поэт называет тех, от кого исходит эта угроза, – «нечестивые киммерийцы» (Каллин. Призыв к согражданам. 1–2 (3)). Данный отрывок можно проинтерпретировать с разных сторон. Во-первых, «варвары» у Каллина ассоциируются с угрозой и прямо называются врагами, что усиливается словами о постоянном противостоянии, в котором добродетельный муж должен проявлять воинские доблести и погибнуть, защищая свой полис. Помимо этого, в «Призыве к согражданам» прямо говорится, что смерть эллина, гражданина полиса, определена мойрами; эта смерть может быть нанесена не-греками. Следовательно, у Каллина инокультурное окружение вписано в судьбу, которую создают высшие сущности, а «другие» как бы

[4] *Радциг С.И.* История древнегреческой литературы. М., 1982.
[5] *Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford, 1989.
[6] *Горожанова А.Н.* Особенности восприятия ликийцев греками (по данным античной традиции VIII–V веков до Н. Э.) // Вестник ННГУ. 2009. № 6–1. С. 239–243.
[7] *Соловьева А.С.* Восприятие греками лидийцев в архаическое и раннеклассическое время // Schole, СХОЛЭ. 2021. № 1. С. 179–190.

оказываются частью древнегреческого «космоса» и существуют по общим с греками закономерностям. Но, несмотря на эту вписанность в контекст греческой мифологии, киммерийцы все же называются нечестивыми. Непонятно, в каком именно смысле проявляется данное качество. Необходимо отметить, что угроза, исходившая от северных грабителей, была более чем реальной. Киммерийцы к моменту написания элегии уже успели разорить Лидийское царство и Ионию[8]. Исходя из этого становится ясно, что этот образ был напрямую связан с вторжением «варварской периферии» в греческий мир, но киммерийцы напрямую «варварами» не называются.

Схожие мотивы «варварской» угрозы обнаруживаются у великого эллинского поэта Архилоха. В 664 г. до н. э. вместе с другими паросцами он отправился колонизировать о. Фасос, что находится у берегов Фракии. Около двадцати лет спустя, вслед за своим отцом, поэт стал защитником нового дома. За всю свою жизнь он побывал во множестве сражений, где приобрел опыт, ставший его вдохновением для написания воинской лирики. При его тяге к свободе и ином взгляде на гражданские добродетели поэт делал все для сограждан на Фасосе и пером, и мечом, в том числе выступал против фракийских племен[9]. Эти взаимодействия нашли свое отражение в лирическом сочинении «Переселение с Пароса. Жизнь на Фасосе», где описывается некая угроза, напрямую не называемая, но, учитывая соседство с «варварской» Фракией, мы можем предположить, кто является частью этой опасности, а именно представители другой этнокультурной группы. Важно, что взаимодействие с ними делает город несчастным, причем уровень страданий, которые переселенцам приносят разные жизненные коллизии, в том числе и соседство с фракийцами, усиливается фразой «Словно скорби всей Эллады в нашем Фасосе сошлись», т. е. типичные для эллинов проблемы были как бы локализованы в конкретных временных и территориальных границах (Архилох. Переселение с Пароса. Жизнь на Фасосе. 24 (20) – 27 (91, 14–15)). Характер этой угрозы четко прослеживается через образ нависающего над Фасосом «камня Тантала». «Танталовы муки» у Гомера были связаны с невозможностью Танталом утолить голод и жажду, «нависший камень» можно проинтерпретировать как бремя или испытания судьбы, выпавшие на долю эллинов, переселившихся на остров. Поэтому решение проблем, одной из которых было столкновение с «варварским миром», – это вопрос выживания. Таким образом, в этом сочинении Архилоха представители инокультурной среды могут выступать в виде «экзистенциальной угрозы» для древних греков.

Несколько иная картина складывается у Архилоха в эподе «Любовь. Необула». Сама поэма направлена на то, чтобы оскорбить отвергнувшую его возлюбленную, к которой когда-то автор питал очень теплые чувства.

[8] *Зелинский Ф.Ф.* Указ. соч. С. 144.
[9] *Боннар А.* Указ. соч. С. 106, 112, 115, 117.

Архилох создает образ гнусной, непристойной распутной женщины, предающейся развратным любовным утехам[10]. Один из таких выпадов описывает сцену орального полового контакта, который поэтом наделяется особой порочностью, а сам процесс сравнивается с тем, как «варвары» употребляют алкогольные напитки: «Как тянет варвар брагу чрез соломинку» (Архилох. Любовь. Необула. 76 (43) – 77 (42)). С одной стороны, показательно использование неких представлений о «других» в контексте описания порицаемой интимной близости, с другой стороны, эта фраза демонстрирует, что моменты повседневности представителей инокультурных обществ кажутся эллину как минимум странными или даже смешными и вызывают соответствующие ассоциации.

Последний этап жизни великого поэта связан с островом Эвбея и активной жизнью наемника, которая принесла ему очередное сражение и смерть в бою[11]. В сочинении «Воин и Поэт» Архилох описывает ситуацию, при которой он также становится наемником – таким же, как карийцы. Ранее по тексту определяется важная составляющая наемнической жизни, а именно перманентное сражение, с окончанием которого наемник теряет свою полезность (Архилох. Воин и поэт. 14 (216)). Если карийцы представлены как наемники, то можно предположить, что и все остальные «варвары» могли быть связаны в представлениях эллинов с воинским ремеслом и наемничеством. Отдельно стоит отметить, что данный фрагмент демонстрирует ситуацию, в которой эллины и «другие» могут оказаться в равном положении, т. е. «варвар», гипотетически, – это еще и тот, кто в определенных обстоятельствах такой же, как выходец из Эллады.

Очень примечательный сюжет обнаруживается в творчестве Алкмана, поэта, жившего во второй половине VII в. до н. э. В дошедшем до нас фрагменте описывается некий человек, который по своему происхождению не относится к Фессалии или Акарнании, жители которых представляются как деревенщины, простаки, дураки, пастухи. А некий кифарист из «высоких Сард», столицы Лидийского царства (Алкман. Из других произведений. 4 (2) – 5 (27)). Этот отрывок можно интерпретировать как слова поэта о своем собственном происхождении. Но в любом случае, эти строки очерчивают интересное допущение, при котором в лирической поэзии представитель инокультурной среды показан благороднее эллина.

Несколько по-иному «варвары» раскрываются в сочинениях лесбосского аристократа Алкея. После изгнания из Митилены поэт был вынужден стать наемником, благодаря чему сумел побывать во Фракии, Египте, Лидийском царстве, Вавилоне и во многих других местах[12]. Этот опыт взаимодействия с «варварской периферией» явно прослеживается в

[10] *Боннар А.* Указ. соч. С. 104–106.
[11] *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 75.
[12] Там же. С. 86.

его творчестве. В поэме «Гетерия Алкея терпит поражение» присутствует описание того, как лидийцы нанимают за деньги команду Алкея на некую авантюру, которая становится поводом снова выйти в море после пережитого шторма (Алкей. Гетерия Алкея терпит поражение. 38 (69)). В другом сочинении, адресованном брату Алкея, описывается, как тот после службы наемником в Вавилоне привозит в Элладу искусно сделанный меч из слоновой кости, вкованный в золото, что показывает параллель между варварами и особым ремесленным мастерством и связь с роскошью. Примечателен и сюжет, в котором главный герой смог победить особенно сильного бойца из вавилонян, затем помог с необозначенной проблемой, за что и получил искусно сделанный меч (Его же. Брату. 60–64). В этих отрывках считывается, с одной стороны, декларирование воинского превосходства эллинов, а с другой – возможность сотрудничества с представителями инокультурного окружения в положительном ключе.

Немаловажно в контексте данного исследования творчество античной поэтессы Сапфо. Ее активная деятельность пришлась на первую половину VI в. до н. э. и связана не только с поэзией. На Лесбосе поэтесса основала учреждение, которое можно считать «школой для девочек». В них воспитывали тягу к искусству и готовили к будущей взрослой жизни. Последовательницами Сапфо могли быть не только соотечественницы, но и девушки из соседних стран[13]. Исходя из этого, а также территориального расположения о. Лесбос, поэтесса должна была вступать в контакт с «варварами». В ее лирической поэме «Фиас, подруги, соперницы» есть отрывок, в котором описывается сцена прощания с подругой, которая вышла замуж и вынужденно переселилась в столицу Лидийского царства – Сарды, где живет среди местных женщин (Сапфо. Фиас, подруги, соперницы. 28 (94), 10–20 – 29 (96)). Поэтесса описывает тоску Аригноты по Аттиде и Сапфо, ее сиянию, созвучному лунному, рисует образ, что приносит ей, Сапфо, тоску или же самостоятельно является ей в виде чистого видения покинувшей ее подруги[14]. С одной стороны, этот фрагмент демонстрирует возможность эллина оказаться и проживать в «варварском» городе; с другой – часть про «сияние Аригноты среди лидийских жен» можно прочесть как указание на особую красоту греческой женщины. Правда, этот фрагмент может быть связан исключительно с личными чувствами поэтессы и никак не соотносится с качествами представительниц инокультурной среды. В этом же отрывке можно усмотреть, наоборот, указание на красоту «лидийских жен»[15]. В поэме встречается описание ремесленного мастерства лидийцев, их приверженности к роскоши: «а ногу Пестрый сапожок обувал, лидийской Тонкой работы» (Там же. 47 (39)). Эти качества «варвара» уже наблюдались в стихах Алкея.

[13] *Радциг С.И.* Указ. соч. С. 143.
[14] *Боннар А.* Указ. соч. С. 131–132; *Радциг С.И.* Указ. соч. С. 140.
[15] *Соловьева А.С.* Указ. соч. С. 183.

Мотивы противостояния эллинов и «варваров» встречаются и у Феогнида в его «Элегиях». В одном из фрагментов поэт благодарит Апполона за защиту полиса и просит также отразить нападение «надменных полчищ мидян», а чуть позднее призывает сограждан оставить беззаботные пиршества, т. к. наступает враг, а именно скифы (Феогнид. Элегии. 770–777, 825–830). Соответственно, помимо мотива постоянной угрозы со стороны «варварской периферии», скифы показаны как некая «коллективная напасть»; можно допустить их сравнение с воздействием хаотичной стихии, которая прерывает нормальное течение полисной жизни. Не менее важно и то, что не-греки называются здесь не «варварами», а греческими терминами, обозначающими их этнокультурное происхождение.

Еще несколько интересных сюжетов, в которых можно обнаружить древнегреческие представления о «других», встречаются в творчестве Анакреонта, поэта второй половины VI в. до н. э. В «Пиршествах» делается акцент на том, что скифы неправильно устраивают застолья, которые сопровождаются криком и гомоном, тогда как греческий пир происходит под музыку, размеренно, пристойно (Анакреонт. Пиршества. 13 (11)). Эта позиция интересно дополняется описываемым у Архилоха способом употребления спиртных напитков у «варваров». Также в этом фрагменте считывается, что «варвар» – это антипод древнему греку, проживающему в упорядоченном мире и обладающему своей отличительной добродетелью, а именно «умеренностью».

У Анакреонта есть еще одна интересная поэма – «Любовь». В ней описываются черты внешности двух юношей – Смердиса и Клеобула, фракийца и лидийца соответственно. Это два «варвара», которые были «поклонниками» творчества Анакреонта. Значительная часть сохранившегося текста посвящена красоте этих двух юношей. Важной составляющей их прекрасного образа будут кудрявые волосы, которыми поэт восхищается, и андрогинные черты. В случае Смердиса указывается на его приятный нрав. Но в этом образе красивых кудрявых юношей, которые увлекаются эллинской поэзией, явлена и иная черта, относящая их к негреческому миру, а именно – «варварская речь» (Анакреонт. Любовь. 45 (15) – 56 (57c)). То есть, несмотря на соответствие определенным стандартам древнегреческой красоты и явную эллинизацию в вопросе интереса к греческому творчеству, «варвар» остается таковым, и его выдает более грубая речь или же использование другого языка.

Как экзистенциальная угроза «варвары» раскрываются и у Симонида Кеосского, заставшего греко-персидские войны и запечатлевшего их в своем творчестве. Анализируемый текст поэта хронологически выходит за рамки исследования, но в нем получила свое дальнейшее развитие тема «варварской угрозы» греческому миру. В сохранившемся отрывке был дан образ доблестного подвига спартанцев, погибших в сражении с персами при Фермопилах (Симонид Кеосский. Из похвальной песни павшим при

Фермопилах. 14 (26)). Безусловно, нужно отметить, что степень угрозы, исходившей для Эллады от Персии, намного выше, чем в описанных у других поэтов ситуациях. Но факт того, что защита греческого мира от вторжения «варваров» воспринимается как высший подвиг, воспетый и всегда чтимый, маркирует закрепление оппозиции «эллин – варвар», где варвар – это естественный враг Эллады, опасность которого объединяет все греческие полисы.

Во всех представленных текстах иноэтничные общности называются, в большинстве случаев, греческими вариантами названий упоминаемых народов и производными от них. Понятие «варвар» встречается в нескольких местах, что характерно для всей древнегреческой традиции VIII–VI вв. до н. э., где в дошедшем до нас комплексе источников «варвар» и его производные упоминаются всего пять раз[16]. Сам термин использовался для обозначения человека, говорящего на другом языке, и не применялся во множественном числе в смысле обозначения всего негреческого мира. Данное положение дел изменится только в период греко-персидских войн, когда общеэллинская идентичность на время угрозы станет наиболее значимой по сравнению с множеством остальных[17].

Таким образом, на основании проанализированных источников не удается выявить обобщенный, единый концепт «варвара» в древнегреческой лирической поэзии VII–VI вв. до н. э. Более того, представители инокультурного окружения не всегда напрямую именуются «варварами» и чаще определяются через их этническое происхождение. В лирической традиции этого периода очевидно проявляется общий мотив угрозы древнегреческому «космосу», который считывается в поэмах Каллина, Архилоха, Феогнида, Симонида Кеосского. Помимо этого, «варвар» – это тот, кто противопоставлен эллину, но вместе с тем и уступает ему. Остальные черты персонализированного образа «варвара» оказываются несводимыми к пониманию всех «других» в качестве естественного врага Эллады, во всем уступающих древним грекам. У Архилоха эллин может быть таким же, как наемник-варвар, т. е. в определенном смысле может быть снята данная оппозиция, уравнен их статус. Это могут быть искусные ремесленники, правда с тягой к роскоши, что обнаруживается у Сапфо и Алкея. «Варвар» – это еще и тот, с кем древний грек может жить, это тот, кому можно оказать помощь, с кем можно сотрудничать. Представители инокультурной среды могут соответствовать греческим стандартам красоты и увлекаться древнегреческой поэзией. Но, несмотря на все вышеперечисленное, «варвары» все еще остаются для греков «другими». Неоднозначность складывающегося образа можно объяснить отсутствием у эллинов в архаический период представлений о своем обществе, которые бы явно

[16] *Горожанова А.Н.* Указ. соч. С. 240–241.
[17] *Hall E.* Op. cit. P. 7–10; *Соловьева А.С.* Указ. соч. С. 180–181, 183.

противопоставляли их всем остальным. Еще полностью не оформилась идея превосходства полисной организации, из-за чего главным отличием оставался язык.

Список литературы

Боннар А. Греческая цивилизация: в 3-х т. Ростов н/Д: изд-во Феникс, 1992. Т. 1. 269 с.

Борухович В.Г. История древнегреческой литературы. Классический период. М.: Высшая школа, 1962. 275 с.

Горожанова А.Н. Особенности восприятия ликийцев греками (по данным античной традиции VIII–V веков до Н. Э.) // Вестник ННГУ. 2009. № 6–1. С. 239–243.

Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб.: Марс, 1995. 380 с.

Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1982. 487 с.

Соловьева А.С. Восприятие греками лидийцев в архаическое и раннеклассическое время // Schole, СХОЛЭ. 2021. № 1. С. 179–190.

Hall E. Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy Oxford: Clarendon press, 1989. 277 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА УЧИТЕЛЬНИЦЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Д.С. Ротчева
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья анализирует репрезентацию образа учительницы в РФ в социальных сетях (VK, Telegram, Instagram[1]) и профессиональном педагогическом дискурсе 2010–2020-х гг. через призму истории повседневности. Контент-анализ в виде постов позволяет выявить авторепрезентацию, где идеализация профессии пересекается с загруженностью, волной цифровизации, низкой заработной платой. Социальные сети представляют трансформацию гендерного образа – от советской «воспитательницы» к специалисту сферы услуг. Исследование выявляет стратегии самопрезентации и приспособления к институциональным нормам в условиях размывания границ повседневной жизни, а также влияние цифровых платформ на формирование общественного мнения о профессии.

Ключевые слова: *история повседневности, цифровая этнография, гендер, учительницы, социальные сети, педагогический дискурс, профессиональная идентичность, репрезентация образа учительницы, профессиональный дискурс, повседневная жизнь, стереотипы о женщинах-учителях.*

В статье исследуется научная проблема, связанная с повседневной жизнью женского учительского сообщества в контексте антропологии профессий[2]. В современном цифровом пространстве социальные сети превратились в значимую площадку для конструирования профессиональной идентичности педагогов. Особенно ярко эта тенденция проявляется среди учительниц, которые активно используют платформы «ВКонтакте», Telegram и Instagram для совмещения образовательного контента с элементами личной жизни. В качестве источников исследования использовались открытые каналы и страницы учительниц (около 15).

В эпоху цифровой трансформации образ учительницы претерпевает значительные изменения[3]. Если в традиционном профессиональном

[1] Запрещенная сеть на территории РФ.

[2] *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. М., 2012. С. 17.

[3] *Наумченко С.А.* Совершенствование цифровых компетенций педагогических работников профессиональных образовательных организаций в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. С. 57.

дискурсе учительница предстает как авторитетный наставник, носитель знаний и моральных ценностей, то в социальных сетях она раскрывается многогранно, что приводит к противоречивому восприятию образа учительницы.

Например, в Instagram учительницы создают тематические аккаунты, где чередуют методические рекомендации с рассказами о повседневных школьных ситуациях, формируя тем самым многомерный образ. Такой смешанный подход позволяет преодолевать традиционные границы профессии, создавая новые форматы коммуникации с учениками и родителями.

Анализ публикаций учительниц в Telegram-каналах демонстрирует, как профессиональные нарративы обогащаются личными размышлениями и визуальными экспериментами. Некоторые педагоги целенаправленно развивают авторские блоги, где совмещают образовательные публикации с фоторепортажами из школьной жизни, тем самым переосмысливая каноны педагогической этики. Подобные практики отражают трансформацию роли учительницы в цифровую эпоху, когда авторитет строится не только через официальные каналы, но и через эмоциональную вовлеченность в онлайн-пространстве, вследствие чего формируются новые социальные ожидания от профессии.

Противоречие между традиционным образом учительницы как носителя дисциплины и знаний и ее цифровой репрезентацией создает двоякий образ в общественном восприятии. Если в профессиональном дискурсе доминируют требования к строгому соблюдению этических норм и дистанцированию от личных тем, то в сообществах «ВКонтакте» учительницы нередко публикуют юмористические посты о школьных буднях или обсуждают бытовые вопросы. Например, сообщества «Подслушано у учителей» демонстрируют, как профессиональная солидарность выражается через самоиронию и неформальный стиль общения, что контрастирует с официальными стандартами. Этот диссонанс особенно заметен в случаях, когда учительницы используют Instagram для продвижения сторонних проектов или демонстрации стиля жизни, не связанного напрямую с педагогической деятельностью. С одной стороны, расширяются возможности самовыражения, но с другой – они могут провоцировать критику со стороны родителей и администрации, ожидающих соответствия классическим канонам профессии, из-за чего возникает конфликт между приватным и публичным аспектами идентичности[4]. Многообразный образ учительницы формируется благодаря трансформации ее профессиональной роли и эмоциональной вовлеченности в онлайн-пространство.

Следует отметить, что выбор платформ обусловлен их функциональной спецификой: «ВКонтакте» сохраняет роль площадки для

[4] *Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б.* Исследования социальной идентичности в контексте цифровой социологии: теоретико-методологический аспект // Власть. 2024. № 2. С. 183.

школьных сообществ и родительских чатов, что больше соответствует профессиональным рекомендациям; Telegram развивается как пространство профессионального продвижения себя и своих продуктов, где поднимаются узконаправленные вопросы, а Instagram демонстрирует визуальную самопрезентацию. Такое разделение позволяет выявить, как учительницы адаптируют контент под разные аудитории и задачи – от формального обмена опытом до построения персонального бренда.

Во «ВКонтакте» преобладают примеры коллективного взаимодействия учительниц, связанных с организацией мероприятий, обсуждением учебных программ, тогда как Instagram-аккаунты часто фокусируются на персональном стиле преподавания через визуальные образы.

Личные нарративы учительниц во «ВКонтакте» часто включают семейные фотографии и материалы о досуговой активности. Это подчеркивает человеческое измерение профессии, поскольку в сети наряду с профессиональными сообществами встречаются и личные страницы педагогов. Регулярно публикуются посты о воспитании собственных детей, совместных путешествиях или хобби. Подобный контент формирует образ учительницы как многогранной личности за пределами образовательного учреждения. Эти публикации демонстрируют стремление к балансу между профессиональной и частной жизнью[5]. Такая двойственность проявляется в личных постах учительниц, где профессиональные атрибуты сочетаются с бытовыми деталями. Подобная самопрезентация позволяет педагогам создавать доверительные отношения с аудиторией.

Профессионально-ориентированный контент во «ВКонтакте» представлен методическими разработками, шаблонами уроков и аналитическими материалами. В группах систематически публикуются рабочие материалы по подготовке к экзаменам, сценарии внеклассных мероприятий, презентации и рекомендации по ФГОС. Подобные ресурсы служат практическим инструментарием для коллег и демонстрируют экспертную позицию автора. Некоторые превращают методические рекомендации в продукт, который приносит дополнительное материальное вознаграждение за проделанную работу.

В обсуждениях во «ВКонтакте» учительницы нередко сами подчеркивают, что учитель – это не просто профессия, а призвание и одна из самых важных ролей в их жизни. В данном случае образ консервативен и ориентирован на коллективное «мы», то есть на сообщество профессионалов.

Аудиторией публикаций по большей части являются коллеги и ученики, так как «ВКонтакте» – это социальная сеть, в которой чаще всего

[5] *Волкова Я.А., Панченко Н.Н.* Перцепция образа учителя в современном медиадискурсе (на материале государственных и социальных медиа) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 11(47). С. 5.

встречается вспомогательный материал в виде методических разработок, презентаций и конспектов для более эффективного усвоения материала.

Учебно-методические ресурсы в Telegram отличаются практико-ориентированным подходом, предлагая учительницам готовые шаблоны и алгоритмы действий. Подобный формат обеспечивает экономию времени при подготовке к занятиям. Анализ комментариев демонстрирует преобладание визуально структурированных материалов над текстовыми описаниями. Это подтверждает тенденцию к оптимизации педагогического труда через цифровые инструменты. Пользователи часто уточняют возможность адаптации шаблонов под конкретные учебные ситуации, что указывает на необходимость баланса между стандартизацией и гибкостью.

Публикации о профессиональных успехах учительниц часто сопровождаются комментариями, редуцирующими их идентичность до семейных ролей. Например, пост о победителе конкурса «Учитель года» содержал вопросы подписчиков о том, как учительница все успевает при наличии у нее трех собственных детей. Подобные реакции акцентируют внимание не на педагогических методиках, а на способности совмещать карьеру с материнством и повседневной жизнью.

Telegram становится платформой для поддержки учительниц, где они публикуют посты о том, что их неправомерно заставляют работать на выборах или убирать снег во дворе школы в свой выходной. После этого под постом появляются ссылки на статьи Трудового кодекса РФ, советы юристов и готовые шаблоны заявлений в прокуратуру, либо же слова поддержки. Здесь социальные сети выступают не как площадка для самопрезентации личности, а как инструмент коллективной защиты профессионального сообщества. Тем не менее, в Telegram учительницы могут создавать закрытые каналы, где делятся личным материалом или же продвигают образовательные продукты. В связи с этим заметно разделение и специализация постов, где аудиторией публикаций могут являться коллеги и ученики, а также родители учеников.

В Instagram образ учительниц визуализируется, представлен большим разнообразием публикаций и направлен на более широкую аудиторию. Чаще всего встречается материал, связанный с самоиронией над профессией, заработной платой, чрезмерной нагрузкой учительниц.

Некоторые аккаунты содержат публикации, которые стремятся разрушить традиционный образ учительниц. К примеру, можно встретить страницы, где учительницы активно демонстрируют индивидуальный стиль через публикации повседневных образов[6], регулярно выкладывают фотографии с сочетанием деловых элементов и модных аксессуаров, что отражает стремление к самовыражению. В данном случае проявляется противоречие между нормативными требованиями и цифровой

[6] *Власова Ю.Ю.* Использование педагогом социальных сетей в воспитании школьников // Education and self development. 2021. № 3. С. 278.

самопрезентацией, что свидетельствует о трансформации профессиональной идентичности учительниц.

Существует ряд ограничений для цифрового образа учительницы, так как считается, что педагог олицетворяет духовно-нравственные ориентиры и не должен делиться своим личным мнением[7]. Ярким примером конфликта между профессиональным дискурсом и онлайн-активностью служат публикации учительниц в Instagram, затрагивающие спорные темы образовательной политики. Некоторые аккаунты регулярно размещают критические посты о системе ЕГЭ, открыто выражая личное мнение о недостатках экзамена. Подобные высказывания вступают в противоречие с традиционными нормами. Это создает напряженность между правом на самовыражение и профессиональными нормами. Публичная критика образовательных институтов в социальных сетях может подрывать авторитет учительницы в глазах администрации и части родительского сообщества. Комментарии под постами демонстрируют разделение на две аудитории: одни пользователи поддерживают открытость, то есть новый образ современных учительниц, а другие требуют соблюдения профессионального этикета, тем самым поддерживая традиционный образ. В данном случае проявляется трансформация социальных ролей учительниц в цифровой среде, где границы между личным и профессиональным становятся предметом публичных дискуссий[8]. За счет разнообразия публикаций, связанных с материнством и бытовыми делами, формируются стереотипы о профессии учительницы, где косвенно укрепляется образ о женщине-учительнице как естественной продолжательнице воспитательных функций за пределами школы.

Одна из самых частых тем для скандалов в региональных СМИ, когда учительница выкладывает фотографию с отдыха или просто селфи, где видны татуировки на руках или ногах. В разных регионах России периодически возникают скандалы, когда родители пишут жалобы директору школы после того, как увидели фотографию учительницы с татуировкой в открытом доступе[9]. В таком случае учительницы консолидируются и создают посты с хештегами вроде #учителятожелюди, публикуя фото с татуировками и объясняя, что их внешний вид не влияет на качество преподавания.

Родители демонстрируют повышенное внимание к личным аккаунтам учительниц в Instagram, интерпретируя открытость профиля как

---

[7] *Лукьянчикова А.* Как учителю вести аккаунт в соцсети // Педсовет.org. [Электронный ресурс]. URL: https://pedsovet.org/article/kak-ucitelu-vesti-akkaunt-v-socseti-cast-1-foto-i-licnaa-informacia (дата обращения: 03.04.2026).

[8] *Берлянд Ю.Б., Слободчиков И.М.* Гендерные аспекты восприятия и переживания профессионального выгорания в педагогической среде: историко-сравнительное исследование // Научное мнение. 2025. № 11. С. 26.

[9] *Стоколяс А.В.* Международные стандарты цифровых компетенций педагогов как ориентир для подготовки к использованию ИИ в образовании // Педагогический журнал. 2026. № 2. С. 171.

показатель доступности[10]. Однако подобная прозрачность часто сопровождается скептическим отношением к профессиональной компетентности. Следствием такого внимания является стирание границ и возникновение всегда доступного образа учительницы, всегда «онлайн». В Instagram сложно однозначно выделить целевую аудиторию, так как по разнообразию контента эта социальная сеть отличается от всех остальных. Можно найти как шуточные видео, которые поддерживают и коллеги, и ученики, и родители учеников, так и образовательные профили, которые также могут быть ориентированы на широкую аудиторию.

Личный контент учительниц в социальных сетях, включая селфи, посты о хобби и путешествиях, составляет значительную часть их онлайн-активности. В Instagram учительницы часто публикуют материалы, демонстрирующие их жизнь вне школы, что формирует у аудитории представление о профессии как о второстепенном занятии. Это свидетельствует о восприятии педагогической деятельности как основной, а личных интересов – как несовместимых с профессиональными обязанностями. Подобные посты не являются исключением во «ВКонтакте» и Telegram. Такое отношение подчеркивает общественные ожидания, ограничивающие самовыражение учительниц в цифровом пространстве. Двойственность онлайн-репрезентации подрывает авторитет учительниц в глазах родителей, которые склонны критически оценивать учителей, чьи личные аккаунты содержат контент, не соответствующий традиционным представлениям о педагогической этике.

Распространение мемов и стереотипных образов учительниц в сообществах во «ВКонтакте» упрощает восприятие педагогического труда. Как итог, формируются два полярных образа педагога – «тиран» и «добряк», а сложность профессиональной деятельности игнорируется. Такие упрощенные рамки доминируют в массовом сознании, формируя искаженное представление о профессии[11]. Ученики с большей долей вероятности используют в разговоре фразы учительниц, связанные с хобби, путешествиями или бытовыми ситуациями, трансформируя их в мемы и внутренние шутки. Данная практика создает параллельный образ женщины-учительницы, существующий вне профессионального контекста[12].

Профессиональная этика учительниц предъявляет особые требования к их поведению в цифровом пространстве. Учителя должны избегать публичных конфликтов и участия в дискуссиях на провокационные темы, чтобы сохранить профессиональный авторитет. Эти принципы отражены в

---

[10] *Карпоян С.М.* Инстаграм как особый жанр виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12. С. 85.

[11] *Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б.* Указ. соч. С. 183.

[12] *Храпов С.А., Баева Л.В.* Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 19.

кодексах профессиональной этики многих образовательных учреждений. Примеры из педагогических сообществ демонстрируют соблюдение данных норм. В таких группах модераторы строго следят за тематикой обсуждений, удаляя спорные посты и комментарии. Участники сознательно ограничивают круг обсуждаемых вопросов профессиональной тематикой[13]. Публикации с критикой образовательной системы или коллег неоднократно вызывали общественные споры и дисциплинарные взыскания. Эти примеры подчеркивают необходимость четкого разделения личных и профессиональных позиций в цифровом пространстве.

Специализированные Telegram-каналы для профессиональных консультаций предлагают альтернативную модель онлайн-взаимодействия, так как обсуждение строится на конкретно заданных темах. Это снижает вероятность пересечения личного и профессионального дискурса[14]. Данный подход минимизирует риски этических конфликтов за счет ограничения круга обсуждаемых тем.

«ВКонтакте» используется для обмена методическими материалами, сохраняя формальный тон коммуникации. Instagram выступает платформой для визуализации педагогического опыта, что создает эффект эмоциональной близости с аудиторией. Telegram создан для оперативных анонсов[15], который совмещает образовательный контент с рефлексиями о профессиональном выгорании. Эта дифференциация подтверждается анализом аккаунтов учительниц: во «ВКонтакте» преобладают публикации рабочих программ и дидактических разработок, тогда как Instagram демонстрирует визуализацию учебного процесса через фотографии и короткие видео. Такая платформенная специализация позволяет оптимизировать коммуникацию с целевой аудиторией, учитывая технические возможности и поведенческие паттерны пользователей каждой социальной сети. Этот симбиоз социальных сетей позволяет учительницам конструировать многомерный цифровой образ, преодолевающий традиционные рамки профессии. Подобная практика отражает трансформацию педагогической роли в условиях цифровизации, где личный опыт становится ресурсом профессиональной коммуникации.

Включение элементов личной жизни в профессиональные аккаунты позволяет учительницам формировать более многомерный образ. Публикации о путешествиях, кулинарных увлечениях или творческих хобби повышают уровень доверия аудитории[16]. Этот подход формирует

---

[13] *Мельникова М.Р., Ушатикова И.И.* Социальная сеть «ВКонтакте» как инструмент развития познавательной активности школьника // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 29.

[14] *Власова Ю.Ю.* Указ. соч. С. 279.

[15] *Моисеев А.М.* Активность начинающих педагогов в сети Интернет // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология». 2020. № 1(51). С. 39.

[16] *Богданова А.Н., Лапчик Е.С., Федорова Г.А.* Цифровой след в ориентации школьников на педагогическую профессию: методические рекомендации. Омск, 2023. С. 23.

новый тип педагогического авторитета, основанный на аутентичности и эмоциональной доступности. Подобная трансформация свидетельствует о переосмыслении традиционных практик в образовательном процессе.

Репрезентации учительниц в социальных сетях часто воспроизводят гендерные стереотипы, акцентируя роль заботливой наставницы. Визуальный контент нередко делает упор на традиционно женские аспекты профессии: эмоциональную поддержку, эстетику рабочего пространства, коммуникацию с родителями. Такие нарративы укрепляют сложившиеся представления о педагогике как области естественного женского призвания.

Проведенный анализ показывает двойственную природу цифровой репрезентации учителя: с одной стороны, онлайн-образ и портфолио способны укреплять доверие и профессиональный статус, а с другой – личный контент и откровенные публикации могут стать основанием для дисциплинарных санкций и нанести урон репутации педагога.

Таким образом, потребность в самоцензуре радикально искажает саморепрезентацию учительниц в социальных сетях, создавая феномен «двойной идентичности»: учительницы не позволяют себе открыто выступать с критикой школы, экзаменов, заработной платы или высказывать свои политические взгляды и демонстрировать особенности отдыха. В связи с этим потребность учительниц в самоцензурировании не позволяет им в полной мере саморепрезентировать себя, что уже автоматически создает неполный образ учительницы. Тем не менее, встречаются такие профили – по большей части именно в Instagram, – где учительницы менее обеспокоены какой-либо цензурой, либо выступают с критикой образовательной системы или учреждений. В таком случае они становятся чаще подвержены негативной реакции со стороны аудитории, но за счет этого создается полный образ учительницы со всеми достоинствами и недостатками.

Список литературы

Бадараев Д.Д., Цыденов А.Б. Исследования социальной идентичности в контексте цифровой социологии: теоретико-методологический аспект // Власть. 2024. № 2. С. 181–185.

Берлянд Ю.Б., Слободчиков И.М. Гендерные аспекты восприятия и переживания профессионального выгорания в педагогической среде: историко-сравнительное исследование // Научное мнение. 2025. № 11. С. 24–29.

Богданова А.Н., Лапчик Е.С., Федорова Г.А. Цифровой след в ориентации школьников на педагогическую профессию: методические рекомендации. Омск: ОмГПУ, 2023. 50 с.

Власова Ю.Ю. Использование педагогом социальных сетей в воспитании школьников // Education and self development. 2021. № 3. С. 278–282.

Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Перцепция образа учителя в современном медиадискурсе (на материале государственных и социальных медиа) // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 11(47). С. 2–9.

Карпоян С.М. Инстаграм как особый жанр виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12. С. 84–88.

Лукьянчикова А. Как учителю вести аккаунт в соцсети // Педсовет.org. [Электронный ресурс]. URL: https://pedsovet.org/article/kak-ucitelu-vesti-akkaunt-v-socseti-cast-1-foto-i-licnaa-informacia (дата обращения: 03.04.2026).

Мельникова М.Р., Ушатикова И.И. Социальная сеть «ВКонтакте» как инструмент развития познавательной активности школьника // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 28–31.

Моисеев А.М. Активность начинающих педагогов в сети Интернет // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 1(51). С. 39–55.

Наумченко С.А. Совершенствование цифровых компетенций педагогических работников профессиональных образовательных организаций в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. С. 54–63.

Стоколяс А.В. Международные стандарты цифровых компетенций педагогов как ориентир для подготовки к использованию ИИ в образовании // Педагогический журнал. 2026. № 2. С. 169–174.

Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17–26.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. М.: ЦСПГИ, 2012. 236 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ЖЕНСКИЕ БРИТАНСКИЕ ТРАВЕЛОГИ О ПУТЕШЕСТВИИ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК XIX – НАЧАЛА XX В. КАК ОПЫТ РАННИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д.С. Спиридонова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Женские путевые записки, содержащие этнографические детали, являются предметом изучения статьи в двух аспектах: как пример женского раннего «доакадемического» исследования (в период, когда женщины не могли быть частью научного сообщества) и как антропологический очерк, описывающий восприятие «чужой» культуры через призму собственных убеждений и опыта. Знакомство британских женщин с ближневосточным бытом и культурой являлось столкновением с «Другим» и в межэтническом контексте, и в социальном, поскольку расширяло их представления об общественных нормах и положении женщины.

Ключевые слова: *травелоги, путешественницы, Британия, Ближний Восток, писательницы, XIX–XX вв., этнография, доакадемическая антропология, история женщин-ученых, повседневность*.

Истории о путешествиях, называющиеся в литературе термином «травелог», являются во многих аспектах междисциплинарным предметом. С одной стороны, являясь жанром художественной литературы, он не претендует на достоверность, содержит средства выразительности и своей целью имеет развлекательный мотив[1]. Важной задачей является привлечь и удержать внимание читателя. С другой стороны, в основе сюжета – реальное путешествие автора и передача им собственных впечатлений. Находясь на границе художественной литературы и документалистики, где реальные события приукрашиваются в угоду стилю и выразительности, травелог описывает перемещения человека по реально существующему пространству, таким образом пересказывая увиденное им. Важным нюансом данного жанра является то, что в центре внимания – личные эмоциональные переживания автора от столкновения с «Другим». Человек близко соприкасается с тем, что было ранее ему незнакомо (по причине вхождения в иной социальный класс, или же культурную группу, или

[1] *Ефимовский Е.* Жанровая специфика травелога // ArtLogos. 2021. № 1(14). С. 82.

этническую принадлежность), и это вызывает в нем настолько яркие эмоции, что он делится ими с читателями[2].

Композиционно структура травелога задана началом и концом путешествия, вне его он не будет существовать – это специфика жанра. Таким образом, путешествие становится подвижным фоном для повествования автора, на котором происходят все ситуации, повлиявшие на него[3]. Любая жизнь автора до или после путешествия не имеет значения, хотя его отношение к социальной категории и экономическому классу, оказавшая влияние на его характер и склонности, несомненно, повлияет и на его впечатление от знакомства с «Другим», что, в конечном итоге, и является целью травелога. Данные работы представляют ценность как проявление межкультурной коммуникации и обмен впечатлениями от соприкосновения разных культур.

В центр внимания данного исследования были помещены травелоги женского авторства. Женщины исторически были той категорией населения, которая из-за социальных, религиозных и юридических норм не могла свободно перемещаться в пространстве земного шара. Любое проникновение женщины – созданной для внутрисемейной жизни – в большой «внешний» мир пресекалось, если только оно не было вызвано вескими причинами. Женщинам крайне редко удавалось стать самостоятельными путешественницами. Тем более ценными становятся сохранившиеся свидетельства тех, кому это удалось.

В рассматриваемых материалах путешественницами были именно женщины британского происхождения (все они относились к привилегированному классу, накладывавшему на женщин своего круга наиболее строгие нормы поведения, известные как «викторианская мораль»), отправившиеся на Ближний Восток в XIX – начале XX в. (до Первой мировой войны). Эти территории еще не были подмандатными и не находились в прямой зависимости от Британии, тем не менее регион был достаточно экзотическим для англичан. Путешествие женщины в такую далекую местность, где обычаи и религия настолько отличаются от того, к чему она привыкла, производило незабываемые впечатления.

Гендерный фактор накладывал ограничения на свободные перемещения женщин. Оказываясь запертыми в устоях британского общества, регламентировавшего определенную модель приемлемого женского поведения, за его пределами они обретали состояние внутренней свободы. Пространство Ближнего Востока, с его строго гендерно-дифференцированным обществом и правилами, тем не менее не

---

[2] *Ряпов Р.И.* Специфика нарративной организации в английском травелоге XIX в. (на примере травелога А.У. Кинглейка «На Востоке») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. № 2. Т. 2. С. 56.

[3] *Никитина Н.А., Тулякова Н.А.* Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 5. СПб., 2013. С. 191.

ограничивало свободу британок. В их случае этнический фактор оказывался важнее гендерного, и то, что они англичанки, наделяло их свободой в деятельности и перемещениях. Они могли свободно общаться как в мужском обществе, так и посещать гарем. Кроме того, знакомство с другим жизненным укладом, диктовавшим женской части населения другие нормы поведения, позволял составить представление о различии способов проживания жизненных сценариев. Знакомство с настолько чуждым, по сравнению с Британией, регионом способствовало осознанию относительности социальных норм в обществе.

Каждая из писательниц, рассматриваемых в рамках данного исследования, была нонконформисткой для своего времени, в той или иной степени. Изабелла Фрэнсис Ромер (13 мая 1798 г. – 27 апреля 1852 г.) была разведена со своим супругом (в Великобритании это было большой редкостью: вплоть до конца второй четверти XX в. развод применялся в суде лишь в крайних случаях – если был доказан адюльтер супруги). После развода она вернет себе девичью фамилию и будет жить как свободная женщина. На жизнь она зарабатывала литературной деятельностью, и в 1845–1846 гг. отправится в путешествие со своими европейскими друзьями на Ближний Восток. После возвращения в Европу она напечатает двухтомное издание «A Pilgrimage to the Temples and Tombs of Egypt, Nubia and Palestine in 1845–6», с подробным пересказом всего произошедшего в формате путевых заметок. По ходу ее знакомства с регионом, которое скорее напоминает развлекательное приключение, а не паломничество, как указано в названии (не носящее никакого религиозного подтекста), она рассказывает о случаях, произошедших в пути, часто давая оценочную характеристику местным жителям. «Таковы взгляды Мохаммеда Али на сохранение жемчужин египетского искусства! И, учитывая это, едва ли стоит удивляться тому, что его подданные проявляют такую варварскую беспечность в этом вопросе. Даже когда эти люди не разрушают, а они слишком ленивы, слишком апатичны, чтобы это делать, они позволяют всем остаткам искусства погибать вокруг них…»[4]. И. Ромер совершенно четко разделяла границы между «своими» и «чужими», между европейцами и арабами. В адрес последних она могла транслировать стереотипы, а также называть их «варварами», тем самым принижая их культуру и даже этические нормы. «Эти турецкие обеды – настоящее варварство, ибо, хотя аргумент о том, что пальцы были еще до изобретения ножей и вилок, может показаться очень тонким и философским в теории, на практике это, скорее всего, подвергнет чью-то философию серьезному испытанию»[5], – писала Ромер, рассуждая с точки зрения европейской женщины о турецких обычаях. Она также отмечала ту солидарность, которую проявляли европейцы, встречающие соотечественников на

[4] *Romer I.* A Pilgrimage to the Temples and Tombs of Egypt, Nubia and Palestine in 1845–6. L., 1846. Vol. 1. P. 333.
[5] Ibid. P. 342.

Ближнем Востоке. «Эти кратковременные визиты характеризуются сердечностью, которой не было бы при общении в течение нескольких месяцев в обычной атмосфере»[6]. Будучи в другой стране, окруженные другим этническим пространством, они острее ощущали европейскую общность и принадлежность к одной культуре, не делая различия, кто перед ними – англичанин или француз. О положении женщин она также писала: «Уединение, в котором живут турецкие и египетские женщины, запертые в гареме, полностью отделенные от мужской части общества и никогда не покидающие его, чтобы подышать свежим воздухом, если только они не закутаны настолько, что их не могут узнать даже их мужья и близкие…»[7], – подчеркивая их затворнический образ жизни. «Вы достаточно хорошо знакомы с восточными манерами, что женам-магометанкам никогда не разрешается обедать со своими мужьями…»[8] и «Угрюмая гордость турецких мужей и низшая ступень, на которую они ставят всех женщин и которая мешает им провести различие между женой и рабыней…»[9] – эти высказывания выражают негативное отношение Ромер к тому положению, которое занимают женщины в местном обществе. Несмотря на такие строгие порядки и угнетение женских прав, сама Ромер оказывается принята гостеприимно, в том числе ее часто зовут на совместные трапезы с мужчинами – хозяевами домов и патриархами семей, потому что она «была первой европейской женщиной, которая стала их гостьей»[10]. В данном контексте они скорее оказывали ей уважение как представительнице Великобритании в их доме. Местные мужчины часто выражали ей свое радушное отношение, о чем сама Ромер пишет: «Завершая свой визит, пожилой джентльмен расцеловал меня в обе щеки, и этот способ приветствия несколько удивил бы меня, если бы он не попросил <…> объяснить, что он приветствовал меня так, как приветствовал бы дочь, что сразу превратило кажущуюся вольность в изысканный комплемент»[11]. Турецкого мужчину в этот момент она называет на европейский манер «джентльменом», поскольку ей это было привычнее (И. Ромер не владела местными языками и общалась только через переводчиков). Это говорит также о том, что знакомым словом, обозначающим уважительное отношение к мужчине, она обращается к тому человеку, с которым у нее сложились хорошие отношения. Это создает контраст с теми отрывками, где местное население она называет «варварами», когда говорит о них в общем, без конкретики. Говоря о местном населении региона, она транслирует стереотипное европейское представление о них как о «варварах» – чужаках, чья культура ниже. При

[6] *Romer I.* Op. cit. P. 368.
[7] Ibid. P. 358.
[8] Ibid. P. 342.
[9] Ibid. P. 362.
[10] Ibid. P. 340.
[11] Ibid. P. 334.

этом, знакомясь ближе и вступая в межличностные отношения с конкретными представителями этносов, Ромер отходит от этого, обращаясь к отдельному человеку, с которым у них произошла взаимная симпатия, как к «своему». Это демонстрирует двойственность ее восприятия, где стереотипное поверхностное отношение сменяется нейтральным и положительным при более близком знакомстве, способствующем ликвидации принятого в обществе взгляда на них.

Джулия Пардо (4 декабря 1804 г. – 26 ноября 1862 г.) никогда не выходила замуж, что для женщины ее положения считалось вызовом общественным устоям. Она провела всю жизнь со своими родителями, так же, как и Изабелла Ромер, предпочла заниматься писательством для зарабатывания личных денег в условиях, когда работа была недоступна женщинам ее социального круга. В 1837 г. она отправилась в Стамбул, сопровождая своего отца, и написала книгу «The City of the Sultan and domestic manners of the Turks», в которой описала тот ритм и особенности жизни, которые увидела. Преимущественно она описывает турецкие нравы, но в центре ее внимания – город. Структура книги построена по принципу обзора его различных районов, зданий и связанных с ними историй. Д. Пардо по своему положению общалась именно с турецкой элитой, поэтому лучше всего она знала их образ жизни. Жизнь простого народа описывалась ею со стороны, а не проникая изнутри в сообщество, как это было с турецкой знатью. В самом начале своей книги она так описывает европейско-турецкие отношения: «Я лишь осмелюсь усомниться в уместности того, чтобы подобные антисоциальные чувства проникали в частную жизнь, а также в здравости суждений, согласно которым из-за политики соперничества один человек автоматически становится плохим, а открытие одной двери становится сигналом к закрытию другой <…> Но вот ускорит ли его окончательное решение личная неприязнь и ненависть, – это уже более спорный вопрос. “Кто не со мной, тот против меня” – таков девиз каждого европейца, живущего в Турции»[12]. Пардо осуждает стереотипы и предвзятость, с которыми европейцы относятся к туркам, считая, что они мешают увидеть их объективно. «Но мое личное разочарование было бы чрезмерным, если бы я не предприняла попытку дать своим читателям более полное и объективное представление о внутренней жизни Турции, чем то, которое у них было до сих пор»[13], – так она обозначает конечную цель своей работы.

Ее протурецкие настроения в некоторых моментах делали ее даже слишком снисходительной к особенностям социального неравенства в турецком обществе. Так, она писала: «Когда я вспомнила, что эти дети – рабы, мне захотелось их пожалеть. Когда мне сообщили, сколько за них заплатили, на сердце у меня стало тяжело, но, глядя на довольные и счастливые лица двух маленьких девочек <…>, я поняла, что мое

[12] *Pardoe J.* The city of the Sultan and domestic manners of the Turks. L., 1837. Vol. 1. P. 8.
[13] Ibid. P. 10.

сочувствие неуместно»[14]. Таким образом, в ее работе можно увидеть мысль об относительности понятия нормы для европейского человека и восточного. О положении женщин в гареме Пардо высказывалась негативно, но тут же оправдывала это различием нормы в разных обществах: «Я <…> благодарна Провидению за то, что не родилась в Турции, в то время как прекрасные османки, в свою очередь, с почти комичной искренностью жалеют женщин-француженок. Они не могут представить себе рабства, сравнимого с нашим – мы берем на себя столько хлопот, чтобы достичь таких незначительных целей <…> о трудностях носить наши лица открытыми и подставлять их солнцу и ветру, когда мы могли бы удобно прикрыть их яшмаком! Не проходит и дня, чтобы они не торговали с франками, но при этом благодарят Аллаха за то, что они не европейские женщины!»[15]. Представляя положение европейской женщины в глазах турецкой, описывая сложности их жизни, Пардо не упоминает реальные ограничения в правах, которые они испытывали (в первую очередь юридические и семейные), а рассказывает о том, что отличает женщин этих двух стран друг от друга. В ее произведении нет места сочувствию восточным женщинам.

О самих турках она часто упоминает с восхищением, причем в тех областях жизни, которые покажутся невероятными европейским читателям: «Пожалуй, за исключением Великобритании, в мире нет более читающей нации, чем турки. Я не сомневаюсь, что это утверждение удивит многих европейцев, которые привыкли считать, что жители Востока погрязли в глубочайшем невежестве»[16]. Здесь она так же проводит параллель общего, что есть у британцев и турок. Стремление найти общее говорит о ее симпатии к ним.

Гертруда Маргарет Лоутиан Белл (14 июля 1868 г. – 12 июля 1926 г.) была не просто писательницей. Путешественница с большим стажем, несколько раз обогнувшая земной шар, с оксфордским образованием в сфере истории, она станет экспертом в области Ближнего Востока, чьи знания будут использованы Британией в годы Первой мировой войны. До этого момента она будет регулярно снаряжать собственные экспедиции, прочерчивая карты по маршрутам в пустыне, где до нее много лет не было европейцев. Ее интересовали именно местные жители, особенности их жизни. Ею будет написано несколько трудов, жанр которых выходит за рамки простого травелога, которые можно охарактеризовать как «этнографические эссе» – «Amurath to Amurath», «Syria: The Desert & The Sown», «Safar Nameh, Persian Pictures». Она выделяет тенденции, отличающие восточную и западную культуры: «Правда в том, что человек – существо малоподвижное, и то, что кажется тихой заводью жизни, на самом деле является стоячей водой посреди океана – вот первый урок,

[14] *Pardoe J.* Op. cit. P. 115.
[15] Ibid. P. 120.
[16] Ibid. P. 205.

который Восток преподносит в своей большой мудрой книге <…> стремительный поток западной жизни – это исключение из общего правила, а не само правило. Говорилось и повторялось, но, когда вы сталкиваетесь лицом к лицу с крошечными городками и отдаленными рыбацкими деревушками, для существования которых, казалось бы, нет никаких причин, кроме каприза, но при этом могут похвастаться двухтысячелетней историей, вы поражаетесь такой консервативной древности. Где прогресс? Где шествие цивилизации? Где эволюция расы?.. Вы вышли за пределы того небольшого участка земного шара, где действуют эти законы. Они не вечны и тем более не универсальны, большая часть человечества не подвержена их влиянию, и если обобщать, то ближе к истине будет сказать, что человек статичен, а не прогрессивен»[17]. Белл противопоставляет консервативный Восток с его архаичностью и бурно развивающуюся западную цивилизацию, тем не менее признавая их равными в своем различии. Восток для нее – уникальная возможность погружения в иное пространство с другим восприятием времени и законами, опыт пребывания в котором позволяет по-новому взглянуть на собственное и даже на все человечество в целом. «Все эти люди, а также многие другие, не являются путешественниками в полном смысле этого слова. С тем же успехом они могли бы сидеть дома и читать учебник географии, листать альбом с фотографиями и нанимать поваров разных национальностей. Но настоящие путешественники – какие удовольствия они ищут в новых землях и незнакомых городах? <…> мне кажется, что истинное удовольствие от путешествий получаешь от общения с попутчиками. С такими любопытными людьми, как вы, можно познакомиться в самых неожиданных местах! Несмотря на то, что ваше знакомство может быть недолгим по времени, оно оставляет глубокий след в душе»[18]. Так, истинный смысл путешествия Белл видит именно в общении с «Другим», в контактах с представителями разных культур, позволяющих обогатить свой опыт. Также она писала: «Я хотела написать не столько книгу о путешествиях, сколько рассказ о людях, которых я встретила или которые сопровождали меня в пути, и показать, каков мир, в котором они живут, и каким он им видится. И поскольку было лучше, чтобы они, насколько это возможно, рассказывали свою историю сами, я нанизала их слова на нить повествования, описывая услышанные истории…»[19]. В работах Белл появляется то, чего не было у Ромер и Пардо, – диалог. Форма, в которой она передавала дословно то, что говорили сами жители региона, их чувства, мысли, мнения. Это было возможно из-за знания ею языков региона.

Знание языка – важнейший навык для исследования региона, для понимания структуры мысли его жителей, это отмечалось всеми

[17] *Bell G.* Safar Nameh, Persian Pictures. L., 1894. P. 262.
[18] Ibid. P. 248–249.
[19] *Bell G.* Syria: The Desert & The Sown. N.Y., 1907. P. 9.

писательницами, чьи работы рассматривались в рамках исследования. «Турецкий язык сам по себе является серьезным препятствием из-за полного отсутствия сходства с любым европейским языком. Он, естественно, создает барьер между местным населением и иностранцами, который лишь частично устраняется вмешательством третьего лица, выступающего в роли переводчика. Даже если переводчик не искажает смысл намеренно, он слишком часто упускает суть разговора»[20], – писала Пардо. Значимость владения языком не только в понимании терминов культуры, в которой они появились и функционируют, но и возможности социальной коммуникации без посредников, свободно, которая способствует появлению истинной близости между людьми, позволяет увидеть в «Другом» человека, заслуживающего уважения.

Путешествие на Ближний Восток в XIX – начале XX в. было сложным по объективным причинам. Отсутствие дорог, инфраструктуры, крайне агрессивная система племенного трайбализма. И все же, несмотря на трудности, женщин манили путешествия в неизведанный регион, в котором рушились их стереотипы и привычные уклады жизни, что позволяло почувствовать себя свободными. Их произведения содержат информацию об этнических маркерах народов Ближнего Востока – жилище, пище, обрядовых практиках, а также религиозных и брачных ритуалах; кроме того, в них предпринимается попытка выявления восточного менталитета. Выводы делались на основе собственных личных наблюдений и взаимодействий с представителями этносов. Все эти подробности позволяют назвать их труды относящимися не просто к жанру увлекательного рассказа о путешествии. Это яркие этнографические произведения, в которых были запечатлены обстоятельства контактов людей, которые, согласно социальным нормам их стран, не должны были встретиться, и их впечатления друг от друга.

Список литературы

Ефимовский Е. Жанровая специфика травелога // ArtLogos. 2021. № 1(14). С. 79–91

Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Вып. 5. СПб., 2013. С. 191–199.

Ряпов Р.И. Специфика нарративной организации в английском травелоге XIX в. (на примере травелога А.У. Кинглейка «На Востоке») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. № 2. Т. 2. С. 52–60.

Дата поступления рукописи в редакцию – 21.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[20] *Pardoe J.* Op. cit. P. 6.

ВОСПРИЯТИЕ «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

М.В. Тиблевич
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье, основанной на материалах личного происхождения и литературе авторов-фронтовиков «потерянного поколения», анализируется специфика патриотических настроений солдат Первой мировой войны. Цель исследования – выявить механизм трансформации предвоенных настроений в восприятии писателей-фронтовиков. Анализ источников выявляет формирование альтернативных ценностных ориентаций, ставших основой послевоенного пессимизма. В исследовательское поле вводятся мемуары В. Бриттен, что расширяет традиционные представления о писателях «потерянного поколения» как исключительно мужском феномене.

Ключевые слова: *Первая мировая война, «потерянное поколение», патриотизм, фронтовая повседневность, Анри Барбюс, Вера Бриттен, Луи-Фердинанд Селин, окопный быт, фатализм.*

Важнейшей тенденцией в современной историографии является развитие истории повседневной жизни, объектом изучения которой становятся описание и анализ повседневных реалий, ментальных структур, идеалов, стереотипов сознания; выявление культурного значения предметов повседневного обихода, одежды и поведения. Цель данного исследования – выявить механизмы трансформации предвоенных настроений и формирования альтернативных ценностных ориентаций в восприятии писателей-фронтовиков «Великой войны» (термин, обозначающий Первую мировую войну в западной историографии). Для этого необходимо решить следующие задачи: во-первых, следует проследить, как авторское восприятие войны трансформировалось от абстрактных представлений к непосредственному восприятию опыта войны; во-вторых, определить каким образом фронтовая повседневность[1] повлияла на смену нарратива в изучаемых источниках; в-третьих, выявить аспекты восприятия опыта войны, появившиеся в результате реакции на крах довоенной картины мира авторов.

История повседневной жизни теперь фокусируется на «маленьком человеке» – его заботах и проблемах, его повседневной и частной жизни. Первую мировую войну часто описывают как «творение масс». Полное

[1] *Козлова Н.Н.* Повседневность // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 318.

участие, прямое или косвенное, подавляющего большинства гражданского населения в конфликте 1914–1918 гг. разрушило военный элитаризм: война перестала быть исключительно делом армии. Развитие технологий и появление новых методов массового уничтожения противника способствовали обесцениванию индивидуальности каждого участника и подъему коллективного – общих усилий, общих целей, общего психологического климата. Романтизм военных кампаний, унаследованный от XIX в., трансформируется в новый нарратив фронтовиков, который впоследствии станет фундаментом для литературного течения «потерянного поколения». В конечном итоге эти четыре года войны открыли миру феномен, который перевернул прежний мировой порядок, положив начало новой исторической эпохе. Чтобы выявить движущий механизм любого явления, разобраться в его последствиях и оценить его суть, следует обратиться к его истокам.

Одной из важнейших идеологических составляющих Первой мировой войны стало формирование в коллективном сознании воюющих держав устойчивого образа врага, основанного на стереотипах и культурных исторических предпосылках. В основе довоенной пропаганды лежал образ родины как осажденной крепости – маленькой, гордой страны, окруженной варварскими народами, неспособными к диалогу и замышляющими уничтожить «оплот цивилизации»[2]. Этот образ обладал огромной мобилизующей силой, затрагивая глубокие эмоциональные сферы коллективного сознания. Основной психологический механизм был двойственным: с одной стороны, культивировалось чувство несправедливой угрозы, порождающей ощущение морального превосходства; с другой – создавался образ врага, чья предполагаемая жестокость и варварство снимали моральные ограничения на применение ответного насилия. Национальные стереотипы никогда не возникают из пустоты – они являются продуктом долгой культурной практики, охватывающей литературные произведения, журналистику, систему образования, карикатуру и популярную прессу. В десятилетия, предшествовавшие войне, велась активная деятельность внутри данных государственных структур. Во всех европейских державах журналистика, художественная литература и школьные учебники активно способствовали формированию образа соседа как «чужого», фигуры, через противопоставление которой определялась национальная идентичность. Под «чужим» понимается ключевой объект исследования в имагологии, представляющий собой образ, стереотип или репрезентацию инокультурной группы (нации, этноса, культуры) в сознании воспринимающего субъекта. В 1914 г. этот процесс достиг своего пика. Накопленные за десятилетия взаимные стереотипы подействовали подобно детонатору: каждая держава, вступившая в войну, искренне считала себя

[2] *Лазаревич А.Е.* Европейское общество перед Первой мировой войной: уловки пропаганды и коллективные психозы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2(6). С. 76.

жертвой агрессии и рассматривала свои собственные военные цели как оборонительные и справедливые. Ментальная конструкция, коренящаяся в национальных предрассудках и подкрепленная давней культурной традицией, подпитывала патриотическую волну августа 1914 г., которую писатели на фронте позже с горькой иронией опишут как «абстрактную войну»[3] – прекрасную и благородную лишь до столкновения с ее кровавой реальностью.

Восприятие войны писателями-фронтовиками формировалось непосредственно сквозь реалии фронтовой повседневности. Анализ понятия «повседневность»[4] предполагает также обращение к близкому ему понятию «быт». Быт – это уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище), так и культуру, общение, досуг. Формируемая и трансформируемая реалиями войны, социальными отношениями и географическими условиями, повседневная жизнь оказывает глубокое влияние на все аспекты существования. В отличие от битвы, исключительного и точечного события, повседневная жизнь разворачивалась без перерыва и, таким образом, имела кумулятивный эффект[5]. Ключевыми элементами были: грязь и холод окопов, постоянная влажность, невозможность соблюдения элементарной гигиены, паразитическая фауна (вши и крысы), хроническая нехватка сна, скудное и нерегулярное питание, а также монотонный и однообразный ритм жизни в окопах, прерываемый вспышками ужаса от артиллерийского огня[6].

Писатель и журналист А. Барбюс шел сражаться, как ему казалось, во имя гуманистических принципов – против немецкого империализма[7]. Он думал, что Германия запросит мира, не дожидаясь поражения. Литературная среда, в которой сформировался будущий писатель, во многом определила его путь: после окончания колледжа Роллен он поступил в Сорбонну и в 1894 г. защитил диссертацию по философии. К началу Первой мировой войны Барбюс уже был признанной литературной фигурой, автором сборника стихов «Плакальщицы» (1895), получившего признание романа «Ад» (1908) и нескольких рассказов. Работая журналистом, литературным редактором и президентом Общества литераторов, он принадлежал к французской интеллектуальной элите. Когда в августе 1914 г. разразилась война, Барбюсу был сорок один год, он имел слабое здоровье и по возрасту не подлежал мобилизации. Несмотря

---

[3] *Бриттен В.* Заветы юности / пер. с англ. А. Ильинского // Иностранная литература. 2014. № 8. С. 93–115.

[4] *Козлова Н.Н.* Указ. соч. С. 318.

[5] *Сенявская Е.С.* Окопный быт первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. Т. 7. С. 193.

[6] *Барбюс А.* Ясность. Письма с фронта. М., 1940. С. 541.

[7] *Подольников В.П.* Фронтовая повседневность в романе А. Барбюса «Огонь» // Вестник Южного федерального университета. Серия: История. 2018. № 4. С. 47.

на это, он принял решение отправиться на фронт добровольцем. Фронтовой быт, с которым столкнулся автор, радикально расходился с любыми абстрактными представлениями о войне. Уже в декабре 1914 г. в письмах к жене он детально фиксирует реалии окопной жизни: «Война – такая вещь, ужаса которой не подозреваешь, если не видел ее»[8]. Записные книжки, которые он вел в окопах, послужили основой для его романа «Огонь»[9]. Сам выбор лексики[10] и намеренное использование разговорных выражений и грубых слов, которые впоследствии вызвали критику, свидетельствуют о сознательном желании Барбюса противопоставить суровую реальность идеалистическим представлениям о войне, которые предшествовали ей или существовали в тылу. Парадокс – личная храбрость[11] соседствует с растущим упаднических настроением, что станет характерной чертой всего «потерянного поколения».

Произведения В. Бриттен предлагают уникальную перспективу для оценки писательского восприятия Первой мировой войны. Ее мемуары «Завещания юности»[12] основаны на переписке с женихом Р. Лейтоном и братом Эдвардом. Эти письма позволяют заглянуть в жизнь тылового госпиталя, в который отправилась служить Вера, движимая желанием быть наравне со своими близкими людьми, и в жизнь солдат, с которыми она состоит в переписке. Уникальность данного источника заключается в его двойной перспективе: женский ракурс медсестры, ежедневно сталкивающейся с последствиями боевых действий, и опыт фронта, запечатленный в письмах корреспондентов, которые впоследствии умерли. Анализ мемуаров показывает, что разочарование в патриотической риторике разделяют оба героя. Лейтон, описывая окопы, опустошенные снарядами, и пейзажи, усеянные почерневшими костями, приходит к выводу, что довоенные идеалы несовместимы с реальностью боевых действий[13]. Вера, наблюдая за бесконечными колоннами раненых солдат, формулирует пессимистическую позицию, которая станет делом всей ее жизни. Начиная с 1920-х гг. Бриттен регулярно выступала в Лиге Наций, осуждая войну, даже во время Второй мировой войны, за что была внесена нацистами в «Черную книгу» (нем. Sonderfahndungsliste G.B. – «Специальный розыскной список по Великобритании» – секретный документ, составленный нацистской службой безопасности (РСХА) в 1940 г.).

---

[8] *Барбюс А.* Огонь. М., 1985. С. 53.

[9] Там же. С. 106.

[10] *Козиков А.А.* Оппозиция «свой – чужой» в романе А. Барбюса «Огонь»: лингвоимагологический подход // Мировая литература в контексте культуры. 2021. № 12. С. 65–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-svoy-chuzhoy-v-romane-a-barbyusa-ogon-lingvoimagologicheskiy-podhod (дата обращения: 14.05.2026).

[11] *Бриттен В*. Указ. соч. С. 93–96.

[12] Там же. С. 104.

[13] *Кузьмова В.В.* Вера Бриттен как автор-рассказчик и главный образ-персонаж «потерянного поколения» в мемуарах «Заветы юности» // МГПУ: Juventus Scientia. 2017. № 7. С. 30.

Л.Ф. Селин (настоящая фамилия Детуш) добровольно вступил во французскую армию в 1912 г., приняв участие в Первой мировой войне в составе 12-го кирасирского полка. В ходе боев Селин был ранен в правую руку. 24 ноября 1914 г. был награжден военной медалью, а позднее – военным крестом с серебряной звездой. Однако, несмотря на героизм, в его письмах и прозе, основанной непосредственно на фронтовом опыте, формируется уникальное восприятие войны, которое повлияет на литературный, лексический стиль автора. Опыт войны лег в основу его произведений, включая роман «Путешествие на край ночи»[14] и «Смерть в кредит», где он описывает ужасы и абсурдность боевых действий. Особое место занимает книга «Война»[15]. Серьезное ранение и постоянное столкновение со смертью разрушили традиционные литературные традиции и породили новый стиль, поразительно интенсивный и выразительный. Творчество солдат «потерянного поколения», сражавшихся на передовой, уничтожило спокойное и размеренное повествование, характерное для классической литературы XIX в. Разум человека, пережившего войну, воспринимает реальность как хаос ярких и болезненных образов (взрывы, кровь, боль, грязь). Авторский стиль Селина имитирует данное «разорванное» восприятие. Текст фрагментирован, переходя от одного болезненного ощущения к другому, отражая состояние раненого или травмированного солдата. Селин делает язык пронзительным и крайне грубым, буквально перенося физическую боль на страницы книги. Предложения часто обрывочны, повторяются или звучат с запинками, передавая таким образом состояние травмированной психики[16]. Текст изобилует грубой, разговорной, даже физиологической лексикой. Автор использует солдатский сленг, чтобы передать эмоциональное оцепенение, которое охватывает человека, оказавшегося в ловушке реальности окопов. Жизнь на фронте нарушает привычное восприятие пространства и времени внутри творчества Селина. Время в романе перестает быть линейным: оно словно замирает. Все пространство сжимается в конкретное переживание. Главное поле боя разворачивается в сознании персонажей. Селин постоянно возвращается к описаниям ран и увечий, потому что для солдата его «я» – это его изувеченное тело. Мирная жизнь и тыл кажутся главному герою нереальными, иллюзорными.

Таким образом, история восприятия повседневной жизни на фронте с точки зрения писателей-фронтовиков открывает уникальный подход для изучения Первой мировой войны. Смещается акцент с описаний крупных сражений, предпосылок и последствий на внутренний мир обычного человека, повседневного участника этих событий. Изучение личных свидетельств и произведений А. Барбюса, В. Бриттен и Л.Ф. Селина как

[14] *Нинидзе А. Д.* Поэтика смерти в романе Луи Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. № 3. С. 23.
[15] Там же. С. 24
[16] Там же. С. 25.

исторических источников позволяет проследить механизмы трансформации довоенных патриотических настроений от идеалистических представлений о войне к глубокому разочарованию, характерному для феномена «потерянного поколения». Восприятие «Великой войны» писателями-фронтовиками трансформировалось внутри фронтовой повседневности от идеалистических представлений к появлению травматического опыта и, как следствие, к формированию альтернативных ценностных ориентаций. Фронтовая повседневность повлияла на смену нарратива в источниках через форму лексического сдвига и синтаксической фрагментации – данные механизмы являются уникальной формой отражения травматического опыта. Следствием краха довоенной картины мира стало формирование уникального восприятия опыта, ключевыми аспектами которого стали идеи фатализма, цинизма и формирование социокультурного явления «потерянного поколения».

Список литературы

Козиков А.А. Оппозиция «свой – чужой» в романе А. Барбюса «Огонь»: лингвоимагологический подход // Мировая литература в контексте культуры. 2021. № 12. С. 65–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-svoy-chuzhoy-v-romane-a-barbyusa-ogon-lingvoimagologicheskiy-podhod (дата обращения: 14.05.2026).

Козлова Н.Н. Повседневность // Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТОН – Остожье, 1998. С. 318–319.

Кузьмова В.В. Вера Бриттен как автор-рассказчик и главный образ-персонаж «потерянного поколения» в мемуарах «Заветы юности» // МГПУ: Juventus Scientia. 2017. № 7. С. 27–32.

Лазаревич А.Е. Европейское общество перед Первой мировой войной: уловки пропаганды и коллективные психозы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2(6). С. 74–78.

Нинидзе А.Д. Поэтика смерти в романе Луи Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. № 3. С. 20–26.

Подольников В.П. Фронтовая повседневность в романе А. Барбюса «Огонь» // Вестник Южного федерального университета. Серия: История. 2018. № 4. С. 45–52.

Сенявская Е.С. Окопный быт первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // Историческая психология и социология истории. 2014. № 1. Т. 7. С. 192–218.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННИКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ КНЯГИНИ КРИСТИНЫ ДИ БЕЛЬДЖОЙОЗО

Э.М. Титкова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья сосредоточена на интерпретации коллекции рисунков, выполненных миланской княгиней К.Т. ди Бельджойозо. На основе визуальных образов ряда представителей европейского общества, включая членов семьи княгини, деятелей культуры, науки и политики, неизвестных людей разного социального происхождения, а также автообраза художницы, делается вывод о том, насколько разнообразен был круг социальных связей княгини. Творчески проявив себя, она смогла создать «галерею» лиц, для кого она являлась центром притяжения и важным связующим звеном в пространстве межкультурных взаимодействий Европы.

Ключевые слова: *Кристина Тривульцио ди Бельджойозо, женщины-художницы, женский взгляд, творческие практики, изобразительное искусство, портретная живопись, визуальные образы, автообраз, парижское общество первой половины XIX в., европейская культурная жизнь первой половины XIX в.*

На протяжении своей жизни миланская княгиня Кристина Тривульцио ди Бельджойозо (1808–1871) стремилась проявить себя в разных областях, включая общественную активность, писательство, благотворительность, организацию собственного салона, медицинский уход, научные исследования в эмиграции и другие направления. На их фоне в рамках ее жизненного пути линия художественного творчества в форме изобразительного искусства кажется совсем незаметной и даже незначительной. Вероятно, именно по этой причине визуальные источники, созданные княгиней, и в целом ее опыт как художницы в историографии ни разу не становились предметом специального изучения и в принципе игнорировались учеными. Однако немаловажно понять то, как можно интерпретировать коллекцию рисунков К.Т. ди Бельджойозо и что эти источники позволяют прояснить в контексте изучения феномена ее личности. Учитывая эти пробелы, цель статьи – оценить творческий опыт княгини К.Т. ди Бельджойозо как художницы на основе визуальных образов современников в созданных ею рисунках для реконструкции круга ее социальных и культурных связей.

Что касается источников, то сохранившиеся и обнаруженные изображения представляют собой небольшую коллекцию, состоящую из 15 рисунков, автором которых (на основе подписей на лицевой и оборотной сторонах работ) считается К.Т. ди Бельджойозо. Большинство из них

относится к портретному искусству, исполненному в жанре графики, и датировано периодом с 1820 по 1849 г., до эмиграции княгини на Ближний Восток. За рамками данной статьи находятся рисунок араба, относимый ко времени ее проживания в Османской империи в 1850–1855 гг., и зарисовка интерьера семейного дома в Милане, выпадающая из «портретной серии» 1820–1840-х гг. Если опираться на данные Генерального каталога культурного наследия Италии, сегодня коллекция хранится в частном собрании, размещенном в Замке Мазино (коммуна Каравино, провинция Турин). Известно также и то, что рисунки попали туда из виллы Плиниана на озере Комо – вместе с наследством маркиза Людовико Тротти Бентивольо (1829–1914), мужа Марии ди Бельджойозо Тротти Бентивольо (1838–1913), единственной дочери княгини. Портреты представляют особый интерес в плане того, чьи образы, то есть образы кого из современников, княгиня предпочла отобразить.

Предварительно стоит прояснить уровень владения К.Т. ди Бельджойозо навыками рисования. Традиция частного домашнего образования для девушек в семьях итальянской знати, как и в других европейских странах и США в первой половине XIX в., в обязательном порядке включала в себя уроки по рисованию, музыке, рукоделию[1], в плане чего княгиня не была исключением. Более того, именно ее учительница рисования, художница Эрнестина Леньяни Бизи (1788–1859), привела юную ученицу в тайное женское объединение «Società delle Giardiniere» («Общество садовниц»), концепция которого строилась на помощи карбонариям в деле освобождения и объединения Италии[2]. То есть она сыграла особую роль не только в обучении княгини живописи и графике, но и в качестве одной из первых политических наставниц в вопросе участия в Рисорджименто. Позднее К.Т. ди Бельджойозо поддерживала с ней близкие и теплые отношения. Так, в переписке с композитором Ференцем Листом, во время его концертов в Милане в 1838 г., она просила его навестить ее и поиграть для нее, подчеркивая, насколько важной стала для нее эта женщина: «В Милане есть человек, который для меня как вторая мать и как старшая сестра одновременно. С тех пор, как я потеряла мою мать, она одна все еще пробуждает во мне некоторые чувства, которые были предназначены для нее. Эта добрая и милая женщина, остроумная, оригинальная, простая, естественная, благочестивая, снисходительная, милосердная, зовется мадам Эрнестина Бизи, она художница, жена довольно известного живописца, мать семерых

[1] *Хигоннет А.* Образы – внешность, досуг и быт // История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны. СПб., 2015. Ч. II, гл. 11. С. 258. (1-е изд. 1990).

[2] *Barrago F.* Cristina di Belgiojoso, la principessa buona. Cagliari, 2019. P. 4, 6–7.

дочерей»[3]. Исполнение просьбы тоже было не лишено слов положительной оценки Э. Бизи как княгиней, так и Ф. Листом[4].

Так или иначе, с точки зрения развития художественных навыков в случае княгини речь должна идти не о строгом следовании академической традиции (к примеру, той же ломбардской школы живописи), а скорее о любительской живописи, на том уровне, на котором ей было принято обучать знатных девушек. Но, несмотря на то, что рисование не стало главным занятием итальянки, такой, казалось бы, неизбежный навык позволил ей творчески выразить себя не только пером, но и через визуальные образы на бумаге.

Исходя из того, кто был изображен ею, «галерею» образов на рисунках К.Т. ди Бельджойозо можно разделить на несколько групп. В первую очередь, среди них – семейные портреты, на которых можно видеть членов семьи Тривульцио, а затем, после второго брака матери княгини, семьи Висконти д'Арагона. К ним относятся два рисунка – портрет Виттории Герардини Тривульцио Висконти д'Арагоны (1790–1836)[5], которая представлена в образе зрелой женщины и матери в большой семье, кем она, скорее всего, и была в восприятии ее дочери, и портрет младшего сводного брата княгини Альберто Висконти д'Арагоны (1814–1895)[6], передавший его детский образ в видении художницы. Кроме того, что рисунки дают представление о ближайшем окружении К.Т. ди Бельджойозо, такие работы на самом деле стоит считать весьма типичными и ожидаемыми. Как отметила А. Хигоннет, и традиция, и практика женской живописи первой половины XIX в. во многом тяготели именно к частной сфере жизни художницы, к ее домашнему кругу, для которого и предназначались женские рисунки[7]. При этом выход за пределы домашнего пространства в выборе тем для рисунков являлся редким и не рекомендовался женщинам.

Вместе с тем, случай княгини в этом аспекте стал исключением из нормы, поскольку ее опыт художественного творчества был обратным этой тенденции – абсолютное большинство рисунков в коллекции

---

[3] Lettre de C.T. di Belgiojoso à F. Liszt. Paris, 19 Janvier 1838 // Autour de Mme d'Agoult et de Liszt (Alfred de Vigny, Émile Ollivier, Princesse de Belgiojoso). Lettres publiées avec introduction et notes / Éd. par D. Ollivier. P., 1941. P. 144–145.

[4] Lettre de F. Liszt à C.T. di Belgiojoso. Vienne, 13 Avril 1838 // Autour de Mme d'Agoult et de Liszt… P. 147. (1e ed. 1936); Lettre de C.T. di Belgiojoso à F. Liszt. Versailles, 2 Mai 1838 // Autour de Mme d'Agoult et de Liszt… P. 149.

[5] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Vittoria Gherardini Visconti d'Aragona. Tra il 1825 e il 1836. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // Catalogo generale dei Beni Culturali (далее – CGBC). [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047635 (accesso: 04.04.2026).

[6] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Alberto Visconti d'Aragona. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047619 (accesso: 04.04.2026).

[7] *Хигоннет А.* Указ. соч. С. 258–259.

изображает не родственников, а посторонних лиц, в том числе публичных личностей, известных общественности того времени. Среди них – ряд европейских деятелей политики, искусства, науки, включая таких знаковых персон парижского общества, как писатели Оноре де Бальзак (1799–1850)[8] и граф Альфред де Виньи (1797–1863)[9], художник Эжен Делакруа (1798–1863)[10], историк Огюстен Тьерри (1795–1856)[11], политик Эмиль де Жирарден (1806–1884)[12], а также будущий премьер-министр Королевства Италия граф Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861)[13]. Оценивая их визуальные образы, можно отметить, что рисунки отразили довольно неординарный взгляд на всех этих личностей, так как они не идентичны заказным портретам профессиональных живописцев, многие из которых часто были ориентированы на определенные цели репрезентации статуса и влияния. К тому же творчество К.Т. ди Бельджойозо, скорее всего, создавалось в менее формальном, бытовом контексте и без строгих академических фильтров. Например, историк О. Тьерри был тяжело больным человеком, к 1830 г. он полностью ослеп и был парализован, но ни один из других его портретов не показывает этого, в то время как рисунок княгини весьма реалистичен – в нем заметны черты настоящего состояния здоровья, определенная неестественность и скованность позы, другие подобные детали. В этом смысле взгляд княгини оказался более достоверным.

Эти портреты углубляют представление о культурном окружении К.Т. ди Бельджойозо. Вероятно, что все знакомства княгини с указанными деятелями случились в период ее проживания в Париже в 1830-х – начале 1840-х гг., где, по замечанию В.А. Мильчиной, светское общение

---

[8] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Honoré de Balzac. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100048583 (accesso: 04.04.2026).

[9] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Alfred de Vigny. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100048588 (accesso: 04.04.2026).

[10] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Eugène Delacroix. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100048584 (accesso: 04.04.2026).

[11] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Augustin Thierry. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100048585 (accesso: 04.04.2026).

[12] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Émile de Girardin. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // Cristina Trivulzio di Belgiojoso. [Risorsa elettronica]. URL: https://www.cristinabelgiojoso.it/wp/i-disegni-di-cristina/ (accesso: 04.04.2026).

[13] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di Camillo Benso conte di Cavour. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // Cristina Trivulzio di Belgiojoso. [Risorsa elettronica]. URL: https://www.cristinabelgiojoso.it/wp/i-disegni-di-cristina/ (accesso: 04.04.2026).

протекало в салонах, атмосфера которых в целом отличалась высоким интеллектуальным уровнем[14]. Учитывая, что К.Т. ди Бельджойозо держала там собственный салон[15], она имела шанс как принимать большое количество посетителей, так и непрерывно находиться в этом социокультурном контексте. При этом сохранившихся писем княгини к графу А. де Виньи, Э. Делакруа и Э. де Жирардену пока не найдено, однако факт существования рисунков доказывает, что они тоже входили в круг повседневного общения К.Т. ди Бельджойозо, причем весьма узкий, если были настолько близки княгине, что она выразила желание написать их портреты.

Помимо личностей, которых можно точно идентифицировать, отдельную группу рисунков княгини составляют работы, где изображены неизвестные лица людей разных социальных слоев. В сущности, интерпретировать их социальное происхождение и статус возможно по деталям их визуальных образов. Так, женские образы, рисунки маленькой девочки и двух более взрослых девушек[16], по всей видимости, показали представительниц либо итальянской аристократии, либо хорошо обеспеченного среднего класса, учитывая их платья и украшения. С другой стороны, рисунок мужчины (предположительно, пастуха)[17] мог передать собирательный образ крестьянина-арендатора и сельского жителя Ломбардии, чьи внешность и одежда были довольно простыми. Можно предположить, что за основу образов были взяты реальные личности, с которыми общалась княгиня, и в таком случае круг ее знакомств стоит понимать еще шире, добавив в него не только лиц, равных ей по статусу и известности, но и простых людей, выходцев из народа. Причем последнее вполне реально, учитывая благотворительные проекты К.Т. ди Бельджойозо в ее поместье в Локате (совр. Локате-ди-Триульци) в 1840-х

[14] *Мильчина В.А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013. Гл. 8. С. 226, 230.

[15] О салоне К.Т. ди Бельджойозо в Париже см.: *Yoon M.C.* Princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso: Her Passion for Music and Politics. DMusA. Dissertation. Washington, 2014. P. 64–75.

[16] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di una bambina. Tra il 1820 e il 1824. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047621 (accesso: 04.04.2026); Eadem. Ritratto di una ragazza. Tra il 1820 e il 1824. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047637 (accesso: 04.04.2026); Eadem. Ritratto di giovane donna. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047620 (accesso: 04.04.2026).

[17] *Belgiojoso C.T. di* Ritratto di un pastore. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047634 (accesso: 04.04.2026).

гг.[18], когда она взаимодействовала с сельским населением и, тем самым, не связывала себя социальными ограничениями в том плане, кого можно рисовать, а кого – недопустимо для нее как для аристократки.

Последний рисунок коллекции имеет смысл рассмотреть отдельно, так как он является автопортретом К.Т. ди Бельджойозо[19]. Рисунок, вероятнее всего, созданный в 1820–1830-х гг., весьма показателен с точки зрения специфики саморепрезентации и автообраза княгини, ведь он отразил то, как она видела саму себя в ранние годы. Среди деталей ее образа – спокойное и довольно скромное выражение лица, весьма простая одежда, отсутствие каких-либо излишеств и украшений. Возможно, так она воспринимала себя как минимум в начале своего пути общественной деятельницы, и не исключено, что в будущем черты этой скромности быстро сменились уверенностью. Также стоит сравнить этот рисунок с портретами княгини профессиональных живописцев (в частности, с полотном Франческо Айеца[20] и с картиной Анри Лемана[21]). Если в них ощутима репрезентация возвышенного, то есть высокого социального статуса, влияния и даже роскоши, то автопортрет княгини отмечен всеми противоположными свойствами. В сравнении эти работы можно интерпретировать, с одной стороны, как подлинный автообраз – то, как К.Т. ди Бельджойозо видела себя сама, со всеми сомнениями, противоречиями, трудностями, – и, с другой стороны, как специально сконструированный образ для других – как она хотела преподнести себя окружающим, как пыталась казаться и стать не такой, как другие женщины.

Таким образом, визуальные образы в коллекции рисунков К.Т. ди Бельджойозо крайне разнообразны и ценны для изучения как социокультурных реалий европейского общества, так и ее биографии. Опыт художественного творчества княгини представляет собой своего рода «срез» европейского общества ее времени – все рисунки в совокупности составляют коллективный портрет эпохи первой половины XIX в., который включил в себя самых разных людей и, что немаловажно, даже автора работ. Важно подчеркнуть не однотипность, а, напротив, крайнее разнообразие «галереи» лиц, запечатленных К.Т. ди Бельджойозо. В частности, присутствуют гендерные и возрастные различия (среди рисунков есть женские и мужские образы, образы детей, молодежи,

[18] О благотворительности К.Т. ди Бельджойозо в Локате см.: *Barrago F.* Op. cit. P. 14–15.

[19] *Belgiojoso C.T. di* Autoritratto. Tra il 1825 e il 1849. Collezione privata, Castello di Masino, Caravino // CGBC. [Risorsa elettronica]. URL: https://catalogo.beniculturali.it/detail/HistoricOrArtisticProperty/0100047636 (accesso: 04.04.2026).

[20] *Hayez F.* Ritratto di Cristina Trivulzio di Belgiojoso. 1832. Collezione privata, Firenze // Cristina Trivulzio di Belgiojoso. [Risorsa elettronica]. URL: http://www.cristinabelgiojoso.it/wp/galleria-2/i-ritratti-di-cristina/ (accesso: 04.04.2026).

[21] *Lehmann H.* Ritratto di Cristina Trivulzio di Belgiojoso. 1843. Collezione privata, Castello Dal Pozzo, Oleggio Castello // Cristina Trivulzio di Belgiojoso. [Risorsa elettronica]. URL: http://www.cristinabelgiojoso.it/wp/galleria-2/i-ritratti-di-cristina/ (accesso: 04.04.2026).

взрослых людей), а также социальные и профессиональные критерии (коллекция раскрывает образы представителей аристократии, деятелей общественности, политики, искусства, науки и простых сельских жителей). К тому же художественный взгляд К.Т. ди Бельджойозо передал одновременно частно-семейное пространство домов Тривульцио и Висконти д'Арагона и общественные реалии ломбардского и парижского общества, причем с акцентом именно на публичную сферу, а не на приватную атмосферу, в чем выразилась нестандартность подхода княгини к творческим практикам женщин-художниц.

В отношении самой К.Т. ди Бельджойозо эти рисунки позволяют судить и о том, насколько широким и вариативным был круг социальных и культурных связей княгини. В этом смысле коллекция продолжает список известных персон, для кого К.Т. ди Бельджойозо стала центром притяжения и важным связующим звеном в пространстве межкультурных взаимодействий Европы. Более того, рисунки подтверждают и то обстоятельство, что ее опыт не ограничивался рамками элитарного общества и включал контакты с простыми людьми, особенно с населением Ломбардии, о нуждах которого она хотела быть осведомленной, чтобы предложить социальную помощь и преодолеть эти трудности на пути к объединению Италии. Все эти аспекты дают более глубокое понимание общественной деятельности княгини, ее мотивов и инициатив.

Список литературы

Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.

Хигоннет А. Образы – внешность, досуг и быт // История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ж. Фрассе; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2015. Ч. II, гл. 11. С. 254–270. (1-е изд. 1990).

Barrago F. Cristina di Belgiojoso, la principessa buona. Cagliari: L'Universale, 2019. 112 p.

Yoon M.C. Princess Cristina Trivulzio di Belgiojoso: Her Passion for Music and Politics. DMusA. Dissertation. Washington: University of Washington, 2014. 145 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 11.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ РОДСТВА И СЕМЕЙНОЙ ИЕРАРХИИ В ИМПЕРИИ ЦИН (ПО РОМАНУ ЦАО СЮЭЦИНЯ «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»)

Н.В. Утицких
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Белова,
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье анализируется роль женщин в семейной иерархии Цинской империи на основе романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Особое внимание уделяется изучению отношений внутри семьи, где женщины, несмотря на патриархальные нормы, могли занимать влиятельные позиции. Ставится проблема выявления особенностей положения женщин разного статуса для определения их возможностей внутри системы родства. Цель – определить специфику ролей женщин в семейной иерархии в империи Цин. С помощью антропологического анализа терминов родства, которые несут значительный культурный подтекст, демонстрируются скрытые механизмы распределения власти, степень эмоциональной близости и нормативные ожидания, связанные с различными родственными связями. Результаты работы расширяют представления о социальной реальности и повседневной жизни женщин империи Цин.

Ключевые слова: *женская повседневность, имперский Китай, империя Цин, китайская культура, китайская литература, китайский роман, китайская семья, китайская система родства, «Сон в красном тереме», Цао Сюэцинь.*

Роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» представляет собой вершину китайской классической литературы, детально описывающий структуру знатной семьи эпохи Цин. В центре повествования находится дом Цзя – клан, жизнь которого регулируется строгими конфуцианскими нормами, определяющими место каждого человека в сложной системе родства и социальной иерархии. Особое внимание в романе уделено женским образам, через которые автор раскрывает механизмы функционирования «внутренних покоев», то есть женских.

Рассматривая данную тему, нужно отметить связанную с ней историю повседневности, в центре внимания которой, как пишет Н.Л. Пушкарева, – «жизненные проблемы и их осмысление теми, кто живет рядом или жил до нас, подчас оставшись безымянным в истории»[1]. Учитывая тему, связанную с восприятием знатных девушек империи Цин, важно проанализировать их уклад жизни, а значит стоит упомянуть о понятии «женская повседневность». А.В. Белова дает такое определение:

[1] *Пушкарева Н.Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 10.

«…способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализированного женского опыта (как отрефлексированного, так и ментального, вербального и телесного, эмоционального, культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и др.)»[2]. Таким образом, рассматривая женщин в системе родства и семейной иерархии, нельзя не упомянуть о понятиях, которые представляют основу темы.

Во времена маньчжурской династии, как отмечает В.Я. Сидихменов, «большую роль продолжал играть клан – семейно-родовое объединение с общим предком по мужской линии»[3]. Семейная система империи Цин базировалась на принципах патрилинейности, патрилокальности и строгого подчинения младших старшим. Как утверждает Ю.А. Селиверстова, «с самых древних времен китайская семья воплощала собой модель устройства всего государства Поднебесной»[4]. Таким образом, каждому члену общества отводилась своя роль, как в государстве, так и в семье. Отмечается, что «система китайского родства создана на основе древнекитайского семейного института «цзун-цзу» (宗族) (XI–VIII вв. до н. э.)…»[5]. В словаре указывается, что 宗族 – «это семья, объединенная по отцовской линии. Люди, принадлежащие к одному клану, являются родственниками по отцовской линии»[6].

Так, понятия определяются как «“Цзун” (宗) – кровное родство прямой линии по отцу, а “цзу” (族) – кровное родство боковых линий»[7]. Также в системе родства важную роль играют понятия «свой» и «чужой». Так, «… только родство по отцу (или по мужу) является “своим”, тогда как родство по матери и по жене – “чужие”»[8]. Существует множество примеров: «дедушка – 爷爷 (отец отца) / 姥爷 (отец матери), бабушка – 奶奶 (мать отца) / 姥姥 (мать матери), внук – 孙子 (сын сына) / 外孙子 (сын дочери), внучка – 孙女 (дочь сына) / 外孙女 (дочь дочери)…»[9]. Однако реальная структура власти в доме Цзя, описанная в романе, оказывается гораздо сложнее. Она основывалась на культе предков и сохранении целостности клана.

Статус женщины определялся тремя ключевыми факторами: возрастом, родословной, статусом в браке. Д. Шоссанд пишет: «В

---

[2] *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 91.

[3] *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1978. С. 396.

[4] *Селиверстова Ю.А.* Роль женщины в цинском обществе с точки зрения ценностных основ традиционной семьи в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2010. № 3. С. 58.

[5] *Цюй Ю.* Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в русском и китайском языках // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 150–151.

[6] 海涛王安节编著。亲属称呼辞典。吉林:吉林数育出版社, 1998。207 頁。Хай Тао, Ван Аньцзе. Циньшу чэнху цыдянь. Цзилинь, 1998. С. 207.

[7] *Цюй Ю.* Указ. соч. С. 150–151.

[8] Цит. по: Там же. С. 151.

[9] Цит. по: Там же.

традиционном китайском обществе допускалось многоженство. Мужчина, имевший достаточно средств… мог помимо супруги (ци) иметь одну или несколько наложниц – фактически побочных жен (це). Их положение в семье было ниже, чем у главной жены… Но эти общие принципы не всегда строго соблюдались, в зависимости от возраста и положения женщины в семейном клане…»[10].

Жизнь женщин в романе подчинена системе «трех послушаний и четырех достоинств/добродетелей» (三從四德). Д. Шоссанд уточняет: «Три покорности утверждали, что женщина всю жизнь остается в подчинении: отцу до брака, мужу в браке, старшему сыну во вдовстве… они должны были являть достоинство в четырех областях: в поведении, в разговоре, во внешности и в работе»[11]. Безусловно, важно отметить, что статус женщин мог меняться не только от соблюдения или нарушение правил, но и от наличия наследников. Э.А. Синецкая указывает: «И если в Европе повышение статуса женщины было возможно лишь в результате удачного замужества (или получении выгодного наследства в качестве приданого), то в Китае это бывало в результате материнства (естественно, при рождении сына-наследника)»[12].

Наивысшее положение в романе в семейной иерархии занимает Матушка Цзя. Будучи старейшей представительницей рода, она является моральным и ритуальным центром семьи. Даже ее сыновья, занимающие высокие государственные посты, обязаны беспрекословно подчиняться ее воле. Именно от ее благорасположения зависит судьба младших членов семьи. Например, она решает конфликт между Фын-цзе и Цзя Лянем: «Нет – он еще вздумал бить жену! О Фын-цзе все говорят, что она “тиран”! До какого же состояния нужно дойти, чтобы напугать даже “тирана”! Если б не я, ты бы, наверное, ее убил!.. Слова матушки Цзя расстроили Цзя Ляня, а когда он взглянул на Фын-цзе, которая стояла тут же неубранная, ненапудренная, с пожелтевшим после бессонной ночи лицом, сердце его сжалось от боли, и он подумал: “Попрошу у нее извинения; так для нас обоих будет лучше. И старая госпожа будет довольна”»[13]. Таким образом, положение матушки Цзя демонстрирует, что в цинском обществе пожилая женщина, успешно выполнившая свой долг перед родом, могла обрести значительную автономию и власть.

Рассматривая положение вдов, стоит отметить, что «в литературных памятниках эпох Мин и Цин сохранились упоминания о хранящих чистоту вдовах и похороненных живьем вместе с мужем женщинах; в действительности таких женщин из высших слоев общества было немного,

---

[10] *Шоссанд Д.* Китай в XVIII веке. Расцвет империи Цин / пер. с фр. Н.Н. Зубкова. М., 2016. С. 254.

[11] Там же.

[12] *Синецкая Э.А.* Женщина=мать: китайские особенности // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН: в 2 т. Смоленск; М., 2016. Т. 2. С. 182.

[13] *Цао С.* Сон в красном тереме: роман в 2 т. / пер. с кит. В. Панасюк, Л. Меньшиков. М., 2024. Т. 1. С. 629.

и к тому же они зачастую испытывали давление со стороны рода и общественной морали»[14]. Э.А. Синецкая указывает: «…по смерти мужа жена его должна была подчиняться сыновьям. Однако, с точки зрения автора, между законом и “культурным установлением” была существенная разница: при живой матери сыновья не имели права отделиться, “вдова управляла всем и сыновья со своими семействами не могли противоречить матери”». Все остальные женщины в доме – наложницы, служанки и прочие – имели ничтожные (от слова “ничто”, то есть отсутствие) права»[15]. В романе молодая вдова старшего внука, Цзя Чжу, – Ли Вань описывается так: «В ранние годы потеряв мужа, Ли Вань, несмотря на то что жила в довольстве и роскоши, исхудала, стала похожей на засохшее дерево или мертвый пепел, перестала интересоваться окружающим. Все ее внимание сосредоточилось на воспитании сына и на служении родителям покойного мужа; в свободное время она вместе со служанками занималась вышиванием или читала вслух»[16]. Описание Ли Вань демонстрирует, как роль вдовы в рамках конфуцианских норм превращает жизнь женщины в отчуждение.

Одной из наиболее острых тем романа является противопоставление законных жен и наложниц, что уже наблюдалось и в истории Фын-цзе. Ч.П. Фицджеральд указывает: «Наложницы обитали под одной крышей с законной женой, которой они всецело подчинялись. Часто в хозяйстве они выполняли обязанности прислуги. Законная жена не имела права жаловаться мужу, если ей не по нраву пришлось присутствие той или иной наложницы»[17]. Законная жена считалась матерью всех детей своего мужа, включая тех, кого родили наложницы. Это создавало сложную систему соподчинения. Ч.П. Фицджеральд утверждает: «Настоящие же матери (наложницы) теряли всякие права на своих детей. В случае смерти законной супруги муж мог либо обзавестись новой, либо возвести в сан законной жены и хозяйки дома одну из наложниц»[18].

В романе «Сон в красном тереме» госпожа Ван, законная жена Цзя Чжэна, обладает официальным статусом одной из хозяек дома. Наложница, тетушка Чжао, несмотря на наличие двоих детей от Цзя Чжэна, остается в полузависимом положении, фактически приравниваясь к высокопоставленной прислуге. Так, она говорит: «В этом доме я уже много лет варюсь словно в кипящем масле, я здесь родила сына, состарилась, а сейчас оказалась ниже Си-жэнь!»[19]. Ее дети, Таньчунь и Цзя

---

[14] Цит. по: История китайской цивилизации: в 4 т. Т. 4: Конец правления династии Мин и династия Цин (1525−1911) / гл. ред. Лоу Юйле / пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. М., 2020. С. 396.

[15] *Синецкая Э.А.* «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. М.; СПб., 2019. С. 300.

[16] *Цао С.* Указ. соч. С. 69.

[17] *Фицджеральд Ч.П.* История Китая / пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М., 2004. С. 433.

[18] Там же.

[19] *Цао С.* Указ. соч. С. 795.

Хуань, считаются детьми госпожи Ван, что приводит к разным конфликтам.

Говоря о Таньчунь, стоит отметить, что для других семей ее статус всегда будет восприниматься второстепенным. Она была умна, решительна, но происхождение ограничивало ее возможности. Так, в романе есть такие строки: «Жаль только, что у нее такая несчастная судьба и родилась она от наложницы, а не от законной жены!.. Пусть все законные и побочные дети одинаковы, но положение дочки куда хуже, чем положение сына. Ныне люди стали привередливыми, и когда наступит время Тань-чунь выходить замуж, они первым долгом захотят узнать, законная ли она дочь. Многие не очень жалуют и не хотят брать в жены побочных дочерей. Они и понятия не имеют о том, что побочная дочь, если она обладает хорошим характером, может оказаться во сто раз лучше законной»[20]. Это подчеркивает, что даже талант и добродетель Таньчунь не могли преодолеть ее статус при рождении, что делало ее менее желательной партией для самых знатных семей.

В романе присутствует еще один пример судьбы наложницы. Юаньчунь, старшая сестра Баоюя, ставшая императорской наложницей, приносит семье небывалую славу и богатство. Ее визит домой становится не радостной встречей с родными, а скорее демонстрацией успехов и подтверждением высокого социального статуса семьи. Для самой Юаньчунь жизнь во дворце – это «золотая клетка», где она остается «чужой». Она говорит: «Когда-то вы провожали меня туда, где нет возможности видеться с вами, а теперь, когда я вернулась домой, вы плачете, вместо того чтобы радоваться и смеяться. Ведь я скоро снова уеду, и неизвестно, удастся ли нам еще когда-нибудь свидеться! Она опять не выдержала, и рыдания сдавили ей горло»[21]. В ее грустных словах и взглядах угадывается осознание того, что личные желания и стремления принесены в жертву на алтарь семейных интересов.

В романе «Сон в красном тереме» помимо внутренних женских покоев появляется «иное место», построенное для приема Юаньчунь, – Сад Роскошных Зрелищ. Он выступает не только своеобразной метафорой девичества, но и представляет пространство, где молодые женщины клана получают временную свободу от жесткой иерархии внешнего мира.

Таким образом, семейная иерархия, основанная на конфуцианских ценностях, обеспечивала стабильность рода, но лишала женщину индивидуальности. Несмотря на систему родства женщины в империи Цин, будучи формально лишенными прав во «внешнем мире», создавали внутри семейной структуры свою систему, что доказывают примеры старших женщин в семье Цзя.

[20] *Цао С.* Указ. соч. С. 803.
[21] Там же. С. 255.

Список литературы

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.

История китайской цивилизации: в 4 т. Т. 4: Конец правления династии Мин и династия Цин (1525−1911) / гл. ред. Лоу Юйле / пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. 695 с.

Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 3–19.

Селиверстова Ю.А. Роль женщины в цинском обществе с точки зрения ценностных основ традиционной семьи в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2010. № 3. С. 58–73.

Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 1978. 446 с.

Синецкая Э.А. Женщина=мать: китайские особенности // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Смоленск, 13−16 октября 2016 г.: в 2 т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск; М.: СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 181–184.

Синецкая Э.А. «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. М.; СПб.: ИВ РАН, Нестор-История, 2019. 432 с.

Шоссанд Д. Китай в XVIII веке. Расцвет империи Цин / пер. с фр. Н.Н. Зубкова. М.: Вече, 2016. 288 с.

Фицджеральд Ч.П. История Китая / пер. с англ. Л. А. Калашниковой. М.: Центрполиграф, 2004. 458 с.

Цюй Ю. Лингвокультурологический анализ систем терминов родства в русском и китайском языках // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 149–152.

海涛王安节编著。亲属称呼辞典。吉林:吉林数育出版社，1998。253頁。Хай Тао, Ван Аньцзе. Циньшу чэнху цыдянь. Цзилинь: Цзилинь цзяоюй чубаньше, 1998. 253 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

АБОЛИЦИОНИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В США В XIX ВЕКЕ

Е.С. Федорова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.И. Лисицына,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена влиянию аболиционизма на становление женского движения в США и их взаимосвязи в XIX в. Привлечение таких текстов, как «Декларация чувств», «Разве я не женщина?» и др., позволило понять специфику положения женщин в американском обществе в зависимости от социальной и расовой принадлежности и оценить основные требования активисток. Были сделаны выводы о том, что формирование основы для «первой волны» феминизма и афроамериканского феминизма происходило в контексте аболиционистского движения и что уже в начале развития движения происходит деление на умеренную и более радикальную ветвь в вопросах, касающихся институтов брака и семьи.

Ключевые слова: *история США, аболиционизм, женское движение, У.Л. Гаррисон, Ф. Дуглас, А. Гримке, С. Гримке, С. Трут, Ф. Райт, Л. Мотт, Э.К. Стэнтон*.

В 1830–1850-е гг. в США происходит расцвет аболиционизма – движения, направленного на уничтожение рабства на Юге. В 1850 г. в рамках дела «Дредд Скотт против Сэндфорда» было закреплено положение раба как собственности. Из этого вытекали следующие последствия в правовой сфере: раб мог жениться или развестись только с разрешения владельца; раб мог быть продан; запрещалось обучение рабов; в суде не принимались показания рабов; к ним применялись более суровые наказания, чем к «белым»; в некоторых случаях хозяин мог лично наказывать рабов[1].

В это же время женщины начинают заниматься социальной деятельностью и создают различные общества, например, по борьбе с проституцией и пьянством. Некоторые женщины присоединяются к движению против «особого института» Юга[2] и приносят существенный вклад в развитие аболиционизма.

[1] *Финкельман П.* Как американский закон и Конституция США определяли рабство // НЛО. 2016. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2016/6/kak-amerikanskij-zakon-i-konstitucziya-ssha-opredelyali-rabstvo.html (дата обращения: 29.03.2026).

[2] *Аптекер Г., Уинстон Г., Холл Г.* Черные американцы в истории США. М., 1986. С. 89.

В XIX в. положение американских женщин было ограничено правовыми и общественными институтами. Женщина не имела права голоса и экономических прав. Одна из будущих активисток Элизабет Кэди Стэнтон в детстве стала очевидцем ситуации, когда женщина не могла получить право на владение фермой, купленной на личные сбережения в браке, так как по закону ферма принадлежала ее мужу[3]. В обществе был сформирован традиционный идеал женщины[4]: покорная, непорочная, набожная хозяйка очага, не очень образованная, патриотически настроенная, так как женщина занимается воспитанием детей и должна прививать им любовь к своей стране.

Аболиционизм и женское движение были связаны не только участием женщин, но и идейной основой. Лидеры аболиционизма высказывались о положении женщин. Так, Уильям Ллойд Гаррисон, ключевая фигура аболиционизма, считал, что мужское презрение к женскому движению связано со страхом перед гневом угнетенных женщин. Его соратник, бывший раб Фредерик Дуглас, в «Редакционной статье Норт стар»[5] открыто поддержал женское движение. По его мнению, борьба за женские права получает незаслуженно презрительно-насмешливые оценки и меньшее внимание, чем обсуждение прав животных. Он также связывает борьбу за права афроамериканцев с борьбой за женские права: «Многих из тех, кто, наконец, обнаружил, что негры обладают определенными правами, точно так же как другие члены человеческого сообщества, еще предстоит убедить, что женщины тоже могут на что-то претендовать». Дуглас заявлял, что аболиционисты не разделяют идеи притеснения прав женщин и окажут поддержку их движению.

В рамках аболиционизма часть активисток начинает создавать идеологические документы для женского движения. Одним из самых главных является «Декларация чувств»[6] Лукреции Мотт и Элизабет Кэди Стэнтон. Авторы заявляют о том, что женщины на протяжении всей истории подвергались тирании мужчин: им отказывали в праве голоса; заставляли подчиняться законам, которые женщины не создавали; запрещали иметь собственность и т. д. В документе звучал призыв об уравнении мужчин и женщин не только в правовой сфере (материальная независимость, равное образование, право на вступление в брак по собственному желанию, сохранение экономической свободы и право голоса), но и в социальной и религиозной: по мнению авторов документа, общество должно требовать от мужчин и женщин одинаковый уровень нравственности и предоставить женщинам право на проповедничество.

---

[3] *Эванс С.* Рожденная для свободы. М., 1993. С. 84.

[4] *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2006. С. 143–145.

[5] *Дуглас Ф.* Редакционная статья из газеты «Норт стар» // Феминизм: проза, мемуары, письма. М., 1992. С. 117–120.

[6] *Мотт Л., Стэнтон Э.К.* Декларация чувств // Там же. С. 107–116.

Элизабет Стэнтон считала необходимым наличие равных социальных и экономических прав у мужчин и женщин. При этом женщины должны были участвовать в создании этих прав, потому что без их прямого участия мужчины будут принимать законы, удобные только им. Стэнтон выступала за реформирование брака, но не за его отмену. По ее мнению, материнство и брак не препятствуют успешной публичной деятельности, а придают женщинам «женственность» и «одухотворенность»[7].

Маргарет Фуллер в книге «Женщина в девятнадцатом столетии»[8] разрушает существовавшие на тот момент стереотипы о женщинах. Она утверждает, что вопреки представлению о том, что женщинам принадлежит более ограниченное пространство для деятельности, им также свойственен выход за пределы дома; приводится пример с древними афинянками, которых не пускали на базарную площадь, но те часто ходили на религиозные собрания. Также опровергая суждение о том, что женская физиология не позволяет женщинам участвовать в серьезных мероприятиях, писательница отмечает, что беременных афроамериканку или швею не будут считать неспособными к работе в поле или шитью. Фуллер считала, что для достижения благополучия женщин нужно снести любые барьеры, которые могут помешать им реализоваться так же, как мужчинам.

Шотландская аболиционистка Френсис Райт, переехавшая в США и организовавшая в штате Теннеси коммуну «Нашоба», которая должна была подготовить рабов к освобождению, но ее задумка потерпела неудачу. Она выступала за свободный и равный выбор партнеров, моногамию без брака, беспрепятственный доступ к контрацепции и имущественные права для замужних женщин[9]. В качестве решения расовой проблемы Райт предлагала разрешение сексуальных отношений между «белыми» и афроамериканцами[10]. В 1828 г. она выступила перед смешанной аудиторией – мужчинами и женщинами – с циклом лекций[11], в которых выдвинула идею о том, что мужчины как «правящий класс» должны беспокоиться об угнетенных женщинах, так как всегда положение правителей зависит от людей, которыми они управляют. Также Райт утверждала, что положение женщины является «индикатором» развития общества, и получение женщиной образования и ее развитие способствуют прогрессу общества в целом.

---

[7] *Овчаренко А.О.* Идейно-теоретическое обоснование борьбы женщин за равноправие в США // Человеческий капитал. 2022. № 5. С. 14.

[8] *Фуллер М.* Женщина в девятнадцатом столетии // Феминизм: проза, мемуары… С. 91–102.

[9] *Коллинз Г.* Женщины Америки. [Электронный ресурс]. URL: https://myprogressivearchive.com/tag/zhenshhiny-ameriki/ (дата обращения: 05.04.2026).

[10] *Эванс С.* Указ. соч. С. 86.

[11] *Райт Ф.* Курс публичных лекций // Феминизм: проза, мемуары… С. 40–48.

Одними из ярких аболиционисток Юга были сестры Гримке, Ангелина и Сара, выросшие в семье рабовладельцев. Из-за религиозных соображений сестры становятся противницами рабства. В 1833 г. Ангелине удается связаться с Гаррисоном, в 1836 г. сестры становятся единственными женщинами, приглашенными на «Собрание семидесяти», где давались наставления новым пропагандистам аболиционизма. Сестры выступали с лекциями о преступлениях рабовладения как прямые свидетели. Они также помогали Теодору Уэлду с созданием трактата «Рабство как оно есть», где собраны свидетельства очевидцев, личных рассказов вольноотпущенников, беглых рабов, настоящих и бывших рабовладельцев[12].

Сара опубликовала в 1838 г. «Письма о равенстве полов и положении женщины»[13], которые посвящены непосредственно положению женщины. В письме к Мэри Паркер, президенту женского антирабовладельческого общества, Сара рассуждает об искаженном толковании Священного писания; она обращается к моменту создания человека Богом и отмечает, что в тексте нет никаких упоминаний о том, что мужчина и женщина были созданы разными, и по замыслу Бога они должны были властвовать над другими тварями, а не друг над другом. В одном из писем к сестре она рассуждает на тему греха Евы и не снимает с нее ответственности за это, но с сарказмом отмечает, являются ли мужчины в таком случае настолько разумными, если Адам принял плод греха от Евы. Также Сара негативно высказывалась о положении женщины в браке: в более привилегированных слоях общества женщина имеет экономическую и социальную поддержку, но вынуждена подчиняться мнению мужа, скрывая свое, а в бедных слоях женщины страдают от домашнего насилия со стороны мужей, которые, казалось бы, должны их защищать. Главной причиной «падения» женщины в браке, по мнению Сары, является противоестественная идея о превосходстве мужчины, и пока она не будет отброшена, то положение женщины не изменится. Можно сделать вывод о том, что во взглядах первых активисток женского движения формируются две ветви по отношению к браку: умеренная (брак необходим женщине) и радикальная (негативное отношение к институту брака или отказ от него).

Как подчеркивают многие исследователи[14], положение рабынь осложнялось тем, что они помимо выполнения работы наравне с мужчинами должны были заниматься и воспитанием детей, а также часто подвергались насилию со стороны своих хозяев. Поскольку рабы не могли заключать браки, что мешало становлению института брака в

[12] *Денисова Т.Н.* Литература и публицистика аболиционизма // История литературы США. М., 2000. Т. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-3/denisova-literatura-abolicionizma.htm (дата обращения: 01.04.2026).

[13] *Гримке С.М.* Письма о равенстве и положении женщин // Феминизм: проза, мемуары... С. 59–76.

[14] *Фостер У.З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955. С. 212–213

афроамериканских семьях, афроамериканки становились во главе семьи и хозяйства. В таких условиях они часто были участницами восстаний рабов, а потому внесли немалый вклад в деятельность аболиционистов. Гарриет Табмен, одна из беглых рабынь, стала проводницей знаменитой «подземной железной дороги» и способствовала побегу около трехсот рабов[15].

Также одна из бывших рабынь Соджернер Трут спустя несколько лет после освобождения от рабства решилась давать выступления по всей стране для сохранения памяти о преступлениях рабовладельцев. За свою жизнь она так и не смогла овладеть грамотой, поэтому ее главным инструментом стала ее речь. В речи «Разве я не женщина?»[16] она поднимает проблему расы и пола, приходя к выводу о том, что афроамериканки страдают так из-за своей расы, как и пола. Трут размышляет об отношении к женщинам, что они должны были получать особенное отношение в обществе, но она к себе подобного отношения не испытывала, а как рабыня вынуждена была работать. Также она высмеивает одного из мужчин, который утверждал, что женщина не может иметь такие же права, как мужчина, потому что Иисус Христос не был женщиной. Трут отмечает, что в процессе его создания участвовали только Бог и женщина, без мужчины. В другой речи – «Который теперь час ночи?»[17] – Трут сравнивает борьбу женщин с Библейской историей о царице Эсфирь, которая не побоялась заступиться за свой народ и в итоге получает полцарства. По ее мнению, современные женщины, как и Эсфирь, отстаивают свои права.

После отмены рабства четырнадцатая поправка дала право голоса афроамериканцам, что вызвало недовольство среди первых феминисток, которые считали, что женщины также получат избирательное право. В это же время многие аболиционисты отказываются от поддержки женского движения, ссылаясь на важность защиты прав афроамериканцев. Например, Уэндэлл Филлипс – глава Антирабовладельческого общества до 1870 г., один из сторонников Гаррисона, присоединившийся к аболиционизму под влиянием своей жены и поддерживающий получение женщинами прав[18]. В 1867 г. Трут выступает с речью «Ковать железо пока горячо»[19], в которой говорит о необходимости продолжения борьбы за женские права в ближайшее время. В ней она также проводит параллель между женщинами и афроамериканцами, ведь, по ее мнению, женщины

---

[15] *Фридман М.Дж.* Свободны наконец. Движение за гражданские права в США. М., 2006. С. 11–12.

[16] *Трут С.* Разве я не женщина? // Феминизм: проза, мемуары… С. 130–134.

[17] *Трут С.* Который теперь час ночи? // Там же. С. 135–137.

[18] *Сироткин С.О.* Раскол аболиционистского движения в США: позиция Уэнделла Филлипса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 45–66. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raskol-abolitsionistskogo-dvizheniya-v-ssha-pozitsiya-uendella-fillipsa (дата обращения: 02.04.2026).

[19] *Трут С.* Ковать железо, пока горячо // Феминизм: проза, мемуары… С. 176–181.

должны получить свои права по тому же принципу, что афроамериканцы были освобождены от рабства.

Таким образом, в рамках аболиционизма были сформулированы требования для «первой волны» феминизма о наделении женщин политическими и экономическими правами. Также поднимается проблема давления на женщину не только социальными стереотипами, связанными с ее полом, но и дискриминацией по расовому признаку, что становится основой для афроамериканского феминизма в XX в.

К концу XIX в. формируются радикальная и более умеренная ветви женского движения в отношении семьи и брака. Представительницы более умеренной ветви, Мотт и Стэнтон, считали необходимыми для женщины, но и не отрицали влияния мужчин в угнетения женщины. Условно радикальные активистки, С. Гримке и Райт, негативно относились к браку. Сара считала, что женщина в браке только страдает и деградирует, а Райт выступала за отношения без заключения брака.

В контексте аболиционизма женское движение получило идеологическую базу для дальнейшего развития и поставило проблемы отсутствия политических и экономических прав у женщин и притеснения в социальной сфере, большего давления с точки зрения нравственных норм и отсутствия права на равное с мужчинами образования. Также аболиционизм дал будущим активисткам опыт политической борьбы, который был получен в рамках участия в общественной и публицистической деятельности. Фактически освобождение рабов и получение ими права голоса стало прецедентом для получения женщинами права голоса в будущем.

Список литературы

Аптекер Г., Уинстон Г., Холл Г. Черные американцы в истории США: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. 254 с.

Денисова Т.Н. Литература и публицистика аболиционизма // История литературы США. М.: Наследие, 2000. Т. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-3/denisova-literatura-abolicionizma.htm (дата обращения: 01.04.2026).

Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Весь Мир, 2006. 878 с.

Коллинз Г. Женщины Америки. [Электронный ресурс]. URL: https://myprogressivearchive.com/tag/zhenshhiny-ameriki/ (дата обращения: 05.04.2026).

Овчаренко А.О. Идейно-теоретическое обоснование борьбы женщин за равноправие в США // Человеческий капитал. 2022. № 5. С. 11–19.

Сироткин С.О. Раскол аболиционистского движения в США: позиция Уэнделла Филлипса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 3. С. 45–66. [Электронный ресурс]. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/raskol-abolitsionistskogo-dvizheniya-v-ssha-pozitsiya-uendella-fillipsa (дата обращения: 02.04.2026).

Финкельман П. Как американский закон и Конституция США определяли рабство // НЛО. 2016. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2016/6/kak-amerikanskij-zakon-i-konstitucziya-ssha-opredelyali-rabstvo.html (дата обращения: 29.03.2026).

Фостер У.З. Негритянский народ в истории Америки. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 803 с.

Фридман М.Дж. Свободны наконец. Движение за гражданские права в США. М.: Фонд Либеральная миссия: Новое издательство, 2006. 236 с.

Эванс С. Рожденная для свободы: История американских женщин. М.: Прогресс: Литера, 1993. 317 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАПОЛЕОНА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ

Н.С. Бойков
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Н.А. Лучинина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу династической политики Наполеона как инструмента объединения Европы. Рассматривается эволюция его представлений о европейском объединении: от идеи конфедерации «сестринских республик» к созданию системы зависимых государств и «братских королевств», возглавляемых членами семьи Наполеона, до консолидации империи путем аннексии территорий. Особое внимание уделяется практическому функционированию данной системы на примере правления родственников Наполеона в различных европейских государствах. Выявлено, что династическая политика на практике столкнулась с рядом противоречий: конфликтами интересов, стремлением правителей к самостоятельности, а также сопротивлением местного населения. Делается вывод о том, что данная политика не обеспечила устойчивости имперской системы и стала одним из факторов ее кризиса.

Ключевые слова: *Наполеон Бонапарт, имперская система, династическая политика, Французская империя, «сестринские республики», «братские королевства», континентальная блокада*.

В зарубежной историографии весьма давно сложилось устойчивое убеждение в правомерности идеи объединения Европы. Однако отечественная историография обратилась к исследованию данной проблематики довольно поздно. Первым исследователем, предпринявшим изучение самых разнообразных идей и попыток объединения Европы, стал советский историк А.О. Чубарьян, опубликовавший в 1987 г. монографию «Европейская идея в истории»[1].

Вопрос объединения европейских государств, их институционального сближения и создания наднациональных организаций прежде всего связывается с созданием Европейского союза – наиболее завершенной формой единой Европы в сравнении с другими попытками интегрировать эту часть света. Безусловно, существовали и другие идеи и попытки объединения Европы: например, «Наполеоновская интеграция

[1] *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М., 1987.

Европы»[2]. Личность Наполеона Бонапарта и эпоха, названная его именем, неизменно привлекают исследователей, чье внимание к данному историческому периоду привело к формированию специализированной области исторической науки – «наполеонистики», изучающей эпоху Наполеона во всем ее многообразии.

Имперский проект Наполеона в самом общем виде представлял собой «попытку сформировать единое европейское пространство, которое контролировалось бы Францией как центром власти и имело бы периферию в виде союзных государств, управляемых за небольшим исключением родственными династиями»[3]. Таким образом, династическая политика предполагала назначение родственников из династии Бонапарта на престолы зависимых государств, что должно было обеспечить формирование устойчивой системы политической, военной и экономической взаимосвязанности, эффективной управляемости и лояльности европейских территорий. Именно анализ династической политики Наполеона как одного из инструментов европейского объединения позволяет выявить один из механизмов функционирования имперской системы, его внутренние противоречия и причины неустойчивости.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что основное внимание традиционно уделяется военным кампаниям, реформам и дипломатии Наполеона. Роль его родственников – братьев Жозефа, Луи, Жерома, сестер Элизы, Полины, Каролины, пасынка Эжена де Богарне, зятя Иоахима Мюрата и других членов клана – чаще всего рассматривается фрагментарно, к тому же преимущественно в биографическом ключе. Между тем, именно их деятельность в качестве правителей позволяет проследить функционирование наполеоновской имперской системы «на местах», выявить степень реальной интеграции зависимых государств и понять внутренние противоречия, которые сыграли свою немаловажную роль в крушении империи.

Недостаточная исследованность практического аспекта династической политики – как механизма управления, инструмента централизации и одновременно источника кризиса – обуславливает научную значимость обращения к данной теме. Цель данной статьи – выявить суть династической политики как инструмента объединения Европы.

Современная историография подвергает сомнению наличие у Наполеона оформленного имперского проекта, а идея о его существовании в цельном, окончательно слаженном виде основана на ряде высказываний Наполеона в частных беседах во время правления, корреспонденции или несколько патетических репликах приближенным в период ссылки на

[2] *Woolf S.* Napoleon’s Integration of Europe. L.; N.Y., 1991.
[3] *Шмелев В.Д.* Имперская идея Наполеона Бонапарта: ее характеристики и реализация // Исследования зарубежной истории. 2023. № 3. С. 196.

острове Святой Елены[4]. Наполеон, конечно, не стремился к созданию «всемирной империи», так как был слишком большим реалистом и, будучи прагматиком, не хотел связывать себе руки жесткой доктриной[5] в осуществлении своего проекта, постоянно адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Так, Жан Тюлар писал об эволюции наполеоновского «проекта»: во времена Директории Наполеон считал, что Европа должна представлять из себя конфедерацию «сестринских республик»; в период Аустерлица он считал, что французская Европа должна представлять федерацию вассальных и союзных королевств; в период расцвета континентального блока началась консолидация империи: способ объединения Европы через систему вассалитета начал уступать место прямой аннексии, что с 1812 г. вызывало все более растущее сопротивление и в результате привело к полному краху[6].

И действительно, созданием «сестринских республик» Наполеон занялся еще в период правления Директории, создав Цизальпинскую, Лигурийскую и другие республики, которые, конечно, являлись независимыми лишь формально, находясь под полным контролем Французской империи. В процессе движения Наполеона по карьерной лестнице и расширения его властных полномочий трансформировалась и модель подчинения: «сестринские республики» после коронации 1804 г., в связи с выходом династического проекта за рамки простых подчиненных отношений, были реорганизованы в «братские королевства», ибо «имперские амбиции Наполеона эволюционировали от более ранних республиканских форм к гораздо более масштабной династической системе»[7]. Необходимость объединения европейского континента против Англии, существовавшая и до, и после заключенного в 1802 г. Амьенского мира, привела к провозглашению в 1806 г. «континентальной блокады» и, конечно, началу ее реализации. Континентальная блокада, помимо своих основных функций, была необходима еще и для того, чтобы «экономически привязать новые территории и зависимые государства к империи и установить “бессрочность” французского присутствия на континенте»[8]. Отчасти именно по этой причине Наполеон обязывал «братские королевства» строго соблюдать блокаду Англии.

Все элементы наполеоновской имперской «системы» – так Наполеон сам называл свой проект[9], – частью которой также является вопрос династической политики, по мнению Стюарта Вульфа, были консолидированы Тильзитским миром 1807 года. Отныне Европа должна

---

[4] *Шмелев В.Д.* Указ. соч. С. 195.
[5] *Ленц Т.* Европейский проект Наполеона // История. 2013. Т. 4. № 4(20). С. 18–19.
[6] *Земцов В.Н.* Европа: имперский проект Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 236.
[7] *Grab A.* Napoleon and the Transformation of Europe. N.Y., 2003. P. 1–2.
[8] *Шмелев В.Д.* Указ. соч. С. 203.
[9] *Ленц Т.* Указ. соч. С. 18.

была быть перестроена вокруг системы «федеративных государств», однако политической, военной, династической и экономической федерацией абсолютно неравноправных государств, зависимой от военных успехов Наполеона и успешности экспорта французской модели[10].

Наиболее активно династические интересы созданной Наполеоном Французской империи стали реализовываться после его коронации в 1804 г. Главным из них, вероятно, была необходимость поиска наследника империи из-за невозможности Жозефины родить его Наполеону. Сначала наследником императора был назначен Жозеф, после которого корона должна была перейти к Луи, а затем к их потомкам мужского пола[11].

Решив с помощью братьев вопрос престолонаследия, обеспечив тем самым относительную безопасность передачи императорской короны, Наполеон сосредоточил внимание на других сторонах своей имперской системы в вопросах династической политики: ему были необходимы лояльные родственники из собственной династии на тронах европейских государств, что, по мнению императора, давало определенные гарантии дальнейшей интеграции этих государств, «братских королевств», в имперское пространство, их закрепления непосредственно в рамках империи, нормализации в них французской культурной и политической гегемонии и, конечно, сохранения создаваемой Бонапартом системы в целом.

Наполеон обладал огромным количеством родственников, которых он планомерно стал рассаживать на вакантные или созданные европейские троны, образуя марионеточные «семейные дворы». Эжен де Богарне, пасынок Наполеона, сын Жозефины от Александра де Богарне, одним из первых получил власть, в июле 1805 г. став вице-королем Италии. Важно отметить, что именно Эжен был тем, кто «поддерживал своего отчима (Наполеона – *Н.Б.*) в весьма опасном заблуждении, что из других членов клана также получатся недурные правители»[12]. Жозеф Бонапарт в 1806 г., после свержения Фердинанда IV, стал править в Неаполе, а затем, с 1808 г., после изгнания правящей ветви династии Бурбонов, – в Испании. Луи Бонапарт с 1806 г. правил в Голландии, отчасти по той причине, что другие члены семьи не могли занять эту ответственную должность (Люсьен находился в немилости императора, а Жером был слишком молод)[13]. Однако Жером Бонапарт, несмотря на свою молодость, в 1807 г. все же получил корону Вестфалии, созданной из прусских и других земель. Мюрат, который был женат на сестре Наполеона Каролине, с 1806 г. правил в созданном специально для него герцогстве Берг, а с 1808 г. – в Неаполе; после отъезда Мюрата в Неаполь великим герцогом Берга в 1808 г. стал малолетний принц Наполеон-Луи Бонапарт – сын Луи

[10] *Woolf S.* Op. cit. P. 27.
[11] *Сьюард Д.* Семья Наполеона. Смоленск, 1995. С. 134.
[12] Там же. С. 141.
[13] *Dwyer P.* Citizen Emperor: Napoleon in Power. L., 2013. P. 218.

Бонапарта и падчерицы Наполеона Гортензии Богарне. Элиза Бонапарт сначала получила от Наполеона небольшие земли в Италии, став княгиней Лукки и Пьямбино, а затем, в 1809 г., получила титул великой герцогини Тосканской. Полина Бонапарт в 1806 г. стала герцогиней Гвасталльской, но в том же году уступила земли, оставив за собой лишь титул; муж Полины Камилло Боргезе в 1808 г. стал генерал-губернатором Французских Заальпийских департаментов. Отдельно стоит сказать и про Жана-Батиста Бернадота, который в 1806 г. стал принцем Понтекорво, а с 1810 г. с санкции Наполеона наследным принцем Швеции.

Важно отметить, что Наполеон в 1810 г. женился на Марии-Луизе Австрийской, дочери императора Австрии Франца I, которая родила ему сына-наследника, а также санкционировал женитьбы членов клана на представителях различных, как правило, древних европейских династий, отчасти преследуя цель укрепить собственную: Эжен Богарне был женат на принцессе Августе-Амелии, дочери короля Максимилиана I Баварского; Жером Бонапарт – на принцессе Екатерине Вюртембергской, дочери короля Вюртемберга Фридриха I; Жозеф взял в жены Жюли Клари – сестру первой возлюбленной Наполеона Дезире Клари. Сама Дезире, в свою очередь, вышла замуж за Жана-Батиста Бернадота, а Элиза – за корсиканского дворянина Феликса Бачиокки.

Нет сомнений, что в планы Наполеона не входило самостоятельное правление его родственников, которые напоминали «наместников, действовавших от имени и во славу императора, находившегося в Париже»[14]. Так, например, Наполеон писал Луи: «Я узнаю из парижских газет, что вы назначаете князей. Настоятельно прошу вас не делать этого. Короли не могут назначать князей. Это прерогатива одного лишь императора»[15]. Жером-Бартелеми Ригар, характеризуя переписку Наполеона с братьями, писал, что она «…ясно показывает, как мало церемонился он со своими коронованными братцами и как нелегко было этим последним исполнять свои королевские обязанности…»[16].

Эти марионеточные государственные образования находились в полной административной и законодательной зависимости от Франции: Наполеон оставил за собой право устанавливать, перемещать и смещать правителей, которые были обязаны участвовать в военных предприятиях Наполеона, он мог менять границы «братских королевств», навязывать им французские законы, конфисковывать их территории в пользу французской империи и т. д.

---

[14] *Чубарьян А.О.* Указ .соч. С. 159.

[15] *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 2009. С. 249.

[16] *Ригар Ж.-Б.* Записки бывшего старшего адъютанта покойного принца Жерома Бонапарта // Пантеонъ Литературы. 1891. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rigar_z/text_1891_autour_des_bonaparte-oldorfo.shtml (дата обращения: 19.02.2026).

Со временем отношения Наполеона с родственниками – главным образом с братьями и Мюратом – не беспричинно стали портиться: он упрекал своих братьев и сестер в неблагодарности, говоря им, что именно он «вывел их из безвестности»[17]. Часто жаловался на членов семьи своим приближенным, например, графу Родереру: «Судя по всему, вы забываете, что без меня мои братья – ничто. Они лишь потому стали великими людьми, что я их сделал таковыми….»[18]. А также порицал их лично или в переписке, обычно не сдерживаясь: «Вы ничего не понимаете в управлении»[19], – писал своему брату Луи Наполеон. Вероятно, к 1810 г. Наполеон стал постепенно разочаровываться в своей династической политике[20].

Родственники Наполеона реагировали на подобное отношение по-разному: сестры Наполеона, Полина и Элиза сохранили довольно хорошие отношения с братом, хотя свободное поведение Полины могло сойти за особую форму протеста[21]. Полина, узнав о небольших размерах и неудовлетворяющем ее состоянии полученного Гвасталльского герцогства, стала требовать у Наполеона «для себя и супруга (Камилло Боргезе – *Н.Б.*) настоящих владений»[22], продав королевству Италия земли герцогства. Можно предположить, что ее супруг Камилло подходил на роль правителя лучше. Элиза Бонапарт вполне успешно справлялась со своей ролью правительницы, хотя Наполеону и приходилось порой ставить ее на место, напоминая, что она является французской подданной[23]. Сначала она получила в управление Лукку и Пьямбино, а затем и Тосканское герцогство, которое на практике управлялось из Парижа. После битвы при Лейпциге Элиза, достигнув, по всей видимости, тайного соглашения с Мюратом, решила уступить ему Тоскану, если он оставит ей Лукку. В скором времени Элиза объявила, что порывает всякую связь с Французской империей.

Отношения Наполеона и Эжена же Богарне оставались теплыми на протяжении долгих лет. Наполеон писал Эжену: «Сделайте же своим девизом: Франция превыше всего»[24], – и пасынок полностью оправдал надежды своего отчима: надежность, проницательность и грамотность Эжена сделала его любимцем Наполеона. Вице-король был твердым,

---

[17] The Life and Memoirs of Count Mole (1781–1855) // Ed: Marquis de Noaille. L., 1923. Vol. 2. P. 146.
[18] *Сьюард Д.* Указ. соч. С. 137.
[19] Наполеон – Луи Бонапарту, 13 ноября 1807 года // Correspondance de Napoleon 1er. Paris, Vol XVI. P. 161.
[20] *Woolf S.* Op. cit. P. 30.
[21] *Dwyer P.* Op. cit. P. 221.
[22] *Сьюард Д.* Указ. соч. С. 162.
[23] *Тюлар Ж.* Указ. соч. С. 249.
[24] *Ленц Т.* Указ. соч. С. 23.

деловым и, что немаловажно, популярным в народе человеком[25], прекрасно управляющим Италией от лица императора.

Жозеф Бонапарт, став королем Неаполя, был возмущен полученной короной, однако все же стал проводить в королевстве реформы. Вскоре Жозеф был призван на Испанский трон, «на котором он никогда не мог твердо усидеть»[26], и быстро столкнулся с гневом Наполеона, который был недоволен его правлением в Испании. Краеугольным камнем в их отношениях были разные подходы к умиротворению Испании: Жозеф настаивал на мирном способе умиротворения Испании, а Наполеон – на силовом[27]. Противоречия между братьями привели к тому, что в 1810 г. большая часть Испанского королевства была выведена из-под контроля Жозефа и передана военным губернаторам. В результате Жозеф стал лишь номинальным правителем, фактически оказавшись «во власти группы генералов, большинство из которых его презирали»[28]. В 1812 г. Наполеон, продолжая процесс консолидации империи, включил в состав империи Каталонию. Жозефу, несмотря на фактическое отторжение от власти, все же приходилось участвовать в военных кампаниях, пытаясь защищать французскую гегемонию в Испании. Наполеон, возмущенный поражением Жозефа в битве при Виттории, вследствие победы в которой «англичане… получили всю Испанию»[29], в разговоре с графом Родерером ругал брата: «…как он проиграл эту битву. Да он не знает даже азбуки военного дела и тем не менее рвется в сражение!»[30]. Жозеф по требованию брата отрекся от престола, с чем долго не мог смириться. Об этом настроении бывшего короля Родерер сообщил Наполеону, который комментировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «…Они (испанцы – *Н.Б.*) не желают его возвращения! По их мнению, он ни на что не годен. Им не нужен король, который проводит все свое время с женщинами, играя в прятки и жмурки»[31].

Отношения Наполеона с Луи, который стал правителем преобразованной в Голландское королевство Батавской республики, быстро испортились. Наполеон, считая, что «новый король без затруднения согласится быть коронованным рабом его всемогущества»[32], пытался контролировать его жизнь, как жизни других членов династии, говоря ему: «Я возвел тебя на голландский престол только для того, чтобы

---

[25] *Сьюард Д.* Указ. соч. С. 187.

[26] Записки Г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, директории, консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов: в 5 т. СПб., 1834. Т. 4. Ч. 7. С. 324.

[27] *Ещенко А.О.* Одна Испания – два Бонапарта: разные подходы к управлению страной? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 190.

[28] *Dwyer P.* Op. cit. P. 352.

[29] Записки Г. Буриенна… Т. 5. Ч. 10. С. 175.

[30] *Сьюард Д.* Указ. соч. С. 293–294.

[31] Там же. С. 293.

[32] *Grab A.* Op. cit. P. 110.

ты служил интересам Франции и помогал мне во всем, что я делаю нее»[33]. Луи удалось провести ряд наполеоновских реформ, однако он, захотев «быть любимым своим народом»[34], «начал отстаивать себя, расти в своей роли, поддерживать споры с братом и даже отвечать ему на письма в саркастическом тоне»[35]. Счастье и благополучие голландской нации стало для своевольного Луи «первостепенным долгом»[36], и именно по этой причине он не стремился исправно соблюдать невыгодную Голландии континентальную блокаду, активно поощряя торговлю с Англией, за что Наполеон часто укорял Луи: «Ваши намерения прекратить связь между Голландией и Англией не были выполнены»[37]; «Твои таможенные правила настолько плохо соблюдаются, что вся переписка между Англией и континентом ведется через Голландию… Возможно, это не твоя вина; тем не менее, Голландия – английская провинция»[38]. В 1810 г. недовольство Наполеона своим братом достигло апогея: по требованию Наполеона Луи отрекся от престола в пользу сына, но вскоре территория королевства была аннексирована Францией. Перед аннексией Голландии Луи успел совершить последний акт неповиновения, созвав военный совет, чтобы обсудить, следует ли ему сопротивляться требованиям императора, но его отговорили от опрометчивых действий[39]. За время своего правления Голландией Луи обрел небольшую популярность, и, свергнув его, Наполеон несколько усилил неприязнь, если не ненависть, голландцев к французам. Объединение Голландии с империей, безусловно, стало той мерой, которая немало способствовала гибели репутации Наполеона в Европе[40].

Не отличился и Жером Бонапарт, который, «получив в двадцать три года королевский трон… захотел управлять королевством по-своему»[41], но «французское владычество в Вестфалии встретило массу затруднений и препятствии, которые было не под силу устранить или сгладить Жерому…»[42]. Он стал править в буферном, прикрывающем Францию от Пруссии, королевстве, которое ему необходимо было сделать «образцовым» для других германских земель, чего, однако, осуществить не удалось. Наполеон считал брата «абсолютным мотом, который пускался в

---

[33] The Life and Memoirs of Count Mole… P. 145.
[34] Записки Г. Буриенна… Т. 4. Ч. 8. С. 116.
[35] *Dwyer P.* Op. cit. P. 220.
[36] The Life and Memoirs of Count Mole… P. 146.
[37] Наполеон – Луи Бонапарту, 29 сентября 1807 года // Correspondance de Napoleon 1er. Paris, Vol. XVI. P. 57.
[38] Наполеон – Луи Бонапарту, 17 июля 1809 года // Correspondance de Napoleon 1er. Paris, Vol. XIX. P. 261.
[39] *Dwyer P.* Op. cit. P. 351.
[40] *Лас Каз Э.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 597–598.
[41] *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. М., 1987. С. 537.
[42] *Ригар Ж.-Б.* Записки бывшего старшего адъютанта… [Электронный ресурс].

бесконечные сумасбродства и позволял себе самое отвратительное распутство»[43]. Отрицательно к королю относилось и обычное население Вестфалии, находящееся в довольно тяжелом экономическом положении (в том числе из-за чрезмерной расточительности короля). Со всей строгостью Жером не соблюдал условия континентальной блокады и не был способен воплотить в жизнь все необходимые императору реформы, в том числе не организовал в Вестфалии систему управления по французскому образцу, вследствие чего Наполеон писал ему: «Сообщая мне, что ваша администрация ужасна, вы не сообщаете мне ничего нового»[44]. Именно по этим причинам Наполеон, недовольный правлением Жерома, за аннексией Голландии в 1810 г. аннексировал принадлежавшие Вестфалии северогерманские земли. На достигнутом император не остановился и аннексии земель королевства продолжились, несмотря на протесты и ярость Жерома. В 1813 г., с наступлением коалиционной армии на земли Вестфалии и взятия ее столицы – Касселя, королевство фактически перестало существовать, а Жером бежал во Францию.

Не может возникать сомнений в том, что многие правители «братских королевств» испытывали давление не только со стороны Наполеона, но и со стороны подданных. Это отчетливо видно на примере Жерома Бонапарта, который столкнулся с сопротивлением многих промежуточных административных органов Вестфалии, препятствующих проведению реформ[45], а также с целым восстанием против вестфальской власти в 1809 г. Данная позиция также подтверждается на примере короля Жозефа, в правление которого в Испании развернулась широкомасштабная партизанская война против иноземного господства.

Жан-Батист Бернадот – один из маршалов Франции – был женат на бывшей возлюбленной Наполеона, Дезире Клари, сестре Жюли Клари – супруги Жозефа. Вероятно, именно на основании этой своего рода «семейной связи» Наполеон санкционировал избрание Жана-Батиста Бернадота в 1810 г. наследным принцем Швеции. Он покинул клан и закономерно начал проводить политику, направленную исключительно на интересы собственного государства, что особенно отчетливо видно после оккупации Наполеоном, в том числе за невыполнение условий континентальной блокады, Шведской Померании.

Иоахим Мюрат провел ряд наполеоновских реформ в Неаполитанском королевстве, укрепил свою власть, совершив ряд военных побед: например, отбив остров Капри у англичан. Однако у Наполеона имелись причины быть недовольным политикой Мюрата. Так, в беседе с генералом Раппом Наполеон говорил: «Зачем он неаполитанец?.. Зачем не

---

[43] *Лас Каз Э.* Указ. соч. С. 599.

[44] *Todorov N.* The Napoleonic Administrative System in the Kingdom of Westphalia // The Napoleonic Empire and the New European Politicaj Culture. Ed: Broers M., Hicks P., Guimera A. L., 2012. P. 173.

[45] Ibid. P. 177.

француз?.. он (Мюрат – *Н.Б.*) у себя в королевстве, так ничего там не делает, кроме глупостей; он покровительствует торговле с Англией, а я этого не хочу»[46]. Также важно учитывать и «антипатии, какие предполагал Иоахим в неаполитанцах к своей особе и своему правлению»[47]. После поражения Наполеона в битве при Лейпциге Мюрат принял решение перейти на сторону VI антифранцузской коалиции, надеясь получить от Австрии корону Италии. В союзе с Австрией Мюрат стал захватывать территорию Италии, также лишив Тосканских владений Элизу. Выступив на стороне Наполеона в период «ста дней», Мюрат был разбит австрийцами и, пытаясь силой вернуть себе Неаполитанское королевство, был пленен и казнен.

Братья и сестры Наполеона, окончательно лишившись власти и влияния, которыми обладали, не потеряли надежд на реставрацию, настаивая на своих монарших правах: так, например, делали Жозеф, Луи и Жером Бонапарты, лелея надежду на возвращение королевств «с совершенно непонятной самоуверенностью»[48].

Династическая политика Наполеона являлась важнейшим элементом его несуществующего в оформленном виде имперского проекта по объединению Европы под французской гегемонией. Наполеон создавал формально независимые, но фактически находящиеся в полной зависимости от Французской империи сначала «сестринские республики», а затем «братские королевства», рассчитывая с помощью родственников, ставших марионеточными правителями, укрепить контроль над включенными в состав империи территориями, обеспечить их интеграцию и лояльность населения.

На практике родственные связи не могли обеспечить ни стабильности самой имперской системы, ни лояльности правителей «братских королевств». Именно в этом и состоит главная причина неэффективности династической политики: большинство правителей «братских королевств», несмотря на родственные связи, были враждебно настроены либо к самой имперской системе, либо к создателю этой системы – Наполеону. Неудовлетворенность Наполеона рядом правящих родственников достигла апогея к 1810 г. Они, по мнению императора, не справились с возложенными на них задачами. Именно по этой причине Наполеон стал переходить от системы «братских королевств» либо к ограничению их и без того небольшой автономии, либо к прямой полной или частичной аннексии территорий королевств. Важно заметить, что вопрос полного или частичного игнорирования континентальной блокады правящими родственниками Наполеона был важнейшим из катализаторов окончательного разочарования императора в династической политике.

---

[46] Записки Г. Буриенна… Т. 5. Ч. 9. С. 80.
[47] Там же. С. 272.
[48] *Grab A.* Op. cit. P. 290.

Важно учитывать, что династическая политика усиливала негативное восприятие французского господства в Европе. Назначение иностранных правителей, связанных с императором семейными узами, способствовало росту национального недовольства и сопротивления. В результате зависимые государства все чаще превращались не в опору империи на местах, а в источник нестабильности.

Таким образом, династическая политика, задуманная как инструмент европейской интеграции, в итоге стала одним из факторов кризиса Империи. Она выявила множество противоречий между имперскими амбициями Наполеона, реальными возможностями управления многонациональной Европой, а также интересами представителей династии Бонапартов.

Список литературы

Ещенко А.О. Одна Испания – два Бонапарта: разные подходы к управлению страной? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 187–196.

Земцов В.Н. Европа: имперский проект Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 234–247.

Ленц Т. Европейский проект Наполеона // История. 2013. Т. 4. № 4(20). С. 18–32.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. 735 с.

Сьюард Д. Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1995. 416 с.

Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2009. 362 с.

Чубарьян А.О. Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира. М.: Международные отношения, 1987. 352 с.

Шмелев В.Д. Имперская идея Наполеона Бонапарта: ее характеристики и реализация // Исследования зарубежной истории. 2023. № 3. С. 193–215.

Dwyer P. Citizen Emperor: Napoleon in Power. L.: Bloombsbury, 2013. 799 p.

Grab A. Napoleon and the Transformation of Europe. N.Y.: Palgrave, 2003. 249 p.

Todorov N. The Napoleonic Administrative System in the Kingdom of Westphalia // The Napoleonic Empire and the New European Politicaj Culture. Ed: Broers M., Hicks P., Guimera A. L.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 173–186.

Woolf S. Napoleon’s Integration of Europe. L.; N.Y.: Routledge, 1991. 319 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ДОБЛЕСТЬ И ФОРТУНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. МАКИАВЕЛЛИ

Д.А. Иванов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – В.П. Потамская,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена исследованию ключевых категорий политической философии Никколо Макиавелли – «доблести» и «фортуны» – в контексте его исторической концепции. На основе трактатов «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «История Флоренции» рассматривается, как флорентийский мыслитель переосмысливает традиционное для гуманизма Возрождения противостояние человеческой активности и судьбы. Особое внимание уделяется диалектике «доблести» и «фортуны» как центральному механизму исторического процесса.

Ключевые слова: *Н. Макиавелли, Реннесанс, политическая философия, доблесть, фортуна, гуманизм, исторический процесс*.

Никколо Макиавелли является одним из самых известных и популярных политических философов на протяжении уже почти пятисот лет. Его идеи политического прагматизма продолжают вызывать споры об оправданности использования таких циничных методов завоевания и удержания власти, которые он предлагал. Однако Макиавелли известен не только как политический философ, но и как историк. Анализ исторического процесса – ядро политических взглядов Макиавелли, поскольку он разрабатывал свои идеи на основе исторических примеров, на которые он неоднократно ссылается в своих произведениях. Анализируя способы приобретения и удержания власти, Макиавелли затрагивает два основных понятия – доблесть (virtu) и фортуна (fortuna). Данная статья посвящена анализу этих понятий и их роли в исторической концепции Макиавелли.

Данные понятия – не изобретение Макиавелли; они существовали с древних времен. Говоря о понятии «virtu», следует отметить изменение его значения в ходе исторического процесса. Если в прошлом понятие «доблесть» обозначало личную храбрость, смелость, стремление к славе, то философия гуманизма, делая акцент на человеческой жизни во всем своем проявлении, сделало «доблесть» намного более доступной. Для мыслителей-гуманистов «доблестью» стали не только физические качества, но и духовные. Стремление к личной славе и попытка реализовать свои самые лучшие качества стали восприниматься как

«доблесть» и добродетель[1]. Второй термин, «fortuna», также уходит своими корнями в древность, однако его значение оставалось примерно таким же – неконтролируемые превратности судьбы, рок, обстоятельства. В своих работах Макиавелли расширяет эти понятия, встраивая их в свою концепцию истории.

В работе «Государь» Макиавелли отдельно посвящает главы для «доблести» и «фортуны». Глава VI «О новых государствах, приобретаемых собственным оружием или доблестью» посвящена размышлениям о том, почему «доблесть» важна для получения и удержания власти[2]. В качестве исторических примеров правителей, получивших власть благодаря своей «доблести», он приводит Кира Великого, Моисея, Тесея и Ромула. Макиавелли относит их к доблестным правителям, которые смогли удержать свою власть и ввести новые порядки для своих государств, которые они же и создали. При этом он упоминает, что их успехи не были бы возможны, не случись благоприятного случая, вводя таким образом понятие «фортуны». Кроме этого, Макиавелли приводит и негативный пример правителя, у которого отсутствует «доблесть», – Джироламо Савонаролу; он сумел установить новые порядки во Флоренцию, но не смог их удержать. Его режим рухнул, поскольку «у него не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил». Таким образом, Макиавелли приходит к выводу: «Все вооруженные пророки побеждали, а безоружные погибали». Для Макиавелли «доблесть» – это важный инструмент, с которым легко удержать приобретенную власть.

Однако одной доблестью ее заполучить практически невозможно. Для этого необходим, как уже говорилось, благоприятный случай. В главе VII «О новых государства, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы» Макиавелли приводит в качестве примера правителя, который сочетал в себе как «доблесть», так и «фортуну», – Чезаре Борджиа[3]. Он получил власть благодаря удачному стечению обстоятельств от своего отца – папы Александра VI. Несмотря на это, он смог реализовать свои цели и адаптироваться к обстоятельствам, создав собственное войско и начав масштабные завоевания. Следует отметить, что создание собственной армии особенно важно в контексте «доблести», поскольку Макиавелли, будучи секретарем Второй канцелярии Флорентийской республики, настаивал на необходимости создания собственного городского ополчения взамен наемнических отрядов. В этом проявляется один из политических принципов Макиавелли – полагаться в основном на собственные силы и стараться избегать превратностей судьбы. Именно

[1] *Барг М.А.* Эпохи и идеи: становление историзма. М., 1987. С. 237–238.

[2] *Макиавелли Н.* Государь // Государь. История Флоренции. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М., 2023. С. 21.

[3] *Федулов С.С.* Учение Н. Макиавелли: политический реализм или политический цинизм? // Общество: философия, история, культура. 2017. № 3. С. 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-n-makiavelli-politicheskiy-realizm-ili-politicheskiy-tsinizm (дата обращения: 30.04.2026).

«фортуна» стала концом для успехов Чезаре, поскольку после смерти Александра VI на папский престол вступил Юлий II, заклятый враг Борджиа, из-за которого тот не смог удержать свои завоевания и погиб[4].

Другой пример, который встречается в этой главе, – Франческо Сфорца, первый герцог Милана из одноименной династии. В «Государе» он упоминается мельком, поскольку основное внимание сконцентрировано на деятельности Чезаре Борджиа. Более важную роль Сфорца имеет в другой работе Макиавелли – «История Флоренции»[5]. Здесь Макиавелли делает большой акцент на историческом контексте деятельности Франческо Сфорца. Итальянские государства в основном полагались на автономные группы наемников-кондотьеров, одним из которых и был Франческо Сфорца. Не отрицая «доблести» самого Сфорца, Макиавелли показывает, как «фортуна» влияет на историю и исход событий. Он предостерегает людей от упования на удачу, а именно упования на непостоянных наемников, из-за переменчивости которых Сфорца смог прийти к власти и утвердиться в Милане[6]. На примере становления Франческо Сфорца и Чезаре Борджиа Макиавелли одновременно показывает итог деятельности «доблестных» правителей и то, как на них влияет «фортуна».

В XXV главе «Государя», «Какова власть судьбы над делами людей и как можно ей противостоять», Макиавелли дает наиболее развернутое изложение своей концепции[7]. Он утверждает, что фортуна определяет лишь половину человеческих дел, оставляя другую половину во власти свободной воли человека, то есть «доблести». Здесь Макиавелли развивает знаменитую метафору: «Фортуна – женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать – таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно берется за дело». Однако Макиавелли не ограничивается простым противопоставлением. Он вводит важнейший тезис о согласованности образа действий человека с требованиями времени. Причина успеха или неудачи заключается в том, насколько поведение человека соответствует «духу времени».

Наиболее полное выражение диалектика «доблести» и «фортуны» получает в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»[8]. В отличие от «Государя», где эти категории служат практическим руководством для монарха, в «Рассуждениях» они включены в широкую теорию функционирования республиканских институтов. Ключевой фрагмент

---

[4] *Скиннер К.* Макиавелли. Очень краткое введение / пер. с англ. М., 2009. С. 25–26.

[5] *Макиавелли Н.* История Флоренции // Государь. История Флоренции. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М., 2023. С. 320–328.

[6] *Толстенко А.М.* «Политический разум» Никколо Макиавелли // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С 223. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-razum-nikkolo-makiavelli (дата обращения: 30.04.2026).

[7] *Макиавелли Н.* Государь. С. 68–69.

[8] *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Государь. История Флоренции. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. М., 2023. С. 502–504.

содержится в книге III, главе IX «Как надлежит сообразовываться со временем, желая всегда иметь благую фортуну». Здесь Макиавелли развивает тезис, уже намеченный в «Государе», но теперь опирается на античные примеры. Он приводит два противоположных типа римских полководцев: Квинта Фабия Максима, действовавшего «осмотрительно и осторожно», что было идеально для войны с Ганнибалом, и Публия Корнелия Сципиона, чья стремительная натура соответствовала изменившимся обстоятельствам. По мнению Макиавелли, оба этих полководца были «доблестными», однако пользовались разными методами, исходя из особенностей своего времени.

Именно этот пример подводит его к важнейшему выводу: «Республика имеет более долгую жизнь и дольше пользуется благой фортуной, нежели княжество, ибо благодаря различию своих граждан она лучше может примениться к разнообразию обстоятельств, нежели один князь». Как отмечает Дж. Покок, «республики способны мобилизовать больше virtù, чем монархии»[9], и «за счет того, что ими управляло сразу множество людей, они отличались большей гибкостью и легче приспосабливались к превратностям fortuna»[10]. Сопоставление примеров, приведенных Макиавелли в «Государе» и «Истории Флоренции», с теоретическими выводами «Рассуждений» позволяет увидеть целостную картину его исторической концепции.

На индивидуальном уровне, как показывает пример Франческо Сфорцы, автономная доблесть необходима не только для завоевания, но и удержания власти. Сфорца не зависел от чужой благосклонности – его могущество коренилось в собственных военных и политических способностях. Поэтому даже неблагоприятные повороты фортуны (например, враждебность других итальянских государств) не смогли его свергнуть.

На уровне же, где доблесть оказывается зависимой от внешних обстоятельств (как у Чезаре Борджиа), «доблесть» превращается в заложницу «фортуны». Борджиа обладал всеми качествами идеального правителя – решительностью, жестокостью, умением создавать собственные армии, но его власть держалась на папе Александре VI. Как только этот внешний источник силы иссяк, вся конструкция рухнула.

Проведенный анализ позволяет заключить, что диалектика «доблести» и «фортуны» является центральными политическими категориями в исторической концепции Макиавелли. Переосмысливая античную и гуманистическую традиции, флорентийский мыслитель создает оригинальную модель исторического процесса, в котором успех зависит от способности человека или политического института адаптироваться к изменчивым обстоятельствам. На примере Франческо Сфорца и Чезаре Борджиа Макиавелли одновременно показывает итог

[9] *Покок Дж.Г.А.* Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020. С. 307.
[10] Там же.

деятельности «доблестных» правителей и то, как на них влияет «фортуна». Таким образом, в его исторической концепции «доблесть» и «фортуна» образуют динамическое взаимодействие, которое, по его мнению, необходимо принимать во внимание и использовать при принятии политических решений. При этом «доблесть» понимается не как моральная добродетель, а как комплекс волевых, рациональных и организаторских способностей правителя или народа, необходимых для достижения государственных целей и сохранения политической стабильности[11]. Фортуна же выступает как объективная совокупность исторических условий, которым можно и нужно противостоять. Наиболее эффективным инструментом такого противостояния, согласно Макиавелли, является республиканское устройство, способное мобилизовать коллективную доблесть граждан и обеспечить гибкость в ответ на вызовы времени.

Список литературы

Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.

Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.

Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение / пер. с англ. М.: Астрель, 2009. 156 с.

Толстенко А.М. «Политический разум» Никколо Макиавелли // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2009. Вып. 4. С 221–229. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-razum-nikkolo-makiavelli (дата обращения: 30.04.2026).

Федулов С.С. Учение Н. Макиавелли: политический реализм или политический цинизм? // Общество: философия, история, культура. 2017. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-n-makiavelli-politicheskiy-realizm-ili-politicheskiy-tsinizm (дата обращения: 30.04.2026).

Хапаев А.Р. Проблема удержания правителем собственной власти в трудах Н. Макиавелли // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 93–95. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uderzhaniya-pravitelem-sobstvennoy-vlasti-v-trudah-n-makiavelli (дата обращения: 30.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[11] *Хапаев А.Р.* Проблема удержания правителем собственной власти в трудах Н. Макиавелли // Юридическая наука. 2025. № 8. С. 93. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-uderzhaniya-pravitelem-sobstvennoy-vlasti-v-trudah-n-makiavelli (дата обращения: 30.04.2026).

ВЕНГЕРСКИЙ ВОПРОС В ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Д.С. Костюков
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Н.А. Лучинина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В результате дуалистических реформ 1867 г. были удовлетворены ключевые требования венгров в сфере государственного устройства. Венгрия получила собственную Конституцию, парламент и равный Австрии статус внутри империи. Однако венгерский вопрос не был снят с повестки: венгры требовали решения проблемы в языковой, военной и экономической сфере. Для их решения на рубеже XIX–XX вв. были разработаны планы по завершению реформирования империи, содержание которых рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: *Австро-Венгрия, Венгрия, империя, венгерский вопрос, реформы, федерализм, национализм, дуализм, триализм, австромарксизм, уния.*

Венгерский вопрос был краеугольным камнем всей внутренней политики империи Габсбургов после 1848 г., когда многие государства Европы, в том числе Австрийскую империю, охватили национальные революции. Венгерская революция была подавлена, но определила дальнейшие реформы внутреннего устройства, поскольку они были чрезвычайно важны для такого многонационального государства. 15 марта 1867 г. было подписано Австро-Венгерское соглашение, утвердившее в империи Габсбургов реформы дуалистического характера, по которым Венгрия, называемая Транслейтанией, получала статус равного Цислейтании (т. е. австрийской части государства) субъекта, который получил разрешение на обладание собственным парламентом и конституцией, что и являлось одной из важнейших целей венгров. На десятилетие после этого дискуссии о венгерском вопросе практически утихли, но позже активизировались с новой силой, что связано с большим количеством проявившихся недостатков проведенных реформ, а также ростом требований венгров во внутренней политике.

Недовольство дуалистическими реформами исходило практически из всех частей империи, что натолкнуло различных политических деятелей на создание своих концепций и планов реформирования внутреннего устройства Австро-Венгрии, каждый из которых так или иначе затрагивал венгерский вопрос. В целом можно выделить три группы таких концепций: федералистские, центробежные и прочие (направленные на изменение взаимоотношений субъектов или положения государства). Такое

разделение обосновывается разницей в методах реализации предполагаемых изменений.

Первая группа планов направлена на федерализацию империи в двух вариантах: полноценную федерализацию всей Австро-Венгрии или выделение дополнительных, подобных Венгрии, императорских субъектов. Среди проектов по полной федерализации обычно выделяется два: проект 1906 г. А. Поповича, румынского деятеля, поддержанный эрцгерцогом Францем Фердинандом и предполагавший создание Соединенных Штатов Великой Австрии (США), и проект австромарксистов о разделении империи на национально-культурные автономии[1].

По плану А. Поповича, во многом основанном на более ранней идее австрославизма чешского политика Ф. Палацкого, Австро-Венгрия должна была быть разделена на 15 этнолингвистических автономий – «штатов», которые выделялись бы как из состава Цислейтании, так и Транслейтании, и обладали бы собственными конституцией и правительством. Среди них были: Немецкая Австрия, Немецкая Богемия, Немецкая Моравия, Богемия (Чехия), Западная и Восточная Галиция, Тренто (Южный Тироль), Триест, Крайна (Словения), Венгрия, Словакия, Трансильвания, Хорватия, Воеводина и Секейский край (венгерский эксклав в Трансильвании). Также предполагалось официальное признание региональных языков с продолжением использования немецкого как государственного, а также самоуправление для немецких анклавов на территории различных субъектов. Де-факто данный проект был официально принят, но уже в тот момент, когда Австро-Венгрия распадалась – 16 октября 1918 г. Стоит отметить, что еще перед началом Первой мировой войны в правящих кругах было осознание, что такие реформы будут возможны только при сохранении долгого мира[2]. Тем не менее, даже при реализации этой концепции, венгры, вероятно, остались бы недовольны, поскольку это противоречило их желанию сохранить границы «Великой Венгрии» и способствовало ослаблению их политической позиции в стране[3].

Второй проект полной федерализации, принадлежащий австромарксистам (социал-демократам) К. Реннеру и О. Бауэру, концептуально схож с предыдущим. Австромарксисты открыто называли дуалистическую реформу неудачной и бессмысленной в правовом

[1] *Ворошилов А.Е.* Идеи и проекты по федерализации Австро-Венгрии (1867–1918) // Clio moderna-2: европейские историко-культурные исследования в контексте глобальной истории. Екатеринбург, 2022. С. 170.

[2] *Шимов Я.В.* Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или возможность? // Славяноведение. 2010 № 4. С. 18.

[3] *Бирюков С.В.* Сохранение Австро-Венгерской империи посредством федерализации в интересах ее славянских народов: утопия или упущенная возможность? // Русин. 2018 № 54. С. 60.

аспекте[4]. В период с 1897 по 1902 г. вышеуказанные деятели сформировали и расписали принципы теории экстерриториальной национальной автономии. Основная особенность и отличие данной теории заключались в том, что такое «государство национальностей», как Австро-Венгрия, должно было быть национально деполитизировано. Вследствие этого сам термин «нация» в такой державе вскоре должен был стать историческим феноменом[5]. Но в отличие от проекта А. Поповича концепция австромарксистов в рамках марксистской теории на первый план ставила классовую борьбу, а не национальные вопросы, из-за чего проработанность моментов национально-культурных автономий была достаточно низкой, что еще больше не одобрялось венгерскими политиками.

Необходимо отметить, что в течение Первой мировой войны федерализацию Австро-Венгрии поддерживали и многие политики стран Антанты – США и Франции. Например, В. Вильсон предлагал разделить Австро-Венгрию на 6 федеральных субъектов. Французский консерватор А. Шералам предлагал создать Соединенные Штаты Центральной Европы из чехословацких, южнославянских (учитывая Сербию) и венгерских земель. Его коллега, Ж. Доньи, и вовсе выдвинул план федерации Венгрии, Румынии, Сербии и Болгарии или конфедерации Австрии, Венгрии, Чехии и крупной Хорватии[6]. Кроме варианта В. Вильсона, все планы были раскритикованы в странах Антанты и Центральных держав, поскольку в них не учитывались национально-культурные взаимоотношения внутри Австро-Венгрии и на Балканском полуострове, что особенно чувствительно было для венгров.

Второй вариант федералистских планов основывался, как было ранее отмечено, на выделении новых императорских земель, аналогично Соглашению 1867 г. Наиболее популярной идеей в данном направлении являлся триализм, т. е. выделение третьего королевства, помимо Цислейтании и Транслейтании. Триализм был представлен в двух вариантах: чешском и южнославянском. Чешский вариант подразумевал выделение Королевства Чехия, с последующим заключением унии с Веной, и являлся более ранним вариантом, к которому изначально склонялся и Ф. Фердинанд. Однако более популярным вариантом к 1905–1910 гг. стал южнославянский, в рамках которого должно было быть

[4] *Пурахина И.И.* Карл Реннер о реформировании государственного устройства империи Габсбургов во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 6. С. 187.

[5] *Тесля А.* «Государство национальностей» и теория национализма Отто Бауэра // Вопросы национализма. 2016. № 3. С. 40

[6] *Пресняков О.З.* Проблема территориально-политической трансформации Австро-Венгрии в проектах французских консерваторов (1914–1918 гг.) // Исторические исследования. 2014. № 1. С. 175.

создано Королевство Хорватия (или Иллирия)[7]. Оно включалао бы в себя – в зависимости от конкретного плана – те или иные южнославянские территории, вплоть до присоединения Сербии. Данный вариант был абсолютно неприемлем для Венгрии, от которой откалывалась бы не только богатая приморская Хорватия, но и Воеводина с Прекмурьем. В Галиции триализм также обсуждался, особенно в связи с послевоенными планами на российскую часть Польши, но куда менее активно. Кроме триализма, существовали планы и по дальнейшему выделению королевств, например, квадрализм и др.[8], что, в любом случае, не решало ни венгерский, ни славянский вопросы, а только усугубляло положение империи и децентрализовало ее. Таким образом, в контексте венгерского вопроса федералистские планы в большей степени не решали бы его, а зачастую даже усугубляли бы в связи с тем, что амбиции венгерских элит росли, а такие планы предполагали их сокращение, как и территорий Венгрии.

Вторую группу планов можно назвать центробежной, поскольку концепции в ней связаны с тенденцией к отдалению Венгрии от Цислейтании частично или полностью. Наиболее ранним и радикальным планом из данной группы является концепция Л. Кошута, лидера Венгерской революции, отправившегося в эмиграцию после ее подавления. Его концепция была разработана еще в 1861 г., во время волнений против Октябрьского диплома, и к началу XX в. ее поддерживали только наиболее радикальные венгерские политики и оставшиеся сторонники идей Л. Кошута, но ощутимой поддержки данная идея не получала никогда. Концепцией Л. Кошута являлась Дунайская Федерация – единое государство Венгрии (в своих полных границах), Румынии и Сербии, не управляемое Габсбургами. Каждой из частей гарантировалась автономия, внутренний суверенитет, равенство и свобода наций. Проект не встретил ожидаемой поддержки вследствие своей необычности и игнорирования противоречий венгерско-сербо-румынских отношений, например, в вопросах Трансильвании и Воеводины, вероисповедания.

Второй план в этой группе – это венгерский план заключения персональной унии. Данный план обрел популярность среди венгров во времена Венгерского кризиса 1905–1906 гг. Суть данной концепции состоит в том, чтобы полностью выделить Венгрию из состава империи Габсбургов, заключив персональную унию, которая ограничивалась бы правлением одного императора – Франца Иосифа – и его наследников[9]. Фактически, это был идеальный вариант решения венгерского вопроса для венгров: Венгрия получает максимальную степень независимости

[7] *Кирилина Л.А.* Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2016. № 5. С. 20.
[8] *Ворошилов А.Е.* Указ. соч. С. 172.
[9] *Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П.* Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 253.

(собственные дипломатические отношения, армия, флот, самостоятельная внутренняя политика), но сохраняет связи с императорским домом Габсбургов, что подразумевало бы военную поддержку и сохранение статуса. В контексте двух данных планов необходимо отметить обратную по сравнению с федералистскими проектами тенденцию: если федералистские планы обычно не устраивали венгров, то в данном случае планы или не устраивают абсолютно все стороны, или оставшуюся часть империи (Цислейтанию и другие народы Венгрии), т. к. в таком случае ограничивались бы возможности или права заинтересованных лиц и слоев населения.

Третья группа объединяет планы, которые тяжело отнести к федералистским или центробежным вследствие их особенностей. Концепции данной группы в основном затрагивают именно взаимоотношения субъектов империи, а не их положение в империи. Поэтому к этой сфере были отнесены планы перенесения столицы Австро-Венгрии в Будапешт и концепция «Срединной Европы» Ф. Наумана. Первый план достаточно прост в своей идее: для решения венгерского вопроса нужно отнять политическое первенство в империи у немецкого населения, у Вены, и передать его Венгрии. Это можно было реализовать именно переносом столицы в Будапешт: венгерские правительственные органы заняли бы главенствующие позиции, превратив государство в «Венгро-Австрию», что было бы выгодно для венгров, но одновременно с этим повысило бы требования национальных областей как Цислейтании, так и Транслейтании, а вместе с этим пошатнуло бы авторитет правящего дома, на что Габсбурги были не готовы пойти.

Вторая концепция, а вернее сказать, их совокупность – это «Срединная Европа». Данное понятие, по словам одного из идеологов концепции – Ф. Наумана, означает экономико-политическое объединение Германской империи, Австро-Венгрии, их союзников и подчиненных государств (в контексте 1915 г. – после Первой мировой войны), но само по себе оно многогранно и неоднозначно[10]. Преимущественно это немецкая идея, которая в любом из своих вариантов подчеркивала, во-первых, доминирование немецкой политики, экономики и культуры на европейском континенте, а во-вторых – отличие интересов Германии и Австро-Венгрии от интересов стран Западной Европы или России. В одной из своих вариаций концепция «Срединной Европы» была по сути реализована – ею стал альянс Центральных держав, или же Тройственный союз. В другом варианте «Срединная Европа» (дословно – «Миттельевропа») – это германский таможенный союз, распространявшийся на союзников и протекторатов, при котором

[10] *Баранов Н.Н.* «Срединная Европа»: дискуссия о будущем Дунайской монархии в начальный период Первой мировой войны (1914–1915) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 9. Серия «Балканика». Екатеринбург, 2016. С. 98.

расширение Германской империи и Австро-Венгрии было бы минимальным. В наиболее радикальных вариантах «Срединная Европа» становилась бы или «наднациональным сверхгосударством», наподобие Священной Римской империи германской нации[11], или вовсе аналогом великогерманского объединения под главенством Вены[12]. В данных случаях немецкий язык был бы утвержден как государственный, а Германия в составе «Срединной Европы» стала бы мировой, укрепленной политически и экономически империей. В контексте венгерского вопроса данный сценарий (за исключением таможенного союза) крайне негативен: Венгрия в государстве или конфедерации со столь значительным влиянием немецкого и славянского населения была бы существенно менее значима, а потому решение ее национального вопроса было бы или отложено, или прекращено, что превратило бы ее в достаточно нелояльный «придаток», окраину, а также усилило бы национальные движения народов Венгрии.

Таким образом, необходимо отметить, что каждый из планов так или иначе имел значительные недостатки, которые были неприемлемы или для Будапешта, или для Вены и других частей империи. Федералистские планы, создавая и уравнивая субъекты империи, радикализировали бы венгерский вопрос, приводя к непринятию новой формы государственного устройства. Центробежные планы в целом не рассматривались большинством населения до начала или середины Первой мировой войны, когда нежизнеспособность и распад Австро-Венгрии были ясны, а многими политиками они критиковались, поскольку хотелось сохранить или единство государства, или власть династии Габсбургов, причем в обоих частях империи. Другие планы были или крайне радикальны, или не рассматривались правительством империи. Таким образом, для решения венгерского вопроса было необходимо искать новый компромисс, который не оказался бы «полумерой», как дуализм или триализм, при этом каждой из сторон данного вопроса однозначно пришлось бы уступить в чем-либо, если этого требовали реформы. Но так как планы во многом оставались полумерами или не могли объединить все народы империи на основе компромисса, в совокупности с началом Первой мировой войны и экономическими потрясениями в Австро-Венгрии, в ней не нашлось достаточного числа сторонников хотя бы одной концепции, и теория национального самоопределения возобладала в интересах национальных регионов, что привело к распаду Австро-Венгрии. В результате был решен и венгерский вопрос: Венгерское государство получило независимость ценой утраты значительных территорий, что закрыло рассматриваемый вопрос. Тем не менее венгерский территориальный вопрос сохраняет актуальность как во время Второй мировой войны, так и по сей день, что связано с проживанием венгров за пределами своего государства.

---

[11] *Гаджиев К.С.* Концепция «Срединной Европы»: история и современность // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 2. С. 56.

[12] *Баранов Н.Н.* Указ. соч. С. 99.

Список литературы

Баранов Н.Н. «Срединная Европа»: дискуссия о будущем Дунайской монархии в начальный период Первой мировой войны (1914–1915) // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 9. Серия «Балканика». Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. С. 96–125.

Бирюков С.В. Сохранение Австро-Венгерской империи посредством федерализации в интересах ее славянских народов: утопия или упущенная возможность? // Русин. 2018. № 54. С. 52–72.

Ворошилов А.Е. Идеи и проекты по федерализации Австро-Венгрии (1867–1918) // Clio moderna-2: европейские историко-культурные исследования в контексте глобальной истории. Екатеринбург: УрГПУ, 2022. С. 169–175.

Гаджиев К.С. Концепция «Срединной Европы»: история и современность // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 2. С. 50–80.

Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П. Краткая история Венгрии. М.: Наука, 1991. 608 с.

Кирилина Л.А. Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2016. № 5. С. 18–31

Пресняков О.З. Проблема территориально-политической трансформации Австро-Венгрии в проектах французских консерваторов (1914–1918 гг.) // Исторические исследования. 2014. № 1. С. 166–183.

Пурахина И.И. Карл Реннер о реформировании государственного устройства империи Габсбургов во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 6. С. 185–189.

Тесля А. «Государство национальностей» и теория национализма Отто Бауэра // Вопросы национализма. 2016. № 3. С. 34–49.

Шимов Я.В. Планы эрцгерцога Франца Фердинанда по преобразованию Австро-Венгрии: утопия или возможность? // Славяноведение. 2010. № 4. С. 11–21.

Дата поступления рукописи в редакцию – 11.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

СИМАБАРСКОЕ ВОССТАНИЕ КАК КАТАЛИЗАТОР САМОИЗОЛЯЦИИ ЯПОНИИ: ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ КОРНИ

Н.Н. Мамедова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – В.П. Потамская,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. В статье Симабарское восстание 1637–1638 гг. рассматривается как поворотный момент в истории Японии, ускоривший установление режима самоизоляции. Анализируются его политико-религиозные корни: конфликт между сёгунатом и христианскими общинами, иностранное влияние, социальное напряжение. Продемонстрировано, как подавление восстания послужило поводом для системного ограничения внешних контактов и законодательного оформления политики изоляции в XVII в.

Ключевые слова: *Япония, самоизоляция, Симабарское восстание, христианство, сёгунат Токугава, европейские миссионеры*.

Вопрос о причинах самоизоляции Японии в XVII в. занимает важное место в изучении эпохи Токугава, поскольку позволяет проследить взаимосвязь между внешней политикой, внутренней стабилизацией государства и религиозной ситуацией в стране. Политика сакоку традиционно рассматривается как одно из ключевых явлений японской истории раннего Нового времени, однако ее происхождение нельзя объяснить исключительно внешнеполитическими обстоятельствами или только антихристианскими настроениями властей. Формирование режима самоизоляции происходило на пересечении нескольких процессов: укрепления централизованной власти сёгуната, усиления контроля над внешней торговлей, борьбы с миссионерской деятельностью европейцев и подавления очагов внутренней нестабильности.

Закрытие Японии в XVII в. также нельзя объяснить какой-то одной причиной. Оно стало результатом постепенного соединения политических, религиозных и социально-административных факторов. Перелом в отношении японской власти к европейцам произошел в тот момент, когда миссионерская деятельность стала восприниматься не просто как распространение новой веры, а как угроза внутренней устойчивости страны. Тоётоми Хидэёси увидел в действиях европейцев «неприкрытое вмешательство во внутренние дела Японии», которое могло привести к «порабощению и ограблению страны». Более того, миссионеров стали связывать с участием в заговорах, усилением конфликтов между феодалами и поддержкой сепаратистских стремлений юго-западных даймё.

Таким образом, уже в конце XVI в. христианская миссия начала восприниматься японской властью не только как религиозный, но и как политический вызов, опасный для процесса централизации государства[1].

Предпосылкой этих процессов стало так называемое «христианское столетие». Период 1542–1639 гг. получил такое название потому, что португальцы и испанцы стремились не только торговать, но и распространять католицизм. Именно в этом контексте следует рассматривать указ Хидэёси 1587 г., в котором христиане были названы врагами «учения Будды», а также последующий указ Токугава Иэясу 1614 г. о запрете христианской религии[2]. При этом голландцы и англичане казались центральной власти менее опасными, поскольку в отличие от испанцев и португальцев были сосредоточены главным образом на торговле, а не на миссионерстве. Следовательно, ранняя антихристианская политика сёгуната Токугава была одновременно и борьбой с «чужим вероучением», и формой политического отбора иностранных партнеров: опасными признавались те, кто совмещал торговлю с религиозной экспансией, а приемлемыми – те, кто искал прежде всего коммерческой выгоды[3].

Для понимания причин подобной антихристианской политики следует определить, почему христианство первоначально столь успешно укоренилось в Японии. На определенном этапе оно было выгодно японским правителям: новая вера могла использоваться в борьбе против сильных буддийских школ, а контакты с португальцами приносили заметные политические и экономические преимущества. Использование европейского огнестрельного оружия и торговые отношения с Португалией давали настолько серьезные выгоды, что отказаться от них государство сначала не могло, и именно поэтому христианство распространялось «так широко и успешно»[4].

Тем не менее знакомство японцев с европейцами сопровождалось не только заимствованием новых знаний, но и осознанием опасности, которую миссионеры несли для независимости Японии и ее религиозно-

---

[1] *Лещенко Н.Ф.* Япония в эпоху Токугава. М., 2010. С. 130.

[2] «Батэрэн цуихо но фуми» – указ о депортации священников сёгуна Токугава Хидэтада от 27 января 1614 г. См.: *Нелюбин П.Г.* «Батэрэн цуихо но фуми» – ранний антихристианский документ сегуната Токугава // Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum Востоковедение. 2018. № 1(14). С. 190–194.

[3] *Кудояров В.Н.* Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603–1867) // Вестник СПбГУ. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 3. С. 54.

[4] *Акиньшин А.О.* Начало движения христианского мученичества в Японии: казнь 26 мучеников в Нагасаки // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 20. С. 198–199.

политических институтов. Именно поэтому страна впоследствии «добровольно отгородилась от внешнего мира»[5].

Стоит отметить то, что в условиях междоусобных войн огнестрельное оружие стало «главным проводником христианства»: даймё были готовы принимать поддержку европейцев и даже новую веру ради военного преимущества. Это показывает, что христианство распространялось в системе союзов, выгод и конфликтов, из-за чего воспринималось японской властью как гораздо более серьезное явление, чем просто чужая догматика[6].

Среди самого японского населения появилось множество людей, искренне принявших новую веру, а само христианство, как монотеистическая религия, требовало полного отказа от других культов, включая синтоизм. Именно поэтому после периода колебаний было принято решение, что христианство представляет угрозу для государства, и с этого момента начался курс на возвращение национальных религиозных и культурных ценностей и на преследование японских христиан[7]. К причинам поворота к гонениям можно также отнести «чрезмерное вмешательство миссионеров во внутренние дела страны». Христианские проповедники усиливали междоусобные войны, действовали через подвластных им даймё и даже были связаны с работорговлей на Кюсю, ранее нехарактерной для Японии. Уже здесь миссионеры предстают не как нейтральные религиозные деятели, а как реальный политический фактор, с которым первые объединители страны были вынуждены считаться[8].

Иэясу Токугава занял жесткую позицию: по свидетельству Уильяма Адамса, он знал, что испанская корона нередко использует миссионеров как разведчиков перед возможным завоеванием чужих земель. Его тревожил и постоянный рост числа христиан среди японцев, особенно в крестьянской среде[9]. Миссионеры создавали приюты, школы, больницы, помогали бедным, тогда как политика самого Иэясу по отношению к крестьянам строилась на жестком контроле. В такой ситуации христианство могло превратиться в идеологию социальной оппозиции. Именно поэтому в 1614 г. был издан указ, предписывавший миссионерам закрыть церкви и покинуть Японию, а японским христианам грозила смерть в случае отказа от веры[10].

---

[5] *Османов Е.М.* Влияние «христианского столетия» на переход к политике самоизоляции Японии // Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной научной конференции. СПб., 2014. С. 141.

[6] Там же. С. 144.

[7] *Акиньшин А.О.* Начало движения… С. 199.

[8] *Шашков В.А., Сорокина Т.Б.* Деятельность европейцев в Японии в начале XVII века // Скиф. 2019. № 7(35). С. 96–97.

[9] *Нелюбин П.Г.* «Батэрэн цуихо но фуми»… С. 193.

[10] *Шашков В.А., Сорокина Т.Б.* Указ. соч. С. 99–100.

Религиозная причина закрытия страны была не менее значимой. Христианство вызывало раздражение как вера, претендующая на исключительность. Японская сторона видела в нем учение, несовместимое с основами местной культуры, выросшей на базе синто и буддизма[11]. Раздражение вызывали и претензии христианства на абсолютную истину, и стремление объявить остальные религии ложными. Поэтому антихристианская политика Токугава была не просто подавлением иностранного влияния, а попыткой сохранить культурно-религиозную целостность общества[12].

На этом фоне по-новому раскрывается и феномен христианского мученичества. Историком А. Акиньшином подчеркивается, что история японского мученичества должна рассматриваться в контексте местной политики, а не только как религиозный сюжет. Мученичество было связано не только с индивидуальными казнями, но и с массовым уничтожением целых христианских общин, что представляет собой коллективное насилие со стороны государства по отношению к религиозной общине[13].

Особое место в этой истории занимает казнь 26 мучеников в Нагасаки, с которой, по сути, начинается оформленное движение христианского мученичества в Японии. Казнь была организована как демонстративный политический акт. В официальном объявлении подчеркивалось, что «Тайко приговорил этих людей к смерти», потому что они нарушили приказ и начали проповедовать христианскую веру; поэтому и они сами, и их японские последователи должны были быть распяты в Нагасаки. Отмечается, что путь осужденных из Киото в Нагасаки был намеренно растянут, чтобы как можно больше людей увидели наказание и поняли, чем грозит следование чужеземной религии. При этом ни у кого из казненных «не возникло и мысли отречься от своей веры», хотя это могло бы спасти им жизнь. Значит, к концу XVI в. антихристианская политика японской власти была ориентирована не только на миссию европейцев, а на внутренне укоренившуюся религиозную общину, готовую к сопротивлению даже ценой жизни[14].

Переломным моментом в истории антихристианской политики стало Симабарское восстание 1637–1638 гг. Историки спорят, было ли оно прежде всего следствием налогового гнета или гонений на христиан. С одной стороны, на знаменах восставших находились христианские эмблемы, а их руководителем был ронин, обращенный в христианство. С другой стороны, восстание, по всей вероятности, было вызвано жестокостью властей и некоторых даймё, которые отбирали у крестьян рис

[11] *Нелюбин П.Г.* «Батэрэн цуихо но фуми»… С. 193.
[12] *Лещенко Н.Ф.* Указ. соч. С. 131.
[13] *Акиньшин А.О.* Феномен христианского мученичества в Японии в XVI–XVII вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 1(40). С. 189.
[14] *Акиньшин А.О.* Начало движения… С. 200–201.

«до последнего зернышка», применяли пытки и доводили налоговое обложение до крайности. Поэтому Симабара была не чисто конфессиональным мятежом, а социальным взрывом, принявшим христианскую форму и символику[15].

Даже в 1640-х гг., когда восстание уже было подавлено, сёгунат продолжал видеть в Нагасаки и в тайных христианах серьезную угрозу. Власти создали систему выявления и подавления христиан, а для идейной борьбы стали использовать буддийское духовенство. Именно в этом контексте в Нагасаки был приглашен монах Сэссо Сосай, чьи проповеди должны были не просто фиксировать формальный отказ населения от христианства, а добиваться его внутреннего и окончательного отречения[16].

После Симабарского восстания антихристианская политика вступила в новую стадию. Сэссо Сосай и его окружение считали недостаточным один лишь административный нажим: требовалось разрушить саму внутреннюю логику христианской веры у японских христиан. Поэтому Сэссо утверждал, что миссионеры вводят в заблуждение «обычных людей», а христиане используют религию как средство завоевания чужих земель. Тем самым, антихристианская политика Токугава после Симабары носила не только религиозный, но и охранительно-государственный характер: борьба с верой одновременно становилась борьбой за безопасность режима[17].

В историографии подчеркивается, что Симабара стала одним из самых мощных народных восстаний в японской истории. Правительство было вынуждено бросить на его подавление огромные силы, а решающую помощь оказали голландцы, открывшие огонь по замку Хара. Среди восставших было немало христиан, и это стало «одной из причин окончательного оформления политики Сакоку». Именно после этих событий подавление восстания, ставшего «последним аккордом» истории японского христианства, в 1639 г. был опубликован указ о полном запрете христианства и прекращении отношений с Португалией. Таким образом, Симабара стала для бакуфу окончательным доказательством того, что христианская среда может превратиться в политически и военным образом опасную силу[18].

При этом сакоку не было полным и абсолютным разрывом со всем внешним миром, так как продолжалась торговля с Голландией и Китаем. Объясняется это тем, что голландцы, в отличие от католических держав, были менее опасны для центральной власти, так как их интересовала прежде всего торговля[19]. Таким образом Симабарское восстание соединило

---

[15] *Лещенко Н.Ф.* Указ. соч. С. 161.

[16] *Нелюбин П.Г.* Монах на службе сёгуната: Сэссо Сосай и его проповеди // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 1(33). С. 29–30.

[17] Там же. С. 32.

[18] *Османов Е.М.* Влияние «христианского столетия»… С. 157–158.

[19] *Кожевников В.В.* «Сакоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. С. 160–161.

в себе социальный протест, антигосударственный потенциал и христианскую символику, после чего антихристианская политика и закрытие страны окончательно закрепились. После подавления восстания исключение было сделано именно для Голландии – в том числе за помощь бакуфу. Поэтому сакоку следует рассматривать не как замок, наглухо закрывший Японию, а как систему ограничений, в которой бакуфу пыталось на собственных условиях решать, с кем, как и в каком объеме поддерживать связи.

Список литературы

Акиньшин А.О. Начало движения христианского мученичества в Японии: казнь 26 мучеников в Нагасаки // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 20. С. 198–204.

Акиньшин А.О. Феномен христианского мученичества в Японии в XVI–XVII вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 1(40). С. 176–197.

Кудояров В.Н. Японо-голландские отношения в эпоху Эдо (1603–1867) // Вестник СПбГУ. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 3. С. 54–61.

Кожевников В.В. «Сакоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. С. 160–172.

Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Крафт+,2010. 352 с.

Нелюбин П.Г. «Батэрэн цуихо но фуми» – ранний антихристианский документ сегуната Токугава // Вестник Научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum Востоковедение. 2018. № 1(14). С. 190–194.

Нелюбин П.Г. Монах на службе сёгуната: Сэссо Сосай и его проповеди // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. № 1(33). С. 29–36.

Османов Е.М. Влияние «христианского столетия» на переход к политике самоизоляции Японии // Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г. СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 141–160.

Шашков В.А., Сорокина Т.Б. Деятельность европейцев в Японии в начале XVII века // Скиф. 2019. № 7(35). С. 96–102.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ИДЕАЛ ЖЕНЩИНЫ В КУРТУАЗНОЙ КУЛЬТУРЕ XII–XV ВВ. КАК ОТРАЖЕНИЕ АНТИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ

М.С. Маслухина, С.К. Корнилова
Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Научный руководитель – И.А. Чернякова,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуется идеал женщины в куртуазной культуре XII–XV вв. и его связь с античными литературными образами. Рассматривается, каким образом представления античности о женской природе были восприняты и преобразованы в средневековой рыцарской традиции. Особое внимание уделяется образу Прекрасной Дамы как центральному элементу куртуазной культуры, а также выделению ключевых литературных женских архетипов, характеризующих эту эпоху.

Ключевые слова: *куртуазная культура, Прекрасная Дама, античные образы, Овидий, христианская традиция, женские архетипы, Кретьен де Труа.*

Куртуазная культура XII–XV вв. представляет собой важный этап в развитии европейской цивилизации, в рамках которого формируется новый идеал женщины. Актуальность исследования обусловлена интересом современной науки к проблемам гендера, культуры и символических моделей поведения в историческом контексте. Изучение этого идеала позволяет выявить взаимодействие античной традиции, христианской этики и феодальных социальных структур.

Стоит начать с того, что понимание куртуазной культуры невозможно без ее письменного нарратива. Под куртуазной литературой подразумевается совокупность личностных произведений западноевропейского христианского средневековья, объединенных общими тематическими и стилистическими признаками. Как отмечает Р.О. Шор, куртуазная литература отражает «психоидеологию сосредоточенной при дворах крупных владетелей-сеньоров прослойки служилого рыцарства (министериалов)» и является «орудием борьбы за эту новую идеологию с феодально-церковным мировоззрением» предшествующей эпохи[1]. К концу XIV в. эта традиция начинает угасать, а в XV в. ее идеалы трансформируются и становятся объектом пародии. Примером такого переосмысления является роман Антуана де Ла Саля «Маленький Жан де Сентре»[2].

[1] *Шор Р.О.* Куртуазная литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1931. Т. 5. Стб. 757.
[2] Там же.

Ж. Дюби трактует куртуазную любовь прежде всего как социальный механизм, связанный с брачной политикой и устройством феодального общества. В его интерпретации культ Дамы вырастает из придворной среды, где младшие сыновья сеньоров, не имевшие наследства и перспектив выгодного брака, переносили внимание на недоступную знатную женщину[3]. Историк подчеркивает игровой характер куртуазности и сближает любовное служение с моделью вассальной зависимости.

А.П. Батурин и Н.Д. Полищук рассматривают куртуазную любовь как культурную и литературную модель, выраженную в рыцарских романах и нормативных представлениях о поведении. В центре их внимания – рыцарский идеал женщины и любви, где подвиг совершается уже не только во имя вассального долга, но и во имя Дамы[4]. Исследователи подчеркивают значение античного наследия, прежде всего Овидия, а также влияние христианского культа Девы Марии на формирование куртуазного идеала.

М. Оссовская предлагает критическую интерпретацию куртуазного идеала, рассматривая его как «игру», не приводящую к реальному изменению положения женщины в обществе[5]. При этом она, как и другие исследователи, обращает внимание на значение античного наследия в формировании куртуазной культуры. В отличие от нее, О.В. Смолицкая описывает куртуазную любовь как реально функционирующую культурную норму, включающую и особое эмоциональное состояние влюбленного, и систему правил поведения, закрепленную в придворной практике и литературе[6].

Куртуазный идеал женщины формируется на пересечении двух традиций. С одной стороны, важное влияние оказывает римский поэт Овидий, описывающий любовь как искусство, включающее страсть, глубокую психологию и стратегию поведения. С другой стороны, христианская традиция формирует представление о женщине как о духовно возвышенном существе, которое воплощает чистоту и нравственное совершенство.

Произведения Овидия в Средние века широко изучались, пережив своеобразное «второе рождение»[7], и воспринимались как своего рода руководство к пониманию любви. Любовь по античному представлению выступает как аффект и патология. Герой испытывает острую психосоматическую реакцию: бессонницу, истощение и эмоциональную зависимость. Сам римский поэт в «Любовных элегиях» описывает это состояние с предельной откровенностью: «Я не пойму, отчего и постель

---

[3] *Дюби Ж.* Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 92.

[4] *Батурин А.П., Полищук Н.Д.* Рыцарский идеал женщины и любви в куртуазной культуре Западноевропейского средневековья // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 16.

[5] *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М., 1987. С. 120.

[6] *Смолицкая О.В.* Куртуазная любовь // Словарь словесной культуры. М., 2003. С. 65.

[7] *Батурин А.П., Полищук Н.Д.* Указ. соч. С. 17.

мне кажется жесткой <…> И почему во всю долгую ночь я сном не забылся?» (Ovid. Am. I. II, 1–3). Эти строки наглядно демонстрируют, как любовное томление лишает влюбленного покоя и сна, превращая его существование в череду страданий. Однако любовь в античной традиции предстает не только как патология, но и как искусство, требующее обольщения, психологической игры и риторических навыков. Овидий наставляет: «Пусть же никто не твердит, что любовь – одно лишь безделье: / Изобретательный ум нужен для дела любви» (Ovid. Am. I. IX, 31–32). Таким образом, влюбленный должен не просто страдать, но и проявлять хитроумную изобретательность, чтобы добиться благосклонности возлюбленной.

Христианская традиция, не меньше повлиявшая на куртуазную литературу, имела двойственный взгляд на женщину. С одной стороны, представление о женщине было как о существе чистом, она наделена чертой возвышенности и становится объектом для поклонения, как в случае с культом Девы Марии. С другой стороны, в христианстве сохраняется представление о женщине как о сосуде греха и дьявольском орудии искушения. Наиболее известным воплощением этому служит библейский образ Евы.

Именно на фоне этих церковных установок куртуазная литература совершила настоящий ментальный переворот. В культуре сложился феномен «Прекрасной Дамы» – возвышенного, недостижимого объекта поклонения, служение которому становилось смыслом жизни рыцаря[8]. Отношения куртуазии выстраивались по принципу вассально-ленных отношений: рыцарь должен был служить Прекрасной Даме подобно тому, как он служил своему сюзерену. Эта идея служения была кодифицирована в систему ритуалов в трактате «О любви» (ок. 1186 г.) Андрея Капеллана, в котором женщина стала восприниматься как судья и источник нравственного совершенствования мужчины.

Формирование этого идеального поведения потребовало переосмысление античных образцов. Как отмечает исследователь Э. Векслер, трубадур в своем отношении к Даме практически полностью копировал позицию верующего по отношению к Деве Марии[9]. Влюбленный рыцарь переживал все стадии мистического лицезрения Дамы, словно монах, обращающий взоры к Богородице, для чего использовались специфические теологические термины: «почитание», «преклонение», «заступничество», «милосердие». Результатом слияния античной овидиевской модели любви-страсти и христианского культа женщин-святых стало появление духовного измерения во взаимоотношениях полов.

---

[8] *Батурин А.П., Полищук Н.Д.* Указ. соч. С. 18.

[9] *Чесноков А.* Куртуазная литература // Всемирная история: энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/kurtuaznaya-literatura (дата обращения: 01.04.2026).

На основе анализа куртуазных текстов можно выделить три основных женских архетипа, каждый из которых восходит к античным литературным прототипам, но переосмысляется уже в контексте христианской этики и феодальных отношений.

Первым и наиболее значимым архетипом является архетип Госпожи. Главным античным прототипом послужила римская «domina», которая задала язык любви в виде служения. Однако, если в римской поэзии герой был свободным человеком, добровольно принявшим на себя эти узы, то средневековый рыцарь соединяет эту модель с вассальным характером: он служит Даме так же, как своему сеньору. К ключевым чертам данного архетипа относится то, что женщина занимает более высокое социальное положение, чем рыцарь, и часто является замужней, что делает любовь запретной и придает отношениям характер испытания. Дама выступает как центр, вокруг которого строится рыцарская репутация, она оценивает его верность и подвиги, а ее благоволение становится высшей наградой. Таким образом, власть женщины основана не на действительной власти, а на моральном авторитете, который определял честь и судьбу рыцаря.

Ярким примером служит Гвиневра из романа Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь телеги». В этом произведении она оценивает готовность рыцаря поставить любовь выше публичной чести, и даже краткое промедление превращает в моральный проступок. Сам Овидий в «Любовных элегиях» передает эту логику служения через страдание: «Чаще со мною лукавь, чаще отказывай мне, / Чаще меня заставляй лежать у тебя на пороге, / Холод подолгу терпеть ночью у двери твоей» (Ovid. Am. II. XIX, 19–22).

Вторым архетипом является «Верная супруга». Его главным античным прототипом выступает Пенелопа из «Одиссеи» в латинской обработке, а также христианская традиция, прославляющая супружескую верность. Ключевыми чертами Верной супруги становятся ее скромность и послушание, но при этом обладание внутренним стержнем. В отличие от архетипа Госпожи, здесь любовь реализуется уже в браке, а не вопреки ему. Супруга готова нарушить все запреты, если это необходимо для спасения чести или жизни мужа. Энида у Кретьена де Труа одновременно подчинена мужу, но нарушает его приказ ради его же спасения. В этом она близка к христианской модели супруги: скромной по норме поведения, но сочетающей в себе внутреннюю ответственность перед браком и честью. Это внутреннее противоречие, которое кроется в верности через внешнее непослушание, делает данный архетип особенно сложным. Верная супруга не является просто хранительницей очага; она обладает моральным ориентиром, который в критический момент оказывается выше приказа, даже от самого мужа.

Третьим является архетип «Страдающей возлюбленной». Главным источником его вдохновения в античной литературе послужили героини Дидона и Медея, какими они представлены в «Героидах» Овидия.

Ключевыми чертами этого архетипа являются запретная любовь, сильная страсть, готовность к жертве, а также трагический финал. В сюжетах, построенных вокруг этого архетипа, любовь предстает перед нами как разрушительная страсть, не знающая границ дозволенного. Возникает острое напряжение между личным чувством и социальным порядком. Смерть возлюбленного вынуждает Даму уйти в монастырь или покончить с собой. Так, в античности Овидиева Дидона показана с особым трагизмом: «Дай улечься волнам, дай любви умерить свирепость, / Дай научиться и мне с твердостью горе сносить. / Если откажешь – ну что ж! Я с жизнью расстаться решилась, / Будет недолго меня мучить жестокость твоя» (Ovid. Her. VII, 179–183). В Средневековье классическим примером данного типажа стала Изольда из «Тристана и Изольды». Однако стоит отметить, что в куртуазной литературе страсть героини смягчается по сравнению с античной традицией, но остается в виде идеи, что истинная любовь может оправдать нарушение социальных норм.

Таким образом, идеал женщины в куртуазной культуре формируется на пересечении античной, христианской и феодальной традиций: античность задает язык любви и прообразы, христианство – идею духовной чистоты. Он представляет собой не прямое заимствование, а переосмысление античных образов в новой культурной системе. Несмотря на условность и игровой характер этого культа, он подготовил почву для ренессансного гуманизма и последующего изменения статуса женщины в европейской культуре[10].

Список литературы

Батурин А.П. Рыцарский идеал женщины и любви в куртуазной культуре западноевропейского средневековья // Вестник КемГУ. 2008. № 2. С. 16–20.

Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. / Пер. с фр. Е.Ю. Симаковой // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 90–96.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали / Пер. с польск. А.А. Гусейнова. М.: Прогресс, 1987. 528 с.

Смолицкая О.В. Куртуазная любовь // Словарь словесной культуры. М., 2003. С. 65–67.

Шор Р.О. Куртуазная литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1931. Т. 5. Стб. 757–771.

Чесноков А. Куртуазная литература // Всемирная история: энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/kurtuaznaya-literatura (дата обращения: 01.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[10] Чесноков А. Указ. соч.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУТИ САМУРАЯ В ЭПОХУ ТОКУГАВА: ОТ ЭСТЕТИКИ СМЕРТИ К ЭТИКЕ СЛУЖЕНИЯ

Д.М. Молозева
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – В.П. Потамская,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформации идеалов бусидо в период Токугава. В противовес классическому принципу «Хагакурэ», гласящему, что «Путь самурая – это смерть», анализируется неоконфуцианская этика Кайбара Эккена, в мирное время призывавшего самураев к заботе о теле и умеренности ради служения государству, а не одному даймё. На основе трактата «Йоджокун» продемонстрировано, каким образом была переосмыслена идея смерти, трансформированная из повседневной готовности в исключительный акт, а главной добродетелью стало терпение и самоконтроль. Отмечается, что классическое понимание бусидо сосуществовало с новым представлением.

Ключевые слова: *бусидо, самураи, Токугава, Ямамото Цунэтомо, Дайдодзи Юдзан, Кайбара Эккен, «Хагакурэ», «Йоджокун», сэппуку, смерть, самодисциплина, неоконфуцианство*.

Для Японии период правления сёгуната Токугава (1603–1868) стал временем длительного мира. С начала XVII в. огромная масса буси оказалась не у дел, так как междоусобные войны прекратились, и для многих феодалов содержание воинских отрядов стало экономически обременительным. Самураи все чаще становились наследственными администраторами и чиновниками. Удивительно, но подобное положение дел не только не ослабило самурайскую этику, но и, возможно, предопределило ее более радикальный характер. Морально-этический кодекс бусидо приобрел черты, которые определяют так называемый «классический» путь воина. В основе этого пути лежали две основных взаимосвязанных установки: представление о смерти как истинной сути самурайского существования и абсолютное служение одному господину-даймё как единственная форма реализации этого существования.

Главный принцип классического бусидо зафиксирован Ямамото Цунэтомо (1659–1719) в «Хагакурэ» и озвучен с предельной ясностью: «Путь Самурая – это смерть». Помимо этого, философ наставляет: «В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнись решимости и действуй». Он не отрицает возможности «собачьей смерти» – смерти, которая может показаться бессмысленной с точки зрения рациональности и здравого смысла. Более того, Цунэтомо говорит о том, что такая смерть не постыдна, ибо сама готовность к ней,

решимость и составляет суть пути. «Если каждое утро и каждый вечер ты будешь готовить себя к смерти и сможешь жить так, словно твое тело уже умерло, ты станешь подлинным самураем»[1]. Эта установка на постоянную, ежедневную подготовку к смерти пронизывает и другой источник эпохи Токугава – «Будосёсинсю» Дайдодзи Юдзана (1636–1730). Здесь мы тоже можем наблюдать повторение идеи о том, что воин постоянно должен помнить о смерти: «С того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги – что он должен умереть»[2]. Юдзан считает, что память о смерти выполняет важнейшую практическую функцию, ведь она делает самурая более осмотрительным, заставляет его взвешивать каждое слово, избегать излишеств в еде, вине и женщинах, сохранять здоровье и бодрость духа. Это помогает сформировать безупречного воина. Тот же, кто забывает о смерти, становится беспечным, ввязывается в бесполезные споры и в конечном счете может быть убит, опозорив тем самым свою честь и честь своего даймё.

Любопытно и то, как трактуется смерть в источниках периода Токугава. Смерть – не только неизбежность, но и событие. Это ритуал, требующий этического и эстетического совершенства. Этикет смерти (синосахо) предписывает: самурай обязан умереть достойно и красиво. Принять неотвратимое как данность, со спокойствием, потому что он уже готов к ней[3].

Эстетизация смерти достигает своего пика, воплощаясь в практике сэппуку (харакири) – ритуального самоубийства путем вспарывания живота. В эпоху Токугава подобная традиция стала исключительной привилегией военного сословия[4]. Разумеется, подобная «процедура» приносила страдания, так как брюшная полость – одно из наиболее чувствительных мест человеческого тела. Разрезание живота требовало от самурая большого мужества и выдержки. Со временем появился секундант – кайсяку, который должен был в нужный момент отсечь голову воину, чтобы прекратить его мучения. При этом эстетически безупречным считалось, если у него получится сделать так, чтобы голова повисла на куске кожи[5]. В период Токугава процедура немного смягчилась. Самураю вместо меча на подносе преподносили веер, чтобы он чисто символически «вспорол» живот, а сразу после кайсяку «помогал» ему[6]. Формально ритуал соблюден.

---

[1] Хагакурэ. М., 2011. С. 30.
[2] Будосёсинсю. СПб., 2000. С. 4.
[3] *Зиганьшин Р.М.* Военный этикет самураев // Историческая психология и социальная история. 2010. № 2. С. 140.
[4] Там же. С. 136–137.
[5] Там же. С. 139.
[6] *Николаева И.Ю., Серкова О.А.* Подчинение авторитету и социальной норме в средневековых военных сословиях Японии и Германии // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 230.

Однако смерть никогда не была самоцелью самурая. Ведь он умирал не «вообще», а за честь господина-даймё. Именно идея служения превращала смерть-факт в смерть-поступок. «Быть слугой означает не что иное, как оказывать поддержку своему господину, вверяя ему все свои чаяния и отрекаясь от личной выгоды»[7]. А подлинная преданность проверяется в момент, когда нужно отдать жизнь. Известным примером являются 47 ронинов из Ако (1702), прославляемые как образец истинной верности.

Войны закончились, а самураи остались. Возник кризис. Как быть воинам-самураям без сражений? В.В. Смирнов отмечает, что главная обязанность воина – быть готовым сражаться и умереть – стала, по сути, бессмысленной в мирное время. Лишенные практического значения профессиональные военные навыки и качества начинают исполнять функцию символических коллективных идентификаторов[8]. Поэтому прежние установки трансформировались: идеальный самурай – это тот, для кого намерение умереть стало образом жизни и мировоззрением. Смерть из исключительного события превратилась в рутинный акт сословной идентификации. Чем меньше оставалось возможностей для проявления воинской доблести, тем большее значение придавалось символическим жестам и ритуалам.

Но тот же кризис породил и другое мнение по этому же вопросу. В этой ситуации возникла потребность в переосмыслении роли воина, в формировании кодексов, определяющих его обязанности в новых условиях[9]. При этом в самурайской среде культивировалась убежденность в моральном превосходстве воинов над прочими сословиями[10], что тоже требовало обоснования с точки зрения философии. Если Цунэтомо и Юдзан радикализировали готовность смерти, возводя ее в абсолют, то неоконфуцианец Кайбара Эккен (1630–1714) предложил пересмотреть традиции.

В отличие отпринципа «Хагакурэ» он предлагает иной подход, в основе которого лежит не готовность к гибели за господина, а ответственность за сохранение жизни как фундаментальная моральная обязанность. «С потерей вашей жизни – вы ни на что не годны»[11]. Это утверждение становится отправной точкой для построения новой этики, где забота о себе, дисциплина и умеренность возводятся в ранг высших добродетелей.

---

[7] Хагакурэ. С. 32

[8] *Смирнов В.В.* Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603–1867) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 128–129.

[9] *Горегляд В.Н.* Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб., 2006. С. 25–26.

[10] Там же. С. 284.

[11] *Уилсон У.С.* Вступительная статья и комментарии // Йоджокун. Уроки жизни самурая. М., 2010. С. 10.

Обратимся к источнику – трактату «Йоджокун». Фундаментальным основанием этики самодисциплины у Эккена является неоконфуцианское понимание тела как дара, полученного от родителей, Неба и Земли. Он решительно отвергает индивидуалистическое отношение к собственной плоти, утверждая, что человек не может считать тело своей собственностью, с которой может делать, что захочет[12]. «Беспечно повредить или разрушить тело – самая большая неблагодарность»[13]. Такая трактовка коренится в классической конфуцианской концепции сыновней почтительности, которая в токугавском неоконфуцианстве активно развивалась через «пять отношений» (горин) и «пять постоянств» (годзё)[14]. Забота о собственном теле становится для самурая не правом, а обязанностью – перед родителями, господином и обществом.

Понятием, связывающим неоконфуцианскую метафизику с повседневной практикой, является категория «уважения». Эккен утверждал, что существует «слово», которое помогает контролировать защиту здоровья. «Если вы примените это слово, то проживете долгую жизнь и избежите болезней. Вы будете почтительны по отношению к вашим родителям и преданны своему господину. Вы поддержите свой клан и сохраните свое тело независимо от того, что вы делаете, и вы не будете ошибаться»[15]. Это «слово» и есть уважение.

Для описания процесса самоконтроля Эккен широко использует метафоры, понятные и близкие воинскому сословию, что опять же свидетельствует о его стремлении сделать рекомендации максимально доступными для понимания людей. Он разделяет все угрозы для человеческого организма на две категории: «внутренние желания» и «отрицательные внешние влияния». К первым относятся потребности в еде, выпивке, сексе, сне, а также проявления семи эмоций: радости, гнева, беспокойства, тоски, горя, страха и удивления; вторые же включают четыре природных фактора: ветер, холод, жару и влажность[16].

«Большое количество врагов нападает на ваше тело как снаружи, так и изнутри… Все ранее упомянутые желания и эмоции считаются внутренними противниками и возникают в вашем собственном теле, а затем наносят удар. Они могут быть воистину ужасными»[17]. Здесь речь идет о жизненной энергии – «ки» (она же «ци» или «чи»). Проводя аналогию между военным делом и обычной жизнью, Эккен заключает: «Вы сохраните свое тело, зная способы защиты. Даже если вы родились с естественно сильной чи, но не будете практиковать Путь Обучения Жизни, то вы станете жертвой своих естественных врагов, также как генерал,

[12] Йоджокун. Уроки жизни самурая. М., 2010. С. 28.
[13] Там же.
[14] *Горегляд В.Н.* Указ. соч. С. 292.
[15] Йоджокун… С. 36.
[16] Там же. С. 30.
[17] Там же. С. 41.

которому не достает мудрости и знаний военной тактики, обречен на поражение»[18].

Для победы над каждым из «врагов» Эккен предписывает следовать различным добродетелям. «Чтобы победить внутренних врагов, вам следует быть терпеливыми и укрепить свое сердце. Терпение есть не что иное, как самоконтроль. Не позволяйте внутренним противникам действовать так, как им хотелось бы. Научите их делать так, как хотелось бы вам»[19]. Для защиты же от внешних угроз рекомендуется использовать «почтение» и быстрое отступление, подобно тому, как гарнизон укрывается в крепости[20]. Самодисциплина представляется как непрерывная внутренняя война, требующая от самурая мобилизации всех его воинских качеств – храбрости, стратегического мышления, стойкости.

Ключевой принцип можно выразить одним словом – «немного»[21], который раскрывается в «одиннадцати сокращениях»[22]: уменьшить количество еды, выпивки, пристрастие к пяти чувствам, желание секса, количество слов, дел, гнев, тревоги, печали, тоску и количество часов сна. Примечательно, что в этом списке в едином ряду стоят как физиологические потребности, так и эмоциональные состояния. Это наглядно демонстрирует, что забота о теле и воспитание духа не разделяются – это две стороны одного процесса. «Если пламя, размером со светлячка, зажигает дом, это приведет к большому бедствию»[23]. Следовательно, этика требует повседневной, кропотливой работы по сдерживанию малых искушений.

Важное место в этике Кайбара Эккена занимает спор с распространенным среди самураев убеждением, что воину не подобает дорожить собственной жизнью. Воин умрет ради принципа, встретив опасность лицом к лицу. «Если он будет уделять своему телу слишком большое значение и действовать так, чтобы не повредить ни единому волоску на своей голове, то он будет ценить свою жизнь по всему остальному, даже когда дело дойдет до серьезных вопросов и потери принципов»[24]. Эккен не отрицает готовности к смерти, но уточняет, что жертвовать жизнью нужно лишь в исключительных обстоятельствах, а в повседневности долг воина – заботиться о себе. Иначе в решающий момент просто не хватит сил для исполнения своего долга, ведь «тело будет слабым»[25]. Забота о здоровье становится условием исполнения долга, а не препятствием для него.

---

[18] Йоджокун… С. 41.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 42.
[21] Там же. С. 71.
[22] Там же.
[23] Там же. С. 47.
[24] Там же. С. 45–46.
[25] Там же. С. 46.

Забота о себе – «Великий Путь», поэтому необходимо больше узнавать о своем здоровье, не жалея средств, учиться у тех, кто разбирается в медицине[26]. Невежество в вопросах здоровья – моральный недостаток, недостойный благородного мужа.

Предложенная Эккеном этика самодисциплины представляет собой целостную систему, укоренившуюся в неоконфуцианской традиции, но обращенную к насущным задачам мирного времени. Это универсальный Путь, открытый каждому. Храбрость здесь – способность обуздывать собственные желания, а верность – умение сохранять себя для подлинного служения.

При сравнении двух подходов сразу видны их различия. Если классическое бусидо требовало от самурая быть готовым умереть в любой момент, то Эккен требует от него быть готовым жить – дисциплинированно, умеренно и осознанно, чтобы иметь возможность долго и эффективно служить. Он перенес акцент с гибели за господина на заботу о себе как условие настоящего служения – не одному даймё, а родителям, клану и в конечном счете государству в целом. Из повседневной готовности смерть становится крайним случаем, когда иначе не поступить; в обычной жизни стоит себя поберечь.

Таким образом, в период Токугава сложились, как минимум, две разные трактовки самурайского пути, и поэтому можно говорить о том, что бусидо не было неизменной системой. Эти преобразования были вызваны необходимостью сохранить сословную идентичность в мирное время: когда реальная война ушла, на первый план вышли символические жесты и ритуалы, но одновременно возник запрос на этику, оправдывающую привилегии воина через полезность обществу. И та, что предложил Кайбара Эккен, не менее интересна, чем знаменитая «Книга самурая». Необязательно рассматривать эти трактовки как взаимоисключающие. Возможно, они сосуществовали, обслуживая разные социальные потребности и разные возрастные или статусные группы внутри самурайского сословия. Более радикальная эстетика смерти могла быть перенята молодым поколением, которым нужна была романтизация подвига в служении одному господину. А зрелые чиновники, обремененные семьями и служебными обязанностями, находили в неоконфуцианских трудах практичные советы, помогающие дожить до старости и при этом не подвести своего даймё. Японская мысль того времени оказалась достаточно гибкой. Она не отбросила старые ценности, а приспособила их к мирной жизни – через заботу о себе и ответственность перед обществом.

[26] Йоджокун… С. 44.

Список литературы

Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 352 с.

Зиганьшин Р.М. Военный этикет самураев // Историческая психология и социальная история. 2010. № 2. С. 125–151.

Николаева И.Ю., Серкова О.А. Подчинение авторитету и социальной норме в средневековых военных сословиях Японии и Германии // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 227–240.

Смирнов В.В. Образ идеального самурая в литературе эпохи Токугава (1603–1867) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 1. С. 127–132.

Уилсон У.С. Вступительная статья и комментарии // Йоджокун. Уроки жизни самурая. М.: Диля, 2010. С. 4–27.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ОКТАВИАНА АВГУСТА НА АРАВИЙСКОМ И АФРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

М.А. Цветков
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – А.В. Лагуткин,
старший преподаватель

Аннотация. Октавиан Август в проведении своей внешней политики концентрировался преимущественно на европейском и восточном театре военных действий, политика же на рассматриваемой территории носила иной характер. В статье предпринимается попытка объяснить военную активность первого римского императора в этих регионах, выявить возможные цели и интересы принцепса, проследить ход наиболее важных событий, а также выявить особенности этих направлений в сравнении друг с другом.

Ключевые слова: *Октавиан Август, Египет, Аравия, Мавритания, Набатея, Юба II, внешняя политика.*

Октавиану Августу и его правлению как первому римскому императору и переходной фигуре от эпохи республики к эпохе империи посвящена многочисленная литература. Авторы фокусируются в основном на его внутренней политике, что вполне объяснимо. Именно в эпоху принципата Августа происходят коренные изменения в структуре Римского государства. Октавиан, вышедший победителем из серии гражданских войн I в. до н. э., меняет государственное устройство, предпосылки к изменению которого были сформированы в II–I вв. до н. э. Именно эти изменения фактически ставят фигуру принцепса – первого гражданина – на ключевую позицию в государстве (несмотря на отсутствие у людей с этим титулом, по мнению некоторых исследователей, юридических полномочий)[1]. Август придает своей власти республиканскую форму и сохраняет большое число республиканских элементов. Активная внутренняя политика сопровождалась заметными мероприятиями во внешней политике, направленной на экспансию. При нем и его преемниках из династии Юлиев-Клавдиев Римская империя окончательно оформилась территориально. Основная заслуга в формировании границ принадлежит Августу.

Целью данной работы является анализ и характеристика действий Августа в южном направлении, а также выявление роли этих направлений во внешней политике Рима.

[1] *Дрязгунов К.В.* Правовой статус и полномочия императора в эпоху раннего принципата: Октавиан Август // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 10. С. 6.

Важнейшим административным новшеством Августа является деление на сенаторские и императорские провинции. Под властью принцепса оказались самые милитаризированные провинции[2]. Причем независимо от принадлежности провинций к той или иной категории, в «Деяниях» всех их Август называет «провинциями народа римского» (Деяния. XXVI, 1), что указывает на целостность данной системы. При этом создается видимость того, что провинции переданы в введение Августу самим римским народом. Войском же Август, за исключением двух случаев, никогда лично не командовал (Светоний. Божественный Август. 20). Он предпочитал передавать эту возможность легатам – людям, верным непосредственно ему, что гарантировало ему прочное положение в провинциях. Являясь назначенцами императора, они обладали в провинции властью, неограниченной временем, часто в их ведении находились крупные военные силы[3]. Сенаторские же провинции, как правило, были слабее в военном плане. Единственной провинцией сената с вооруженными силами была Африка[4].

В результате победы в битве при Акции в 31 г. до н. э. и прекращения серии гражданских войн к римским владениям был присоединен Египет. Вошел он в состав государства на особых правах. Октавиан прекрасно понимал всю его важность, поэтому Египет являлся личным владением первого римского императора, а управлялась эта земля не легатом или прокуратором, а префектом, подотчетным лично императору. В «Деяниях» Август пишет о том, что Египет он подчинил «власти римского народа» (Деяния. XXVII, 1).

После присоединения Египта Август предпринял попытки экспансии в южном направлении. Первым наместником стал Корнелий Галл, однако его вольность и распущенность быстро привели к его падению. Он был обвинен в распространении клеветы об Августе[5]. По мнению В.В. Дмитриенко, Корнелий мог надеяться на произвол в провинциях, характерный для поздних лет республики[6]. По словам Светония, Галл был доведен до самоубийства. Вероятно, дело было не в «активных нападках друзей», а в приговоре, о котором римский биограф тактично умолчал (Светоний. Божественный Август. 66, 1-2). При этом Корнелий Галл успел расширить пределы Египта до второго Нильского порога[7].

---

[2] *Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина: в 2 т. Ростов н/Д., 1997. Т. 1. С. 138–139.

[3] *Митрофанова Л.А.* Положение Египта в Римской империи при Августе // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени развития. 2014. № 21. С. 26.

[4] *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 193.

[5] *Митрофанова Л.А.* Указ. соч. С. 28.

[6] *Дмитриенко В.В.* Властители Рима. Время правления Октавиана Августа и династии Юлиев-Клавдиев. М., 2004. С. 218.

[7] *Swanson J.T.* Contacts between Rome and ancient Ethiopia // Undergraduate Honors Thesis Collection. 1972. 288. P. 51.

Вторым наместником Египта стал Элий Галл, с чьим именем связаны военные кампании в южном направлении. Он прибыл с неоднозначными инструкциями от Августа по покорению Аравии и Эфиопии[8]. Целями экспедиции, скорее всего, являлись установление контроля над торговыми путями, в первую очередь ведущими в Индию, а также, как пишет Страбон, захват добычи и включение арабов в орбиту непосредственного римского владычества (Страбон. Книга XVI. IV, 22). В.Н. Парфенов, однако, отмечает, что Август, несмотря на заинтересованность в экспансии, мало представлял себе, чего он хочет добиться в данных регионах[9]. В 26 г. до н. э. начинается экспедиция в Arabia Felix (современный Йемен). Численность войск равнялась примерно десяти тысячам человек вместе с набатейскими и иудейскими союзниками (1000 и 500 человек соответственно). На кораблях легионеры достигли Набатеи. Проводником этой экспедиции выступал Силлей – чиновник при набатейском царе Ободе. Экспедиция шла через Набатею и Хиджаз к юго-западной окраине Аравийского полуострова[10]. В «Деяниях» сказано, что Элий Галл столкнулся с весьма многочисленными армиями (Деяния. XXVI, 5). Страбон говорит, что непосредственно от войны погибло лишь 7 человек (хотя это явное преуменьшение), а основным источником потерь он называет вспыхнувшие болезни и нехватку воды (Страбон. Книга XVI. IV, 24). Это вполне похоже на правду, ведь римляне не привыкли к перемещениям по подобной местности.

Город Мариба был осажден, однако из-за потерь Элий Галл отступил. Отход проходил по тому же маршруту; достигнув Хегры, находящейся под контролем набатейского царя, римляне отплыли в Египет. После отступления обострился конфликт между Набатеей и иудейским царем Иродом – Ирод даже вторгся в Иудею. Ответственность за отступление возложили на Силлея, который по возвращении из экспедиции был вызван в Рим и казнен.

Следующим крупным военным мероприятием на юге стала кампания против эфиопов. Во время арабской экспедиции Элия Галла эфиопы, воспользовавшись частичным выводом римских войск из Египта, предприняли крупный грабительский набег на южные его районы (Страбон. Книга XVII. I, 54). Новый префект Египта Гай Петроний предпринял поход против эфиопов, датируемый 24–23 гг. до н. э. Причиной военной активности могло стать вмешательство в династические дела в Эфиопии, а также еще не укрепившийся авторитет Августа, подталкивающий его на активные внешнеполитические мероприятия[11]. Также имела место нужда держать своих военачальников в постоянной занятости и контролировать ее, дабы не повторилась

[8] *Парфенов В.Н.* Указ. соч. С. 59.
[9] Там же. С. 60.
[10] *Bowersock G.W.* Roman Arabia. L., 1983. P. 46–47.
[11] *Парфенов В.Н.* Указ. соч. С. 62–63.

печальная история с Корнелием Галлом. Петроний одержал победу у города Псельхиса (Страбон. Книга XVII. I, 54). Август писал, что его войска дошли до Напаты (Деяния. XXVI, 5), то есть до четвертого порога. Взяв Напату, Петроний разрушил город до основания, а в Премнисе оставил 400 воинов. Решив, что дальнейшие области представляются непроходимыми, он повернул назад (Страбон. Книга XVII. I, 54). Эфиопы затем предприняли попытку вернуть утраченные земли, однако были отбиты в ходе второго похода Петрония на юг в 22 г. до н. э.[12] Попытка эфиопов отбить Напату позволяет предполагать, что Петроний не нанес им решительного поражения и никаких решающих завоеваний предпринимать не планировал[13]. В 20 г. до н. э. делегация мероитов прибыла к Августу на Самос. Август довольствовался легкими условиями мира – даже не стал накладывать податей на побежденных. Такое решение вызвано желанием продемонстрировать над ними свое превосходство и, вероятно, вполне соответствовало целям Августа в этом районе[14].

Активная внешняя политика Августа на юго-востоке империи в первые годы принципата имеет вполне понятные объяснения. В.Н. Парфенов полагает, что позиции Августа во внутренней политике были пока еще шаткими[15]. В такой обстановке активная внешняя политика должна была способствовать повышению его авторитета в самом Риме. Интересно, что после делегации на Самос в 20 г. до н. э. Август на данном направлении не предпринимает каких-либо активных завоевательных действий. После походов Петрония пограничная зона южнее Сиены была под контролем Рима[16]. Рим получил достаточно надежную границу на юге, которая продолжит оставаться относительно мирной еще до III в.[17] О дальнейшей пассивности свидетельствует и отсутствие упоминаний о походах у Страбона после кампаний Петрония.

Подводя итог аравийской и египетской политике, можно предположить, что Август явно не питал надежд на дальнейшее расширение столь удаленных территорий. Причины экспедиций, скорее, можно назвать внутренними, отражающими, с одной стороны, стремление Августа держать военачальников в активном состоянии, а с другой – желание поднять свой авторитет в глазах народа далекими и успешными войнами.

Правление Августа характеризовалось и заметными мероприятиями в западной части северной Африки, хотя и несколько менее активными в сравнении с Египтом. Август решал здесь проблемы по мере их поступления, не стремясь к заметной экспансии. Нумидия и Мавритания

[12] *Парфенов В.Н.* Указ. соч. С. 62–63.
[13] *Swanson J.T.* Op. cit. P. 56.
[14] *Дмитриенко В.В.* Указ. соч. С. 221.
[15] *Парфенов В.Н.* Указ. соч. С. 63.
[16] *Крист К.* Указ. соч. С. 164.
[17] *Swanson J.T.* Op. cit. P. 58.

после падения Карфагена не вошли в состав Римского государства. Нумидия вместе с Мавританией вела с Римом войну в конце II в. до н. э. Анней Флор пишет: «Он (Югурта, царь Нумидии – *М.Ц.*) дерзостно одолел нравы Римской империи, совершив задуманное святотатство (речь шла о подкупе римского полководца Скавра – *М.Ц.*)» (Анней Флор. Книга 1. XXXVI, 5). Из отрывка можно установить, что Нумидия явно рассматривалась римлянами как достаточно сильное государство, однако сил для того, чтобы справиться с Римской республикой, у нее не было. Позже Нумидия войдет в состав Рима, и на повестке дня во второй половине I в. до н. э. будет стоять уже Мавританский вопрос.

В 46 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь наносит помпеянцам поражение в битве при Тапсе. На стороне помпеянцев выступал царь Нумидии Юба I. Его сына, малолетнего Юбу II, Цезарь взял с собой и даже назвал Гаем Юлием Юбой. На месте отобранных у Нумидии земель была основана провинция «Nova Africa», которая при Августе была интегрирована в «Africa vetus». Юбу II же Август назначил правителем Мавритании, Нумидии и Гетулии в 25 г. до н. э.[18] По оценке В.В. Дмитриенко, назначение Юбы было крайне удачным, ведь нумидийцы и мавританцы легче мирились с властью Рима, когда царем был родственный им Юба[19]. Еще до назначения царем Юбы Август управлял Мавританией, по предположению Ш. Андре Жюльена, с помощью 2 префектов[20]. Юба же, воспитанный полностью в римских традициях, знающий пунический, греческий и латынь, отлично подходил для роли римской марионетки, проводящей угодную Августу политику. Он, например, переименовал Иол, свою столицу, в Цезарею[21]. Несмотря на родство со своими подданными, популярностью в народе он, видимо, не пользовался, а зависимость от Рима раздражала местные племена[22].

В 5 г. н. э. против царя Юбы восстали племена гетулов и мусуламиев, проживавших на юге современных Алжира и Туниса. Вмешательство Рима в войну дает понять, что сам Юба справиться с восстанием не мог. Восстание было подавлено год спустя[23]. Август поручил подавление восстания Коссу Корнелию Лентулу. Высказывание Флора: «Косс, получивший прозвище Гетулийский, более громкое, чем одержанная им победа» (Анней Флор. Книга 2. XXXI, 40) позволяет предположить, что война прошла достаточно быстро и победоносно для

---

[18] *Бембай К.* Римская политика в Африке в I–III вв. н. э.: дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2017. С. 127. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/rimskaya-politika-v-afrike-v-i-iii-vv-ne?ysclid=mp3pfcaofd722236330 (дата обращения: 28.04.2026).

[19] *Дмитриенко В.В.* Указ. соч. С. 217.

[20] *Жюльен Ш.-А.* История северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. М., 1961. С. 166.

[21] Там же. С. 167–168.

[22] *Никишин В.О.* Рим и вассальные цари // Античный мир и археология. 2019. № 19. С. 137.

[23] Там же. С. 154.

римлян, однако спорадические вторжения продолжались еще около 30 лет[24]. Подобная достаточно низкая оценка у Флора может быть вызвана быстротой кампании и малым количеством участвовавших в операции войск. В проконсульской Африке располагался всего лишь один легион – III Августов[25]. Вероятно, именно он, вместе с рядом вспомогательных подразделений, использовался для подавления восстания гетулов и мусуламиев. На фоне подготовки в это же время к вторжению в царство Маробода на Африку просто не обращали много внимания.

Римляне столкнулись с этими племенами позже, уже во время правления императора Тиберия. Восстание Такфарината началось в 17 г. н. э. как действие обычной разбойничьей шайки. Однако банда быстро разрасталась – в нее, помимо дезертиров из вспомогательных римских частей, вступали отряды мусуламиев. Вместе с римлянами восстанию противостоял зависимый от Рима Юба II и его сын Птолемей[26]. Восстание продлится еще 7 лет. Такфаринат даже создаст базу на юге римской провинции Африка, однако в конечном итоге будет разбит[27].

Политика Августа в западной Африке в основном включала ответы на возникающие вызовы, однако не исключала и превентивных ударов. В 21–20 гг. до н. э. экспедицию против гарамантов и мармаридов (племен на территории Феццана) предпринимает Публий Сульпиций Квириний. Судя по сообщению Флора: «последний (Сульпиций – *М.Ц.*) мог бы приобрести прозвище Мармарийский, но его победе была дана более умеренная оценка» (Анней Флор. Книга 2. XXXI, 41), можно предположить, что данная экспедиция имела крайне ограниченный успех или, что более вероятно, просто не была такой масштабной. Уже в 19 г. до н. э. Корнелием Бальбом была предпринята более успешная экспедиция против этих племен, результатом которой стало их временное замирение[28]. В дальнейшем в этом направлении еще не раз будут предприниматься экспедиции. Можно предположить, что обе экспедиции имели целью усмирить буйные племена кочевников. Расширению здесь мешали экономическая бесперспективность и раскинувшаяся на многие километры пустыня Сахара, а вот кочевники всегда стремились ограбить римские города. При Септимии Севере экспедиция в этом направлении имела одной из целей установление контроля над караванными путями[29], хотя, возможно, это характерно и для более ранних периодов, но в меньшем масштабе.

Подводя итог, можно сказать, что внешняя политика Августа относительно Аравии, Египта и Северной Африки не имела каких-то

[24] *Жюльен Ш.-А.* Указ. соч. С. 170.
[25] *Бембай К.* Указ. соч. С. 100.
[26] *Никишин В.О.* Указ. соч. С. 155.
[27] *Бембай К.* Указ. соч. С. 140.
[28] Там же. С. 116.
[29] Там же. С. 130–131.

определенных стратегических планов, и принцепс действовал по мере необходимости. При этом, нуждаясь в укреплении своего авторитета внешними военными кампаниями, Август отдавал приоритет Египту и Аравии, в связи с тем, что эти земли, ввиду многолетних торговых контактов, представлялись римлянами гораздо более богатыми, чем земли на северо-западе африканского континента. Когда нужда в демонстрации своей силы римскому народу отпала, принцепс свернул свои операции в этих районах. Центр внешней политики Октавиана переместился на Рейн, и в расширении африканских земель, которые уже считались краем ойкумены, просто не было нужды. В африканских землях западнее Египта император стремился лишь усмирять непокорные племена, а сам контроль осуществлял с помощью вассального мавританского царства, хотя этот метод из-за своей неэффективности заставит Рим в дальнейшем аннексировать всю Мавританию. Помимо использования вассального царства, Август также мог предпринимать упреждающие удары в сторону кочевников. Однако цели расширить земли на юге первый римский император явно не преследовал.

Список литературы

Дмитриенко В.В. Властители Рима. Время правления Октавиана Августа и династии Юлиев-Клавдиев. М.: Фолио, 2004. 781 с.

Дрязгунов К.В. Правовой статус и полномочия императора в эпоху раннего принципата: Октавиан Август // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 10. С. 72–80.

Жюльен Ш.-А. История северной Африки. Тунис, Алжир, Марокко. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 426 с.

Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина: в 2 т. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. Т. 1. 576 с.

Митрофанова Л.А. Положение Египта в Римской империи при Августе // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени развития. 2014. № 21. С. 24–30.

Никишин В.О. Рим и вассальные цари // Античный мир и археология. 2019. № 19. С. 129–168.

Парфенов В.Н. Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб.: Алетейя, 2001. 278 с.

Bowersock G.W. Roman Arabia. L.: Harvard university press, 1983. 224 p.

Swanson J.T. Contacts between Rome and ancient Ethiopia // Undergraduate Honors Thesis Collection. 1972. 288. 74 p.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИМНА КНР: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ, ПРОЦЕСС РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СОЗДАНИЯ)[1]

Чжан Сяолин
Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай

Аннотация. Статья выполнена на стыке исторического и политологического дискурсов и посвящена анализу Государственного гимна КНР; реконструирует генезис гимна, прослеживает его эволюцию во внутри- и внешнеполитическом пространстве, а также фиксирует диахронные изменения юридического статуса. Автор приходит к выводу, что институционализация гимна является репрезентативной проекцией глубинных логик общественно-политического развития Китая. Эволюция от политического обычая к конституционной норме и от стихийного воспроизведения к законодательной охране знаменует углубление правовых основ в процессе модернизации системы государственного управления. Рассматривая гимн как аудиальный код нации и маркер идентичности, исследование обосновывает его роль в конструировании идентичности, трансляции исторической памяти и реализации дипломатии.

Ключевые слова: *Государственный гимн Китайской Народной Республики, «Марш добровольцев», государственный символ, патриотизм, антияпонское национально-спасательное движение, национальная идентичность, Закон о государственном гимне Китайской Народной Республики.*

Государственный гимн является символом страны и наряду с Государственным флагом и Государственным гербом образует систему государственной символики, выступая концентрированным выражением государственного суверенитета и национального духа. Государственный гимн, с одной стороны, способен в рамках международного права обеспечивать точную идентификацию в межгосударственных отношениях, становясь наиболее ярким представителем государственного имиджа. С другой стороны, опираясь на национальное законодательство, историю и традиции, он определяет особые отношения между гражданами и их государством, выступая универсальным средством поддержания и

[1] В процессе написания данной статьи автор получил вдохновение и помощь от Му Цзяньвэя, руководителя Молодежного комитета Шанхайского чайного общества, основателя музеефицированной чайной «Лунтан вэнь ча» (弄堂问茶, Lòngtáng wèn chá), а также шанхайского частного коллекционера. Именно он является дарителем главного экспоната Шанхайского выставочного зала государственного гимна – первой пластинки с записью «Марша добровольцев» 1935 г. выпуска.

укрепления национальной идентичности[2]. В 2025 г. исполняется 90 лет со дня создания Государственного гимна Китайской Народной Республики – «Марша добровольцев». В Китае прошли различные памятные мероприятия, которые непосредственно инициировали новый подъем патриотизма. Этот гимн, рожденный в критический для китайской нации час, несет в себе глубокий патриотический дух.

«Марш добровольцев», первоначально являвшийся темой к кинофильму «Дети грозных лет» 1935 г., в период антияпонского движения за спасение Родины стал боевой песнью Сопротивления. В 1949 г. он был избран в качестве временного государственного гимна (проекта), ознаменовав собой институциональную трансформацию от художественного произведения к государственному символу. Впоследствии «Марш добровольцев» прошел через этапы непростого распространения в период «Культурной революции», попытку создания новых слов на старую мелодию в 1978 г., вплоть до восстановления оригинального текста и музыкального сопровождения в 1982 г. В 2004 г. государственный гимн был включен в Конституцию Китая, что завершило его конституционное закрепление на уровне основного закона. В 2017 г. был принят и вступил в силу «Закон Китайской Народной Республики о Государственном гимне», сформировавший целостную систему правовой защиты, что знаменует собой достижение нового исторического уровня в юридической охране достоинства государственного гимна.

История создания гимна.

Создание «Марша добровольцев» неразрывно связано с общественно-историческим контекстом Китая 1930-х гг. После инцидента 18 сентября 1931 г. («Мукденский инцидент») японские империалисты оккупировали Северо-Восточный Китай, а затем продолжили проникновение в Северный Китай. В 1935 г. Япония спровоцировала движение за «автономию пяти провинций Северного Китая», и китайская нация столкнулась с беспрецедентным кризисом. Проводившаяся в то время гоминьдановским правительством политика «сначала умиротворение внутри страны, затем сопротивление внешнему врагу»[3], выражавшаяся в уступках и компромиссах с Японией, вызвала огромное возмущение китайского народа. Вскоре антияпонское движение за спасение Родины охватило всю страну; люди из всех слоев общества различными способами выражали решимость дать отпор японским захватчикам.

[2] *Ван Хайчжоу* Роль государственного гимна в формировании национального имиджа и конструировании национальной идентичности [王海洲: 国家形象塑造与国家认同构建中的国歌] // 中央社会主义学院学报. 2022年. 第2期. 第130页.

[3] Этот политический курс был выдвинут около времени инцидента 18 сентября 1931 г. Данный курс оказал глубокое влияние на политическое развитие Китая в 1930-е гг.

Именно в этот критический для судеб китайской нации период бурно развивалось и движение левой культуры. Лига левых писателей Китая[4], Лига левых театральных деятелей Китая[5] и другие организации, руководимые Коммунистической партией, объединяли прогрессивных деятелей культуры, создавая множество художественных произведений, пробуждавших народ и поднимавших его боевой дух. Кинематограф, как новое искусство, стал важным средством пропаганды антияпонской борьбы китайского народа. Компания «Дяньтун» (《电通影片公司》, «Diantong Film Company») – одна из первых левых частных кинокомпаний страны, а также другие левые киностудии сняли ряд прогрессивных фильмов, и «Дети грозы» стали одним из ярких представителей этого направления.

Тянь Хань (田汉, Tián Hàn, (1898–1968)) – известный китайский драматург и поэт, один из основоположников современной китайской драмы, в 1927 г. вступил в левые культурные объединения под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), а в 1932 г. стал членом КПК. Его творчество всегда было тесно связано с веяниями времени и отражало чаяния народа. В феврале 1935 г. он был арестован и заключен в Шанхае.

Не Эр (聂耳, Niè Ěr (1912–1935)) – выдающийся композитор, ключевая фигура в истории современной китайской музыки, член КПК. Еще до ареста Тянь Ханя он участвовал в деятельности левых театрально-музыкальных кружков и поддерживал с Тянь Ханем дружеские отношения. За свою короткую жизнь Не Эр создал множество песен, отражающих жизнь рабочих и движение антияпонского сопротивления; его произведения проникнуты патриотизмом и любовью к Родине. До совместной работы над «Маршем добровольцев» Тянь Хань и Не Эр уже сотрудничали в создании таких произведений, как «Песня горняков» и «Выпускная песня», что способствовало установлению между ними прочного творческого взаимопонимания.

Осенью 1934 г. киностудия «Дяньтун» приступила к подготовке съемок фильма на антияпонскую тему «Дети грозных лет», сюжетная канва которого была написана Тянь Ханем. Завершив работу над сюжетом, Тянь Хань сочинил текст заглавной песни, проникнутый боевым духом и призывающий народ к сопротивлению. Этот оригинальный текст Тянь

[4] Это революционное литературное объединение, созданное 2 марта 1930 г. в Шанхае под руководством КПК. Ее целью было развитие движения за революционную литературу, пропаганда марксистской теории литературы и искусства, а также противодействие «культурной осаде» со стороны Гоминьдана.

[5] Это прогрессивная театральная организация единого фронта, созданная в январе 1931 г. в Шанхае под руководством КПК. Она стала преемником Лиги левых театральных коллективов Китая, основанной в августе 1930 г. В начале 1936 г. Лига была распущена.

Ханя стал первой версией слов государственного гимна. Его полное содержание выглядит следующим образом (русский перевод):

Вставай, кто рабом стать не желает!
Из плоти своей построим Великую стену новую!
Для нации китайской настал час последний, роковой,
И каждый исторгает последний крик, предсмертный бой.
Единым сердцем, единой душой –
Вперед, под вражеские пушки и самолеты!
Вперед! Вперед! Вперед!
(Первоначальный текст Тянь Ханя, 1935 г.).

Как известно, исполняемый ныне текст «Марша добровольцев» отличается от первоначального рукописного варианта. Первоначальный вариант текста представлял собой современное стихотворение в свободной форме, строки которого имели разную длину, что создавало значительные трудности для сочинения музыки. В связи с этим Не Эр, исходя из композиционных соображений и стремясь усилить экспрессивность песни, внес в текст незначительные изменения. Он добавил троекратное «Вставай!» в начале. Кроме того, во время исполнения фраза «Вперед, под вражеские пушки и пулеметный огонь!» повторяется дважды. Также были добавлены троекратное «Вперед!» и заключительное «Вперед!», что придало песне еще большую боевую мощь и мобилизующую силу. Находясь в тюрьме, Тянь Хань дал высокую оценку доработке и музыкальной аранжировке молодого композитора. Он отметил: «Переработка получилась лучше моей. Не Эр придал этим коротким строкам чрезвычайно воодушевляющее, четкое и громкое звучание, выразил страстное стремление миллионов людей к борьбе против японских захватчиков, воплотил чувство высоких устремлений и твердых обещаний, заставляя людей непроизвольно подпевать»[6].

8 мая 1935 г. в шанхайских газетах «Шэньбао», «Шибао» и «Дамэй ваньбао» были опубликованы слова и ноты «Марша добровольцев», что является наиболее ранним из известных на сегодняшний день упоминаний, знаменующим официальное появление этой песни[7].

24 мая 1935 г. в Шанхае состоялась премьера фильма «Дети грозных лет», и его тематическая песня «Марш добровольцев» сразу же получила широкое распространение. В том же месяце, под руководством

[6] *У Юэнун* Государственный гимн как свидетель истории: предыстория создания «Марша добровольцев» [吴跃农: “国歌见证历史：《义勇军进行曲》诞生的前前后后”] // 春秋. 2023 年. 第5期. 第7页.

[7] *Чжу Бэйэр* 90 лет назад в этот день в Шанхае были впервые опубликованы слова и ноты «Марша добровольцев» [朱贝尔： “90年前的今天，《义勇军进行曲》词谱在上海首次公开发表”] .东方网. 08.05.2025. URL: https://j.021east.com/p/1746687061042868 (дата обращения: 06.03.2026).

шанхайской звукозаписывающей компании «Pathé»[8], хор студии «Дяньтун», временно собранный из семи человек, включая кинорежиссера Сюй Синчжи (许幸之, Xǔ Xìngzhī, (1904–1991)), осуществил первую запись Марша. Вскоре была выпущена грампластинка с этой песней (№ 34848), которая быстро разошлась по всему Китаю. В настоящее время металлический мастер-диск первого издания пластинки «Марша добровольцев» (№ A2395) хранится в компании «China Record (Shanghai) Co., Ltd.». В 2023 г. этот металлический мастер-диск был включен Государственным архивным управлением Китая в пятую партию «Реестра документального наследия Китая» [9]. Его уникальная культурная ценность и неповторимое историческое значение будут популяризироваться и становиться доступными для более широкой аудитории через национальные платформы.

Говоря об истории создания этой песни, нельзя не упомянуть важного посланника в истории китайско-российских культурных связей – Аарона Авшаломова (1894–1965). Китайские друзья ласково называли его «А Фу (阿甫, Ā Fǔ)». Он работал и жил в различных городах Китая, включая Пекин, Тяньцзинь и Циндао, а в 1932 г. обосновался в Шанхае, где его музыкальная карьера получила бурное развитие и достигла периода наивысшего творческого расцвета[10]. В мае 1935 г., по приглашению звукорежиссера кинокомпании «Дяньтун» Хэ Лутина (贺绿汀, Hè Lǜtīng (1903–1999)), он выполнил оркестровую аранжировку «Марша добровольцев». Именно Аарон Авшаломов стал первым композитором, создавшим оркестровую версию государственного гимна Китая, ознаменовав этим свою особую связь с ним. Этот эпизод стал замечательной страницей в истории музыкальных связей между Китаем и Россией.

Распространение песни в Китае и за рубежом.

В период Антияпонской войны в Китае «Марш добровольцев», отражавший призыв к национальному спасению, пользовался огромной популярностью среди китайского народа и получил признание как со

[8] Компания была наиболее влиятельным звукозаписывающим предприятием в истории Китая, а также местом рождения и первой записи Государственного гимна Китайской Народной Республики – «Марша добровольцев». Основана в 1908 г. в Шанхае французом Э. Лабанса (E. Labansat).

[9] Пятая партия списка документального наследия Китая опубликована. Официальный сайт Государственного архивного управления КНР [第五批中国档案文献遗产名录出炉] // 中华人民共和国国家档案局官网. URL: https://www.saac.gov.cn/daj/yaow/202301/87201eba75f94156ac9bdb6c1bdaca3b.shtml. (дата обращения: 17.03.2026).

[10] Воссоединение с Аароном Авшаломовым – композитором, выполнившим оркестровую аранжировку «Марша добровольцев» [与阿隆·阿甫夏洛穆夫重逢，他是第一位为《义勇军进行曲》配器的作曲家] 上观新闻. 12.09.2024. URL: https://www.ccphistory.org.cn/shds/zhbd/content/ebe49ed6-7bcc-4e81-8d5e-1c0534c175d8.html (дата обращения: 06.03.2026).

стороны Коммунистической партии Китая, так и со стороны Гоминьдана, став поистине всенародной песней Сопротивления. Одновременно благодаря усилиям зарубежных соотечественников и международных друзей Марш превратился в боевой гимн антифашистской коалиции во всем мире. Исходя из общей динамики и характерных особенностей распространения государственного гимна, его внутрикитайскую и международную ретрансляцию можно разделить на пять и на четыре этапа соответственно.

Распространение «Марша добровольцев» в Китае:

Во-первых, широкая популярность до образования Нового Китая (1935–1949 гг.). После выхода в свет «Марш добровольцев» быстро распространился среди патриотически настроенной молодежи и рабочих. В период полномасштабной Антияпонской войны он стал любимой песней как в партизанских базах в тылу врага, так и среди прогрессивных деятелей в районах, контролируемых Гоминьданом. В 1940-х гг. Яньаньская радиостанция «Синьхуа» использовала его в качестве позывного, что значительно расширило его влияние. В годы Освободительной войны песня широко исполнялась во всех освобожденных районах, став важным культурным символом, знаменующим встречу нового Китая.

Во-вторых, утверждение в качестве временного государственного гимна в начале существования КНР (1949–1966 гг.). После того как в 1949 г. «Марш добровольцев» был определен как временный государственный гимн, он стал часто исполняться на важнейших государственных мероприятиях. На церемонии провозглашения КНР военный оркестр исполнил гимн синхронно с поднятием Государственного флага, что утвердило его статус государственного символа. Впоследствии на парадах в честь Дня образования КНР, важных дипломатических мероприятиях и церемониях награждения спортивных состязаний он стал важным инструментом консолидации народных масс и демонстрации образа страны. В школьном образовании гимн стал обязательной частью программы уроков музыки, и поколения китайской молодежи через него приобщались к патриотическому воспитанию.

В-третьих, период затишья в годы «Культурной революции» (1966–1976 гг.). Во время «Культурной революции» в Китае распространение гимна столкнулось с трудностями. В этот период на официальных мероприятиях гимн часто исполнялся только в инструментальном варианте, без слов, либо заменялся другими песнями. Так, во время демонстрации в честь Национального праздника 1970 г. народные оркестры исполняли только инструментальную версию гимна. Полноценное бытование национального символа переживало спад.

В-четвертых, возрождение после начала политики реформ и открытости (1978–1990-е гг.). В 1978 г. Первая сессия ВСНП пятого созыва приняла постановление о новой версии гимна, использующей

мелодию Не Эра с коллективно написанными новыми словами. Однако в 1982 г. Пятая сессия ВСНП пятого созыва приняла решение восстановить оригинальные слова и вернуть «Маршу добровольцев» статус Государственного гимна. На Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе, когда Китай впервые участвовал в полном составе и добился «прорыва нуля» в золотых медалях, момент поднятия Государственного флага и исполнения гимна на церемонии награждения, переданный по телевидению на всю страну, чрезвычайно воодушевил патриотические чувства китайцев. Впоследствии гимн постоянно звучал на различных крупных мероприятиях, и его распространение становилось все более широким.

В-пятых, многоканальное распространение в эпоху новых медиа (с 2000-х гг.). С наступлением XXI в. каналы распространения гимна стали более разнообразными. Радио и телевидение, интернет-СМИ, мобильные терминалы превратились в новые носители трансляции. В 2003 г. в ходе успешного запуска пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу-5» первый китайский космонавт продемонстрировал в космосе флаг КНР, в то время как на наземном командном центре прозвучал Государственный гимн, что расширило сферу его бытования до космического пространства. После вступления в силу Закона о Государственном гимне в 2017 г. церемониальные нормы его исполнения стали более строгими, и сознание граждан Китая в необходимости защиты его достоинства значительно укрепилось.

Распространение «Марша добровольцев» за рубежом Китая:

Во-первых, период Антияпонской войны (1930-е–1945 гг.). Вскоре после своего создания «Марш добровольцев» вышел на мировую арену. В 1938 г. на Всемирном конгрессе против агрессии в Париже представители Китая обучали этой песне участников форума. Американский «король эстрады» Пол Робсон (1898–1976), услышав «Марш добровольцев», проникся к нему большой симпатией. В 1940 г., в самый трудный период антияпонской войны китайского народа, певец дал концерт на знаменитой открытой эстраде Льюисон в Нью-Йорке. Когда концерт подходил к концу, он объявил тысячам зрителей: «Сегодня вечером я спою китайскую песню, посвятив ее сражающемуся китайскому народу. Эта песня называется “Вставай”». С огромным воодушевлением и мощным, глубоким тембром голоса он исполнил «Марш добровольцев» сначала на китайском, а затем на английском языке[11]. Впоследствии Робсон исполнял ее на двух языках, написал предисловие, восхваляющее ценность этого произведения, и, уважая авторские права, даже отправил Тянь Ханю гонорар из США. В 1944 г. радиостанция «Голос Америки» начала транслировать эту песню как часть антифашистской пропаганды. 16 апреля

[11] *Цзюй Цихун* От киноленты к миру, от боевой песни к государственному гимну: к 90-летию публикации «Марша добровольцев» [居其宏: “从银幕到世界 从战歌到国歌——纪念《义勇军进行曲》发表90周年”] // 人民音乐. 2025年. 第9期. 21页.

1944 г. газета «Дагунбао» (大公报, Dàgōngbào) (Чунцин) сообщила: «Американский музыкант заявил, что со времен нынешней мировой войны еще не было песни, которая превзошла бы эту»[12].

В тот период «Марш добровольцев» также привлек внимание зарубежных режиссеров и использовался в качестве саундтрека к документальным и художественным фильмам. В 1939 г. голландский режиссер Йорис Ивенс снимал в Китае документальный фильм о войне сопротивления «400 миллионов», и одной из тем фоновой музыки в нем стал «Марш добровольцев». 16 апреля 1944 г. «Дагунбао» сообщила, что деятели искусства Великобритании и США проявляют интерес к китайским военным произведениям и стремятся через художественные средства, такие как театральные постановки и киносъемки, донести историю борьбы Китая. В том же году 18 июля в США состоялась премьера фильма «Семя дракона» («Dragon Seed») производства кинокомпании Metro-Goldwyn-Mayer, рассказывающего о борьбе китайской крестьянской семьи против японских захватчиков, а «Марш добровольцев» прозвучал в нем как вставная песня[13].

Во-вторых, ранний период КНР (1949–1960-е гг.). После образования Нового Китая государственный гимн вместе с дипломатической деятельностью страны вышел на мировую арену. В 1950-е гг., когда Китай установил дипломатические отношения с социалистическими странами и некоторыми национальными государствами, гимн звучал на соответствующих мероприятиях в этих странах. В ходе Женевской конференции 1954 г. и Бандунгской конференции 1955 г. китайские делегации исполняли гимн, демонстрируя образ молодого Китая. В 1960-е гг., в период поддержки Китаем национально-освободительных движений в Азии, Африке и Латинской Америке, он также получил широкое распространение.

В-третьих, период после реформ и открытости (1978–2010-е гг.). После восстановления законного места Китая в ООН в 1971 г. гимн стал часто звучать в штаб-квартире ООН и других международных организациях. В 1980-е гг., с полномасштабным участием Китая в международных спортивных соревнованиях, он стал постоянным атрибутом церемоний награждения. На таких крупных международных мероприятиях, как Азиатские игры в Пекине (1990), Олимпийские игры в Пекине (2008), Всемирная выставка «ЭКСПО-2010» в Шанхае, гимн, благодаря глобальным трансляциям, распространился по всему миру. В 2010-е гг. во время зарубежных визитов китайских лидеров его исполнение принимающей стороной стало стандартным дипломатическим протоколом.

---

[12] Утешение деятелям литературы и искусства //《大公报》 重庆版. 1944年. 4月16 日. 第2版.

[13] *Ся Цзин* Между партией и государством: история рецепции «Марша добровольцев» [夏静： “在政党与国家之间——《义勇军进行曲》接受史”] // 史林. 2019年. 第3期. 第173页.

В-четвертых, новая эпоха (2012 – наст. вр.). С 18-го съезда КПК Китай все больше выходит в центр мировой арены, и международное распространение гимна становится еще более широким. На многосторонних мероприятиях, таких как саммиты «Группы двадцати», встречи БРИКС, заседания Совета глав государств-членов ШОС, гимн звучит постоянно. Во время Форума высокого уровня по международному сотрудничеству «Один пояс – один путь» китайский гимн также воспроизводится. Китайские военно-морские конвои при заходе в иностранные порты, миротворцы в зонах миссий, медицинские бригады в принимающих странах – все они исполняют гимн в такие важные праздники, как, например, Национальный день, демонстрируя образ Китая. При проведении культурных мероприятий за рубежом институты Конфуция и китайские культурные центры используют гимн как важную часть презентации Китая.

Эволюция статуса «Марша добровольцев».

С момента своего создания песня получила широкое признание среди народа, однако ее статус как государственного гимна не был юридически закреплен сразу после образования Нового Китая, а прошел через несколько этапов развития.

Первый этап: период временного гимна (1949). В июне 1949 г. Подготовительный комитет новой политической консультативной конференции создал 6-ю подгруппу, ответственную за разработку проектов государственного флага, герба и гимна. В июле в газете «Жэньминь жибао» было опубликовано объявление о всенародном сборе текстов и нот гимна. К 20 августа поступило 694 текста и 632 музыкальных произведения[14], однако ни одна из представленных работ полностью не соответствовала требованиям. Глава госсовета КНР Чжоу Эньлай предложил использовать «Марш добровольцев» в качестве государственного гимна, полагая, что эта воодушевляющая и широко известная песня способна отразить дух нового Китая. Некоторые делегаты высказали сомнения относительно строки «Настало самое опасное время для китайской нации», считая ее неуместной для нового времени. Чжоу Эньлай настоял на сохранении оригинальной фразы, недвусмысленно заявив, что смысл ее сохранения заключается в том, чтобы постоянно напоминать соотечественникам о необходимости помнить об опасности в мирное время. 25 сентября 1949 г. на консультативном совещании в Чжуннаньхае представители рекомендовали временно использовать «Марш добровольцев» в качестве государственного гимна. 27 сентября первая сессия Народного политического консультативного совета Китая приняла «Решение о столице, летосчислении, государственном гимне и государственном флаге КНР», постановив, что до официального

[14] *У Юэнун* Государственный гимн как свидетель истории: предыстория создания «Марша добровольцев» [吴跃农: “国歌见证历史：《义勇军进行曲》诞生的前前后后”] // 春秋. 2023年. 第5期. 第7页.

утверждения государственного гимна таковым считается «Марш добровольцев». Это решение, учитывающее как историческую значимость, так и реалии того времени, продемонстрировало политическую мудрость. Ниже представлен текст (русский перевод):

Вставай, кто рабом стать не желает!

Из своей плоти Великую стену поставим!

Для судьбы нации грозный час наступил,

И из груди рвется клич наш последний:

Вставай! Вставай! Вставай!

Нас миллионы, но сердцем мы едины,

Под огнем канонады смело мы в бой пойдем,

Вперед! Вперед! Вперед!

(Версия 1949 г., временный государственный гимн).

(Соответствует версии, включенной в Конституцию, и версии, исполняемой в Китае сегодня).

Второй этап: период инструментального исполнения (годы «Культурной революции»). В период «Культурной революции» Тянь Хань подвергся необоснованной критике, и исполнение гимна со словами стало невозможным. На праздновании 21-й годовщины образования КНР в 1970 г. военный оркестр во время народной демонстрации исполнил его инструментальную версию без слов.

Третий этап: период новой редакции текста (1978). 5 марта 1978 г. на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва было принято решение о новой версии государственного гимна, использующей мелодию Не Эра с коллективно написанными новыми словами. Новый текст, акцентирующий руководство партии и социалистическое строительство, однако, не получил широкого распространения и признания среди населения. Его полный текст выглядит следующим образом (русский перевод):

Вперед! Народы всех национальностей, герои.

Великая коммунистическая партия ведет нас в новый Великий поход.

Единым сердцем стремимся к завтрашнему дню коммунизма.

Строить Родину, защищать Родину, отважно бороться.

Вперед! Вперед! Вперед!

Из поколения в поколение,

Высоко поднимая знамя Мао Цзэдуна, вперед!

Высоко поднимая знамя Мао Цзэдуна, вперед!

Вперед!! Вперед, вперед!!!

(Текст версии 1978 года).

(Музыка: Не Эр. Слова: коллективное сочинение).

В 1982 г. широкие круги общественности выступили с призывами восстановить оригинальный текст «Марша добровольцев». В том же году члены Всекитайского комитета Народного политического

консультативного совета Китая (НПКСК) пятого созыва официально внесли предложение о возвращении к использованию первоначальных слов Марша. 4 декабря Пятая сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) приняла решение о восстановлении «Марша добровольцев» в качестве Государственного гимна Китайской Народной Республики и отмене соответствующего постановления о его изменении, принятого в 1978 г. Возвращение гимну его изначального облика не только свидетельствует о глубоком уважении к истории, но и знаменует собой ключевой шаг в завершении процесса исправления ошибок прошлого в политической жизни Китая.

Четвертый этап: Конституционное закрепление, принятие специального закона и унификация стандартов исполнения. 14 марта 2004 г. на второй сессии ВСНП десятого созыва были приняты поправки к Конституции, установившие: «Государственным гимном Китайской Народной Республики является “Марш добровольцев”»[15]. Тем самым Государственный гимн впервые был включен в текст Основного закона, образовав вместе с Государственным флагом и Государственным гербом целостную систему государственных символов. Включение «Марша добровольцев» в Конституцию КНР способствует укреплению стабильности и авторитета Государственного гимна, усиливая чувство идентичности и гордости у всех народов Китая. «Марш добровольцев», используя музыку как особое оружие, сплотил несокрушимую народную волю и сыграл уникальную роль в воодушевлении национального духа[16].

1 сентября 2017 г. был принят «Закон Китайской Народной Республики о Государственном гимне», который вступил в силу 1 октября того же года. Это первый в истории Нового Китая специальный закон о гимне, состоящий из 16 статей. Закон определяет случаи исполнения гимна, церемониальные нормы, правила пропаганды и образования, а также устанавливает юридическую ответственность. В частности, закон гласит, что за умышленное искажение слов или нот в общественных местах, его исполнение в искаженной или уничижительной манере, а также за иные формы надругательства над гимном органы общественной безопасности выносят предупреждение или налагают взыскание в виде административного ареста на срок до 15 суток; в случае, если деяние содержит состав преступления, виновные привлекаются к уголовной

[15] *Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей.* Конституция Китайской Народной Республики [中华人民共和国宪法]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 13.03.2026).

[16] *Бай Ян* Включение государственного гимна в Конституцию: отражение несгибаемого национального духа [白杨： “国歌入宪：彰显不屈不挠的民族精神”] // 民族论坛. 2024年. 第4期. 第26页.

ответственности[17]. Вслед за этим были унифицированы и стандарты исполнения гимна. 1 сентября 2024 г. Пресс-канцелярия Государственного совета КНР провела пресс-конференцию, на которой обнародовала его эталонную партитуру и официальную аудиозапись, которые, в соответствии с положениями Закона о Государственном гимне, были опубликованы на сайтах Всекитайского собрания народных представителей и Государственного совета КНР. В развитие закона Министерство иностранных дел, Министерство образования и другие ведомства также разработали соответствующие подзаконные акты, что сделало практику исполнения гимна еще более упорядоченной.

Значение гимна.

Рассматривая данный вопрос в контексте исторического процесса государственного строительства современного Китая, значение «Марша добровольцев» заключается в его уникальной роли инструмента культурного конструирования и фактора духовной мобилизации. Созданный в переломный момент национального кризиса – в период Антияпонской войны, этот гимн вышел за узкие рамки художественного творчества, трансформировавшись в политический символ, обладающий мощным потенциалом социальной мобилизации. Его историческая значимость раскрывается в трех основных аспектах:

Во-первых, он выступил духовным знаменем освобождения китайской нации. Являясь наиболее репрезентативным боевым гимном эпохи Сопротивления, «Марш добровольцев» с необычайной художественной силой вовлекал широкие народные массы в движение за спасение Родины, аккумулируя в музыкальной форме несгибаемую волю нации к борьбе, а ее духовное лидерство пронизывало всю освободительную борьбу от начала и до конца.

Во-вторых, он стал культурным маркером основания КНР. Утверждение «Марша добровольцев» в 1949 г. в качестве временного государственного гимна ознаменовало духовную преемственность между этапами антияпонского сопротивления и государственного строительства, обеспечив передачу революционных традиций в Новый Китай. Исполнение гимна на церемонии провозглашения КНР явилось торжественным культурно-символическим актом, закрепившим исторический момент «вставания на ноги» китайского народа.

В-третьих, он послужил важным инструментом формирования национальной идентичности. На протяжении почти столетия этот гимн играл уникальную роль в конструировании национального самосознания. Он аккумулировал общую историческую память нации средствами искусства, усиливал коллективные эмоции через ритуализированное

[17] *Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей*. Закон Китайской Народной Республики о государственном гимне [中华人民共和国国歌法]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2017-09/04/content_5222515.htm (дата обращения: 16.03.2026).

исполнение и закреплял поведенческие нормы посредством церемониальных правил. Где бы ни находились сыны и дочери Китая, звуки гимна неизменно вызывают у них глубокий эмоциональный резонанс.

Что касается его актуального значения в современную эпоху, «Марш добровольцев» является ключевым музыкальным произведением, консолидирующим патриотический консенсус всех китайцев. Изучение и исполнение гимна составляют ядро патриотического воспитания в Китае, выступают важной формой демонстрации культурной уверенности и служат ярким культурным символом во внешнеполитической деятельности страны. От мощного хорового пения на стадионах во время чемпионатов мира до торжественного молчания на военных парадах в честь Дня образования КНР и до передачи песни во временных госпиталях в период борьбы с пандемией – государственный гимн неизменно остается духовной силой, сплачивающей народ и поднимающей боевой дух. На дипломатических мероприятиях гимн служит церемониальным средством международного общения Китая, а для соотечественников за рубежом он становится духовной опорой. Резюмируя, можно утверждать, что за более чем девяносто лет, прошедших с момента его создания, «Марш добровольцев», обладая культурной мощью, преодолевающей языковые и временные барьеры, продолжает выполнять ключевые функции в процессе великого возрождения китайской нации: консолидацию идентичности, утверждение национального достоинства, демонстрацию культурной уверенности и установление культурных связей между Китаем и внешним миром.

Заключение.

«Марш добровольцев» претерпел без малого столетний путь эволюции: от тематической песни к кинофильму о войне Сопротивления до Государственного гимна Китайской Народной Республики, от временного статуса до его конституционного закрепления, от бытования в народной традиции до унифицированных правил исполнения на законодательном уровне. Для китайского народа он является не просто песней. Это боевой призыв в момент смертельной опасности, нависшей над китайской нацией, торжественный гимн рождению Нового Китая, глас эпохи реформ и открытости и, более того, величественный марш на пути к великому возрождению китайской нации. Изменение статуса государственного гимна отражает глубинные политические и социальные трансформации Китая, а процесс его распространения стал свидетелем грандиозного скачка китайской нации – от «завоевания независимости» к «достижению состоятельности» и далее к «росту могущества». Включение в Конституцию в 2004 г. и принятие Закона о Государственном гимне в 2017 г. ознаменовали собой завершение формирования совершенной системы правовой защиты гимна. В новую эпоху передача и защита государственного гимна, обеспечение преемственности его духа из

поколения в поколение являются общей обязанностью каждого гражданина Китая. В будущем статус государственного гимна останется непоколебимым. На пути к осуществлению великого возрождения китайской нации он продолжит играть незаменимую роль в сплочении народа, воодушевлении национального духа и демонстрации позитивного культурного облика Китая.

Список литературы

Бай Ян Включение государственного гимна в Конституцию: отражение несгибаемого национального духа [白杨：“国歌入宪：彰显不屈不挠的民族精神”] // 民族论坛. 2024年. 第4期. 26页. (на кит. яз.)

Ван Хайчжоу Роль государственного гимна в формировании национального имиджа и конструировании национальной идентичности [王海洲: “国家形象塑造与国家认同构建中的国歌”] // 中央社会主义学院学报. 2022年. 第2期. 第122—130页. (на кит. яз.)

Лю Шоухуа Долгий путь от временного гимна к государственному [刘守华: “代国歌到国歌的漫长之路”] // 档案春秋. 2013年. 第10期. 第10—13页. (на кит. яз.)

Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. Конституция Китайской Народной Республики [全国人民代表大会常务委员会：“中华人民共和国宪法”]. 14.03.2004. 中华人民共和国中央人民政府官网 URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 13.03.2026). (на кит. яз.)

Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. Закон Китайской Народной Республики о государственном гимне [全国人民代表大会常务委员会：“中华人民共和国国歌法”]. 01.09.2017. 中华人民共和国中央人民政府官网. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2017-09/04/content_5222515.htm (дата обращения: 16.03.2026). (на кит. яз.)

Ся Цзин Между партией и государством: история рецепции «Марша добровольцев» [夏静: “在政党与国家之间——《义勇军进行曲》接受史”] // 史林. 2019年. 第3期. 第170—183, 221页. (на кит. яз.)

У Юймэй Эволюция государственного гимна в контексте строительства национального государства в новейшей истории Китая [吴玉梅: “近代中国民族国家构建视角下的国歌流变”] // 中国故事. 2024年. 第2期. 第104—107页. (на кит. яз.)

У Юэнун Государственный гимн как свидетель истории: предыстория создания «Марша добровольцев» [吴跃农: “国歌见证历史：《义勇军进行曲》诞生的前前后后”] // 春秋. 2023年. 第5期. 第4—9页. (на кит. яз.)

Цзюй Цихун От киноленты к миру, от боевой песни к

государственному гимну: к 90-летию публикации «Марша добровольцев» [居其宏: “从银幕到世界 从战歌到国歌——纪念《义勇军进行曲》发表90周年”] // 人民音乐. 2025年. 第9期. 第18—22页. (на кит. яз.)

Дата поступления рукописи в редакцию – 04.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

АРХЕОЛОГИЯ И ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ

ОПЫТ МУЗЕЕФИКАЦИИ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА ПРИМЕРЕ ГОРГИППИИ И ПАНТИКАПЕЯ

В.Р. Батенко
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье на основе анализа сооружений и артефактов Горгиппии и Пантикапея рассматривается опыт музеефикации античных памятников Северного Причерноморья. Прослежена история выявления уникальных археологических объектов на месте раскопок античных городов, отмечены особенности музеефикации и экспонирования археологических античных древностей, определены новые перспективные подходы и методы с учетом изменения концепции музея как современного историко-культурного и образовательного пространства.

Ключевые слова: *античности, Северное Причерноморье, археологические исследования, формы и методы музеефикации, новые подходы в музейном экспонировании*.

Археологические исследования в Причерноморье ведутся уже более двух веков, но зачастую информация о них остается известна лишь небольшому кругу специалистов. В связи со значительными разрушениями подобная участь коснулась и городов Боспорского царства, которые на значительное время были утеряны. Целью данного исследования является изучение методов и подходов к музеефикации античных памятников и вопросов их экспонирования на примере двух важных центров Боспорского царства – Пантикапея и Горгиппии.

Говоря о степени разработанности проблемы в научной историографии, следует отметить немногочисленность исследований и методических рекомендаций, в которых затрагиваются проблемы музеефикации памятников археологии. Отдельно следует упомянуть, что основные работы по методике музеефикации археологических памятников были созданы несколько десятилетий назад[1]. Некоторые современные методы музеефикации освещены лишь в отдельных публикациях[2]. Крайне

[1] *Медведь А.Н.* Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М., 2004.

[2] *Жеребятьев Д.И., Королева С.В., Малышев А.А. [и др.].* Интернет-ресурс «gorgippia-antiqua.ru»: городской центр Боспора, исследователи, проблемы музеефикации.

мало работ, посвященных анализу результатов музеефикации и особенностей экспонирования археологических памятников, что позволяет говорить о недостаточной разработанности данной тематики.

Что нам известно об истории археологического музея в Анапе? Известно, что раскопки в окрестностях Анапы начались еще в 1837 г. Б.Ф. Гринфельдом, но вплоть до раскопок Р.С. Байерна в 1876 г. территория не изучалась профессиональными археологами[3]. В дореволюционное время объектами изучения были многочисленные курганы, расположенные вокруг современной Анапы. Затем, начиная с середины 1920-х гг. и вплоть до начала Великой Отечественной войны, в основном исследовались участки, расположенные неподалеку от побережья Черного моря. Новый этап археологического изучения Анапы начался в 1947 г., когда В.Д. Блаватским были проведены археологические разведки с целью разыскать следы древнего поселения (в разных публикациях даты варьируются: с 1947 по 1949 г.)[4]. Успехи раскопок на протяжении нескольких последовавших лет привели к возникновению Анапской археологической экспедиции в 1960 г. (с 1960 по 1963 г. – Анапско-Керченская АЭ), с 1983 г. стала работать Горгиппийская археологическая экспедиция[5]. После ее создания разные виды археологических работ проходили в Анапе и ее окрестностях вплоть до начала 2010-х гг., когда окончательно свернулась работа археологической экспедиции.

Сам археологический музей в Анапе (ставший основой будущего краеведческого музея) возник усилиями известного историка и археолога Н.И. Веселовского, осуществившего ряд археологических исследований окрестностей города, и усилиями которого в Анапе появился первый музеефицированный объект – перенесенный в городской сад склеп Героон[6]. До создания музея находки из окрестностей города отправлялись либо в Эрмитаж (если представляли значительный художественный и эстетический интерес), либо распределялись по окрестным музеям (в Тифлис, Екатеринодар), где пополняли их коллекции.

[Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-resurs-gorgippia-antiqua-ru-gorodskoy-tsentr-bospora-issledovateli-problemy-muzeefikatsii/viewer (дата обращения: 15.04.2026).

[3] *Евсюков С.В.* Курганы «Три сестры» в Анапе: раскопки Ф.С. Байерна в 1875 году. Анапа, 2024 // Анапский археологический музей – филиал ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына». [Электронный ресурс]. URL: https://museumanapa.ru/курганы-три-сестры-в-анапе-раскопки/ (дата обращения: 09.04.2026).

[4] *Кругликова И.Т.* История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия: (Материалы Анап. археол. экспедиции). Т. 1. Краснодар, 1980. С. 9.

[5] *Жеребятьев Д.И., Королева С.В., Малышев А.А.* [и др.]. Указ. соч.

[6] *Новичихин А.М.* Н.И. Веселовский – археолог и историк. Анапа, 2023 // Анапский археологический музей… [Электронный ресурс]. URL: https://museumanapa.ru/н-и-веселовский-археолог-и-историк/ (дата обращения: 15.04.2026).

Об истории музея-заповедника «Горгиппия» известно, что он возник в 1977 г. по проекту Е.М. Алексеевой, по принципу археологического музея под открытым небом[7]. Что было мотивом создания музея-заповедника вокруг остатков одного из ключевых городов Боспорского царства? Как выяснилось, решение создать на этом месте заповедник было связано с хорошей сохранностью древней архитектуры Горгиппии, сгоревшей в сильном пожаре около 239–240 гг. н. э. в результате нашествия готов. Через пару десятилетий в сожженный город вновь вернулись жители, но его уже нельзя было сравнить с прежней Горгиппией. Место было окончательно заброшено между 360 и 370 гг. н. э.[8] Любопытно, что большая часть сведений о городе нам известна по данным эпиграфических памятников, нумизматики и различных археологических находок, а не по сведениям античных авторов, оставивших весьма скудные свидетельства об этом поселении.

Музей-заповедник «Горгиппия» расположен на участке площадью в 18 тыс. кв. м (посетители музея-заповедника имеют доступ к 7 тыс. кв. м), где археологи обнаружили часть древнего города, крайне богатую разнообразным археологическим материалом[9]. На данный момент анапские археологи полагают, что общая площадь древнего поселения не превышала 20 гектаров[10].

Помимо традиционного экспонирования развалин остатков древнего города *in situ* и показа коллекций, составленных из найденных в процессе археологических работ предметов, в Археологическом музее-заповеднике «Горгиппия» применяется подход «живого музея» с работой различных мастер-классов. Также следует отметить, что на сайте музея представлены виртуальные выставки, где можно ознакомиться с различными аспектами древнего быта и ремесел, созданные на основе археологических находок, преимущественно из окрестностей Анапы[11]. Особого внимания заслуживает проект 3D-визуализации облика древнего города и его окрестностей, созданный на основе тщательной обработки различного археологического материала, реализованный на сайте Gorgippia-antiqua.ru[12].

Еще одним важным направлением деятельности музея являются реставрационные работы, которые, судя по публикациям на сайте музея, в основном проводятся для поврежденных произведений декоративно-

---

[7] *Кругликова И.Т.* Указ. соч. С. 9; Археологическое наследие Кубани: в 3 т. М., 2010. Т. 1. С. 507.

[8] Археологическое наследие Кубани. С. 506.

[9] *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 71.

[10] *Малышев А.А., Новичихин А.М., Жеребятьев Д.И. [и др.].* Античная Горгиппия. История исследования и исследователи. М., 2018. С. 31.

[11] Виртуальные выставки // Анапский археологический музей… [Электронный ресурс]. URL: https://museumanapa.ru/виртуальные-выставки/ (дата обращения: 14.04.2026).

[12] *Малышев А.А., Новичихин А.М., Жеребятьев Д.И. [и др.].* Указ. соч. С. 31.

прикладного искусства[13]. Поскольку при раскопках Горгиппии обнаружились остатки древних сооружений в хорошем состоянии, то не вызывает вопросов, почему раньше руины этого города служили своеобразным «полигоном» для апробации различных методов консервации и реставрации[14].

Восточно-Крымский историко-культурный музей (ранее Керченский историко-культурный музей) возник в 1987 г. на базе Керченского археологического музея, берущего свои истоки от Керченского музея древностей, возникшего в 1826 г. в результате собирания древностей древнего Пантикапея. Кроме самого археологического музея в состав историко-культурного музея входит комплекс памятников истории и археологии различных эпох (от курганов и склепов античного времени до памятников эпохи Великой Отечественной войны) и ряда античных городищ (Нимфей, Пантикапей, Мирмекий, Дия (Тиритака) и др.)[15].

Среди комплекса памятников, входящих в состав Восточно-Крымского музея-заповедника, наибольший интерес представляют раскопки Пантикапея – одного из старейших греческих поселений Северного Причерноморья, основанного на рубеже VII–VI вв. до н. э. колонистами из Милета. Особую известность город приобрел в эллинистический период, когда был столицей Боспорского царства в период его расцвета, в правление Митридата VI Евпатора.

Исследование окрестностей Керчи-Еникале началось еще в 1810 г., когда случайно были найдены фрагменты керамики, которые первооткрывателем керченских древностей П. Дебрюксом вначале были приняты за этрусские[16]. Затем исследовали стоявший неподалеку от города «Царский курган» и погребальные склепы. Первые археологические исследования самого Пантикапея начались в начале XX в. благодаря усилиям директора Керченского археологического музея В.В. Шкорпила. Новый этап археологического исследования окрестностей Керчи начался сразу после освобождения Крыма в 1944 г. и связан с деятельностью выдающегося археолога и антиковеда В.Д. Блаватского, по инициативе которого в 1945 г. возникла Боспорская (Пантикапейская) археологическая экспедиция, которая и по сей день занимается археологическими работами

[13] Статьи // Анапский археологический музей… [Электронный ресурс]. URL: https://museumanapa.ru/articles/ (дата обращения: 14.04.2026).

[14] *Крапивина В.В.* Опыт музеефикации архитектурно-строительных комплексов в Ольвии (на примере участка Р-25) // Боспорские исследования. 2010. № 24. С. 332–354.

[15] Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь, 2012–2025. [Электронный ресурс]. URL: https://kerchmuseum.ru/ru/o-zapovednike.html (дата обращения: 13.04.2026).

[16] *Горончаровский В.А., Виноградов Ю.А., Вахтина М.Ю.* Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб., 2017.

в окрестности Керчи[17]. О масштабах работ за прошедшие годы свидетельствует тот факт, что по данным на 2025 г. общая площадь раскопок в Пантикапее составила порядка 25 тыс. кв. м.

В Пантикапее в 1970-х гг. под руководством И.Д. Марченко были проведены масштабные реставрационные работы по восстановлению колоннады античного времени методом анастилоза, получивших название «Пританей»[18].

В случае, когда известному подлинному памятнику угрожает полное разрушение, выходом может являться создание технологической модели. Например, так поступили в 1997 г. в Керченском историко-культурном музее, когда создали технологическую модель Склепа Деметры, которая представляет собой детальное воссоздание конструкции античного погребального расписного склепа с реконструкцией первоначальной фресковой росписи, сделанную на основании сохранившихся прорисовок росписи М.В. Фармаковского и опубликованного описания склепа М.И. Ростовцева[19]. В связи с двухсотлетием Керченского археологического музея открылась экспозиция, посвященная находкам в Нимфее. Также в связи с юбилеем вышло переиздание альбома «Керченский музей древностей». Отдельного внимания заслуживает многолетняя традиция проведения театрального фестиваля на вершине горы Митридат в Пританее.

В итоге данного обзора античных городов-музеев можно выделить как общие технологии, формы и способов музеефикации, так и следующие особенности и черты, характерные для каждого из городов. Так, в музее-заповеднике «Горгиппия» использован открытый способ показа памятника по принципу музея под открытым небом, где большая часть архитектурно-археологической экспозиции представлена *in situ*. Музеефикации подлежала часть территории древнего города с наибольшей концентрацией археологических памятников. Представлены разновременные памятники (в основном эллинистического и римского времени), но не отражающие весь период существования поселения (например, не представлена ранняя история города). Демонстрируются в основном подлинные памятники. Объектом музейного показа является фрагмент античного города с хорошо сохранившейся планировкой домов с показом стен построек, доведенных до определенного уровня, и несколько улиц античного времени.

---

[17] *Павлова В.П.* К истории археологических исследований города Пантикапея // Молодой ученый. 2013. № 3(50). С. 418–421. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/50/6434 (дата обращения: 14.04.2026).

[18] Пантикапей. Из прошлого в будущее. Б. м., 2025 // Журнал «Коллекция». [Электронный ресурс]. URL: https://sammlung.ru/?p=97727 (дата обращения: 12.04.2026).

[19] Технологическая модель склепа Деметры // Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. [Электронный ресурс]. URL: https://kerchmuseum.ru/ru/obekty/tehnologicheskaja-model-sklepa-demetry.html (дата обращения: 13.04.2026).

Демонстрация осуществляется с приподнятой над уровнем раскопа дорожки, причем над частью раскопа устроен защитный навес. Большая часть находок представлена в здании археологического музея и составляет основу постоянной экспозиции. Большинство каменных памятников различных видов и эпох демонстрируется на открытом воздухе неподалеку от здания музея на территории под названием «Лапидарий». Осуществленный проект цифровой реконструкции Горгиппии римского времени был размещен на отдельном сайте, не связанном с археологическим музеем Анапы.

О специфике применения музеефикации в окрестностях Пантикапея можно отметить следующее. Несмотря на длительное изучение древнего города, вниманию посетителей представлены археологические памятники закрытого типа (курганы и погребальные склепы). Территория поселения не подлежала музеефикации. В музее-заповеднике представлены разновременные памятники и артефакты, но большей частью эллинистического или римского периода. Использование реконструированного памятника по методике технологической модели «на правах оригинала», чтобы сберечь оригинальный памятник от разрушения. Музеефикации подлежали два кургана и реставрированная колоннада. Коллекция находок представлена в нескольких музеях в составе музея-заповедника.

Таким образом, изучение опыта музеефикации античных памятников позволило выявить некоторые особенности, связанные в первую очередь с изменением подхода к деятельности музеев. Так, в связи с развитием технологий возникли выставки и проекты, основанные на использовании цифровых 3D-моделей. Поскольку музеи из своего рода «сокровищницы артефактов» стали превращаться в места соприкосновения разных эпох, стала пользоваться большой популярностью система мастер-классов, где посетители могут опробовать себя в роли гражданина античного города. При этом сохраняются и традиционные формы экспонирования археологических предметов в сочетании с новыми технологиями и формами музеефикации археологических сооружений *in situ* и реконструированных объектов. От сохранности археологических объектов и решения задач первичной консервации и музеефикации уже в ходе их полевого выявления (раскопок) зависят возможности и перспективы музеефикации конкретного археологического памятника.

Список литературы

Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 143 с.

Археологическое наследие Кубани: в 3 т. М.: Наука, 2010. Т. 1. 604 с.

Горончаровский В.А., Виноградов Ю.А., Вахтина М.Ю. Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 148 с.

Евсюков С.В. Курганы «Три сестры» в Анапе: раскопки Ф.С. Байерна в 1875 году. Анапа, 2024 // Анапский археологический музей – филиал ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына». [Электронный ресурс]. URL: https://museumanapa.ru/курганы-три-сестры-в-анапе-раскопки/ (дата обращения: 09.04.2026).

Жеребятьев Д.И., Королева С.В., Малышев А.А., Моор В.В., Новичихин А.М. Интернет-ресурс «gorgippia-antiqua.ru»: городской центр Боспора, исследователи, проблемы музеефикации. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-resurs-gorgippia-antiqua-ru-gorodskoy-tsentr-bospora-issledovateli-problemy-muzeefikatsii/viewer (дата обращения: 15.04.2026).

Крапивина В.В. Опыт музеефикации архитектурно-строительных комплексов в Ольвии (на примере участка Р-25) // Боспорские исследования. 2010. № 24. С. 332–354.

Кругликова И.Т. История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия: (Материалы Анап. археол. экспедиции) / Под общ. ред. И.Т. Кругликовой. Т. 1. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1980. С. 5–17.

Малышев А.А., Новичихин А.М., Жеребятьев Д.И., Королева С.В., Моор В.В. Античная Горгиппия: история, исследования и исследователи / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018. 84 с.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: ГНОМ и Д, 2004. 80 с.

Новичихин А.М. Н.И. Веселовский – археолог и историк. Анапа, 2023 // Анапский археологический музей – филиал ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына». [Электронный ресурс]. URL: https://museumanapa.ru/н-и-веселовский-археолог-и-историк/ (дата обращения: 15.04.2026).

Павлова В.П. К истории археологических исследований города Пантикапея // Молодой ученый. 2013. № 3(50). С. 418–421. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/50/6434 (дата обращения: 14.04.2026).

Пантикапей. Из прошлого в будущее. Б. м., 2025 // Журнал «Коллекция». [Электронный ресурс]. URL: https://sammlung.ru/?p=97727 (дата обращения: 12.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 20.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАХОРОНЕНИЙ С ОРУЖИЕМ В ОБРЯДОВОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Н.А. Белякова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье представлен анализ роли предметов вооружения в погребальном обряде Древней Руси в период IX–XIII вв. Основной фокус направлен на эмпирическое выявление индикаторов воинского статуса, символического смысла и ритуальной коммуникации. Проведено сравнение погребальных комплексов Среднего Поднепровья, Смоленского Поднепровья, Северо-Запада и Верхнего Поволжья, а также юго-восточного пограничья. Выделяются распространенные инвентарные сочетания, на основе которых раскрывается социокультурная интерпретация захоронений с оружием как феномена обрядовой древнерусской культуры.

Ключевые слова: *вооружение, оружие, погребение, Древняя Русь, археология, обрядовая культура, типология, социальный статус*.

История изучения захоронений с оружием Древней Руси насчитывает более 200 лет. Среди направлений исследования можно выделить следующие: во-первых, исследования обрядовой погребальной культуры Древней Руси (Е.А. Шмидт, В.В. Седов и др.); во-вторых, типологические и хронологизирующие исследования (А.Н. Кирпичников, С.Ю. Каинов и др.); в-третьих, социально-антропологические и культурологические исследования (П.А. Раппопорт, А.А. Фетисов и др.); в-четвертых, военно-исторические исследования (В.В. Долгов, М.А. Савинов и др.); а также публикации находок вооружения из древнерусских погребений IX–XIII вв.

Данное исследование посвящено реконструкции места оружия в структуре погребального обряда Древней Руси. В соответствии с разработанной исследовательской программой[1] на данном этапе работы был проведен пространственно-типологический и статистический анализ выборки из 60 предметов вооружения. База данных охватывает предметы вооружения из погребений IX–XIII вв. различных регионов Древней Руси:

[1] См.: *Белякова Н.А.* Захоронения с оружием в Древней Руси: проблемы изучения и интерпретации // Путь в науку: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Тверь, 2025. С. 298–306.

от Северо-Запада и Верхневолжья до Смоленского Поднепровья, Чернигова и Юго-Западной Руси[2]. Для того чтобы проследить общие черты и различия предметов вооружения в контексте захоронений древнерусского населения, стоит выделить несколько групп комплексов.

К первой группе относятся элитарные курганные комплексы при крупных центрах, таких как Гнездово, Тимерево, Чернигов и др. Для них характерны камерные погребения, наборы оружия и защитного снаряжения, а также предметы статуса. Среди типичных черт можно выделить демонстративное размещение оружия, как например, положение клинкового оружия вдоль тела или у пояса, топора или копья у ног или вдоль борта погребальной конструкции, элементов щита в зоне плеч или торса и др. Во вторую группу следует отнести курганы со смешанной воинской символикой, которые содержат оружие вместе с конским снаряжением или следами конского жертвоприношения. Такие комплексы помогают рассуждать о степени вовлеченности в заимствовании традиций. К следующей группе относятся погребения с минимальным, но устойчивым «маркером» воина: топор или наконечник копья, иногда – детали ножен или подвеса. Важно, что именно эта группа показывает, какие предметы в рамках обряда могли быть достаточными, чтобы обозначить воинский статус. Последней группой являются комплексы с редкими категориями, такими как сабли, элементы кольчужного доспеха, шлемы. Эти находки единичны и особенно ценны, т. к. они позволяют фиксировать «пики» статуса и контактов, но вместе с тем требуют осторожной интерпретации и опоры на контекст.

Теперь следует рассмотреть пространственное распределение погребальных комплексов с привязкой к географическому местоположению.

Среднее Поднепровье формирует узел концентрации погребальных комплексов с оружием. Это прослеживается как с точки зрения привязки к межрегиональным коммуникациям, так и на уровне внутренней топографии некрополей[3]. Тяготение воинских захоронений к городским центрам, княжеским резиденциям и курганным полям, сопряженным с руслами Днепра и Десны, рассматривается как возможное следствие раннего формирования власти и дружинной службы[4]. Оружие включается в погребальную композицию в непосредственной связи с телом, а иногда сопровождается конским снаряжением. В качестве удачного примера

[2] См.: База данных предметов вооружения в контексте погребального обряда Древней Руси. [Электронный ресурс]. URL: https://disk.yandex.ru/d/-MqcfnbBvdX8mA (дата обращения: 15.04.2026).

[3] *Седов В.В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 214–228.

[4] *Фетисов А.А.* «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 155–178.

можно привести Черниговский некрополь, где мечи типологически вписываются в скандинавский и общеевропейский контекст[5].

В Смоленском Поднепровье комплекс Гнездово – это второй крупный узел в Днепровском коридоре, причем его значимость определяется не просто количеством вооруженных комплексов, но и характером их структурирования. Погребения с оружием здесь зафиксированы в нескольких курганных массивах и создают микрогруппы с повторяющимися сочетаниями инвентаря и приемами обряда. Типологическая специфика включает комплекс мечей ранних типов, разнообразие копий и топоров, а также развитые ритуальные практики, связанные с оружием[6]. Любопытной является намеренная порча оружия перед помещением в могилу: сгибание клинков, повреждение втулок и др. С.Ю. Каинов показывает, что данная практика соотносится с североевропейскими аналогами[7].

Обратившись к Северо-Западу, можно проследить совсем иное пространство. Заметно, что вооруженные погребения расположены менее концентрированно, а наоборот – более распределены по речным системам. Впрочем, это закономерно с учетом логики раннесредневековых коммуникаций и расселений. Это отражается как в погребальном обряде, так и в структуре вооружения: мечи фиксируются куда реже, тогда как копья и топоры становятся более частыми маркерами воинской принадлежности. К таким образцам можно отнести топоры типа IV по А.Н. Кирпичникову, с узколезвийными и «пробивными» формами[8].

Верхнему Поволжью и Северо-Востоку свойственна схожая с предыдущей модель распределения, ведь погребения с оружием пространственно распределены по Волге и ее притокам, тем самым подсвечивая узлы контроля и безопасности на речных путях. Тимерёвский некрополь под Ярославлем содержит высокую долю погребений с оружием – около 12 %. Однако композиция вооружения в данной зоне не такая, как в Среднем Поднепровье: помимо мечей, здесь в избытке представлены наконечники стрел и копий, топоры, а также отдельные элементы защитного комплекта. Погребальный обряд в этой зоне характеризуется умеренной вариативностью, что представляется как

[5] *Михайлов К.А.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб., 2016. С. 47–63.

[6] *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978. С. 141–168.

[7] *Каинов С.Ю.* Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнёздовского некрополя и поселения): автор. дис. ... канд. ист. наук. М., 2019.

[8] *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М., 1959. С. 14–39.

форма культурного синтеза славянских, скандинавских и мерянских компонентов[9].

Юго-восточная территория отличается пограничной пространственной организацией, т. к. погребения с оружием приближены к оборонительным линиям контактов со степными противниками. Конечно, увеличивается доля сабель, кистеней и составных луков, а в инвентаре гораздо шире представлен конный компонент. Эволюция сабель протекает от очертаний с прямым перекрестием к вариантам с наклоненным, улучшающим удар с коня[10].

В итоге пространственный анализ выявляет локализацию определенных типов оружия и обрядовых практик. Наибольшая концентрация находок зафиксирована Смоленском Поднепровье и Верхневолжье (24 комплекса). Для Гнездовского некрополя характерно присутствие элитарных наборов вооружения в камерных погребениях и масштабных трупосожжениях. Это подтверждает статус Гнездова как крупнейшего дружинного центра на пути «из варяг в греки»[11]. Стоит отметить, что доминирование верхневолжских памятников в выборке связано с особым вниманием к изучению регионального компонента (см. Рис. 1).

В обобщенном виде пространственная логика археологического материала сводится к двум ведущим моделям. Во-первых, узловая модель, отражающая концентрации в раннегосударственных центрах и на основных коммуникационных пунктах, где оружие преимущественно выполняет репрезентативную и сакральную функцию. Во-вторых, коридорная модель, проявляемая в вытянутом распределении вдоль речных путей и пограничных линий, где оружие связано с охраной пути и контролем территории.

Анализ типологии вооружения в данном контексте стоит рассматривать не только сквозь призму внешних влияний, но и через адаптацию к ландшафту и задачам службы. В IX–X вв. меч является наиболее очевидным маркером элитарности. Так, мечи чаще ассоциируются с богатыми комплексами, будучи склонными к концентрации в узловых пунктах коммуникаций. Сабля же, напротив, наиболее репрезентативна для пограничных южных и юго-восточных зон.

Топоры, в свою очередь, находятся почти повсеместно, однако их спектр довольно вариативен. В степной зоне популярны компактные пробивные экземпляры – чеканы. В лесной зоне были разные варианты: чеканы, секиры «малых форм» и прочие варианты. Обращаясь к Северо-

[9] *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 92–110.

[10] *Кирпичников А.Н.* Мечи и сабли IX–XIII вв. // Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1. С. 60–86.

[11] *Каинов С.Ю.* Указ. соч. С. 22.

Западу, можно заметить различные секиры, явно связанные со скандинавскими мотивами.

Наконечники копий и стрел очень чувствительны к региональной и тактической специфике. Те же известные массивные ланцетовидные формы чаще соотносятся с зонами преимущественно скандинавского влияния и практиками мощного колющего удара. А более легкие варианты в Поднепровье и на восточных окраинах допускают многофункциональность.

Защитное вооружение, пусть и является большой редкостью из-за ресурсной и технологической сложности изготовления, тоже крайне информативно. Разумеется, шлемы и кольчуги распространены в элитарных комплексах Киева, Чернигова и Гнездова. При этом типология шлемов сочетает в себе западные и восточные веяния. Сфероконические формы и черниговские примеры подтверждают восточные корни и локальную переработку, а западноевропейские варианты защитного вооружения лучше представлены на Северо-Западе – в зоне торговли и других контактов[12].

Однако для более грамотно выстроенных выводов необходимы измеримые результаты. В связи с этим ниже приведены наблюдения, скорректированные по структуре и полям базы данных с обязательной поправкой на исследовательский акцент краеведческого аспекта работы.

Итак, первым делом рассмотрим региональную выборку (см. Рис. 2). Она отражает целенаправленную репрезентацию Верхневолжья (19/60; 31,7 %), что методически оправдано спецификой исследования. Поэтому полученные числа следует трактовать как модель, тяготеющую к фокусу на верхневолжском материале, а не как «среднюю» картину по всей Древней Руси. При этом стоит сказать, что наличие крупных узлов в Смоленском Поднепровье (11; 18,3 %) и Среднем Поднепровье (10; 16,7 %) сохраняет общую межрегиональную логику распределения.

По обряду (см. Рис. 3) в базе доминируют ингумации (36; 60 %), тогда как кремации составляют 10 комплексов (16,7 %), еще 12 комплексов имеют неполную фиксацию обряда и 2 – смешанный или переходный формат. С целью корректной интерпретации и снижения влияния локального сегмента, выборка рассмотрена в двух срезах: в верхневолжском и поволжском сегменте (22 комплекса) соотношение ингумации к кремации составляет 19:2, тогда как в остальных регионах (38 комплексов) – 17:8. Так, и вне Верхневолжья ингумация остается ведущей, но в умеренной пропорции.

Верхневолжская связь оружия с обрядом (см. Рис. 4) еще больше выявляет региональную специфику. В Верхневолжье все находки стрел и дротиков (7/7), копья (4/4), защитное вооружение (1/1) и конское снаряжение (2/2) связаны с ингумациями; для топоров они также преобладают (4/5). Кремации сосредоточены в единичных комплексах, где

[12] *Михайлов К.А.* Указ. соч. С. 60–87.

найдены чекан и меч. Следовательно, здесь характерна привязка оружия к трупоположению в простых конструкциях, тогда как кремации не массовые, но более статусные.

Функционально-типологический срез (см. Рис. 5) в выборке показывает соотношение: колющее и защитное вооружение (по 17 позиций; по 28,3 %) формируют ядро комплекса, метательное (11; 18,3 %) – второй контур, ударно-рубящее и ударно-дробящее (7 и 6; 11,7 % и 10 %) – периферию. На уровне конкретных типов лидируют шлемы (11) и стрелы (9), далее топоры (6), мечи и копья (по 5), что формирует представление о разнообразном боевом наборе, где каждый предмет носит свою функцию.

Специфика верхневолжского оружейного набора (см. Рис. 6) также выражена. В верхневолжском массиве преобладают стрелы и дротики (7), далее следуют топоры (5) и копья (4); клинковое оружие фиксируется только в 2 случаях, защитное – в 1. В остальных регионах, напротив, заметно выше доля защитного вооружения (14) и клинковых форм (7). Следовательно, верхневолжский профиль тяготеет к более «легкому» и прикладному набору оружия, связанному прежде всего с копьями, топорами и метательными формами, тогда как элитарные защитные комплекты здесь редки[13].

Если конкретизировать, то в рамках анализа верхневолжского вооружения показательны копья из Банного Угла, Большой Коши, Петровского, Посадов и Сорогожского; топоры из Захарова, Избрижья, Борисовского 3 и Пекуново; стрелы и дротики из Избрижья, Плешково, Воробьево, Струйского и Ваулина. При этом набор из Мотылей выделяется сочетанием клинка меча, удил, стрел и копья. Особенно характерно, что в нескольких курганах отмечены боевые топоры, помещенные рукоятями вверх, что говорит и о локально устойчивых ритуальных приемах[14].

Комбинация категории оружия и типа обряда (см. Рис. 7) в большинстве своем фиксирует устойчивую тенденцию: доля ингумаций выше для колющего (85,7 %) и метательного (88,9 %) оружия, заметно выше для ударно-дробящего (80 %) и ударно-рубящего (66,7 %), тогда как по защитному вооружению наблюдается баланс (50 % / 50 %). Это позволяет трактовать ингумацию как ведущий, но не единственный формат.

Статусная стратификация по конструкции погребения (см. Рис. 8) визуально фиксирует то, что в камерных погребениях 6 из 8 комплексов имеют элитные маркеры статуса (75 %), в деревянных камерах – 2 из 3 (66,7 %), тогда как в ямах – только 2 из 18 (11,1 %). Следовательно, конструкция погребения является значимым социокультурным

[13] *Жукова Е.Н., Степанова Ю.В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. Тверь, 2010. С. 100–154.
[14] Там же.

индикатором ранга и, как в данном случае, включенности умершего в элитарную среду.

В конце концов, частотные инвентарные сочетания показывают наиболее устойчивые связи между вооружением и «социально-экономическими» индикаторами: после пары «меч–копье» (20 и 14 упоминаний) идут «щит–весы» (каждый по 6). Это поддерживает гипотезу о совмещении военных и торгово-обменных функций в части комплексов, но не доказывает ее автоматически для каждого погребения, потому что часть сочетаний может быть следствием их исследовательской избирательности[15].

В заключение можно отметить, что пространственно-типологический анализ выборки из 60 предметов вооружения показывает, что захоронения с оружием в обрядовой погребальной культуре Древней Руси формируют не случайный набор находок, а социально структурированную систему знаков. Она проявляется в региональной организации, архитектуре могилы, составе вооружения и ритуальных действиях. Все они работают в комплексе как маркеры статуса, идентичности и культурных контактов. Тем самым оружие в погребении интерпретируется не только как утилитарный инвентарь, но и как социокультурный маркер принадлежности погребенных к определенным группам населения. В результате описанную модель можно рассматривать как рабочую гипотезу, пригодную для расширения и новых уточнений.

Если выделять методологические проблемы, то стоит сказать, что выборки из разных регионов Древней Руси неравномерны, кроме того, верхневолжские памятники представлены плотнее, из-за особого внимания к краеведческой составляющей работы. Также важно, что поля базы заполнены неоднородно, ведь по части комплексов отсутствуют точные данные об обряде, конструкции и т. д. Кроме того, археологическая и публикационная представленность может повлиять на статистику, т. к. лучше фиксируются металлические и типологически яркие предметы в противовес менее выразительным категориям и предметам вооружения из органических материалов.

К перспективам исследования следует отнести расширение базы данных за счет Среднего Поднепровья, Северо-Запада, Южной Руси и пограничных территорий для выравнивания регионального баланса. Затем стоит разделить дальнейший анализ на два уровня: региональные и общие древнерусские модели. Также следует уточнить статистику по обряду и инвентарю через унификацию полей базы и исключение неоднозначных формулировок исследователей в публикациях захоронений с оружием. И в конечном счете усилить интерпретацию за счет сопоставления оружия с конструкцией могилы, конским снаряжением, статусными вещами и хронологическими срезами.

---

[15] *Зозуля С.С., Каинов С.Ю.* Мечи типа «W» на территории Древней Руси // Археологические вести. 2022. Вып. 36. С. 107–129.

Список литературы

Белякова Н.А. Захоронения с оружием в Древней Руси: проблемы изучения и интерпретации // Путь в науку: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Тверь, 17 апреля 2025 г. / Сост., ред. Т.Г. Леонтьева, Д.Н. Воробьев. Тверь: Тверской государственный университет, 2025. С. 298–306.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / под ред. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 148 с.

Жукова Е.Н., Степанова Ю.В. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. Тверь: Научная книга, 2010. 364 с.

Зозуля С.С., Каинов С.Ю. Мечи типа «W» на территории Древней Руси // Археологические вести. 2022. Вып. 36. С. 107–129.

Каинов С.Ю. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнёздовского некрополя и поселения): автор. дисс. … канд. ист. наук. М., 2019. 27 с.

Кирпичников А.Н. Мечи и сабли IX–XIII вв. // Древнерусское оружие. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1966. 143 с.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–135.

Михайлов К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016. 272 с.

Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Фетисов А.А. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 406–436.

Дата поступления рукописи в редакцию – 18.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

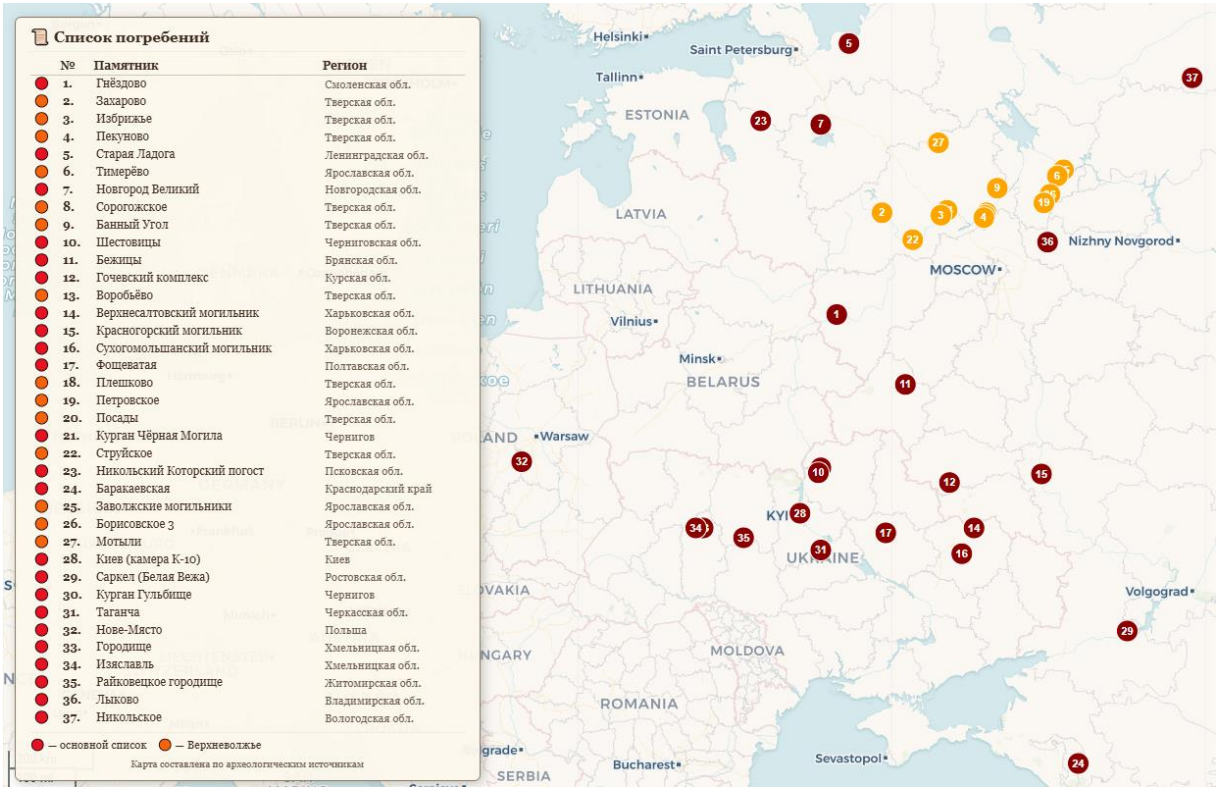

Рис. 1. Пространственное распределение погребений с оружием[16]

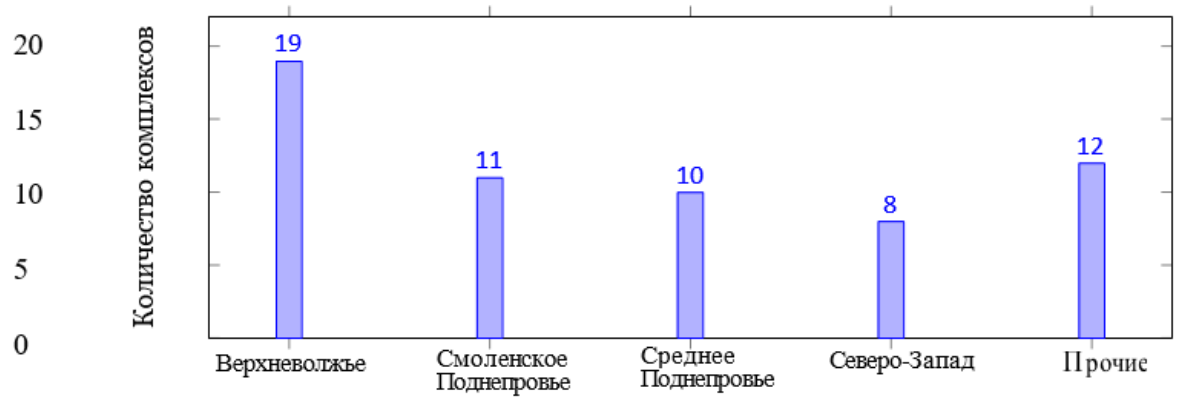

Рис. 2. Региональная структура выборки

[16] Ссылка на интерактивную карту в формате HTML: https://disk.yandex.ru/d/gR44Np3ASuHG9Q

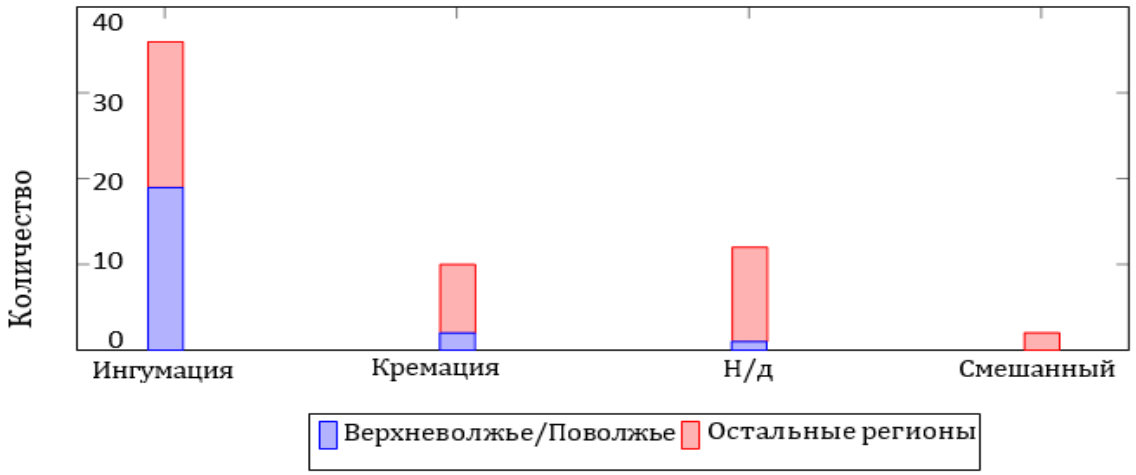

Рис. 3. Статистическая выборка погребального обряда

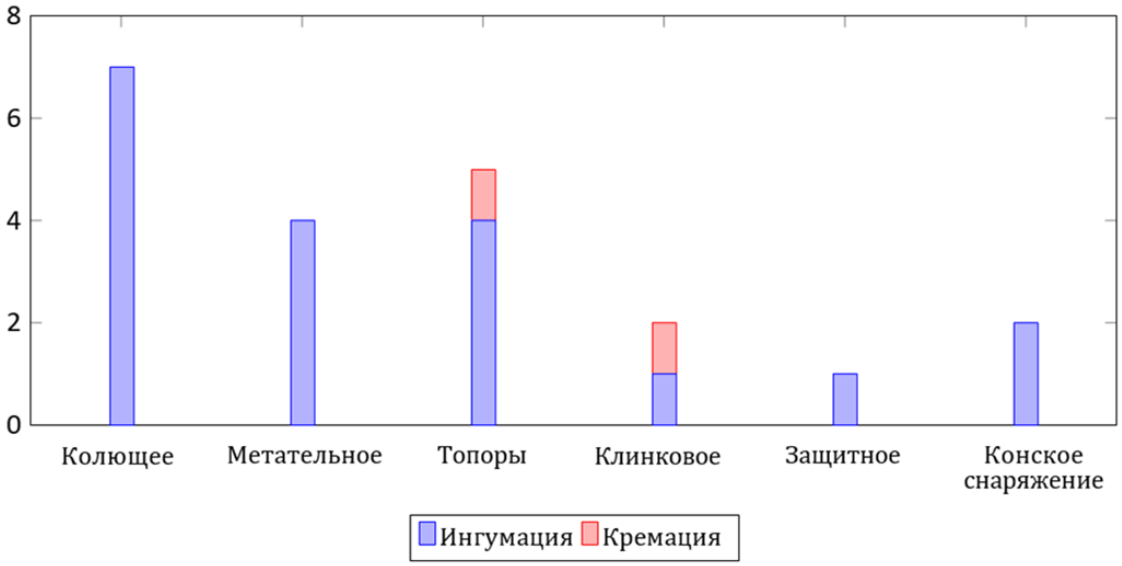

Рис. 4. Связь оружия с обрядом в памятниках Верхневолжья

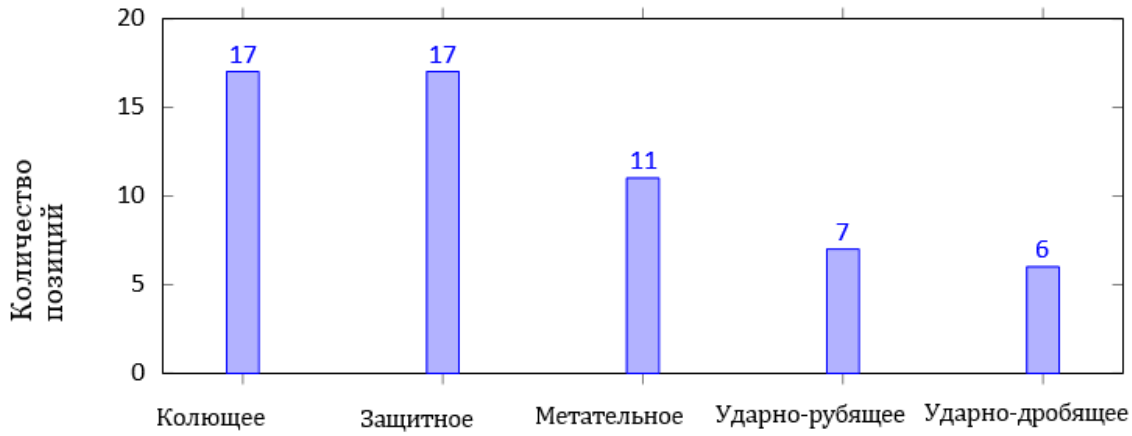

Рис. 5. Распределение конкретных типов оружия

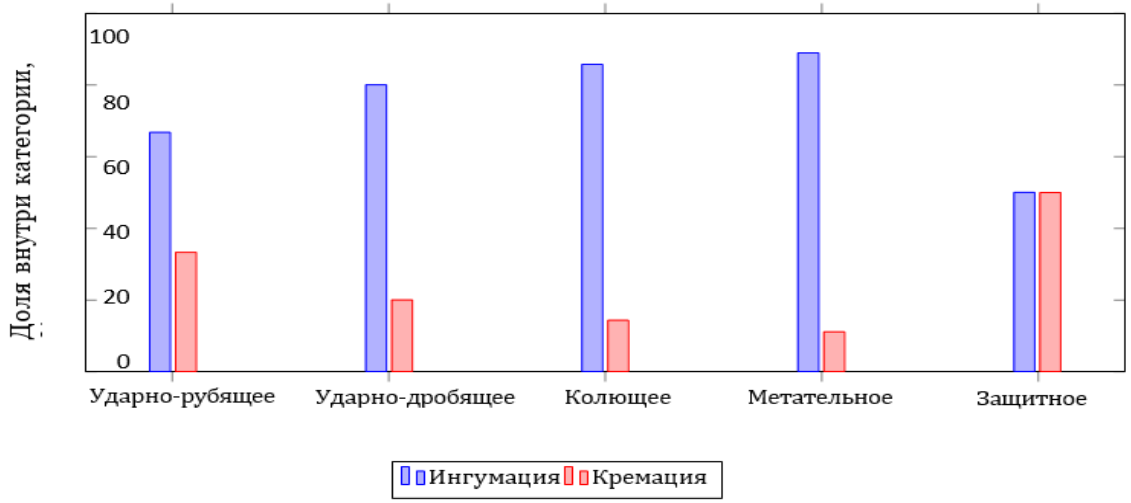

Рис. 6. Комбинация категории оружия и типа обряда

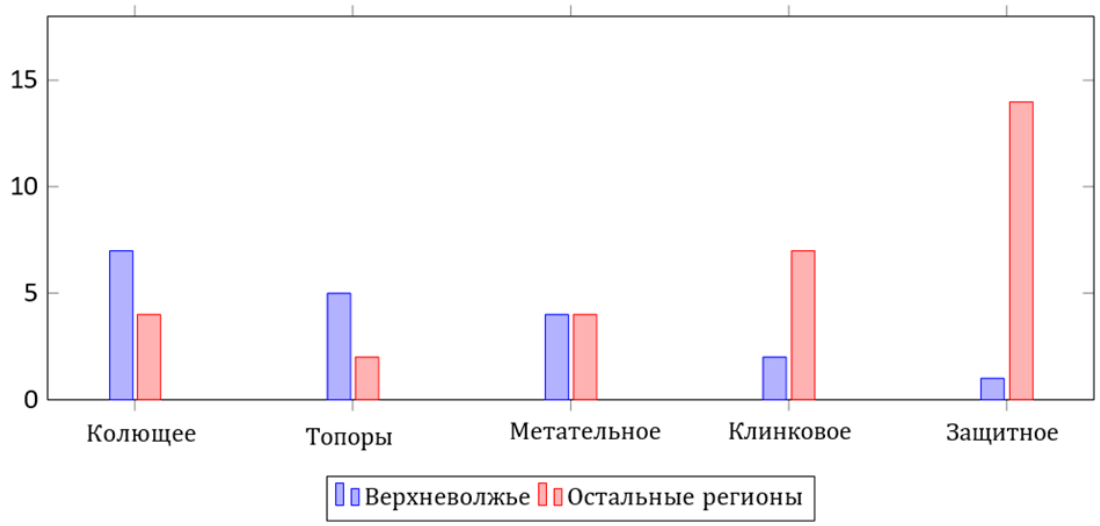

Рис. 7. Специфика верхневолжского оружейного набора

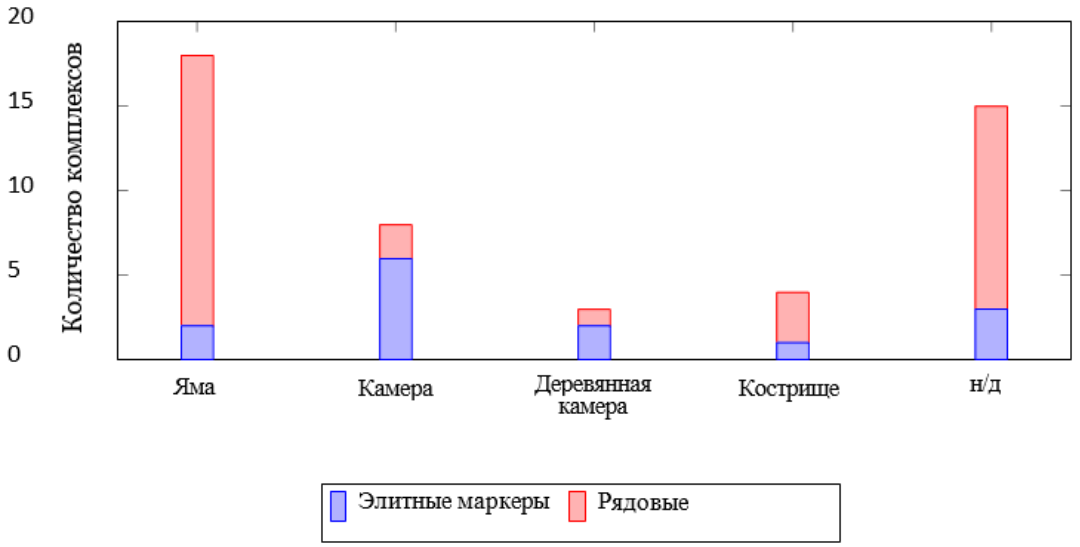

Рис. 8. Статусная стратификация по конструкции погребения

ПЕРВЫЕ СТАЦИОНАРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИОХОТЬЯ (1954–1964 ГГ.)

С.П. Гребенюк
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуются первые стационарные археологические исследования в Северном Приохотье, проведенные в 1954–1964 гг. Анализируются основные этапы полевых работ, вклад Магаданского областного краеведческого музея и основных исследователей, значение полученных результатов для формирования научных представлений о древней истории региона. В результате исследования обосновывается, что в указанный период были заложены основы системного археологического изучения региона, определены основные этапы культурного развития и установлены связи региона с сопредельными территориями Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: *Северное Приохотье, археология, историография, Северо-Восток Азии, приморские культуры севера, неолит, А.В. Беляева, Г.А. Пытляков, Р.С. Васильевский*.

На современном этапе, когда история археологического изучения Северного Приохотья, наконец-то, стала предметом специального исследования, представляется важным охарактеризовать каждый из этапов археологических изысканий этого малоизученного региона Северо-Восточной Азии, обозначить вклад отдельных ученых в формирование научных представлений о древней истории региона.

Начальный этап планомерного археологического изучения Северного Приохотья неразрывно связан с научно-организационной деятельностью Магаданского областного краеведческого музея. Под руководством А.В. Беляевой (впоследствии директора музея в 1967–1975 гг.) в 1954 г. была организована экспедиция сотрудников в Ольский и Северо-Эвенский районы Магаданской области. Основная цель изысканий заключалась в проведении разведочных работ, фиксации археологических памятников и ретроспективном анализе культурных особенностей коренного населения. Результатом данных работ стало формирование репрезентативной этнографической коллекции, включающей уникальные образцы декоративно-прикладного искусства чукчей, эскимосов, коряков и эвенов. Важно подчеркнуть масштабность музейного накопления того периода: к 1954 г. собрание Магаданского музея насчитывало 20 990

экспонатов, из которых 9 427 относились к основному фонду, а 11 563 к научно-вспомогательному[1].

Синхронно с деятельностью А.В. Беляевой в 1954 г. значимый вклад в изучение локальной материальной культуры внес и В.Е. Липовский. Его исследования производились в бух. Средняя и Астрономическая, а также в устье р. Сивуч и на м. Братьев. Особый интерес в контексте изучения антропоморфной пластики и раннего проникновения металла в регион представляют уникальная деревянная фигурка человека и два железных ножа, обнаруженные В.Е. Липовским в ходе данных работ. На м. Братьев в 1954 г. исследователем было осуществлено полное вскрытие одного из жилищ, что позволило получить представительную коллекцию костяного и каменного инвентаря, а также 34 фрагмента керамических сосудов. Костяная индустрия была представлена наконечниками стрел, зубчатыми наконечниками гарпунов, ножами, игольником, иглой, лопаткой и рукояткой ножа. Среди каменных изделий превалировали наконечники копий и стрел, тесла и скребки[2].

Можно сказать, что переход к систематическому изучению региона начался в 1955 г. с созданием специализированного археологического отряда (руководители – Г.А. Пытляков и А.В. Беляева) при участии Якутского филиала АН СССР. Именно с этого момента начинается систематическое изучение побережья посредством организации стационарных археологических экспедиций. Исследования охватили побережье от пос. Ола до бух. Средняя, в результате чего в заливе Бабушкина были выявлены и локализованы памятники древнекорякской культуры (МБА 1–3 на м. Братьев, бух. Астрономическая, Средняя и Найденова). Показательным примером является описанное Г.А. Пытляковым поселение на м. Братьев, включающее девять жилищных структур, локализованных на трех мысах. На поверхности одного из них были зафиксированы костяные наконечники гарпуна и стрелы, фрагменты керамики и каменный резец[3].

Поселения обычно располагались в бухтах, защищенных от сильных ветров сопками, а также в устьях рек и ручьев, впадающих в море. Согласно полевым наблюдениям Г.А. Пытлякова: «Каждое жилище представляет в настоящее время неглубокое круглое в плане углубление, окруженное кольцеобразным валом; выходы из жилищ обозначены перерывами в валах и направлены в сторону моря»[4]. Общий объем работ

---

[1] *Гребенюк П.С.* Развитие учреждений культуры на Северо-Востоке России в 1950-е–1960-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 81.

[2] *Липовский В.Е.* Материалы археологической разведки 1954 г. // Архив Института археологии РАН (далее – Архив ИА РАН). Ф-1. Р-1. № 1112.

[3] *Пытляков Г.А.* Отчет о проделанной работе археологическим разведовательным отрядом в верховьях реки Индигирки и на побережье Охотского моря летом 1955 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1100. Л. 23–25.

[4] Там же. Л. 13.

охватил 14 подобных поселений (всего 187 жилищных структур). В заливе Бабушкина было выявлено 3 могильника (34 погребения), в том числе 8 сооружений на м. Братьев и 5 в бух. Астрономической и Средней. В могилах были найдены каменные и костяные наконечники, навершие гарпуна из китовой кости, фрагмент керамики с «шахматным орнаментом» и три стеклянные матовые бусины синего цвета[5].

Основу собранных коллекций составляли каменные ножи, топоры и скребки, наконечники стрел и копий, а также украшения и керамическая посуда. На основе материалов, полученных в ходе исследований, А.В. Беляева и Г.А. Пытляков предложили периодизацию жизни корякских племен и определили границы поселений от Магаданской области до Пенжинской губы. Е.В. Хазан также сообщает о содержательном выступлении А.В. Беляевой, совершенным на первой отчетной сессии во Владивостоке после вышеупомянутых археологических работ. Сам доклад был подкреплен многочисленными экспонатами и фотографиями, также были продемонстрированы обнаруженные в ходе исследований наконечники гарпуна из кости, которые дополнительно подтверждали гипотезу о постепенном заселении северных побережий с юго-востока[6].

Помимо научного изучения артефакты также послужили базой для создания экспозиций Магаданского музея, что способствовало созданию целостного представления об истории края, жизни и особенностях развития культуры коренного населения северо-востока. Так, например, в 1955 г. фонды Магаданского областного краеведческого музея насчитывали уже более 23 000 предметов, в том числе собранных в ходе историко-этнографических исследований сотрудников[7]. Сам музей посетило 31 110 чел., также были созданы новые экспозиции: «Первобытно-общинный строй на территории СССР и Магаданской области», «Одежда, жилище, культура коренного населения в прошлом»[8].

В полевой сезон 1956 г. практика стационарных работ была продолжена раскопками одного жилища на древнекорякском поселении Богурчан, а также частичными вскрытиями жилищ на поселениях Атарган и Сивуч. Также было исследовано 3 погребения в районе м. Братьев и в бух. Астрономическая[9]. На м. Братьев Г.А. Пытляков исследовал две могилы (№ 4 и № 17), в каждой из которых находилось по два костяка. В первой помимо костяков была обнаружена головка древка гарпуна из китовой кости, во второй же в ногах у костяка стоял керамический сосуд.

---

[5] *Беляева А.В.* Древние погребения на Охотском побережье // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 80–84.

[6] *Хазан Е.В.* Историко-этнографические исследования Магаданского областного краеведческого музея (1934–1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. №. 26. С. 96.

[7] Там же.

[8] *Гребенюк П.С.* Указ. соч. С. 81.

[9] *Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. С. 28.

В бух. Астрономической Г.А. Пытляковым было исследовано захоронение с пятью костяками, сопровождаемыми четырьмя каменными наконечниками, четырьмя синими стеклянными бусинами и изделием из китовой кости, аналогичным изделию из могилы на м. Братьев[10].

Следующие годы работ Магаданского областного краеведческого музея ознаменовались переходом к полностью самостоятельным исследованиям под общим научным руководством Р.С. Васильевского. В полевой сезон 1958 г. были осуществлены масштабные изыскания на п-ове Пьягина и в низовьях р. Ямы, в ходе которых были выявлены и обследованы поселения древнекорякской культуры в бух. Иткилан, Кип-Кич, у м. Кейтеван, на косе Варганчик и о. Буян. Параллельно велись стационарные раскопки в бух. Рассвет (о. Завьялова), п-ове Кони и на поселении Атарган. Совокупный объем находок 1958 г. составил порядка 1 200 экземпляров, включая и те, что были получены в ходе этнографических исследований[11].

В 1959 г. на поселении Атарган Р.С. Васильевским были проведены крупномасштабные раскопки жилищного комплекса площадью 170 кв. м, которые позволили реконструировать картину жизни обитателей данного поселения. Только в одном жилом комплексе во время раскопок 1959 г. была собрана коллекция из 386 предметов: изделия из кости и камня, фрагменты керамики. Особую ценность представляют зубчатые и поворотные наконечники гарпунов, включая впервые обнаруженный в регионе наконечник гарпуна с металлическим копьецом[12].

В 1961 г. география работ расширилась за счет обследования бассейнов рек Тауй, Яна, Амахтонка, Армань, Ойра, о. Недоразумения и бух. Токарева. Важнейшим результатом данных исследований является открытие Р.С. Васильевским двух неолитические стоянок: на о. Недоразумения и в устье р. Ойра[13]. Продолжая свои исследования, в 1964 г. Васильевский осуществил раскопки древнекорякских полуподземных жилищ в бух. Средняя, Астрономическая, Нэмэк, устье р. Нантанджи и на м. Братьев. На последнем были также вскрыты и погребения, однако сопровождающий инвентарь в них зафиксирован не был[14]. Резюмируя данный цикл работ, следует отметить, что с учетом всех

---

[10] *Беляева А.В., Пытляков Г.А.* Археологические работы на Охотском побережье // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 143–150.

[11] *Васильевский Р.С.* Итоги полевых археологических исследований, произведенных на Охотском побережье в 1958 г. // Краеведческие записки. Магадан, 1959. Вып. 2. С. 28–56.

[12] *Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков. С. 49–64.

[13] *Васильевский Р.С.* Отчет о полевых археологических исследованиях, произведенных Магаданским краеведческим музеем на побережье Тауйской Губы в 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2761. 16 л.

[14] *Васильевский Р.С.* Археологические исследования на Охотском побережье летом 1964 г. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск, 1965. Вып. 1. С. 120–121.

предыдущих исследований на побережье Северного Приохотья фонд выявленных памятников превысил 40 объектов, включая три стоянки с неолитическим орудием без керамики, а новый разведанный участок береговой линии составил около 700 км (от Мотыклейского залива до устья р. Малкачан). Все это также позволило существенно расширить хронологические границы существования региональных культур: со II тыс. до н. э. до XVII в. н. э.

По итогам всех работ Р.С. Васильевским в 1971 г. была опубликована монография «Происхождение и древняя культура коряков»[15]. В данной работе на основе обобщения археологических и этнографических материалов, уделяя большое внимание работам своих предшествующих коллег, исследователь попытался максимально восстановить картину жизни и быта древнего населения Охотского побережья, последовательно проследить основные этапы исторического развития местной и своеобразной культуры, выявить ее взаимоотношения с соседними областями, а также конкретизировать отдельные положения, ранее высказанные Г.А. Пытляковым, А.В. Беляевой и другими исследователями. Можно сказать, что монография Р.С. Васильевского впервые комплексно осветила в науке данный регион, так как даже в работах, посвященных происхождению и распространению приморских культур тихоокеанского Севера, о культурах Охотского побережья упоминается лишь вскользь и без важнейших для региона поворотных наконечников гарпунов.

Центральное место в этой фундаментальной работе заняла предложенная автором схема культурно-исторического развития региона, включающая четыре этапа развития древней культуры Охотского Побережья: 1) неолитические стоянки; 2) поселения древнекорякской культуры позднего неолита; 3) поселения древнекорякской культуры с изделиями из железа; 4) поселения коряков XVI–XVII вв.[16] К первому этапу относятся неолитические стоянки на р. Ойра и о. Недоразумения, датированные им II тыс. до н. э. Выводы о датировках исследователь сделал после анализа материала, в частности, по скребкам с рукояткой-черешком, наконечникам стрел и копий с выемкой-перехватом у основания, которые он сравнивал с изделиями комплекса Alte Waljagdkultur, предшествующего на северо-западном побережье Аляски древнеэскимосским культурам и на тот момент датированного с помощью радиоуглеродного анализа 1700–1500 гг. до н. э.[17]

Ко второму этапу Р.С. Васильевский относит верхнюю стоянку на о. Завьялова, датированную I тыс. до н. э. Вывод о более раннем возрасте верхней стоянки о. Завьялова был сделан не только по технике изготовления орудий, но и по сходству ряда находок с предметами широко

[15] *Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков.
[16] Там же. С. 31.
[17] Там же. С. 40.

известных неолитических культур Северной Азии[18]. Все большего развития в данный этап достигало производство костяных орудий, что прежде всего сказывалось на разнообразии гарпунного комплекса. Важно отметить главный аспект третьего этапа – факт находки железа среди типичного неолитического материала, что позволяет судить о сравнительно раннем проникновении железа к народам Северо-Востока. Р.С. Васильевский отмечал, что «использование железа, бесспорно, сказалось на всем облике культуры; оно явилось своеобразным ускорителем в развитии морского зверобойного промысла и тесно связанного с ним производства костяных орудий…»[19]. На последней, близкой к современности стадии, количество археологических памятников древнекорякской культуры на Охотском побережье заметно сокращается.

Каждый из выделенных исследователем этапов характеризовался определенными чертами, присущими только ему, но при этом между ними прослеживалась преемственность и близость в формах наконечников, ножей, скребков. Эти общие черты не оставили сомнения в общем культурном единстве стоянок, что также могло указывать на непрерывность развития и культуры древнего населения Охотского побережья. Анализируя весь материал, исследователь отметил общее сходство инвентаря с каменными орудиями памятников неолита Прибайкалья и Дальнего Востока, заметные параллели с каменным инвентарем синхронных культур Камчатки, Курильских островов, Сахалина и Аляски. Он выделил ряд общих черт, подтверждающих, что все эти поселения относятся к единой культуре: 1) единство хозяйственной жизни и соответствующий инвентарь; 2) расположение поселений; 3) большое сходство стратиграфии поселений и аналогичных данных пыльцевого спектра; 4) одинаковый тип и конструкция округлых жилищ-полуземлянок; 5) почти идентичная традиция изготовления керамики; 6) каменный инвентарь представлен в основном обитыми кремневыми орудиями; 7) своеобразный комплекс костяных изделий. При этом Р.С. Васильевский отмечал, что, несмотря на неоспоримое единство, нельзя полностью отождествлять данные памятники, и они требуют более детального изучения[20].

Р.С. Васильевский помимо открытия памятников смог также продемонстрировать, что в данном регионе не прослеживается традиционный путь развития через три культурно-исторических этапа: каменный, бронзовый и железный век. Местная культура сразу же перешла от камня к железу, причем железо здесь обнаруживается еще на неолитической стоянке вместе с типично неолитическими орудиями. В дальнейшем железные изделия продолжают сосуществовать с каменными орудиями вплоть до XVII в. Схожая картина отмечалась и в Приморье, и

[18] *Васильевский Р.С.* Археологические исследования на Охотском побережье… С. 44.
[19] Там же. С. 135.
[20] *Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков. С. 130–131.

на Дальнем Востоке, где железо появляется па рубеже II–I тыс. до н. э. В Приморье как раз и находился, по предположению Р.С. Васильевского, основной источник железа[21].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что период 1954–1964 гг. стал фундаментом системного археологического изучения Северного Приохотья. Благодаря инициативе Магаданского областного краеведческого музея под руководством А.В. Беляевой и Г.А. Пытлякова началось планомерное накопление фондов и фиксация памятников. Последующие работы Р.С. Васильевского позволили не только расширить географию исследований на 700 км побережья, но и выявить уникальную специфику региона – отсутствие бронзового века и прямой переход от неолитических традиций к использованию железа. Разработанная четырехэтапная периодизация и обоснование культурного единства региона подтвердили тесную связь древнего населения Охотского побережья с культурами Северо-Восточной Азии и Северной Америки. Таким образом, заложенная в этот десятилетний период научная база определила вектор всех последующих археологических изысканий в Северном Приохотье.

Список литературы

Беляева А.В. Древние погребения на Охотском побережье // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М.: Наука, 1967. С. 80–84.

Беляева А.В., Пытляков Г.А. Археологические работы на Охотском побережье // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 143–150.

Васильевский Р.С. Итоги полевых археологических исследований, произведенных на Охотском побережье в 1958 г. // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1959. Вып. 2. С. 28–56.

Васильевский Р.С. Археологические исследования на Охотском побережье летом 1964 г. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1965. Вып. 1. С. 120–121.

Васильевский Р.С. Археологические исследования на побережье Тауйской губы // Краеведческие записки. Магадан: Кн. изд-во, 1965. Вып. 5. С. 39–52.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 250 с.

Гребенюк П.С. Развитие учреждений культуры на Северо-Востоке России в 1950-е–1960-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2. С. 75–88.

[21] *Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков. С. 138.

Хазан Е.В. Историко-этнографические исследования Магаданского областного краеведческого музея (1934–1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. № 26. С. 94–97.

Дата поступления рукописи в редакцию – 18.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В ВЫШНЕВОЛОЦКОМ ПООЗЕРЬЕ

С.И. Дергунов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается история археологического изучения памятников каменного века Вышневолоцкого Поозерье. На основе архивных и опубликованных материалов выделены и проанализированы основные этапы археологического исследования региона: дореволюционный (конец XIX – начало XX в.), межвоенный и послевоенный период (1920–1960-е гг.), современный этап (с 1970-х по 2010-е гг.). Определяются перспективы дальнейшего археологического изучения региона Вышневолоцкого Поозерья.

Ключевые слова: *Вышневолоцкое Поозерье, каменный век, неолит, история археологии, археологические разведки, Тверская губерния*.

Актуальность исследования определяется ключевым значением Вышневолоцкого Поозерья для понимания процессов заселения и культурогенеза лесной зоны Восточной Европы в каменном веке. Высокая концентрация археологических памятников (более 200 стоянок) и уникальные находки первобытного искусства делают регион эталонным для изучения древностей Валдайской возвышенности. Специального историографического труда, посвященного истории изучения каменного века Вышневолоцкого Поозерья, до сих пор нет. Обращение к данной теме необходимо как для оценки современного состояния источниковой базы, так и для выявления лакун и определения перспектив дальнейших полевых и аналитических работ в регионе.

Источниковую основу исследования составляют археологические своды и учетная документация. Прежде всего, это труд В.А. Плетнева (1903)[1], впервые систематизировавший разрозненные сведения о находках каменных орудий на территории Вышневолоцкого уезда. Его ценность не только в первичной систематизации, но и в наличии уникальных данных об утраченных ныне коллекциях – для ряда памятников этот свод остается единственным источником. Вторым ключевым изданием выступает третий том «Археологической карты России» по Тверской области (2010)[2], где суммированы сведения о более чем 200 памятниках каменного века

[1] *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.
[2] Археологическая карта России. Тверская область / Под ред. А.В. Кашкина. М., 2010. Ч. 3.

Вышневолоцкого района на начало XXI в. Свод служит отправной точкой для любых современных изысканий. Важную группу источников образует учетная документация Главного управления по государственной охране объектов историко-культурного наследия Тверской области. Эти материалы содержат дополнительные сведения, отсутствующие в опубликованных сводах: глазомерные топографические планы, данные о сохранности, статусе объекта, исторические справки и фотографии.

Первые итоги полевых работ в Вышневолоцком Поозерье в 1920-х гг. подвел П.Н. Третьяков (1935)[3], охарактеризовавший около 45 стоянок в верховьях Мсты. В 1948 г. С.Н. Замятнин[4] опубликовал сводную работу по миниатюрным кремневым скульптурам Северо-Восточной Европы, включив в нее находки с вышневолоцких стоянок. Н.Н. Гурина (1950)[5] обобщила результаты разведочных работ на среднем течении Мсты, охарактеризовав поздненеолитические памятники региона. А.Х. Репман (1957)[6] обобщил собранные им данные о локальной специфике кремневой пластики вышневолоцких стоянок. Наиболее детальные сводки неолитических материалов бассейна Верхней Мсты, охватывающие и рассматриваемый микрорегион, представила М.П. Зимина (1981[7], 1993[8]). Отдельные сюжеты, касающиеся истории полевых исследований на этой территории, освещены в публикациях И.В. Ислановой – в частности, в ее статьях о деятельности Н.И. Гумилевского (2020, 2025)[9]. Памятники Поозерья неизменно привлекались и в работах, посвященных более широким проблемам каменного века лесной зоны (М.Г. Жилин[10], В.В. Сидоров[11], В.М. Воробьев[12] и др.). Тем не менее целостной картины, прослеживающей этапы накопления знаний о памятниках каменного века Поозерья, в литературе пока не представлено.

Цель настоящей работы – выявить и охарактеризовать основные этапы истории археологического изучения памятников каменного века в

---

[3] *Третьяков П.Н.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 106. С. 97–180.

[4] *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология. 1948. № X. С. 85–123.

[5] *Гурина Н.Н.* Результаты археологического обследования среднего течения р. Мсты // Советская археология. 1950. № XII. С. 292–310.

[6] *Репман А.Х.* Фигурный кремень с Вышневолоцких неолитических стоянок // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 67. С. 135–137.

[7] *Зимина М.П.* Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981.

[8] *Зимина М.П.* Каменный век бассейна реки Мсты. М., 1993.

[9] *Исланова И.В.* Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде: предыстория региональной полевой тверской археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 2025. С. 120–127.

[10] *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

[11] *Сидоров В.В.* Моложско-мстинская культура как историко-этнографическая общность // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 247–258.

[12] *Воробьев В.М.* Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 1–6.

Вышневолоцком Поозерье, оценить вклад отдельных исследователей и определить степень изученности региона как базу для будущих полевых и аналитических работ.

Вышневолоцкое Поозерье лежит на стыке Балтийского и Волжского бассейнов, в пределах Валдайской возвышенности. Это один из ключевых регионов для изучения древнейших этапов заселения лесной зоны Восточной Европы. Многочисленные озера с богатыми биоресурсами и удобные водные пути по рр. Мсте и Цне издавна привлекали сюда первобытного человека, начиная с эпохи финального палеолита. Археологическое изучение каменного века в этом микрорегионе продолжается более ста лет. В его развитии отчетливо выделяются три этапа: 1) дореволюционный (конец XIX – начало XX в.); 2) межвоенный и послевоенный (1920–1960-е гг.); 3) современный этап (с 1970-х по 2010-е гг.). Критериями периодизации служат интенсивность полевых работ, переход от случайных сборов к систематическим разведкам и стационарным раскопкам, а также глубина научного осмысления полученного материала.

На раннем этапе изучение древностей Вышневолоцкого уезда носило по преимуществу любительский характер и было тесно связано с деятельностью Тверской ученой архивной комиссии (ТУАК). Основным источником информации служили волостные анкеты, в которых собирали сведения о курганах, городищах и случайных находках. Наиболее полный свод таких данных опубликовал в 1903 г. В.А. Плетнев[13]. В нем, в частности, содержатся упоминания о находках каменных орудий, которые, хотя и не были результатом целенаправленных поисков, зафиксировали наличие древностей в регионе. Например, сообщалось о каменных «стрелах и насадках», найденных воспитанником семинарии у погоста Городолюбля на берегу озера[14]. Подобные сведения, собранные по инициативе «сверху», легли в основу первой археологической карты губернии и указали будущим исследователям наиболее перспективные районы.

Особую роль в тот период сыграл князь Павел Арсеньевич Путятин – крупный землевладелец, археолог-любитель и коллекционер европейского масштаба. Свои основные раскопки он сосредоточил на курганных могильниках и стоянке в собственном имении в Бологое[15], одновременно активно способствуя привлечению профессиональных ученых к исследованиям древностей Поозерья. Именно через Путятина в научный оборот вошли первые материалы каменного века. В его собрании, наряду с предметами из раскопок в Бологое и на оз. Пирос, хранились кремневые изделия из окрестностей Вышнего Волочка, которые он демонстрировал на

[13] *Плетнев В.А.* Указ. соч.
[14] Там же. С. 318.
[15] *Спицын А.А.* Памяти князя П.А. Путятина // Русский исторический журнал. Пг., 1921. Кн. 7. С. 247–249.

международных конгрессах во Франции[16]. Сочетая полевые исследования с активной публикационной и выставочной деятельностью за границей, Путятин заложил основы для интеграции местных древностей в общеевропейский научный контекст.

С именем Путятина неразрывно связано и начало исследований в регионе художника и археолога Николая Константиновича Рериха. Летом 1899 г. Рерих, работая по заданию Императорской Археологической комиссии, посетил имение в Бологое и провел первые разведки в окрестностях, положив начало своему многолетнему интересу к древностям Валдая. Позднее, в 1904–1905 гг., он предпринял целенаправленные сборы на оз. Мстино. Результатом стали уникальные находки антропоморфных фигурок из кремня. В 1905 г. Рерих демонстрировал их на Доисторическом конгрессе в Периге (Франция)[17]. Часть собранных предметов происходила из разрушаемых стоянок каменного века на берегах Мстино, что позволило Рериху одним из первых указать на высокую концентрацию древних поселений в этой озерной группе. Его изыскания, поддержанные авторитетом Путятина, стимулировали дальнейшее привлечение профессиональных археологов к систематическому изучению Поозерья.

В 1901 г. по поручению Императорской Археологической комиссии И.А. Тихомиров провел первые профессиональные разведочные работы в бассейне верхней Мсты. Он обследовал западное побережье оз. Мстино, истоки и правобережье р. Мсты, а также оз. Островно, Дивинец и Имоложье[18]. Хотя основное внимание Тихомирова было приковано к средневековым курганам, он отметил в отчетах наличие остатков поселений и указал на перспективность региона для поиска более древних памятников[19].

Итак, дореволюционный этап не дал масштабных раскопок стоянок каменного века, но обеспечил первоначальную фиксацию мест находок и сформировал круг исследователей-энтузиастов, подготовивших почву для последующих систематических работ.

Планомерное изучение каменного века в Вышневолоцком Поозерье начинается с учителя Алексеевской школы Н.И. Гумилевского. В 1920–1930-е гг. ведутся небольшие исследования – преимущественно разведки в бассейне Мсты и в близлежащих микрорегионах. Начиная с 1922 г. Гумилевский вместе с учениками проводил археологические экскурсии по

---

[16] *Мельников В.Л.* Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов. [Электронный ресурс]. URL: https://roerich.spb.ru/article/nk_rerih_i_knyaz_pa_putyatin (дата обращения: 10.03.2026).

[17] Там же.

[18] *Исланова И.В.* Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М., 2023. С. 15.

[19] *Тихомиров И.А.* Поездка на р. Мсту // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. V, вып. 1. С. 1–11.

берегам р. Мсты и окрестных озер. За эти годы открыты десятки неизвестных ранее стоянок. Гумилевский не только собирал подъемный материал, но и тщательно документировал местонахождения, составлял схематические планы и карты – это выгодно отличало его труд от простого коллекционирования[20]. Он обследовал верховья Мсты, оз. Тишадро, Пудоро, Шишево, р. Пуйгу. Незадолго до того, в 1927 г., археолог Н.В. Сибилев провел обследование стоянки Почеп 3[21], расположенной на юго-западном берегу оз. Тишадра[22].

В 1928–1929 гг. Гумилевский сообщил о своих открытиях в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде. Это сообщение стало поворотным моментом – в регион направили экспедицию под руководством молодого, но уже известного археолога П.Н. Третьякова[23].

В 1929 г. Третьяков приехал в Вышневолоцкий уезд, ознакомился с результатами работ Гумилевского, и они совместно осмотрели выявленные и известные с конца XIX в. археологические памятники. Совместные полевые работы Гумилевского и Третьякова можно считать отправной точкой профессионального изучения каменного века Поозерья. В ходе разведок по рр. Мсте и Пуйге, на оз. Пудоро, Тубосс и Тишадра они выявили и описали около 45 стоянок эпох неолита и бронзы[24]. Основная их концентрация зафиксирована в верховьях Мсты и в бассейне Пуйги. На этих памятниках собирали подъемный материал. В отдельных случаях проводили шурфовку и зачистку, что позволило Третьякову впервые для данного региона зафиксировать стратиграфию стоянок[25]. Результаты

---

[20] *Исланова И.В.* Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде. Предыстория региональной полевой тверской археологии // У истоков советских археологических школ (1918–1950): материалы международной научной конференции. М., 2020. С. 29–31.

[21] Стоянка Почеп 3 // Архив Государственного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области (далее – ГУГООКН ТО). Паспорт № 5621.

[22] *Исланова И.В.* Исследования Н. И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде: предыстория региональной полевой тверской археологии… С. 124.

[23] *Исланова И.В.* Археологические древности Вышневолоцкого края // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек, 1997. № 1. С. 13–29. [Электронный ресурс]. URL: https://vischny-volochok.ru/wika/wika1/wika1-4.php (дата обращения: 14.04.2026).

[24] *Третьяков П.Н.* Указ. соч. С. 97–180.

[25] Стоянка Пуйга 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2899; Стоянка Пуйга 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2900; Стоянка Пуйга 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3760; Стоянка Пуйга 4 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3761; Стоянка Пуйга 5 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4927; Стоянка Пуйга 8 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3762; Стоянка Алексеевское 3 // Архив ГУГООКН ТО.; Стоянка Алексеевское 6 // Архив ГУГООКН ТО.; Стоянка Болдырево 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3754; Стоянка Болдырево 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2903; Стоянка Мартус 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5613; Стоянка «Устье р. Липовки-II (№ 45 по Н.И. Гумилевскому) // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3784;

поездки обобщены в программной статье, где впервые опубликована карта археологических памятников в верховьях Мсты и дан анализ находок[26]. С этого времени микрорегион прочно вошел в науку как территория с высокой концентрацией древних поселений.

В 1931 г. разведочные работы на оз. Пудоро продолжил сотрудник Музея антропологии и этнографии В.В. Федоров. На одной из наиболее перспективных стоянок, открытой Гумилевским и известной как «Алексеевская № 17» (позже – стоянка Камушки 3), Федоров заложил 9 шурфов и получил богатый кремневый инвентарь и керамику[27]. Материалы этих раскопок позднее привлекли внимание С.Н. Замятнина. Он опубликовал найденные здесь миниатюрные кремневые скульптуры, в том числе антропоморфные фигурки[28]. Это открытие поставило вышневолоцкие стоянки в один ряд с важнейшими памятниками первобытного искусства и духовной культуры.

После Великой Отечественной войны, в 1946 г., Л.Я. Крижевская провела раскопки на одной из стоянок северо-восточного побережья оз. Пудоро – той самой, где ранее работали Гумилевский и Федоров. Раскоп площадью 60 кв. м дал представительную коллекцию кремневых орудий (скребки, наконечники стрел, проколки) и разнообразную поздненеолитическую керамику с ямочно-гребенчатым, веревочным и сетчатым орнаментом[29]. Крижевская отметила макролитический облик части инвентаря и его сходство с материалами из раскопок П.Н. Третьякова и Н.И. Гумилевского[30].

Новый импульс исследованию придала деятельность директора Вышневолоцкого краеведческого музея А.Х. Репмана. Уже в 1936–1940 гг., при осенних спусках воды, он фиксировал размываемые культурные слои и собрал уникальную коллекцию кремневых фигурок – антропоморфных и зооморфных (изображения медведя, рыбы). Позднее он опубликовал эти находки[31]. Репман первым указал на специфику местной кремневой пластики – преобладание профильных изображений, что отличало ее от мстинских фигурок, найденных Н.К. Рерихом (изображавших человека анфас)[32]. В конце 1940-х – 1960-е гг. Репман

Стоянка «Устье р. Липовки-III» (№ 35 по Н.И. Гумилевскому) // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3785; Стоянка «Старое Дальнее 2» // Архив ГУГООКН ТО; Стоянка «Старое Дальнее 3» // Архив ГУГООКН ТО.

[26] *Исланова И.В.* Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде: предыстория региональной полевой тверской археологии… С. 126.

[27] *Федоров В.В.* К вопросу о «кремневых складах» в неолитическое время // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 39. С. 286–292.

[28] *Замятнин С.Н.* Указ. соч. С. 92–94.

[29] *Крижевская Л.Я.* Неолитические стоянки окрестностей села Алексеевского Вышневолоцкого района // Советская археология. 1950. № XII. С. 232–241.

[30] Там же. С. 239.

[31] *Репман А.Х.* Указ. соч. С. 135–137.

[32] Там же. С. 102.

развернул масштабные разведочные работы в бассейне Верхней Мсты и на водораздельных участках. При этом он опирался на свод Плетнева, а также на дневники и карту памятников, составленные Гумилевским[33]. В ходе разведок Репман не только заново обследовал ранее открытые стоянки, но и выявил новые – в том числе на берегах Городолюбского озера и Вышневолоцкого водохранилища. В 1951 г. он открыл и первично обследовал стоянку Осеченка, сделав зачистку берега и сбор подъемного материала. В 1953 г. Репман зафиксировал местонахождение стоянки Шитовичи 1, найдя на поверхности ножевидную пластину с ретушью[34].

С 1970-х гг. изучение каменного века в Вышневолоцком Поозерье вышло на качественно новый уровень – в связи с деятельностью академических экспедиций и Верхневолжской экспедиции под руководством Д.А. Крайнова. В 1972 г. Крайнов обследовал и задокументировал стоянки Иванково 5 и Иванково 6, а на стоянке Иванково 1 провел пробные раскопки (вскрыто 20 кв. м)[35]. Началось планомерное обследование территории для составления «Археологической карты России», что привело к многократному увеличению числа выявленных памятников. В 1970–1980-х гг. разведки проводили отряды Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР, Калининского (ныне Тверского) университета, а позднее – Государственной инспекции по охране памятников.

В 1976 г. Историко-археологическая экспедиция КГУ под руководством Е.В. Бодунова открыла стоянки Камушки-1 и Камушки-2 на оз. Пудоро[36]. В 1978 г. та же экспедиция провела масштабное обследование ранее известных памятников в урочище Алексеевское, в результате которого стоянку Алексеевское 5 разделили на семь самостоятельных объектов (Пуйга 1–7) и на каждый составили отдельный паспорт[37]. В ходе этих работ проводили зачистки, шурфовку, сбор подъемного материала и фотофиксацию.

В 1980 г. разведки КГУ охватили оз. Имоложье, Бельское, Дивинец, рр. Шегру и Плотищенку. Здесь открыто более десятка новых стоянок

---

[33] *Исланова И.В.* Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. … С. 16.

[34] Стоянка Осеченка // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2217; Стоянка Шитовичи 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6357.

[35] Стоянка Иванково 1 // Архив ГУГООКН ТО; Стоянка Иванково 5 // Архив ГУГООКН ТО; Стоянка Иванково 6 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2464.

[36] Стоянка «Камушки-1» // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2895; Стоянка «Камушки 2» // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2896.

[37] Стоянка Пуйга 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2899; Стоянка Пуйга 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2900; Стоянка Пуйга 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3760; Стоянка Пуйга 4 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 3761; Стоянка Пуйга 5 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4927.

каменного века (включая одно мезолитическое местонахождение)[38], а также десятки других памятников эпохи неолита и бронзы[39].

В 1981 г. Калининский отряд Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР (руководитель Д.А. Крайнов) провел обследование в окрестностях дд. Гарусово, Дуброво, Дунай и Почеп. В ходе работ было открыто и зашурфовано около двадцати стоянок эпохи неолита. На многих из них зафиксировали стратиграфию, собрали коллекции кремня и керамики[40]. В 1982 г. работы продолжились: обследованы стоянки Белый Омут 1, Тверстянка 1–3, Мартус 1, а также повторно изучены стоянки Почеп 2–5[41].

В 1985–1986 гг. Первый отряд Историко-археологической экспедиции КГУ (руководитель Е.В. Бодунов) детально исследовал оз. Чеполшево, где открыл стоянки Богатково 1–8[42]. В эти же годы обследовали несколько многослойных памятников, сочетающих напластования от раннего неолита до Средневековья[43]. В 1980-е гг. И.В. Исланова и А.Д. Максимов продолжили разведочные работы в Удомельском и Вышневолоцком районах, уделяя особое внимание неолитическим материалам в бассейне р. Волчины[44].

В 1990–2000-е гг. разведки проводили также отряды под руководством А.В. Мирецкого, С.М. Смирновой, И.Н. Черных. В 2002 г.

---

[38] Стоянка Березка 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6345; Стоянка Березка 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4889; Стоянка Крутец 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4907; Стоянка Федово 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4930; Стоянка Белое 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6342; Стоянка Белое 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6343; Стоянка Белое 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6344; Стоянка Подшевелиха 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6354; Стоянка Шитовичи 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6357; Стоянка Шитовичи 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6358; Стоянка Шитовичи 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6490; Стоянка Шитовичи 4 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6491.

[39] *Бодунов Е.В.* Разведки в Бологовском и Вышневолоцком районах Калининской области // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 48–49.

[40] Стоянка Гарусово 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4891; Стоянка Гарусово 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4892; Стоянка Гарусово 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4893; Стоянка Дуброво 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4894; Стоянка Дуброво 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4895; Стоянка Дунай 1–7 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4896–4902; Стоянка Почеп 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 4926.

[41] Стоянка Белый Омут 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5597; Стоянка Тверстянка 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5626; Стоянка Тверстянка 2 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5627; Стоянка Тверстянка 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5628; Стоянка Мартус 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5613; Стоянка Почеп 3 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 5621.

[42] Стоянки Богатково 1–8 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6953–6960.

[43] Стоянка и селище Дятлово 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6968; Стоянка и селище Карзово 8 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6971; Стоянка Юркино 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 6989; Стоянка Очеп 1 // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 7632.

[44] *Исланова И.В.* Разведочные и рекогносцировочные работы Верхне-Мстинской экспедиции в 1987–1990 гг. // Тверская старина. Тверь, 1993. № 4–5. С. 164.

отряд Тверского государственного объединенного музея (А.В. Мирецкий) обследовал участки в Вышневолоцком районе, связанные со строительством дорог и карьеров. Были зафиксированы новые местонахождения кремневых изделий[45]. В 2003 г. Волжско-Мстинский отряд ИА РАН (И.В. Исланова) провел обследование, выявил новые объекты и уточнил стратиграфию поселений в Вышневолоцком районе[46]. В 2005 г. Исланова зафиксировала в Вышневолоцком районе местонахождение эпохи камня Большой Городок[47]. В 2006 г. она продолжила разведки, обследуя курганные могильники и поселения (Ящино 1)[48].

В 2008 г. Новоторжская экспедиция (Н.А. Сарафанова и др.) открыла в Вышневолоцком районе стоянку Коломно 1 (III тыс. до н. э.), отнесенную к льяловской неолитической культуре[49]. В 2009–2011 гг. И.В. Исланова обследовала участки на территории города Вышний Волочек, где удалось зафиксировать местонахождение стоянки каменного века (мезолит?), известной по архивным данным А.Х. Репмана[50]. В ходе работ на поселении 1 Вышний Волочек (левый берег р. Шлины) собран подъемный кремневый материал – нуклевидные куски, пластины, комбинированное орудие, что свидетельствует о заселении этого микрорегиона уже в каменном веке[51].

Всего к настоящему времени в границах Вышневолоцкого района известно более 400 археологических объектов, из них не менее 200 относятся к эпохе мезолита–неолита[52]. Исследования позволили выделить несколько зон концентрации неолитических стоянок: в верховьях Мсты и ее притоках (р. Пуйга, оз. Пудоро), в бассейне р. Волчины и на р. Шегре[53].

---

[45] *Мирецкий А.В.* Археологические исследования в Тверской области и Твери // Археологические открытия. 2002 год. М., 2003. С. 153–154.

[46] *Исланова И.В.* Работы в Тверской области и в Твери // Археологические открытия. 2003 год. М., 2004. С. 135–136.

[47] *Исланова И.В.* Работы в Тверской области и Твери // Археологические открытия. 2005 год. М. 2007. С. 155.

[48] *Исланова И.В.* Исследования в Тверской области и в Твери // Археологические открытия. 2006 год. М. 2009. С. 199–201.

[49] *Сарафанова Н.А., Цветкова Ю.В., Степанова Ю.В. [и др.]*. Работы Новоторжской экспедиции в Торжке и Тверской области // Археологические открытия. 2008 год. М., 2011. С. 213.

[50] *Исланова И.В.* Археологические исследования на территории современного города Вышний Волочёк (работы 2009–2011 гг.) // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек, 2013. № 13. С. 90–102.

[51] Там же. С. 95.

[52] *Галанин А.В.* Волоки Северо-Восточной Европы. Археология и древняя история Мстинско-Тверского края // История Северной Руси. [Электронный ресурс]. URL: https://ukhtoma.ru/volok15.htm (дата обращения: 14.04.2026).

[53] *Исланова И.В.* Археологические древности Вышневолоцкого края. [Электронный ресурс].

Важным итогом стала систематизация огромного массива накопленных данных. В 2010 г. вышел том «Археологической карты России», посвященный Тверской области, в том числе памятникам Вышневолоцкого района[54]. В его сводном каталоге представлены практически все известные на тот момент памятники каменного века Вышневолоцкого Поозерья. В фондах Калининского (ныне Тверского) областного краеведческого музея, Вышневолоцкого краеведческого музея, Государственного Эрмитажа и архива Института археологии РАН хранятся многочисленные коллекции, собранные в ходе этих работ, что создает прочную источниковую базу для дальнейших исследований.

Таким образом, история изучения памятников каменного века в Вышневолоцком Поозерье демонстрирует последовательное накопление знаний: от первых случайных находок и любительских сборов до планомерных междисциплинарных исследований. Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей регион располагает солидной источниковой базой, насчитывающей более 200 стоянок и местонахождений. Однако степень изученности остается неравномерной: большинство памятников выявлено только разведочными работами и не подвергалось стационарным раскопкам. Многие стоянки эпох мезолита и неолита продолжают разрушаться в результате хозяйственной деятельности и береговой абразии. Поэтому Вышневолоцкое Поозерье сохраняет высокий научный потенциал и остается перспективной территорией для дальнейших исследований – как для введения в оборот новых материалов, так и для углубленного изучения уже известных памятников с применением современных естественнонаучных методов.

Список литературы

Галанин А.В. Волоки Северо-Восточной Европы. Археология и древняя история Мстинско-Тверского края // История Северной Руси. [Электронный ресурс]. URL: https://ukhtoma.ru/volok15.htm (дата обращения: 14.04.2026).

Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // Советская археология. 1948. № X. С. 85–123.

Исланова И.В. Разведочные и рекогносцировочные работы Верхне-Мстинской экспедиции в 1987–1990 гг. // Тверская старина. Тверь, 1993. № 4–5. С. 164–165.

Исланова И.В. Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде. Предыстория региональной полевой тверской археологии // У истоков советских археологических школ (1918–1950): материалы международной научной конференции. М., 2020. С. 29–31.

Исланова И.В. Археологические исследования на территории современного города Вышний Волочёк (работы 2009–2011 гг.) // Наследие

[54] Археологическая карта России. Тверская область. М., 2010. Ч. 3.

Вышневолоцкого уезда: Вышний Волочек и его уезд в новейших исследованиях. Вышний Волочек, 2020. Вып. 3. С. 90–101.

Исланова И.В. Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М.: ИА РАН, 2023. 440 с.

Исланова И.В. Исследования Н.И. Гумилевского в Вышневолоцком уезде: предыстория региональной полевой тверской археологии // Очерки истории отечественной археологии. М.: ИА РАН, 2025. С. 120–127.

Крижевская Л.Я. Неолитические стоянки окрестностей села Алексеевского Вышневолоцкого района // Советская археология. 1950. № XII. С. 231–246.

Мельников В.Л. Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов. [Электронный ресурс]. URL: https://roerich.spb.ru/article/nk_rerih_i_knyaz_pa_putyatin (дата обращения: 10.03.2026).

Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903. 519 с.

Репман А.Х. Фигурный кремень с Вышневолоцких неолитических стоянок // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 67. С. 135–137.

Спицын А.А. Памяти князя П.А. Путятина // Русский исторический журнал. Пг., 1921. Кн. 7. С. 247–249.

Тихомиров И.А. Поездка на р. Мсту // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. V, вып. 1. С. 1–11.

Третьяков П.Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Известия ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 106. С. 97–180.

Федоров В.В. К вопросу о «кремневых складах» в неолитическое время // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 39. С. 286–292.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА РЖЕВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

И.О. Дыбочкин
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена изучению археологических памятников раннего железного века, расположенных в Ржевском Поволжье. Проводится пространственный анализ известных на данный момент археологических объектов указанного периода в г. Ржеве и Ржевском муниципальном округе Тверской области. Систематизация имеющихся данных позволила выделить локальные группы памятников и обозначить перспективы дальнейших археологических исследований в данном регионе.

Ключевые слова: *археология, Ржевское Поволжье, пространственный анализ, ранний железный век, культурные процессы в Верхневолжье, расселение в раннем железном веке, локальные группы памятников.*

Ржевское Поволжье – территория в Тверской области, которая включает бассейны многих крупных и малых рек Восточной Европы: Волги, Вазузы, Осуги, Тверцы и др. Эта территория важна как самостоятельный историко-культурный и археологический регион, поскольку исторические судьбы населения региона были сходны в различные эпохи. Большая часть территории попадает на район Валдайской возвышенности. По берегам рек размещены крупные долины, например, долины Волги и Тверцы. Над поймами склоны речных долин поднимаются уступами (речными террасами). На юге частично протекает река Осуга, образующая во многих местах естественную границу Тверской и Смоленской областей. В юго-западной части Тверской области к Ржевскому Поволжью примыкает широкая Западно-Двинская равнина с многими крупными озерами и топкими болотами. Природно-географические особенности региона (наличие крупной водной артерии в виде р. Волги с притоками и берегами, характеризующимися сочетанием равнин и холмов) способствуют хозяйственному освоению и использованию его человеческими коллективами. Особенностью микрорегиона являются многочисленные выходы по берегам рек высококачественного и легкодоступного кремневого сырья.

На территории района выявлены в большом количестве и частично исследованы раскопками кремнедобывающие и кремнеобрабатывающие мастерские всех периодов каменного века, что говорит о его раннем

освоении людьми и наличии благоприятных условий для хозяйствования и развития человеческих сообществ. В контексте региональной археологии период раннего железного века в настоящий момент представляет особый интерес в виду наличия богатого потенциала для исследования. Ржевский регион в контексте данной научной проблемы может дать довольно обширный набор данных для изучения хозяйственных, социальных и этнокультурных процессов на территории Верхневолжья. Также данная территория в период раннего железного века стала местом этнокультурных контактов. Исследователи выделяют на данной территории поселения дьяковской культуры, а также находки и памятники днепродвинской и мощинской археологических культур, что позволяет говорить о Ржевском Поволжье как о зоне культурного синтеза.

При изучении Ржевского Поволжья остро стоит проблема скудности источниковой базы. Археологические исследования периода раннего железного века на данной территории проводились очень ограниченно, при этом значительная часть полученного в конце XIX – середине XX в. археологического материала, в том числе керамических коллекций, не сохранилась. Отдельные коллекции находок в фондах ТГОМ (Тверского государственного объединенного музея), отчеты об археологических работах из архива Института археологии РАН создают перспективу для дальнейших исследований указанных объектов, уточнения их датировки и культурной принадлежности. Значительную информацию могут дать паспорта памятников из архива Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области, опубликованные данные «Археологической карты России. Тверская область. Часть 2» и сохранившиеся в историографии сведения.

В современной историографии не уделено надлежащего внимания памятникам раннего железного века Ржевского м.о. Как правило, эта территория рассматривается в общем контексте памятников Верхневолжья. Показательной является работа И.В. Исламовой[1], которая при рассмотрении памятников раннего железного века Верхневолжья сосредотачивается на памятниках Волговерховья и верхневолжских озер. По Ржеву и району превалируют работы, посвященные либо каменному веку, либо древнерусскому периоду. Огромный пласт информации по памятникам каменного века остался еще благодаря дореволюционным исследованиям, которые систематизировал О.В. Ведехин[2]. Средневековый материал по данной территории представлен работами дореволюционных,

[1] *Исланова И.В.* Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М., 2023.

[2] *Ведехин О.В.* Особенности модели расселения в Ржевском Поволжье в VII тыс. до н. э. – XIV в. н. э. // Путь в науку: материалы международной научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета «Путь в науку». Тверь, 2022. С. 222–231. [Электронный ресурс]. URL: https://history.tversu.ru/news/19716 (дата обращения: 08.03.2026).

советских и современных исследователей (В.А. Плетнев[3], А.А. Спицын[4], П.Н. Шульц[5], С.Л. Бычинский[6], А.В. Мирецкий[7], В.О. Богданов[8] и др.).

В 2007 г. Р.А. Оруджев[9] предпринимает попытку систематизации всего накопленного археологического материала, однако его внимание было акцентировано непосредственно на г. Ржеве, а прилегающие территории остались практически неосвещенными, как и период раннего железного века в целом. Ржевский микрорегион частично затрагивается в работе В.О. Богданова[10], но она охватывает памятники раннего железного века Тверского Поволжья в целом, не акцентируя внимания на отдельных микрорегионах (в том числе и ржевском).

В рамках данной работы ставится цель по систематизации имеющихся сведений о поселениях раннего железного века Ржевского Поволжья и выявлению дальнейших перспектив исследования. Достижению этой цели послужат методы картографии и пространственного анализа. Построенная геоинформационная система позволит визуализировать картину расселения в Ржевском регионе в период раннего железного века по известным на настоящий момент памятникам археологии.

По данным археологической карты Тверской области на территории Ржевского округа расположено не менее 18 археологических памятников, на которых выявлены предметы, позволяющие отнести их к раннему железному веку. Из них 8 – городища (44 %) и 10 памятников неукрепленного типа – селища/поселения (56 %). Все памятники исследователями атрибутируются как принадлежащие к дьяковской археологической культуре (по И.В. Исланової – верхневолжской группы памятников[11], по А.Д. Максимову[12] – южная территориальная группа).

---

[3] *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь, 1903.

[4] *Спицын А.А.* Ржевские древности // Ржевский край. Сборник ржевского общества краеведения. Ржев, 1926. № 1. С. 126–130.

[5] *Шульц П.Н.* Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923–25 гг. // Там же. С. 164–170.

[6] *Бычинский С.Л.* Ермоловское городище // Там же. С. 159–163.

[7] *Мирецкий А.В.* Раскопки в Ржевском районе Калининской области // Археологические открытия 1985 года. М., 1986. С. 60–68.

[8] *Богданов В.О., Ведехин О.В.* Историко-археологическое изучение городища Опоки (Ржевский район, Тверская область) // Археология евразийских степей. 2023. № 1. С. 8–18

[9] *Оруджев Р.А.* Памятники археологии на территории современного г. Ржева от каменного века до позднего Средневековья // Тверской археологический сборник. Тверь, 2007. Вып. 6. Т. II. С. 446–450.

[10] *Богданов В.О.* Пространственный анализ финно-угорских памятников раннего железного века Верхнего Поволжья: опыт применения ГИС // Культурное наследие русской провинции. Выпуск 3: материалы III Межрегиональной научной конференции. Тверь; Старица, 2020. С. 32–37.

[11] *Исланова И.В.* О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 452, 458.

Однако на памятниках встречаются и элементы мощинской (Климово[13], Суходол-2[14]) и днепродвинской культур (Климово)[15]. Практически во всех случаях данная атрибуция строится на анализе находок керамики. Они представлены фрагментами лепной слабопрофилированной керамики с примесью дресвы в тесте. Среди находок преобладает неорнаментированная керамика, либо керамика, орнаментированная сетчатым, гребенчатым, овальчатым, ямочным, прямоугольным штампами и косыми насечками, которая исследователями относится к раннему железному веку. На двух памятниках обнаружены грузики «дьякова» типа (Бронниково-1[16], Свеклино-1[17]). Преобладание неорнаментированной керамики и памятников селищного типа говорит о том, что более широкое освоение данной территории дьяковскими племенами происходило на позднем этапе существования культуры, при проникновении их сюда еще на ранних этапах, характеризующихся сетчатой керамикой.

Использование современных геоинформационных систем (ГИС) позволяет визуализировать полученную из источников информацию и систематизировать сведения о памятниках, их взаиморасположении и ландшафтной характеристике. Данная практика уже давно вошла в обиход отечественных исследователей-археологов, однако на ржевском материале, относящемся к периоду раннего железного века, до сих пор не была применена. В настоящей работе использовалась программа QGIS 4.0.0., с помощью которой было визуализировано расположение памятников (городищ и поселений) на местности.

В основе пространственного анализа памятников раннего железного века Ржевского Поволжья использованы данные о типе памятника археологии, топографических характеристиках, площади памятника, уровне расположения над водоемом, расстоянии от водоема, авторе раскопок (разведок), годе исследования, площади раскопов, типах керамики, артефактах, культурной принадлежности, датировке.

По расположению большинство из них занимают мысы оврагов, а также устьев малых и средних рек при слиянии их с Волгой. Террасы возвышаются над водой в таких поселениях практически везде до 6 м (первая надпойменная терраса), в редких случаях – расположение на второй надпойменной террасе (Поволжье[18], Холмово[19]) и третьей

---

[12] *Максимов А.Д.* О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 355–365.

[13] Археологическая карта России. Тверская область. М., 2007. Ч. 2. С. 255.

[14] Там же. С. 286.

[15] Там же. С. 255.

[16] Там же. С. 239.

[17] Там же. С. 278.

[18] Городище Поволжье // Архив Главного управления по государственной охране объектов культурного наследия Тверской области (далее – ГУГООКН ТО). Паспорт № 2435.

(Харино[20]). Расстояние от воды в среднем от 10 до 25 м; городище Поволжье выявлено на расстоянии около 500 м. Размеры и форма памятников представляют собой, как правило, вытянутый прямоугольник – не более 100–110х40–50 м, ориентированный по течению р. Волги или ее притока. Площадь данных памятников составляет от 1000 до 3500 кв. м. По расположению они мысового и приречного типа с преобладанием первого.

Почти все памятники с материалами раннего железного века являются многослойными, со следами каменного века, энеолита, бронзового века, а также средневековыми слоями. Такое богатое расселение на протяжении долгого времени говорит о высокой хозяйственной пригодности данного микрорегиона на всем протяжении его существования.

Небольшой процент памятников (3 из 18) локализован в долинах мелких рек, являющихся притоками первого порядка р. Волги. Однако такой небольшой показатель обусловлен общей ограниченностью исследований. Археологические разведки затронули в первую очередь объекты вдоль р. Волги, а сведений о сопредельных территориях малых рек (Сишка, Дунка, Осуга, Тудовка, Итомля) в историографии почти не представлено. При пространственном анализе выделяется ряд из шести памятников (3 городища, 3 селища), расположенных по течению р. Волги на примерно одинаковом удалении друг от друга (от 3,5 до 4,5 км). На памятниках преобладают находки лепной слабопрофилированной неорнаментированной керамики первой половины I тыс. н. э., что позволяет говорить о схожем периоде и условиях их бытования.

Также при анализе четко прослеживаются два района концентрации памятников – окрестности д. Суходол и крутой изгиб р. Волги в районе д. Поволжье. К «суходольской» группе памятников стоит относить селища Суходол[21] и Холмово[22], а также городища Холмово (Глестково)[23] и Климово[24]. На большинстве памятников данной группы преобладает лепная слабопрофилированная керамика, относимая исследователями к протобалтским культурам (мощинской или днепро-двинской), а также встречается сетчатая керамика дьяковской культуры. Сочетание керамики разных культур говорит о данном участке местности как о зоне широкого культурного взаимодействия. Связь памятников «суходольской» группы прослеживается не только на материале слоев раннего железного века, но и на более ранних, а также на более поздних древнерусских слоях.

---

[19] Археологическая карта России… С. 293.
[20] Там же. С. 291.
[21] Селище Суходол // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2077.
[22] Археологическая карта России… С. 293.
[23] Там же.
[24] Там же. С. 255.

К «поволжской» группе относятся три городища – Поволжье, Знаменское и Редькино. На памятниках была найдена лепная слабопрофилированная керамика с сетчатым и прямоугольным штампами. Сходность керамических наборов позволяет говорить о примерно одинаковом времени существования этих трех городищ на данной территории. Наибольшую коллекцию находок дало городище Редькино[25], среди них: бронзовый браслет и ажурное навершие булавки, железная круглая бляха и нож, костяные подвеска, гарпуны, проколки. Такое большое количество предметов, не характерное для других поселений «поволжской» группы, наводит на предположение о доминирующем положении городища в данной группе и его функционировании как крупного центра, однако для его подтверждения необходимо более детальное исследование остальных памятников.

Дальнейшее изучение региона Ржевского Поволжья необходимо в контексте исследований раннего железного века Верхневолжья и выявления региональных особенностей заселения и культурного разнообразия в данный период. На сегодняшний день археологическими разведками затронуты лишь территории вблизи р. Волги, причем и они исследованы далеко не в полном объеме. Значительная часть памятников периода раннего железного века может находиться в устьях и долинах малых рек (Сишка, Дунка, Осуга, Тудовка, Итомля, Бойня) и прилегающих к ним оврагах, до настоящего дня не обследованных. Подтверждением этого служит некоторое количество подобных памятников, уже обнаруженных на территории данного микрорегиона. Самый яркий тому пример – городище Поволжье, расположенное на значительном удалении (0,5 км) от р. Волги и локализованное между двух оврагов. Местность на территории Ржевского региона характеризуется наличием значительного количества подобных оврагов в долинах мелких рек-притоков Волги. Расположение городищ в удалении от крупных рек также находит подтверждение и в археологических материалах сопредельных территорий. Например, городище Игутьево (речка Улюсть) в Старицком Поволжье. Комплексно исследованные памятники раннего железного века в Московской области также показывают данную топографическую локализацию городищ: городище Власьево от русла Оки удалено на 4,2 км, городище Аргуново – в 3,2 км к юго-востоку от Власьево, городище Апонитищи 1, самое южное, также к юго-востоку от Власьево в 18 км и расположено на р. Руднице, правом притоке р. Мечи[26]. Рассматриваемая местность позволяет предполагать возможность существования удаленных от крупных водных артерий памятников, аналогичных представленным. Таким образом, появляется перспектива для дальнейших исследований Ржевского Поволжья на предмет материалов раннего железного века.

[25] Городище Поволжье // Архив ГУГООКН ТО. Паспорт № 2429.

[26] *Сыроватко А.С.* Новые материалы с городищ финала раннего железного века: к вопросу о «войне I в. н. э.» // Краткие сообщения Института археологии. М., 2024. Вып. 276. С. 177–191.

Список литературы

Археологическая карта России. Тверская область / Под ред. А.В. Кашкина. М.: Ин-тут археологии, 2007. Ч. 2. 440 с.

Богданов В.О., Ведехин О.В. Историко-археологическое изучение городища Опоки (Ржевский район, Тверская область) // Археология евразийских степей. 2023. № 1. С. 8–18.

Богданов В.О. Пространственный анализ финно-угорских памятников раннего железного века Верхнего Поволжья: опыт применения ГИС // Культурное наследие русской провинции. Выпуск 3: материалы III Межрегиональной научной конференции, 18 октября 2019 г. / Сост., ред. С.С. Кутаков (отв. ред.), Ю.В. Степанова. Тверь; Старица: Тверской государственный университет, 2020. С. 32–37.

Бычинский С.Л. Ермоловское городище // Ржевский край. Сборник ржевского общества краеведения. Ржев: Ржевск. о-во краеведения: Ржевск. госмузей, 1926. № 1. С. 159–163.

Ведехин О.В. Особенности модели расселения в Ржевском Поволжье в VII тыс. до н. э. – XIV в. н. э. // Путь в науку: материалы международной научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета «Путь в науку», Тверь, 21 апреля 2022 г. / сост., ред. Т.Г. Леонтьева, Ю.В. Степанова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2022. С. 222–231. [Электронный ресурс]. URL: https://history.tversu.ru/news/19716 (дата обращения: 08.03.2026).

Исланова И.В. О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 451–460.

Исланова И.В. Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н. э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты. М.: ИА РАН, 2023. 440 с.

Максимов А.Д. О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник / Ред. И.Н. Черных, М.А. Ефимов. Тверь: ТГОМ, 1996. Вып. 2. С. 355–365.

Мирецкий А.В. Раскопки в Ржевском районе Калининской области // Археологические открытия 1985 года. М.,1986. С. 60-68.

Оруджев Р.А. Памятники археологии на территории современного г. Ржева от каменного века до позднего Средневековья // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2007. Вып. 6. Т. II. С. 446–450.

Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1903. 519 с.

Спицын А.А. Ржевские древности // Ржевский край. Сборник ржевского общества краеведения. Ржев: Ржевск. о-во краеведения: Ржевск. госмузей, 1926. № 1. С. 163–164.

Сыроватко А.С. Новые материалы с городищ финала раннего железного века: к вопросу о «войне I в. н. э.» // Краткие сообщения Института археологии. М.: ИА РАН, 2024. Вып. 276. С. 177–191.

Шульц П.Н. Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923–25 гг. // Ржевский край. Сборник ржевского общества краеведения. Ржев: Ржевск. о-во краеведения: Ржевск. госмузей, 1926. № 1. С. 164–170.

Дата поступления рукописи в редакцию – 18.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

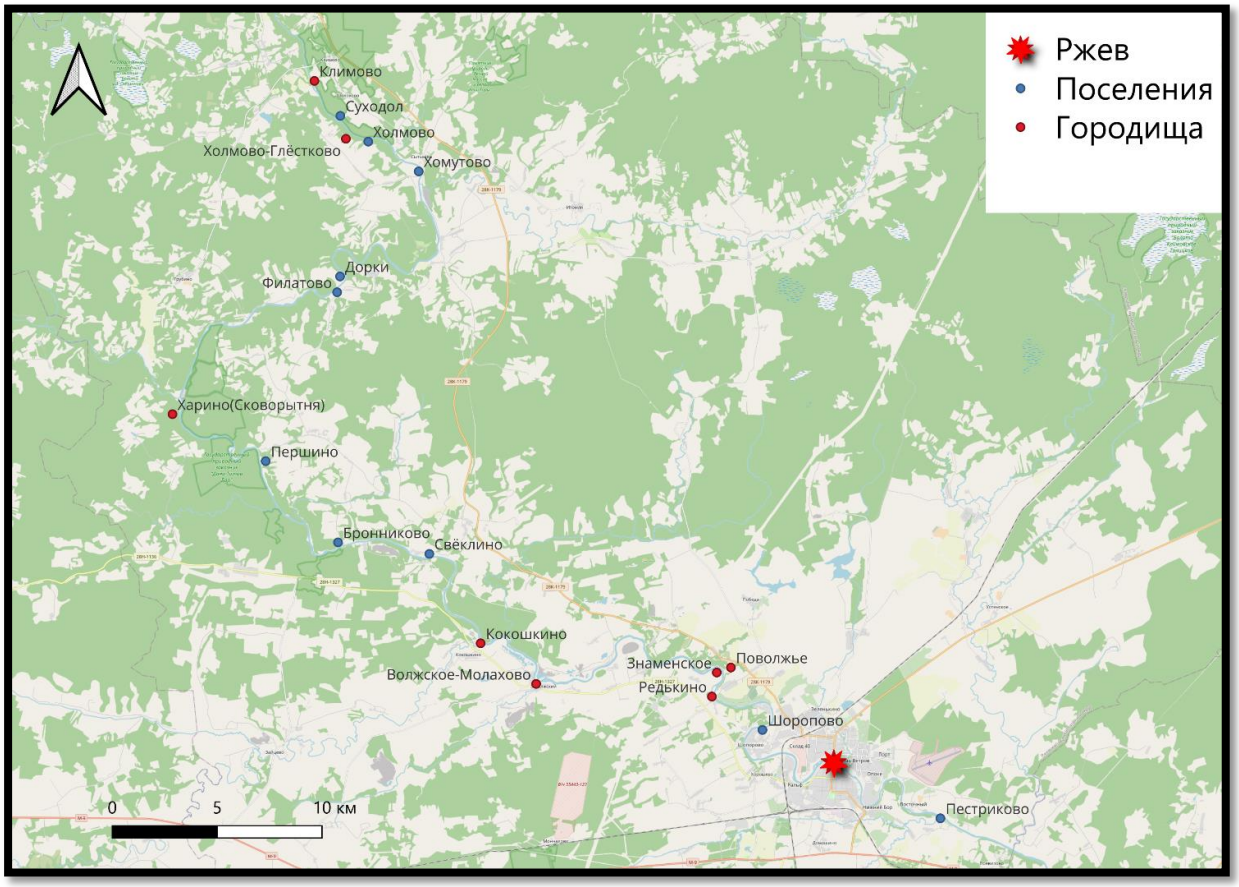

Рис. 1. Памятники раннего железного века Ржевского Поволжья (фрагмент ГИС)

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ: ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Ю. Маслов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье на основе междисциплинарного подхода (археозоология, карпология, изотопный анализ, трасология, ГИС) рассматриваются методы реконструкции питания населения лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке. Показано, что охота, рыболовство и земледелие существовали в комплексе, а изотопные данные опровергают представления о доминировании только присваивающего хозяйства.

Ключевые слова: *система питания, ранний железный век, лесная полоса Восточной Европы, дьяковская культура, городецкая культура, археоозоология, карпология, изотопный анализ, трасология, ГИС-моделирование, палинология, охота, рыболовство, земледелие, палеодиета.*

Питание является фундаментальным индикатором хозяйственно-культурной адаптации древнего общества к окружающей среде. Для лесной полосы Восточной Европы раннего железного века (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н. э.) долгое время господствовала концепция доминирования присваивающих форм хозяйства, основанная на свидетельствах античных авторов, например, Геродота, упоминавшего, что «будины» питались «шишками и рыбой»[1], и на массовом остеологическом материале с преобладанием костей диких животных[2]. Однако накопление новых данных и развитие естественнонаучных методов привели к необходимости пересмотра этой упрощенной схемы.

С точки зрения современной археологии и междисциплинарного подхода система питания древнего населения понимается не как простая совокупность потребляемых продуктов, а как комплексная структура жизнеобеспечения, включающая в себя несколько взаимосвязанных блоков: стратегии добычи и производства пищевых ресурсов (охота, рыболовство, собирательство, земледелие, скотоводство), технологические процессы переработки и приготовления пищи, а также сезонные циклы и социальные практики потребления. Реконструкция этой системы возможна

[1] Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972. Кн. IV. С. 109.
[2] *Цалкин В.И.* Фауна из раскопок городищ лесной полосы Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 111. С. 168–197.

исключительно при синтезе данных археологии, археозоологии, археоботаники, изотопной химии, трасологии и пространственного анализа, что убедительно показано в ряде обобщающих трудов отечественных исследователей последних десятилетий[3].

Цель настоящей работы – охарактеризовать современные археологические методики реконструкции системы питания и показать их конкретные результаты на материалах дьяковской, городецкой и родственных им культур.

Основу для реконструкции питания составляют три группы археологических источников: орудия добычи и переработки пищи, палеоэкологические остатки (кости и семена) и кухонная утварь. Их информационный потенциал раскрывается только при комплексном применении аналитических методик. Классические методики количественного учета фаунистических остатков, разработанные В.И. Цалкиным и впоследствии усовершенствованные с учетом этноархеологического подхода[4], до сих пор остаются базовыми. Использование показателей NISP и MNI применительно к коллекциям таких памятников, как городища Дьяково, Городецкое, Троицкое, Каширское и Настасьинское, позволило установить, что в большинстве городищ лесной полосы доля костей диких животных (лось, бобр, кабан) значительно превышает долю домашних (крупный рогатый скот, свинья)[5]. Это создавало устойчивое представление о ведущей роли охоты. Дальнейшее совершенствование методик А.А. Каспаровым, включавшее весовой анализ костных остатков и изучение возрастного состава забитых особей на тех же опорных памятниках, а также применение новых статистических подходов к анализу фаунистических комплексов лесной зоны, освещенных в работах последних лет[6], подтвердило сезонный характер охоты и позволило говорить о сохранении промысловой ориентации хозяйства вплоть до середины I тыс. н. э. на многих поселениях Верхнего Поволжья[7]. Вместе с тем остеология отражает преимущественно белковую компоненту рациона, кроме того, кости рыб, являющихся важным пищевым ресурсом, сохраняются значительно хуже

[3] *Добровольская М.В.* Палеодиета: комплексный подход к реконструкции питания древнего населения // Российская археология. 2018. № 4. С. 5–17; *Бужилова А.П.* Палеоэкология человека: междисциплинарные исследования в археологии // Вестник РФФИ. 2017. № 3(95). С. 77–88.

[4] *Чубур А.А.* Этноархеология охотников-собирателей: методика реконструкций // Российская археология. 2011. № 2. С. 147–155.

[5] *Цалкин В.И.* Указ. соч. С. 168–197.

[6] *Савинецкий А.Б., Крылович О.А.* Динамика состава фауны млекопитающих лесной зоны Восточной Европы в голоцене по археозоологическим данным // Зоологический журнал. 2021. Т. 100. № 5. С. 540–555.

[7] *Каспаров А.А.* Остеологические материалы из раскопок городищ лесной полосы // Археологические вести. СПб., 1995. Вып. 4. С. 89–102; *Его же.* Динамика видового состава млекопитающих в голоцене на территории лесной зоны Восточной Европы // Историческая экология животных. М., 1999. С. 56–73.

костей млекопитающих, на что неоднократно указывали исследователи, работавшие с материалами лесных культур[8].

Для реконструкции растительной пищи ключевую роль играет археоботаника. Применение методики флотации (промывки грунта), основанной на разработках как западноевропейских археоботаников, так и на богатом опыте отечественной школы[9], позволило выявить массовые находки обугленных зерен культурных растений даже в слоях, ранее считавшихся исключительно «охотничьими»[10]. Анализ материалов целого ряда городищ Волго-Окского междуречья (Дьяково, Настасьинское, Куньинское, Пекуново, Городок на Ловати), обобщенный А.Н. Сорокиным и дополненный результатами раскопок последних двух десятилетий[11], показал устойчивое присутствие проса, ячменя, пшеницы-двузернянки и овса. В результате стало очевидно, что земледелие в лесной полосе появляется значительно раньше (уже в первой половине I тыс. до н. э.), чем предполагали сторонники теории «чистой охоты», причем этот вывод находит поддержку и в современных палеоэтноботанических обзорах по Восточной Европе[12]. Однако вопрос о доле растительной пищи в реальном потреблении калорий древним населением остается открытым.

Наиболее существенный прорыв в разрешении противоречий между обилием костей и наличием зерен обеспечил анализ стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}C$) и азота ($\delta^{15}N$) в костном коллагене человека. Методика, широко применяемая в западной археологии, была адаптирована для лесной полосы М.В. Добровольской[13] и впоследствии развита в рамках междисциплинарных проектов с участием Н.Г. Свиркиной, С.В. Слепченко и других специалистов по изотопной палеоэкологии человека[14].

---

[8] *Леонтьев Е.В.* Рыболовство у племен дьяковской культуры // Краткие сообщения Института археологии. М., 1998. Вып. 225. С. 78–89; *Яниш Е.Ю., Антипина Е.Е.* Промысловые рыбы в хозяйстве средневекового Новгорода: археозоологический контекст // Российская археология. 2022. № 1. С. 124–135.

[9] *Лебедева Е.Ю.* Методические аспекты археоботанических исследований в России (по материалам железного века – средневековья) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2020. Вып. 258. С. 7–22.

[10] *Лебедева Е.Ю.* Археоботанические исследования в лесной зоне Восточной Европы: итоги и перспективы // Российская археология. 2012. № 3. С. 45–56; *Гребена Л.В.* Карпологические исследования на памятниках железного века // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005. С. 112–128.

[11] *Сорокин А.Н.* Земледелие и скотоводство у племен лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке. М., 2002. С. 102–115; *Лебедева Е.Ю., Сергеев А.Ю.* Археоботанические данные о земледелии дьяковской культуры (по материалам городища Настасьино) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2023. Вып. 270. С. 180–195.

[12] *Lebedeva E.Yu.* The archaeobotany of the Iron Age in the forest zone of Eastern Europe // Vegetation History and Archaeobotany. 2016. Vol. 25. P. 445–456.

[13] *Добровольская М.В.* К антропологии питания древнего населения лесной полосы Восточной Европы // Российская археология. 2010. № 4. С. 37–46.

[14] *Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., Слепченко С.В.* Изотопный состав углерода и азота костной ткани как индикатор пищевых стратегий населения лесной зоны

Изотопный анализ дает прямую информацию о соотношении белковых компонентов в рационе на протяжении жизни индивида. Конкретные результаты этих исследований, полученные на антропологических сериях из могильников и городищ раннего железного века (Писеральский могильник, Пекшевский могильник, Саргатские курганы, городище Дьяково, городище Троицкое), позволили сделать два принципиально важных вывода. Во-первых, практически во всех исследованных памятниках зафиксированы высокие значения $\delta^{15}N$, что указывает на значительное потребление пресноводной рыбы и компенсирует нехватку информации, вызванную плохой сохранностью рыбьих костей в культурном слое[15]. Во-вторых, изотопный сигнал $\delta^{13}C$ четко идентифицирует присутствие проса в рационе; данные М.В. Добровольской и ее коллег показали, что просо составляло заметную долю растительной пищи у населения лесной полосы, что свидетельствует о более развитом земледелии, чем это следовало из остеологических коллекций[16]. Аналогичные результаты, демонстрирующие высокую роль проса в питании популяций железного века, были получены и для ряда памятников Центральной Европы, а также подтверждены в обобщающих работах по изотопной палеодиетологии[17]. Таким образом, изотопный анализ выступил арбитром, доказавшим, что система питания была комплексной: охота давала мясо, но основу калорийности могли составлять рыба и продукты земледелия.

Если состав рациона реконструируется по биологическим остаткам, то процесс приготовления пищи восстанавливается через анализ артефактов. Метод микроанализа следов износа (трасология), разработанный С.А. Семеновым и развитый Г.Ф. Коробковой, в современной российской науке получил дальнейшее развитие в трудах Г.Н. Поплевко, Н.Н. Скакун и Е.Ю. Гири, чьи исследования последних десятилетий существенно расширили методический арсенал функционального анализа каменных и костяных орудий[18]. Применительно к памятникам раннего железного века (Дьяково, Городецкое, Настасьинское, Троицкое городища, городище Кудеярова Гора) трасология показала, что так называемые «грузила» действительно использовались

Восточной Европы в эпоху раннего железа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 2. С. 137–145.

[15] *Добровольская М.В.* Палеодиета…. С. 41–43.

[16] *Добровольская М.В.* Пищевые стратегии древнего населения Европы по данным изотопного анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 3. С. 124–134.

[17] *Слепченко С.В., Свиркина Н.Г.* Опыт реконструкции палеодиеты по стабильным изотопам углерода и азота: методические проблемы и перспективы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3(50). С. 125–136.

[18] *Поплевко Г.Н.* Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб., 2019; *Скакун Н.Н., Гиря Е.Ю.* Трасология в российской археологии: итоги и перспективы // Археологические вести. 2022. Вып. 35. С. 12–25.

для рыболовных сетей (характерная заполировка от контакта с волокнами и чешуей), а зернотерки и песты имеют следы обработки не только дикорастущих растений, но и культурных злаков с характерной твердой оболочкой[19]. В результате была подтверждена технологическая цепочка от сбора урожая (серпы с характерной зеркальной заполировкой) до приготовления муки или крупы. Одновременно с этим керамика является основным источником по способам термической обработки пищи. Ю.Б. Цетлин, опираясь на методологию историко-культурного подхода и обобщив обширный материал по лесной зоне Восточной Европы, разработал методику идентификации следов эксплуатации, разделяя сосуды для варки (наличие нагара и следов выкипания на внешней поверхности венчика), хранения и сервировки[20]. О.В. Лопатина на материалах дьяковской культуры (Дьяково, Троицкое, Щербинское городища, селище Борки) установила устойчивую корреляцию между морфологией горшков и их кулинарной функцией: высокие баночные и слабопрофилированные сосуды использовались для варки жидких похлебок и каш из проса и ячменя, в то время как низкие миски – для подачи готовой пищи[21]. Дополнительные исследования керамики с применением технико-технологического анализа, выполненные Н.П. Салугиной и И.Н. Васильевой, подтверждают преднамеренный подбор формовочных масс для сосудов, подвергавшихся длительному термическому воздействию[22]. Таким образом, был реконструирован ассортимент блюд с преобладанием вареной пищи (мясные и рыбные бульоны, растительные каши), что типично для оседлого лесного населения с ограниченным доступом к жирам для жарки.

Для понимания пищевых стратегий недостаточно знать, что ели, важно понимать, как было организовано снабжение. Методы геоинформационных систем (ГИС), активно внедряемые в археологию в России в последние два десятилетия, в том числе в исследованиях Г.Е. Афанасьева, Д.С. Коробова и С.З. Чернова[23], позволяют оценить

---

[19] *Коробкова Г.Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельцев и скотоводов юга СССР. Л., 1987. С. 45–50; *Гиря Е.Ю., Лозовский В.М.* Функциональный анализ орудий с памятников лесной зоны железного века // Тверской археологический сборник. Тверь, 2018. Вып. 12. С. 210–221.

[20] *Цетлин Ю.Б.* О возможности изучения древней кулинарии по данным керамики // Российская археология. 2005. № 2. С. 45–54; *Его же.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017.

[21] *Лопатина О.В.* Керамические традиции в Волго-Окском междуречье в раннем железном веке. М., 2015. С. 156–178.

[22] *Салугина Н.П., Васильева И.Н.* Технология изготовления керамики дьяковской культуры по данным технико-технологического анализа // Краткие сообщения Института археологии. М., 2022. Вып. 266. С. 178–194.

[23] *Афанасьев Г.Е.* Методика и практика использования геоинформационных систем в археологии // Российская археология. 2007. № 1. С. 115–122; *Коробов Д.С.* Основы геоинформатики в археологии. М., 2021; *Чернов С.*З. ГИС-моделирование

ресурсный потенциал территории вокруг поселения. Анализ ресурсных зон (Site Catchment Analysis) дьяковских городищ (Дьяково, Троицкое, Настасьинское, Пекуново, городище Ростиславль) показывает, что большинство из них расположено на мысах при слиянии рек, что обеспечивало доступ к пойменным лугам (выпас скота, сенокос) и рыбным угодьям в радиусе пяти километров – зоне активной хозяйственной деятельности[24]. Палинологические исследования Е.А. Спиридоновой на разрезах культурного слоя тех же городищ, подкрепленные данными А.С. Алешинской и М.А. Бронниковой по палеоландшафтам лесной полосы[25], фиксируют в это время появление пыльцы сорных растений и культурных злаков, что свидетельствует о подсечно-огневом земледелии в ближайшей округе[26]. Моделирование подтверждает вывод о сезонной цикличности питания, характерной для лесных культур раннего железного века: зимне-весенний период был временем охоты на лося и пушного зверя; летом интенсифицировалось рыболовство и сбор дикоросов; осенью происходили уборка урожая проса и ячменя, а также забой скота.

Применение комплекса современных археологических методов позволило отказаться от дихотомии (противопоставления охоты и земледелия) в описании пищевых стратегий населения лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке. Итогом исследований является следующая научно обоснованная модель. Фундамент питания составляла охота на крупных копытных (лося) и пушных зверей, дополненная интенсивным рыболовством, роль которого долго недооценивалась из-за плохой сохранности ихтиофауны, что подтверждается как остеологическими, так и изотопными данными[27]. Земледелие, прежде всего выращивание проса и ячменя, существовало на протяжении всего раннего железного века, играя роль стабильного источника растительных углеводов, что доказывается как археоботаническими коллекциями, так и данными изотопного анализа костной ткани человека. Технологически пища была адаптирована к керамическому производству: преобладала вареная и томленая еда, что реконструируется по следам нагаров и формам посуды.

исторических ландшафтов Верхневолжья // Археология и геоинформатика. М., 2019. Вып. 8. С. 45–62.

[24] *Сорокин А.Н.* Указ. соч. С. 192–194; *Кренке Н.А., Ершов И.Н.* Пространственный анализ памятников дьяковской культуры в бассейне Москвы-реки // Российская археология. 2020. № 4. С. 90–104.

[25] *Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Палинологические исследования археологических памятников лесной полосы: методические аспекты // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2019. С. 350–365.

[26] *Спиридонова Е.А.* Палинологическая характеристика отложений памятников железного века Верхней Волги // Археология Верхнего Поволжья. Тверь, 2001. С. 45–58.

[27] *Леонтьев Е.В.* Указ. соч. С. 78–89; *Добровольская М.В., Решетова И.К.* Изотопные свидетельства роли рыбных ресурсов в питании средневекового населения лесной зоны // Краткие сообщения Института археологии. М., 2023. Вып. 271. С. 330–341.

Подводя итог, следует отметить, что каждый из рассмотренных в работе методов обладает собственными достоинствами и ограничениями, и лишь их комплексное применение позволяет построить адекватную модель системы питания. Так, остеологический анализ отличается высокой степенью детализации при определении видового состава млекопитающих и позволяет оценить сезонность промысла. Его главным недостатком является тафономическая избирательность: плохая сохранность костей рыб, кости домашних животных могут накапливаться в слое иначе, чем кости диких животных, все это искажает реальные пропорции потребления. Изучение остатков культурных растений не дает прямых данных о доле растительной пищи в рационе, поскольку обугленные зерна отражают скорее факт возделывания, нежели объем потребления. Изотопный анализ является единственным методом, предоставляющим прямую информацию о соотношении белковых компонентов, потребленных индивидом при жизни. Он позволил выявить значительную роль рыбы и проса, которые ускользали от внимания при использовании классических методик. Однако изотопный метод дорог, требует сохранного коллагена в костях и чувствителен к фоновым экологическим сигналам, что иногда усложняет интерпретацию. Трасология и функциональный анализ керамики реконструируют технологические аспекты приготовления пищи, но они остаются косвенными, поскольку не идентифицируют конкретные продукты, а лишь способы их обработки. ГИС-моделирование и палинология дают представление о ресурсной базе и антропогенном изменении ландшафта, однако эти методы не могут напрямую свидетельствовать о составе меню.

Перспективы дальнейших исследований связаны с внедрением еще более чувствительных методов, а также с анализом биомаркеров (липидов) в порах керамики. Этот подход, уже давший впечатляющие результаты при изучении неолитических и бронзовых памятников Европы и постепенно осваиваемый российскими исследователями[28], позволит в будущем точно идентифицировать, какие именно продукты (молоко, мясо животных, рыбий жир, растительные масла) готовились в конкретных горшках. Сочетание анализа липидов с изотопными исследованиями индивидуальных аминокислот и палеогенетическим анализом остатков пищи из зубного камня древних людей превратит косвенные археологические данные в прямые свидетельства о меню и пищевых стратегиях древнего населения лесной полосы.

[28] *Куприянов Д.А., Бужилова А.П.* Анализ органических остатков в древней керамике: перспективы применения в российской археологии // Российская археология. 2022. № 2. С. 17–28.

Список литературы

Афанасьев Г.Е. Методика и практика использования геоинформационных систем в археологии // Российская археология. 2007. № 1. С. 115–122.

Бужилова А.П. Палеоэкология человека: междисциплинарные исследования в археологии // Вестник РФФИ. 2017. № 3(95). С. 77–88.

Гиря Е.Ю., Лозовский В.М. Функциональный анализ орудий с памятников лесной зоны железного века // Тверской археологический сборник. Тверь, 2018. Вып. 12. С. 210–221.

Гребена Л.В. Карпологические исследования на памятниках железного века // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005. С. 112–128.

Добровольская М.В. К антропологии питания древнего населения лесной полосы Восточной Европы // Российская археология. 2010. № 4. С. 37–46.

Добровольская М.В. Пищевые стратегии древнего населения Европы по данным изотопного анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 3. С. 124–134.

Добровольская М.В. Палеодиета: комплексный подход к реконструкции питания древнего населения // Российская археология. 2018. № 4. С. 5–17.

Добровольская М.В., Решетова И.К. Изотопные свидетельства роли рыбных ресурсов в питании средневекового населения лесной зоны // Краткие сообщения Института археологии. М., 2023. Вып. 271. С. 330–341.

Каспаров А.А. Остеологические материалы из раскопок городищ лесной полосы // Археологические вести. СПб., 1995. Вып. 4. С. 89–102.

Каспаров А.А. Динамика видового состава млекопитающих в голоцене на территории лесной зоны Восточной Европы // Историческая экология животных. М., 1999. С. 56–73.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельцев и скотоводов юга СССР. Л.: Наука, 1987. 320 с.

Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 264 с.

Кренке Н.А., Ершов И.Н. Пространственный анализ памятников дьяковской культуры в бассейне Москвы-реки // Российская археология. 2020. № 4. С. 90–104.

Куприянов Д.А., Бужилова А.П. Анализ органических остатков в древней керамике: перспективы применения в российской археологии // Российская археология. 2022. № 2. С. 17–28.

Лебедева Е.Ю. Археоботанические исследования в лесной зоне Восточной Европы: итоги и перспективы // Российская археология. 2012. № 3. С. 45–56.

Лебедева Е.Ю. Методические аспекты археоботанических исследований в России (по материалам железного века – средневековья) //

Краткие сообщения Института археологии. М., 2020. Вып. 258. С. 7–22.

Лебедева Е.Ю., Сергеев А.Ю. Археоботанические данные о земледелии дьяковской культуры (по материалам городища Настасьино) // Краткие сообщения Института археологии. М., 2023. Вып. 270. С. 180–195.

Леонтьев Е.В. Рыболовство у племен дьяковской культуры // Краткие сообщения Института археологии. М., 1998. Вып. 225. С. 78–89.

Лопатина О.В. Керамические традиции в Волго-Окском междуречье в раннем железном веке. М.: ИА РАН, 2015. 288 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 312 с.

Савинецкий А.Б., Крылович О.А. Динамика состава фауны млекопитающих лесной зоны Восточной Европы в голоцене по археозоологическим данным // Зоологический журнал. 2021. Т. 100. № 5. С. 540–555.

Салугина Н.П., Васильева И.Н. Технология изготовления керамики дьяковской культуры по данным технико-технологического анализа // Краткие сообщения Института археологии. М., 2022. Вып. 266. С. 178–194.

Свиркина Н.Г., Добровольская М.В., Слепченко С.В. Изотопный состав углерода и азота костной ткани как индикатор пищевых стратегий населения лесной зоны Восточной Европы в эпоху раннего железа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 2. С. 137–145.

Скакун Н.Н., Гиря Е.Ю. Трасология в российской археологии: итоги и перспективы // Археологические вести. 2022. Вып. 35. С. 12–25.

Слепченко С.В., Свиркина Н.Г. Опыт реконструкции палеодиеты по стабильным изотопам углерода и азота: методические проблемы и перспективы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3(50). С. 125–136.

Сорокин А.Н. Земледелие и скотоводство у племен лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке. М.: ИА РАН, 2002. 264 с.

Спиридонова Е.А. Палинологическая характеристика отложений памятников железного века Верхней Волги // Археология Верхнего Поволжья. Тверь, 2001. С. 45–58.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Палинологические исследования археологических памятников лесной полосы: методические аспекты // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2019. Вып. 15. С. 350–365.

Цалкин В.И. Фауна из раскопок городищ лесной полосы Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. № 111. С. 168–197.

Цетлин Ю.Б. О возможности изучения древней кулинарии по данным керамики // Российская археология. 2005. № 2. С. 45–54.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 240 с.

Чернов С.З. ГИС-моделирование исторических ландшафтов Верхневолжья // Археология и геоинформатика. М., 2019. Вып. 8. С. 45–62.

Чубур А.А. Этноархеология охотников-собирателей: методика реконструкций // Российская археология. 2011. № 2. С. 147–155.

Яниш Е.Ю., Антипина Е.Е. Промысловые рыбы в хозяйстве средневекового Новгорода: археозоологический контекст // Российская археология. 2022. № 1. С. 124–135.

Lebedeva E.Yu. The archaeobotany of the Iron Age in the forest zone of Eastern Europe // Vegetation History and Archaeobotany. 2016. Vol. 25. P. 445–456.

Дата поступления рукописи в редакцию – 20.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СКАНДИНАВИСТИКЕ

А.А. Павлов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется опыт экспериментальной археологии в современной скандинавистике на материале эпохи викингов. Рассматриваются основные направления применения археологического эксперимента в исследовании скандинавского судостроения, военного дела и домостроения Раннего Средневековья. Особое внимание уделяется деятельности научных и музейно-исследовательских центров, включая Музей кораблей викингов в Дании, Орхуский университет, а также музеи в Лофотре и Фотевикине. Анализируется вклад Оле Крумлин-Петерсена и Сёрена Майкла Синдбека в развитие методологии экспериментальной археологии и реконструкции материальной культуры эпохи викингов. Делается вывод о высоком потенциале экспериментальной археологии как междисциплинарного метода исследования, позволяющего реконструировать технологические процессы и проверять научные гипотезы, связанные с материальной культурой и социальными структурами раннесредневековой Скандинавии.

Ключевые слова: *Скандинавия, скандинавистика, экспериментальная археология, эпоха викингов*.

Современная скандинавистика представляет широкое поле для междисциплинарных исследований. В последние десятилетия появились новые методы и подходы в исторической науке, которые бросают для исследователей новые вызовы и задачи, но в то же время и создают возможности для новых векторов исследований. Скандинавистика также не стала исключением в данной ситуации. Так, ввиду появления подхода истории повседневности, начались исследования в направлении изучения быта и повседневных практик народов Северной Европы, которые делают акцент именно на эпохе викингов как одном из самых популярных периодов в истории Скандинавии[1].

Специфика изучаемого периода заключается, в том числе, в особенностях источниковой базы для исследования. Так, большинство письменных источников, а именно саги, создаются спустя два столетия после окончания экспансии викингов, поэтому их привлечение является крайне сложным и спорным аспектом. Остаются археологические источники, которые и представляют основной массив информации по

[1] *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 5–12.

теме[2]. Безусловно, данные полевых исследований дают представление о множестве важных факторов повседневности. Например, о форме кораблей, внешнем виде орудий труда и других изделий, а также об их качественной характеристике. Но это исследование предмета в его статике. Однако за каждым предметом материальной культуры стоит долгий и трудоемкий процесс его изготовления и дальнейшего использования, который также является неотъемлемой частью повседневной жизни.

Данную проблему может решить метод экспериментальной археологии, направленный на воспроизведение конкретных технологических процессов, а также различных повседневных практик средневекового населения. Благодаря системному подходу экспериментальная археология помогает разрабатывать модели жизни в прошлом, а также процесс появления и модернизации археологических находок. Археологический эксперимент может быть использован археологом для преобразования того, что произошло в прошлом, в умозаключение[3]. Данный метод возродился в науке в 60–70-е гг. прошлого века, накопив большой массив опыта в проведении экспериментальных археологических исследований, в том числе по эпохе викингов. Все это позволило ответить на многие вопросы современной скандинавистики, однако далеко не на все. Потому видится важным проанализировать имеющийся опыт реконструкторских исследований по различным аспектам повседневности с выявлением перспектив его использования для решения новых задач и вызовов исторической науки.

Природно-географические условия проживания народов Скандинавского региона сыграли определяющую роль в формировании их образа жизни. Малое количество плодородных земель заставляло жителей прибрежных территорий активно развивать кораблестроение. Ладьи и драккары стали одним из важнейших средств покорения территорий в Западной Европе, а также колонизации новых земель в Северной Атлантике[4]. Более того, они были и важнейшим фактором торговли, а, следовательно, и культурного обмена с другими народами. Поэтому исследование скандинавского судостроения в период Раннего Средневековья особенно занимает ученых-скандинавистов. За последние более чем 150 лет в результате археологических изысканий было найдено около 13 крупных захоронений в ладье по скандинавскому обряду[5]. Они дали представления ученым о форме кораблей, их разновидностях, основному материалу, из которых они изготавливались. Однако не были раскрыты прочие аспекты, такие как скорость кораблей, способ навигации,

---

[2] *Роэсдаль Э.* Мир викингов. Викинги дома и за рубежом / Пер. с дат. Ф.Х. Золотаревской. СПб., 2001. С. 14–19.

[3] *Клейн Л.С.* История археологической мысли. СПб., 2004. С. 488–497.

[4] *Роэсдаль Э.* Указ. соч. С. 108–116.

[5] *Крумлин-Петерсен О.* Корабли эпохи викингов и морская археология Скандинавии. СПб., 2010. С. 23–31.

а также зависимость мореходства от материалов и метода сборки. Для этого необходимы были экспериментальные реконструкторские исследования, которые были реализованы в Дании в 1966 г. в Роскильде. В этом месте был построен музей «Viking ship museum», где выставляются пять кораблей, найденных в Скулделеве в результате археологических раскопок[6]. Более того, в 1997 г. здесь был образован музейный остров, где производится полная реконструкция обнаруженных кораблей.

Данный музей является ключевым центром экспериментальных исследований в Европе в области раннесредневекового скандинавского судостроения, не ограничиваясь простой демонстрацией экспонатов. Здесь проводятся многочисленные научные исследования с привлечением ведущих ученых и археологов. В данном контексте крайне важно проанализировать деятельность датского морского археолога Оле Крумлин-Петерсена[7]. Им издано множество трудов, посвященных кораблям эпохи викингов и морскому культурному наследию. Еще гимназистом он заинтересовался археологией судов и убедил Национальный музей Дании начать подводные раскопки в Роскилле-фьорде, где вскоре были обнаружены суда викингов из Скулелева. Его методики консервации, реконструкции и экспериментального судостроения заложили основы морской археологии как самостоятельной дисциплины. В 1993–2000 гг. он возглавлял Морской археологический исследовательский центр Национального музея, интегрировав инженерные, исторические и археологические подходы. Таким образом, можно сделать вывод о глубокой развитости, а также институционализации экспериментальной археологии в области скандинавского судостроения.

Также одной из наиболее значимых сфер раннесредневековой скандинавской повседневности является военное дело. Постоянные набеги, колонизации, а также внутренние междоусобицы способствовали развитию наступательного вооружения[8]. Данное направление исследований также является частью междисциплинарной области, объединяя археологию, военную историю, историческую реконструкцию и археометаллургию. Развитие экспериментальной археологии в области военного дела эпохи викингов следует рассматривать в рамках более широкой трансформации современной скандинавистики, связанной с переходом от описательного анализа археологических находок к комплексному исследованию социальных, политических и культурных аспектов. Большую роль здесь сыграл Орхуский университет в Дании, который в том числе ориентируется на комплексные исследования в области военного дела эпохи викингов. Однако, в отличие от центра в

[6] Viking Ship Museum. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vikingeskibsmuseet.dk/ (дата обращения: 05.04.2026).
[7] *Крумлин-Петерсен О.* Указ. соч.
[8] *Лебедев Г.С.* Указ. соч. С. 143–168.

Роскиле, в Орхусе акцент делается не только на реконструкции, но и на сочетании полевых исследований, естественнонаучных методов (металлография, дендрохронология), а также комплексном анализе военной культуры эпохи викингов. Также в Орхусе располагается департамент археологии и наследия, который также сотрудничает с историками и археологами.

Одним из виднейших специалистов в данной области можно считать датского археолога Сёрена Майкла Синдбека, ведущего археолога Орхуского университета в Дании. В отличие от исследователей, непосредственно занимающихся практическими реконструкциями вооружения или боевых техник, Синдбек выступает как теоретик и методолог, чьи работы задали научные основания и интерпретационные рамки для экспериментальной археологии[9]. Одной из ключевых особенностей его подхода является применение принципов сетевого анализа к изучению эпохи викингов. В его исследованиях подчеркивается роль коммуникационных сетей, мобильности и обмена в формировании военной и политической структуры обществ. Военное дело при этом рассматривается не как совокупность отдельных элементов оружия, доспехов или тактических приемов, а как часть сложной системы, включающей политическую власть, инфраструктуру и экономические ресурсы. Такой подход имеет принципиальное значение для экспериментальной археологии, поскольку позволяет интерпретировать результаты реконструкций в более широком социальном контексте.

Особое место в исследованиях Синдбека занимает анализ кольцевых крепостей Дании (Аггерсборг, Треллеборг и Боргринг). Его работы показывают, что эти сооружения являются результатом централизованной политики Харальда Синезубого и представляют собой стандартизированные военные базы. Археологический анализ распределения находок внутри крепостей демонстрирует наличие специализированных зон активности и сложной внутренней организации. Эти выводы имеют прямое значение для экспериментальной археологии: реконструкции валов, палисадов и планировки крепостей опираются именно на такие интерпретации. Экспериментальные исследования подтверждают, что строительство подобных объектов требовало значительных ресурсов и координации, что, в свою очередь, свидетельствует о высоком уровне политической централизации.

В данном контексте также крайне важно проанализировать опыт в реконструкции раннесредневекового скандинавского домостроения. Особенность данной области заключается в высоком потенциале социальной реконструкции эпохи викингов. Как и вышеупомянутые сферы повседневности, домостроение также находится в области междисциплинарности, объединяя методы археологии, естественных наук,

[9] *Sindbæk S.M.* Networks and Nodal Points: The Emergence of Towns in Early Viking Age Scandinavia // Antiquity. 2007. Vol. 81. No. 311. P. 119–132.

дендрохронологии, этнографии[10]. Ключевым принципом реконструкции жилищ эпохи викингов является полное следование всей технологической цепочке, начиная от сбора материалов для строительства и заканчивая продолжительной эксплуатацией дома. Данный подход позволяет выявить конструктивные особенности домов, функциональные характеристики, условия использования и долговечность.

Важную роль в экспериментальной реконструкции домостроения играют музейно-исследовательские комплексы, которые концентрируются в Северной Европе. Особенно стоит выделить музей Фотивикен, расположенный в Южной Швеции[11]. Представляет собой крупный археологический парк, основанный в 1995 г. Важной чертой данного музейного комплекса является акцент на реконструкцию не просто домов, а полноценной поселенческой среды. На территории парка располагается около двадцати построек различного назначения, включая жилые, ремесленные и хозяйственные здания. Данный подход к реконструкции повседневности видится крайне эффективным, так как позволяет воспроизвести все аспекты быта в комплексе, позволяя почти в полной мере проанализировать пространственную организацию поселения. Все здания были возведены согласно археологическим данным и по технологии того времени, что делает эксперимент наиболее приближенным к реальным условиям. Также этому способствует практика «живой истории», то есть в данных здания ведется постоянная деятельность (ремесленная, бытовая и т.д.), что создает возможность для анализа их эксплуатации. Это позволяет наблюдать процессы износа и ремонта зданий в динамике, также расширяя представления о быте скандинавов Раннего Средневековья.

Иной, но не менее значимый подход был реализован в Норвегии в археологическом историко-культурном музее Лофотр[12]. Здесь основной акцент был сделан на воспроизведение одного дома, а не целого поселения. Он является реконструкцией максимально репрезентативного объекта, а именно резиденции конунга в Борге. Созданию объекта предшествовали археологические изыскания, в результате которых был обнаружен крупнейший длинный дом эпохи викингов, длина которого составила 83 м. Именно этот дом и был полностью выстроен в натуральную величину в 1995 г. Данная реконструкция отличается высокой степенью научности, что было отражено в процессе постройки объекта. Так, планировка здания воспроизводит функциональное распределение зоны дома, которое было выявлено в ходе археологических исследований на основании расположения и концентрации находок в

[10] *Прайс Н.* Дети ясеня и вяза. История викингов / пер. с англ. М., 2022. С. 211–230.

[11] Foteviken Museum. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fotevikensmuseum.se/en/ (дата обращения: 07.04.2026).

[12] Lofotr Viking Museum. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lofotr.no/en/ (дата обращения: 07.04.2026).

различных частях здания. Также были привлечены химический анализ почвы и данные о расположении очагов. Внутреннее пространство разделено на жилую зону, место для пиршеств, а также хозяйственную часть. Данные аспекты позволяют экспериментально проанализировать и проверить имеющиеся данные о быте, повседневности и социальном устройстве древнескандинавской знати эпохи викингов. Более того, как и в Фотивикене, здесь практикуется «живая история», которая реализуется в воспроизведении повседневной деятельности, ремесел и отправлении культа. Данная практика позволяет детально исследовать функциональность пространства в повседневных условиях.

В данном контексте видится важным провести сравнительный анализ двух примеров опыта экспериментальной археологии в области домостроения, которые отражают два уровня реконструкции. Фотевикен демонстрирует макропространственный уровень, где анализируется взаимоотношение архитектуры и социальной стратификации. В Лофотре просматривается микропространственная ступень. Здесь внимание сосредоточено на внутренней организации и функциях длинного дома знати. При этом всем данные подходы позволяют получить комплексное представление о домостроение эпохи викингов.

Однако важно отметить и проблемы метода экспериментальной археологии. Во-первых, существует проблема со спецификой источниковой базы. Археологические изыскания часто демонстрируют следы столбовых ям, очагов и прочих элементов конструкции в культурном слое. Однако многие элементы жилищ представляли собой органику, которая часто не сохранялась. Поэтому реконструкция часто носит гипотетический характер и все экспериментальные исследования основываются на данных, которые могут варьироваться. Во-вторых, сложно полностью реконструировать повседневную жизнь и быт народов Северной Европы. Как минимум, эксперименты проводят в природно-климатических условиях, которые сильно отличаются от раннесредневековых. Из-за этого сложно точно выяснить характер эксплуатации жилищ и прочие их характеристики. В-третьих, несмотря на то, что экспериментальная археология помогает реконструировать материальную сторону повседневной жизни, она лишь частично может воспроизводить некоторые социальные практики и аспекты. Так, например, сложно выявить гендерное распределение пространства жилищ и повседневные поведенческие практики.

Несмотря на перечисленные проблемы, опыт экспериментальной археологии в современной скандинавистике демонстрирует высокий уровень развития междисциплинарных исследований эпохи викингов и позволяет существенно расширить представления о повседневной жизни народов Северной Европы в Раннем Средневековье. Использование археологического эксперимента дает возможность перейти от статического изучения материальных находок к реконструкции технологических

процессов, практик эксплуатации предметов и особенностей социальной организации общества. Наиболее значительные результаты были достигнуты в области судостроения, военного дела и домостроения, где экспериментальная деятельность исследовательских центров и музейных комплексов позволила проверить ряд научных гипотез, связанных с мореходными качествами кораблей, организацией военной инфраструктуры и особенностями функционирования жилого пространства. Особую роль в развитии данного направления сыграли исследователи, сформировавшие как практические, так и методологические основы экспериментальной археологии (Оле Крумлин-Петерсен, Сёрен Майкл Синдбек и др.). При этом важно учитывать, что возможности экспериментальной археологии не являются безграничными: реконструкции неизбежно сталкиваются с фрагментарностью археологических данных, невозможностью полного воспроизведения природно-климатических условий прошлого и ограниченностью реконструкции социальных и культурных практик. Однако даже при наличии данных проблем экспериментальная археология остается одним из наиболее перспективных методов современной скандинавистики, позволяющим не только уточнять существующие научные представления, но и формировать новые направления исследований.

Список литературы

Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 704 с.

Крумлин-Петерсен О. Корабли эпохи викингов и морская археология Скандинавии. СПб.: Евразия, 2010. 268 с.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 286 с.

Прайс Н. Дети ясеня и вяза. История викингов / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 624 с.

Роэсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом / Пер. с дат. Ф.Х. Золотаревской. СПб.: Всемирное слово, 2001. 272 с.

Sindbæk S.M. Networks and Nodal Points: The Emergence of Towns in Early Viking Age Scandinavia // Antiquity. 2007. Vol. 81. No. 311. P. 119–132.

Дата поступления рукописи в редакцию – 19.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ЖЕЛЕЗНЫЕ НОЖИ С ПАМЯТНИКОВ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.Д. Середова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию железных ножей дьяковской культуры Верхневолжья, найденных при раскопках городищ Отмичи, Варварина Гора, Орлов Городок, селища Беседы и других памятников региона. Проводится систематизация находок по ключевым типологиям, анализ хронологических видов изделий и морфологии конструктивных элементов ножа, результаты которого соотносятся с функциональной интерпретацией предметов. Рассматривается эволюция форм железных ножей от ранних серповидных к поздним прямым бесплечиковым, что позволяет использовать морфологию данных орудий в качестве надежного хронологического маркера развития культуры.

Ключевые слова: *дьяковская культура, ранний железный век, Верхневолжье, функционально-морфологическая характеристика, типология вооружения, железные ножи.*

Эпоха раннего железного века Верхневолжья, несмотря на масштабные раскопки отдельных археологических памятников, является периодом малоизученным. В рассматриваемом регионе на памятниках дьяковской культуры VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.[1] одной из наиболее массовых категорий находок, по количеству уступающей лишь наконечникам стрел, являются железные ножи. Эти орудия характеризуются своей многофункциональностью: они применялись в повседневном хозяйстве, на охоте и могли служить вспомогательным видом вооружения. К настоящему времени накоплено значительное количество находок ножей, что делает актуальным их типологию, а также проведение сравнительного анализа хронологических видов изделий и морфологии конструктивных элементов ножа.

Целью статьи является комплексный функционально-морфологический анализ железных ножей с памятников раннего железного века Верхневолжья на основе существующих методик изучения орудий проникающего действия.

[1] *Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991. С. 12.

Работа направлена на детальное описание конструктивных элементов изделий (лезвия, спинки, вершины и черенка), выявление хронологической последовательности смены их форм и соотнесение полученных морфологических характеристик с функциональным назначением предметов.

Типология железных ножей населения Верхневолжья в раннем железном веке базируется на нескольких разработанных исследователями системах, которые позволяют классифицировать эти массовые находки по морфологическим признакам и технологическим особенностям.

Наиболее фундаментальной считается типология К.А. Смирнова, на которую в своих отчетах ссылаются при характеристике комплекса вооружения дьяковских племен чаще всего. Данная типология охватывает материалы дьяковской культуры в целом и основывается на морфологии предметов[2]. В рамках этой системы выделяется пять основных типов ножей.

К типу 1 относятся ножи, характеризующиеся дугообразно изогнутым лезвием и выпуклой, закругленной спинкой (обушком), названные «серповидными». Датируются преимущественно V–III вв. до н. э.

Тип 2 – это ножи с «горбатой» спинкой, они отличаются резким переломом или сильным выгибом спинки. Этот тип подразделяется на миниатюрные (75–95 мм) и крупные (150–160 мм) изделия[3]. Период их активного бытования охватывает конец I тыс. до н. э. – V в. н. э.

Тип 3 – ножи с закругленным лезвием и коротким черешком. К.А. Смирнов считает, что подобные ножи использовались при раскрое одежды, так как форма клинка идеально подходит для таких нужд[4].

Тип 4 представлен ножами с закругленным лезвием и длинным черешком, а находки таких ножей весьма малочисленны.

5 тип – ножи с прямой спинкой, получившие широкое распространение на поздних этапах развития дьяковской культуры.

Рассматривая другие типологии, необходимо отметить подход Н.А. Кренке, который акцентировал внимание на смене технологических укладов и материалах изготовления. Этот подход к изучению ножей можно назвать хронолого-типологическим. В его классификации ключевым является разделение на переход от костяных орудий труда к железным, на основе анализа стратиграфии раскопов[5].

Он разделяет бытование дьяковской культуры на два этапа: раннедьяковский, датируемый VIII–VII – III–II вв. до н. э., которому

---

[2] *Смирнов К.А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7.

[3] Там же. С. 38.

[4] Там же.

[5] *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 2011. С. 45.

свойственно обилие костяных предметов, и позднедьяковский этап (I в. до н. э. – VI–VII вв. н. э.), на котором произошло внедрение металла. Для раннего этапа, согласно Н.А. Кренке, и как уже упоминалось выше, характерны костяные ножи, которые выступали в качестве более доступных по сравнению с железными инструментов и массово копировали их формы – прежде всего серповидные и ножи с горбатой спинкой. Численное соотношение костяных и железных предметов с более ранних слоев достигает 19:1[6]. На последующем этапе происходит резкая смена индустрии, вследствие чего железные изделия начинают преобладать над костяными, а господствующей формой становятся ножи с прямой спинкой, переходящей в черенок без выраженного уступа[7].

Дальнейшее развитие типологического анализа связано со структурно-морфологическим подходом А.Д. Максимова, который фокусируется на геометрии соединения клинка и держателя[8]. Типология направлена на выявление специфики ножей и проводится конструктивный анализ элементов строения ножа – рабочей части (клинка) и держателя (рукояти). Держатель по своей структуре прост и, в отличие от рабочей части, не делится на дополнительные элементы, рассматриваемые в единой системе. Рабочую часть делят на лезвие, спинку, вершину, образующие (контурные линии и крепление), конец, полотно (основа клинка без учета вершины, образующих и спинки)[9].

Выделение различных типов ножей основывается на характере соединения крепления и рабочей части, а конструктивные классы для них образуются посредством сочетания полотна с остальными элементами конструкции рабочей части клинка[10]. С точки зрения морфологии в типологии выделяются три основных аспекта, касающихся клинка и крепления: их угол соединения, плоскость соединения и линия соединения[11]. А.Д. Максимов не рассматривал ножи как хронологический маркер и не ставил целью датировать отдельные формы ножей.

Интересные результаты имеет типология Р.С. Минасяна, в которой прослеживается эволюция форм железных ножей от раннего железного века к раннему Средневековью[12]. В этой системе ножи группы I характеризуются прямой спинкой, при которой черенок является продолжением линии обушка или плавно отогнут от него без образования

---

[6] *Кренке Н.А.* Указ. соч. С. 46.
[7] Там же. С. 73.
[8] *Максимов А.Д.* Типология железных ножей городища Отмичи // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 469.
[9] Там же. С. 468.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] *Минасян Р.С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник / Государственный Эрмитаж. Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1980. №. 21. С. 68.

выраженного уступа (плечиков)[13]. Согласно наблюдениям исследователя, прототипами этой группы являются дьяковские ножи с горбатой спинкой: процесс ее выпрямления начался в первых веках нашей эры, и в верхневолжском регионе такие прямые бесплечиковые формы становятся ведущими с IV–V вв. н. э.[14] Дополнительно в рамках классификации жатвенных инструментов Р.С. Минасян выделяет серповидные ножи (группа I, вариант «в»), которые на памятниках Верхневолжья встречаются в комплексах III–V вв. н. э.[15] Классификация базируется не на параметрах кривой режущей кромки клинка, а на конструкции задней части клинка с черенком, что позволяет судить как о способе крепления клинка на рукояти, так и о конструкции серпа в целом[16]. Основываясь на конструкции клинка, Р.С. Минасян делает вывод о том, что серповидные орудия 1 группы были, скорее всего, именно ножами, так как использоваться в качестве режуще-пилящих орудий они не могли[17].

Таким образом, для населения региона Верхневолжья типология Минасяна фиксирует морфологический переход от ножей с горбатой спинкой к прямым ножам без плечиков, что может служить хронологическим маркером финала дьяковской культуры и начала Средневековья.

Отдельную классификацию имеют рукояти ножей, которые разделяются на два основных отдела: втульчатые и разрезные. К втульчатым относятся шесть морфологических типов: грибовидные, дисковидные, с отогнутым или брусковидным навершием, простые и деревянные с металлическими кольцами[18]. Разрезные рукояти делятся на пластинчатые, состоящие из двух накладок, скрепленных заклепками, и фигурные, к которым относятся редкие экземпляры, украшенные в зверином стиле[19].

Далее представлен анализ ножей из 12 памятников дьяковской культуры с территории Верхневолжья, указанных на Рисунке 1.

Одним из наиболее значимых памятников Верхневолжья, на котором были обнаружены железные ножи, является городище Варварина Гора (Фировский м. о.). Там было обнаружено 12 целых железных ножей, 3 из которых относятся к 1 типу, еще 3 – к типу 2, 5 – к типу 5, их верхняя часть прямая с небольшим закруглением к носику, а лезвие ножей переходит к

[13] *Минасян Р.С.* Четыре группы ножей… С. 69.
[14] Там же.
[15] *Минасян Р.С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего Средневековья // Археологический сборник / Государственный Эрмитаж. Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1978. № 19. С. 78.
[16] Там же. С. 75.
[17] Там же. С. 76.
[18] *Смирнов К.А.* Указ. соч. С. 38–39.
[19] Там же. С. 40.

черенку, и 1 относится к «переходному типу»[20]. Была также обнаружена заготовка железного ножа, которая представляет собой сужающуюся к концу полосу длиной 11,2 см и толщиной 0,3 см[21].

Городище Отмичи под Тверью характеризуется значительным типологическим разнообразием находок железных ножей. Найдено 29 ножей, для анализа которых была применена типология А.Д. Максимова[22]. Здесь зафиксированы как ранние серповидные ножи (группа 1 по А.Д. Максимову), так и изделия с «горбатой» спинкой (группа 2 по А.Д. Максимову), составляющие в сумме около 50 % коллекции. На памятнике выделены уникальные для региона варианты серповидных ножей (типы 4–7), отличающиеся специфическими параметрами изгиба лезвия[23]. Если проводить сравнительный анализ с имеющимися типологиями, то можно сделать вывод о том, что ножи группы 1 по А.Д. Максимову – это тип 1 по К.А. Смирнову, группа 2 по А.Д. Максимову – это тип 2 по К.А. Смирнову, что и позволяет датировать находки.

На городище Орлов Городок, существовавшем позже (III–VII вв. н. э.), серповидные и ножи с горбатой спинкой отсутствуют. Коллекция из 54 экземпляров состоит из ножей с выгнутой спинкой (37 шт.) (тип 2 по К.А. Смирнову), прямой спинкой (16 шт.) (тип 5 по К.А. Смирнову) и одного редкого обоюдоострого ножа без спинки[24].

Городище Топорок (Конаковский м. о.) принесло два железных ножа: один серповидной формы с длинным черенком, предварительно относимый к типу 1 по К.А. Смирнову, и один более крупный нож с горбатой спинкой (возможно, тип 2)[25].

На других памятниках находки железных ножей не носят массовый характер. Так, на селище Беседы были обнаружены два железных ножа с «горбатой» спинкой (тип 2 по К.А. Смирнову) и фрагменты рукоятей[26]. С городища Игутьево-1 (Старицкий м. о.) происходит один серповидный нож (тип 1), а также костяная рукоять ножа с полировкой[27]. На городище

---

[20] *Буров В.А.* Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М., 2003. С. 11.

[21] Там же.

[22] *Исланова И.В.* Городище Отмичи // Раннеславянский мир. М., 2008. Вып. 11. С. 20.

[23] *Максимов А.Д.* Типология железных ножей городища Отмичи… С. 468.

[24] *Максимов А.Д.* Типология железных ножей городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4. Т. 2. С. 69.

[25] *Гендуне Ю.Г.* Городище Топорок Тверской губернии, Корчевского уезда: (из Трудов Областного Археологического съезда). Тверь, 1906. 15 с.

[26] *Исланова И.В.* Памятники типа Беседы на Верхней Волге // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы // Раннеславянский мир. М., 2010. Вып. 13. С. 93.

[27] *Лагуткина Е.В., Лагуткин А.В.* Новые исследования городища раннего железного века Игутьево 1 в Тверском Поволжье // Краткие сообщения Института археологии. М., 2024. № 276. С. 169.

Дулёво (Козлово) был обнаружен фрагмент ножа с «горбатой» спинкой, нож со слабо изогнутой спинкой и костяная рукоятка[28].

На Ратьковском городище обнаружены три железных ножа (один целый) прямого черешкового типа, где черенок продолжает линию обушка[29]. При исследовании селища Ронское-3 был обнаружен один железный нож с прямой спинкой[30]. На селище Пески-1 были обнаружены два целых ножа и фрагменты лезвия с черенком[31]. Распределение ножей различных типов на памятниках дьяковской культуры Верхневолжья представлено в Таблице 1.

Морфология железных ножей дьяковской культуры Верхневолжья определяется, прежде всего, формой спинки и характером перехода клинка в черенок. Согласно используемым в практике археологических исследований типологиям, можно отметить, что наиболее ранними являются серповидные ножи с дугообразным лезвием и выпуклой спинкой, которые постепенно сменяются формами с горбатой спинкой, имеющими резкий перелом обушка[32]. Финальный этап культуры характеризуется распространением прямых ножей со спрямленной спинкой, черенки которых часто продолжают линию обушка без выраженного уступа[33]. Важной особенностью конструкции находок является исключительно черешковый способ крепления к рукояти[34], а отличительным признаком серповидных ножей от жатвенных серпов служит специфический геометрический параметр: отношение высоты дуги изгиба лезвия к длине его основания всегда составляет не менее 1:10[35].

Соотнесение этих признаков с материалами поселений региона Верхневолжья позволяет рассмотреть смену технологических и культурных традиций изготовления ножей. В наиболее ранних слоях дьяковских памятников господствовали орудия из кости, а железные инструменты, зачастую серповидные и с горбатой спинкой ножи, были редки. Переход к более поздним формам знаменуется резким ростом доли железных изделий и распространением прямых бесплечиковых ножей, которые становятся ведущей формой к середине I тыс. н. э. Таким образом, преобладание тех или иных морфологических типов в вещевых комплексах служит хронологическим маркером эволюции изготовления ножей в раннем железном веке.

---

[28] *Исланова И.В.* Керамика городища Дулёво (Козлово) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 518.
[29] *Максимов А.Д.* Типология железных ножей городища Орлов Городок… С. 71.
[30] *Исланова И.В.* Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) // Раннеславянский мир. М., 2012. Вып. 14. С. 44.
[31] Там же. С. 119.
[32] *Смирнов К.А.* Указ. соч. С. 39.
[33] *Минасян. Р.С.* Четыре группы ножей… С. 70.
[34] *Смирнов К.А.* Указ. соч. С. 38.
[35] *Минасян. Р.С.* Классификация серпов … С. 75.

Список литературы

Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли / отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 2003. 470 с.

Вишневский В.И. Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991. 23 с.

Гендуне Ю.Г. Городище Топорок Тверской губернии, Корчевского уезда: (из Трудов Областного Археологического съезда). Тверь: Типография губернского правления, 1906. 15 с.

Исланова И.В. Керамика городища Дулёво (Козлово) // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 508–519.

Исланова И.В. Городище Отмичи // Раннеславянский мир. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. Вып. 11. 284 с.

Исланова И.В. Памятники типа Беседы на Верхней Волге // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы // Раннеславянский мир. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. Вып. 13. С. 90–111.

Исланова И.В. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) // Раннеславянский мир. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. Вып. 14. 220 с.

Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: Изд-во РАН, 2011. 548 с.

Лагуткина Е.В., Лагуткин А.В. Новые исследования городища раннего железного века Игутьево 1 в Тверском Поволжье // Краткие сообщения Института археологии. М., 2024. № 276. С. 158–176.

Максимов А.Д. Типология железных ножей городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2001. Вып. 4. Т. II. С. 66–72.

Максимов А.Д. Типология железных ножей городища Отмичи // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 468–476.

Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего Средневековья // Археологический сборник / Государственный Эрмитаж. Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1978. № 19. С. 74–85.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник / Государственный Эрмитаж. Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1980. №. 21. С. 68–75.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. 284 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

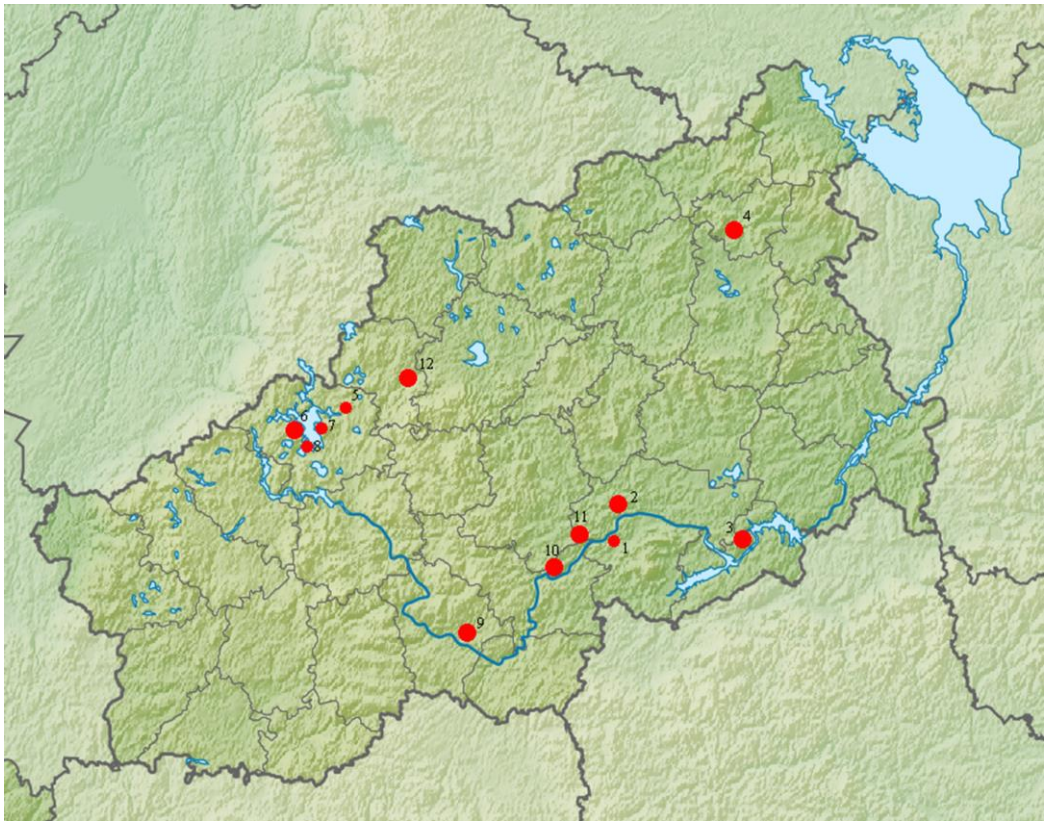

Рис. 1. Карта памятников дьяковской культуры Верхневолжья с находками железных ножей разных типов

Таблица 1. Распределение ножей различных типов на памятниках дьяковской культуры Верхневолжья

№ на карте	Название памятника	Коли-чество нахо-док жел. ножей	Типы железных ножей	Датировка
1	Селище Беседы (Калининский м. о.)	2	2 ножа с выраженной горбатой спинкой (тип 2 по К.А. Смирнову).	Конец I тыс. до н. э. – V в. н. э.
2	Городище Отмичи (Калининский м. о.)	29	14 ножей с выгнутой спинкой (Группа I по А.Д. Максимову). 14 ножей – с прямой спинкой (Группа II).	Группа I – V–III вв. до н. э. Группа II – с IV–V вв. н. э
3	Городище Топорок (Конаковский м. о.)	2	1 нож серповидной формы (тип 1 по К.А. Смирнову) с длинным черенком.	Тип 1 – V–III вв. до н. э. Тип 2 – конец

			1 нож с «горбатой» спинкой (тип 2).	I тыс. до н. э. – V в. н. э.
4	Городище Орлов Городок (Молоковский м. о.)	54	37 ножей с выгнутой спинкой (Группа I по А.Д. Максимову). 16 ножей – с прямой спинкой (Группа II). 1 обоюдоострый нож (Группа III).	Группа I – V–III вв. до н. э. Группа II – с IV–V вв. н. э.
5	Селище Гринино 1 (Осташковский м. о.)	2	2 ножа с прямыми спинками (тип 1 по Р.С. Минасяну и тип 5 по К.А. Смирнову).	С IV–V вв. н. э.
6	Городище Никола-Рожок (Осташковский м. о.)	3	1 целый нож и 2 фрагмента: относятся к типу прямых черешковых (тип 5 по К.А. Смирнову).	С IV–V вв. н. э.
7	Селище Пески 1 (Осташковский м. о.)	2	2 целых ножа (тип 2 по К.А. Смирнову), фрагмент лезвия и отдельный черенок ножа.	Конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.
8	Селище Ронское-3 (Осташковский м. о.)	1	1 нож с прямой спинкой (тип 5 по К.А. Смирнову).	Середина – 3-я четверть I тыс. н. э.
9	Ермоловское городище (Ржевский м. о.)	1	1 нож серповидного типа (тип 1 по К.А. Смирнову) с выделенным черенком.	Середина – 3-я четверть I тыс. н. э.
10	Городище Дулёво (Козлово) (Старицкий м. о.)	2	1 нож со слабо изогнутой спинкой, 1 фрагмент ножа с горбатой спинкой (тип 2 по К.А. Смирнову).	Конец I тыс. до н. э. – V в. н. э.
11	Городище Игутьево-1 (Старицкий м. о.)	1	1 серповидный нож (тип 1 по К.А. Смирнову).	V–III вв. до н. э.
12	Городище Варварина Гора (Фировский м. о.)	13	3 ножа (тип 1 по К.А. Смирнову). 3 ножа с горбатой спинкой (тип 2). 5 прямых (тип 5). 1 нож «переходного типа». 1 заготовка ножа (полоса 11,2 см).	Тип 1 – V–III вв. до н. э. Тип 2 – конец I тыс. до н. э. – V в. н. э. Тип 5 – с IV–V вв. н. э.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НЕКРОПОЛИ Г. ТВЕРИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Т.М. Челедкова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – Е.В. Лагуткина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье на основе анализа материалов разновременных некрополей Твери рассматривается эволюция христианского погребального обряда с середины XII по XVII в. Выявлена тенденция от вариативности и наличия инвентаря в XII–XIII вв. к полной унификации и безынвентарности в XV–XVII вв. Отмечены особенности тверских некрополей: раннее исчезновение инвентаря, использование деревянных колод и гробов, устойчивая западная ориентировка. Сделан вывод о ранней христианизации населения Твери и формировании единого православного канона в погребальной городской традиции.

Ключевые слова: *средневековые захоронения, ингумация, безынвентарные погребения, христианизация населения, грунтовые могильники, деревянные погребальные конструкции, домонгольский период, позднее Средневековье, некрополи, погребальный обряд, Тверской кремль*.

Изучение некрополей является одним из ключевых направлений в археологии средневекового города, поскольку погребальный обряд чутко реагирует на изменения в религиозных представлениях, социальной структуре и культурных связях населения. Тверь, будучи одним из крупнейших политических и культурных центров Северо-Восточной Руси, обладает богатым археологическим наследием, однако систематическое изучение ее городских некрополей началось сравнительно недавно. Археологическая карта Тверской области фиксирует многочисленные памятники на территории города, но долгое время погребальные древности Твери оставались на периферии исследовательского интереса[1].

Общие вопросы типологии и эволюции средневекового городского погребального обряда Северо-Восточной Руси освещены в работах Т.Д. Пановой, систематизировавшей данные о положении умерших, погребальных конструкциях и инвентаре XI–XVI вв.[2], и Л.А. Беляева, разработавшего хронологию и классификацию белокаменных надгробных

[1] Археологическая карта России. Тверская область. М., 2003. Ч. 1. С. 78–92.
[2] *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004.

плит XIII–XVII вв.[3] Значительный вклад в накопление антропологического материала внесли работы В.А. Лапшина в Тверском кремле в 1993–1997 гг.[4], в ходе которых была собрана представительная коллекция костных останков из культурного слоя и нарушенных погребений. Однако целенаправленные исследования закрытых погребальных комплексов развернулись в 2000–2020-е гг. В результате работ тверских археологов были выявлены и охарактеризованы несколько разновременных некрополей, что позволяет сегодня говорить о формировании целостной картины развития христианского погребального обряда в средневековой Твери от домонгольского периода до позднего Средневековья.

Целью данного исследования является выявление эволюции погребального обряда средневековой Твери с XII по XVII в. на материалах пяти разновременных некрополей, расположенных в кремле и на посадах.

Выбор данных пяти некрополей обусловлен рядом факторов. Во-первых, эти памятники являются разновременными и охватывают период с XII по XVII в., что позволяет последовательно проследить хронологическую эволюцию христианского погребального обряда – от сохранения элементов дохристианской традиции в домонгольское время до полной унификации и строгой каноничности в позднем Средневековье. Во-вторых, все пять некрополей располагаются в разных частях средневекового города: в кремле (дособорный, присоборный и Благовещенский) и на посадах (Загородском и Затьмацком), что дает представление о топографии тверских кладбищ. В-третьих, материалы раскопок этих пяти объектов наиболее полно опубликованы (в сборнике «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья», вып. 2, 10, 11, 12, 14, 15), что обеспечивает надежную источниковую базу для сравнительного анализа обряда, планиграфии и антропологических характеристик. Антропологические определения пола и возраста индивидов из некрополей Твери выполнены д.б.н. А.В. Зиновьевым (кафедра зоологии и физиологии ТвГУ), к.б.н. С.Б. Боруцкой и д.и.н. С.В. Васильевым (НИИ и Музей антропологии МГУ). Первичные антропологические характеристики зафиксированы авторами раскопок в полевых отчетах.

Наиболее ранний из исследованных на сегодняшний день некрополей Твери был выявлен при археологических работах 2012–2014 гг. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле, изученный Л.А. Беляевым, И.А. Сафаровой, А.Н. Хохловым. Этот дособорный некрополь, располагавшийся на мысовой части кремля, датируется серединой XII – XIII в., временем, предшествовавшим строительству

[3] *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

[4] *Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. С. 10–15.

первого каменного собора в 1285–1290 гг.[5] Всего в пределах исследованных участков было зафиксировано более 180 погребений. Планиграфически могилы располагались плотно, без четкой рядности (характерно для домонгольских приходских кладбищ). Тип сооружения – грунтовая яма с остатками деревянных конструкций (преимущественно долбленые колоды, реже досчатые гробы). Размеры ям 1,8–2,0 м в длину и 0,5–0,7 м в ширину.

Погребальный обряд – исключительно ингумация (трупоположение), следов кремации не обнаружено. Ориентировка погребенных стабильно западная (головой на запад), что соответствует христианской традиции: в 10 случаях зафиксирован строгий азимут 270°, в остальных – незначительные отклонения к югу в пределах 5–18°. Положение костяков – вытянуто на спине. Наиболее вариативным элементом обряда оказалось положение рук: в 35 погребениях обе руки сложены в области таза, в 13 – обе на поясе, в 2 – скрещены на груди, наиболее многочисленную группу (17 погребений) составили смешанные варианты, где одна рука располагалась на животе, а другая – в области таза. Сохранность костяков удовлетворительная, однако многие захоронения оказались частично нарушены более поздними постройками.

В 129 погребениях (более 70 %) инвентарь отсутствовал (христианские нормы). В 54 погребениях найдены элементы костюма и украшения (дохристианские традиции): височные кольца (12 погребений), головные уборы (9 погребений), берестяные воротники с золотным шитьем (14 погребений), кожаная обувь (10 погребений), бронзовые пуговицы (21 погребение), стеклянные бусы (3 погребения), нательные кресты (2 погребения). Выделяется погребение № 151 (женщина старше 50 лет) с богатым убором: 4 серебряных височных кольца, ожерелье из 19 стеклянных бус, два бронзовых рубчатых перстня. По радиоуглеродным датам (Ki-19047: 980±40 BP, Ki-19067: 950±60 BP) комплекс датирован серединой XII – началом XIII в. Некрополь прекратил функционирование в конце XIII в. из-за строительства каменного собора, часть захоронений была перекрыта и нарушена[6].

Непосредственно за апсидами первого каменного Спасо-Преображенского собора, построенного в 1285–1290 гг., в ходе тех же раскопок 2012–2014 гг. был выявлен небольшой присоборный некрополь конца XIII – начала XV в., который изучен И.А. Сафаровой, А.Н. Хохловым, Л.А. Беляевым[7]. Зафиксировано 5 погребений (№№ 1, 2, 4,

[5] *Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Некрополь середины XII–XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2017. Вып. 10. С. 61–98.

[6] Там же. С. 95–96.

[7] *Сафарова И.А., Хохлов А.Н., Беляев Л.А.* Некрополь конца XIII – начала XV вв. за апсидами собора Спаса Преображения (по материалам археологических раскопок 2012–2014 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2022. Вып. 14. С. 124–132.

119, 120), три из которых (№№ 1, 2, 4) – компактно у апсид старого собора. Размеры ям – 1,75×1,85 м, глубина – 20–30 см от материка. В заполнении – известковая крошка как маркер захоронений после строительства собора. Ямы прорезали слой дособорного некрополя (вторичное использование сакрального пространства). Погребения – ингумация, кости сохранились фрагментарно. Погребенные на спине, головой на запад-юго-запад (азимут 252–254°). В одном захоронении рука на животе, в остальных положение рук не фиксируется. Определены двое мужчин (30–39 лет) и ребенок (6–7 лет). Погребения разновременны, погребения № 1 и № 2 (взрослый и ребенок) совершены последовательно на одном месте.

Важной особенностью этого некрополя является полное отсутствие какого-либо погребального инвентаря, а также остатков деревянных гробов или колод[8]. Присоборное кладбище существовало около столетия (конец XIII – начало XV в.) и было уничтожено застройкой XV–XVI вв. и строительством нового собора в конце XVII в. О разрушении некрополя свидетельствуют ямы-костницы к востоку от апсид. Одна яма (кв. Ч-7) связана с нарушением дособорных захоронений при строительстве первого собора. Две ямы – времени строительства нового храма (конец XVII в.): овальная (2,1×1,2 м, глуб. 0,44 м) и аморфная (2×1 м, глуб. 1 м) с костями не в анатомическом порядке и строительным мусором (известь, белокаменная крошка). Самая поздняя яма (подпрямоугольная, 1,8×2,3 м, глуб. 0,6 м) – внутри южной апсиды нового храма, заполнена аккуратно уложенными костями; среди них – поясок с золототканым шитьем, что связывает яму с перезахоронениями из внутрисоборного некрополя при строительстве печей амосовского отопления (середина XIX в.).

В 2014–2015 гг. в южной части Тверского кремля (ул. И. Седых, д. 8) был исследован крупный некрополь, предварительно соотнесенный с кладбищем у церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, известной по письменным источникам с XVI в., и, возможно, предшествовавшей ей церкви Святого Василия, который был изучен С.А. Кунгурцевой, А.Б. Ивановой и А.Н. Хохловым[9].

В раскопе № 22 и траншее исследовано 20 погребений, зафиксированы восточные части еще трех могильных ям. Выделено три этапа: первый (начало – первая половина XIV в.) – 4 погребения (№№ 5, 6, 12, 13) с ориентировкой 240–258°; второй (вторая половина XIV в.) – 1 погребение (№ 4) с ориентировкой 226°; третий (первая половина XV в.) – 15 погребений с ориентировкой 240–260°.

Планиграфия некрополя свидетельствует об интенсивном использовании территории: погребения располагались группами по 3–5

[8] *Сафарова И.А., Хохлов А.Н., Беляев Л.А.* Указ. соч. С. 126–128.

[9] *Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А., Иванова А.Б.* К изучению средневекового некрополя у церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в южной части Тверского кремля // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 221–241.

могил, вероятно, образуя семейные участки. Расстояние между могилами внутри одной группы составляло всего 0,1–0,3 м, тогда как между группами достигало 0,8 м. Зафиксирована и многоярусность захоронений[10]. Все захоронения совершены по обряду ингумации в грунтовых могильных ямах. В восьми случаях удалось зафиксировать остатки погребальных конструкций в виде полос древесного тлена, образующих узкий прямоугольник вокруг умершего. Анализ волокон тлена позволил заключить, что в качестве гробов использовались долбленые колоды. В двух захоронениях (№ 7 и № 8 из траншеи) в верхней части могильных ям были расчищены тесаные белокаменные известняковые плиты, выступавшие в качестве намогильных памятников – черта, характерная для XV–XVI вв. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад с небольшим отклонением к югу (10–30°). Положение рук варьировалось: в трех случаях руки были уложены на животе, в двух – скрещены на груди, в двух – согнуты в локтях и уложены в области таза, встречались и иные комбинации.

Важной особенностью является полное отсутствие погребального инвентаря в самих могилах. Единичные находки (фрагменты стеклянных браслетов XIII – начала XIV в., обломок пластинчатого перстня) происходят из переотложенного состояния в заполнении могильных ям. Восточную границу некрополя маркировали сменяющие друг друга частоколы, отделявшие территорию кладбища от жилой застройки, которая вплотную примыкала к нему с юга и востока. После прекращения функционирования некрополя данная территория была достаточно быстро застроена: часть могильных ям оказалась прорезанной подклетами построек и хозяйственными ямами XVI в.

В ходе спасательных раскопок 2012 г. под руководством Т.Н. Артемичевой на Загородском посаде (ул. Трехсвятская, д. 35Б, участок 2) был выявлен ранее неизвестный некрополь, датированный по радиоуглеродным анализам и типологии находок концом XV – XVII в.[11] На площади 72 кв. м зафиксированы останки 54 индивидов: женских – 30, мужских – 18, неопределенных – 6. Детских (0–10 лет) – 2, подростковых (11–16 лет) – 4, до 20 лет – 3, 22–30 лет – 2, 30–40 лет – 21, старше 40 лет – 22.

Погребения были совершены по обряду трупоположения в могильных ямах, зафиксированных с уровня -68…-90 см от нулевого репера. Заполнение ям прослеживается как желто-серо-коричневая супесь с включением ила. Глубина сохранившихся частей ям составляла 0,2–0,5 м, при этом уровень древней дневной поверхности был связан с Новым временем, а первоначальная глубина была больше. В четырех погребениях

[10] *Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А., Иванова А.Б.* Указ. соч. С. 231.

[11] *Артемичева Т.Н.* К изучению ранее неизвестного некрополя на Загородском посаде г. Твери (по материалам раскопок 2012 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 112–116.

отмечены остатки погребальных сооружений в виде полос древесного тлена по периметру и истлевших досок под скелетами, что позволяет предполагать захоронения в деревянных гробах, скрепленных деревянными штифтами или пазами. Все погребенные располагались вытянуто на спине, головой на запад (с небольшим отклонением к северу или югу). Характерной чертой этого некрополя является устойчивое положение рук – они скрещены на груди, в районе пояса или таза. В захоронениях № 3 и № 4 черепа были развернуты вправо или влево и лежали на боку. Примерный возраст погребенных – от 30 до 45 лет. Рост установлен в двух случаях: в погребении № 2 – женщина 152–161 см, в погребении № 4 – мужчина 169–170 см.

Все захоронения без инвентаря, кроме ямы № 14, где найден бронзовый нательный крест (8-конечный на Голгофе, с орудиями страстей, на обороте – стертая молитва). Аналогии – находки XV–XVII вв. на Затьмацком посаде. Радиоуглеродные даты по погребениям № 1 и № 4: 1630–1690, 1730–1810 и 1420–1640 гг. н. э. Некрополь существовал с конца XV по XVII в. (возможно, до начала XVIII в.)[12].

Наиболее массовый материал по позднесредневековому погребальному обряду Твери был получен при раскопках 2019–2020 гг. на Затьмацком посаде (ул. Борисоглебская пристань), изучен О.Е. Рыбаковой, Ю.В. Рашковской, С.Б. Боруцкой, С.В. Васильевым[13]. На площади 200 кв. м было раскопано 165 погребений по обряду трупоположения. Стратиграфически прослежено до 4 ярусов захоронений, что указывает на длительное (не менее 100–150 лет) функционирование кладбища.

Хронологические рамки некрополя определяются по находкам монет и керамики XVI–XVII вв. Могильные ямы ориентированы по линии запад–восток (с отклонениями). Умершие в деревянных гробах, на спине, со скрещенными на груди руками, лицом к востоку. Из 173 индивидов: мужчины – 41 (23,6 %), женщины – 65 (37,7 %), дети до 15 лет – 67 (38,7 %). Высокая детская смертность: 0–5 лет – 71,6 % от всех умерших детей, первый год жизни – 29,85 % от детских смертей. Пик смертности у женщин – 30–35 лет (31,5 %), у мужчин – 40–45 лет (29,3 %). Средняя продолжительность жизни: с детьми – 23,9 года, без детей – 36 лет. Соотношение мужчин и женщин – 38,7 % к 61,3 % (вероятно, отток мужского населения в Смутное время). Погребальный инвентарь отсутствует, что соответствует унификации христианского обряда в позднем Средневековье[14].

---

[12] *Артемичева Т.Н.* Указ. соч. С. 115.

[13] *Рашковская Ю.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Рыбакова О.Е.* Палеодемографический анализ серии из некрополя Затьмацкого посада г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2021. Вып. 15. С. 126–130.

[14] Там же. С. 128.

Проведенный анализ пяти разновременных некрополей Твери позволяет проследить четкую эволюцию христианского погребального обряда на протяжении почти пяти столетий – с XII по XVII в. Наиболее ранний, дособорный некрополь второй половины XII – XIII в. демонстрирует еще сохраняющуюся вариативность обряда: разнообразное положение рук (от сложенных на груди и животе до вытянутых вдоль тела или уложенных в области таза), наличие достаточно богатого инвентаря в части захоронений (височные кольца, бусы, бронзовые перстни, обувь, фрагменты одежды с золотным шитьем). При этом более 70 % погребений уже не содержат вещей, что свидетельствует о постепенном утверждении христианских норм, предписывающих отказ от сопроводительного инвентаря. Ориентировка строго западная (азимут 270° с небольшими отклонениями к югу). Погребальные конструкции представлены долбленными колодами.

Присоборный некрополь конца XIII – начала XV в. и Благовещенский некрополь XIV–XV вв. демонстрируют следующий этап унификации. Инвентарь в могилах практически полностью исчезает, положение рук становится более стабильным (преобладают варианты со сложенными на животе или скрещенными на груди), ориентировка сохраняется западной, но с более заметными отклонениями к югу (до 18–30°). В Благовещенском некрополе впервые фиксируются белокаменные надгробные плиты, что отражает развитие традиции индивидуальной маркировки захоронений. Продолжает использоваться деревянная погребальная конструкция в виде колоды.

Некрополи на Загородском и Затьмацком посадах (конец XV – XVII в.) представляют собой уже полностью унифицированный православный обряд позднего Средневековья. Все погребения совершены в деревянных гробах (фиксируются по тлену), умершие лежат на спине со скрещенными на груди руками (строго каноничное положение), головой на запад. Инвентарь полностью отсутствует. Наличие многоярусных захоронений (до 4 ярусов на Затьмацком посаде) свидетельствует о длительном использовании ограниченного сакрального пространства и практике подзахоронений.

Общей чертой для всех некрополей Твери является обряд ингумации, на всех этапах использовались деревянные колоды или гробы. Особенность тверских некрополей (в отличие от новгородских и московских) – раннее исчезновение инвентаря: уже в XII–XIII вв. более 70 % захоронений не содержали вещей. Это может свидетельствовать о строгом соблюдении канонов или о социальном составе (преобладание непривилегированных слоев). Все некрополи Твери грунтовые (без курганов), в отличие от синхронных сельских могильников. Эволюция обряда – от вариативности и инвентаря в XII–XIII вв. к унификации и безынвентарности в XV–XVII вв. – отражает христианизацию города,

укрепление церкви и формирование единого православного погребального канона.

Перспективы исследований связаны с расширением раскопок для выявления новых некрополей, в том числе элитарных (княжеских, боярских, епископских). Необходимы комплексные антропологические, палеопатологические и изотопные исследования костных коллекций для реконструкции питания, миграций и заболеваемости населения Твери. Важно развитие методов естественнонаучного датирования (радиоуглеродного, дендрохронологического) для уточнения хронологии погребений. Требуется систематизация и публикация разрозненных материалов из старых раскопок для создания целостной археологической карты средневековых кладбищ Твери. Только комплексный подход, объединяющий археологию, антропологию, историю и естественнонаучные методы, позволит полно реконструировать жизнь и смерть средневекового населения.

Список литературы

Археологическая карта России. Тверская область. М.: ИА РАН, 2003. Ч. 1. 508 с.

Артемичева Т.Н. К изучению ранее неизвестного некрополя на Загородском посаде г. Твери (по материалам раскопок 2012 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. Вып. 11. С. 112–116.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити, 1996. 563 с.

Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Некрополь середины XII – XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. Вып. 10. С. 61–98.

Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: СПбГУ, 2009. 540 с.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: «Радуница», 2004. 184 с.

Рашковская Ю.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Рыбакова О.Е. Палеодемографический анализ серии из некрополя Затьмацкого посада г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2021. Вып. 15. С. 126–130.

Сафарова И.А., Хохлов А.Н., Беляев Л.А. Некрополь конца XIII – начала XV вв. за апсидами собора Спаса Преображения (по материалам археологических раскопок 2012–2014 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2022. Вып. 14. С. 124–132.

Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А., Иванова А.Б. К изучению средневекового некрополя у церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в южной части Тверского кремля // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2019. Вып. 12. С. 221–241.

Дата поступления рукописи в редакцию – 19.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТОТДЕЛА БОЛОГОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЗА 1940–1942 ГГ. КАК РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Е.А. Архипов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – И.Г. Серегина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются постановления политического отдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги за 1940–1942 гг. как важный источник изучения деятельности партийных органов на железнодорожном транспорте в предвоенный и военный период. На основе архивных материалов анализируется структура, содержание и тематика распорядительных документов политотдела. Исследуются особенности оформления постановлений, их периодичность, а также основные направления работы политотдела. Исследование показывает, что постановления политотдела являлись важнейшим инструментом управления железнодорожным узлом, обеспечивая координацию работы партийных организаций и контроль исполнения решений.

Ключевые слова: *политический отдел, Бологовское отделение, постановления, распорядительные документы, железнодорожный транспорт, железная дорога*.

На основании постановления ЦК ВКП(б) от 10 июля 1933 г. «О политотделах на железнодорожном транспорте», в целях усиления партийно-политической работы среди железнодорожников и укрепления трудовой дисциплины был создан институт политотделов на железнодорожном транспорте, ликвидированный постановлением ЦК ВКП(б) от 31 мая 1943 г.[1] В 1948 г. они были вновь восстановлены и действовали до 1956 г. включительно.

Основными задачами политотделов в рассматриваемый период являлись обеспечение выполнения государственных планов перевозок, укрепление единоначалия на транспорте, подъем политической и трудовой активности железнодорожников, борьба за безопасность движения на дороге[2]. Политотделы руководили первичными парторганизациями,

[1] *Темляков В. Е.* Политотделы на железных дорогах Кубани: первый этап деятельности (1933–1934 гг.) // Социально-гуманитарный вестник: всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2014. Вып. 16. С. 29.
[2] Там же.

курировали деятельность комсомольских и профсоюзных организаций, проводили партийно-политическую работу, мобилизовывали рабочих и служащих на выполнение государственных планов. Они проводили работу в тесном контакте с райкомами партии, а во второй период своего существования подчинялись им.

Структурно политотделы железной дороги состояли из начальника, который был заместителем начальника дороги по политической работе, его заместителя и одного помощника[3]. Начальник политотдела руководил работой политотделов районов, парторгов депо, заводов и важнейших железнодорожных узлов. Его назначением и смещением занимался ЦК ВКП(б) по представлению Политуправления Наркомата путей сообщения. В 1933–1943 гг. политотделы, как правило, включали в свой состав секретариат и сектора: организационно-инструкторский, пропаганды и агитации, культурно-просветительской работы, учета, по работе с комсомолом, по работе среди жен железнодорожников.

В Тверском центре документации новейшей истории в фонде № 1770 «Узловой партийный комитет станции Бологое» содержится всего три дела с распорядительными документами политического отдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги. К ним относятся два дела с постановлениями политотдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги и одно дело с директивами политотдела.

Для изучения были взяты два дела:

1. Постановления политотдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги (29 ноября 1940 – 3 июля 1941 г.)[4].
2. Постановления политотдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги (11 января 1942 – 30 ноября 1942 г.)[5].

На обложках данных дел отмечаются их даты, наименование организации (Парторганизация узлового парткома станции Бологое; Бологовский РК ВКП(б) Калининской области), номер описи, фонда, единицы хранения и связки. Документы расположены на 37 и 36 листах соответственно. В совокупности в делах содержится 61 постановление.

Для всех постановлений характерно наличие следующих реквизитов: наименование автора документов (Политотдел Бологовского отделения Октябрьской железной дороги), заголовка, даты, номера, подписи должностного лица (начальника политотдела или его заместителя). Стоит отметить, что номер, по неизвестным причинам, указывается не во всех постановлениях. В большинстве случаев номер постановления отсутствует.

---

[3] *Исаев А.А.* Деятельность политотделов на железнодорожном транспорте Дальнего Востока СССР (1933–1941) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 1. С. 122.

[4] Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 1770. Оп. 1. Д. 19.

[5] Там же. Д. 26.

Документы начинаются с констатирующей части со слов «Проверкой установлено, что…» или «Заслушав и обсудив доклад…». В основном, в ней описываются недостатки и проблемы, связанные с темой постановления.

Постановления могут и не содержать констатирующей части, а начинаться сразу с распорядительной части. Такие постановления посвящены, например, утверждению внештатных корреспондентов редакции газеты «Сталинец»[6], организации при политотделе отделения комиссии для подготовки и проведения летнего отдыха детей[7], утверждению исполняющего обязанности секретаря узлового комитета ВЛКСМ[8], утверждению политинформаторов[9], освобождению от работы[10].

Распорядительная часть постановлений начинается со слов «Политотдел отделения постановляет» или «Политотдел дороги постановляет». Данные слова могли не использоваться, то есть постановления начинались сразу с решений: утвердить, освободить, организовать и др., но такое встречается крайне редко. Постановления могли содержать от 2 до 14 пунктов.

В единичных случаях встречаются не постановления, а выписки из постановлений[11], которые подписываются заместителем начальника политотдела. Внизу выписки находится дата ее получения.

Также в единственном случае встречаются практические мероприятия политотдела по реализации решений XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). В этих мероприятиях содержится 26 пунктов, которые нужно было выполнить в течение определенного срока ответственным за это работникам. Например: организовать по узлам семинары с секретарями парторганизаций и комсомола по вопросу – изучение материалов XVIII партконференции и сессии Верховного Совета СССР, в свете перестройки партийной и комсомольской работы; организовать проверку силами комсомола по депо, вагонному участку, станции в выполнении решений XVIII партконференции по вопросу наведения чистоты и порядка; проверить и изучить причины занижения транспортного и грузового простоя по сортировочным и участковым станциям, с обсуждением итогов проверки на оргсовещании политотдела и другие пункты.

Все постановления являются копиями, так как в конце постановления указывается слово «Верно», после которого идет подпись и должность того, кто заверил копию. Вероятно, постановления политотдела передавались на узловой партийный комитет, так как на них от руки

[6] ТЦДНИ. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 19. Л. 28.
[7] Там же. Л. 24.
[8] Там же. Д. 26. Л. 4
[9] Там же. Л. 3.
[10] Там же. Л. 33.
[11] Там же. Л. 5–6.

написано, например: «Узловой партком, т. Бородину»; «Узловому парткому и для всех организаций узла»; «Узл. п/к. Васильеву» и т. п. Также в некоторых постановлениях присутствует графа «Кому», в которой прописывается работник узлового парткома.

Обратимся к диаграмме, на которой изображено количество постановлений политотдела за 1940–1942 гг. (см. Рис. 1).

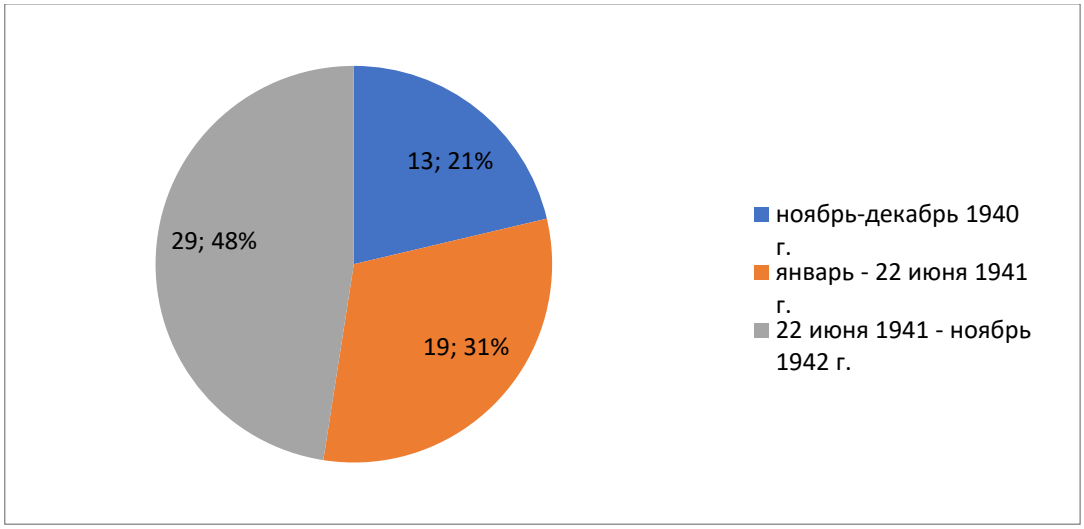

Рис. 1. Количество постановлений политотдела за 1940–1942 гг.

За 1940–1941 гг. (до 22 июня 1941 г.) было издано 32 постановления, тогда как после 22 июня в 1941–1942 гг. – 29 постановлений. Несмотря на то, что в довоенный период количество постановлений было несколько больше, в военный год интенсивность работы политотдела оставалась на высоком уровне, что свидетельствует о сохранении жесткого контроля и необходимости оперативного реагирования на изменяющиеся условия.

Имеется возможность проследить периодичность издания постановлений политотдела в довоенное и военное время. Так, в 1940–1941 гг. (до начала войны) постановления издавались от 2 до 4 раз в месяц, при этом в некоторые месяцы количество постановлений достигало 5–9 в месяц. В 1942 г. частота издания постановлений снизилась – они выпускались не более 2–3 раз в месяц, в исключительных случаях – от 4 до 6 раз, что связано с изменившимися условиями работы железнодорожного транспорта в военное время, а возможно и с сохранностью документов в военное время.

Перейдем к тематике постановлений. В довоенный период постановления касались широкого круга вопросов, связанных с организацией производства, качеством продукции, трудовой и государственной дисциплиной, техническим обучением кадров, а также с состоянием партийной, комсомольской и массово-политической работы. Рассмотрим некоторые вопросы и их характеристику. Например:

- качество ремонта вагонов и производительность труда[12] характеризовались как неудовлетворительные (срывы планов, брак, неэффективное использование рабочей силы);
- состояние партийной работы в парторганизациях Райтрансторгпита и Щебеночного завода[13] – после отчетно-выборных собраний отмечено некоторое улучшение, но сохранялись существенные недостатки (невыполнение планов по общественному питанию и торговле, слабая работа с кадрами);
- работа с комсомольским активом[14] – неудовлетворительная (непривлечение актива к повседневной практической работе, отсутствие контроля исполнения поручений);
- противовоздушная и химическая оборона на узле Бологое[15] – неудовлетворительная (не организовано обучение и подготовка);
- работа медицинских учреждений[16] – отмечалось улучшение хозяйственного руководства и лечения, но сохранялись недостатки в работе лабораторий и нехватка врачей;
- готовность к снегоборьбе[17] – неудовлетворительная (пути не очищены, договоры с колхозами нереальны);
- партийная пропаганда и самообразование[18] – руководство самообразованием коммунистов улучшилось, но работа с интеллигенцией и активом поставлена слабо;
- выполнение приказов наркома и решений пленумов клубом станции Окуловка[19] – неудовлетворительное (меры по улучшению массово-политической работы не принимались);
- соцсоревнование в честь XVIII-й Всесоюзной конференции ВКП(б)[20] – отмечался подъем активности, но сохранялись брак и невыполнение норм.

В военный же период постановления касались, прежде всего, укрепления трудовой и государственной дисциплины, повышения квалификации кадров, мобилизации железнодорожников на выполнение военных задач, организации подсобных хозяйств, сбора теплых вещей для Красной армии, подготовки к зиме, выполнения приказов Народного комиссариата путей сообщения и указаний управления Октябрьской дороги. Рассмотрим некоторые вопросы и их характеристику:

[12] ТЦДНИ. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
[13] Там же. Л. 2.
[14] Там же. Л. 3–4.
[15] Там же. Л. 5.
[16] Там же. Л. 6.
[17] Там же. Л. 7.
[18] Там же. Л. 9.
[19] Там же. Л. 10.
[20] Там же. Л. 14.

- партийно-политическая работа на узле в период войны среди железнодорожников и их семей[21] характеризовалась как неудовлетворительная: вокзал и парки станции забиты людьми с прибывающих эшелонов; подготовка кадров ведущих профессий из числа женщин, способных заменить рабочих, ушедших на фронт в отдельных хоз. единицах не проводится, а в хоз. единицах станции Бологое проводится крайне неудовлетворительно и т. д.;
- трудовая дисциплина в ПЧ-5 в условиях военного времени[22] в целом была удовлетворительной, но в отдельных хозяйственных единицах дисциплина была расшатана;
- руководство узлового парткома станции Бологое комсомольскими организациями на узле[23] было ослабленное или крайне неудовлетворительное – в работе комсомольских организаций имеются факты нарушения уставных требований комсомола (задолженность по членским взносам, непосещение комсомольских собраний, невыполнение комсомольских поручений и др.);
- в работе районного общества «Красный крест»[24] имеются серьезные недостатки – продолжительное время не взимаются членские взносы с членов общества;
- развитие подсобных хозяйств и сев огородов[25] характеризовались как неудовлетворительные – например, не все железнодорожники узла имели индивидуальные огороды с площадью посева 67 га;
- содержание пути и противоэпидемические мероприятия[26] – содержание пути неудовлетворительное, массово-партийная работа ослаблена; по противоэпидемическим мероприятиям проведена большая работа, но контроль за выполнением приказа НКПС о текущем содержании пути не осуществлялся;
- выполнение графика движения поездов[27] – в целом было удовлетворительное, но имелись недостатки;
- руководство социалистическим соревнованием в депо Бологое[28] было удовлетворительным, но с недостатками – например, местный комитет депо недостаточно вел борьбу за выполнением и перевыполнением норм каждым рабочим;
- стенная печать и партийно-массовая работа[29] – отмечалось улучшение стенной печати, но сохранялись недостатки (например, в ряде хоз.

[21] ТЦДНИ. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 19. Л. 37.
[22] Там же. Д. 26. Л. 2.
[23] Там же. Л. 7.
[24] Там же. Л. 10.
[25] Там же. Л. 11.
[26] Там же. Л. 12.
[27] Там же. Л. 13.
[28] Там же. Л. 14.
[29] Там же. Л. 20.

единиц стенные газеты не выпускались или выходили очень редко); партийно-массовая работа среди непартийных большевиков и передовиков была поставлена неудовлетворительно;

- подготовка ко второй военной зиме и уборка урожая[30], несмотря на проведенную работу, проходила неудовлетворительно – например, ряд руководителей хозяйственных организаций не организовали подготовку хозяйства и личного состава к работе в зимних условиях.

Как можно заметить, в довоенное время постановления политотдела больше всего касались вопросов производства, дисциплины и организации партийно-комсомольской работы на железнодорожном транспорте, в то время как в военное время основной акцент был смещен на мобилизацию ресурсов, выполнение военных приказов, укрепление дисциплины и обеспечение нужд фронта.

Таким образом, постановления политотдела Бологовского отделения Октябрьской железной дороги касались как работы узлового партийного комитета станции Бологое, так и других партийных организаций и станций, охватывая широкий спектр вопросов от производственной деятельности до оборонной работы и помощи фронту.

Список литературы

Исаев А.А. Деятельность политотделов на железнодорожном транспорте Дальнего Востока СССР (1933–1941) // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 1. С. 118–133.

Темляков В.Е. Политотделы на железных дорогах Кубани: первый этап деятельности (1933–1934 гг.) // Социально-гуманитарный вестник: всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2014. Вып. 16. С. 29–34.

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[30] ТЦДНИ. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 26. Л. 31.

ПРИКАЗЫ ПО ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДИРЕКТОРА ТВЕРСКОГО ТЕАТРА ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ ЗА 1965–1995 ГОДЫ КАК РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В.Д. Варежкина
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – К.М. Свирин,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье на основе материалов фонда Калининского (Тверского) театра юного зрителя рассматриваются приказы директора по производственной деятельности за 1965–1995 гг. Изучение дел, содержащих данный вид распорядительных документов, позволяет проследить изменения в оформлении реквизитов, структуре и содержании приказов, а также выявить основные направления распорядительной деятельности руководства театра. В результате были определены тематические группы приказов, особенности их формуляра и характер фиксируемых управленческих решений.

Ключевые слова: *Тверской (Калининский) театр юного зрителя, приказы по производственной деятельности, архивный фонд, реквизиты документа, распорядительная документация.*

Калининский (с 1991 г. – Тверской) театр юного зрителя был основан в 1932 г., однако с началом Великой Отечественной войны его деятельность была прекращена. Причиной закрытия послужило то, что «многие из артистов ушли на фронт добровольцами, и многие из них не вернулись с поля боя. Некоторые сотрудники театра были репрессированы»[1]. Возобновил свою работу театр лишь в 1958 г., а распорядительная документация сохранилась, начиная с 1961 г.

Архивный фонд театра включает в себя приказы областного управления культуры, директора театра и художественного руководителя. Количество дел с приказами (52 дела) составляет примерно 11 % от общего объема дел фонда (458 дел)[2]. Из них приказы директора театра, насчитывающие 32 дела, составляют приблизительно 61 % дел с приказами и охватывают хронологический период с 1962 по 1997 г. В описи дел и на обложках эти документы именуются как «приказы директора о распределении ролей» (1 дело) и «приказы директора по производственной деятельности» (31 дело).

[1] *Цветкова Т., Осадчик П.* Восемьдесят лет Тверскому театру юного зрителя. Тверь, 2012. С. 11.

[2] Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. Р-1735. Оп. 1. // Архивы Тверской области. [Электронный ресурс]. URL: https://archives.tverreg.ru/infres/-/archive/tcdni/R-1735/1 (дата обращения: 05.02.2026).

Для анализа распорядительной деятельности театра были отобраны дела по заголовкам описи, начиная с первого дела, включающего приказы директора по производственной деятельности, и далее по одному за каждое последующее десятилетие. Таким образом, в выборку вошли 4 единицы хранения:

1. Дело № 51 «Приказы и выписки из приказов директора театра о производственной деятельности за 1965 г.» (8 листов; срок хранения – постоянно).

2. Дело № 186 «Приказы директора театра о производственной деятельности за 1975 г.» (121 лист; срок хранения – постоянно).

3. Дело № 309 «Приказы директора театра по производственной деятельности за 1985 г.» (137 листов; срок хранения – 75 лет).

4. Дело № 377 «Приказы директора по производственной деятельности» (84 листа; срок хранения – постоянно).

Наименование театра на протяжении рассматриваемого периода изменялось: Калининский театр юного зрителя имени Ленинского комсомола (1965 и 1985 гг.)[3], Областной театр юного зрителя (1975 г.)[4], Тверской областной театр юного зрителя имени Ленинского комсомола (1995 г.)[5]. В 1975 г. в приказах указан Областной театр юного зрителя без территориальной принадлежности, что могло быть связано либо с индивидуальными особенностями делопроизводства театра, либо отражало какие-то общие требования к оформлению документов в данный период. Переименование театра в Тверской произошло в начале 1990-х гг., когда г. Калинину было возвращено его историческое название. В документах за 1995 г. дополнительно указывалось вышестоящее учреждение – «Управление культуры Тверского облисполкома»[6].

Указание места издания приказа (г. Калинин, позднее – г. Тверь), даты и номера присутствует во всех документах, начиная с 1975 г. Примечательно, что в нескольких случаях приказы с разным содержанием, но изданные в один день, имеют одинаковый номер[7].

Каждый приказ подписан директором театра или его заместителем, иногда документ дополнительно был подписан художественным руководителем.

Оформление и расположение реквизитов видоизменялось. Наименование организации могло располагаться как после указания вида документа «ПРИКАЗ», так и над ним. Номер приказа иногда указывался на одной строке с видом документа, например, «ПРИКАЗ № 1»[8]. На следующей строке могли помещаться: по левому краю – дата или место

[3] ТЦДНИ. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 51. Л. 1; Д. 309. Л. 1.
[4] Там же. Д. 186. Л. 1.
[5] Там же. Д. 377. Л. 1.
[6] Там же.
[7] Там же. Д. 186. Л. 84–85.
[8] Там же. Д. 309. Л. 1, 2, 3.

издания, по центру – место издания, по правому краю – дата или номер приказа. В 1995 г. по левому краю иногда также указывался заголовок приказа[9]. В тех приказах, где наименование учреждения стоит после вида документа, реквизиты места, даты и номера располагаются на одной строке с наименованием учреждения, например, «по Областному театру юного зрителя г. Калинин №5 от 24 января 1975 г.»[10].

Распорядительная фраза «приказываю» встречается в малом количестве документов и выделяется прописными буквами[11], разрядкой[12] или подчеркиванием[13].

Информационная составляющая рассмотренных дел с приказами разнообразна. Хотя в заголовках дел приказы именуются как «по производственной деятельности», фактически они охватывают производственную, кадровую и финансовую сферы, а также содержат объявления благодарностей и выговоров. Текст приказов нередко делится на параграфы или пункты, в которых поднимаются различные по тематике вопросы.

К производственной деятельности относятся приказы с формулировками: «приступить к работе над спектаклем...»[14], «в соответствии с репертуарным планом приступить к работе над спектаклем…»[15], «в связи с производственной необходимостью произвести ввод в спектакль…»[16], «произвести следующее дополнение к распределению ролей на готовящийся спектакль…»[17] и др. В них указывается название постановки, назначаются сроки подготовки спектакля к сдаче (с начальной и конечной датами), перечисляются роли и назначаемые на них актеры, фиксируются режиссер, заведующий музыкальной частью, помощник режиссера, художник и другие руководящие процессом создания спектакля работники. При вводе в спектакль нового актера указываются название постановки, роль и фамилия исполнителя.

В приказах, где встречаются такие формулировки, как «назначить ответственной за хранение архива делопроизводства…»[18], «командировать…»[19], «в связи с выездом на телевидение… внести изменение в производственно-финансовый план…»[20], «…внести

[9] ТЦДНИ. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 377. Л. 1, 11, 41, 42, 54, 55.
[10] Там же. Д. 186. Л. 1.
[11] Там же.
[12] Там же. Д. 377. Л. 29.
[13] Там же. Д. 186. Л. 109.
[14] Там же. Д. 51. Л. 3.
[15] Там же. Д. 186. Л. 94.
[16] Там же. Л. 9.
[17] Там же. Л. 6.
[18] Там же. Л. 14.
[19] Там же. Л. 121.
[20] Там же. Л. 22.

изменения в финансовый план…»[21], «назначить… упаковку и погрузку на грузовые автомашины…»[22], регулируются вопросы назначения должностных лиц, командировок, гастролей с указанием сроков, ответственных и оплаты командировочных расходов.

Приказы по финансовой деятельности содержат формулировки: «утвердить… тарификацию… 1 категории с месячным окладом 100 рублей…»[23], «оклад согласно штатному расписанию»[24], «оклад…»[25], «…производить доплату в размере 30 % от тарифной ставки за расширение зоны обслуживания…»[26] и др. В них конкретизируются размеры должностных окладов, тарифных ставок и надбавок. Формулировка «оклад…» с указанием точной суммы применялась для тех должностей, у которых по штатному расписанию имеются несколько разных тарифных ставок[27].

Приказы по кадровой деятельности включают такие формулировки, как «принять… с двухнедельным испытательным сроком»[28], «временно принять на должность…»[29], «уволить… по собственному желанию»[30], «предоставить учебный оплачиваемый отпуск…»[31], «предоставить очередной отпуск…»[32], «предоставить административный отпуск по семейным обстоятельствам…»[33], «принять на должность…»[34] и др. В них указываются ФИО работников, их должности, даты приема или увольнения, периоды отпусков. С 1985 г. в приказах появляется указание на «основание» издания документа: личное заявление, докладная записка, трудовая книжка, справка-вызов, вызов центрального райвоенкомата и пр.

Приказы, содержащие поздравления и благодарности, чаще всего приурочены к общенародным праздникам, таким как годовщина Великой Октябрьской социалистической революции[35], Международный женский день 8 Марта[36], к личным юбилеям (например, к 70-летию Надежды Ефимовны Антиох-Вербицкой[37]), а также к итогам театральных сезонов или гастролей.

---

[21] ТЦДНИ. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 186. Л. 20.
[22] Там же. Л. 30.
[23] Там же. Л. 4.
[24] Там же. Д. 309. Л. 55, 57, 60.
[25] Там же. Л. 7, 11.
[26] Там же. Л. 60.
[27] Там же. Д. 215. Л. 23–25.
[28] Там же. Д. 309. Л. 25.
[29] Там же. Л. 2, 117.
[30] Там же. Л. 77, 104.
[31] Там же. Л. 12, 67.
[32] Там же. Л. 33, 132.
[33] Там же. Л. 35, 84.
[34] Там же. Л. 2, 22, 137.
[35] Там же. Д. 51. Л. 5; Д. 186. Л. 108.
[36] Там же. Д. 186. Л. 25.
[37] Там же. Д. 377. Л. 44–45.

В приказах к праздникам и по итогам сезона коллективу объявляется общая благодарность со следующими формулировками: «Сердечно благодарю коллектив за успешную, плодотворную работу и выражаю надежду, что и впредь наш коллектив будет создавать спектакли, отвечающие самым высоким требованиям…»[38], «дирекция, партийное бюро, МК, комсомольское бюро, отмечая заслугу в успешной производственно-творческой деятельности театра и отмечая активное участие всех женщин нашего коллектива в коммунистическом воспитании подрастающего поколения выражают благодарность за ваш добросовестный труд и поздравляют вас с Международным праздником женщин 8 МАРТА…»[39].

После благодарности следуют слова поздравления, например: «Дорогие товарищи! Поздравляю вас с нашим Великим праздником Октября! Желаю всем членам коллектива, всем коллегам по совместной работе здоровья, счастья, новых творческих успехов»[40], или «Желаем вам, дорогие женщины, доброго здоровья, личного счастья, новых успехов в творческой и производственной деятельности»[41].

Приказы с объявлением выговоров в рассмотренных делах немногочисленны. В них, как правило, разъясняется, какому лицу и за какой проступок объявляется взыскание, а также указываются его последствия, например, признание дня прогулом или удержание части заработка. Основными причинами выговоров становились прогулы и пьянство работников во время гастрольных туров, а также недостатки в выполнении должностных обязанностей. Так, в одном из приказов 1975 г. зафиксировано: «...приказываю: за халатное отношение к исполнению своих прямых обязанностей зав. постановочной частью… объявить выговор. День 31 марта считать днем прогула.

Машинисту сцены… непосредственно отвечающему за погрузку декорации на выездные площадки, и допустившему недогруз декорации в г. Киев, объявить выговор и удержать 10 % из прогрессивки»[42].

Объявление благодарностей и выговоров могло совмещаться в одном приказе под разными параграфами[43].

Таким образом, приказы директора Тверского (Калининского) театра юного зрителя за 1965–1995 гг. являются важными распорядительными документами, которые отражают производственную, кадровую и финансовую деятельность театра. В архивном фонде театра более половины приказов являются приказами директора по производственной деятельности. Их оформление и реквизиты видоизменялись с течением

[38] ТЦДНИ. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.
[39] Там же. Д. 186. Л. 25.
[40] Там же. Д. 51. Л. 5.
[41] Там же. Д. 186. Л. 25.
[42] Там же. Л. 40.
[43] Там же. Л. 83.

времени, а содержание охватывает широкий круг вопросов: подготовку спектаклей, распределение ролей, командировки и гастроли, назначение окладов и надбавок, прием и увольнение сотрудников, объявление благодарностей (к праздникам, юбилеям, по итогам сезонов) и выговоров. Следовательно, данные приказы фиксируют распорядительную деятельность руководства театра на протяжении четырех десятилетий.

Список литературы

Цветкова Т., Осадчик П. Восемьдесят лет Тверскому театру юного зрителя. Тверь: б. и., 2012. 95 с.

Дата поступления рукописи в редакцию – 15.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЛИЧНОМ АРХИВНОМ ФОНДЕ А.М. ИЛЬВОВСКОГО КАК ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

А.В. Вязовченко
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – И.Г. Серегина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена анализу биографических материалов личного архивного фонда главного режиссера Калининского театра кукол А.М. Ильвовского № Р-1284 за 1922–1978 гг. Исследование проведено на основе четырех дел: документы об образовании, документы о награждении и благодарности, поздравительные письма и открытки, пригласительные билеты и мандаты. Документы рассматриваются как информационный источник, позволяющий реконструировать ключевые этапы биографии А.М. Ильвовского, его профессиональные связи, социальный статус и систему взаимодействий с государственными структурами и творческими союзами.

Ключевые слова: *личный архивный фонд, А.М. Ильвовский, Калининский театр кукол, ГАТО, биографические материалы, документы личного происхождения, информационный потенциал документов, систематизация документов, творческая среда, международные культурные связи.*

Александр Миронович Ильвовский (1905–1978) – народный артист РСФСР, возглавивший в 1950 г. Калининский театр кукол. Он руководил им почти 28 лет, и этот период считается «золотой эпохой» в истории театра. При А.М. Ильвовском театр кукол обрел собственное здание, вошел в Международный союз кукольных театров (УНИМА), получил всесоюзное признание[1].

Театровед Е.С. Калмановский указывал на редкое сочетание в А.М. Ильвовском «практически всех положительных качеств», а также на исключительное единодушие коллег, отзывавшихся о режиссере в неизменно позитивном ключе. Единственной «спорной» чертой Александра Мироновича он отмечал его «ревность» к коллегам, проявлявшуюся в постоянной оценке их отношения к делу и степени

[1] *Петренко Е.В.* Повелитель сказок // Тверская Жизнь. 2005. 9 сент. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/m/sov/335662/bio/ (дата обращения: 15.02.2026).

вовлеченности. Однако, по мнению Е.С. Калмановского, даже эту особенность нельзя считать отрицательной[2].

Высочайшие требования к репертуару, профессиональному уровню артистов, безупречный художественный вкус и железная дисциплина – такими были основные принципы, которыми руководствовался А.М. Ильвовский[3]. Они сформировали особую профессиональную этику коллектива, сохранившую свою значимость и в последующие десятилетия.

Как отмечал С.М. Белкин, художественный руководитель театра в 1990–2017 гг., созданная А.М. Ильвовским труппа составила «настоящую славу театру». Говоря о непрерывном влиянии взглядов своего предшественника, С.М. Белкин подчеркивал: «Искусство театра кукол не может существовать отдельно от тех, кто его реализует – артистов, которые до сих пор помнят принципы Ильвовского»[4].

В Государственном архиве Тверской области хранится личный архивный фонд А.М. Ильвовского под номером Р-1284. Хронологические рамки документов фонда охватывают период с 1905 по 1978 г. В фонде 1 опись. Общий объем фонда составляет 54 дела[5].

Для статьи из состава фонда был отобран раздел биографических материалов, который включает в себя 10 дел. Выбор биографических материалов обусловлен тем, что эти документы обладают наибольшим информационным потенциалом для изучения личности А.М. Ильвовского. Они позволяют не только проследить ключевые этапы его жизненного пути, но и реконструировать его социальный статус, профессиональные ориентиры и систему ценностей.

Стоит отметить, что 3 дела из 10 на сегодняшний день недоступны исследователю – с момента создания документов еще не прошло 75 лет[6].

Из раздела биографических материалов А.М. Ильвовского было изучено 4 дела: свидетельства и удостоверения об окончании учебных заведений[7]; постановления, приказы, грамоты, дипломы о награждении и вынесении благодарности за плодотворную работу[8]; поздравительные письма, открытки в стихах и прозе в связи с открытием гастролей

---

[2] *Калмановский Е.С.* Театр кукол, день сегодняшний: из записок критика. Л., 1977. С. 50.

[3] Там же.

[4] *Петренко Е.В.* Указ. соч. [Электронный ресурс].

[5] Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1284. Ильвовский Александр Миронович (1905–1978), главный режиссер Калининского театра кукол, народный артист РСФСР. Оп. 1.

[6] Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024). Ст. 25, п. 3. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/?ysclid=mrnfipaill27505390 (дата обращения: 15.02.2026).

[7] ГАТО. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 3.

[8] Там же. Д. 5.

кукольного театра, премьерами постановок, юбилеем театра[9]; мандаты и пригласительные билеты на партийную и комсомольскую конференции, депутата горсовета, на юбилейные торжества[10].

Хронологические рамки документов в данных делах охватывают период с 1922 по 1978 г. Объем дел варьируется от 5 до 22 листов[11]. Разнообразие видов документов позволяет представить эту информацию в виде диаграммы (см. Рис. 1).

Рис. 1. Состав биографических документов А.М. Ильвовского в делах № 3, № 5, № 7, № 10 фонда Р-1284

В изученных делах преобладают документы о награждениях и благодарности (37 %). Значительную часть составляют материалы об обучении: свидетельства об окончании учебных заведений (11 %), свидетельства студента (8 %) и удостоверения (6 %). Творческая жизнь коллектива и признание коллег отражены в поздравлениях с премьерами (9 %), пригласительных билетах (8 %) и поздравлениях с юбилеями театра (6 %). Остальные виды документов представлены единично[12].

Выявленные 12 видов документов служат надежным фундаментом для глубокого изучения биографии и личного вклада Александра Мироновича в театральное искусство.

[9] ГАТО. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 7.
[10] Там же. Д. 10.
[11] Там же. Д. 3, 5, 7, 10.
[12] Там же.

Перейдем к анализу качественного состава и информационных возможностей каждого из четырех изученных дел.

Дело № 3 содержит свидетельства и удостоверения об окончании учебных заведений А.М. Ильвовского в период с 1922 по 1948 г. В нем представлено 9 документов, 4 из которых являются подлинниками, а остальные 5 – нотариально заверенными копиями от 1948 г.[13] Они позволяют восстановить хронологию образовательного пути А.М. Ильвовского до его приезда в Калинин. Видовой состав дела представлен свидетельствами об окончании учебных заведений, свидетельствами студента и удостоверениями (см. Рис. 2).

Рис. 2. Видовой состав документов в деле № 3

А.М. Ильвовский начал обучение в Симферополе. Здесь к 1922 г. он окончил полный курс третьей семилетней школы и двухгодичный курс общеобразовательного подготовительного техникума по гуманитарному отделению[14]. В июне того же года Ильвовский сдал зачеты в Школьном совете при Крымнаркомпросе и прослушал курс введения в историю искусств. Полученное «право на поступление в высшую школу» позволило ему в 1922 г. стать студентом социально-экономического факультета Крымского университета[15].

Особый интерес для исследователя представляют свидетельства студента Крымского университета, выданные в декабре 1922 г. Стоит учитывать исторический контекст: в 1922 г. Крым фактически находился на особом положении после Гражданской войны, и перемещение было строго регламентировано. Согласно записям на обороте, данные свидетельства не только подтверждали статус студента, но и давали право на «свободное проживание в городах, пригородах и других населенных местах Крыма». Типовой формуляр документа включал следующие графы: имя, отчество, фамилия, вероисповедание, время рождения и личная подпись владельца. Благодаря наличию графы «Вероисповедание»,

[13] ГАТО. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–21.
[14] Там же. Л. 13.
[15] Там же. Л. 3, 13.

документы фиксируют принадлежность А.М. Ильвовского к иудейскому вероисповеданию, что является важным дополнением к его биографии, практически не отраженным в существующих публикациях[16].

Параллельно А.М. Ильвовский осваивал актерское мастерство: к июню 1924 г. он завершил трехгодичный курс Театрального техникума. В данный период им был освоен обширный круг дисциплин, включая практику сценических импровизаций, художественное чтение, мимику, грим и монтаж сцены. Его экзаменационными работами в Театральном техникуме были роли в трех спектаклях: в постановке «Царевич Алексей» он исполнял роль Алексея, в «Короле Арлекине» – Арлекина, а в «Изнанке жизни» – Леандра[17].

В послевоенные годы А.М. Ильвовский вернулся к учебе. С октября 1946 по июль 1948 г. он обучался на философском факультете Вечернего университета марксизма-ленинизма при Симферопольском горкоме ВКП(б). Программа обучения включала в себя глубокое изучение логики, политэкономии, истории ВКП(б) и внешней политики СССР. Александр Миронович завершил курс с оценками «отлично»[18].

Фундамент, заложенный в годы учебы, позволил Ильвовскому реализовать себя в условиях профессиональных вызовов военного и послевоенного времени.

Дело № 5 содержит 16 документов за 1941–1972 гг. Несмотря на разнообразие видов, основную часть (82 %) составляют документы о награждениях и благодарности: приказы, постановления, грамоты, дипломы и письма из Всероссийского театрального общества (ВТО)[19] (см. Рис. 3, 4).

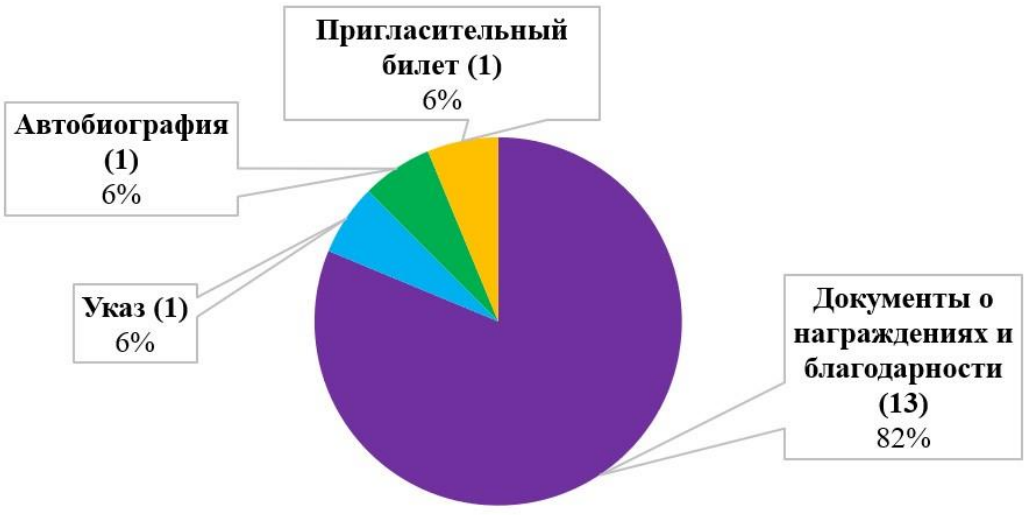

Рис. 3. Состав документов в деле № 5

[16] ГАТО. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 4, 6.
[17] Там же. Л. 14, 15, 17.
[18] Там же. Л. 18, 19.
[19] Там же. Д. 5. Л. 1–22.

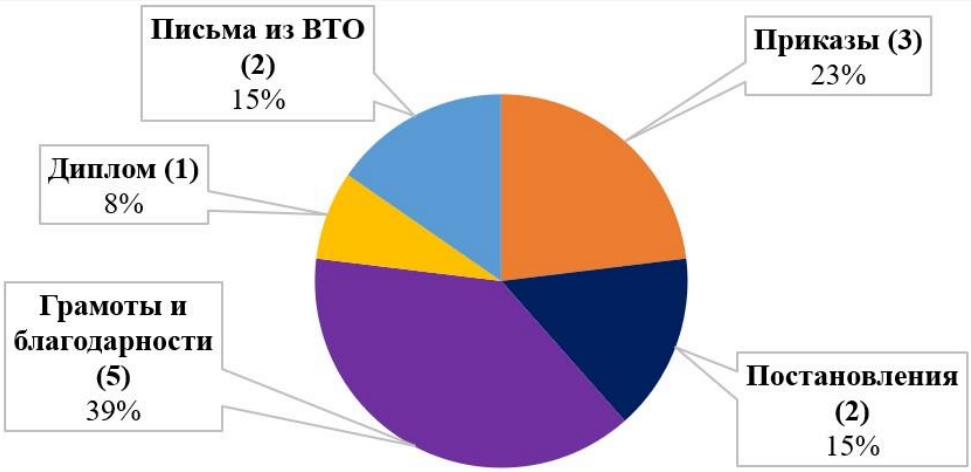

Рис. 4. Состав документов о награждениях и благодарностях в деле № 5

Приказы периода 1942–1952 гг. четко фиксируют признание заслуг А.М. Ильвовского на разных этапах его карьеры. Так, командование Тульского гарнизона в 1942 г. отметило работу отдела искусств под его руководством за проведение около 1000 концертов и спектаклей для нужд фронта[20]. Позже, в 1945 г., командующий войсками Таврического военного округа объявил А.М. Ильвовскому персональную благодарность за активное культурное обслуживание воинов в период его директорства в Крымском театре[21]. В мирное время, в 1952 г., уже Калининский областной отдел по делам искусств наградил режиссера за создание значимой воспитательной постановки для детей «Потерянный день Гриши Кукушкина»[22].

Высокий статус А.М. Ильвовского в профессиональной среде подтверждает постановление Совета Народных Комиссаров Крымской АССР № 430 от 1945 г.[23], официально зафиксировавшее его роль в восстановлении Симферопольского драматического театра.

Общественную деятельность режиссера отражает раздел грамот и благодарностей, включающий пять документов за период с 1945 по 1972 г. В него входят благодарность от Крымского отделения ВТО за активное художественное обслуживание избирательных участков[24], грамота Крымского облисполкома и Обкома ВКП(б) за вклад в развитие искусства к 25-летию Крымского драмтеатра[25], а также Почетная грамота Комитета по делам искусств и ЦК профсоюза, полученная А.М. Ильвовским в 1948 г. за многолетнюю плодотворную работу[26]. Более поздние документы фиксируют благодарность командующего войсками Московского военного

[20] ГАТО. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 4.
[21] Там же. Л. 15.
[22] Там же. Л. 16.
[23] Там же. Л. 5.
[24] Там же. Л. 7.
[25] Там же. Л. 10, 11.
[26] Там же. Л. 14.

округа, объявленную в 1965 г. за содействие армейской самодеятельности к 20-летию Победы[27], и письмо из Областного отдела народного образования от 1972 г. за работу в качестве эксперта на смотрах пионерии[28].

Отдельно в деле представлен диплом 1962 г., врученный по итогам смотра театров для детей в Москве. Решением республиканского жюри А.М. Ильвовский был удостоен этой награды за лучшую административно-организационную работу в рамках мероприятий к 40-летию Всесоюзной пионерской организации[29].

Профессиональное признание со стороны театрального сообщества подтверждает письмо Всероссийского театрального общества от 24 июня 1946 г. (и его копия). В связи с 60-летним юбилеем организации Президиум Совета ВТО отметил большую работу режиссера и наградил его Почетной грамотой за подписью председателя Совета профессора М.С. Григорьева[30].

Помимо наград, в деле представлены документы, обладающие особым юридическим статусом и уникальным содержанием. К ним относится Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 октября 1963 г. о присвоении А.М. Ильвовскому почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР» за подписями председателя Игнатова и секретаря Орлова[31].

Важнейшей базой для реконструкции биографии служит автобиографическая справка, охватывающая период с 1921 по 1972 г. Этот машинописный текст с личной подписью фиксирует этапы работы режиссера в театрах Уфы, Калуги, Тулы и Симферополя, уникальный опыт восстановления культуры Крыма в 1944 г., а также его общественно-политическую деятельность[32].

Завершает дело пригласительный билет на юбилейный спектакль в Калужском драматическом театре. Мероприятие, состоявшееся 16 апреля 1941 г., было посвящено 20-летию сценической деятельности артиста. Указанные в билете годы «1921–1941» официально фиксируют начало профессиональной карьеры А.М. Ильвовского[33].

В деле № 7 собраны поздравительные письма и открытки, адресованные лично А.М. Ильвовскому и коллективу Калининского театра кукол. Всего в материалах представлено 6 документов: 4 из них адресованы непосредственно режиссеру, а 2 – Калининскому театру кукол[34]. Преобладание в деле рукописных документов (4 документа)

[27] ГАТО. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
[28] Там же. Л. 22.
[29] Там же. Л. 18, 19.
[30] Там же. Л. 9, 12.
[31] Там же. Л. 17.
[32] Там же. Л. 6.
[33] Там же. Л. 1, 2.
[34] Там же. Д. 7. Л. 1–8.

подчеркивает личный характер связей режиссера. Машинописно же оформлены официальные обращения от Ленинградского отделения ВТО и Центрального детского театра[35]. В деле можно выделить три группы документов: поздравления с открытием гастролей, поздравления с премьерами постановок и поздравления с юбилеем театра (см. Рис. 5).

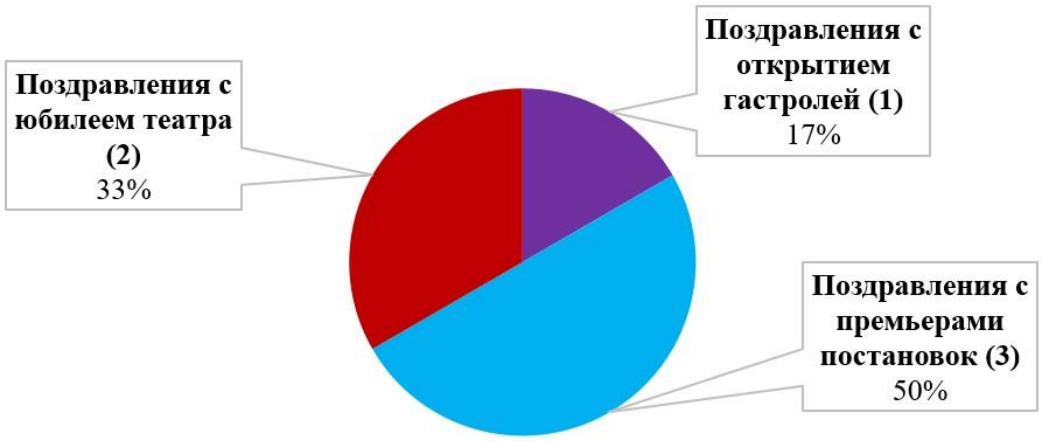

Рис. 5. Состав документов в деле № 7

Официальное поздравление от Ленинградского отделения ВТО в связи с открытием гастролей фиксирует признание мастерства калининского коллектива на межрегиональном уровне. Коллеги из северной столицы подчеркивают значимость визита театра, желая режиссеру «успехов в гостях и дома»[36].

Значительная часть документов 1976 г. связана с триумфом спектакля «Божественная комедия». Среди них – открытки от ГЦТК имени С.В. Образцова[37] и стихотворное послание Николая Попова[38]. Эти тексты подтверждают исключительный успех постановки: московские мастера признали спектакль «победой», а в поэтическом адресе А.М. Ильвовский назван «кукольным кудесником», умеющим дивно слить форму и содержание.

Ряд поздравлений, полученных в период с 1959 по 1969 г., связан с крупной датой: 25-летием творческой деятельности А.М. Ильвовского и юбилеями основания Калининского театра кукол. Телеграмма Николая Попова[39] и открытка от Центрального детского театра[40] официально фиксируют в эти годы высокий авторитет режиссера. В текстах упоминается его членство в международном союзе кукольников (УНИМА) и всесоюзный масштаб творчества, «чьим мастерством бывали пленены

[35] ГАТО. Ф-1284. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–8.
[36] Там же. Л. 2.
[37] Там же. Л. 4.
[38] Там же. Л. 8.
[39] Там же. Л. 7.
[40] Там же. Л. 3.

Москва и телезрители страны». Пожелание «скорее зажить в доме снова», приуроченное к одной из дат, косвенно подтверждает активную роль режиссера в строительстве нового здания театра в Калинине.

Как отмечал Е.С. Калмановский, Ильвовский обладал особым пониманием детской аудитории, умел устанавливать доверительную связь между сценой и залом. Дети воспринимали театр не просто как место, а как своего друга[41]. Именно это качество, зафиксированное в исследовательской литературе, подтверждается содержанием поздравительных писем, в которых коллеги подчеркивали не только успех спектаклей, но и их глубокое воздействие на зрителя.

Глубокое воздействие творчества А.М. Ильвовского на зрителя и его безусловный авторитет в театральной среде дополнялись активной гражданской позицией. Как активного партийного и общественного деятеля А.М. Ильвовского характеризует дело № 10 (см. Рис. 6).

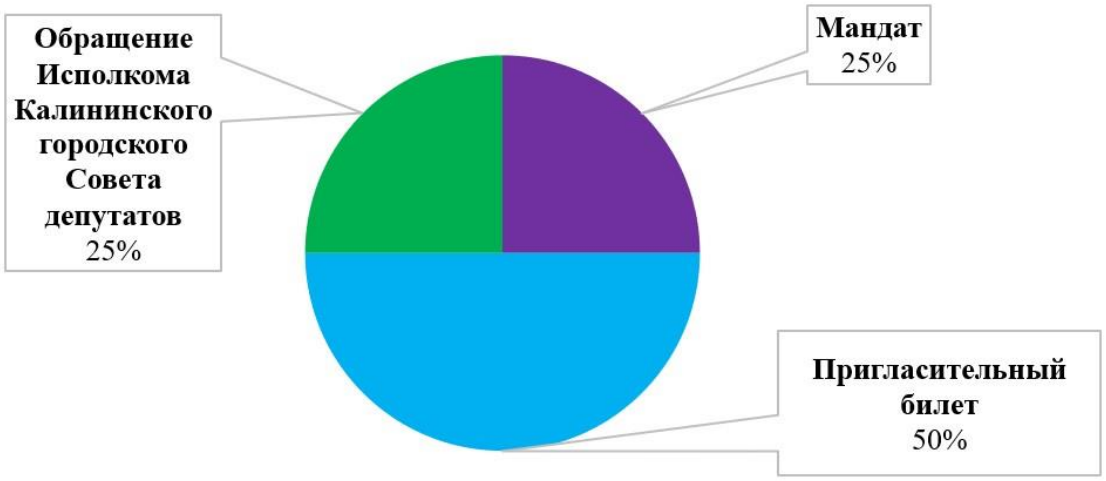

Рис. 6. Состав документов в деле № 10

Участие Ильвовского в VI партийной конференции Центрального района Тулы подтверждается мандатом, выданным в 1943 г.[42] Тот факт, что режиссер обладал правом решающего голоса, свидетельствует о его активной партийной позиции уже в военные годы.

Признание заслуг в развитии детского театра на всесоюзном уровне подтверждают два пригласительных билета, относящиеся к периоду с 1969 по 1978 г. Среди них – приглашение Министерства культуры СССР и ЦК ВЛКСМ на торжественный вечер в Большом театре[43], а также билет на XXII областную комсомольскую конференцию в Калинине[44]. Эти документы указывают на многолетнюю включенность А.М. Ильвовского в

[41] *Калмановский Е.С.* Указ. соч. С. 50.
[42] ГАТО. Ф-1284. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
[43] Там же. Л. 4–5.
[44] Там же. Л. 2.

партийную и культурную работу страны вплоть до последнего года его жизни.

Общественно-политическую деятельность в регионе отражает официальное обращение Исполкома Калининского горсовета от 1977 г. Текст содержит требование явиться для оформления депутатского удостоверения, что служит прямым подтверждением избрания А.М. Ильвовского депутатом городского Совета[45].

Проведенный анализ биографических материалов из личного архивного фонда А.М. Ильвовского позволяет утверждать, что документы личного происхождения – даже при частичной недоступности отдельных дел – обладают высоким реконструктивным потенциалом. Они раскрывают эволюцию личности А.М. Ильвовского: он начинал карьеру как сценический исполнитель в образе Арлекина[46] и, подобно своему герою, обладал способностью к импровизации и быстрой адаптации к меняющимся обстоятельствам. Под влиянием военного времени, эвакуации и ухудшения здоровья эти качества трансформировались в управленческую волю, позволявшую ему сохранять дееспособность и брать ответственность в экстремальных условиях.

Список литературы

Калмановский Е.С. Театр кукол, день сегодняшний: из записок критика. Л.: Искусство, 1977. 118 с.

Петренко Е.В. Повелитель сказок // Тверская Жизнь. 2005. 9 сент. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/m/sov/335662/bio/ (дата обращения: 15.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 14.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[45] ГАТО. Ф-1284. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
[46] Там же. Д. 3. Л. 14.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ПАРТИЙНОГО БЮРО ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ ПО КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1946–1950 ГГ.: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДОКУМЕНТОВ

И.А. Титанов
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – И.Г. Серегина,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья направленна на исследование деятельности первичных партийных организаций правоохранительных органов в первые послевоенные годы. По материалам парторганизаций представляется возможным составить картину быта сотрудников учреждений. С целью анализа информационной ценности материалов проведено исследование документов парторганизации Управления милиции по Калининской области, в котором уделено внимание вопросам повесток дня заседаний партийного бюро, а также выявлен ряд документов, освещающих практическую деятельность парторганизации по помощи гражданам в нелегкие послевоенные годы.

Ключевые слова: *протокол, заседание, информационная ценность, Управление милиции, вопрос, документ, дело, анализ, послевоенные годы, партийное бюро, мероприятие*.

В современных реалиях изучение документов советского периода – это немаловажная часть исторической науки, а также документоведения и архивоведения в частности[1]. В данном контексте интересным представляется вопрос исследования материалов первичных партийных организаций различных учреждений, или, говоря народным языком, «первичек», так как они играли важную роль в деятельности советских организаций. Актуальность этих исследований в первую очередь связана с ценностью информации, заключенной в подобных документах[2]. По материалам первичных парторганизаций нередко представляется

[1] *Васильева А.Г.* Использование документов КПСС: теоретические аспекты // Пермский государственный архив социально-политической истории. [Электронный ресурс]. URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/ispolzovanie-dokumentov-kpss-teoreticheskie-aspekty.html (дата обращения: 20.02.2026).

[2] *Реут Е.В.* Протоколы партийных собраний и бюро как источник для изучения повседневной истории рабочего класса (на примере коксогазового завода Калининграда). 1948–1953 гг. // Калининградские архивы: материалы исследований: сб. ст. Калининград, 2015. Вып. 12. С. 26–37. [Электронный ресурс]. URL: https://prussia.online/Data/Book/ka/kaliningradskie-arhivi-12/Калининградские%20архивы.%20Вып.%2012%20(2015).pdf (дата обращения: 20.02.2026).

возможным выявить вопросы, волновавшие коллективы организаций в тот или иной временной период, восстановить процессы, происходившие в организации или учреждении, составить картину проблем быта сотрудников учреждений и др.

С целью анализа информационной ценности мы исследовали протоколы заседаний партийного бюро парторганизации Управления милиции (УМ) по Калининской области.

Протокол – документ, содержащий последовательную запись обсуждения хода вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов[3]. Для внесения некоторой ясности следует сказать, что традиционно протоколы первичных партийных организаций рассматривались советским партийным руководством как способ общения с народными массами. Данный факт подтверждается темами повесток дня протоколов первичных парторганизаций, которые варьировались от самых бытовых повседневных вопросов до вопросов общегосударственных (как показывает изучение материалов первичной парторганизации УМ, могли проводиться обсуждения и разъяснения действий советского государства по различным вопросам, поднималась тема госзайма и др.). Также этот факт находит подтверждение в достаточно малом количестве официоза в текстах документов подобных организаций[4]. Вместе с тем, исходя из исследований Ф.К. Ярмолич[5], Е.В. Реут[6], В.В. Рубашкина[7], а также из материалов фонда первичной парторганизации УМ, можем сказать, что решения, зафиксированные в постановлениях протоколов парторганизаций, вполне могли влиять и влияли на жизни советских граждан.

---

[3] Краткий словарь видов и разновидностей документов. М.: ВНИИДАД, 1974. С. 34 // Государственный архив Вологодской области. [Электронный ресурс]. URL: https://arhiv-vologda.ru/doc/1485343782.pdf?ysclid=mazgmym0ji752012136 (дата обращения: 20.02.2026).

[4] *Киселев А.Г.* Делопроизводственные документы ВКП(б)-КПСС, как источник по истории послевоенного периода (на материалах архивного фонда Раменского ГК ВКП(б)-КПСС) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2: URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22520 (дата обращения: 14.05.2026).

[5] *Ярмолич Ф.К.* Частный взгляд на окружающую действительность (на материалах протоколов собраний первичных партийных организаций культурно-просветительских учреждений Ленинграда 1950-х годов) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 1. С. 53–63. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastnyy-vzglyad-na-okruzhayuschuyu-deystvitelnost-na-materialah-protokolov-sobraniy-pervichnyh-partiynyh-organizatsiy-kulturno?ysclid=majps42a3w376586982 (дата обращения: 21.04.2026).

[6] *Реут Е.В.* Указ соч. [Электронный ресурс].

[7] *Рубашкин В.В.* Особенности взаимодействия партийных и советских органов в Калининградской области в послевоенный период // Актуальные проблемы Российского права. 2018. № 12. С. 19–25. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-partiynyh-i-sovetskih-organov-v-kaliningradskoy-oblasti-v-poslevoennyy-period (дата обращения: 14.05.2026).

Для нашей работы были взяты дела №№ 26[8], 39[9], 48[10] фонда № 376 Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ) «Первичная организация Коммунистической партии Советского союза Управления милиции Калинина». Дела состоят из протоколов заседаний партийного бюро парторганизации Управления милиции Калинина за 1946, 1949, 1950 гг. – первые послевоенные, наиболее трудные для страны годы. Взяты для анализа данные дела в целях получения наглядного представления ситуации в партийной организации в годы начала и конца первой послевоенной пятилетки (четвертой пятилетки). Также на их основе достаточно наглядно может быть продемонстрирована ситуация в организациях и учреждениях в послевоенные годы в целом.

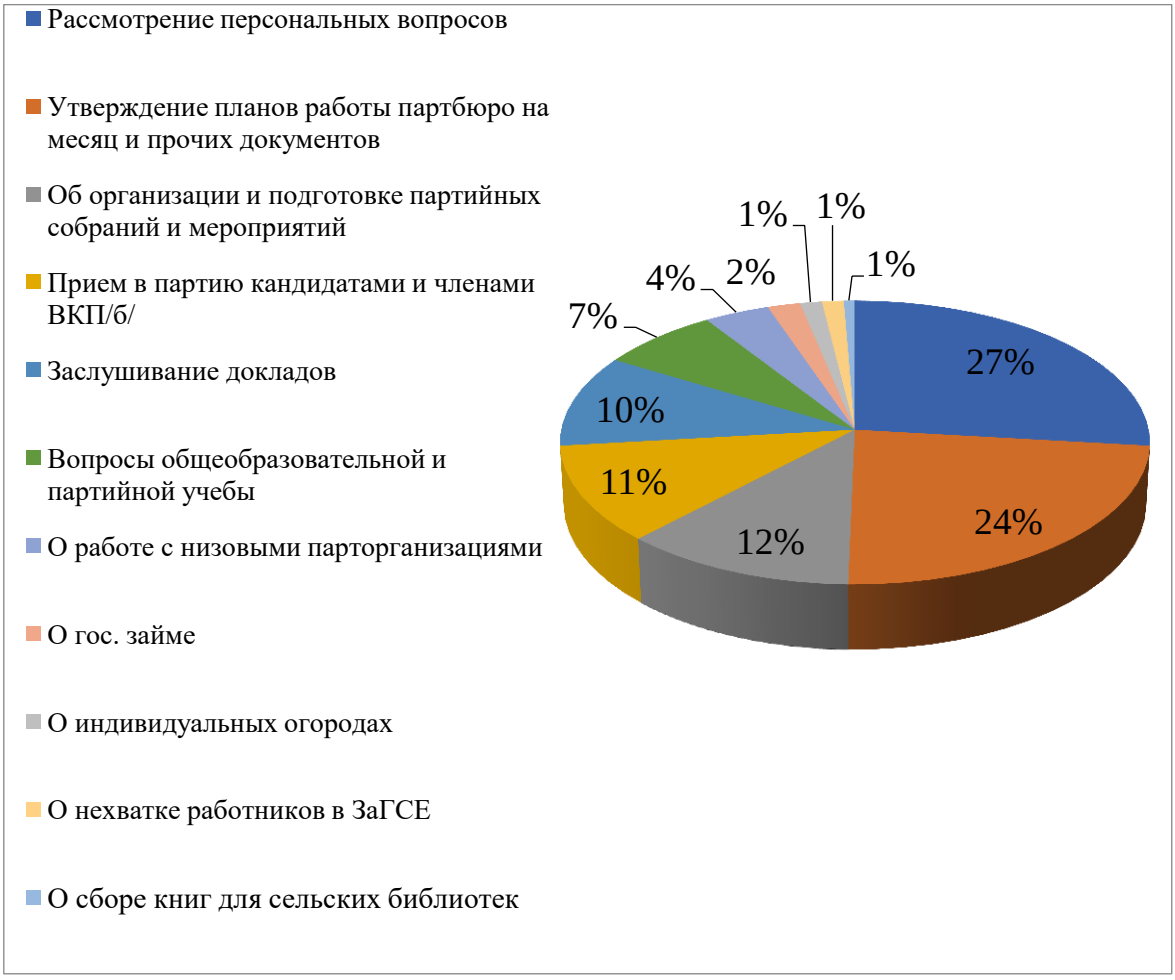

Рис. 1. Диаграмма по всем вопросам партбюро УМ, рассмотренным за 1946, 1949, 1950 гг.[11]

[8] Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 376. Оп. 1. Д. 26.
[9] Там же. Д. 39.
[10] Там же. Д. 48.
[11] Там же. Д. 26, 39, 48.

Так, согласно материалам от 1946 г., за этот период было проведено 9 заседаний партийного бюро УМ с периодичностью 1–2 заседания в месяц (за март и май проведено по 2 заседания, но в январе, сентябре, ноябре и декабре заседания не проводились, так как в деле нет соответствующих протоколов, а нумерация имеющихся протоколов соблюдалась). За 1949 г. было проведено 19 заседаний партийного бюро УМ с периодичностью 1–3 заседания в месяц (за январь проведено 3 заседания, за март, май, июнь, октябрь, декабрь проведено по 2 заседания, в августе заседания не проводились, в прочие месяцы – по 1 заседанию). За 1950 г. было проведено 21 заседание партийного бюро УМ с периодичностью 1–3 заседания в месяц (за январь проведено 3 заседания, за март, май, июнь, июль, сентябрь, декабрь – по 2 заседания, за прочие месяцы – по одному, также в деле находится один протокол за 4 января 1951 г.).

Всего за три года по вопросам повесток дня мы видим следующую ситуацию: «Рассмотрение персональных вопросов, дисциплинарных проступков, о снятии партийных взысканий» – 41 вопрос (27 %); «Утверждение планов работы партбюро на месяц и прочих документов по работе парторганизации (отчетов и др.)» – 36 вопросов (24 %); «Об организации и подготовке партийных собраний и мероприятий» – 18 вопросов (12 %); «Прием в партию кандидатами и членами ВКП(б)» – 17 вопросов (11 %); «Заслушивание докладов» – 16 вопросов (10 %); «Вопросы общеобразовательной и партийной учебы» – 11 вопросов (7 %); «О работе с низовыми парторганизациями» – 6 вопросов (4 %); «О госзайме» – 3 вопроса (2 %); «Об индивидуальных огородах» – 2 вопроса (1 %); «О нехватке работников в ЗАГСЕ» – 2 вопроса (1 %); «О сборе книг для сельских библиотек» – 1 вопрос (1 %).

Исходя из данной информации, можем утверждать, что в целом в послевоенные годы наиболее значимыми вопросами для парторганизации были персональные проблемы коммунистов и сотрудников, вопросы дисциплины, административная деятельность по работе с документами, организация мероприятий и прием в партию.

Таблица 1. Группы вопросов заседаний партбюро за 1946, 1949, 1950 гг.[12]

Наименование вопроса	Кол-во вопросов по годам			Всего за 3 года
	1946	1949	1950	
Рассмотрение персональных вопросов коммунистов и кандидатов ВКП(б), дисциплинарных проступков, о снятии партийных взысканий	7	20	14	41

[12] ТЦДНИ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 26, 39, 48.

Утверждение планов работы партбюро на месяц и прочих документов по работе парторганизации (отчетов, планов парт-массовых работ и др.)	4	10	22	36
Об организации и подготовке партийных собраний и мероприятий	-	9	9	18
Прием в партию кандидатами и членами ВКП(б)	4	5	8	17
Заслушивание докладов	-	4	12	16
Вопросы общеобразовательной и партийной учебы	-	8	3	11
О работе с низовыми парторганизациями (отделов УМ)	3	2	1	6
О госзайме	-	1	2	3
Об индивидуальных огородах	1	1	-	2
О нехватке работников в ЗАГСЕ	1	1	-	2
О сборе книг для сельских библиотек	-	1	-	1
Всего вопросов за год	20	62	71	

Для более полного понимания ситуации взглянем на распределение данных вопросов за конкретные годы. Так, мы можем видеть, что наиболее массовыми и общими темами для всех трех послевоенных лет являются все те же: 1. Вопросы персонального характера и дисциплины; 2. Работа с документацией; 3. Прием в партию. Отметим, что в первый послевоенный год, согласно повесткам дня протоколов заседаний партбюро, работа по организации мероприятий и подготовке партсобраний документально оформлена в парторганизации не была, но в последующие годы набрала обороты. Также можно заметить, что на протяжении нескольких лет пошла на спад работа с низовыми партийными организациями. Связать данный факт можно с тем, что в самые первые послевоенные годы требовался повсеместный контроль, создавались новые низовые партийные организации в структурных подразделениях учреждений и др., а по прошествии некоторого времени данные организации наладили свою работу и продолжили относительно самостоятельное, отработанное функционирование.

Всего за 1946 г. было рассмотрено 20 вопросов, за 1949 г. – 62 вопроса, за 1950 г. – 71 вопрос. Как можем видеть, наибольшее количество вопросов было рассмотрено за 1950 г., что в целом указывает на тенденцию роста масштабов партийной работы с течением лет.

Следует также обратить внимание и на количество работников, присутствовавших на заседания партийного бюро Управления милиции в обозначенные годы. В 1946 г. партийное бюро УМ состояло из 6 членов, в 1949 и 1950 гг. уже из 8. За 1946 г. на заседаниях присутствовали от 5 до 6 членов бюро, а также до 8 человек приглашенных сотрудников. За 1949 г.

на заседаниях присутствовали от 4 до 8 членов бюро и до 18 человек приглашенных лиц. За 1950 г. на заседаниях присутствовали от 4 до 8 членов бюро и до 8 человек приглашенных. По количеству приглашенных на заседания бюро лиц на общем фоне крайне выделяется 1949 г., в ходе которого достаточно часто приглашались секретари партийных организаций отделов УМ и начальники отделов УМ. Связан данный факт в первую очередь с количеством рассматриваемых в 1949 г. вопросов персонального характера и дисциплины, а также партийной и общеобразовательной учебы сотрудников УМ (секретарям и начальникам давались указания по мероприятиям, а также проводились обсуждения поставленных на заседании вопросов).

Говоря об информационной ценности документов этих дел, помимо типовых блоков вопросов можно выделить темы повесток дня, касающиеся личных проблем сотрудников. Для анализа одной из таких тем были привлечены иные дела фонда № 376, а именно – дело № 38 «Акты проверки работы отделов парторганизации УМ за 1948 г.»[13], № 35 «Протоколы партийных собраний за 1948 г.»[14], № 40 «Протоколы партсобраний за 1949 г.»[15].

Так, в протоколе № 5 заседания партийного бюро Управления милиции от 22 апреля 1949 г.[16] есть вопрос, касающийся выделения двух членов из парторганизации Управления милиции в комиссию по опеке над семьей Ефимова. Интересен вопрос тем, что в иных делах фонда есть информация, освещающая эту ситуацию подробнее. Так, согласно материалам дела № 38, а именно акту проверки бытовых условий семьи военнослужащего, погибшего на фронте Отечественной войны, Ефимова Ивана Федоровича от 10 мая 1948 г.[17], следует, что семья пребывает в крайне бедственном положении. Семья, состоящая из вдовы военнослужащего и трех детей (двух дочерей 1931 и 1939 гг. рождения и сына 1939 г. рождения), проживает в комнате 18 кв. м. в полуподвальном сыром помещении. «Из мебели железная койка и три табурета», индивидуального огорода семья не имеет, так как Исполком райсовета Центрального района г. Калинина отказывает в этом за неимением земельного участков. Исходя из имеющихся данных, можем сказать, что хронология событий была следующей: в апреле–мае 1948 г. в партбюро Управления милиции поступила информация о бедственном положении семьи фронтовика, погибшего в ходе Великой Отечественной войны. По заданию партийного бюро Управления милиции на место проживания семьи был направлен представитель парторганизации, который подтвердил неудовлетворительные условия жизни семейства и составил акт о проверке

[13] ТЦДНИ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 38.
[14] Там же. Д. 35.
[15] Там же. Д. 40.
[16] Там же. Д. 39. Л. 17, 18.
[17] Там же. Д. 38. Л. 50.

от 10 мая 1948 г. 11 мая 1948 г.[18] прошло партийное собрание, на котором членам партийной организации УМ было сообщено о возникающей среди парторганизаций предприятий и учреждений города Калинина положительной практике по помощи семьям воинов, погибших на фронте Великой Отечественной войны. Были приняты решения о приеме под опеку партийной организации УМ семьи И.Ф. Ефимова и о создании совета по помощи семейству, состоящего из трех представителей партийной организации УМ. Данному совету было поручено разработать перечень мероприятий по помощи и приступить к его осуществлению. 20 января 1949 г.[19] прошло партийное собрание по факту работы в данном направлении. В протоколе партийного собрания зафиксировано, что семья была обеспечена участком под индивидуальный огород, был выделен семенной фонд картофеля для посадки, а также собрано 70 рублей в качестве поддержки. Партийное собрание отметило предпринятые меры, но указало на их недостаточность. Совету по помощи семье в срок до 25 января 1949 г. была поставлена задача по разработке нового списка мероприятий поддержки. Впоследствии рассматриваемый вопрос был зафиксирован в протоколе заседания партийного бюро УМ от 22 апреля 1949 г., на котором партийное бюро принимает решение о выделении двух новых представителей в комиссию по помощи семье погибшего фронтовика Ефимова. В иных изученных документах рассматриваемый вопрос встречен не был (что не исключает его наличия в еще не изученных материалах фонда), но уже из имеющейся информации возможно с уверенностью сказать, что партийная организация УМ достаточно эффективно осуществляла практические мероприятия по помощи подопечному ей семейству.

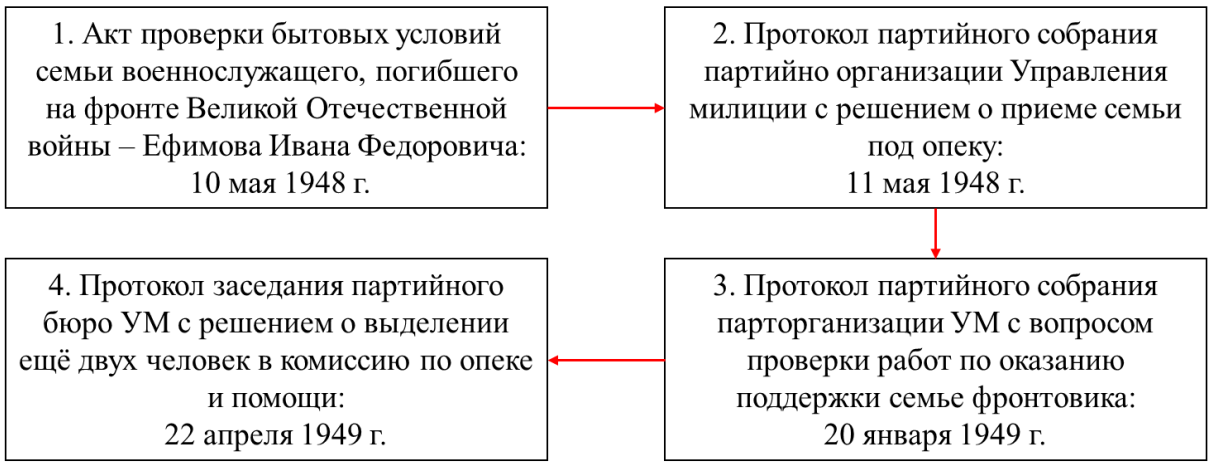

Рис. 2. Схема документальной фиксации деятельности парторганизации Управления милиции Калинина по социальной поддержке граждан

[18] ТЦДНИ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 35.
[19] Там же. Д. 40. Л. 1, 2, 3, 4.

Таким образом, на основе проведенного анализа протоколов заседаний партийного бюро УМ, а также иных дел фонда № 376 за 1946, 1949, 1950 гг. можем сказать следующее:

- Основными темами работы партийной организации в первые послевоенные годы были: 1. Вопросы, связанные с рассмотрением персональных дел представителей парторганизации, вопросы поддержания служебной и трудовой дисциплины; 2. Планирование работы, вопросы оформления и ведения документации; 3. Пополнение рядов коммунистической партии новыми кандидатами и членами.
- Дополнительными значимыми темами работы партийной организации в конце четвертой пятилетки были: 1. Документирование и организация партийных и общественных мероприятий; 2. Заслушивание докладов коммунистов о различных сферах их деятельности (например, о личном росте); 3. Вопросы общеобразовательной и партийной учебы, которая, судя по документам за 1948–1949 гг., становилась все более актуальной в советских учреждениях.
- Также отметим, что данные документы наглядно демонстрируют практику работы советских парторганизаций по помощи гражданам в нелегкое послевоенное время.

Список литературы

Васильева А.Г. Использование документов КПСС: теоретические аспекты // Пермский государственный архив социально-политической истории. [Электронный ресурс]. URL: https://www.permgaspi.ru/publikatsii/stati/ispolzovanie-dokumentov-kpss-teoreticheskie-aspekty.html (дата обращения: 20.02.2026).

Киселев А.Г. Делопроизводственные документы ВКП(б)-КПСС, как источник по истории послевоенного периода (на материалах архивного фонда Раменского ГК ВКП(б)-КПСС) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2: URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22520 (дата обращения: 14.05.2026).

Краткий словарь видов и разновидностей документов. М.: ВНИИДАД, 1974. 80 с. // Государственный архив Вологодской области. [Электронный ресурс]. URL: https://arhiv-vologda.ru/doc/1485343782.pdf?ysclid=mazgmym0ji752012136 (дата обращения: 20.02.2026).

Реут Е.В. Протоколы партийных собраний и бюро как источник для изучения повседневной истории рабочего класса (на примере коксогазового завода Калининграда). 1948–1953 гг. // Калининградские архивы: материалы исследований: сб. ст. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 12. С. 26–37. [Электронный ресурс]. URL: https://prussia.online/Data/Book/ka/kaliningradskie-arhivi-12/Калининградские%20архивы.%20Вып.%2012%20(2015).pdf (дата обращения: 20.02.2026).

Рубашкин В.В. Особенности взаимодействия партийных и советских органов в Калининградской области в послевоенный период // Актуальные проблемы Российского права. 2018. № 12. С. 19–25. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-partiynyh-i-sovetskih-organov-v-kaliningradskoy-oblasti-v-poslevoennyy-period (дата обращения: 14.05.2026).

Ярмолич Ф.К. Частный взгляд на окружающую действительность (на материалах протоколов собраний первичных партийных организаций культурно-просветительских учреждений Ленинграда 1950-х годов) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 1. С. 53–63. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chastnyy-vzglyad-na-okruzhayuschuyu-deystvitelnost-na-materialah-protokolov-sobraniy-pervichnyh-partiynyh-organizatsiy-kulturno?ysclid=majps42a3w376586982 (дата обращения: 21.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию – 16.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

ПЕРЕПИСКА УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПО КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДОКУМЕНТ

Д.С. Филиппова
Тверской государственный университет, Тверь

Научный руководитель – О.Г. Леонтьева,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется состав и содержание переписки из фонда Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Калининской области. На материале четырех дел, охватывающих период 1960–1980-х гг., рассматриваются особенности формуляра исходящих и входящих документов, включая циркулярные и индивидуальные письма. Изучается изменение тематики переписки от преобладания отчетно-контрольных функций и кадровых вопросов в 1960-е гг. к расширению взаимодействия с местными органами власти и рассмотрению жалоб верующих в середине 1980-х гг.

Ключевые слова: *переписка, Совет по делам религий, Калининская область, формуляр, обращения граждан, входящие документы, исходящие документы, жалобы верующих, государственно-церковные отношения, циркулярные письма.*

Переписка – это совокупность документов, обеспечивающих оперативный информационный обмен между организациями. В фонде Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Калининской области переписка является одним из наиболее информативных видов документов. Всего в фонде из 227 дел, представляющих информационную документацию, насчитывается 27 дел с перепиской. Остальные информационные документы представлены сведениями, отчетами, докладами, обзорами, а также единичными видами документов (например, обращениями, ходатайствами)[1].

Не все дела оказались доступны для изучения. В связи с наличием персональных данных в некоторых документах не выдаются переписка с уполномоченными других областей и переписка с районными исполкомами. Ограничение доступа к архивным документам, содержащим персональные данные, основано на пункте 3 статьи 25 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской

[1] Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2723. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Тверской области (07.11.1943 – .. 08.1990 гг.). Оп. 3.

Федерации», согласно которому доступ к таким документам ограничивается на срок 75 лет со дня их создания[2].

Цель проведенного исследования – проанализировать структуру (формуляр) и тематику писем фонда. Из 27 дел с перепиской для изучения было выбрано 4 дела с различными органами, организациями и гражданами:

- дело № 194 – переписка с Советом по делам религий при Совете Министров СССР;
- дело № 203 – переписка с исполнительным комитетом Калининского областного Совета народных депутатов;
- дело № 208 – переписка с гражданами и священнослужителями;
- дело № 211 – переписка с Государственной инспекцией по охране и использованию памятников истории и культуры.

В изученных делах представлена как исходящая, так и входящая переписка. Исходящие письма составлялись от лица уполномоченного Совета по делам религий. Они представлены в двух вариантах оформления: на типографских бланках и без бланков.

Большинство исходящих писем уполномоченного по делам религий являются отпуском, то есть копией, оставшейся у отправителя, поскольку подлинник отправлялся адресату. Такие письма оформлены на листах без типографских бланков и не содержат заранее напечатанных реквизитов организации. Отпуск содержит следующие реквизиты: адресат, дату, регистрационный номер, текст, отметку о приложении и подпись. Реквизит «адресат» размещается, как правило, в правой верхней части документа и конкретизируется указанием должностного лица. Реквизиты «дата» и «регистрационный номер» располагаются в левой части листа. Заголовок к тексту как самостоятельный реквизит отсутствует, его функцию выполняет начальная фраза документа, например «Представляю для сведения заключение...» или «Сообщаю об изменениях...». Текст писем отличается краткостью, информативностью и официально-деловым стилем изложения. Значительная часть писем имеет отметку о наличии приложения. Реквизит «подпись» включает наименование должности, личную подпись и ее расшифровку.

Исходящие письма на типографских бланках содержат те же реквизиты, но дополнительно включают реквизиты «герб СССР», «наименование организации» и «место составления документа». Один из вариантов бланка содержит полное наименование учреждения («Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Уполномоченный Совета по делам религий по Калининской области»), расположенное по центру

[2] Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 25 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/ (дата обращения: 26.04.2026).

листа[3]. Другой вариант представлен с сокращенным наименованием учреждения («Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Калининской области»), вынесенным в левый верхний угол листа[4].

Входящие документы в изученных делах поступали из различных организаций (Совета по делам религий при Совете Министров СССР, Калининского облисполкома, управления культуры, УВД, редакции газеты «Калининская правда»), а также от граждан и священнослужителей.

По способу адресации входящие документы подразделяются на индивидуальные («Уполномоченному Совета»[5]) и циркулярные («Всем уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР»[6]). Циркулярные письма направлялись одновременно группе адресатов и носили директивный и инструктивный характер. Они содержали разъяснения по спорным вопросам, указания по контролю за соблюдением законодательства о культах, требования по организации работы уполномоченных и форм отчетности[7].

Письма, поступившие из организаций, могли оформляться как на официальных бланках, так и на листах без них. Формуляр обоих видов входящих документов в целом аналогичен формуляру и набору реквизитов соответствующих исходящих. Однако он отличается вариативностью расположения отдельных реквизитов, прежде всего даты и регистрационного номера. В большинстве случаев эти реквизиты проставлены в левом нижнем углу листа[8], но встречаются документы, где они вынесены в левый верхний угол[9], а также письма, не содержащие их вовсе[10].

Отдельную группу входящих документов составляют служебные записки. Например, служебная записка «т. Чистякову Ю.И. Для сведения»[11]. Они содержат основные реквизиты, а также резолюции руководства, определяющие порядок исполнения документов.

Особую группу также составляют письма граждан. Они выполнены от руки, часто с грамматическими ошибками, занимают 2–5 листов. В правом верхнем углу (на месте расположения реквизита «адресат») таких

---

[3] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 203. Л. 18, 32.
[4] Там же. Л. 27.
[5] Там же. Д. 194. Л. 1, 43, 70, 120–121.
[6] Там же. Л. 2, 104, 111, 122.
[7] *Дроботушенко Е.В.* Циркулярно-инструктивные письма Совета по делам религий уполномоченным как источник по истории православия в СССР в 1970-е годы // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. № 3(27). С. 228.
[8] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 194. Л. 1, 43.
[9] Там же. Л. 65.
[10] Там же. Л. 2.
[11] Там же. Д. 203. Л. 41.

писем адресатом указан уполномоченный Совета по Калининской области, а в конце проставляются подписи авторов.

Перейдем к рассмотрению тематики переписки.

Таблица 1. Тематика исходящих писем уполномоченного

Год	Дело	Основная тематика исходящих писем
1966–1967	№ 194	Кадровые вопросы (45 %), отчетные и информационные материалы (22 %), контрольные функции (7 %), организационные вопросы (11 %), прочие (15 %).
1983–1984	№ 208	Рассмотрение жалоб граждан (55 %), информационные письма в Совет по делам религий или митрополиту (22 %), прочие (23 %).
1986–1990	№ 203	Передача культовых зданий и регистрация общин (32 %), хозяйственно-организационные вопросы (26 %), конфликтные ситуации и проверки (10 %), контакты с церковными структурами (10 %), прочее (22 %).
1986–1990	№ 211	Ходатайства о выделении материальных ресурсов (30 %), организация мероприятий (16 %), подготовка к 1000-летию крещения Руси (10 %), взаимодействие с издательствами и СМИ (8 %), контроль за состоянием культовых зданий (6 %), прочее (30 %).

Анализ исходящей переписки уполномоченного по четырем делам позволяет выделить несколько основных тематических блоков.

Значительное место в переписке занимают кадровые вопросы и контроль за духовенством. Эта тема наиболее полно представлена в деле № 194, включающем 27 исходящих писем, охватывающих период с 26 ноября 1966 г. по 26 декабря 1967 г. Около 45 % из них (12 писем) посвящены назначениям, перемещениям и увольнениям священнослужителей[12]. К этой же группе относятся документы, связанные с контрольными функциями уполномоченного. Например, заключение о снятии с регистрации священника Бойкова за незаконное проведение обрядов[13] и заключение по ходатайству баптистов из Зубцовского района, в котором обосновывается отказ в регистрации общины[14]. Приложения к письмам содержат развернутые заключения (например, о «Снятии с регистрации священника Бойкова А.Б.»[15]), копии решений местных властей, ведомственные ответы.

[12] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 194. Л. 14, 59, 60, 99, 103, 106, 108, 118, 124.
[13] Там же. Л. 9.
[14] Там же. Л. 67–68.
[15] Там же. Л. 10.

Другим важным направлением исходящей переписки является подготовка отчетных и информационных материалов. Около 22 % писем (6 из 27) в деле № 194 касаются обзоров о деятельности религиозных организаций за 1966 г.[16], справок о проповедях[17], информации для обкома КПСС[18]. В деле № 211 (51 исходящее письмо) около 10 % писем (5) связаны с подготовкой к празднованию 1000-летия крещения Руси, включавшие информацию об изготовлении пригласительных билетов[19] и визитных карточек[20].

Отдельное место занимают письма, посвященные передаче культовых зданий и регистрации религиозных общин. В деле № 203 (19 исходящих писем) эта тема охватывает 6 писем (около 32 %)[21]. В деле № 211 около 30 % писем (15) составляют ходатайства о выделении материальных ресурсов для религиозных общин и епархии, а также содействие в продаже легковых автомобилей священникам[22].

Хозяйственно-организационные вопросы отражены в деле № 203 в 5 письмах (около 26 % от общего количества документов дела). Это такие вопросы как обеспечение аппарата уполномоченного помещениями[23], заказ бланков[24], выделение моющих средств[25], бронирование гостиниц для семинаров и праздничных мероприятий[26]. В деле № 211 аналогичные вопросы (8 писем, около 16 %) включают бронирование гостиниц для участников совещаний[27], программу приема иностранных делегаций[28], размещение делегации евангельских христиан-баптистов из Англии[29].

Наконец, значительная часть исходящих писем связана с рассмотрением жалоб граждан и проведением проверок. В деле № 203 уполномоченный сообщает в облисполком о результатах проверки жалоб граждан Уткиной и Михайловой, отмечая, что их поведение и высказывания заслуживают осуждения[30]. В деле № 208 (18 исходящих писем) большинство писем (10 писем, около 55 %) направлены в адрес исполнительных органов власти для проверки фактов, изложенных в обращениях граждан. Например, письмо-запрос в Старицкий райисполком для проверки анонимного заявления, в котором неизвестный автор

[16] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 194. Л. 58.
[17] Там же. Л. 64, 107, 119.
[18] Там же. Л. 98, 100, 102.
[19] Там же. Д. 211. Л. 24, 35.
[20] Там же. Л. 36-37.
[21] Там же. Д. 203. Л. 12, 13, 15, 25–26, 32, 40.
[22] Там же. Д. 211. Л. 22, 51.
[23] Там же. Д. 203. Л. 2.
[24] Там же. Л. 27.
[25] Там же. Л. 20.
[26] Там же. Л. 24, 39.
[27] Там же. Д. 211. Л. 12.
[28] Там же. Л. 40-41.
[29] Там же. Л. 66.
[30] Там же. Д. 203. Л. 16.

выражал недовольство переизбранием председателя церковного совета и его заместителя[31].

Входящие документы в изученных делах поступали из различных организаций и от граждан.

Таблица 2. Характеристика входящих документов по делам

Дело	Основные отправители	Количество документов	Характер документов	Примеры тематики
№ 194	Совет по делам религий при СМ СССР	9 писем	Директивный и инструктивный	Указания по отчетности (л. 1), разбор недостатков комиссий содействия (л. 2), приглашения на совещания (л. 43, 70), распоряжения о предоставлении списков духовенства (л. 111, 120–122), сопроводительное письмо к книге (л. 104).
№ 203	Калининский облисполком	4 письма	Официальные запросы и служебные записки с резолюциями	Запрос штатного расписания и перечня помещений (л. 1), служебная записка «Для сведения» (л. 46).
№ 208	Исполкомы (Старицкий, Торопецкий, Кимрский), Совет по делам религий, граждане и священнослужители	25 входящих и 14 учетных карточек	Ответы на запросы уполномоченного, пересылка обращений граждан, жалобы на духовенство	Проверка подписей (л. 20), пересылка жалоб на священников (л. 29, 67, 99, 114, 138, 146), жалоба на диакона Штупуна (л. 14–15), жалобы на священника Лебедева (л. 21–22, 74–76).
№ 211	Управление культуры, УВД, Госинспекция по охране памятников,	22 письма	Информация о нарушениях, запросы данных, письма читателей	Необходимость ремонта Тихвинской церкви (л. 4), конфликт с арендой Преображенской

[31] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 208. Л. 1.

	редакция газеты «Калининская правда»			церкви (л. 6), закрашивание живописи без согласования (л. 80–85), отклик читателя Семенова (л. 70), письмо Ирины К. с вопросами о церкви (л. 72)

В деле № 194 входящие документы (9 писем) из Совета по делам религий носят преимущественно директивный и инструктивный характер. Среди них указания по оформлению отчетности[32], разбор недостатков в работе комиссий содействия[33], приглашения на совещания[34], распоряжения о предоставлении списков духовенства и уточнении статистических данных[35], а также сопроводительное письмо к книге В.В. Клочкова «Борьба с нарушениями законодательства о религиозных культах»[36].

В деле № 203 входящие документы (4 письма) представлены официальными запросами и служебными записками с резолюциями. Например, письмо Калининского облисполкома с запросом о предоставлении штатного расписания и перечня необходимых помещений в связи с проектированием пристройки к зданию облисполкома[37].

В деле № 211 входящие письма (22 документа) позволяют увидеть, с какими вопросами к уполномоченному обращались другие организации. Государственная инспекция по охране памятников сообщает о необходимости ремонта Тихвинской церкви в с. Сукромны[38] и о конфликте, связанном с арендой Преображенской церкви кооперативом «Железняк»[39]. Управление культуры фиксирует нарушения при проведении ремонтных работ, в частности закрашивание живописи без согласования с Управлением культуры облисполкома и с Государственной инспекцией по охране памятников[40].

Особую группу входящих документов составляют письма граждан и священнослужителей, а также учетные карточки, фиксирующие поступление обращений. В деле № 208 насчитывается 14 учетных карточек за 1983–1984 гг. Карточки представляют собой листы формата А4, оформленные типографским способом, и содержат графы: порядковый

[32] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 194. Л. 1.
[33] Там же. Л. 2.
[34] Там же. Л. 43, 70.
[35] Там же. Л. 111, 120–122.
[36] Там же. Л. 104.
[37] Там же. Д. 203. Л. 1.
[38] Там же. Д. 211. Л. 4.
[39] Там же. Л. 6.
[40] Там же. Л. 80–85.

номер, дата поступления, адресат, автор, сущность обращения, принятые меры, кому и когда дан ответ.

Наиболее частые темы обращений – конфликты между священниками и членами церковных советов. Так, в учетной карточке № 34 от 27 сентября 1983 г. зафиксирована жалоба церковного совета Троицкой церкви в г. Бологое на диакона Штупуна, который, по словам заявителей, «подрался с регентом Анисимовым, оскорбляет, ругается с верующими»[41]. В приложенном письме[42] уточняется, что он «всеми распоряжается, дает власть рукам, всех оскорбляет».

Значительное количество обращений связано со священником Лебедевым в г. Торопце. В одной из учетных карточек (№ 30, 35 от 17 августа 1983 г.) председатель исполнительного органа Е.Н. Трофимова указывает, что он «систематически пьянствует, срывает службы»[43], и в приложенном заявлении[44] просит содействовать его переводу из прихода. В другой карточке (№ 1, 3, 8, 8-А от 1983 г.) зафиксирована жалоба на то, что священник «продолжает вмешиваться в финансово-хозяйственную деятельность» церкви[45], при этом в приложенном заявлении[46] подчеркивается, что он не признает председателя и угрожает отказом в причастии. Вместе с тем в деле имеется и противоположная позиция: в письме от 5 января[47] часть прихожан характеризует Лебедева как «доброго, честного и душевно чистого человека» и просит оставить его в приходе. Подобная практика обращения верующих напрямую к уполномоченному с жалобами на духовенство, минуя епархиальное начальство, была, как показывает Н.А. Дмитриев, довольно распространенным явлением в Калининской области на протяжении всего послевоенного периода[48].

Особый интерес представляют письма из редакции «Калининской правды» и приложения к ним. В одном из них[49] читатель выражает несогласие с позицией уполномоченного, настаивая на необходимости объективного освещения исторических событий. В другом письме[50] автор ставит под сомнение принцип отделения церкви от государства: «Если церковь отделена от государства, то почему она охраняется?», «Если из уважения к чувствам верующих, то почему это несовместимо со званием коммуниста?», «Почему попросту не закрывают действующие церкви и

[41] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 208. Л. 14.
[42] Там же. Л. 15.
[43] Там же. Л. 21.
[44] Там же. Л. 22.
[45] Там же. Л. 74.
[46] Там же. Л. 76.
[47] Там же. Л. 75.
[48] *Дмитриев Н.А.* Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области в период «церковного возрождения»: гонитель или помощник? // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 3(12). С. 75–76.
[49] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 211. Л. 70.
[50] Там же. Л. 72.

семинарии как рассадники обмана и мракобесия?». Уполномоченный дает развернутые ответы[51], ссылаясь на законодательство и подчеркивая, что государство не проводит и никогда не проводило насильственной атеизации.

Анализ различных видов переписки уполномоченного Совета по делам религий по Калининской области позволил сделать вывод о расширении его деятельности, а также об особенностях оформления входящих и исходящих писем. В 1960-е гг. переписка носила преимущественно отчетно-контрольный характер и велась с центральными органами. К середине 1980-х гг. усиливается взаимодействие с местными органами власти, организациями и гражданами. При этом формуляр документов практически не меняется: исходящие письма чаще оформляются без типографских бланков, тогда как входящие документы, наоборот, на типографских бланках.

Список литературы

Дроботушенко Е.В. Циркулярно-инструктивные письма Совета по делам религий уполномоченным как источник по истории православия в СССР в 1970-е годы // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2021. № 3(27). С. 224–230.

Дмитриев Н.А. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области в период «церковного возрождения»: гонитель или помощник? // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 3(12). С. 70–79.

Дата поступления рукописи в редакцию – 11.05.2026

Дата принятия рукописи в печать – 02.09.2026

[51] ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 3. Д. 211. Л. 73–74.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипов Егор Александрович – студент 3 курса направления «Документоведение и архивоведение» исторического факультета Тверского государственного университета.

Батенко Виктор Романович – студент 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Белякова Надежда Александровна – студентка 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Бойков Никита Сергеевич – студент 2 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Боровских Анна Дмитриевна – студентка 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Варежкина Вера Дмитриевна – студентка 3 курса направления «Документоведение и архивоведение» исторического факультета Тверского государственного университета.

Власов Никита Андреевич – студент 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Вязовченко Алена Владимировна – студентка 3 курса направления «Документоведение и архивоведение» исторического факультета Тверского государственного университета.

Горылев Александр Александрович – студент 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Гребенюк Сергей Павлович – студент 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Грибашова Алевтина Павловна – аспирант 2 курса специальности «Этнология, антропология и этнография» исторического факультета Тверского государственного университета.

Дергунов Сергей Игоревич – студент 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Дмитриева Александра Николаевна – аспирант 2 курса специальности «История науки и техники» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Дмитрук Максим Васильевич – студент 2 курса специальности «Регионоведение» исторического факультета Белорусского государственного университета.

Дудкина Софья Павловна – студентка 2 курса колледжа специальности «Правоохранительная деятельность» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Дыбочкин Игорь Олегович – студент 2 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Евдокимов Илья Александрович – аспирант 2 курса направления «Философия, этика и религиоведение» (специальность «История философии») кафедры философии и теории культуры Отделения общеуниверситетских кафедр Тверского государственного университета.

Ефремов Андрей Вячеславович – студент 5 курса направления «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки (история и обществознание)» исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (г. Орехово-Зуево).

Забелин Сергей Владимирович – аспирант 1 курса специальности «Отечественная история» Института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Забелина Екатерина Николаевна – аспирант 1 курса специальности «Этнология, антропология и этнография» исторического факультета Тверского государственного университета.

Иванов Дмитрий Александрович – студент 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Иванова Анастасия Игоревна – студентка 2 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Измайлов Андрей Романович – ученик 9 класса МБОУ Наро-Фоминская СОШ № 6 с углубленным изучением отдельных предметов, г. Наро-Фоминск.

Касаткин Олег Александрович – студент 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Касаткина Дарина Алексеевна – студентка 2 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Ковалева Анна Александровна – студентка 2 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Козлов Никита Андреевич – аспирант 3 курса, ассистент кафедры отечественной истории исторического факультета Тверского государственного университета.

Корнеев Максим Александрович – студент 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Корнилова Софья Кирилловна – студентка 2 курса направления «История» Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета.

Космачева Елизавета Михайловна – студентка 1 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Костюков Данила Сергеевич – студент 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Лавров Евгений Ильич – аспирант 1 курса специальности «Всеобщая история» исторического факультета Тверского государственного университета.

Левицкая Лидия Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Лепихова Анна Константиновна – студентка 2 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Лозинская Полина Владимировна – студентка 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Мамедова Наила Низами кызы – студентка 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Маслов Артем Юрьевич – студент 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Маслухина Маргарита Сергеевна – студентка 2 курса направления «История» Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета.

Молозева Дарья Михайловна – студентка 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Оралов Никита Евгеньевич – студент 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Павлов Андрей Александрович – студент 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Павлова Валерия Андреевна – студентка 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Полякова Виктория Алексеевна – студентка 1 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Рогозин Максим Витальевич – студент 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Ротчева Дарья Сергеевна – аспирант 1 курса специальности «Этнология, антропология и этнография» исторического факультета Тверского государственного университета.

Рябова Мирослава Сергеевна – студентка 1 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Садикова Анастасия Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Середова Елизавета Дмитриевна – студентка 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Сильченко Мария Дмитриевна – студентка 2 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Спиридонова Дарья Сергеевна – аспирант 2 курса специальности «Этнология, антропология и этнография» исторического факультета Тверского государственного университета.

Султанова Милана Муджаибовна – студентка 2 курса колледжа специальности «Юриспруденция» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Тиблевич Михаил Владимирович – студент 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Титанов Иван Алексеевич – студент 4 курса направления «Документоведение и архивоведение» исторического факультета Тверского государственного университета.

Титкова Элина Михайловна – аспирант 1 курса специальности «Всеобщая история» исторического факультета Тверского государственного университета.

Усманов Билолиддин – студент 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Утицких Наталья Викторовна – студентка 4 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Федорова Анна Юрьевна – студентка 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Федорова Елена Сергеевна – студентка 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Филиппова Дарина Сергеевна – студентка 3 курса направления «Документоведение и архивоведение» исторического факультета Тверского государственного университета.

Цветков Максим Александрович – студент 2 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Челедкова Таисия Максимовна – студентка 3 курса направления «История» исторического факультета Тверского государственного университета.

Чжан Сяолин – доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры Шанхайского политико-юридического университета.

Шрамченко Ольга Витальевна – студентка 2 курса колледжа специальности «Правоохранительная деятельность» Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Путь в науку:

материалы
Всероссийской (с международным участием)
научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Тверь, 16 апреля 2026 г.

Электронное издание

Составители: Д.Н. Воробьев, Т.Г. Леонтьева

Техническое редактирование и верстка: Д.Н. Воробьев

Подписано к использованию 20.10.2026.
Электронный образовательный ресурс. Заказ № 184.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.